

ДЖЕЙМС МАКФЕРСОН Ў ПОЭМЫ ОССИАНА

ДЖЕЙМС
МАКФЕРСОН
James Macpherson
ПОЭМЫ
ОССИАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

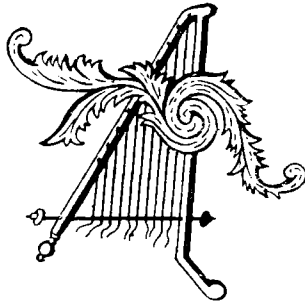
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

JAMES MACPHERSON

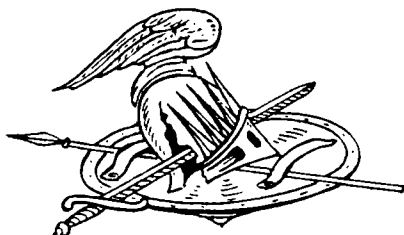
THE POEMS OF OSSIAN

ДЖЕЙМС МАКФЕРСОН

ПОЭМЫ ОССИАНА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
Ю. Д. ЛЕВИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Джигриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лизачев (председатель), А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор

академик

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Редактор перевода

Э. Л. ЛИНЕЦКАЯ

Джеймс Макферсон
Гравюра Джеймса Фитлера с портрета работы Джошуа Рейнольдса

F I N G A L,

A N

ANCIENT EPIC POEM,

In SIX BOOKS:

Together with several other POEMS, composed by

OSSIAN the Son of FINGAL.

Translated from the GALIC LANGUAGE;

By JAMES MACPHERSON.

Fortia facta patrum.

VIRGIL.

L O N D O N :

Printed for T. BECKET and P. A. De HONDT, in the Strand.

M DCC LXII.

«Фингал»
Титульный лист первого издания

ТОМ ПЕРВЫЙ

РАССУЖДЕНИЕ О ДРЕВНОСТИ И ДРУГИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭМ ОССИАНА, СЫНА ФИНГАЛА

Попытки проникнуть в древнейшую историю народов приносят человечеству скорее удовольствие, нежели действительную пользу. Изобретательным умам удастся, правда, привести в систему правдоподобные догадки и немногие известные факты, но когда речь идет о событиях весьма удаленных во времени, изложение их неизбежно становится туманным и неопределенным. Младенческому состоянию государств и королевств равно чужды и великие события, и средства поведать о них потомству. Науки и искусства, которые одни лишь способны сохранять достоверные факты, являются плодами благоустроенного общества. Только тогда начинают историки писать и предавать гласности достопамятные события. А деяния предшествующих веков остаются погребенными во мраке безвестности или же превозносятся недостоверными преданиями. Вот почему мы обнаруживаем столько чудесного в известиях о происхождении любого народа; потомки же всегда готовы верить самым баснословным рассказам, лишь бы они делали честь их предкам. Особенно отличались этой слабостью греки и римляне. Они принимали на веру самые нелепые басни, касающиеся глубокой древности их народов. Однако уже довольно рано у них появились хорошие историки, которые представили потомству в полном блеске их великие свершения. Только благодаря им стяжали греки и римляне ту непревзойденную славу, какой пользуются и поныне, тогда как великие свершения других народов либо искажены баснями, либо затерялись в безвестности. Разительный пример такого рода являют кельты. Хотя некогда они владели Европой от устья реки Обь в России * до мыса Финистерре, западной оконечности Галиции в Испании, история почти не упоминает о них. Свою славу они вверили песням бардов и преданиям, которые из-за превратности судеб давно уже утрачены. Единственный памятник, ими оставленный, это их древний язык. Следы его, обнаруживаемые в местах,

* Плиний [Естественная история], кн. 6.

весьма удаленных друг от друга, свидетельствуют лишь о том, сколь широко простирались их владения в древности, но проливают очень мало света на их историю.

Из всех кельтских народов тот, что владел древней Галлией, наиболее известен, причем не потому, по-видимому, что был достойнее других, а из-за своих войн с народом, имевшим историков, которые и передали славу своего противника, равно как и собственного народа, потомству. Лучшие авторы * свидетельствуют, что Британия была первой землей, заселенной галльскими кельтами. Ее расположение относительно Галлии делает такое утверждение вполне правдоподобным, но окончательно оно подтверждается общностью языка и нравов, распространенных среди жителей обеих стран во времена Юлия Цезаря.**

Первоначально галльские колонисты занимали часть Британии, расположенную напротив их страны, и, распространяясь на север по мере того, как множилось их число, они под конец заселили весь остров. Некоторые искатели приключений из тех частей Британии, что находятся в пределах видимости от Ирландии, переправились туда и стали родоначальниками ирландской нации; такое объяснение несравненно более правдоподобно, чем пустые басни о милезских и галицийских колониях. Диодор Сицилийский упоминает как вещь хорошо известную в его время, что жители Ирландии были первоначально бриттами,*** и это его свидетельство не вызывает сомнений, если учесть, что в течение стольких веков язык и нравы обоих народов были одинаковы.

Тацит же полагал, что древние каледонцы произошли от германцев. Однако язык и нравы, которые всегда преобладали на севере Шотландии и имеют несомненно кельтское происхождение, не позволяют принять мнение этого преславленного автора. Собственно германцы — это отнюдь не древние кельты. Правда, оба народа весьма сходствовали друг с другом своими обычаями и нравами, но языки у них были различные. Германцы являются прямыми потомками древних даев, известных впоследствии под именем даков, которые первоначально проникли в Европу через северные страны и поселились за Дунаем на обширных землях Трансильвании, Валахии и Молдавии, а оттуда постепенно перебрались в Германию.**** Кельты же несомненно основали в этой стране множество поселений, в которых сохраняли свои законы, язык и обычаи,***** и только от них, если какие-либо из поселений перебрались в Шотландию из Германии, и могли произойти древние каледонцы.

Но произошли ли каледонцы от кельтских германцев или от галлов, которые первые обосновались в Британии, при такой удаленности во времени это уже не имеет значения. Каково бы ни было их происхож-

* Цезарь [Записки о Галльской войне], кн. 5; Тацит, Жизнеописание Агриколы, кн. 1, гл. 2.

** Цезарь. Помпоний Мела. Тацит.

*** Диодор Сицилийский [Историческая библиотека], кн. 5.

**** Страбон [География], кн. 5.

***** Цезарь [Записки о Галльской войне], кн. 6. Лпвий, кн. 5; Тацит, Германия.

дение, мы обнаруживаем, что во времена Юлия Агриколы они были весьма многочисленны, а это дает основание полагать, что в Шотландии они поселились уже давно. Форма правления у них, как и во всех странах, где власть находилась в руках друидов, представляла собою смесь аристократии и монархии. Орден друидов, видимо, образовался на тех же началах, что и идейские дактилы и куреты у древних греков. Мнимое общение с небесами, колдовство и прорицания были одинаковы у тех и у других. Накопленные многовековым опытом знания природных явлений и свойств определенных предметов стяжали друидам великое уважение в народе. Почтительное отношение черни вскоре превратилось в благоговейное преклонение перед орденом, чем эти хитрые честолюбцы и воспользовались для того, чтобы вершить не только делами религии, но в какой-то мере и гражданскими делами. Общепризнано, правда, что они не злоупотребляли такой чрезвычайной властью: им настолько было важно сохранить репутацию святости, что они никогда не позволяли себе прибегать к жестокости или насилию. Вождам разрешалось следить за исполнением законов, но законодательная власть целиком находилась в руках друидов.* Только благодаря их влиянию удавалось сплотить в одну величайшей опасности все племена под единым начальством. Они избирали временного короля, или вергобрета,** который обычно слагал свои полномочия в конце войны. Долгое время священнослужители пользовались этой исключительной привилегией среди всех кельтских народностей, находившихся за пределами Римской империи. Однако в начале второго века их власть над каледонцами начала ослабевать. Поэмы, прославляющие Тратала и Кормака, предков Фингала, содержат многочисленные подробности, связанные с падением друидов, которым и объясняется полное молчание относительно их религии в поэмах, предлагаемых ныне читателям.

Из-за непрерывных войн с римлянами представители благородного сословия каледонцев перестали вступать в орден друидов, как это было принято раньше. Мало кто соблюдал заповеди их религии, чуждые народу, привыкшему к войне. Вергобрет, или верховный судья, избирался уже без согласия друидов или продолжал исполнять свою должность против их воли. Непрерывное пребывание у власти не только усиливало его влияние среди племен, но и позволяло ему передавать по наследству своим потомкам должность, которую сам он получил путем избрания.

Стремясь поддержать честь ордена, друиды воспользовались новой войной с *властителем мира*, как в поэмах образно именуется римский император, и попытались вернуть себе древнюю привилегию избрания вергобрета. По их поручению Кармал, сын Тарно, пришел к деду знаменитого Фингала, бывшему тогда вергобретом, и от имени ордена повелел ему сложить свои полномочия. Тот отказался, после чего вспыхнула междоусобная война, закончившаяся почти полным уничтожением ордена друидов. Немногие, кто уцелел, попрятались в темных лесных

* Цезарь [Записки о Галльской войне], кн. 6.

** Fer-gubreth — человек-судья.

убежищах и пещерах, где прежде обычно предавались размышлениям. Вот тогда-то, лишённые внимания света, они оказались в *круге камней*.¹ Последовало полное пренебрежение к их ордену и крайнее отвращение к обрядам. В такой обстановке общей ненависти религия друидов была предана забвению, и народ утратил даже отдаленное представление об их обрядах и церемониях.

Неудивительно, что Фингал и его сын Оссиан почти не упоминают друидов, открыто противившихся передаче им верховной власти по наследству. Но исключительность положения, надо признать, состоит в том, что в поэмах, приписываемых Оссиану, вообще нет никаких следов религиозных верований, тогда как поэтические сочинения других народов столь тесно связаны с мифологией. Это трудно понять тем, кто не знаком с воззрениями древних шотландских бардов, которые довели понятие воинской чести до крайних пределов. Считалось, что любая помощь, оказанная героям в сражении, умаляет их заслуги, и барды немедленно переносили славу подвига на того, кто эту помощь оказал.

Если бы Оссиан спустил на землю богов, чтобы помочь своим героям, как это часто делал Гомер, его поэма состояла бы не из прославления друзей, а из гимнов высшим существам. До сих пор те, кто пишет на гальском языке, редко упоминают бога в своей мирской поэзии; когда же они пишут непосредственно о религии, то никогда не позволяют себе напиговать свои сочинения подвигами героев. Уже этот обычай сам по себе, даже если бы религия друидов не была ранее уничтожена, может в какой-то мере объяснить молчание Оссиана по поводу верований его времени.

Сказать о каком-либо народе, что он вообще не имеет религии, это все равно что утверждать, будто составляющие его люди лишены разума. Предания праотцев, собственные наблюдения над созданиями природы, а также суеверия, присущие человеку, всегда и во все века вызывали в сознании людей представление о высшем существе. Поэтому в самые темные времена и среди наиболее диких народов даже простолудины имеют хотя бы слабое понятие о божестве. Мы были бы несправедливы к Оссиану, который ни в чем не проявляет умственной ограниченности, если бы решили, будто ему была чужда эта простая и величайшая из всех истин. Но во что бы ни веровал Оссиан, совершенно очевидно, что о христианстве он не имел никакого представления, поскольку в его поэмах мы не встретим ни малейшего намека на эту религию или какие-либо ее обряды; отсюда с несомненностью следует, что он жил в эпоху, предшествовавшую распространению христианства. Гонения, начатые Диоклетяном в 303 году, указывают нам наиболее вероятное время, к которому можно отнести первые проблески христианства на севере Британии. Человеколюбивый и кроткий нрав Констанция Хлора, возглавлявшего тогда римские войска в Британии, побудил преследуемых христиан искать убежища в его владениях. Некоторые из них, горя желанием проповедовать догматы своей веры или гонимые страхом, проникали за пределы Римской империи и обосновывались среди каледон-

цев, которые вполне были готовы внимать их учению, тем более что давно уже отвергли религию друидов.

Эти миссионеры то ли по своей склонности, то ли, быть может, желая придать большую важность учению, что они проповедовали, заняли обители и роши друидов, и за свой уединенный образ жизни получили прозвище *кульди*,* что на местном языке означало *уединенные люди*. С одним из таких кульди Оссиан, сказывают, уже в глубокой старости спорил о христианстве. Предание сохранило их спор, изложенный стихами, согласно обычаям того времени.² Полное неведение Оссиана относительно христианских догматов свидетельствует, что религия эта тогда только начала распространяться, ибо трудно себе представить, чтобы человек его положения совершенно не был знаком с вероучением, которое уже существовало в его стране сколько-нибудь продолжительный срок. Этот спор несет на себе несомненные признаки древнего происхождения. Старинные обороты и выражения, присущие тому времени, явно говорят о том, что перед нами не подделка. А если Оссиан застал лишь начало распространения христианства, как по всей видимости и было, то его эпохой следует считать вторую половину третьего и начало четвертого века. Содержащиеся в его поэмах упоминания соответствующих исторических событий уничтожают какие-либо сомнения на этот счет.

Первые подвиги юного Фингала совершены во время его войн против Каракула,** сына *властителей мира*. Посвященная этому поэма печатается в настоящем сборнике.³

В 210 году император Север, вернувшись из похода против каледонцев в Йорк, был постигнут недугом, от которого впоследствии умер. Его болезнь придала смелости каледонцам и майатам, и они взялись за оружие, стремясь вернуть утраченные владения. Разгневанный император повелел своим войскам вторгнуться в их страну и предать ее огню и мечу. Однако эти приказы плохо выполнялись, потому что войско возглавил его сын Каракалла, чьи помыслы были целиком поглощены надеждами на смерть отца и планами устранения своего брата Геты. Едва он вступил на землю противника, как пришла весть о смерти Севера. Сразу же заключается мир с каледонцами, и, по свидетельству Диона Кассия, земли, отнятые у них Севером, были им возвращены.

Неприятель Фингала Каракул есть не кто иной, как Каракалла, который, будучи сыном Севера, римского императора, чьи владения простирались чуть ли не по всему известному тогда миру, не без основания назван в поэмах Оссиана *сыном властителя мира*.⁴ Не так велик промежуток времени, отделяющий 211 год, когда умер Север, от начала четвертого века, чтобы сын Фингала Оссиан не смог увидеть христиан, которых преследования Диоклетиана изгнали за пределы Римской империи.

Оссиан в одном из своих многочисленных сетований по поводу смерти любимого сына Оскара упоминает в числе его великих подвигов войну

* Culdich.

** Carac'huil — грозное око. Carac-healia — грозный взгляд. Carac-challamh — вид верхней одежды.

против Кароса, властителя кораблей, на берегах излучистого Каруна.* Более чем вероятно, что названный Карос — это известный узурпатор Каравзий, который провозгласил себя императором в 287 году и, захватив Британию, одержал победу над императором Максимианом Геркулием в нескольких морских сражениях: поэтому в поэмах Оссиана он вполне уместно назван *властителем кораблей*.⁵ *Излучистый Карун* — это небольшая речка, до сих пор сохраняющая название Каррон и протекающая по соседству с валом Агриколы; Каравзий восстанавливал этот вал для того, чтобы воспрепятствовать вторжению каледонцев. Войны с римлянами упоминаются и в других поэмах, но эти два указания, о которых мы только что говорили, совершенно определенно относят время Фингала к третьему столетию, и это вполне согласуется с данными ирландских историков, считающих, что Фингал, сын Комхала, умер в 283 году, а Оскар и их прославленный Карбар — в 296 году.

Кто-нибудь, возможно, предположит, что ссылки на римскую историю были искусно вставлены в поэмы, чтобы придать им видимость древности. В таком случае эта подделка была совершенна не менее трех веков назад, поскольку места, содержащие такие ссылки, часто упоминаются в сочинениях того времени.

Всем известно, какой мрак невежества и варварства тяготел над северной частью Европы триста лет назад. Опутанные суевериями, умы человеческие были обречены на духовную узость, пагубную для гения. Соответственно и сочинения того времени оказываются при ближайшем рассмотрении до крайности убогими и ребяческими. Но допустим, что вопреки неблагоприятным условиям века гений все-таки появился; тогда нелегко понять, что же побудило его приписать славу своих сочинений веку столь отдаленному. Во всех его творениях мы не обнаружим ничего, что соответствовало бы некоему замыслу, который мог бы взлелеять человек, живший в пятнадцатом столетии. Но если даже предположить, что какой-то поэт, движимый прихотью или соображениями, непонятными нам при такой удаленности во времени, приписал собственные сочинения Оссиану, то почти невероятно, чтобы ему удалось провести своих соотечественников, когда все они были так хорошо знакомы с поэтическими преданиями старины.

Наиболее серьезное возражение против подлинности поэм, представленных ныне читателям под именем Оссиана, состоит в том, что возможность сохранения их в устном предании на протяжении стольких веков представляется невероятной. Времена варварства, скажут нам, не могли создать поэмы, проникнутые теми бескорыстными и великодушными чувствами, какие отличают сочинения Оссиана. А если бы даже и смогли их создать, то уже совсем невозможно, чтобы эти поэмы не были утрачены или совершенно испорчены длинной чередой невежественных поколений.

Такие возражения сами собой напрашиваются людям, не знакомым с древней историей северной части Британии. Барды, составлявшие низ-

* Car-avon — излучистая река.

ший разряд друидов, не разделили их плачевной судьбы. Король-победитель их пощадил, так как только при их помощи мог он рассчитывать на бессмертие своей славы. Они сопровождали его в походах и своими песнями способствовали утверждению королевской власти. Его подвиги так превозносились, что простонародье, неспособное само составить правильное мнение о нем, было одурманено его прославлением в стихах бардов. В то же время люди проникались чувствами, какие редко можно встретить в век варварства. Барды, которые первоначально были последователями друидов, приобщенные к учению этого прославленного ордена, обрели широту взгляда и возвышенные идеи. Они могли создать в своем воображении совершенного героя и приписать его достоинства государю. Младшие вожди стремились в своем поведении подражать этому идеальному образу и постепенно настраивали свой ум в соответствии с возвышенным духом, пронизывающим всю поэзию того времени. А государь, которому льстили барды и с которым соперничали его же витязи, подражавшие тому образу, какой был представлен в панегириках поэтов, старался превзойти свое войско достоинствами настолько, насколько он возвышался над ним по положению. Такое взаимное соперничество продолжалось долгое время и образовало в конце концов национальный характер, счастливо сочетавший все, что есть благородного в диком состоянии, с добродетелью и великодушием просвещенного народа.

Когда отличительными чертами народа являются добродетель в мирное время и храбрость в годину войны, его деяния приобретают значение, а слава становится достойной бессмертия. Благородные деяния воспламеняют возвышенный дух, и он стремится их увековечить. Это и есть истинный источник того божественного вдохновения, на которое притягивали поэты всех времен. Когда же они обнаруживали, что предмет не соответствует пылу их воображения, они приукрашивали его небылицами, почерпнутыми из собственной фантазии или из нелепых преданий. Как ни смехотворны эти небылицы, они, однако, имели своих приверженцев, а последующие поколения либо слепо в них верили, либо, побуждаемые естественным человеческим тщеславием, делали вид, что верят. Им нравилось относить начало своей родословной к тем баснословным временам, когда поэзия, не опасаясь возражений, могла наделять своих героев какими угодно достоинствами. Вот этому-то тщеславию мы и обязаны сохранением того, что осталось от творений Оссиана. Благодаря его поэтическому дарованию герои его обрели славу в стране, где героизм окружено таким почетом и восхищением. Потомки этих героев или те, кто приписывал себе происхождение от них, с удовольствием выслушивали панегирики своим предкам; барды должны были повторять эти поэмы и свидетельствовать, что их покровители связаны со столь прославленными вождями. Со временем каждый вождь завел себе домашнего барда, и эта должность в конце концов стала наследственной. При такой преемственности барды передавали из поколения в поколение поэмы, воспевающие предков своего властителя; их исполняли перед всем кланом в торжественных случаях и на них всегда ссылались в новых сочинениях. Этот обычай соблюдался почти до нашего времени, и,

когда должность бардов была упразднена, многие члены клана сохраняли в памяти или записывали их сочинения, обосновывая древность своих родов свидетельствами поэм.

Письменность на севере Европы не была известна еще долгое время после того, как там утвердились барды; сведения о родословной их покровителей и их собственной, а также более древние поэмы — все это сохранялось в устном предании. Их поэтические сочинения были прекрасно приспособлены к этой цели. Они были положены на музыку, и при этом между текстом и мелодией устанавливалась самая совершенная гармония. Каждый стих был так тесно связан с предшествующими или последующими стихами, что, если человек помнил хотя бы одну строчку в строфе, ему было почти невозможно забыть остальные. Ритмические единицы развивались в столь естественной последовательности, а слова так точно соответствовали обычным изменениям голоса, настроенного на определенный тон, что, хорошо зная мотив, было почти невозможно подменить одно слово другим. Эта великолепная гибкость присуща кельтскому языку, и, по-видимому, ни один другой язык не может в этом отношении с ним сравниться. К тому же такой отбор слов нимало не затемняет смысла и не ослабляет выразительности. Гибкость системы согласных звуков и разнообразие окончаний при склонении делают этот язык особенно богатым.

Потомки кельтов, населявшие Британию и ее острова, не были одиоки в своем способе сохранения наиболее ценных памятников своего народа. Древние законы греков, облеченные в стихотворную форму, передавались последующим поколениям в устном предании. Спартанцы за долгое время так пристрастились к этому обычаю, что даже не разрешали записывать свои законы. Подобным же образом сохранялись рассказы о подвигах великих мужей и панегирики королям и героям. Все исторические памятники древних германцев заключены в их старинных песнопениях,* которые представляют собою либо гимны богам, либо погребальные песни, славящие героев; они должны были увековечить тщательно вплетенные в них сведения о великих событиях в истории народа. Такие сочинения не записывались, но сообщались в устном предании.** Усилия, какие прилагали германцы, чтобы дети заучивали поэмы наизусть, многовековой обычай повторять их в определенных случаях, удачный стихотворный размер — все это способствовало длительному сохранению поэм в неискаженном виде. Изустные хроники германцев не были забыты в восьмом веке и, возможно, сохранились бы и до наших дней, если бы тому не помешало распространение учености, считающей небылицами все, что не было записано. Между тем как раз на основе поэтического предания Гарсиласо составил свое известие о перуанских инках. Перуанцы к тому времени утратили уже все прочие памятники своей истории, и только из древних поэм, которым обучила его в детстве мать, происходившая из рода верховных инков, он

* Тацит, Германия.

** Аббат де Ла Блетери, Заметки о Германии.

смог извлечь материалы для своего сочинения. И если другим народам, которые, часто подвергаясь вражеским нашествиям, селились колониями в иных краях и допускали к себе иноземцев, если им все же удавалось на протяжении многих веков сохранять в устном предании неискаженными свои законы и историю, то тем более вероятно, что древние шотландцы — народ, не смешивавшийся с чужестранцами и столь приверженный к памяти предков, — сохранили в великой чистоте сочинения своих бардов.

Кое-кому может показаться странным, что поэмы, которыми восхищались многие столетия в одной части королевства, оставались доселе неизвестными в другой его части и что британцы, тщательно выискивающие создания гения у других народов, так долго оставались в неведении о собственных сокровищах. Тут во многом повинны те, кто, зная оба языка, не пытались заняться переводом. Но они, будучи знакомы только с разрозненными отрывками поэм, или же из скромности, которой, возможно, благоразумия ради следовало бы подражать и нынешнему переводчику, не надеялись сделать творения своих бардов привлекательными для английского читателя. По форме эти творения так отличаются от распространенных поэм, а заключенные в них мысли так ограничены еще весьма неразвитым состоянием общества, что, казалось, им не хватает разнообразия, способного удовлетворить просвещенный век.

Того же мнения долго придерживался и переводчик следующего ниже сборника, и, хотя он давно уже восхищался поэмами в подлиннике и даже записал некоторые из них для собственного удовольствия, он не питал ни малейшей надежды увидеть их в английском облачении. Он чувствовал, что сила и характер обоих языков весьма различны и почти невозможно передать гэльскую поэзию сколько-нибудь сносными английскими стихами; о прозаическом переводе он и не помышлял, полагая, что в нем неизбежно утратится величие подлинника.

Поэтому весьма возможно, что творения Оссиана продолжали бы и впредь оставаться в безвестности утраченного языка, если бы некий джентльмен, который сам стяжал известность в поэтическом мире,⁶ не настоял бы, чтобы издатель настоящего сборника сделал ему буквальный перевод какого-либо отрывка. Он одобрил полученный образец, и через него копии попали в руки некоторых людей со вкусом в Шотландии.

Многочисленное переписывание и исправления, внесенные людьми, считавшими, что улучшают поэмы, обновляя их идеи, испортили их до такой степени, что переводчик был вынужден внять настоятельным просьбам одного джентльмена, заслуженно почитаемого в Шотландии за свой вкус и знание изящной литературы,⁷ и издать подлинники копии под заглавием «Отрывки старинных стихотворений». Эти отрывки при первом же своем появлении удостоились таких похвал, что несколько человек высокого положения, равно как и вкуса, уговорили переводчика совершить путешествие на север Шотландии и на западные острова для собирания того, что сохранилось еще из творений Оссиана, сына Фингала, лучшего, равно как и древнейшего из тех, кто прославлен в преда-

нии за свой поэтический дар. Подробности этого путешествия были бы утомительны и неинтересны; достаточно сказать, что после шестимесечных странствий переводчик собрал, пользуясь устным преданием и несколькими рукописями, все поэмы, представленные в следующем ниже сборнике; кроме того, в его распоряжении находится еще несколько произведений, правда, менее полных из-за разрушительного действия времени.

Содержанием поэмы, открывающей сборник, служит не самый великий или прославленный из подвигов Фингала. Войны его были весьма многочисленны, и каждая из них доставляла тему, вдохновлявшую гений его сына. Но, за исключением данной поэмы, другие произведения в значительной мере утрачены и в распоряжении переводчика находятся лишь несколько отрывков из них. Во многих местах еще сохранились устные рассказы о событиях, которым посвящены эти поэмы, а многие из ныне живущих еще слышали в юности их исполнение.

Печатающаяся сейчас в полном виде поэма, вероятно, разделила бы в недалеком будущем судьбу остальных. Духовная жизнь шотландцев претерпела огромные изменения за несколько последних лет. Открылось сообщение с остальной частью острова, а распространение торговли и мануфактур поглотило то свободное время, которое прежде посвящалось слушанию и повторению поэм древних времен. Многие жители уже научились покидать свои горы и искать счастья в более мягком климате, и хотя не совсем угасшая *amor patriae** может иной раз вернуть их назад, они успевают за время своего отсутствия так набраться чужеземных привычек, что начинают презирать обычаи своих предков. Барды давно позабыли свое призвание, а родовой дух значительно ослабел. Люди теперь менее преданы своим вождям, и кровному родству не придается особого значения. Когда утверждает частная собственность, человеческий ум сосредоточивается на удовольствиях, какие она доставляет. Он уже не обращается назад к древности и не заглядывает вперед в грядущие века. Он поглощен растущими житейскими заботами, и деяния иных времен его не занимают. Вот почему интерес к древней поэзии находится в состоянии глубокого упадка среди горцев. Они, однако, не совсем огринули добродетели своих предков и поныне отличаются гостеприимством, равно как и необычайной обходительностью с чужеземцами. Дружба здесь нерушима, зато мщение уже не осуществляется так слепо, как прежде.

Говорить о поэтическом достоинстве представленных ниже поэм значило бы предварять суждения читателей. О переводе же можно только сказать, что он выполнен буквально и по возможности просто. В нем воспроизведено расположение слов подлинника и соблюдены стилистические инверсии. Коль скоро переводчик не приписывает своему переложению никаких достоинств, он надеется на снисходительность публики к его возможным промахам. Он хотел бы, чтобы созданное им несовершенное подобие не вызвало предубеждения света против оригинала, который соединяет все, что есть прекрасного в простоте и величавого в возвышенном.

* [Любовь к родине (*лат.*)].

Фингал,

ДРЕВНЯЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА В ШЕСТИ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ПЕРВОЙ

Кухулин (глава ирландских племен в пору несовершеннолетия Кормака, короля Ирландии), сидящий в одиночестве под деревом у врат Туры, замка в Ольстере (другие вожди отправились охотиться на соседнем холме Кромле), узнает от одного из своих дозорных, Морана, сына Фпхила, о высадке Сварана, короля Лохлина. Кухулин созывает вождей на совет, где разгорается спор, следует ли сразиться с неприятелем. Коннал, вождь Тогормы и закадычный друг Кухулина, предлагает отступить и дожидаться прибытия Фингала, короля каледонцев, живущих на северо-западном побережье Шотландии, к которому уже обратились за помощью. Но Калмар, сын Маты, властителя Лары в провинции Коннахт, настаивает на немедленной схватке с неприятелем. Кухулин, сам желающий сразиться, берет сторону Калмара. Выступив навстречу противнику, он замечает отсутствие

трех храбрейших своих ратников: Фергуса, Духомара и Катбата. Тут приходит Фергус и рассказывает о смерти двух других вождей; таким образом, введена трогательная повесть о Морне, дочери Кормака-карбара. Сваран видит вдали войско Кухулина и посылает сына Арно разведать действия неприятеля, а сам тем временем приводит свои силы в боевой порядок. Сын Арно, вернувшись к Сварану, описывает ему колесницу Кухулина и ужасный облик этого героя. Завязывается сражение, но ночь наступает прежде, чем решен его исход. Кухулин, согласно правилам гостеприимства тех времен, посылает своего барда Карила, сына Кинфены, пригласить Сварана на пир. Сваран отказывается прийти. Карил рассказывает Кухулину предание о Грударе и Брасолис. По совету Коннала послан отряд для наблюдения за неприятелем, и на этом заканчиваются события первого дня.

Кухулин * сидел у стен Туры под сенью листвы шелестящей. Ко мшистой скале прислонил он копье. На траве лежал его щит. Когда он ду-

* Cuchullin, или, вернее, Cuth-Ullin — *голос Уллина*, — поэтическое имя, данное бардами сыну Семо, потому что он командовал войсками провинции Ольстер

мал о могучем Карбаре,* герое, которого в битве сразил он, пришел с океана дозорный,** Моран, сын Фихила.***

«Восстань, — сказал юноша, — Кухулин, восстань: я зрел кораблю Сварана. Кухулин, много у нас врагов, много героев мрачно-бурного моря».

«Моран, — ответил вождь синеокий, — ты вечно трепещешь, сын Фихила! Твой страх приумножил число врагов. А это, быть может, король холмов одиноких**** спешит мне помочь на зеленых просторах Уллина».

«Я зрел их вождя, — говорит Моран, — он высок, как скала ледяная. Копье его, словно ель опаленная, щит, как луна восходящая. Он сидел на прибрежной скале, а вокруг теснилось тучами его темное воинство. „Много, вождь мужей, — сказал я, — много у нас дланей войны. Ты по праву зовешься Могучим Мужем, но многих могучих мужей мы зрели с открытых ветрам стен Туры“.

Как прибой, бьющий о скалы, отвечивал он: „Кто в этом краю сравнится со мной? Героям не устоять против меня: их повергает во прах моя длань. Никто не может противоборствовать Сварану, кроме Фингала, короля грозových холмов. Некогда мерялись мы силами с ним на вересковой пустоши Малмора,***** и наши стопы повергали деревья».

(Уллия) в войне с фирболгами или белгами, населявшими провинцию Коннахт. Кухулин еще в ранней юности женился на Брагеле, дочери Сорглана, и, переселившись в Ирландию, жил некоторое время вместе с Конналом, внуком по материнской линии Конгала, властителя Ольстера. Благодаря своей мудрости и доблести он вскоре стяжал себе такую славу, что был избран опекуном несовершеннолетнего Кормака, верховного короля Ирландии, и единоначальником в войне против Сварана, короля Лохлина. Совершив множество великих подвигов, он пал в бою где-то в Коннахте на двадцать седьмом году жизни. Он был так могуч, что сила его вошла в поговорку и про сильного человека говорят: «Могуч, как Кухулин». В Дунскехе на острове Скай показывают руины его дворца, а камень, к которому он привязывал своего пса Луата, до сих пор носит его имя.

* Cairbar, или Cairbre, означает *сильный человек*.

** Кухулин, уже извещенный о вторжении, которое замыслил Сваран, разслал разведчиков по всему побережью Уллина, или Ольстера, дабы они сразу же заметили появление неприятеля, и одновременно послал Мунана, сына Стирмала, просить Фингала о помощи. Сам он собрал цвет ирландского юношества в прибрежном замке Туре, рассчитывая задержать продвижение врага до прибытия Фингала из Шотландии. Такое раннее обращение Кухулина к иноземной помощи позволяет заключить, что ирландцы в то время не были столь многочисленны, как впоследствии, и это служит важным доводом против утверждения, будто этот народ существовал в глубокой древности. По свидетельству Тацита, во времена Агриколы считалось, что один легион способен подчинить весь остров римскому владычеству, а это вряд ли было бы возможно, будь он заселен на несколько веков раньше.

*** Моран означает *множество*, а Fithil, или, вернее, Fili, — *младший бард*.

**** Фингал, сын Комхала и Морны, дочери Тадду. Дедом его был Тратал, а прадедом Тренмор, часто упоминаемые в поэме. Согласно преданию, у Тренмора было два сына: Тратал, которому он передал королевство Морвен, и Конар, прозванный бардами *Конар великий*; последний был избран королем всей Ирландии и являлся предком Кормака, занимавшего ирландский престол во время вторжения Сварана. Вероятно, здесь уместно отметить, что в имени «Фингал» ударение стоит на последнем слого.

***** Meal-mór — *большой холм*.

Утесы рушились с мест своих, а ручьи меняли течение, с рокотом убегая от нашего единоборства. Три дня мы вновь начинали наше сражение, и герои, дрожа, стояли поодаль. А на четвертый день Фингал говорит, что пал король океана. Но Сваран отвечает: он устоял! Так пусть же мрачный Кухулин покорится тому, кто силен, как бури Малмора“».

«Нет, — отвечал синеокий вождь, — смертному не покорюсь я вовек. Мрачный Кухулин возвеличится или умрет. Ступай, сын Фихила, возьми мое копые. Ударь в звонкий щит Катбата.* Он висит на скрипучих воротах Туры. Не мир, а войну возвещает голос его. Герои мои на холме услышат его».

Он пошел и ударил в горбатый щит. Горы и скалы откликнулись. Гул прокатился по лесу; вздрогнули серны на оленьем озере. Курах** спрыгнул со звонкой скалы и Коннал, копыеносец кровавый. Высоко вздымается снежная грудь Кругала.*** Сын Фави уже не преследует лань темно-бурую. «Это щит брани», сказал Роннар. «Это копые Кухулина», сказал Лугар. Сын моря, надень доспехи! Калмар, подыми звонкую сталь! Пуно, герой вселяющий ужас, восстань! Карбар, приди от багряного дерева Кромлы! Согни колено белое, Эт, и спустись с потоков Лены! Распрями свое белое тело, Ка-олт, когда будешь идти по свистящему вереску Моры: тело твое белее, чем пена бурлящего моря, когда мрачные ветры взметают ее на гремучие скалы Кутона.****

И вот я вижу вождей, гордых свершенными подвигами. Души их возжены памятью о битвах старинных и деяньих минувших времен. Глаза их, сверкая огнем, ищут врагов отчизны. Могучие длани сжимают мечи, и латы стальные мечут молнии. Словно потоки горные хлынули они, с ревом бросился каждый со своего холма. Сверкают вожди брани в доспехах предков своих. Темные, мрачные, следуют за ними ратники, словно стаи туч грозowych позади метеоров багряных. Оружия лязг все громче звучит. Серые псы завывают рядом. Нестройно врывается песнь боевая, и отвечает эхом скалистая Кромла.***** На сумрачном вереске Лены стояли они, словно туман, застилающий горы осенние, когда темными ключьями оседает он на вершинах и подьмет главу к небу.*****

«Привет вам, — сказал Кухулин, — тесных долин сыны, привет вам, ловцы олений. Другая охота близится, словно темные волны, хлынувшие

* Sabait или, вернее, Cathbait, дед героя, так прославился своей доблестью, что потомки пользовались его щитом, когда надо было оповестить сородичей о военной опасности. Как мы увидим, Фингал также воспользовался своим щитом в 4-й книге. Пока не изобрели волынку, чтобы созывать войско, обычно трубили в рог.

** Cu-gaosh — означает *безумство битвы*.

*** Cruth-geal — *белотелый*.

**** Cu-thón — *печальный звук волн*.

***** Crom-leach — это место, где друиды поклонялись своим богам. Здесь — название холма на берегу Уллина, или Ольстера.

... тучам подобные, кои Кроннон
В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
Черные ставит незыбно.

на берег. Будем ли биться мы, брани сыны, или сдадим мы Лохлину зеленый Инис-файл?* Говори же, о Коннал,** первый из мужей, крушитель щитов! Часто ты бился с Лохлином, так подымешь ли вновь копье отца своего?»

«Кухулин! — спокойно ответил вождь, — остро копье Коннала. Любо ему сверкать в бою, обгагрывая кровью тысяч. Но, хотя к сражению тянется длань, сердце мое желает мира для Эрина.*** Ты — первый в войсках Кормака, так погляди же на черный флот Сварана. Неисчислимы мачты его у наших берегов, как тростники на озере Лего. Суда его, словно леса, туманом одетые, когда под порывистым ветром одно за другим клонятся долу деревья. Много вождей боевых у него. Коннал желает мира. Даже Фингал, первый меж смертных, уклонился бы от десницы Сварапа, Фингал, кто подвергает могучих, как бурные ветры — вереск, когда потоки с ревом несутся по гулким склонам Коны и ночь, окруженная тучами, нисходит на холм».

«Беги же, вождь-миролюбец, — промолвил Калмар,**** сын Маты, — беги, Коннал, к тихим своим холмам, где никогда не сверкало битвы копье. Гоняйся за темно-бурным оленем Кромлы и рази стрелами пугливых косуль Лены. Но ты, Кухулин, синеокий сын Семо, властитель брани, расточи сынов Лохлина***** и ворвись в ряды их гордыни. Да не посмеют корабли Снежного царства носиться по мрачным валам Инис-тора.***** Подуйте, о вы, мрачные ветры Эрина! взревите, вихри вересковых пустошей! Пусть я погибну в бурю, восхищенный на грозовую тучу гневными тенями мужей; да сгинет Калмар в буре, если охота была мплее сердцу его, нежели битва щитов».

«Калмар, — неспешно ответил вождь, — я никогда не бежал, о сын Маты. Я летел на битву вместе с друзьями, но мала еще слава Коннала. На моих глазах побеждали доблестные и выигрывали битву. Но, сын Семо, внемли моему гласу, чти древний трон Кормака. Отдай сокровища и половину земель за мир, пока не придет Фингал со своим воинством. Но если ты избереешь войну, тогда и я подыму копье и меч. Радостно быть мне среди тысяч, и душа моя озарится во мраке сраженья».

* Так называлась Ирландия по имени расположенного там поселения Falans. Innis-fail, т. е. остров Fa-il или Falans.

** Коннал, друг Кухулина, был сыном Кайтбата, владельца Тогормы, или острова синих волн, возможно, одного из Гебридских островов. Матерью его была Фюнккома, дочь Конгала. У него был сын от Фобы из Конахар-нессара, который впоследствии стал королем Ольстера. За помощь, оказанную в войне против Сварана, ему были пожалованы земли, которым по его имени дано название Tir-chonnail или Tir-connell, т. е. земля Коннала.

*** Egin, название Ирландии, происходит от eag, или iag, — запад и in — остров. Оно прилагалось не только к Ирландии, поскольку весьма возможно, что у древних слово Iegne означало Британию севернее Форты. Ведь сказано, что Иерие находится севернее Британии, а это не может относиться к Ирландии (Страбон, кн. 2 и 4).

**** Cáltn-eg — сильный человек.

***** Гальское название Скандинавии в целом; в более узком значении — название Ютландского полуострова.

***** Innis-tore — остров китов, древнее название Оркнейских островов.

«Любо мне бряцанье оружия, — отвечает Кухулин, — любо, как гром небесный перед весенней грозой. Но созовите же все племена прославленные, да узрю я сынов брани. Пусть пройдут они по равнине, сверкая, как солнечный луч пред бурей, когда восточный ветер собирает тучи и дубы Морвена вторят эхом вдоль берегов.

Но где мои боевые друзья, сподвижники десницы моей в грозный час? Где же ты, белогрудый Катбат? Где грозовая туча войны, Духомар? * И мог ли ты покинуть меня, о Фергус,** в день бури? Фергус, первый на веселом пиру нашем, сын Россы, десница смерти! сходишь ли к нам ты, как косуля с Малмора, как олень с гулкозвучных холмов?*** Привет тебе, сын Россы! что омрачает ныне душу война?»

«Четыре камня высятся на могиле Катбата,**** — отвечивал вождь. — Эти руки предали земле Духомара, грозовую тучу войны. Катбат, сын Тормана, ты был лучом солнечным на холме. А ты, о бесстрашный Духомар, ты был как туман над болотистым Лано, когда он плывет по осенним равнинам и приносит смерть людям. Морна, прекраснейшая из дев! покоен твой сон в скалистой пещере. Ты сокрылась во мраке, как звезда, что прорезает небо пустыни, и одинокий путник скорбит о мимо-летном луче».

«Поведай, — сказал синеокий сын Семо, — поведай, как пали вожди Эрина? Сражены ли они сынами Лохлина в геройской битве или иное злосчастье заточило вождей Кромлы в темный и тесный дом?» *****

«Катбат, — ответил герой, — пал от меча Духомара под дубом потока шумного. Духомар пришел в пещеру Туры и сказал любезной Морне:

„Морна,***** прекраснейшая из женщин, любезная дочь Кормакарбара. Почему ты сидишь среди камней, одна в скалистой пещере? Хрипло рокочет поток. Стонет под ветром старое дерево. Пред тобой возмущенное озеро и мрачны тучи на небе. Но ты, словно снег на вереске, и кудри твои, как туман Кромлы, когда клубится он на скалах и сияет в лучах заката. Груды твои, как две гладких скалы среди многоводного Бранно; руки твои, как два белых столпа в чертогах Фингала могучего“.

„Откуда, — спросила белорукая дева, — откуда пришел ты, Духомар, самый угрюмый из смертных? Сумрачно и ужасно твое чело. Что обращаешь ты очи багровые? Разве Сваран явился на море? Что слышать о врагах, Духомар?“

* Dubhchomar — *черный человек крепкого сложения.*

** Fear-guth — *человек слова или военачальник.*

*** Будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.

Песнь песней Соломона [II, 17].

**** Тут подразумевается обряд погребения у древних шотландцев. Они рыли могилу в шесть-восемь футов глубины, покрывали дно чистой глиной и на нее клали тело умершего и, если он был воином, рядом с ним меч и наконечники двенадцати стрел. Мертвеца покрывали еще одним слоем глины, в который укладывали олений рог — символ охоты. Потом яму засыпали землей и по краям ставили четыре камня для обозначения границ могилы. Эти четыре камня и упоминаются здесь.

***** Могила. — Дом, назначенный всем живущим. Иов.

***** Muirne или Moirna — *женщина, всеми любимая.*

„С холма я вернулся, о Морна, с холма темно-бурых ланей. Трех застрелил я из тугого лука. Трех загравили мои охотничьи псы быстроногие. Любезная дочь Кормака-карбара, люблю я тебя, как душу свою. Оленя царственного я сразил для тебя. Высоко вздымал он ветвистую голову и быстры, как ветер, были ноги его“.

„Духомар, — спокойно ответила дева, — я не люблю тебя, угрюмый муж. Каменное сердце твое жестоко, и ужасное чело твое мрачно. Тебе, Катбат, тебе, сын Тормана,* отдала любовь свою Морна. Ты словно луч солнца на холме в сумрачный день ненастья. Не встретил ли ты любезного сына Тормана на холме его ланей? Дочь Кормака ждет здесь прихода Катбата“.

„И долго придется ждать Морне, — сказал Духомар, — ибо кровь его на моем мече. Долго придется ждать Морне Катбата. Он пал у потока Бранно. Высоко на Кромле я воздвигну ему могильный холм, о дочь Кормака-карбара. Отдай же свою любовь Духомару; как буря, сильна его десница“.

„Значит сражен сын Тормана? — молвила дева, обливаясь слезами. — Сражен на гулкой своей пустоши юноша снежногрудый? Тот, что был первый в охоте на холме, гроза пришлецов заморских! Поистине мрачен ты, Духомар,** и жестока для Морны десница твоя. Но дай мне тот меч, враг мой, любезна мне Катбата кровь“.

Он отдал меч, уступая ее слезам, но она пронзила его отважную грудь. Пал он, как камень, отторгнутый горным потоком. Руку протер и молвил.

„Дочь Кормака-карбара, ты сразила Духомара. Холоден меч в груди моей, Морна, я чувствую холод его. Отдай меня деве Мойне;*** Духомаром грезила она по ночам. Она воздвигнет мне могильный холм, и охотник, узрев его, восславит меня. Но вынь же меч из груди моей, Морна, сталь холодна“.

Она подошла, обливаясь слезами, она подошла и вынула меч из груди его. Он вонзил сталь в ее белое тело, и рассыпались по земле ее золотые кудри. Кипучая кровь струится из раны и багрит ее белые руки. Трепетом смерти объята, лежала она, и отзывалась пещера Туры на ее стенанья».

«Да почуют в мире, — сказал Кухулин, — души героев; велики были деяния их в грозный час. Так пусть же на тучах летают они вокруг меня**** и являют мне воинственные лики свои, чтобы тверда была душа моя в час опасности, а десница подобна грому небесному. Но ты явись мне в лунном луче, о Морна, да узрю я тебя в окне в час моего отдыха, когда мирными станут мысли мои и отзвучит бряцанье оружия. А сейчас собиравайте силы племен наших и пойдете на бой за Эрин. Будьте рядом

* Torman — *зром*. Отсюда происходит имя Юпитера Тарамиса у древних.

** Она подразумевает значение его имени — *мрачный человек*.

*** Moina — *нежная душой и телом*.

**** Тогда считалось (а некоторые горцы считают и поныне), что души усопших летают вокруг своих живых друзей и иногда являются им, когда те замысливают великие свершения.

с моей боевой колесницей, пусть ваш бодрый клич сольется со стуком ее колес. Положите возле меня три копья. Следуйте за моими скакунами, дабы душа моя крепла в друзьях моих, когда мрак битвы сгустится вокруг сиянья моей стали».

Как источник пенистый свергается с затененной мрачной кручи Кромлы,* когда катится по небу гром и темная ночь скрывает половину холма, так яростны, так ужасны ринулись неисчислимы сыны Эрина. Вождь их словно кит океанский, за которым стремятся волны, источает водометом доблесть свою и разливает по берегу могущество.

Сыны Лохлина слышали шум, подобный реву потока зимнего. Сваран ударил в щит свой горбатый и кликнул сына Арно. «Что за жужжанье с холма несется, точно мушиный рой летит ввечеру? Нисходят ли долу сыны Инис-файла или шумные ветры стонут в лесу отдаленном? Так ропщет Гормал пред тем, как волны подымут белые гребни. О сын Арно, взойди на холм и обозри темный облик вересковой пустоши».

Он пошел и быстро вернулся, дрожа. Дико блуждали глаза его. Сильно стучало сердце в груди. Сбивчива, прерывиста и медлительна была речь его.

«Восстань, сын океана, восстань, вождь темно-бурых щитов. Я вижу тьму, я вижу, как низвергается поток битвы, неумолимо движется мощь сынов Эрина. Колесница, колесница брани близится, словно пламя смерти, стремительная колесница Кухулина, благородного сына Семо. Она изогнута сзади, как волна под скалой, как золотистый туман вересковой пустоши. Бока ее украшены дорогими камнями и блещут, как море вокруг корабля ночного. Из тиса лощеного дышло ее, а сиденье из кости гладчайшей. По бокам ее сложены копья, а низ — подножье героев. Справа влечет колесницу конь храпящий — долгогривый, широкогрудый, гордый, высоко скачущий, сильный питомец холма. Громко звенят его копыта; грива стелется на лету, словно дым струится над вереском. Блещат бока скакуна, и имя ему Сулин-Шифадда.

Слева влечет колесницу конь храпящий — тонкогривый, высокоглавый, звонкокопытный, быстрый скакун, сын холма. Дустропалом зовут его бурные сыны мечей. Тысячью ремнями стянута колесница. Их гладкая кожа блестят среди клубов пены. Узкие ремни, сверкая самоцветами, обвивают стройные шеи коней, — коней, что, как клубы тумана, летят над речными долинами. Бег их — буйство оленя дикого, сила орлицы, камнем падающей на добычу. И подъявляют они шум, словно зимний вихрь на склонах снежной вершины Гормала.**

* Словно река наводненная в поле внезапная хлынет, бурно упавшая с гор, отягченная Зевсовым львием.

Гомер [Илиада, XI, 492].

С горных срываясь высот, покрытые пеною реки гул издают и бегут на равнину, и каждая путь свой опустошает.

Вергилий [Энеида, XII, 523].

** Холм в Лохлине.

На колеснице узрел я вождя, могучего, бурного сына мечей. Имя героя — Кухулин, сын Семо, повелитель чаш. Алые его ланиты подобны луку моему лощеному. Сверкают широко раскрытые синие очи его под темной дугою бровей. Власы его развеваются вокруг чела, словно пламя, когда, склонившись вперед, он потрясает копьем. Беги, властелин океана, беги; он грядет, словно буря вдоль речной долины».

«Да разве бежал я хоть раз от битвы несчетных копий? — отвечал король. — Разве хоть раз я бежал, сын Арно, вождь малодушный? Я шел навстречу буре Гормала, когда высоко вздымалась пена валов. Я шел навстречу небесным бурям, так мне ли бежать от героя? Да будь это сам Фингал, моя бы душа и пред ним не померкла. Восстайте на битву, мои тысячи, разлейтесь вокруг как гулкозвучная бездна морская. Собирайтесь вокруг блистающей стали короля вашего, неколебимые, как скалы моей родины, что встречают радостно бурю и простирают темные рощи навстречу ветру».

Как темные бури осенние свергаются с двух гулкозвучных холмов, так ринулись друг на друга герои. Как два темных потока, спадая с высоких скал, встречаются, мешают воды и с ревом несутся по равнине, так громогласно, сурово и мрачно встретились в битве Инис-файл и Лохлин. Вождь схватился с вождем и воин с воином; лягает звонко сталь о сталь; в куски разлетаются шлемы. Повсюду льется кровь и дымится.* Звенит тетива на луках лощеных. Носятся стрелы по поднебесью. Копья летают, как метеоры, золотящие бурный лик ночи.

Как океан возмущенный, когда высоко он вздымает валы, как последний раскат небесного грома, так грохотала битва. Хоть там собрались сто бардов Кормака, готовых воспеть войну, но бессильны были голоса ста бардов, чтобы послать временам грядущим вести о стольких смертях. Ибо много героев пало, и широко разлилась кровь доблестных.

Оплачьте же, сыны песен, смерть благородного Ситаллина. Пусть огласится темный вереск стенами Фионы над любезным ее Арда-

* Читатель может сравнить это место с подобным у Гомера (Илиада, IV, 446).

Рати, одна на другую идущие, чуть соступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.

Стаций весьма успешно подражал Гомеру:

В битве сшибаются щит со щитом и наверхъ с наверхъем,
Меч беспощадный с мечом, с грудью грудь и с пикою пика.

[Фивнада, VIII, 398].

Грома броню, оружие грохотало
Неистово, и медных колесниц
Ободья бешено вращались...

Мильтон [Потерянный рай, VI, 209].

ном.* Пали они, как два оленя пустыни, от рук могучего Сварана, когда посреди тысяч ревел он, словно ярый дух бури, что восседает в смутной мгле на тучах Гормала и тешится гибелью моряка.

Но не покоилась праздно и твоя рука, вождь острова туманов,** многих сразила десница твоя, о Кухулин, сын Семо. Меч его был словно перун небесный, когда разит он сынов долины, когда падают опаленные люди и все холмы вокруг охвачены пламенем. Дустронал*** храпел над героями павшими, и Шифадда**** в кровь окунал копыто свое.

Поле брани лежало за ними, как дубравы, поверженные в пустоши Кромлы, когда вихрь, отягченный духами ночи, пролетит над вереском.

Плачь на утесах ревущих ветров, о дева Инис-тора.***** Склони над волнами прекрасный свой лик, ты, что прекраснее духа холмов, когда парит он в полдневном луче над безмолвием Морвена. Он пал, он сражен, твой юноша, бледный полег он под мечом Кухулина! Уж доблесть не вознесет юношу столь высоко, чтобы он смог сочетать свою кровь с королевской. Тренар, любезный твой Тренар умер, дева Инис-тора. Воют дома серые псы его, видя призрак, скользкий мимо. Висит в чертоге спущенный лук. Тишина царит на равнине ланей его.

Как тысяча волн стремится на скалы, так ринулись полчища Сварана. Как скала встречает тысячу волн, так встретил Сварана Инис-файл. Смерть вокруг подымлет вопль, мешая его со звоном щитов. Каждый герой — столп мрака, а меч — перун огневой в длани его. От края до края гремит поле, точно сотня молотов один за другим кует багряное чадо горнила.

Кто эти двое на вереске Лены, столь темные и угрюмые? Кто они, двум тучам подобные, и мечи их сверкают над ними, как молния?***** Кольшутся холмы окрест, и скалы, поросшие мхом, содрогаются. Кто ж это, как не сын океана и колесницевластный вождь Эрина? С тревогой следит за ними множество дружеских глаз, смутно различая их в зарослях вереска. И вот уже ночь скрывает вождей во мгле и пресекает ужасную битву.

* *Sithallin* означает *красивый муж*, *Fiona* — *прекрасная дева*, *Ardan* — *гордость*.

** Остров Скай, названный не без основания *островом туманов*, так как его холмы задерживают облака, идущие с запада, со стороны океана, и вызывают почти непрерывные дожди.

*** Один из коней Кухулина — *Dubhstron-gheal*.

**** *Sith-fadda*, т. е. *широкий шаг*.

***** *Дева Инис-тора* — дочь Горло, короля Инис-тора или Оркнейских островов. Тренар — брат короля Инискона — предположительно одного из Шетландских островов. Оркнейские и Шетландские острова подчинялись в то время королю Лохлина. Мы видим, что псы Тренара, оставленные дома, почували смерть своего хозяина тотчас, как он был убит. По понятиям тех времен души героев сразу же после смерти переносились на холмы своего края — в те места, где провели счастливейшие дни своей жизни. Считалось также, что псы и лошади видят призраки усопших.

... подобные двум черным тучам,
Чреватым артиллерией небес,
Что, грохоча, над Каспием несутся.

Мильтон [Потерянный рай, II, 714].

На дремучем склоне Кромлы разделал Дорглас оленя, добычу ранней охоты, когда герои не покидали еще холма.* Сто юношей собирают вереск, десять героев раздувают огонь, триста отбирают гладкие камни. Пиршества дым широко расстилается.

Кухулин, могучий военачальник Эрина, духом воспрянул. Опершись на копые лучистое, молвил он сыну песен, Карилу, древнему годами, седовласому сыну Кинфены.** «Разве сей пир уготован лишь для меня одного, а король Лохлина останется на бреге Уллина вдали от олений родных холмов и шумных чертогов своих пирований? Восстань, Карил, древний годами, и передай слова мои Сварану. Скажи ему, пришлецу с моря ревущего, что Кухулин правит пир. Так пусть же он слушает здесь шум моих дубрав под тучами ночи. Ибо холодны и суровы буйные ветры, что бушуют над пеной его морей. Пусть же и он здесь восхвалит трепетную арфу и услышит песни героев».

Пошел сладкогласный старец Карил и позвал короля темно-бурых щитов. «Восстань со шкур охоты твоей, восстань, Сваран, король дубрав. Затеваet Кухулин веселие чап, раздели же пир синеокого вождя Эрина».

Словно угрюмый ропот Кромлы пред бурей раздался его ответ. «Пусть даже все твои дочери, Инис-файл, простирают ко мне свои снежные руки, пусть исторгают вздохи из груди и обращают с любовью нежные очи, все равно недвижим, как тысяча скал Лохлина, останется Сваран здесь, пока утро юным лучом моего востока не озарит мне путь ко смерти Кухулина. Лохлина ветер ласкает мне слух. Он реет над моими морями. Он шепчется в вышине с парусами и приводит на память зеленые леса мои, зеленые леса Гормала, что отзывались гулко ветрам, когда копые мое на охоте обгагралось кровию вепря. Пусть же уступит мне мрачный Кухулин древний престол Кормака, не то горные потоки Эрина заалеют кровавой пеной его гордыни».

«Зловеце звучит голос Сварана», — сказал Карил, древний годами.

«Зловеце для него одного, — отвечал синеокий сын Семо. — Но, Карил, возвысь свой голос и поведай о подвигах былых времен. Отгони ночь своим пенцем и подари нам радость скорби. Ибо сонмы героев и любезных дев обитали в Инис-файле. И сладостны песни печали, что звучат на скалах Альбиона, когда смолкает шум охоты и потоки Коны ответствуют гласу Оссиана»***

* Древний обычай приготовления снеди для пира после охоты передавался по традиции из поколения в поколение. Выкапывали яму, и ее стенки выкладывались гладкими камнями, а рядом наваливали груды гладких и плоских кусков кремня. Камни и яма как следует прогревались горящим вереском, после чего на дно клали дичину, а на нее слой камней, и так повторялось до тех пор, пока яма не заполнялась. Затем все покрывали вереском, чтобы удерживать пар. Поскольку это справедливо, я не могу сказать, но до сих пор можно видеть ямы, которые, как утверждают простолудины, служили этой цели.

** Ceap-feana, т. е. глава народа.

*** Оссиан, сын Фингала и автор поэмы. Нельзя не восхититься искусством, с каким поэт столь естественно влагает похвалу себе в уста Кухулина. Упомянутая здесь Кона, вероятно, небольшая речка, протекающая через Глен Ко в Аргайлшире. Один из холмов, окружающих эту романтическую долину, до сих пор называется Scornafena, или холм народа Фингалова.

«В минувшие дни, — Карил запел, — явились сыны океана в Эрин.* Тысяча кораблей неслась по волнам к любезным равнинам Уллина. Сыны Инис-файла поднялись навстречу племени темно-бурых щитов. Были там Карбар, первый из мужей, и Грудар, юноша статный. Давно уже спорили они о пятнистом быке, который мычал на гулкой пустоши Голбуна.** Каждый притязал на него, и смерть нередко мелькала на острие их стали.

Бок о бок бились герои, и заморские пришлецы бежали. Не было па холме славнее имен, чем Карбар и Грудар. Но, увы, зачем по-прежнему мычал бык на гулкозвучной пустоши Голбуна? Они увидали, как скачет он, белоснежный. Ярость вернулась к вождям.

На травянистых берегах Лубара*** бились они и пал Грудар, ясный, как солнечный луч. Свирепый Карбар пришел в долину гулкозвучной Туры, где Брасолис,**** прекраснейшая из сестер его, затянула в одиночестве песнь скорби. Она воспевала подвиги Грудара, тайно ею любимого. Она горевала, что остался он на поле кровавом, но все же надеялась, что он вернется. Из-под покровов виднелась белая грудь, словно луна из-под ночных облаков. Нежнее арфы звучал ее голос, изливая песнь скорби. Грударом была полна душа ее, к нему втайне обращала она взор свой. „Когда же вернешься ты в доспехе своем, воин могучий?“

„Возьми, Брасолис, — подойдя, сказал Карбар, — возьми, Брасолис, этот щит окровавленный. Укрепи его высоко в чертоге моем, доспех моего врага“. Нежное сердце затрепетало в ее груди. Обезумев, бледная бежала Брасолис. Она нашла своего юношу, простертого в крови. Она умерла на вереске Кромлы. Здесь почует их прах, Кухулин, и эти два одиноких тиса, поднявшись из их могил, желают сплестись в вышине. Прекрасны были они — Брасолис, дочь равнины, и Грудар, сын холма. Бард сохранит имена их и повторит для времен грядущих».

«Приятен твой глас, о Карил, — сказал синеокий вождь Эрина, — и любезны предания минувших времен. Они, словно тихий дождь весенний,***** когда солнце озирает поле и легкое облако парит над холмам. Сыграй же на арфе во славу моей любви, воспой одинокий солнечный луч Дунсксеха. Сыграй на арфе и прославь Брагелу,***** ту, что оставил

* Эпизод этот здесь вполне уместен. Калмар и Коннал, два ирландских героя, горячо заспорили перед битвой о том, следует ли вступать в бой с противником. Карил пытается успокоить их рассказом о Карбаре и Грударе, которые, хоть и были врагами, сражались на войне *бок о бок*. Поэт достигает своей цели, и в третьей книге мы обнаруживаем, что Калмар и Коннал вполне примирились.

** *Golb-bhean*, как и *Stomleach*, означает *изогнутый холм*. Здесь это название горы в графстве Слайго.

*** Лубар — река в Ольстере. *Labhar* — *громкий, шумный*.

**** *Brassolis* означает *белогрудая женщина*.

***** Гомер уподобляет слова, проникающие в душу, падающему снегу:

Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись!

[Илиада, III, 222].

***** Брагела была дочерью Сорглана и женой Кухулина. После смерти Арто, верховного короля Ирландии, Кухулин, возможно по приказу Фингала, перебрался

я на острове туманов, супругу сына Семо. Подъемлешь ли ты на скале прекрасный свой лик в надежде узреть паруса Кухулина? Куда ни глянь, несутся морские валы, и пену их белую примешь ты за мои паруса.воротись домой, любовь моя, уже ночь наступает и ветер холодный вздыхает в твоих волосах. Уйди в чертоги пиров моих и вспомни прошедшие годы, ибо я не приду назад, пока не стихнет буря войны. О Коннал, говори мне о войнах и битвах, изгони ее из моей памяти, ибо любезна мне дочь Сорглана, бела ее грудь, а волосы черны, как вороново крыло».

Отвечал неспешноречивый Коннал: «Берегись племени океана. Вышли вперед свое войско почное, чтобы следило за силами Сварана. Кухулин, я хочу мира, пока не придет племя пустыни, пока не придет Фингал, из мужей первый, и не воссияет, словно солнце, на наших полях».

Ударил герой в щит военной тревоги, двинулись ночные воины. Остальные легли на оленьей пустоши и заснули под свист унылого ветра. Тебя недавно умерших были близко, они плыли на темных тучах. И далеко во мрачном безмолвии Лены слышались слабые возгласы смерти.*

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ВТОРОЙ

Тень Кругала, одного из павших в бою ирландских героев, является Конналу, предсказывает поражение Кухулина в следующей битве и настоятельно советует ему заключить мир со Свараном. Коннал сообщает Кухулину о своем видении, но тот остается непреклонен: повинувшись законам чести, он не хочет предлагать мир первым и решает продолжать войну. Наступает утро. Сваран ставит Кухулину унижайтельные условия, которые тот отвергает. Начинается битва, и оба воинства упорно сражаются, пока бегство Грумала не вынуждает ирландскую армию отойти. Куху-

лин и Коннал прикрывают ее отступление. Карил отводит воинов на ближайший холм, куда вскоре вслед за ними приходит и сам Кухулин. Он замечает флот Фингала, плывущий к берегу, но наступившая почь скрывает суда от его взора. Кухулин, удрученный поражением, приписывает неудачу гибели своего друга Ферды, которого он сам убил незадолго до этого. Карил, желая доказать, что неудача отнюдь не всегда преследует того, кто печально убил друга, рассказывает историю Комала и Гальвины.

Коннал лежал под вековым деревом, внимая шуму горной реки. На мшистом камне покоилась его голова. Сквозь вереск Лены долетал до

в Ирландию, чтобы взять на себя управление делами этого королевства на время несовершеннолетия Кормака, сына Арто. При этом он оставил жену свою Брагелу в родовом имении Дунскехе на острове Скай.

* Древние шотландцы долгое время считали, что около места, где вскоре кто-либо умрет, слышатся вопли духов. Рассказы об этом чудесном явлении, которые и поныне в ходу у простонародья, весьма поэтичны. Призрак является верхом на метеоре, совершает два или три круга над местом, где умрет человек, затем, время от времени испуская вопли, движется по дороге, по которой пройдут похороны, и, наконец, метеор и призрак исчезают над будущим местом погребения.

него пронзительный голос ночи. Вдали от героев лежал он, ибо сын меча не страшился врага.*

Погружен в дремоту, узрел мой герой темно-багровый поток огня, который свергался с холма. Кругал, вождь, накануне павший, несся на нем. Он пал от длани Сварана, сражаясь в битве героев. Лицо его, словно луч заходящей луны, одеяние — тучи холма, а очи, словно два огня угасающих. Чернеет рана в его груди.

«Кругал, сын Дедгала, славного на оленьем холме, — сказал могучий Коннал, — почему так бледен ты и угрюм, сокрушитель щитов? Никогда не бледнел ты от страха. Что тревожит сына холма?»

Смутный, с очами, полными слез, стоял он, простирая бледную длань над героем. Еле слышно звучал его слабый глас, как ветерок в тростниках Лего.

«Дух мой, о Коннал, скитается на родимых холмах, но тело лежит на берегу Уллина. Вовек тебе не беседовать с Кругалом, не находить одиноких его следов на пустоши. Легок я, точно ветер Кромлы, и проношу пелене тумана подобный. Коннал, сын Колгара,** вижу я мрачное облако смерти: нависло оно над равнинами Лены. Падут сыны зеленого Эрина. Беги же с поля духов». Как затуманенный месяц, исчез он в свистящем вихре.***

«Постой, — промолвил могучий Коннал, — постой, мой темно-багровый друг. Останься на этом луче небесном, сын открытой ветрам Кромлы.

* Ландшафт, где отдыхает Коннал, хорошо знаком всякому, кто бывал в горных районах Шотландии. Поэт показывает героя вдали от войска, чтобы тем самым увеличить ужас явления тени Кругала. Вероятно, читателю будет небезынтересно узнать, как изложили подобный предмет два других древних поэта.

Там Ахиллесе явилась душа несчастливца Патрокла,
Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.
Стала душа над главой и такие слова говорила.

Гомер. Илиада, XXIII [65].

Вот во сне у меня в глазах с печальнейшим Гектор
Видом предстал, и слез обильные лил он потоки,
Парой коней уносим как некогда, черен в кровавом
Прахе, со вдернутыми в опухшие ноги ремнями.
Горе, каков-то он был! Как против того изменился
Гектора, что приходил одетый в доспехи Ахилла,
Или кидал в корабли данаев фригийское пламя.
С грязной он был бородой, волоса слипались от крови;
Ранами тела покрыт, которых он множество принял
Вкруг отеческих стен.

Вергилий. Энеида, II [270].

** Коннал, сын Кайтбата, друг Кухулина, иногда, как, например, здесь, зовется сыном Колгара по имени основателя рода.

*** ... душа Менетпда, как облако дыма, сквозь землю
С воем ушла.

Гомер. Илиада, XXIII, 100.

В какой пещере холма обитель твоя одинокая? Какой зеленоглавый холм упокоил тебя? Не услышим ли мы твой голос в буре? в шуме потока горного, когда появляются слабые чада ветра и несутся на вихре пустыни?»

Встал сладкогласный Коннал в доспехах гремящих. Он ударил в свой щит над Кухулином. Сын битвы проснулся.

«Зачем, — сказал колесницы правитель, — зачем вторгается Коннал в ночи? Копье мое могло б устремиться на звук, и Кухулин оплакал бы гибель друга. Говори же, Коннал, сын Колгара, говори: твой совет, как светило небесное».

«Сын Семо! — отвечивал вождь, — дух Кругала вышел ко мне из пещеры холма своего. Тускло мерцали звезды сквозь призрак его, и голос звучал, как далекий поток. Это посланный смерти. Он вещает о темном и тесном жилище. Проси мира, о вождь Дунскеха, или беги по вереску Лены».

«Он говорил с Конналом, — молвил герой, — хотя звезды тускло мерцали сквозь призрак его. Сын Колгара, это ветер роптал в пещерах Лены. А если то был Кругала призрак, что же ты не заставил его предстать моим взорам? Спросил ли ты, где пещера его, жилище сына ветра? Мой меч отыскал бы тот глас и заставил открыть, что он знает. Только мало он знает, Коннал, ибо еще сегодня был здесь. Не успел он уйти за наши холмы. Кто же мог предсказать ему нашу погибель?»

Явление духа Кругала Конналу
Гравюра С. Уоррена
по рисунку Р. Корбо (1796)

* Поэт раскрывает нам господствовавшие в его время представления о душе, отделившейся после смерти от тела. Из слов Коннала о том, что «тускло мерцали звезды сквозь призрак» Кругала, и из последующего ответа Кухулина мы можем заключить, что оба они считали душу материальной, чем-то вроде εἶδωλον [призрак] древних греков.

«Духи летают на тучах и мчатся на ветрах, — отвечивал мудрый голос Коннала. — Они покоятся вместе в пещерах своих и там толкуют о смертных».

«Так пусть же они толкуют о смертных, о каждом, но не обо мне, вожде Эрина. Пусть обо мне позабудут в пещере своей, ибо не побегу я от Сварана. Если я должен пасть, могила моя возвысится в славе грядущих времен. Охотник прольет слезу на мой камень, и скорбь поселится рядом с высокогрудой Брагелой. Не смерти страшусь я, но бегства, ибо Фингал часто видел меня победителем. Ты, смутный призрак холма, покажись мне, явись на небесном луче и в длани своей мою смерть покажи; но и тогда не побегу я, о ты, бессильный сын ветра. Ступай, сын Колгара, ударь в щит Катбата, он висит между копьями. Да восстанут по звуку его герои мои на битву Эрина. Пусть медлит Фингал явиться с племенем бурных холмов, мы будем сражаться, сын Колгара, и гибнуть в битве героев».

Далеко разносится звон щита. Слово гребни бегущих синих волн, один за другим герои вздымаются. На вересковой равнине стояли они, словно дубы, что вширь простирают ветви, когда цепенеют они под напором мороза и сухая листва их шуршит на ветру.*

Чело высокой Кромлы от облаков поседело; рассвет трепещет на полуозаренном океане. Медленно плывет серо-голубой туман и скрывает сыновей Инис-файла.

«Восстаньте же, — молвил король темно-бурых щитов, — вы, припельцы с Лохлинских волн. Сыны Эрина бежали от нашей угрозы, гоните же их по равнинам Лены. А ты, Морла, ступай в чертоги Кормака и вели ему сдаться Сварану, пока не полег в могилу его народ и не смолкли навек холмы Уллипа». И поднялись они, словно стая морских птиц, когда волны сгоняют их с берега. И зашумели они, словно тысяча гулких потоков, что встречаются в долине Коны, когда после бурной ночи они крутят темные заверти в бледном рассвете утра.

Как мрачные тени осени летят над холмами злачными, так один за другим поспешали угрюмо-суровые воины гулкозвучных лесов Лохлина. Высокий, как олень Морвена, шествовал король дубрав. Щит, прикрывавший его, сверкал, как ночной костер среди вереска, когда в мире темно и безмолвно и путнику видится дух, снующий в луче.

Вихрь с возмущенного моря рассеял густой туман. Сыны Инис-файла явились, как гряда прибрежных скал.

«Ступай, Морла, ступай, — сказал король Лохлина, — и предложи им мир. предложи им условия, какие даруем мы королям, когда их народы пред нами склоняются, когда их герои мертвы, а девы рыдают на поле».

Пришел могучий Морла, сын Сварта, и шествовал он величаво, вла-

*
Так сосны и дубы,
Когда их опалит огонь небесный,
Вздымая ветви гордые, стоят
На выжженной равнине...

ститель щитов. Он сказал синеокому сыну Эрина, окруженному сонмом героев.

«Прими мир Сварана, — молвил воин, — мир, который дарует он королям, когда народы пред ним склоняются. Оставь нам равнины любезные Уллина и отдай супругу свою и пса. Супругу твою высокогрудую, дивно-прекрасную. Пса твоего, что быстрее ветра. Отдай их, признав, что десница твоя слаба, и живи отныне под нашей властью!»

«Скажи Сварану, скажи сему надменному сердцу, что Кухулин вовек не сдастся. Я отдаю ему темные-синий простор океана, а не то отдам народу его могилы, отверстые в Эрине! Но вовек пришлецу не достанется желанный солнечный луч Дунскеха, и вовек на холмах Лохлина не поскочит олень пред быстроногим Луатом».

«Колесницы правитель тщеславный, — ответил Морла, — ужели ты хочешь сразиться с моим королем, с тем королем, чьи суда несметные могли б увезти весь твой остров? Ибо ничтожно мал зеленохолмый Уллин пред властелином бурных валов».

«В словесной пре многим я уступлю, Морла, но этот меч никому не уступит. Эрин будет под власть Кормака, доколе Кухулин и Коннал живы. О Коннал, первый из могучих мужей, ты слышал речи Морлы. Станешь ли ты и ныне думать о мире, о сокрушитель щитов? Тень Кругала павшего! почто ты грозила нам смертью? Твой тесный дом примет меня, озаренного славой. Вдвигайте, сыны Ипис-файла, вдвигайте копыя и напрягайте луки; устремитесь во мраке на супостата, как призраки бурных ночей!»

И тогда зловеший, ревуший, глубокий и яростный сумрак сраженья простерся, словно туман, над долиной клубящийся,* когда бури застыт мирный солнечный свет небес. Вождь во всеоружии шествует впереди, словно гневный дух пред тучей, когда, окруженный огнем метеоров, он в дланях сжимает темные ветры. Далеко на вересковой пустоши Карил велит трубить в рог битвы. Он начинает песнь и изливает свой пыл в души героев.

«Где же, — вещали уста песен, — где же павший Кругал? Он лежит на земле, забытый, и безмолвен чертог пиров. Горюет супруга Кругала, ибо чужая она в чертоге скорби своей.** Но кто это, словно солнечный луч, летит на полки супостатов? Это Дегрена *** дивно прекрасная, супруга Кругала павшего. Кудри ее развеваются по ветру, очи красны, пронзительен глас. Зелен, бесплотен теперь твой Кругал, чье тело осталось в пещере холма. Он приближается к уху спящего и подымлет слабый свой

*

Так туман вечерний,
С реки взлетев, струится вдоль болот
И льнет к стопам усталым селянина,
Бредущего домой. . .

Мильтон [Потерянный рай, XII, 629].

** Кругал женился на Дегрене незадолго до сражения, и поэтому вполне уместно назвать ее чужой в чертоге ее скорби.

*** Deo-ghréna означает *солнечный луч*.

глас, что звучит, как жужжание горных пчел или мушиного роя в сумерках. Но Дегрена падает наземь, словно туман на рассвете; Лохлина меч пронзил ее грудь. Карбар, пала она, восходящая надежда твоей младости. Пала она, о Карбар, надежда твоих молодых годов».

Свирепый Карбар услышал горестный стон и ринулся, словно кит океанский. Он увидел смерть своей дочери, и рев его раздался среди тысяч.* Его копьё поразило сына Лохлина, и битва простерлась от края до края. Словно сто ветров пронеслись над дубравами Лохлина, словно пожар охватил ели ста холмов, так с грохотом падали на поле ряды порубленных ратников. Кухулин косит героев, словно чертополох, а Сваран опустошает Эрин. От руки его падает Курах и Карбар с горбатым щитом. Морглан почил вечным сном, и содрогается Ка-олт, дух испуская. Его белая грудь запятнана кровью, и рассыпались светлые кудри по праху родимой земли. Часто давал он пиры там, где ныне полег, и часто играл на арфе, когда псы его радостно вокруг скакали, а юные ловчие готовили луки.

Неумолимо движется Сваран, как поток, из пустыни прорвавшийся. На пути он сметает холмы невысокие, а по сторонам его полузатоплены скалы. Но Кухулин стоял перед ним, как гора, что хватает тучи небесные. Ветры спорят в соснах ее чела, град гремит по ее утесам.** Но неколебима в силе своей стоит она, ограждая долину тихую Коны.

Так ограждал Кухулин сынов Эрина, стоя посреди тысяч. Горным ключом струилась кровь героев, трудно дышащих вокруг него. Но редели с обеих сторон рати Эрина, как снега под солнцем полдненным.

«О, сыны Инис-файла, — молвил Грумал, — на поле брани Лохлин берет верх. Зачем же противимся мы, словно тростник ветрам? Бежим к холмам темно-бурых ланей». Он пустился бежать, как серна Морвена, и копьё позади сверкало, как дрожащий луч света. Но мало кто побежал за Грумалом, вождем малодушным. Многие пали в битве героев на гулкозвучной пустоши Лены.

На колеснице, сверкавшей камнями, высылся вождь Эрина; он сразил могучего сына Лохлина и сказал торопливо Конналу: «О Коннал,

*

И среди тысяч пылает.

Вергилий [Энеида, I, 491].

** Вергилий и Мильтон использовали сходные сравнения. Я приведу то и другое, чтобы читатель мог сам судить, который из двух поэтов больше преуспел в этом.

Словно Афон иль Эрикс, или когда расшумится,
Потрясая дубы, сам отец Апеннин, что ликует
Снежной вершиной своей, таким подымаясь на воздух.

[Вергилий. Энеида, XII, 701].

В смятенье надмеваясь и собирая
Всю мощь свою, там Сатана стоял,
Как Атлас или Teneriff недвижен,
Главой упершись в небо.

Мильтон [Потерянный рай, IV, 985].

первый из смертных мужей, ты обучил эту десницу разящую! Неужто не будем мы биться с врагом, хотя и бежали сыны Эрина? О Карил, сын минувших времен, собери моих друзей, что остались в живых, на том кустистом холме. Коннал, здесь мы будем, как скалы, стоять и спасем бегущих друзей».

Коннал взошел на колесницу сверкающую. Они выставляют щиты, подобные померкшей луне, дочери звездного неба, когда сумрачным кругом ходит она по тверди. Шифадда, тяжело дыша, поднялся на холм, и Дустронал, конь величавый. Как волны вслед за китом, хлынули вслед им враги.

И вот на склоне Кромлы высоком скорбно стояли немногие чада Эрина, словно роща, по которой пламя промчалось, гонимое ветрами бурной ночи. Кухулин стоял у дуба. Молча вращал он багровые очи и слушал, как ветер свистит в густых его волосах, когда пришел с океана дозорный, Моран, сын Фихила. «Корабли, — он вскричал, — корабли с одинокого острова! Это подходит Фингал, первый из мужей, сокрушитель щитов. Пенятся волны пред черными его судами. Мачты его с парусами стоят, словно леса, облаками покрытые».

«Дуйте же, — молвил Кухулин, — дуйте, все ветры, что носятся над островом милых туманов. Явись на погибель тысячам, о вождь оленьих холмов. Твои паруса для меня, о друг мой, — облака рассветной зари, твои корабли — небесный свет, а ты сам — огненный столп, проливающий свет в ночи. О Коннал, первый мой воин, как любезны сердцу наши друзья! Но мрак ночной сгущается вокруг; где теперь корабли Фингала? Проведем же здесь часы темноты, ожидая луны в небесах».

Ветры сошли на леса. Потоки свергались со скал. Дождь нависал над главою Кромлы. И алые звезды мерцали меж облаков пролетающих. Печально на берегу потока, чей шум отдавался от дерева, печально на берегу потока сидел вождь Эрина. Был там и Коннал, сын Колгара, и Карил, древний годами.

«Нет счастья деснице Кухулина, — молвил сын Семо, — нет счастья деснице Кухулина с тех пор, как сразил он друга. О Ферда, сын Даммана, я любил тебя, как себя самого».

«Поведай, Кухулин, сын Семо, как пал сокрушитель щитов? Хорошо я помню, — молвил Коннал, — благородного сына Даммана. Высок и прекрасен он был, как радуга над холмом».

«Ферда пришел из Альбиона, вождь сотни холмов. В чертоге Мури он научился владеть мечом* и обрел дружбу Кухулина. Вместе ходили мы на охоту, и общим было наше ложе на вереске».

* Как сообщают ирландские барды, Migi было название школы в Ольстере, где обучали владению оружием. Само слово означает *скопление людей*, что говорит в пользу такого мнения. Согласно преданию, Кухулин первый ввел в Ирландии сваряжение, целиком изготовленное из стали. По утверждению сенахивов, он обучил ирландцев искусству верховой езды и первый в этом королевстве стал пользоваться колесницей. Последнее обстоятельство дало основание Оссану так подробно описать колесницу Кухулина в первой книге.

Деугала была супругою Карбара, вождя просторов Уллина. Свет красоты озарял ее, но в сердце жила гордыня. Она полюбила благородного сына Даммана, этот солнечный луч юности. „Карбар, — сказала жена белорукая, — отдай мне половину нашего стада. Не останусь я доле в твоих чертогах. Раздели же стадо, мрачный Карбар“.

„Пусть Кухулин, — ответил Карбар, — разделит стадо мое на холме. Грудь его — престол справедливости. Отыди, свет красоты“. Я пошел и разделил их стадо. Остался один белоснежный бык. Карбару дал я того быка. Вспыхнула ярость Деугалы.

„Даммана сын, — сказала красавица, — Кухулин язвит мне душу. Пусть услышу я весть о смерти его или волны Лубара скроют меня. Тень моя бледная станет блуждать близ тебя и скорбеть о моей уязвленной гордыне. Прелей же кровь Кухулина или пронзи эту высокую грудь“.

„Деугала, — рек белокурый юноша, — как я посмею убить сына Семо? Он ведь друг моих сокровенных мыслей, так подыму ли я меч на него?“ Три дня рыдала она пред ним, на четвертый он согласился сразиться.

„Я сражусь с моим другом, Деугала, но лучше б я пал от его меча. Как смогу я бродить по холму и зреть там могилу Кухулина?“ Мы сразились на холмах Мури. Мечи наши тщатся не ранить. Они скользят по булатным шлемам и, звеня, чуть касаются глади щитов. Усмехаясь, Деугала рядом стояла, и сказала она сыну Даммана: „Слаба десница твоя, о солнечный луч юности! Не созрели годы твои для булата. Сдайся же сыну Семо. Он, как утес на Малморе“.

Слезами наполнились очи юноши. Трепетным голосом он мне сказал: „Кухулин, подьдеми свой щит горбатый. Защищайся от длани друга. Душу мою отягчает горе, ибо я должен убить вождя мужей“.

Я вздохнул, словно ветер в скалистой расселине. Высоко я вознес острие булата. И пал солнечный луч брани, первый из друзей Кухулина!

Нет счастья деснице Кухулина с тех пор, как пал герой».

«Печальна повесть твоя, сын колесницы, — сказал Карпл, древний годами. — Она влечет мою душу назад, к временам старины, ко дням минувших годов. Часто слышал я про Комала, что сразил подругу любимую. Но победа меч его осеняла, и расточалась битва, едва появлялся он.

Комал был сын Альбиона, вождь сотни холмов. Из тысячи рек пили его олени. Тысяча скал отзывалась на лай его псов. Лицо его было красотью юности. Десница — смертью героев. Только одну он любил, и прекрасна была она, дочь могучего Конлоха. Словно солнечный луч блистала она среди женщин. И кудри ее были, как вороново крыло. Псы ее были охоте обучены, и тетива звенела под ветром лесным. Ее сердце избрало Комала. Часто встречались их взоры любовные. Они охотились вместе, и счастья были полны их тайные речи. Но деву любил Грумал, мрачный вождь угрюмого Ардвена. Он надзирал ее шаги одинокие в вереске, враг несчастного Комала.

Однажды, истомлены ловитвой, когда туман сокрыл их друзей, Комал с дочерью Конлоха сошлись в пещере Ронана.* То был обычный прият Комала. Там висели его доспехи. Там сотня щитов с ремнями была, сотня шлемов из звонкой стали.

„Здесь отдохни ты, — сказал он, — Гальвина возлюбленная, ты, свет пещеры Ронановой. Олень поскакал по вершине Моры. Я пойду, но скоро вернусь“. „Я страшусь, — сказала она, — мрачного Грумала, врага моего; часто приходит он в пещеру Ронанову. Я отдохну среди доспехов, но возвращайся скорее, возлюбленный мой“.

Он пошел за оленем Моры. Дочь Конлоха хочет испытать любовь его. В доспехи Комала она облекла свое белое тело и вышла из пещеры Ронановой. Он принял ее за врага. Сильно забилось сердце его. Он изменился в лице, и тьма помутила взор. Он напрягает лук. Стрела полетела. Гальвина упала в крови. Обезумевший, он побежал, призывая дочь Конлоха. Нет ответа в пустынной пещере. „Где ты, любовь моя?“ Он увидал, наконец, как колышется сердце ее в груди и бьется вокруг оперенной стрелы. „О Конлоха дочь, ты ль это?“ Он пал на перси ее.

Звероловы нашли чету злополучную; потом он блуждал по холму. Но часто неслышной стопой бродил он вокруг мрачной обители любви своей. Пришли корабли с океана. Он бился, чужеземцы бежали. Он искал себе смерти на поле брани. Но кто мог убить могучего Комала! Он отбросил свой щит темно-бурый. Стрела отыскала его отважную грудь. Он почует с любезной своей Гальвиной под шум гулкозвучных зыбей. Их могилы зеленые зрят мореход, вздымаясь на северных волнах».

КНИГА ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ

Кухулин, которому пришлось по душе быть Карила, настоятельно просит, чтобы бард продолжил пение. Тот повествует о подвигах Фингала в Лохлине и о смерти Агандеки, прекрасной сестры Сварана. Едва он закончил песнь, как Калмар, сын Маты, прежде советовавший вступить в сражение, возвращается раненый с поля боя и сообщает,

что Сваран задумал неожиданно напасть на остатки ирландского войска. Сам Калмар намеревается сразиться в узком проходе один против всех неприятельских сил, пока ирландцы будут отступать. Кухулин, тронутый доблестным его намерением, решает остаться с ним и повелевает Карилу увести уцелевших ирландских воинов. Наступает

* Несчастная смерть этого Ронана служит темой девятого из «Отрывков старинных стихотворений», опубликованных в прошлом году. Отрывок этот не принадлежит Оссиану, хотя и написан в его манере и обладает явными признаками древнего происхождения. В нем воспроизводится краткость выражений Осслана, но сами мысли настолько скудны и ограничены, что не могут принадлежать этому поэту. Ему приписывают различные стихотворения, которые, очевидно, сочинены в более позднее время. Особенно много таких в Ирландии, и некоторые из них находятся в распоряжении переводчика. Все они до крайности банальны и скучны. Их отличает либо смехотворная напыщенность, либо прозаичность самого низменного пошиба.

утро. Калмар умирает от ран. В это время появляются суда каледонцев, и Сваран, прекратив преследование ирландцев, возвращается на берег, чтобы помешать высадке Фингала. Кухулин, стыдясь после своего поражения предстать перед Фингалом, удаляется в пещеру Туры. Фингал вступает в бой с врагом, обращает его в бегство, но ночь наступает прежде, чем решен исход битвы. Король, приметивший доблестное поведение внука своего Оскара, наставляет его, как вести себя во время мира

и войны. Он советует ему всегда помнить деяния своих предков как лучший образец, которому надлежит следовать; для примера вводится история Фейна-солис, дочери короля Краки, которую Фингал в юности взял под свое покровительство. Филлан и Оскар посланы наблюдать за действиями неприятеля ночью. Гол, сын Морни, хочет предводительствовать войсками в следующей битве, и Фингал обещает исполнить его желание. Некоторые общие рассуждения поэта завершают третий день.

«Приятны слова этой песни, — сказал Кухулин, — и любезны преданья времен минувших.* Сладостны они, словно мирная роса поутру на холме косуль, когда солнце едва озаряет склоны его, а синее озеро в долине спокойно. О, Карил, снова возвысь свой голос, да услышу я песнь о Туре, которую пели в моих веселых чертогах, когда Фингал, властитель щитов, был там и возгорался, внемля подвигам праотцев».

«Фингал, о муж битвы! — молвил Карил, — рано ты начал свершать бранные подвиги. Лохлин был истреблен твоим гневом, когда состязалась младость твоя с красотой дев. Они улыбались дивно цветущему лику героя, но длани его уже сеяли смерть. Был он силен, как воды Лоры. Воины его стремились за ним, как тысяча ревущих потоков. Они пленили в бою короля Лохлина, но затем возвратили на его корабли. Надменное сердце его раздулось гордыней, и юноши смерть он замыслил во мраке своей души. Ибо никто доселе, кроме Фингала, не мог пересилить могучего Старно.**»

Он сидел в чертоге своих пиров в лесном краю Лохлина. Он позвал седовласого Снивана, что часто песнь заводил, приближаясь к кругу Лоды, когда камень власти воплю его внимал, и менялся исход сраженья на поле доблести.***

„Ступай, седовласый Сниван, — молвил Старно, — на морем объятые скалы Ардвена. Скажи Фингалу, королю пустыни, достойнейшему среди тысяч его, скажи, что даю я ему свою дочь, любезнейшую из дев, вздымавших когда-либо снежную грудь. Ее руки белы, как волн моих пена. Ее душа благородна и кротка. Да придет он с храбрейшими своими героями к дочери чертога потаенного“.

* Вторая ночь, считая от начала поэмы, продолжается, и Кухулин, Коннал и Карил все еще сидят в том же месте, которое описано в предыдущей книге. Введение здесь рассказа об Агандеке вполне уместно, поскольку он широко используется затем в ходе поэмы и в какой-то мере предопределяет развязку.

** Старно был отцом Сварана, а также Агандеки. Яростный и жестокий нрав его отмечается и в других поэмах, относящихся к этому времени.

*** В этом отрывке несомненно речь идет о верованиях, распространенных в Лохлине, а упоминаемый здесь камень власти был изображением некоего скандинавского божества.

Сниван достиг ветреных холмов Альбиона, и белокурый Фингал поплыл с ним. Воспламененное сердце его летело пред ним, когда он несся по зыбучим волнам севера.

„Добро пожаловать, — промолвил смуглолицый Старно, — добро пожаловать, король скалистого Морвена, и вы, герои могучие, чада одинокого острова! Будете вы три дня пировать в моих чертогах и три дня стрелять моих вепрей, дабы молва о вас достигла девы, в потаенном чертоге сокрытой“.

Король снегов * замыслил их гибель и задал пиршество чаш. Фингал опасался врага и не снял стальных доспехов. Испугались помощники смерти и сокрылись от очей героя. Веселья буйного глас раздался. Настроены трепетно-радостные арфы. Барды воспевают битвы героев и высокогрудых красавиц. Был там и Уллин, бард Фингала, сладостный глас холма Коны. Он славил дочь снегов и высокородного вождя Морвена.** Дочь снегов услышала его и вышла из чертога вздохов своих потаенных. Во всей красе явилась она, словно луна из-за восточного облака. Как свет, сияла прелесть ее. Как музыка песен, звучали ее шаги. Она увидела юношу и полюбила его. О нем вздыхала украдкой ее душа. Голубые очи тайно обращались к нему, и она благословляла вождя Морвена.

Третий день воссиял всеми лучами над лесом вепрей. Вперед устремились мрачный челом Старно и Фингал, властитель щитов. Полдня они вместе охотились, и копье Фингала обагрилось кровью на Гормале.***

И вот тогда пришла дочь Старно, ее голубые очи были полны слез, и голосом полным любви сказала она королю Морвена.

„Фингал, высокородный вождь, не доверяй горделивому сердцу Старно. В том лесу сокрыл он своих вождей, берегись же леса погибели. Но помни, сын холма, помни Агандеку, спаси меня от гнева отцовского, король ветряного Морвена!“

Юноша бесстрашно пошел вперед, рядом с ним — герои его. Помощники смерти пали под дланью его, и Гормал вокруг отзывался эхом.

Пред чертогами Старно сошлись сыны охоты. Мрачнее тучи было чело короля. Его глаза — метеоры ночные. „Приведите, — вскричал он, — Агандеку к любезному ей королю Морвена. Десница его запятнана кровью моего народа, и не напрасны были речи ее“.

Она пришла, и глаза ее были красны от слез. Она пришла, и развевались кудри ее, как смоль черные. Белая грудь вздымалась от вздохов, словно пена многоводного Лубара. Старно пронзил ее тело булатом. Пала она, словно снег, что свергается с утесов Ронана, когда леса безмолвны и эхо разносится по долине.

Тогда Фингал взглянул на вождей своих доблестных, вожди его доблестные взяли за оружие. Взревела грозная битва, и Лохлин бежал или

* Старно поэтически назван здесь королем снегов из-за обилия снега, выпадающего в его владениях.

** В старину, по-видимому, все северо-западное побережье Шотландии называлось именем Могвен, что означает гряду очень высоких холмов.

*** Гормал — название холма в Лохлине в окрестностях дворца Старно.

гибнул. Бледную деву с волосами, как смоль черными, сокрыл Фингал на быстром своем корабле. На Ардвене высится могила Агандеки, и море ревет вокруг ее сумрачного жилища».

«Благословенна будь душа ее, — молвил Кухулин, — и благословенны будьте уста песен. Могуча была юность Фингала, и могуча его десница в преклошпые годы. Лохлин снова падет пред королем гулкозвучного Морвена. Яви свой лик из-за туч, о луна! Озари паруса его белые на волнах ночных. И если некий могучий небесный дух* восседает на той низко парящей туче, отвори от скал корабли его темные, ты, всадник бури!»

Так говорил Кухулин под рокот потока горного, когда Калмар взошел на холм, раненый сын Маты. С поля пришел он, весь окровавленный. Он опирался на копье согбенное. Ослабела десница битвы, но сильна душа героя!

«Добро пожаловать, сын Маты, — промолвил Коннал, — добро пожаловать к друзьям! Почему прерывистый вздох исторгся из груди того, кто вовеки не ведал страха?»

«И вовеки, Коннал, не устрашится он, булата острого вождь. Душа моя расцветает в опасности и ликует в грохоте битвы. Я из стального племени, и предки мои вовек не ведали страха.

Кормар был первым в моем роду. Он мерялся силами с бурными волнами. Челн его черный бороздил океан и носился на крыльях ветра. Некый дух однажды возмутил ночь. Вздывается море и грохочут скалы. Ветры гонят вдаль облака. Молния мчится на огненных крыльях. Устрашился он и пристал к земле, а потом устыдился страха. Он ринулся снова в волны на поиски сына ветра. Трое юношей правили скачущим судном; он стоял с обнаженным мечом. И когда пронеслись мимо низко парящий призрак, он ухватил его косматую голову и погрузил свой булат в темное чрево. Сын ветра покинул зыби воздушные. Луна и звезды вернулись.

Столь бесстрашен был мой род, и Калмар подобен своим праотцам. Лишь поднимет он меч — и опасность бежит. Кто дерзает, того венчает успех.

Но ныне, вы, чада зеленодолого Эрина, оставьте кровавый вереск Лены. Соберите скорбную горстку наших друзей и сплотитесь с мечом Фингала. Я слышал шум наступающей Лохлинской рати, но Калмар останется и снова сразится. Голос мой будет так громок, други мои, словно тысячи следом за мною. Но, сын Семо, вспомяни обо мне. Вспомяни о безжизненном теле Калмара. Когда Фингал расточит врагов, положи меня под памятным камнем, чтоб обо мне проведали грядущие времена и мать Калмара ** утешилась у камня славы моей».

* Это единственное место в поэме, которому можно приписать религиозный смысл. Но обращение Кухулина к этому духу содержит сомнение, и поэтому трудно определить, что подразумевает герой: высшее ли существо или духов погибших воинов, которые, как считалось в те времена, управляли бурями и перелетали на порывах ветра из одной страны в другую.

** Алклетя; плач ее над сыном включен в поэму о смерти Кухулина, напечатанную в этом сборнике.

«Нет, сын Маты, — сказал Кухулин, — вовек я тебя не оставлю. Бой неравный радостен мне; душа моя возрастает в опасности. Коннал и Карил, древний годами, уведите печальных сынов Эрина, а когда окончится битва, ищите наши тела охладелые в этом тесном проходе. Ибо у этого дуба будем стоять мы в потоке сражения многих тысяч.

О сын Фихила, чьи ноги, как ветер, лети над вереском Лены. Скажи Фингалу, что Эрин завоеван, и проси поспешить короля Морвена. Да явится он, словно солнце в бурю, когда оно озаряет златые холмы».

Утро сереет над Кромлой; сыны моря идут на приступ. Калмар встал впереди, дабы встретить их в гордости своей горящей души. Но бледность покрыла лик воина; он оперся на копьё отца. То копьё он взял в чертоге Лары, и скорбела душой его мать. И вот герой упадает медленно, словно древо на равнине Коны. Мрачный Кухулин стоит один, словно скала в песчаной долине. Море стремится свои волны и с грохотом бьется о твердые склоны ее.* Вершина покрыта пеной, и холмы вокруг отзываются. И тогда из густого тумана в океане возникли белопарусные суда Фингала. Высоко вздымается лес их мачт, когда клонятся они одно за другим на зыбучих волнах.

Сваран увидел их с холма и отошел от сынов Эрина. Как отступает море, рокоча в проливах ста островов Инис-тора, так громозвучные, так несметные, так неоглядные полчища Лохлина устремились на короля пустынной горы. А Кухулин, склонясь и рыдая, скорбно и медленно волоча за собою длинное копьё, углублялся в чащу деревьев Кромлы и оплакивал павших друзей. Он страшился предстать пред Фингалом, пред тем, кто не раз поздравлял его, идущего с поля славы.

«Сколько здесь полегло моих героев, вождей Инис-файла, что ликовали в чертоге моем, когда звонко вздымались чаши! Не сыскать мне уж больше следов их средь вереска, не услышать голосов их средь охоты на ланей. Бледны, безмолвны, повержены на постели кровавые те, кто были моими друзьями! О, духи недавно почивших, явитесь Кухулину на его вереске. Говорите с ним в ветре, когда, шелестя, отзовется древо над пещерою Туры. Там, вдали от всех, опочию безвестный. Ни один бард обо мне не услышит. Ни единого серого камня никто не воздвигнет, чтобы прославить меня. Оплачь же ты мою смерть, о Брагела, отошла моя слава!»

Так сокрушался Кухулин, когда углублялся он в чащу деревьев Кромлы.

Фингал, возвышавшийся на корабле, подъял пред собою блиставшую пикку. Страшно сверкала сталь, подобная метеору зеленому смерти, что падает в вереск Малмора, когда путник остался один и полная луна затмевается на небе.

*

... как камень

Страшно высокий, великий, который у пенного моря
Гордо встречает и буйные вихрей свистящих набеги,
И надменные волны, которые противу хлещут...

Гомер. Илиада, XV [617].

«Кончена битва, — сказал король, — и я вижу кровь друзей моих. Скорбит вересковая пустошь Лены и печальны дубы Кромлы: охотники пали в расцвете сил, и нет уже сына Семо. Рино и Филлан, сыны мои, трубите в бранный рог Фингала. Взойдите на тот прибрежный холм и взывайте к чадам врага. Взывайте к ним с могилы Ламдерга, вождя минувших времен. Да будет ваш глас, как глас отца, когда во всей своей силе вступает он в битву. Я жду здесь могучего мрачного мужа, я Сварана жду на бреге Лены. И пусть он приходит со всем своим племенем, ибо сильны во брани други павших!»

Прекрасный Рино полетел, как молния, мрачный Филлан — словно тень осенняя. Над вереском Лены слышен их зов; сыны океана услышали рог боевой Фингала. Как океанские струи ревущие, что стремятся из царства снегов, так могучие, мрачные, неудержимые ринулись вниз сыны Лохлина. Впереди король их в зловещей гордыне доспехов своих. Гневом пылает его смуглокожий лик, и очи, вращаясь, горят пламенем доблести.

Фингал увидел сына Старно, и вспомнил он Агандеку. Ибо Сваран юными слезами оплакал некогда сестру свою белогрудую. Он послал песнопевца Уллина пригласить его на пиршество чаш, ибо душе Фингаловой было приятно вспомнить о первой своей любви.

Уллин пришел старческой поступью и молвил сыну Старно: «О ты, что живешь далеко, окруженный волнами, словно утес, приходи на пир короля и сей день проведи в покое. Пусть завтра мы станем биться, о Сваран, и крушить щиты гулкозвучные».

«Нет, ныне мы станем крушить щиты гулкозвучные, — отвечал свирепый сын Старно, — завтра задам я пир, а Фингал поляжет костями».

«Что ж, пусть завтра задаст он пир, — сказал Фингал, улыбаясь, — ибо ныне, сыны мои, мы будем крушить щиты гулкозвучные. Оссиан, ты встань близ моей десницы. Гол, подними свой ужасный меч. Фергус, гнутый лук натяни. Пронзи, Филлан, копьем небеса. Вздыхайте ваши щиты, что подобны луне омраченной. Да будут ваши копыя перунами смерти. Следуйте по стезе моей славы и сравняйтесь со мною в бранных подвигах».

Как сотня ветров на Морвене, как потоки сотни холмов, как тучи, лежащие по небу друг за другом, или как злой океан, нападающий на берег пустынный, так с ревом ужасным смешались огромные полчища на гулкозвучной пустоши Лены. Стон людской полетел над холмами, словно гром в ночи, когда туча рвется над Кошой и воздух пустой разносит вопли тысячи духов.

Фингал устремился вперед в силе своей, ужасный, как дух Тренмора, когда в урагане является он на Морвен, дабы узреть потомков своей гордыни. На холмах дубы отзываются и рушатся скалы пред ним. В крови была длань моего отца, когда он вращал перун своего меча. Он вспоминает битвы юности, и поле пустеет на его пути.

Рино несется дальше, как огненный столп. Мрачно чело Гола. Фергус стремится вперед стопами быстрее ветра, а Филлан — подобно туману холма. Я же обрушился вниз, как утес, я ликовал, видя могущество ко-

роля. Многие приняли смерть от десницы моей, и зловеще сверкал мой меч.* Кудри мои в те дни не были седы и не дрожали руки от старости. Глаза мои не были тьмою объаты и ноги не изменяли в беге.

Кто исчислит ратников павших или подвиги могучих героев, когда Фингал, пылая гневом, истреблял сынов Лохлина? Стоны множили стоны, перелетая от холма к холму, пока ночь не сокрыла всех. Бледные, трепетные, словно стадо оленей, сгрудились на Лене чада Лохлина.

Мы воссели у мирного потока Лубара и слушали бодрые звуки арфы. Сам Фингал сидел ближе всех к неприятелю и внимал сказаниям бардов. Они воспевали его богоподобное племя и вождей минувших времен. Исполнен внимания, склоняясь на щит, сидел король Морвена. Ветр развеивал его поседелые кудри, и мысли его обращались ко дням минувших лет. Близ него, опершись на копьё, стоял мой юный, мой возлюбленный Оскар. Он восхищался королем Морвена, чьи деянья лелеял в душе своей.

«Сын моего сына, — начал король, — Оскар, краса юности, я видел сверканье меча твоего и гордился своим потомством. Следуй славе наших отцов и будь таким, как были они, когда жил Тренмор, первый из смертных, и Тратал, отец героев. Юными бились они во бранях, и барды воспели их. Покори десницу могучего, Оскар, но щади слабосильную длань. Будь многоводным бурным потоком против врагов своего народа, но нежным дыханием ветра, колеблющим травы, для тех, кто зовет о помощи. Так жил Тренмор, таким был Тратал, таков и Фингал поныне. Десница моя служила опорой обиженному, и слабый обретал покой за перуном стали моей.

Оскар! и я был молод, как ты, когда предо мною предстала любезная Фейнасолнс, этот солнечный луч, этот кроткий свет любви, дочь короля Краки!** Я вернулся тогда с вересковой пустоши Коны, и мало ратников следовало за мной. Вдали показалась ладья белопарусная; она явилась нам, словно туман, что несется на вихре морском. Вскоре она приблизилась, мы узрели красавицу. Ее белая грудь вздымалась от вздохов. Ветер играл в ее распущенных темных кудрях; слезы катились по румяным ее ланитам. „Дочь красоты, — тихо сказал я, — почему ты так тяжело вздыхаешь? Могу ли я, хоть и молод, защитить тебя, дочь моря? Быть может, меч мой не самый сильный в бою, но сердце мое бесстрашно“.

„К тебе я стремлюсь, о вождь могучих мужей! — отвечала она, вздыхая. — К тебе я стремлюсь, вождь обильных пиров, опора бессильной длани. Король гулкозвучного острова Краки почитал меня солнечным лучом его племени. И часто холмы Кромалы отзывались на вздохи любви к несчастной Фейнасолнс. Вождь Соры узрел мою красу и полюбил дочь

* Здесь поэт прославляет собственные подвиги, но делает это так, что мы не испытываем неудовольствия. Воспоминание о великих подвигах его юности сразу же вызывает у него мысль о беспомощной старости. Мы не презираем его за похвалу, а сочувствуем его невзгодам.

** Что здесь имеется в виду под названием Краки, трудно определить при такой удаленности во времени. Наиболее вероятно, что так назывался один из Шетландских островов. — В шестой книге помещен рассказ о дочери короля Краки.

Краки. Меч на бедре война сверкал словно луч света. Но мрачно его чело, и бури в его душе. Я бежала прочь от него по зыбучим волнам, но вождь Соры меня преследует“.

„Покойся под сенью щита моего, — сказал я, — покойся в мире, ясный луч! Угрюмый вождь Соры помчится вспять, если только десница Фингала не уступает его душе. В уединенной пещере я мог бы сокрыть тебя, дочь моря! Но Фингал не обратится вспять, ибо там, где грозит опасность, тешусь я в вихре копий“. Я увидел слезы на ее ланитах. Я жалел красавицу Краки.

Но вот, как ужасный вал, вдалеке показался корабль свирепого Борбара. Его высокие мачты под снежными парусами склонялись над морем. Белые воды катились вдоль бортов. Гремел океан могучий. „Приди же, — молвил я, — с океана ревущего, о ты, наездник бури. Раздели пиршество в чертоге моем. Здесь приют чужеземцев“. Трепеща, стояла дева рядом со мной. Он натянул свой лук — она упала. „Верна твоя рука, — сказал я, — но немощен был твой противник“. Мы сразились, и нележкой была та смертельная брань. Он полег под моим мечом. В два каменных гроба мы их положили, несчастных юных любовников.

Таков я был в юности, Оскар; будь же и ты, как Фингал в те годы. Никогда не ищи сражения, но если оно завяжется, не чурайся его. Филлан и темно-русый Оскар, вы, чада моего племени, неситесь по пустоши ветров ревущих, следите за сынами Лохлина. Я слышу вдали, как ревет их страх, словно бури гулкозвучной Коны. Спешите: да не умчатся они по волнам севера от меча моего. Ибо много вождей племени Эрина здесь полегло на мрачном ложе смерти. Повержены чада бури, сыны гулкозвучной Кромлы».

Понеслись герои, как две темные тучи, две темные тучи — колесницы духов, когда темные чада воздушные выходят страх наводить на дрожащих людей.

Вот тогда-то Гол,* сын Морни, восстал, как скала в ночи. Копье его блещет в звездных лучах, голос подобен реву потоков.

«Сын битвы, — воскликнул вождь, — о Фингал, владыка чаш! пусть барды многих песен усыпят сынов Эрина. Ты, Фингал, вложи в ножны свой меч смертоносный, а народ твой пусть сражается. Мы чахнем без славы, ибо один наш король сокрушает щиты. Когда утро взойдет на холмы, взирай издалека на подвиги наши. Да восчувствует Лохлин меч сына Морни, чтобы барды смогли воспеть и меня. Так повелось истари в благородном роде Фингаловом. Так поступал и ты, король мечей, в битве копий».

* Гол, сын Морни, был вождем племени, которое в течение долгого времени спорило о первенстве с самим Фингалом. Наконец, оно было покорено, и Гол из противника превратился в лучшего друга Фингала и великого героя. Характером он несколько напоминает Аякса в Илиаде, героя более сильного, нежели искусного, в бою. Он очень дорожил военной славой и здесь требует, чтобы следующая битва досталась ему. Поэт искусно устранил Фингала, чтобы его возвращение было еще великолепнее.

«О сын Морни, — ответил Фингал, — я горжусь твоей славой. Сражись же, но только мое копьё будет неподалеку, чтобы прийти на помощь тебе в опасности. Возвысьте, возвысьте свой глас, сыны песнопений, и усыпите меня. Здесь возляжет Фингал под ветром ночным. И если ты, Агандека, витаешь поблизости среди сынов отчизны твоей, если ты восседаешь на струях ветра, среди высоко оснащенных мачт Лохлина, приходи ко мне в сновидениях,* дивная, и яви душе моей светлый свой лик».

Много голосов и много арф слились в стройном звучанье. Воспевали они благородство деяний Фингаловых и благородство племени героя. А иногда в любезных звуках слышалось имя Оссиана, ныне печального.

Часто я бился и часто победу одерживал в битвах копий. А ныне степой, п скорбный, и беспомощный я скитаюсь с людьми ничтожными. Ныне, Фингал, я не вижу тебя с твоим воинственным племенем. Дикие ланн пасутся на зеленой могиле могучего короля Морвена. Да будет благословенна душа твоя, властитель мечей, наиславнейший на холмах Коны!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ

Наступившая ночь прерывает развитие событий, и Оссиан, пользуясь этим, рассказывает о своих подвигах на озере Лего и о том, как он сватался к Эвиралин, которая затем стала матерью Оскара и умерла незадолго до похода Фингала в Ирландию. Ее тень является Оссиану и говорит ему, что Оскар, посланный в начале ночи следить за неприятелем, вступил в бой с передовым отрядом и враги уже почти одолели его. Оссиан выручает сына и сигналом тревоги оповещает Фингала о приближении Сварана. Король встает, собирает свое войско и, согласно обещанию, данному предыдущей ночью, поручает его водительству Гола, сына Морни, а сам, повелевая своим сынам проявить доблесть и защитить свой народ, удаляется на холм, чтобы следить оттуда за ходом битвы. Завязывается сражение; поэт повествует о великих подвигах Оскара. Но пока Оскар вместе с отцом одерживает верх на одном конце

поля боя, на другом Гол, на которого напал сам Сваран, готов уже отступить. Фингал, желая ободрить его боевой песнью, посылает к нему своего барда Уллина, но, несмотря на это, Сваран побеждает, и Гол со своим войском вынужден отойти назад. Фингал сходит с холма и вновь славливает их. Сваран прекращает преследование, занимает возвышенность, приводит в порядок свои ряды и ожидает приближения Фингала. Король, воодушевив своих бойцов и отдав все необходимые приказания, возобновляет сражение. Кухулин, удалившийся с другом своим Коппалом и бардом Карилом в пещеру Туры, слышав шум, выходит на гребень холма, который господствует над полем брани, и видит оттуда Фингала, сражающегося с неприятелем. Он хочет присоединиться к Фингалу, который уже близок к полной победе, но Коппал удерживает его, и Кухулин посылает Карила поздравить героя с успехом.

Кто там поет, нисходя с горы, словно радуга над дождистой Леной? **
 Это дева, чей голос любовью звучит, белорукая дочь Тоскара. Часто слу-

* Поэт предваряет нас о сне Фингала, изложенном в следующей книге.

** Ночь прервала развитие событий, и, пока Фингал спит, поэт повествует о своем сватовстве к Эвиралин, дочери Бранно. Этот вводный эпизод необходим

шала ты мою песнь и, прекрасная, проливала слезу. Пришла ль ты узнать о битвах своего народа и услышать о деяниях Оскара? Когда перестану скорбеть я над потоками гулкозвучной Коны? Мои годы прошли в битвах, и старость омрачена горем.

Дочь снежнорукая! я не был печален и слеп, я не был беспомощен и безутешен, когда Эвиралин любила меня. Эвиралин темно-русая, белогрудая любовь Кормака. Тысячи героев искали ее любви, тысячу отвергла дева. Она презрела сынов меча, ибо мил ее взору был Оссиан.

Я отправился к черным зыбям Лего, посвататься к деве. Двенадцать из наших воинов были со мной, сыны многоводного Морвена. Мы пришли к Бранно, другу чужеземцев, Бранно в звенящей кольчуге. «Откуда, — спросил он, — пришли вы, стальные десницы? Нелегко покорить вам деву, что отвергала синеглазых сынов Эрипа. Но привет тебе, сын Фингала, счастлива дева, что тебя ожидает. Будь у меня двенадцать дочерей-красавиц, тебе бы достался выбор, питомец славы!» Тогда отворил он чертог темно-русой девы Эвиралин. Радость зажглась в наших сердцах под стальными доспехами, и мы восславили деву Бранно.

Явились на холме над нами бойцы величавого Кормака. Вместе с вождем их было восемь героев, и вересковая пустошь их оружием озарилась. Там стояли Колла и Дурра, многожды раненый, там могучие Тоскар и Таго; там победитель Фрестал, Дайро, счастливый в деяниях, и Дала, оплот битвы на тесном пути. Меч пламенел во длани Кормака и приятен был взор героя.

Восемь героев пришли с Оссианом: Уллин, бурный сын брани, великодушный Мулло, благородный, пригожий Скелаха, Оглан и гневный Сердал и Думарикан — чело смерти. И зачем последним назван Огар, столь прославленный на холмах Ардвена?

Огар встретил сильного Далу лицом к лицу на поле героев. Битва вождей была словно вихрь на вспененных волнах океана. О кипжале вспомнил Огар, о любимом своем оружии. Девять раз он всадил его под ребра Далы. Жребий бурной битвы переменился. Трижды пробил я Кормаков щит, трижды сломал он свое копьё. Увы, несчастный юный любовник, я отсек ему голову. Пятикратно потряс я ее за волосы. Бежали други Кормака.

Кто посмел бы сказать мне тогда, любезная дева,* когда я спорил в битве, что ныне, слепой, забытый, беспомощный, я буду скитаться в ночи? Лишь тот, кто крепчайшей броней обладал и непобедимой десницей.

для разъяснения некоторых мест поэмы, следующих ниже; в то же время он естественно связан с событиями, описанными в этой книге, которые, судя по всему, относятся к середине третьей ночи, считая от начала поэмы. Эта книга, как и многие другие сочинения Оссиана, обращена к прекрасной Мальвине, дочери Тоскара. Мальвина была влюблена в Оскара, а после смерти возлюбленного стала спутницей его отца.

* Поэт обращается к Мальвине, дочери Тоскара.

Но вот на угрюмой пустоши Лены смолкли согласные звуки.* Налетел порывами сильный ветер, и могучий дуб отряхнул листву вокруг меня. Об Эвиралин я думал, когда предстала она моему взору во всем сиянии своей красоты и голубые очи ее купались в слезах. Стоя на облаке, она молвила слабым голосом.

«О Оссиан, восстань и спаси моего сына. Спаси Оскара, вождя мужей; близ красного дуба, у потока Лубара, он бьется с сынами Лохлина». Вновь сокрылась она в небесах. Я облачился в броню. Я пошел, на копье опираясь, и звонко бряцали доспехи мои. Я пел, как привык в час опасности, песнь о героях старинных. Дальним громом она прислышалась воинам Лохлина.** Они побежали; мой сын устремился вослед.

Я звал его, мой голос звучал, как поток отдаленный. «Сын мой, воротись по равнине Лены. Не преследуй дальше врага, хотя Оссиан идет за тобою». Он воротился, и звонким булатом Оскара мой слух улаждался. «Зачем удержал ты десницу мою, — спросил он, — прежде чем смерть не сокрыла их всех? Ибо свирепо и мрачно встречали они у ручья твоего сына с Филланом. Они ожидали угроз, сокрытых в ночи. Наши мечи укротили иных. Но как вихри ночи стремят океан на белые пески Моры, так мрачно наступали сыны Лохлина по шуршащему вереску Лены. Духи ночные вопияли вдали, и я зрел метеоры смерти. Дай разбудить мне короля Морвена, ибо он улыбкой встречает опасность и подобен солнцу небесному, что восходит в бурю».

Фингал уже восстал ото сна и опирался на щит Тренмора, темно-бурый щит праотцев, который вздымали они в старину в битвах своего народа. Герою во сне представилась скорбная тень Агандеки; она явилась ему с путей океанских и, одинокая, тихо плыла над Леной. Бледен был ее лик, как туманы Кромлы, и на ланитах темнели слезы. Часто вздымала она смутную длань из-под своего покрова; покровом служили ей облака пустыни; она вздымала смутную длань над Фингалом и прочь обращала тихие очи.

«Зачем ты плачешь, дочь Старно? — спросил, вздыхая, Фингал. — Зачем так бледен твой лик, о дочь облаков?» Она унеслась по ветру Лены, оставив его в ночи. Скорбела она о сынах своего народа, кому было назначено пасть от десницы Фингаловой.

Герой восстал ото сна, но очами своей души еще видел ее. Зазвучали шаги подходившего Оскара. Король узрел серый щит на боку его, ибо тусклый рассветный луч зажегся уже над водами Уллина.

* Поэт возвращается к основному рассказу. Если попытаться определить время года, когда разворачивается действие поэмы, то, судя по описанию, я был бы склонен отнести его к осени. Деревья осыпают листья и дуют переменные ветры; и то и другое соответствует этому времени года.

** Оссиан внушает читателю высокое мнение о себе. Даже пение его устрашает неприятеля. Это напоминает то место в восемнадцатой песни Илиады, где голос Ахиллеса отгоняет испуганных троянцев от тела Патрокла.

Там он крикнул с раската; могучая вместе Паллада
Крик издала; и троян обуял неописанный ужас.

[Гомер. Илиада, XVIII, 217].

«Что творят супостаты в страхе своем? — спросил, вставая, король Морвена. — Бегут ли они сквозь океанскую пену или ждут брани булатной? Но зачем вопрошать Фингалу? Я слышу в раннем ветре их голоса. Беги же по вереску Лены, Оскар, и пробуди на брань сподвижников наших».

Король стоял у камня Лубара и трижды воззвал он гласом ужасным. Олень побежал от источников Кромлы, и на горах сотряслись утесы. Словно сто горных потоков, что ревут, шумно взметаясь и пенясь, словно тучи, что пред бурей собираются на лазурном лике небес, так сходились сыны пустыни по ужасному зову Фингалову. Ибо радовал глас короля Морвена ратоборцев его земли: часто водил он их на брань и возвращался с добычею, отнятой у врага.

«Придите на битву, — сказал король, — вы, чада бури. Придите повергнуть тысячи. Сын Комхала увидит сражение. На том холме взовьется мой меч и станет щитом моего народа. Но пусть вам не будет нужна его помощь, ратники, пока сражается сын Морни, вождь могучих мужей. Он мою битву возглавит, и да возвысится в песне слава его. О вы, духи почивших героев, вы, наездники вихрей Кромлы, примите радушно моих воителей павших и унесите их на холмы свои. И пусть вихорь с Лены их пронесет над моими морями, чтобы они являлись мне в тихих снах и улаждали душу в час отдыха.

Филлан и Оскар темно-русый! Рино прекрасный, подъемлющий острую сталь! отважно шествуйте в бой и смотрите на сына Морни. Да уподобятся в битве ваши мечи его булату; и смотрите на подвиги рук его. Защищайте друзей отца и вспоминайте вождей стародавних. Дети мои, я увижу вас, хотя бы и пали вы в Эрине. Скоро наши холодные, бледные тени встретятся в облаке и полетят над холмами Коны».

И вот, словно темная, бурная туча, объятая алой небесной молнией и бегущая к западу прочь от рассветных лучей, удалился король холмов. Ужасно сверкают доспехи его и два копья в его длани. Седые волосы развеваются по ветру. Часто оглядывается он на битву. Три барда сопутствуют сыну славы, чтобы веления его переносить героям. Высоко на откосе Кромлы он сел, взмахнув зарницей меча, и по взмаху его мы двинулись.

Радость разыграла на лице Оскара. Алеют его ланиты. Очи источают слезы. Меч в его руке — луч огненный. Он подошел и, улыбаясь, сказал Оссиану. «О правитель булатной брани, отец мой, выслушай сына. Удалились с могучим вождем Морвена, уступи мне славу Оссианову. И если паду я здесь, мой властитель, вспомни ту снежную грудь, тот одинокий солнечный луч любви моей, белорукую дочь Тоскара. Алеют ланиты ее и мягкие кудри спадают на перси, когда, склонясь со скалы над потоком, вздыхает она об Оскаре. Скажи ей, что я вернулся на холмы свои, легколетный сын ветра, что отныне я в облаке встречу ее, любезную деву Тоскара».

«Воздвигни, Оскар, лучше ты мне воздвигни могильный холм. Я не хочу тебе уступить сражение. Ибо первая в брани моя десница кровавая научит тебя сражаться. Но не забудь, мой сын, положить этот меч, этот

лук и рог моего оленя в тот темный и тесный дом, что единым серым камнем будет отмечен. Оскар, нет у меня любимой, чтобы ее поручить усердию сына, ибо уж нет на свете милой Эвиралин, любезной дочери Бранно».

Так говорили мы, когда нас достиг громозвучный глас Гола, умноженный ветром. Высоко взмахнул он отцовским мечом и ринулся, сея раны и смерть.

Как над пучинной бурлящие белые волны, ревя и вздымаясь, несутся, как утесы, тинной обросшие, встречают ревущие волны, так столкнулись и бились враги. Воин сошелся с воином, булат с булатом. Гремели щиты, падали люди. словно сотня молотов над багряным сыном горнила, так взвились, так зазвенели мечи.

Гол налетел, как вихорь в Ардвене. Гибель героям несет его меч. Сваран подобен свирепому пламени в гулкозвучной пустоши Гормала. Как вложить мне в песнь гибель стольких копий? Мой меч высоко вздымался, пылая в кровавой сече. И ужасен был ты, Оскар, лучший мой, славнейший мой сын! Я ликовал в тайнике души, когда его меч пылал над сраженными. Опрометью неслись они по вереску Лены, и мы нагоняли и поражали их. Как камни, что скачут со скалы на скалу, как топоры в гулкозвучных лесах, как гром, чьи прерывистые раскаты зловеще несутся с холма на холм, так расточали удар за ударом и смерть за смертью Оскара длань * и моя.

Но Сваран окружает сына Морни, как мощь прилива — Инис-тор. Завидя это, король привстал на холме и к копыю протянул свою длань. «Иди, Уллин, иди, мой бард престарелый, — начал король Морвена. — Напомни Голу, могучему в битве, напомни ему о предках. Подкрепи своей песнью хиреющий бой, ибо песнь оживляет битву». Пошел почтенный Уллин старческой поступью и вещал королю мечей.

«Сын вождя благородных коней! высоко скачущий копий властитель! ** Десница могучая в грозных трудах войны! Закаленное сердце, вовеки не знавшее страха. Вождь изощренных орудий смерти. Рази супостата, чтобы вокруг темного Инис-тора не дерзали носиться белопарусные суда. Пусть десница твоя уподобится грому, очи — пламени, сердце — неколебимой скале. Пусть твой меч, вращаясь, станет ночным метеором и пусть твой щит, вздымаясь, станет пламенем смерти. Сын вождя благородных коней, рази супостата, круши его!» Сильно забилося сердце героя.

* Оссиан не упускает случая, чтобы не сказать о доблестях своего любимого сына. Речь Оскара к отцу достойна героя; ей присущи и должное смирение перед родителем, и пыл, приличный юному воину. Вполне уместно, что Оссиан останавливается здесь на деяниях Оскара, поскольку прекрасная Мальвина, к которой обращена эта книга, была влюблена в героя.

** Военная песнь Уллина выделяется в поэме своею версификацией. Она ниспадает, как горный поток, и почти целиком состоит из эпитетов. Обычай воодушевлять воинов на битву импровизированными стихами дошел чуть ли не до нашего времени. Некоторые из таких военных песен сохранились, но большая их часть представляет собою набор эпитетов, лишней красоты, гармонии и вообще каких бы то ни было поэтических достоинств.

Но Сваран вышел на битву. Щит Гола рассек он надвое, и сыны пустыни бежали.

Тогда поднялся Фингал во всей своей мощи и трижды возвысил он глас. Кромля кругом откликнулась, и сыны пустыни встали как вкопанные. Долу склонили они побагровевшие лица, устыдясь при виде Фингала. Он явился, как дождевая туча в солнечный день, когда тихо клубится она по холму и поля ожидают ливня. Сваран узрел наводящего ужас владыку Морвена и прервал свой бег на середине пути. Мрачно оперся он на копьё, обращая кругом багровые очи. Высок и безмолвец, он подобен был дубу на бреге Лубара, чьи ветви давно опалила небесная молния; ствол его над потоком склоняется, и серый мох свищет под ветром. Так стоял король. Затем он медленно стал отступать на вздымавшийся вереск Лены. Тысячи ратников его разлились вокруг героя, и мгла сраженья сгустилась на холме.

Фингал, как луч небесный, сверкал посреди своего народа. Герои его собрались вокруг, и он возносит голос силы своей. «Вздымайте высоко знамена мои, дабы они развеялись по ветру Лены, как огни на сотне холмов.* Пусть воспумят они по ветру Эрина, напоминая нам о брани. Вы, сыны потоков ревущих, что низвергаются с тысячи холмов, будьте вблизи короля Морвена, внимайте велениям власти его. Гол — десница сильнейшая смерти, Оскар — герой грядущих битв, Коннал — сын воропеной стали Соры, Дермид темно-русый и Оснан — властитель множества песен, будьте вблизи десницы отца».

Мы подняли солнечный луч битвы** — королевское знамя. Радостью разыграли сердца всех героев, когда, развеваясь, полетело оно по ветру. Сверху было оно украшено золотом, как широкий лазурный свод неба почного. Каждый герой также имел свое знамя и каждый — своих суровых ратников.

«Взгляните, — промолвил король щедрых чаш, — как расточился Лохлин по Лене. Вот стоят они, словно рваные тучи на холме или обгоревшая роща, когда сквозь ветви дубов виднеется небо и звезда падучая, мелькнувшая позади. Пусть каждый вождь из друзей Фингаловых избрет себе мрачную вражью дружину из тех, что так хмуро глядят с высоты, дабы впредь ни единый сын гулкозвучных дубов не носился по волнам Инис-тора!»

«Мопми, — вымолвил Гол, — будут те семь вождей, что пришли с озера Лапо». «Пусть мрачный король Инис-тора, — молвил Оскар, — выходит против меча Оснанова сына». «А против меча моего — король Инискона!» — молвил Коннал — стальное сердце. «Или я, или вождь Мюдана, — молвил русокудрый Дермид, — опочнет во прахе холодном». Я же,

*

Владычный стяг, подъятый в вышину,
Снял, как метеор, струясь по ветру.

Мильтон [Потерянный рай, I, 536].

** Знамя Фингала получило название *солнечного луча*, возможно, из-за яркой своей окраски и золотых украшений. Выражение *поднять солнечный луч* в старых сочинениях означало начать битву.

хоть ныне бессилен и безутешен, тогда я избрал ратоборного властителя Термана; я поклялся, что дланью своей добуду щит темно-бурый героя. «Вожди мои, — молвил Фингал, благосклонно взирая на нас, — благословляю вас на победу. Сваран, король ревущей пучины, тебя избирает Фингал!»

И вот, словно сотня ветров, что с разных сторон несутся по многим долинам, строй за строем двинулись мрачные чада холма, и Кромла вокруг отзывалась.

Как могу я исчислить всех воинов, павших, когда завязался спор нашей стали? О дочь Тоскара, длани наши кровью омылись. Угрюмые полчища Лохлина осыпались, как береговые откосы ревущей Коны. Наши мечи одержали победу на Лене, каждый вождь свой обет исполнил. О дева, не раз ты сидела близ журчащего Бранно, и часто вздымалась грудь твоя белая, словно лебеди пух, когда тихо она выплывает по озеру и ветры пронесаются мимо. Ты выдела, как багряное солнце тихо скрывалось за тучу; * ночь облетала гору, а порывистый ветер завывал в узких долинах.** И вот уже хлещет дождь, и катятся грома раскаты. На скалах сверкает молния. Духи мчатся верхом на перунах огненных. И могучие горные водопады с ревом свергаются вниз.** Так, снежнорукая дева, грохотала битва. Но зачем, дочь холма, эти слезы? Девам Лохлина должно рыдать: пал народ их страны, ибо кровью омылась вороненая сталь моего геройского племени. Ныне же я печален, беспомощен, слеп и уже не сподвижник героям. Дай мне, любезная дева, слезы свои, ибо пришлось мне увидеть могилы всех моих близких.

Вот тогда-то под дланью Фингала, к скорби его, пал герой. Седовласый, он простерся во прахе и поднял меркнувший взор на короля. «Ужели сразил я тебя, — воскликнул сын Комхала, — тебя, верный друг Агандеки! Я зрел твои слезы по деве моей любви в чертогах кровавого Старно. Ты был врагом врагов любезной моей, ужели ты пал от моей руки? Воздвигни, Улли, воздвигни могильный холм сыну Матона и вложи его имя в песнь об Агандеке, ибо любезна душе моей была ты, ныне во мраке живущая дева Ардвена».

* Солнце восходом своим, а равно погруженцем в море
Знаки подаст — и они всех прочих надежнее знаков, —
И поутру на заре, и когда зажигаются звезды.
Ежели солнечный круг при восходе покроется крапом,
Спрячется если во мглу и середка его омрачится,
Жди непременно дождей.

Вергилий [Георгики, I, 438].

Ветер подует едва, и тотчас пучина морская
Пухнуть, волнуясь, начнет; по высоким горам раздается
Треск сухой, и ему берега зашумевшие вторят
Гулом шпироким своим, и рощ учащается шорох.

Вергилий [Георгики, I, 556].

— а с гор стремятся потоки.

Вергилий [Энеида, IV, 164].

Кухулин из пещеры высокой Кромлы слышал грохот смятенной брани. Он кликнул Коннала, вождя мечей, и Карила, годами древнего. Седовласые герои, слыша голос его, взяли копья свои тополевы. Они пришли и узрели битвы прибой, подобный стесненным волнам океанским, когда из пучины дует сумрачный ветер и катит валы по песчаному долу.

При виде сего воспылал Кухулин, и мрак сгустился на его челе. Длань устремилась к мечу его предков, багровый взор — к супостату. Трижды пытался он ринуться в битву, и трижды его удерживал Коннал. «Вождь острова туманов, — он молвил, — Фингал уже побеждает врага. Не надейся списать себе доли во славе его, ибо подобен буре король».

«Тогда отправляйся, Карил, — ответил вождь, — и поздравь короля Морвена. Когда Лохлин умчится, словно поток после дождя, и грохот битвы затихнет, пусть тогда его слуха коснется твой сладостный глас, воспевая хвалы королю мечей. Отдай ему меч Катбата, ибо Кухулин уже не достоин поднять оружие предков.

Но вы, о тени пустынной Кромлы, вы, души вождей, которых уж нет на свете, сопутствуйте Кухулину и говорите с ним в пещере скорби его. Ибо впредь никогда не буду я славен среди могучих воителей этой земли. Ныне я, словно луч отсверкавший, словно туман отлетевший, когда утренний ветер порывом стоняет его с дремучих склонов холма. Коннал, не говори мне больше о бранях — отошла моя слава. Мои вздохи будут мешаться с ветрами Кромлы, доколе следы мои не сотрутся. А ты, белогрудая Брагела, оплачь погибель славы моей, ибо побежденный вовек не вернусь я к тебе, о солнечный луч Дунскеха».

КНИГА ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ПЯТОЙ

Кухулин и Коннал все еще остаются на холме. Фингал и Сваран встречаются в битве; описывается их поединок. Фингал побеждает Сварана, связывает его и передает пленника под охрану Оссана и Гола, сына Морни, а сам вместе с младшими сыновьями и Оскаром преследует противника. Вводный рассказ про Орлу, лохлинского вождя, смертельно раненого в бою. Фингал, опечаленный смертью Орлы, приказывает

прекратить преследование. Он зовет сыновей, и ему сообщают, что самый младший из них, Рино, убит. Фингал оплакивает его смерть, выслушивает повесть о Ламдерге и Гельхосе и возвращается на то место, где оставил Сварана. Тем временем Карил, которого Кухулин послал поздравить Фингала с победой, приходит к Оссану. Беседа двух поэтов завершается событиями четвертого дня.

И вот на ветренном склоне Кромлы молвил Коннал вождю колесницы преславной.* «Что ты так мрачен, сын Семо? Наши друзья могучи во

* Четвертый день все еще продолжается. Вкладывая повествование в уста Коннала, который по-прежнему остается с Кухулином на склоне Кромлы, поэт

брани. И ты знаменит, о воин: много смертей принесла твоя сталь! Часто встречала Брагеда, сияя весельем лазурных очей, часто встречала она своего героя, когда возвращался он среди храбрецов, и меч его был обагрён в кровавой сече, а супостаты безмолвны лежали на поле могильном. Приятно слуху ее было пение бардов, когда деянья твои оживали в их песне.

Но взгляни на короля Морвена. Он проходит внизу, словно огненный столп. Сила его, как поток Лубара или ветер гулкозвучной Кромлы, что повергает ветвистые рощи в ночи.

Счастлив народ твой, Фингал, десница твоя ратоборствует в бранях его; ты — первый воитель, когда опасность грозит ему, мудрейший во дни его мира. Ты слово промолвишь, и тебе повинуются тысячи, и рати трепещут при звоне стали твоей. Счастлив народ твой, Фингал, вождь одиноких холмов.

Кто там грядет, столь мрачный и страшный в грохоте шествия своего? Кому ж это быть, как не сыну Старно, что спешит навстречу королю Морвена. Взирай на битву вождей! Она подобна буре морской, когда вдалеке два духа встречаются и спорят за власть над волнами. Охотник с холма слышит шум и зрит, как громады валов стремятся на берег Ардвена».

Так говорил Коннал, когда встретились два героя посреди своих гибнущих ратей. Оружия лязг разносился окрест, и каждый удар грохотал, словно сотня молотов в кузне! Ужасна брань королей, и страшны их взоры! Щиты темно-бурые расколоты надвое, и, дробясь, разлетается сталь их племов. Они бросают наземь оружие. Каждый стремится схватить врага. Жилистыми руками объемяют они друг друга, они влекутся то вправо, то влево и, упершись стопами в землю, усиленно сгибают и распрямляют ноги.* Но когда вздымалась гордыня их мощи, пятами они сотрясали холм, утесы с высот рушились и кусты зеленоглавые с мест своих исторгались. Наконец, истощились силы Сварана, и связан король дубров.

Так я некогда видел на Коне (но Коны я больше не вижу), так я видел два темных холма, отторгнутых с мест своих силой прорвавшихся вод. Они влекутся то вправо, то влево, и дубы их могучие сходятся в выси. Затем они низвергаются вместе со всеми утесами и деревьями. Потоки меняют течение, и след багровый обвала виден издалека.

тем самым делает уместным прославление Фингала. Начало книги в оригинале представляет собою одну из наиболее красивых частей поэмы. Стихотворный размер выдержан последовательно и полно, что согласуется со степенностью Коннала. Ни один поэт не умел так хорошо согласовывать ритм стиха с правом расквашки, как Оссиан. Весьма вероятно, что вся поэма первоначально предназначалась для пения под аккомпанемент арфы, поскольку версификация ее весьма разнообразна и отлично согласуется с различными страстями человеческой души.

* Это место напоминает подобное в двадцать третьей песни Илиады.

Сильно хребты захрустели, могучестью стиснутых рук их
Круто влекомые; крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вокруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые.

[Гомер. Илиада, XXIII, 714].

«Сыны короля Морвена, — сказал благородный Фингал, — стерегите короля Лохлина, ибо могуч он, как тысяча волн. Длань его обучена брани, а род прославлен от древних времен. Гол, ты первый из героев моих, и ты, Оссиан, повелитель песен, сопутствуйте другу Агандеки и обратите в радость горе его. Вы же, Оскар, Филлан и Рино, вы, отпрыски крови моей, гоните по вереску Лены оставшихся ратников Лохлиа, дабы впредь ни единый корабль не посмел рассекать мрачно-бурные волны Иннис-тора».

Они понеслись через вереск, как молния. Он медленно двинулся, как грозовая туча над безмолвной равниной, выжженной летним зноем. Меч перед ним сверкал, как луч солнца, и был ужасен, как метеор, струящийся ночью. Он подошел к одному из вождей Лохлинских и молвил сыну волшы.

«Кто это, туче подобный, стоит у скалы рядом с ревушим потоком? Перескочить он не может через него и все ж предо мною вождь величайший. Горбатым щитом прикрыт его стан, а копье, как древо пустыни. Юноша темно-русый, враждебен ли ты Фингалу?»

«Я сын Лохлина, — так он вскричал, — и на поле брани сильна десница моя. Супруга моя рыдает дома, но Орла вовек не вернется».*

«Станет сражаться герой или он покорится? — спросил благородный воитель Фингал. — Не побеждают враги, когда я на поле брани, но друзей моих славят в чертоге. Сын волны, последуй за мной, раздели мое пиршество чаш и гоняйся за ланями в пустынном моем краю».

«Нет, — отвечал герой, — я помогаю слабейшему. Моя мощь пребудет с тем, кто изнемог в бою. О воин, мой меч никогда не встречал себе равного, так пусть же мне сдается король Морвена».

«Я никогда не сдавался, Орла, никогда не сдавался Фингал человеку. Так извлеки свой меч и себе избери по силам противника. Много героев в войске моем».

«А разве король не желает сразиться? — спросил темно-русый Орла. — Фингал достоин Орлы, один лишь он во всем своем племени. Но внемли, король Морвена, если погибну я, ибо воин должен некогда пасть, воздвигни мне посреди Лены могилу, да вознесется она превыше других. И пошли по волнам темно-синим меч Орлы любимой его супруге, дабы, роняя слезы, могла она показать его сыну и возжечь в его сердце бранный пламень».

«Чадо плачевной повести, — молвил Фингал, — зачем пробуждаешь ты слезы мои? Воинам суждено некогда пасть, и дети узрят в чертоге праздное их оружие. Но, Орла, твоя могила воздвигнется, и супруга твоя бело-грудая будет рыдать над твоим мечом».

Они бились на вереске Лены, но Орлы десница была слабее. Опустился меч Фингала и расколол его щит надвое. Упал щит и сверкнул на земле, как луна в потоке ночном.

* Повесть об Орле в подлиннике так прекрасна и трогательна, что на севере Шотландии ее знают многие, кто даже и не слышал больше ни единого слова из поэмы. Она разнообразит действие и возбуждает внимание читателя, когда он уже не ожидает от поэмы ничего интересного, поскольку победа над Свараном завершила основное действие.

«Король Морвена, — молвил герой, — подыми свой меч и пронзи мне грудь. Раненого, истомленного в битве, меня покинули здесь друзья. Плачевная повесть дойдет до берегов быстротекущей Лоты, до любимой моей, когда будет она одиноко бродить по лесу под шорох листвы».

«Нет, — сказал король Морвена, — не нанесу я вовек тебе раны, Орла. Да узрит она тебя на берегах Лоты, избежавшего дланей войны. Пусть твой отец седовласый, что, быть может, ослеп от старости, услышит в своем чертоге звук твоего гласа. Пусть герой воспринет радостно и вытянет длани в поисках сына».

«Но он вовеки его не найдет, Фингал, — ответил юноша с быстротекущей Лоты, — я умру на вереске Лены, и чужеземные барды заговорят обо мне. Мой широкий пояс скрывает смертельную рану. Но теперь я брошу его на ветер».

Темную кровь источает рана, бледный падает он на вереск Лены. Фингал склоняется к умирающему и призывает юных своих героев.

«Оскар и Филлап, сыны мои, воздвигните памятник Орле высокий. Да почит здесь темно-русый герой вдалеке от любимой супруги. Да почит он здесь в тесном дому, вдалеке от журчания Лоты. Сыны слабосильных найдут его лук дома, но не смогут его натянуть. Верные псы его воют на холмах родных, а вепри, которых гонял он, ликуют. Пала десница брани, повержен могучий средь доблестных!

Возвысьте глас и трубите в рог, вы, сыны короля Морвена. Вернемся к Сварану и проводим песнею ночь. Филлан, Оскар и Рино, бегите по вереску Лены. Где же ты, Рино, молодой сын славы? Ты не привык отзыватьсь последним на зов отца».

«Рино, — сказал Уллин, первый из бардов, — отошел к величавым призракам праотцев: к Траталу, королю щитов, и Трещмору, вершителю могучих деяний. Лежит поверженный юноша бледный, лежит на вереске Лены».

«Значит пал самый быстрый в роде моем, тот, кто первый натягивал лук? Едва я успел узнать тебя; так зачем же ты пал, юный Рино? Но спи покойно на Лене, скоро Фингал увидит тебя. Скоро умолкнет мой глас и исчезнут мои следы. Барды возвестят имя Фингалово, камни заговорят обо мне. Но ты, Рино, повержен навеки, не обретя себе славы. Уллин, ударь по струнам арфы и воспой имя Рино, поведай, каким он стал бы вождем. Прощай же, ты, первый во всех сраженьях. Уже не придется мне твой дрот направлять. Ты, кто был так прекрасен, я больше не вижу тебя. Прощай».

Катилась слеза по щеке короля, ибо грозен во бранях был его сын. Его сын, что был, как ночной пожар на холме, когда на его пути рушится лес и путник, слыша его, дрожит.

«Чья слава почит в той мрачно-зеленой могиле? — так начал король щедрых пиров. — Четыре камня, венчанные мхом, здесь стоят, указуя на тесное смерти жилище. Пусть мой Рино вблизи упокоится в соседстве с отважным мужем. Быть может, прославленный вождь здесь почит, и он будет витать в облаках с сыном моим. О Уллин, спой нам песнь минувших времеп. Воскреси в нашей памяти темных жильцов могилы».

Если в поле отважных никогда не бежали они от угрозы, пусть мой сын упокоится с ними, вдали от друзей, на вереске Лены».

«Здесь, — промолвил бард, — здесь покоится первый среди героев. Безмолвен Ламдерг* в этой могиле и Уллин, властитель мечей. Но кто там с кроткой улыбкой взирает, склоняясь с облака и являя мне лик свой прелестный? Зачем, о дева, зачем так бледна ты, первая красавица Кромлы? Спишь ли ты с боевыми врагами, Гельхоса, белогрудая дочь Туахала? Тысячи любили тебя, но ты любила Ламдерга. Ко мшистым башням Сельмы пришел он и, ударив в свой темный щит, промолвил.

„Где ты, Гельхоса, любовь моя, дочь благородного Туахала? Я оставил ее в чертогах Сельмы, когда шел сразиться с угрюмым Улфаддой. «Возвращайся скорее, Ламдерг, — говорила она, — ибо я здесь печалью объята». Ее белая грудь вздымалась от вздохов. Ее ланиты оросились слезами. Но я здесь не вижу ее, не идет она встретить меня и утешить мне душу после сраженья. Безмолвен чертог моей радости, не слышно голоса барда. Не звенит цепями Бран** у ворот, приходу Ламдерга радуясь. Где Гельхоса, любовь моя, нежная дочь великодушного Туахала?»

„Ламдерг, — молвил Ферхиос, сын Эйдона, — Гельхоса, быть может, на Кромле; она и лучницы-девы несутся за быстрым оленем“.

„Ферхиос, — ответил вождь Кромлы, — ухо Ламдерга шума не слышит. Безмолвно в лесах Лены. Мои очи не видят быстрых оленей. Не видят и гончих псов. Не нахожу я нигде любимой моей Гельхосы, прекрасной, как полная луна, на холмы Кромлы сходящая. Иди, Ферхиос, иди к Алладу,*** седовласому сыну скалы. В каменном круге жилище его. Он может знать, где Гельхоса“.

Пошел сын Эйдона и молвил в ухо старцу. „Аллад, ты, обитатель скалы, ты, одиноко дрожащий. Что увидали старые очи твои?“

„Я видел, — ответил дряхлый Аллад, — Уллина, сына Карбара. Он шел, словно туча с Кромлы, напевая зловещую песнь, словно ветер в лесу обнаженном. Он взшел в чертоги Сельмы. «Ламдерг, — сказал он, — ты, из мужей самый грозный, сражайся или сдайся Уллину». «Ламдерга, сына брани, здесь нет, — отвечала Гельхоса. — Он бьется с Улфаддой, могучим вождем. Его здесь нет, о ты, из мужей первый. Но Ламдерг вовек не сдавался. Он сразится с сыном Карбара».

«Любезна ты мне, дочь великодушного Туахала, — грозный Уллин сказал. — Я тебя уведу в чертоги Карбара. Доблестный будет владеть

* Lamh-dhearg означает кровавая рука. Gelchossa — белоногая. Tuathal — угрюмый. Ulfadda — долгобородый. Ferchios — победитель мужей.

** Бран — обычное имя борзых собак, сохранившееся до нашего времени. На севере Шотландии существует обычай давать собакам имена героев этой поэмы, из чего можно заключить, что имена эти привычны для слуха, а сами герои славятся повсеместно.

*** Аллад, — очевидно, друид. Он назван сыном скалы, потому что жилище его находится в пещере, а упомянутый каменный круг — это ограда храма друидов. Здесь с Алладом советуется как с человеком, обладающим сверхъестественным знанием. Несомненно, что от друидов пошло смехотворное представление о ясновидении, которое и поныне распространено в горной Шотландии и на островах.

Гельхосой. Три дня я останусь на Кромле, поджидая Ламдерга, сына брани. На четвертый Гельхоса станет моей, если могучий Ламдерг сокроется»“.

„Аллад, — молвил вождь Кромлы, — мир твоим сновиденьям в пещере! Ферхисс, труби в рог Ламдерга, дабы Уллин услышал его на Кромле“. Ламдерг, подобный ревущей буре, взошел из Сельмы на холм.* Идучи, он напевал зловещую песнь, что звучала, как шум водопада. Он стоял на холме, словно туча, чей образ от ветра меняется. Он камень скатил, призывая к брани. Уллин услышал его в чертоге Карбара. Возвеселился герой, услышав врага, и отцовское взял он копьё. Заиграла улыбка на смуглом его лице, когда он мечом препоясался. Кинжал блестел во длани его. Идучи, он свистал.

Гельхоса видала, как молчаливый вождь, словно туман клубящийся, вздымался на холм. Она себя била в высокую белую грудь и безмолвно, в слезах, трепетала за Ламдерга.

„Карбар, властитель чаш седовласый, — молвила нежнорукая дева, — должно мне лук на Кромле натячь, ибо я вижу там бурых ланей“.

Она поспешила на холм. Напрасно: уже сражались герои утrome. Зачем королю Морвена стану я сказывать, как во гневе герои сражаются! Пал Уллин свирепый. Юный Ламдерг, весь побелев, приблизился к дочери великодушного Туахала.

„Что за кровь, мой любимый, — спросила нежнокудрая дева, — что за кровь по тебе струится, мой воин?“ „Это Уллина кровь, — отвечивал вождь. — Ты прекрасней, чем снег на Кромле, Гельхоса, дай мне здесь отдохнуть немного“. И умер могучий Ламдерг.

„Ужель ты так рано заснул на земле, о вождь тенистой Кромлы?“ Три дня над любимым она проливала слезы. Звероловы нашли ее бездыханной. Этот могильный холм воздвигли они над всеми тремя. И пусть твой сын, о король Морвена, упокоится здесь с героями».

«И мой сын упокоится здесь, — промолвил Фингал, — весть об их славе уже достигла моих ушей. Филлан и Фергус, сюда принесите Орлу, бледного юношу с берега Лоты. Не с неровней возляжет Рино в земле, если Орла будет с ним рядом. Плачьте, дочери Морвена, и вы, девы стремительной Лоты. Слово древо, каждый из них возростал на холме, и вот он повержен как дуб пустыни, что лежит поперек потока и сохнет на горном ветру.**

Оскар, вождь всех юных воинов, ты видишь, как пали они! Будь и сам, как они, на земле прославлен. Как они, стань песнею бардов. Грозен был их облик в сраженьях, но кроток был Рино в мирные дни. Был он, как радуга дождевая, что видна далеко над потоком, когда солнце са-

* Читатель заметит, что это место изложено здесь иначе, чем в «Отрывках старинных стихотворений». Оно передается различно в устной традиции, и переводчик избрал наименее напыщенный вариант.

**

... как падает дуб или тополь,
Или огромная сосна, которую с гор дровосеки
Острыми вокруг топорами ссекут...

дится за Мору, и тишь царит на оленьем холме. Покойся, меньшей из моих сынов, покойся, Рино, на Лене. Нас тоже не станет, ибо воин некогда должен пасть».

Так скорбел ты, король холмов, когда Рино лежал на земле. Как же должен скорбеть Осснан, что и сам ты покинул нас. Уже не слышать мне на Коне твоего далекого гласа. Очи мои не различают тебя. Часто, беспомощный и безутешный, сию у могилы твоей и касаюсь ее руками. Подчас мне чудится глас твой, но это лишь ветер пустыни. Давно уже опочил правитель брани Фингал.

Тогда Осснан и Гол воссели со Свараном на зеленых и мягких берегах Лубара. Я заиграл на арфе, ибо хотел угодить королю. Но угрюмо было его чело. Он обращал багровые очи к Лене. Герой оплакивал свой народ.

Я поднял глаза на Кромлу и узрел там сына великодушного Семо. Скорбно и медленно он уходил с холма к одинокой пещере Туры. Он видел победу Фингала, и с горем смешалась радость его. Солнце сверкало на доспехах его, и Коннал медленно влекся за ним. Они за холмом сокрылись, словно в ночи два столпа огневых, когда ветры их гонят чрез гору и вереск горящий гудит. Возле потока, в пене ревущего, его пещера в скале. Над пею склоняется древо, и своды ее отзываются шумным ветрам. Здесь покоится вождь Дунскеха, сын великодушного Семо. Думы его — о битвах, проигранных им, и слезы текут по ланитам. Он скорбел об утрате славы своей, что сокрылась, как туман над Коной. О Брагела, ты слишком далеко, не ободрись ты душу героя. Но пусть он в душе своей увидит твой светлый образ, чтобы думы его воротились к одинокому солнечному лучу Дунскеха.

Кто там идет, убеленный сединами? Это сын песнопений. Привет тебе, Карил, древний годами, твой голос, как арфа в чертогах Туры. Речи твои приятны, как дождь проливной, что падает на поле, солнцем сожженное. Карил, древний годами, зачем ты пришел от сына великодушного Семо?

«Осснан, властитель мечей, — отвечивал бард, — ты лучше всех запеваешь песнь. Давно ты известен Карилу, ты, правитель сражений. Часто играл я на арфе для любезной Эвиралин. Ты также часто свой голос с моим съединял у Бранно в чертогах щедрых пиров. И часто меж нашими голосами было слышно пение Эвиралин нежнейшей. Однажды запела она про гибель Кормака, юноши, павшего из-за любви к ней. Я видел, как слезы текли по ее ланитам и по твоим, повелитель мужей. Душа ее сострадала несчастному, хоть она не любила его. Как прекрасна была среди тысяч дев дочь великодушного Бранно!»

«Не вызывай, Карил, — отвечивал я, — не вызывай в моей памяти образа Эвиралин. Воспоминанье размягчит мне сердце, наполнит очи слезами. Бледна, опочила она в земле, красавица нежно-румяная, столь любимая мною. Но сядь здесь на вереске, бард, и дай нам услышать твой голос. Приятен он, как вздох весеннего ветра, который ласкает слух охотника, когда тот пробуждается радостный, ибо слышал во сне пение горных духов».

КНИГА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ШЕСТОЙ

Наступает ночь. Фингал задал своему войску пир, на котором присутствует Сваран. Король велит барду Уллину пропеть песнь мира — таков был неукоснительный обычай в конце войны. Уллин рассказывает о подвигах в Скандинавии Тренмора, прадеда Фингала, и о его женитбе на Инпбаке, дочери короля Лохлинского, который был предком Сварана. Это обстоятельство, а также то, что он брат Агандеки, в которую Фингал был в юности влюблен, побуждает короля освободить

Сварана и отпустить его с остатками войска в Лохлин при условии, что он пообещает никогда впредь не возвращаться в Ирландию с враждебными намерениями. Ночь проходит в приготовлениях к отъезду Сварана, в пении бардов и беседе, во время которой Фингал рассказывает повесть о Грумале. Настает утро. Сваран покидает Ирландию. Фингал отправляется на охоту и, найдя Кухулина в пещере Туры, утешает его, а на следующий день отплывает в Шотландию, и этим завершается поэма.

Ночные тучи, клубясь, спускаются и замирают на темной вершине Кромлы.* Звезды севера восстают над зыбучими волнами Уллина, огненные главы являя сквозь летучий туман небесный. Далекий ветер ревет в лесу, но тиха и мрачна равнина смерти.

И все же над Леной темнеющей коснулся моих ушей благозвучный голос Карила. Он пел о товарищах нашей юности и о днях прошедших лет, когда встречались мы на берегах Лего и пускали по кругу радость чаш. Облачные кручи Кромлы отзывались на голос его. Духи тех, кого воспевал он, слетались в шумливых ветрах. Было видно, как долу они склонялись, радуясь звучной хвале.

Будь же благословенна, Карил, душа твоя среди вихрей. О, если бы ты посетил жилище мое, когда одинок я в ночи! И ты приходишь, мой друг, часто я слышу легкую руку твою на арфе моей, когда она висит на дальней стене и доносится слабый звук до моих ушей. Почему не беседуешь ты со мною в скорби моей и не говоришь мне, когда же узрю я своих друзей? Но ты пролетаешь мимо в шелесте ветра, и твое дуновение свистит в седых волосах Оссиана.

Между тем на склоне Моря собрались герои на пир. Тысяча древних дубов горит на ветру. Сила чаш** ходит по кругу. И радостью светятся

* Эта книга начинается четвертой ночью и завершается утром шестого дня. Поэма, таким образом, охватывает пять дней, пять ночей и часть шестого дня. Действие происходит на вересковой равнине Лены и горе Кромле на побережье Ольстера.

** Выражение *сила чаш* обозначает напиток, который пили герои; сейчас, по прошествии стольких лет, уже нельзя определить, какого рода он был. В нескольких древних поэмах переводчик встречал упоминание о том, что в чертогах Фингала были обычны восковые свечи и вино. Употребленные при этом названия — латинского происхождения, а это свидетельствует, что наши предки, если они действительно располагали такими жизненными благами, получили их от римлян. Каледонцы могли познакомиться с ними во время частых набегов на римскую провинцию и доставить их в свою страну среди военной добычи, захваченной в южной Британии.

души воинов. Но безмолвен король Лохлина, и от горя багровы его горделивые очи. Часто он к Лене свой взор обращал, вспоминая свое поражение.

Фингал опирался на щит своих предков. Его седые волосы развевались тихо по ветру и блестели в ночных лучах. Он заметил горесть Сварана и молвил первому барду.

«Воспой нам, Уллин, воспой мирную песнь и утешь мою душу после брани, чтобы ухо забыло грохот оружия. И пусть сто арф будут вблизи, дабы возвеселить властителя Лохлина. В радости должен он нас оставить. Не уходил доселе никто от Фингала печальным. Оскар, перун моего меча разит могучих во брани, но мирно покоится он у бедра моего, когда ратники в битве сдаются».

«Тренмор,* — промолвил бард — уста песнопений, — жил во дни минувших годов. Он носился по северным волнам, бурям товарищ. Высокие скалы Лохлина и шелестящие роции сквозь туман пред героем возникли, и он опустил паруса белорудые. Тренмор преследовал вепря, что ревел в лесах на Гормале. Многие в бегство пустились от страшного зверя, но сразил его Тренмор копьем своим.

Три вождя, что видели эту ловитву, о чужеземце могучем поведали. Они поведали, как он стоял, словно огненный столп, сияя в доспехах доблести. Король Лохлина задал пир и пригласил цветущего Тренмора. Три дня пировал он в открытых ветрам чертогах Гормала и право обрел избирать оружие в битве.

В целом Лохлинском крае не нашлось героя, что не сдался бы Тренмору. И ходила по кругу чаша веселья под песни хвалы королю Морвена, тому, кто пришел по волнам, первому из мужей могучих.

Когда же настало хмурое утро четвертое, герой спустил ладью свою на воду и, бродя по безмолвному берегу, ожидал шумливого ветра. Ибо он слышал громкий ропот его порывов в дальней дубраве.

Облеченный в стальные доспехи, явился ему сын лесистого Гормала. Алели ланиты его, золотились кудри. Кожа бела, словно Морвена снег. С кроткой улыбкой он обращал голубые очи, говоря королю мечей:

„Останься, Тренмор, останься, ты, из мужей первый, не победил ты еще сына Лонвала. Меч мой часто встречал отважных. И стережется благоразумный мощи моего лука“.

„Златокудрый юноша, — Тренмор ответил, — я не стану биться с сыном Лонвала. Слаба еще десница твоя, солнечный луч красоты. Удались к темно-бурым ланям Гормала“.

„Но я удалюсь, — ответствовал юный, — только с оружием Тренмора, звуком славы своей упиваясь. Девы, улыбки дари, соберутся вокруг того, кому покорился Тренмор. Они начнут испускать вздохи любви и восхищаться длиной твоего копья, когда пронесу я его среди тысяч, вздымая к солнцу блестящее острие“.

* Тренмор был прадедом Фингала. Этот рассказ введен, чтобы сделать естественным освобождение Сварана.

„Вовеки тебе не носить копьа моего, — молвил в гневе король Морвена. — Твоя мать найдет побелевшее тело твое на берегу гулкозвучного Гормала и, взор устремив над синеющей глубиью, узрит паруса того, кто убил ее сына“.

„Я не стану вздымать копьа, — ответствовал юноша, — десница моя еще не окрепла с годами. Но пернатой стрелой научился я поражать врага вдалеке. Сбрось же тяжесть стальной брони, ибо Тренмор кругом весь окован. Я первый слагаю наземь броню свою. Пронзай же теперь меня стрелой, о король Морвена“.

Он узрел, как вздымается грудь ее. То была сестра короля. Она увидела его в чертогах Гормала и полюбила лицо его юное. Копье упадет из длани Тренмора; он склоняет долу зардевшийся лик, ибо дева предстала ему, словно яркий луч, что встречает сынов пещеры, когда снова выходят они на озаренные солнцем поля и опускают глаза ослепленные.

„Вождь открытого ветрам Морвена, — начала снежнорукая дева, — приютю меня на своей быстроходной ладье, удали меня от любви свирепого Корло. Ибо он страшен для Инибаки, как гром в пустыне. Он любит меня в угрюмстве гордыни своей и сотрясает десять тысяч копий“.

„Мирный приют обрети, — Тренмор могучий сказал, — за щитом моих предков. Не устрашит меня вождь, хоть он сотрясает десять тысяч копий“.

Три дня ожидал он на бреге, и призыв его рога разносился окрест. Он призывал на битву Корло с его гулкозвучных холмов. Но Корло не вышел на битву. Спустился король Лохлина. Он пировал на ревущем бреге и отдал деву Тренмору“.

«Король Лохлина, — молвил Фингал, — твоя кровь течет в жилах врага твоего, наши роды встречались в битве, потому что любили прение копий. Но часто они пировали в чертогах, и ходило по кругу веселие чаш. Да озарится лицо твое радостью и слух усладится арфой. Грозный, как буря твоих морей, изливал ты доблесть; глас твой гремел, словно глас тысячи ратников, рвущихся в бой. Поставь же завтра по ветру паруса твои белые, брат Агандеки. Светла, как полуденный луч, она сходит в мою печальную душу. Я видел слезы твои по красавице и тебя пощадил в чертогах Старно, когда мой меч обагрался в сече, а очи лили слезы над девой. Но, быть может, ты хочешь сразиться? Во власти твоей поединок, каким твои предки почтили Тренмора, чтоб смог ты уйти от нас столь же славен, как солнце, сходящее к западу».

«Король племени Морвена, — молвил властитель Лохлинских волн, — Сваран вовеки не станет биться с тобою, первым из тысячи славных героев! Я видел тебя в чертогах Старно, и малым числом годов превосходил ты меня. И я молвил в душе своей: когда же смогу я подъять копье, как Фингал благородный? Мы бились с тех пор, о воин, на склоне косматого Малмора; потом принесли меня волны к твоим чертогам, и ты задал пириство тысячи чаш. Да поведают барды грядущим годам, кто победил в благородном бою на вереске Малмора».

Но немало судов из Лохлина на Лене оставили юных своих бойцов. Забери те суда, король Морвена, и другом Сварану стань. И когда сыны

твои приплывут ко мшистым башням Гормала, я задам им пиршество чаш и предложу поединок в долине».

«Ни судов не возьмет Фингал, ни края многих холмов, — так отвечал король. — Мне довольно моей страны, ее лесов и оленей. Взойди на волны свои, благородный друг Агандеки, распусти паруса свои белые навстречу рассветным лучам и возвратись к холмам гулкозвучного Гормала».

«Да будет благословенна душа твоя, чаш властелин, — промолвил Сваран со щитом темно-бурым. — В мирную пору ты — ветерок весенний, в пору войны — буря в горах. Вот тебе длань моя дружбы залогом, благородный король Морвена! Пусть твои барды оплачут павших. Пусть Эрин предаст земле сынов Лохлина и воздвигнет во славу им мшистые камни, чтобы севера чада отныне могли созерцать те места, где сражались их предки. А некий охотник промолвит, быть может, опершись на мшистый могильный холм: „Здесь сражались Фингал и Сваран, герои минувших годов“. Так отныне станет он говорить, и наша слава пребудет вечно».

«Сваран, — промолвил король холмов, — славнее нас ныне нет никого. Но мы исчезнем, как сон. Безмолвными станут поля наших битв. Наши могилы сокроются в вереске, и не узнает охотник, где упокоились мы, Звуки наших имен, быть может, останутся в песнях, но сила мышц бесследно исчезнет. Оссиан, Карил и Уллин, вы знали героев, которых уж нет. Поведайте нам о минувших годах. Пусть эта ночь минует в песнях и утро вернется, исполнено радости».

Мы пели пред королями, и пению нашему вторила сотня арф. Просияло лицо Сварана, словно полный месяц в ночи, когда расходятся тучи, и он спокойно сияет посреди небосвода.

И тогда спросил Фингал у Карила, вождя, годами древнего: «Где же сын Семо, король острова туманов? Ужель, метеору смерти подобен, он сокрылся в угрюмой пещере Туры?»

«Кухулин лежит в угрюмой пещере Туры, — ответил Карил, древний годами. — Длань его на мече его мощи. Думы его о проигранных битвах. Скорбен властитель копий, ибо привык он к победам. Он посылает свой меч боевой, чтобы покоился тот на бедре у Фингала. Потому что ты, словно буря пустыни, расточил всех его супостатов. Возьми, о Фингал, сей меч героя, ибо рассеялась слава его, как туман, гонимый шумливым ветром долины».

«Нет, — ответил король, — Фингал вовеки не примет его меча. Могуча десница его в бою, так скажи ты ему, что слава его не померкнет вовеки. Многим случалось терпеть поражение в битве, но они воссияли потом, словно солнце небесное.

О Сваран, король гулкозвучных лесов, не печалься напрасно. Победенные, если отважны они, обретают славу. Они, словно солнце, что прячет свой лик в полуденной туче, но вскоре вновь озирает вереницу зланных холмов.

Грумал был Коны вождем. На всех берегах искал он сражений. Душа его тешилась кровью, ухо — громом оружия. Он высадил ратников на

шумную Краку, и король Краки вышел навстречу ему из дубравы, где посредине круга Брумо вопрошал он камень власти.*

Свирепо сражались герои за снежногрудую деву. Слава дочери Краки достигла Грумала у потока Коны. Поклялся он завладеть белогрудой девой иль умереть на гулкозвучной Краке. Три дня боролись они, и на четвертый Грумал был связан.

Вдали от своих друзей он был заключен в зловещем круге Брумо, где часто, как вещает молва, призраки мертвых стонали вокруг камня, ужас на них наводившего. Но вскоре он воссиял, как небесный столп света. Они пали от длани его могучей, и Грумал обрел свою славу.

Воспойте же, барды, годами древние, громче воспойте хвалу героям, чтобы душа моя славою их успокоилась, а Сварана сердце скорбеть перестало».

Они возлегли на вереске Моры; темные ветры, свистя, понеслись над героями. Сразу запели сто голосов, заиграли сто арф. Пели они о былых временах и могучих вождах прошедших годов.

Когда же теперь я услышу барда или возрадную славу предков моих? Не играет на Морвене арфа, и не звучит над Коной сладостный глас. Вместе с героями бард опочил, и нет уже славы в пустыне.

Утро трепещет в лучах востока и мерцает на седоглавой Кромле. Сварана рог раздастся над Леной, и сыны океана собираются вокруг него. Молча и скорбно восходят они на суда, и Уллина ветер их паруса надует. Белые, словно туманы Морвена, плывут они по волнам.

«Зовите, — сказал Фингал, — зовите псов моих, быстроногих сынов ловитвы, зовите белогрудого Брана и свирепо-могучего Луата. Филлан и Рино — но его уже нет; мой сын почует на ложе смерти. Филлан и Фергус, трубите в мой рог, чтоб проснулась радость охоты, чтоб услышали олени Кромлы и встрепенулись на озере ланей».

Пронзительный звук разносится по лесу. Сыны вересковой Кромлы приходят на зов. Тысяча серо-прыгучих псов разом помчалась по вереску. Каждый пес загнал по оленю, трех оленей загнал белогрудый Бран. Он гнал их прямо к Фингалу, чтобы порадовать короля.

Один олень упал на могилу Рино, и скорбь воротилась к Фингалу. Он увидел, как мирно покоится камень над тем, кто был первым в охоте. «Ты уже не восстанешь, о сын мой, разделить на Кромле наш пир. Скоро могила твоя сокроется, и буйно трава разрастется вокруг. Сыны ничтожных людей пройдут над тобой и не узнают, что лежит здесь могучий».

Оссиан и Филлан, чада силы моей, и Гол, властитель бранных стальных мечей, взойдем по склону холма в пещеру Туры и отыщем там вождя ратоборцев Эрина. Это ли стены Туры? Как одиноко и сумрачно встали они на пустоши. Скорбен властитель чаш, опустели его чертоги. Пойдем, отыщем Кухулина и отдадим ему всю нашу радость! Но, Филлан, скажи, Кухулин ли там иль над вереском дымный столп? Ветер Кромлы дует мне в очи, и не различить мне друга».

* Здесь идет речь о религиозных верованиях короля Краки. См. соответствующее примечание в третьей книге.

«Фингал, — ответственал юноша, — это сын Семо. Угрюм и печален герой; длань его на мече». — «Привет тебе, сын войны, сокрушитель щитов!»

«Привет тебе, — Кухулин ответственал, — привет всем сынам Морвена! Утешно мне видеть тебя, о Фингал, подобного солнцу над Кромлой, когда его видит сквозь тучи охотник, скорбевший, что скрылось оно зною. Сыны твои словно звезды сопровождают тебя и светят в ночи. Не таким ты видел меня, о Фингал, когда возвращался я с войн в пустыне, когда бежали властители мира* и возвращалась радость на оленьи холмы».

«Много тратишь ты слов, — молвил Коннац, воин бесславный.** — Слов ты тратишь много, сын Семо, но где же твои боевые дела? Зачем переплыли мы океан, чтобы помочь мечу твоему бессильному? Ты бежишь в пещеру печали, а Коннац сражается вместо тебя. Оставь же эти доспехи блестящие, мне уступи их, сын Эрина».

«Ни единый герой, — ответственал вождь, — не домогался доспехов Кухулина, и хоть бы тысяча их домогалась, все было бы тщетно, хмурый юноша! Я не бежал в пещеру печали, пока оставался живы ратники Эрина».

«Юнец слабосильный, Коннац, молчи! — промолвил Фингал. — Кухулин прославлен в боях, он гроза всей пустыни. Часто я слышал о славе твоей, бурный вождь Инис-файла! Направь же свой белый парус к острову туманов, да узришь Брагелу, на утесе склоненную. В слезах ее кроткие очи, и ветры вздымают длинные волосы, на высокую грудь упавшие. Она внемлет ночным ветрам, дабы услышать твоих гребцов голоса,*** дабы услышать пение моря и звуки далекие арфы твоей».

«И долго будет она внимать понапрасну. Кухулин вовек не вернется. Могу ль я увидеть Брагелу, чтобы исторгнулся вздох из ее груди? Фингал, я всегда одерживал верх в сражениях копий!»

«И впредь ты будешь одерживать верх, — так молвил Фингал, властитель чаш. — Разрастется слава Кухулина, как ветвистое дерево Кромлы. Многие битвы тебя ожидают, о вождь, и многие раны нанесет твоя длань. Принеси нам оленя, Оскар, и пиршество чаш приготовь, чтобы воспрянули наши души после опасностей и наши друзья услаждались бы вместе с нами».

Мы воссели, мы пировали, мы пели. Кухулин воспрянул душой. Воротилась сила его десницы и заиграло веселье на лице его. Уллин песнь затянул, и Карил возвысил глас. Часто и я вместе с бардами воспевал сра-

* Это единственное место в поэме, содержащее намек на войны Фингала с римлянами. В старинных сочинениях римский император обозначается титулом *властителя мира*.

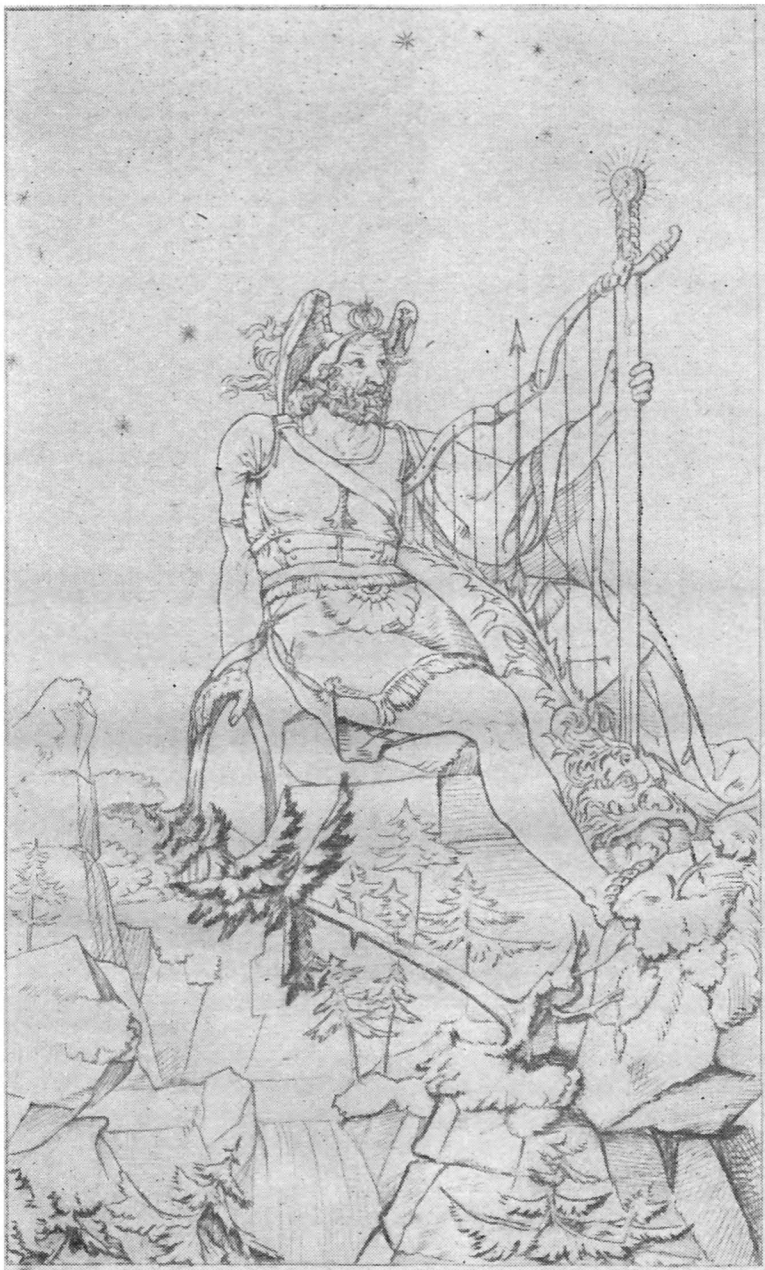
** Коннац принадлежал к роду Морни. Он упоминается еще в нескольких поэмах и характеризуется всегда одинаково. Поэт хранит о нем молчание до сих пор, а его поведение здесь не заслуживает лучшего обращения.

*** Обычай петь во время гребли распространен повсеместно среди жителей северо-западного побережья Шотландии и прилегающих островов. Пение помогает скоротать время и воодушевляет гребцов.

Фингал

Рисунок Ф. О. Рунге (1804—1805)
Гамбургский музей искусств

Оссиан

Рисунок Ф. О. Рунге (1804—1805)
Гамбургский музей искусств

жения копий. Сражения, в которых я часто блистал, но теперь я уже не сражаюсь! Слава былых моих подвигов смолкла, и я сижу одинокий на могилах моих друзей.

Так провели они в песнях ночь и с радостью утро вернули. Фингал, над вереском вставши, взмахнул блестящим копьем. Он двинулся первый к равнинам Лены, и мы — вслед за ним, подобно гряде огневой. «Поднимите парус, — молвил король Морвена, — и поймайте ветер, что с Лены струится». Мы с песней взошли на суда и устремились, ликуя, вперед сквозь океанскую пену.*

* Лучшие критики считают, что эпическая поэма должна иметь счастливый конец. Это правило в наиболее существенных его чертах соблюдается тремя самыми заслуженно прославленными поэтами: Гомером, Вергилием и Мильтоном. И все же — не знаю, как это случилось, — окончания их поэм повергают читателя в уныние. Одна оставляет его на похоронах, другая — при безвременной гибели героя, а третья — в одиночестве безлюдного мира.

Так знаменитого Гектора Трои сыны погребали.

Гомер [Илиада, XXIV, 804].

Вонзил противнику в грудь он железо
Яростный. А у того разрешаются холодом члены,
И со стенанием жизнь неохотно к теням убегает.

Вергилий [Энеида, XII, 950].

Рука в руке, неспешно побрели
Они трошой пустынной по Эдему.

Мильтон [Потерянный рай, XII, 648]

Комала

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Эта поэма ценна для нас тем, что проливает свет на древность сочинений Оссана. Упомянутый здесь Каракул — это Каракалла, сын Севера, который в 211 году возглавил поход против каледонцев. Разнообразие стихотворных размеров показывает, что первоначально поэма была положена на музыку и, вероятно, исполнялась перед вождями в торжественных случаях. Предание сохранило эту историю в более полном виде, чем поэма. «Комала, дочь Сарно, короля Инистора или Оркнейских островов, влюбилась в Фингала, сына Комхала, на пиру, куда отец ее пригласил короля Морвена, когда тот возвращался из Лохлина после смерти Агандеки (см. «Фингал», кн. III). Страсть ее была столь непстова, что она

последовала за ним переодетая, выдавая себя за юношу, желающего участвовать в его войнах. Вскоре ее узнал Хидаллан, сын Ламора, один из героев Фингалова воинства, чью любовь она незадолго до того отвергла. Ее возвышенная страсть и красота произвели на короля такое впечатление, что он решил жениться на ней, но в это время ему сообщили о походе Каракула. Он двинулся со своим войском, чтобы остановить противника, и Комала сопровождала его. Он оставил ее на холме на виду у войска Каракула, а сам поспешил на поле боя, пообещав вернуться в тот же вечер, если останется жив». Окончание этой истории можно узнать из самой поэмы.

Действующие лица

Фингал	Мелилькама	} дочери Морни
Хидаллан	Дерсагрена	
Комала	Барды	

Дерсагрена

Ловитва окончена. Все тихо на Ардвене, лишь слышится рев потока. Дочь Морни, приди же с берега Кроны. Оставь свой лук, заиграй на арфе. Пусть наступает ночь, и радостным нашим пеннем Ардвен вокруг огласится.

Мелилькама*

И ночь наступает, о синеокая дева, на равнине ступилась серая ночь. Я оленя заметила на берегу Кроны, мшистым бугром он казался мне в сумерках, но вскоре прочь ускакал. Метеор плясал вокруг ветвистых рогов, и глядели из туч над Кроной ужасные лики минувших времен.**

* Melilcoma — томные очи.

**

Появляются мне суровые лики и мощных
Трое враждебных богов существа...

Вергилий [Энеида, II, 622].

Дерсагрена*

Это знаки смерти Фингаловой. Пал властитель щитов, и торжествует Каракул! Восстань со скал своих, дочь Сарно Комала,** восстань в слезах. Он повержен, твой юный возлюбленный, и призрак его уже пребывает на наших холмах.

Мелилькама

Там Комала сидит одинокая! Рядом с нею два серых пса ветерок мимолетный вдыхают, лохматые уши насторожив. Алой ланитой дева на руку оперлась, а горный ветер играет в ее волосах. С надеждой она обращает синие очи к полям. Уже ночь сгустилась вокруг, что же ты не идешь, Фингал?

Комала

О Карун-река,*** почему ты струишь предо мною обагренные кровью воды? Разве слышен был гром сраженья на твоих берегах, разве почил король Морвена? Выйди, луна, дочь небес! Выгляни из-за туч, чтобы я увидела сверканье булата Фингалова на поле его надежд. Или же пусть метеор, что озаряет в ночи наших усопших праотцев, явит багровый свой свет и укажет мне путь к моему герою сраженному. Кто защитит меня от невзгод, кто — от любви Хидаллана? Долго придется Комале ждать, чтобы явился Фингал, посреди своей рати сияя, словно утренний луч сквозь тучу раннего ливня.

Хидаллан****

Расстелись, туман угрюмой Кроны, расстелись по тропе охотничьей. Сокрой от моих очей следы его, и да не вспомню я боле о друге своем. Рассеяны ряды его соратников, и не слышно топота ног вокруг булата его звонкого. О Карун, кати свои струи кровавые, ибо повержен вождь народа нашего.

* Dersagrena — сияющий солнечный луч.

** Comala — дева с приятным челом.

*** Carun или Saga'on — излучистая река. Река эта до сих пор сохраняет название Каррон; она впадает в залив Ферт-оф-Форт в нескольких милях севернее Фолкерка.

Рим, что оружием насмерть одних поражает, других же, Им на войне побежденных, ввергает в позорное рабство, Вынужден здесь, объявив, будто он защищает границу, Стены свои простереть до земли меченосных шотландцев; Здесь, на победу утратив надежду, волнами Каррона Он обозначить решил рубежи Итальянского царства.

Бьюкенен [Леса, IV, 196].

**** Хидаллан был послан Фингалом сообщить Комале о его возвращении. Он же, желая отомстить за то, что она незадолго до этого отвергла его любовь, сказал, что король убит в бою. Он даже сделал вид, будто принес тело Фингала, чтобы похоронить его в присутствии Комалы. Это обстоятельство позволяет полагать, что в старину поэма исполнялась как пьеса.

Комала

Кто пал на злачном бреге Каруна, о сын ненастной ночи? Был ли он белым, как снег на Ардвене? Сверкал ли, как дождевая радуга? Вились ли кудри его мягкие, словно туман над холмами в солнечный день? Был ли он страшен в бою, словно гром небесный, быстр, как олень пустыни?

Хидаллан

О если б я мог узреть лик его милой красавицы, что склонилась с утеса! Очи ее покрасневшие слезами застланы, а по ланитам рдеющим кудри рассыпались. Кроткий подуй ветерок и откинь девы густые кудри, чтобы я мог увидеть белую руку ее и ланиты в скорби прекрасные!

Комала

Так, значит, нет уже сына Комхала, о носитель горестной вести? Гром на холме грохочет! Молния мчится на огненных крыльях! Но они не страшат Комалу, ибо повержен ее Фингал. Скажи, носитель горестной вести, повержен ли крушитель щитов?

Хидаллан

Народы рассеялись по холмам своим, ибо уже не услышат они гласа вождя.

Комала

Да преследует смута тебя на равнинах твоих, да достигнет тебя погибель, властитель мира! Да будет короток твой путь до могилы, и дева одна лишь оплачет тебя. Пусть она, как Комала, обольется слезами в дни своей юности! Зачем ты сказал, Хидаллан, что пал мой герой? Я могла б еще краткий срок ожидать его возвращения и казалось бы мне, что я вижу его на далекой скале, в каждом древе мне бы чудился облик его и ветер холма в ушах моих рогом его звучал бы. Ах, если бы я была на бреге Каруна, чтобы жаркие слезы мои пролились на его ланиты.

Хидаллан

Не лежит он на бреге Каруна, холм могильный на Ардвене воздвигают герои ему. Взгляни на них, луна, из-за туч, да воссияет твой луч на его груди, чтобы Комала смогла узреть его в блеске доспехов.

Комала

Подождите, сыны могилы, пока не узрю я своего милого. Одну он оставил меня на охоте. Не ведала я, что он шел на войну. Он сказал, что вернется к ночи, вот и вернулся король Морвена. Зачем не сказал ты

мне, дрожащий сын скалы,* что Фингал падет! Окровавленной видел ты юность его, но ничего не сказал Комале!

Мелилькама

Что там за шум на Ардвене? Кто там сияет в долине? Кто несется к нам, как могучий поток, когда стесненные воды его под луною блестят?

Комала

Кому ж это быть, как не врагу Комалы, сыну властителя мира! Тень Фингала, ты с облаков лук Комалы направишь. Пусть он падет, как пустыни олень! Но это Фингал в толпе теней своих воинов. Зачем ты пришел, мой милый, утратить и обрадовать душу мою?

Фингал

Воспойте, барды, битву на берегах многоводного Каруна! Каракул бежал от рати моей по полям своей гордыни. Он сокрылся вдали словно метеор, что таит в себе духа ночного, когда ветры гонят его над равниной и темные рощи смутно мерцают вокруг.

Мне послышался голос, подобный легкому ветру моих холмов. Не охотница ль это с Галмала, белорукая дочь Сарно? Взгляни с утесов своих, моя милая, и дай мне услышать голос Комалы.**

Комала

Возьми меня в пещеру своего покоя, о любезный сын смерти.

Фингал

Приди же в пещеру моего покоя. Гроза миновала,*** и солнце вновь озаряет наши поля. Приди в пещеру моего покоя, охотница гулкозвучной Коны.

Комала

Он вернулся со славой! Я чувствую силу бранной десницы его. Но нужно мне отдохнуть под скалой, пока душа моя не воспрянет от страха. Пусть приблизится арфа; затяните песню, дочери Морни.

* Слова *сын скалы* означают друида. Возможно, что кто-либо из секты друидов дожил до начала царствования Фингала и что Комала спрашивала у одного из них об исходе войны с Каракулом.

** Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса, покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой.

Песнь песней Соломона [II, 14].

*** Зима уже прошла, дождь миновал, перестал.

Песнь песней Соломона [II, 11].

Дерсагрена

Трех оленей убила Комала на Ардвене, и на скале вздымается пламя.
Приди же на пир Комалы, король лесистого Морвена.

Фингал

Воспойте, сыны песен, битвы на берегах многоводного Каруна, да возликует дева моя белорукая, а я буду смотреть на пир любви моей.

Барды

Струись, многоводный Карун, струись, исполненный радости; чада битвы бежали. Их кони не топчут наших полей, и в землях иных простирают они крылья своей гордыни.* Солнце теперь мирно взойдет и радостно опустятся тени. Голос охоты вновь прозвучит и щиты повиснут на стенах чертога. Станем мы тешиться в битвах морских, и Лохлина кровь обагрит наши длани. Струись, многоводный Карун, струись, исполненный радости; чада битвы бежали.

Мелилькама

Опуститесь, туманы легкие, лунный луч, вознеси ее душу. Бледна под скалою дева лежит! Нет уже больше Комалы!

Фингал

Разве мертва дочь Сарно, белогрудая дева моей любви? Явись мне, Комала, средь вереска, когда буду сидеть я один у потока своих холмов.

Хидаллан

Ужели умолкнул голос охотницы Галмала? Зачем я смутил девичью душу? Когда я увижу тебя, бегущую весело вслед темно-бурым ланям?

Фингал

Юноша, мрачный челом, не пировать тебе впредь в чертогах моих! Не устремись ты со мной на охоту, и неприятель мой не падет от меча твоего.** Проводите меня к месту ее покоя, чтобы мог я узреть ее красоту. Бледна под скалою дева лежит, и хладные ветры кудри ее развевают. Тетива ее лука звенит на ветру, и преломилась стрела, когда дева упала. Воспойте хвалу дочери Сарно, передайте имя ее ветру холмов.

* Возможно, поэт подразумевает римского орла.

** Продолжение истории Хидаллана помещено в виде вставного эпизода в следующей поэме этого сборника.

Барды

Смотрите, кружатся метеоры над девой, и лунный луч возносит ввысь ее душу. Вкруг нее с облаков склонились грозные предки ее, Сарно с мрачным челом и багровоокий Фидаллан.* Когда поднимется вновь рука твоя белая и зазвучит твой голос на наших скалах? Девы начнут искать тебя в вереске, но не отыщут. Порою ты станешь являться им в сновидениях и низводить на их души покой. Долго будет звучать в их ушах твой голос,** и с радостью будут они вспоминать покойные сновидения. Кружатся метеоры над девой, и лунный луч возносит ввысь ее душу.

* Сарно, степь Комалы, умер вскоре после ее бегства. Фидаллан был первым королем на Инис-горе.

**

Окончил ангел речь, но сладкий глас
Еще как бы звучал в ушах Адама,
И тот, недвижимый, все ему внимал.

Мильтон [Потерянный рай, VIII, 1].

Сражение с Каросом

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Карос — это, очевидно, известный римский захватчик Каравзий, по происхождению менапий, который объявил себя императором в 284 году и, завладев Британией, одержал в нескольких морских сражениях победу над императором Максимианом Геркулием; поэтому в поэме он с основанием назван *власти-*

телем кораблей. Он начал восстанавливать вал Агриколы, чтобы помешать набегам каледонцев, и, видимо, когда он был занят этим делом, на него напал отряд, возглавляемый Оскаром, сыном Оссиана. Это сражение составляет основу поэмы, которая обращена к Мальвине, дочери Тоскара.

Принеси, дочь Тоскара, принеси мне арфу. Свет песнопений зажегся в душе Оссиановой. Она подобна вечернему полю, когда мрак покрывает холмы окрест и медленно движутся тени на солнечный дол.

Мне привиделся сын мой, Мальвина, возле утеса мшистого Кроны.* Но это туман пустыни, озаренный закатным лучом.** Любезен мне этот туман, Оскара образ принявший! Прочь от него унесите, ветры, ревущие на склонах Ардвена.

Кто там идет к моему сыну, тихую песнь напевая? Посох в длани его, седые волосы развеваются по ветру. Угрюмая радость лицо освещает, и часто оглядывается он на Кароса. Это Рино-певец,*** он пришел взглянуть на врага.

«Что делает Карос, властитель кораблей? — молвил сын Оссиана, ныне скорбящего. — Простер ли он крылья гордыни своей,**** скажи мне, бард минувших времен?»

«Оскар, он их простер, — отвечивал бард, — но лишь позади своей кучи камней.***** В страхе выглядывает он из-за них и видит, как ты ужасен, подобно духу ночному, что гонит волну на его корабли».

«Иди же, о первый из бардов моих, — говорит ему Оскар, — и копьё Фингала возьми. Укрепи огонь на его конце и взмахни им под ветром небесным. Песней вызови Кароса — пусть он выйдет вперед, пусть оставит волны свои зыбучие. Скажи ему, что я жажду брани и что лук мой наскучил ловитвой на Коне. Скажи ему, что нет здесь могучих и юна девица моя».

* Крона — название небольшой реки, впадающей в Каррон. На ее берегах развертывается действие предыдущей драматической поэмы.

** Кто эта, восходящая из пустыни, как столпы дыма.

Песнь песней Соломона [III, 6].

*** Рино часто упоминается в древней поэзии. Он, по-видимому, принадлежал к самым прославленным бардам времен Фингала.

**** Подразумевается римский орел.

***** Вал Агриколы, который восстанавливал Каравзий.

С песней отправился бард. Оскар возвысил голос. Он донесся до слуха героев на Ардвене, словно гул пещеры,* когда море Тогормы катит перед нею валы и деревья ее встречают ревуший ветер. Они собираются вокруг моего сына, словно горные реки, что после ливня горделиво несутся в русле своем.

Рино пришел к могучему Каросу и ударил о землю копьём пламенеющим. «Выходи на сражение с Оскаром, о ты, воссевший на водах зыбучих. Фингал далеко, он слушает в Морвене пение бардов своих, и ветер чертога играет его волосами. Копье его грозное рядом покоится, там же и щит, подобный померкшей луне. Выходи на сражение с Оскаром, герой остался один».

Он не пошел чрез многоводный Карун;** бард вернулся с песней своей. Серая почь над Кроной сгущается. Пиршество чаш уготовано. Сотня дубов горит на ветру, и бледный свет озаряет вересковую пустошь. Духи Ардвена мчатся сквозь луч, являя вдали свой смутный облик. Комала едва различима на вихре своем,*** а Хидаллан угрюм и смутен, словно месяц, померкший в тумане ночном.

«Почему ты печален? — Рино спросил; он один лишь видел вождя. — Почему ты печален, Хидаллан, разве тебе не воздали хвалы? Песнь Оссиана звучала, и дух твой сиял на ветру, когда ты склонялся с облака, слушая пение барда Морвена».

«А разве очи твои видят героя, подобного смутной маре ночной? — молвил Оскар. — Поведай, Рино, поведай, как погиб тот вождь, столь славный во дни наших праотцев? Имя его поныне звучит на утесах Коны, и часто я видел потоки его холмов».

«Фингал, — ответствовал бард, — изгнал из сражений своих Хидаллана. Душа короля по Комале скорбела, и взору его был ненавистен Хидаллан».

Одинокий, унылый, медленно брел он по вереску неслышной стопой. В беспорядке висело на нем оружие. Власы его, выбившись из-под шлема, развеваются по ветру. Слезами полны склоненные долу очи, и вздох застался в груди.

Три дня он блуждал одинокий, вдали от людей, пока не пришел к чертогам Ламора, к замшелым чертогам праотцев у источника Балвы.**** Ламор сидел одиноко под деревом, ибо с Хидалланом он отослал на брань все свое племя. Поток струился у ног его, и седая глава склонилась на

*

... так ущелья
Удерживают звук ветров ревущих

Мильтон [Потерянный рай, II, 285].

** Река Каррон.

*** Подразумевается сцена смерти Комалы, составляющая содержание драматической поэмы. Поэт упоминает ее здесь, чтобы ввести окончание истории Хидаллана, повинного в смерти Комалы, за что Фингал изгнал его из своих войск.

**** Возможно, это небольшой источник, сохраняющий до сих пор имя Балвы, который течет по романтической долине Глентивар в Стерлингшире. Balva означает тихий источник, а Glentivar — уединенная долина.

посох. Его старые очи ослепли. Он напевал песню минувших времен. Шум шагов Хидаллана слуха его достиг, он узнает сыновью поступь.

„Вернулся ли Ламора сын иль это шорох тени его? Ужели ты пал на берегу Каруна, сын престарелого Ламора? Или, если я слышу шаги Хидаллана, где же могучее воинство? Где мои люди, Хидаллан, что возвращались всегда, звонко бряцая щитами? Ужель они пали на берегу Каруна?“

„Нет, — со вздохом отвечивал юноша, — люди Ламора живы. Они венчаются славою в битве, отец, но погибла слава Хидаллана. Мне суждено одиноко сидеть на берегу Балвы, когда загрохочет сраженье“.

„Но отцы твои одиноко вовек не сидели, — гордо ответил Ламор, — они одиноко вовек не сидели на берегу Балвы, когда грохотало сраженье. Видишь ли эту могилу? Уже мои очи не различают ее: там опочил благородный Гармаллон, вовек от войны не бежавший. «Приди, увенчанный славою в битве, — он говорит, — приди на могилу отца твоего». Как же могу я славою венчаться, Гармаллон, если сын мой бежал от войны!“

„Цороль многоводной Балвы, — молвил Хидаллан со вздохом, — зачем ты терзаешь мне душу? Ламор, вовек не ведал я страха. Фингал скорбел по Комале, потому он изгнал Хидаллана из сражений своих. «Ступай к седым потокам твоей страны, — он сказал мне, — и там истлевай, как безлистый дуб, что бурей склонен над Балвой и веки уже не воспрянет“.

„Неужто, — Ламор ответил, — удел мой слушать одинокую поступь Хидаллана? Неужто он будет склоняться над моими седыми потоками, когда тысячи славою венчаются в битве? Дух благородный Гармаллона, отведи ты Ламора к месту его покоя; очи его потухли, скорбна душа, а сын его славы лишился!“.

„Где же искать мне славы, — юноша молвил, — чтобы Ламора душу возвеселить? Откуда смогу я вернуться прославленный, чтобы звоном своих доспехов усладить его слух? Если пойду на ловитву ланей, мое имя никто не услышит: Ламор не станет наощупь ласкать моих псов, довольный, что сын воротился с холма. Он не спросит меня о горах своих или о темно-бурых оленях своих пустынь“.

„Я должен пасть, — Ламор сказал, — как безлистый дуб; он рос на скале, но буря низвергла его. На холмах моих увидят мой дух, скорбящий о юном Хидаллане. Ужель вы, туманы, ввысь поднимаясь, его не сокроете от взоров моих? Сын мой, войди в жилище Ламора, там висит оружие наших предков. Принеси мне меч Гармаллона, он отнял его у врага“.

Он пошел и принес меч с ремнями богато украшенными. Он подал его отцу. Седовласый герой ощущал его острие.

„Сын мой, веди меня на могилу Гармаллона; она возвышается рядом с тем шелестящим деревом. Длинные травы вокруг иссохли: я слышал, как свистел там ветер. Рядом журчит ручеек и струит свои воды в Балву. Там я хочу отдохнуть. Уже полдень, и солнце сияет в наших полях“.

Он отвел его на могилу Гармаллона. Ламор пронзил там грудь своего сына. Они почивают вместе, а древние их чертоги рассыпаются в прах на

береге Балвы. Там духи являются в полдень, долина безмолвна, и люди страшатся приблизиться к месту упокоения Ламора».

«Печальна повесть твоя, сын старинных времен! — молвил Оскар. — Сердце мое скорбит о Хидаллане: пал он во дни своей юности. В вихрях пустыни носится он, скитаясь по чуждым странам.

Сыны гулковзвучного Морвена, приближьтесь к врагам Фингала. Проведите ночь в пении и следите за воинством Кароса. А Оскар пойдет к воителям прошлых времен, к теням безмолвного Ардвена, где его смутные праотцы сидят на своих облаках, созерцая грядущие брани. Не там ли и ты, Хидаллан, как метеор угасающий? Явись моим очам в скорби своей, вождь ревущей Балвы!»

Герои шествуют с песнями. Оскар медленно всходит на холм. Метеоры ночные на вереск пред ним опускаются. Еле слышен потока дальнего рев. Изредка ветра порывы пролетают сквозь ветви старых дубов. Тускло-багровый ущербный месяц скрывается за холмом. Слабые вопли над вереском слышатся. Оскар свой меч извлек.

«Придите, — молвит герой, — о вы, духи моих праотцев, вы, что сражались против властителей мира! Поведайте мне о грядущих делах и о ваших беседах пещерных, когда встречаетесь вы и созерцаете потомков своих на полях доблести».

Тренмор сошел с высоты на зов потомка могучего. Туча, как конь чужеземный, несла воздушные члены. Одежда его — туманы озера Лано, что приносят людям погибель. Его меч — метеор угасающий. Лик его неясен и темен. Он трижды вздохнул над героем, и трижды взревели вокруг ветры ночные. Много слов говорил он Оскару, но только обрывки их долетали до наших ушей. Были они темны, как преданья минувших времен, пока на них не прольется свет песнопений. Медленно он исчезал, словно таял под солнцем туман на холме.

С этой поры, о Тоскара дочь, опечалился сын мой. Он предвидел погибель племени своего и становился порою задумчив и мрачен, словно солнце, что лик свой скрывает в туче,* но потом опять озаряет Кони холмы.

Оскар провел эту ночь среди праотцев, серое утро застало его на берегу Каруна.

Зеленый дол окружает могилу, что воздвигнута в древние годы. Поодаль холмы небольшие поднимают верхи и подставляют ветру старые деревья. Там сидели воины Кароса, ибо ночью они перешли поток. В бледном сиянии рассвета они казались стволами дряхлеющих сосен.

Оскар встал на могилу и трижды возвысил грозный свой глас. Скалистые горы окрест отозвались, встрепенулись косули и прочь поскакали. А дрожащие духи мертвых улетели, вопя, на тучах своих. Так грозен был глас моего сына, когда созывал он друзей.

Поднялась вокруг тысяча копий, поднялось воинство Кароса. Зачем, дочь Тоскара, зачем эти слезы? Сын мой бесстрашен, пусть он и один.

* Лик лучезарный оно темнотой багровеющей скрыло.

Оскар подобен лучу небесному; он сверкнет, и падают люди. Длань его, словно десница духа, когда тот простирает ее из-за тучи; невидим прозрачный образ его, но люди в долине мрут.

Мой сын узрел приближенье врага, и встал он в мрачном безмолвии силы своей. «Разве один я, — Оскар спросил, — среди тысячи супостатов? Много здесь копий и много свирепых очей устремлены на меня! Что же, бежать мне на Ардвен? Но разве бежали когда-нибудь предки мои! Их десница оставила след в тысяче битв. Оскар тоже прославится. Придите вы, смутные духи предков, узреть мои бранные подвиги! Я паду, может быть, но буду прославлен, как народ гулкозвучного Морвена!» *

Он стоял, возрастая на месте своем, словно поток, что вздымается в узкой долине. Грянула битва, но пали они; Оскара меч обагрился. Люди его на Кроне слышали шум, они устремились к нему, как сотня потоков. Побежали войны Кароса, а Оскар остался недвижим, словно скала, отливом морским покинутая.

Тогда Карос двинул все силы свои и всех своих скакунов, как поток глубокий и мрачный; малые ручьи исчезают в стремлении его, и земля вокруг содрогается. Битва простерлась от края до края; десять тысяч мечей сразу сверкнули под твердью небесной. Но к чему Оссиану петь о сражениях? Ибо вовек не блистать моей стали в боях. Со скорбью я вспоминаю дни своей юности, когда чувствую, как ослабела десница моя. Счастливы те, кто в юности пал в полном сиянии славы! Не довелось им увидеть могилы друзей или тщетно пытаться натягивать лук своей мощи. Счастлив ты, Оскар, среди шумных вихрей. Часто приходишь ты на поля своей славы, где Кароса гнал твой подъятый меч.

Мрак нисходит на душу мою, о прекрасная дочь Тоскара. Уже я не вижу облика сына на Каруне, и на Кроне не вижу Оскара. Далеко унесли его шумные ветры, и печально сердце отца.

Но отведи меня, о Мальвина, туда, где разносится шелест моих лесов и рев моих горных потоков. Дай мне услышать охоту на Коне, чтобы я мог вспомнить дни минувших годов, и принеси мне арфу, о дева, чтобы я коснулся ее, когда просветлеет душа моя. Ты же будь рядом и выучи песню, и тогда времена грядущие услышат об Оссиане.

Потомки слабых людей возвысят свой голос на Коне и скажут, взглянув на скалы: «Здесь жил Оссиан». Они станут дивиться вождям старины и народу, какого уж нет. А мы тогда, о Мальвина, будем носиться на облаках, на крыльях ревущих ветров. Иногда голоса наши будут слышны в пустыне, и ветры скалы разнесут нашу песнь.

* Это место очень похоже на монолог Улисса, произнесенный в сходных обстоятельствах.

Горе! что будет со мною? позор, коль, толпы устрашася,
Я убегу; но и горше того, коль толпою постигнут
Буду один я: других аргивян громовеждец рассыпал.
Но почто мою душу волнуют подобные думы?
Знаю, что подлый один отступает бесчестно из боя!
Кто на боях благороден душой, без сомнения, должен
Храбро стоять, поражают его, или он поражает!

Гомер. Илиада, XI [404].

Война Инис-тоны*

ПОЭМА

Наша юность, как сон зверолова на вересковом холме. Он засыпает под кротким сиянием солнца, он пробуждается среди бушующей бури; алая молния вьется окрест, и ветер сотрясает верхушки деревьев. Отраднo вспомнить ему тогда солнечный день и сладостные свои сновидения!

Вернется ли вновь Оссианова юность, усладится ли слух его звоном оружия? Буду ль я вновь, подобно Оскару, выступать в блеске стали своей? ** Придите, холмы Коны, ручьями увитые, и внимлите гласу Оссиана. Песня восходит, как солнце, в душе моей, и сердце мое ощутило радость минувших времен.

Я вижу, о Сельма, башни твои и дубы тенистой стены. В ушах моих шум твоих потоков. Герои вокруг собираются. Фингал сидит посреди, опираясь на щит Тренмора; он копьe прислонил к стене и внимлет пению бардов. Они славят деянья десницы его и подвиги юных дней короля.

Оскар вернулся с ловитвы и услышал хвалу герою. Он снял со стены щит Бранно,*** слезами наполнились очи его. Зарделись ланиты юноши. Задрожал его тихий голос. Блистающее острие моего копья сотрясалось в длани его; он сказал королю Морвена.

«Фингал, король героев! Оссан, первый за ним во брани! Ваша юность прешла в сражениях, имена ваши в песнях прославлены. А Оскар, словно туман над Коной: как появился, так и исчезнет. Бард не узнает моего имени. Охотник не станет искать могилы моей среди вереска. О герои, позвольте сразиться мне в битвах Инис-тоны. Далеко лежит земля брани моей; не услыхать вам о гибели Оскара! Разве лишь некий бард найдет меня там и даст мое имя песне. Дочь чужеземца увидит могилу мою и оплачет вонтеля юного, что пришел издалека. Бард на пиру возгласит: „Слушайте песнь об Оскаре из чужедальней земли!“»

«Оскар, — ответил король Морвена, — ты будешь сражаться, сын моей славы! Готовьте корабль темногрудый, да унесет моего героя на Инис-тону. Сын моего сына, чти нашу славу, ибо твой род знаменит. Да не дерзнут сказать отпрыски чужеземцев: „Слабы сыны Морвена!“ Будь же в сражении бурей ревущей, а в дни мира — кроток, как солнце вечернее. Скажи, Оскар, королю Инис-тоны, что Фингал вспоминает юность свою, когда сходились мы в поединке во дни Агандеки.»

* Inis-thona, т. е. *остров волн*, — один из скандинавских островов, где был свой король, зависевший, однако, от короля Лохлина. Поэма представляет собою вводный эпизод, включенный в большое произведение Оссиана, повествующее о подвигах его друзей, равно как и любимого его сына Оскара. Это произведение утрачено, но устное предание сохранило некоторые эпизоды, в том числе и рассказ, положенный в основу настоящей поэмы. До сих пор еще живы люди, которые в юности слышали повествование целиком.

** Выступающий в полной силе своей.

Книга пророка Исаи, LXIII, 1.

*** Бранно — отец Эвиралин и дед Оскара. Ирландец по происхождению, он правил краем вокруг озера Лего. Предание о его великих подвигах передается из поколения в поколение, а его гостеприимство вошло в поговорку.

Они подняли шумный парус. В мачтовых ремнях * свистали ветры. Волны бились о скалы, покрытые тиной, мощь океана ревела. С высокой волны мой сын увидел поросший дубравами край. Он устремился в залив гулкозвучный Руны и послал свой меч властителю копий Анниру.

Увидя Фингалов меч, встал седовласый герой. Очи его исполнились слез, и он вспомнил битвы их юности. Трижды вздымали они свои копья пред Агандекой любезной; герои стояли поодаль от них, словно два духа мерились силами.

«Но теперь, — начал король, — я уже стар, праздно покоится меч в чертоге моем. О ты, отрасль племени Морвена! Было время, участвовал Аннир в состязании копий, но поблек он ныне и высох, словно дуб у Лано. Нет сыновей у меня, чтобы радостно встретить тебя или проводить в чертоги предков своих. Бледен почует Аргон в могиле, и нет уже более Руру. Дочь моя в чужеземном чертоге и жаждет узреть могилу мою. Ее супруг сотрясает десять тысяч копий и движется, словно туча смерти с озера Лано.** Приди ж разделить пиршество Аннира, сын гулкозвучного Морвена».

Три дня они пировали вместе, на четвертый Аннир услышал пня Оскара.*** Они тешились чашей **** и гонялись за вепрями Руны.

Возле источника мшистых камней отдыхали герои усталые. Тайно скатилась слеза по ланите Аннира, и тяжкий вздох исторгся из груди его. «Здесь, — промолвил герой, — почивют во тьме чада моей юности! Этот камень — могила Руру, то древо шумит над останками Аргона. Слышите ль вы мой глас, о сыны, в вашем тесном жилище? Или вы говорите в шелесте этих листьев, когда подымаются ветры пустыни?»

«Король Инис-тоны, — Оскар спросил, — как пали юные чада? Их могилы нередко дикий вепрь попирает, но он не тревожит охотников.***** На оленей облачных они охотятся и напрягают воздушные

* Кожаные ремни употреблялись во времена Оссиана вместо веревок.

** Кормало затеял войну против своего тестя Аннира, короля Инис-тоны, чтобы захватить его владения. Несправедливость его притязаний так возмутила Фингала, что тот послал своего внука Оскара на помощь Анниру. Вскоре оба войска вступили в битву, в которой благоразумие и доблесть Оскара обеспечили ему полную победу. Гибель Кормало, павшего в поединке от руки Оскара, положила конец войне. Такой рассказ сохранило предание, но поэт, желая возвысить своего сына, делает зачинщиком похода самого Оскара.

*** В те героические дни считалось нарушением правил гостеприимства спрашивать имя чужеземца до окончания трехдневного пиршества в большом родовом чертоге. Выражение *тот, кто страшивает имя чужеземца*, до сих пор служит на севере попойской кличкой негостеприимного человека.

**** *Тешиться чашей* — выражение, означающее пышное пиршество, на котором много пьют.

***** У Оссиана было такое же представление о загробной жизни, как у древних греков и римлян. Они полагали, что души, отделившись от тела, продолжают предаваться прежним занятиям и удовольствиям.

Тот дивится вдали колесницам мужей и доспехам Праздным. Копья стоят, воткнутые в землю, и копья Вольно пасутся в полях. Насколько тех колесницы И оружие живых утешало, насколько любили

Гладких пасти лошадей, страсть та же у мертвых осталась.

Вергилий [Энеида, VI, 651].

луки. Им по-прежнему милы забавы юности и любо верхом на ветре скакать».

«Кормало, — ответил король, — вождь десяти тысяч копий. Он обитает у вод мрачно-бурного Лано, что высылают облако смерти.* Он пришел к гулкозвучным чертогам Руны, чтобы снискать себе почесть копья.** Юноша был прекрасен, как первый луч солнца, и мало кто мог сойтись с ним в бою. Герои мои покорились Кормало, а дочь полкубила детище Лано.

Аргон и Руро вернулись с охоты и пролили слезы гордыни. Молча взирали они на героев Руны, ибо те сдались чужеземцу. Три дня они пировали с Кормало, на четвертый мой Аргон сразился. Но кто ж мог сражаться с Аргоном? Вождь Лано повержен. Уязвленной гордыни исполнилось сердце его, и он втайне решил, что увидит смерть моих сыновей.

Они пошли на холмы Руны и погнались за темно-бурыми ланями. Тайно взвилась стрела Кормало, и пали дети мои. Он пришел к деве своей любви, к темноволосой деве Инис-тоны. Они бежали через пустыню, и Аннир остался один.

Ночь наступила, за нею день появился, но не дошел до ушей моих ни Аргона глас, ни Руро. Наконец примчался любимый их пес, быстро-скачущий Рунар. Он вбежал в чертог и завыл, и казалось, что он туда обращает свой взор, где пали они. Мы пошли ему вслед и нашли их и положили на бреге потока мшистого. Там приют излюбленный Аннира после охоты на ланей. Я склоняюсь над ними, как ствол дряхлого дуба, и слезы текут непрестанно».

«О Роннан и Огар, властитель копий! — сказал, поднимаясь, Оскар, — зовите ко мне героев моих, сынов многоводного Морвена. Сегодня пойдем мы к озеру Лано, что высылает облако смерти. Недолго радоваться Кормало, часто смерть осеняет наших мечей острие».

Через пустыню пошли они, как гроззовые тучи, когда ветры несут их над вереском; их края обвивает молния, и гулкозвучные рощи предчув-

Видел я там, наконец, и Ираклову силу, один лишь
 Призрак воздушный. . .
 Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
 Хищные птицы; и темной подобая ночи, держал он
 Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
 Вкруг озирался, как будто готовясь выстрелить; страшный
 Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
 Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
 Львы грозноokie, дикие вебри, лесные медведи,
 Битвы, убийства, людей истребление изваяны были. . .

Гомер. Одиссея, XI [601].

* Лано, озеро в Скандинавии; во времена Оссиана считалось, что осенью оно выделяет смертоносные испарения. А ты, о бесстрашный Духомар, ты был, как туман над болотистым Лано, когда плывет он по осенним равнинам и приносит смерть людям (Фингал, кн. I).

** Под почестью копья подразумевается особого рода поединок, распространенный среди древних северных народов.

ствуют бурю. Раздался Оскара рог боевой, и возмутились воды Лано. Чада озера собрались вокруг звонкого щита Кормало.

Оскар сражался, как всегда в битве несокрушимый. Кормало пал под его мечом, а сыны зловещего Лано бежали в свои сокровенные доли. Оскар привез дочь Инис-тоны в гулкозвучные чертоги Аннира. Старца лицо озарилось радостью, он благословил властелина мечей.

Как ликовал Оссиан, когда он узрел вдалеке парус сыновний! Парус явился, подобный светлому облаку, что на восходе вздымается, когда путник скорбит в незнакомом краю, а зловещая ночь, своих духов собрав, восседает вокруг него.

С песнями мы проводили его в чертоги Сельмы. Фингал повелел приготовить пиршество чаш. Тысячи бардов славили имя Оскара, и Морвен отвечал пению. Дочь Тоскара была с нами, и голос ее звенел, словно арфа, когда вечерней порой нежновеющий ветер долины приносит звук отдаленный.

О вы, кто еще видит солнце, положите меня возле утеса моих холмов, чтобы кругом густой орешник стоял, а рядом — шумящий дуб. Да упокоюсь я среди зелени, куда донесется потока дальнего гул. Тоскара дочь, возьми арфу и спой мне сладостную песню Сельмы, чтобы, исполнена радости, в сон погрузилась моя душа, чтоб воротились видения юности и дни Фингала могучего.

Сельма, я вижу башни твои, дерева и тенистую стену. Я зрю героев Морвена и слышу пение бардов. Оскар вздымает меч Кормало, и его ремнями украшенными восхищаются тысяча юных бойцов. Они изумленно взирают на моего сына и восхищаются силой его десницы. Они замечают радость в глазах отца, они жаждут такой же славы.

И вы обретете славу, сыны многоводного Морвена! Душа моя часто озаряется песней, и я вспоминаю товарищей юности. Но сон нисходит со звуками арфы, и встают виденья утешные. Вы, сыны ловитвы, останьтесь вдали, не смущайте моего покоя.* Бард минувших времен беседует ныне с праотцами, вождями дней стародавних. Сыны ловитвы, останьтесь вдали, не смущайте снов Оссиана.

* Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами и лаями полей, не будите и не тревожьте возлюбленного, доколе ему угодно.

Битва при Лоре

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Эта поэма представляет собой законченное произведение; устное предание не дает повода считать ее вставным эпизодом из какого-либо большого сочинения Оссиана. В оригинале она называется *Duan a Chuldich*, или *Песнь Кульди*, потому что обращена к одному из первых христианских миссионеров, которых за их уединенный образ жизни прозвали кульди, то есть *уединенные люди*. — Эта история имеет большое сходство с историей, положенной в основу Илиады. Фингал, изгнав из Ирландии Сварана и возвратившись в родной край, задал пир свсим героям, но при этом забыл пригласить Маронана и Альдо, двух вождей, не участвовавших в его походе. Обижен-

ные таким невниманием, они отправились к Эрагону, королю скандинавской страны Соры, заклятому врагу Фингала. Альдо вскоре прославился в Соре своей доблестью, и Лорма, прекрасная жена Эрагона, влюбилась в него. Ему удалось тайно бежать с ней и вернуться к Фингалу, который находился тогда на западном побережье вблизи Сельмы. Эрагон вторгся в Шотландию, отверг мирные условия, предложенные ему Фингалом, и пал в битве от руки Гола, сына Морни. Во время этой войны погиб и Альдо в поединке со своим соперником Эрагоном, а несчастная Лорма умерла от горя.

Сын далекой земли, обитатель сокровенной кельи! Слышу ль я шелест рощи твоей иль это глас твоей песни? В моих ушах рокотал поток, но я слышал глас благозвучный. Кого восхваляешь ты — вождей ли родной земли, духов ли ветра? * Но, одинокий житель скалы, взгляни на тот вересковый дол. Ты увидишь могилы зеленые, на них густая трава шуршащая, на них камни, поросшие мхом. Ты увидишь их, сын скалы, но глаза Оссиана ослепли.

Горный поток низвергается с ревом и стремится свои воды вокруг зеленой горы. На вершине ее вздымаются четыре замшелых камня среди засохшей травы. Два дерева, склоненные бурею, простирают вокруг шумливые ветви. Это твоё жилище, Эрагон,** это твой тесный дом! Звон твоих чаш давно уже в Соре забыт, и щит потемнел в чертоге твоём. Эрагон, король кораблей! вождь далекой Соры! Как ты пал в наших горах? *** Как повержен могучий?

Сын сокровенной кельи, тешат ли песни тебя? Так слушай о битве при Лоре; звон ее стали давно утих. Так гром прогремит над омраченным холмом и снова все умолкает. Солнце, вернувшись, безмолвно струит лучи. Улыбаются скалы блестящие и зеленые выси гор.

* Поэт подразумевает кульдийские религиозные гимны.

** Eragon или Ferg-thonn означает *ярость волн*; возможно, это поэтическое имя дал ему Оссиан, потому что в преданиях он зовется Анниром.

*** Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! как пали сильные!

Вторая книга Царств, I, 19.

Как пали сильные на бранц! Сражен Ионафан на высотах твоих.

Там же, I, 25.

Залив Коны принял наши суда с бушующих волн Уллина; * белые паруса бессильно повисли на мачтах, и буйные ветры ревели за рощами Морвена. Рог короля прозвучал, и олени прочь побежали с утесов. Наши стрелы в леса полетели; на холме уготовано пиршество. Славно мы веселились на скалах в честь победы над грозным Свараном.

Два героя были забыты на пиршестве нашем, и гневом они воспылали. Тайно вращали они багровые очи; у каждого стон из груди вырывался. Видели их, когда они меж собой говорили и копьа бросали наземь. Они были две темные тучи среди радости нашей, словно столпы тумана среди покойного моря. Оно сверкает на солнце, но моряки опасаются бури.

«Подними паруса мои белые, — молвил Маронан, — подними, и пусть их наполнит западный ветер. Понесемся, Альдо, сквозь пену северных волн. Нас на пиру позабыли, хоть наши десницы багрились кровью. Покинем холмы Фингала и станем служить властителю Соры. Свиреп его лик, и клубится война вокруг его копьа. Стяжаем славу, о Альдо, в боях гулкозвучной Соры».

Они взяли мечи и щиты с ремнями и устремились к заливу шумному Лумара. Пришли они к надменному королю Соры, вождю скакунов ретивых. Эрагон вернулся с охоты; копые его кровью обогрено. Он долу склонял лицо свое темное и насвистывал на ходу. Он пригласил чужеземцев на свои пиры. Они сражались и побеждали в бранях его.

Возвращался Альдо, увенчанный славой, к высоким стенам Соры. С башни смотрела супруга Эрагона, смотрели влажные, томные очи Лормы. Ее темно-русые волосы развеивает ветер океана, белые перси колыхаются, словно снег на вереске, когда поднимаются легкие ветры и тихо вздымают его на свету. Она увидела младого Альдо, подобного лучу заходящего солнца Соры. Нежное сердце ее вздохнуло, слезы наполнили очи, и глава склонилась на белую руку.

Три дня сидела она в чертоге, скрывая горе весельем. На четвертый она бежала с героем по бурному морю. Они достигли замшелых башен Коны и пришли к Фингалу, властителю копий.

«Альдо надменносердый, — сказал, вставая, король Морвена, — стану ль тебя защищать я от гнева короля оскорбленного Соры? Кто примет моих людей в чертогах своих, кто пир задаст чужеземцам после того, как Альдо, ничтожный душой, похитил красавицу Соры? Ступай на холмы свои, бессильная длань, и сокройся в свои пещеры. Прискорбна битва, что нам предстоит с королем омраченным Соры. Дух благородного Тренмора! Когда же Фингал перестанет сражаться? Я рожден среди битв,** и мне суждено по крови шагать до могилы. Но десница моя не обидела слабого, мой булат не коснулся того, кто не владел оружием. Я предвижу бури, о Морвен, что ниспровергнут мои чертоги, когда чада мои погибнут в бою и никого не останется в Сельме. Тогда придут бессиль-

* Это произошло, когда Фингал возвращался с войны против Сварана.

** Комхал, отец Фингала, был сражен в битве против племени Морни в тот самый день, когда Фингал родился, поэтому вполне уместно сказать, что он был рожден среди битв.

ные, но они не найдут могилы моей; слава моя в песне, и почтут времена грядущие мои подвиги сновидением».

Вкруг Эрагона собрался его народ, как бури вокруг духа ночи, когда сзывает он их с вершины Морвена, чтоб устремить в далекий иноплеменный край. Он дошел до берега Коны и послал к королю барда, требуя битвы тысяч или земли многих холмов.

Фингал сидел в чертоге своем в кругу товарищей юности. Младые герои охотились и зашли далеко в пустыню. Седые вожди толковали о делах своей юности и о минувших годах, когда пришел престарелый Нартмор, король многоводной Лоры.*

«Не время теперь, — начал вождь, — слушать песни времен минувших: хмурый Эрагон стоит на бреге и подьмет десять тысяч мечей. Мрачен король меж своих вождей! он словно месяц померкший среди ночных метеоров».

«Приди, — промолвил Фингал, — из твоего чертога, дочь любви моей; приди из твоего чертога, Босмина,** дева многоводного Морвена! Нартмор, возьми коней чужеземцев*** и сопутствуй Фингаловой дочери. Пусть она пригласит властителя Соры на пиршество наше к тенистым стенам Сельмы. Предложи ему мир, Босмина, достойный героя, и сокровища щедрого Альдо. Далеко отселе охотятся юноши Морвена, а наши длани дрожат от старости».

Она пришла в войско Эрагона, словно луч света в мрачную тучу. В правой ее руке сияла стрела золотая, а в левой — блестящая чаша, знамение мира в Морвене. При виде ее просиял Эрагон, словно утес под нежданнами солнца лучами, когда исходят они из разорванной тучи, разделенной ревушим ветром.

«Сын далекой Соры, — начала, зарумянившись, нежная дева, — приди на пир короля Морвена к тенистым стенам Сельмы. Мир, достойный героя, прими, о воин, и оставь покоиться темный меч у бедра твоего. А если ты предпочтешь сокровища королевские, выслушай слово щедрого Альдо. Дает он Эрагону сотню коней, что послушны узде, сотню красавиц из дальних стран, сотню соколов, что на трепетных крыльях небеса прорезают. Твоими же будут сто поясов, дабы высокогрудых жен опоясать; помогают они героев рожать и исцеляют чада мучений.**** Десять чаш, камнями украшенных, будут сиять в чертогах Соры; блеском их озаренная, вода ключевая искрится, как вино. Некогда они веселили властителей мира***** посреди гулкозвучных чертогов. Твоими станут

* Neart-mór — великая сила. Loga — шумная.

** Bos-mhina — мягкая и нежная рука. Она была младшей дочерью Фингала.

*** Вероятно, это были кони, захваченные каледонцами во время вторжения в римские владения, на что, по-видимому, указывает выражение кони чужеземцев.

**** Освященные пояса до последнего времени сохранялись во многих семействах на севере Шотландии. Ими опоясывали рожениц: считалось, что они облегчают муки и ускоряют роды. На них были вытиснены некие тайные знаки, и обряд опоясывания ими женской талии сопровождался словами и телодвижениями, которые свидетельствуют, что обычай этот унаследован от друидов.

***** Римских императоров. Эти чаши были частью военной добычи, захваченной у римлян.

они, о герой, или супруги твоей белогрудой. Лорма будет очами блестящими поводить в чертогах твоих, хоть и любит Фингал великодушного Альдо, Фингал, что вовек не обидел героя, хотя десница его сильна».

«Нежный голос Коны, — ответил король, — скажи ему, что напрасно готовит он пир. Пусть Фингал повергнет к моим стопам всю добычу свою, пусть покорится он власти моей. Пусть отдаст мне мечи своих праотцев и щиты минувших времен, дабы чада мои, узрев их в моих чертогах, сказали: „Это оружие Фингалово“».

«Вовек не узреть им его в твоих чертогах, — полнясь гордостью, молвила дева, — оно в могучих дланях героев, что на войне никогда не сдаются. Король гулкозвучной Соры, собирается буря на наших холмах. Иль не предвидишь ты падения племени своего, сын далекой земли?»

Она вернулась в чертоги безмолвные Сельмы; король увидал очи ее потупленные. Он встал во весь рост в силе своей и потряс седыми кудрями. Он взял кольчугу звенящую Тренмора и темно-бурый щит праотцев. Мрак разлился в чертогах Сельмы, когда он простер свою длань к копыю: тысячи духов были вблизи и предвидели гибель многих людей. Грозной радостью вспыхнули лица престарелых героев; они бросились навстречу врагу, помышляя о подвигах прошлых времен и о славе могилы.

И тогда у могилы Тратала появились охотничьи псы. Понял Фингал, что за ними следуют юные воины, и прервал он свой путь. Оскар явился первым, за ним сын Морни и потомок Неми; далее шествовал Феркут* угрюмый. Черные волосы Дермида развевались по ветру. Последним пришел Оссиан, о сын скалы;** я напевал песнь минувших времен и, опершись на копые, через ручьи проносился, могучих мужей вспоминая. Фингал ударил в щит свой горбатый и подал злоеущий знак войны. Тысяча мечей, тотчас обнаженных, сверкает над волнами вереска.*** Три седовласых сына песни подъявляют согласный и скорбный глас. Гулко звучали шаги наши грозные, когда могучей и мрачной грядой мы вперед устремились, как ливень в бурю, заливающий узкий дол.

Король Морвена сидел на холме, рядом с ним трепетал по ветру солнечный луч битвы**** и развевались седые кудри товарищей его юности. Радость зажглась в очах героя, когда он взирал на сынов своих, вступивших в сражение, когда увидал, как, вздымая перуны мечей, они следуют по подвигам праотцев. Эрагон явился во всей своей силе, словно рокот потока зимнего. На его пути повергается битва, и рядом с ним шествует смерть.

* Fear-cuth, то же самое, что Fergus — человек слова, или военачальник.

** Поэт обращается к кульди.

*** Он смолк, и в подтвержденье миллионы
Мечей огня, отторгнутых от бедер
Могучих херувимов, озарили
Весь ад окрест.

Мильтон [Потерянный рай, I, 663].

**** Я уже указывал в одном из предшествующих примечаний, что знамя Фингала, украшенное драгоценными камнями и золотом, называлось солнечным лучом.

«Кто там несется, — спросил Фингал, — словно скачет олень, словно лань с гулкозвучной Коны? Сверкает щит, прикрывающий стан, и скорбно бряцают доспехи. Он сошелся в бою с Эрагоном. Смотрите на битву вождей; она, как поединок духов в буре зловещей. Но ужель ты повержен, о сын холма, и белая грудь твоя кровью запятнана? Плачь, несчастная Лорма, нет любезного Альдо!»

Король схватил копые своей мощи, ибо он был удручен гибелью Альдо. Он устремил на врага смертоносные очи, но уже с властителем Соры схватился Гол. Кто передаст словами битву вождей? Пал чужеземец могучий.

«Сыны Коны, — громко воскликнул Фингал, — удержите десницу смерти! Могуч был тот, кто ныне простерт во прахе, и много о нем сокрушаются в Соре! Чужеземец придет к чертогу его и удивится безмолвию. Пал король, о чужеземец, и радость в доме его пресеклась. Прислушайся к шуму его лесов; там, быть может, дух героя скитается, но сам он далеко на Морвене пал под мечом врага иноземного.»

Так говорил Фингал, когда бард затянул песню мира. И застыли наши мечи подъятые, и пощадили мы слабосильных врагов. Мы положили в могилу Эрагона, и возвысил я голос скорби. Клубясь, опустились ночные тучи, и тень Эрагона явилась иным из нас. Смутно и мрачно было его лицо, и в груди затаился вздох. Мир душе твоей, король Соры! ужасна была десница твоя во брани.

Лорма сидела в чертоге Альдо при свете горящего дуба. Ночь наступила, но он не вернулся, и печаль на душе у Лормы. «Что удержало тебя, охотник Коны, ведь ты обещал вернуться? Быть может, олень далеко убежал и темные ветры вздыхают вокруг тебя среди вереска? Я одна в чужеземном краю, кто мне здесь друг, кроме Альдо? Приди со своих гулкозвучных холмов, о мой самый любимый!»

Очи ее обратились к воротам, и слышит она шумные ветра порывы. Мнится ей, это шаги Альдо, и радость взошла на лице ее, но печаль набегаёт снова, как на луну прозрачное облачко. «Неужели ты не вернешься, мой милый? Дай погляжу я на склоны холма. Луна на востоке. Покойно блистает лоно озера! Когда же я увижу псов его, бегущих с ловитвы? Когда я услышу глас его громкий, издали принесенный ветром? Приди со своих гулкозвучных холмов, охотник лесистой Коны!»

Его неясная тень на скале возникла, словно луч водянистой луны, когда он прорвется меж двух облаков, а в поле полночный ливень. Она поспешила по вереску вслед за смутным призраком, ибо она поняла, что герой ее пал. Я слышал, как близятся стоны ее, подобные скорбному гласу ветра, когда он вздыхает в траве пещеры.

Она пришла, она отыскала героя, и голос ее умолк. Молча она обращала скорбные очи, бледная, как водянистое облако, что подымется с озера к лунным лучам.

Немного она прожила на берегу Коны: ее приняла могила. Фингал повелел своим бардам, и они воспели кончину Лормы. Дочери Морвена

рыдали по ней один день в году, когда возвращались мрачные ветры осени.*

Сын далекой земли,** ты обитаешь па поле славы, так пусть же порою твой глас восхваляет тех, кто здесь пал, дабы их легкие духи радостно реяли вокруг тебя и Лормы душа являлась в лунном луче, когда отдохнуть ты приляжешь и луна заглянет в пещеру твою.*** Тогда ты узришь, как прелестна она, хотя на ее ланите застыла слеза.

* Ежегодно дочери Израилевы ходили оплакивать дочь Иеффая Галаадитянина четыре дня в году.

Книга Судей, XI, 40.

** Поэт обращается к культи.

*** Ты явись мне в лунном луче, о Морна, да узрю я тебя в окне в час моего отдыха, когда мирными станут мысли мои и отзвучит бряцанье оружия.

Фингал, кн. I.

Конлат и Кутона

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Конлат был младшим из сыновей Морни и братом прославленного Гола, столь часто упоминаемого в поэмах Оссиана. Он был влюблен в Кутону, дочь Румара. Тоскар, сын Кинфены, прибыл в сопровождении друга своего Феркута из Ирландии в Мору, где жил Конлат. Он был гостеприимно принят и, согласно обычаю того времени, три дня пировал с Конлатом. На четвертый день он поднял парус и, проходя вдоль побережья *Острова волн* (вероятно, одного из Гебридских островов), увидел охотившуюся Кутону, влюбился в нее и насильно увел на свой корабль. Непогода заставила его пристать к пустынному острову И-тона. Тем временем Конлат, узнав о похищении, поплыл вослед и настиг Тоскара,

когда тот уже готовился отплыть в Ирландию. Они сразились, и вместе со всеми своими спутниками пали от ран, нанесенных друг другу. Кутона ненадолго пережила их; через два дня она умерла. Фингал, узнав об их несчастной смерти, послал Стормала, сына Морана, похоронить их, но забыл послать барда, чтобы тот пропел погребальную песнь над их могилами. Спустя долгое время дух Конлата явился Оссиану, умоляя его поведать грядущим поколениям о нем и Кутоне. Ибо, согласно представлениям того времени, души умерших не обретают покоя до тех пор, пока бард не посвятит им скорбную песнь. Такова, согласно преданию, история, лежащая в основе поэмы.

То не глас ли чей-то Оссиану слышится иль это отзвук ушедших дней? Часто память былых времен, словно вечернее солнце, осеняет мне душу. Вот уже вновь раздается гомон охоты, и в мыслях я поднимаю копьё. Но Оссиан воистину слышал чей-то глас. Кто же ты, сын ночи? Спят сыны ничтожных людей, и полуночный ветер гуляет в моем чертоге. Может быть, это щит Фингала отозвался порыву ветра? Он висит в чертоге Оссиана, который порою перстами его касается. Да, я слышу тебя, мой друг; давно твой глас не звучал в моих ушах! Зачем на своем облаке прилетаешь ты к Оссиану, сын благородного Морни? С тобою ли други старца? Где Оскар, питомец славы? Часто бывал он рядом с тобою, о Конлат, едва раздавался грохот сраженья.

Дух Конлата

Спишь ли ты, Коны сладостный глас, в гулком своем чертоге? Спит ли Оссиан в чертоге, хотя не прославлены други его? Море волнуется вокруг мрачной И-тоны,* и наши могилы не видны чужеземцу. Доколь наша слава пребудет забвенна, сын гулкозвучного Морвена?

Оссиан

О, если бы очи мои могли узреть тебя ныне, когда, еле зримый, ты восседаешь на облаке! Подобен ли ты туманам Лано иль метеору полугасшему? Из чего сотворены полы твоей одежды? из чего — твой воз-

* I-thonn — *остров волн*, один из необитаемых западных островов.

душный лук? Но он унесся на вихре, как тень тумана. Сойди со стены, моя арфа, и дай мне услышать твой звук. Да прольется свет моей памяти на И-тону, дабы увидел я вновь моих друзей. И видит вновь Оссиан своих друзей на лазоревом острове. Вот и пещера Тоны со мшистыми скалами и деревьями склоненными. Поток ревет у входа в нее, и склоняется Тоскар над струями. Рядом с ним печальный Феркут, а дева его любви * сидит в отдалении и плачет. Не обольщает ли ветер с моря мой слух или я слышу их речи?

Тоскар

Ночь была бурная. Дубы, стеная, срывались с холмов. Море мрачно металось под вихрем, и волны с ревом взбирались на наши утесы. Часто сверкала молния, озаряя спаленный кустарник. Феркут, я видел ночного духа! ** Безмолвен стоял он на берегу, и одежды его туманные развевались по ветру. Я видел, как слезы его текут, казался он старцем, объятым думой.

Феркут

То был твой отец, о Тоскар, предвидит он чью-то смерть в роду своем. Так он явился на Кромле пред тем, как пал великий Маронан.*** Улиц **** с холмами злачными, как приятны твои долины! Царит тишина близ твоих лазурных потоков, и озаряет солнце твои поля. Нежно звучание арфы в Селаме,***** и приятен охотничий клич на Кромле. Но теперь мы в мрачной И-тоне, охваченной бурей. Валы вздымают белые главы над нашими скалами, и мы трепещем средь ночи.

Тоскар

Куда отлетела твоя воинственная душа, о Феркут, убеленный сединами? Я видел, ты был бесстрашен в опасности, и в битвах очи твои пламенели радостью. Куда отлетела твоя воинственная душа? Наши отцы не ведали страха. Иди, взгляни на утихшее море; бурный ветер улегся. Волны еще дрожат над пучиной, и, мнится, страшит их ветра возврат.***** Но взгляни на утихшее море; утро сереет на скалах. Скоро с востока выглянет солнце во всем своем гордом сиянии.

* Кутона, дочь Румара, которую Тоскар насильно увез.

** В северной Шотландии издавна считалось, что бурю поднимают духи мертвых. Это представление до сих пор распространено в простонародье, полагающем, что смерчи и внезапные шквалы бывают вызваны призраками, которые таким образом переносятся с места на место.

*** Маронан был братом Тоскара. В распоряжении переводчика находится поэма, посвященная необыкновенной смерти этого героя.

**** Ольстер в Ирландии.

***** Selámath — красивый для взора, название дворца Тоскара на берегу Ольстера возле горы Кромлы, где разворачивается действие эпической поэмы «Фингал».

Спит Океан, утихли волны ныне,
Но тайный ужас прячется в пучине.

Поп. Илиада Гомера [VII, 73].

С радостью я распустил паруса пред чертогами великодушного Конлата. Путь мой лежал мимо острова волн, где любимая дева его гналась за оленем. Я увидел ее, подобную солнцу лучу, что из-за тучи исходит. Кудри ее разметались по тяжело дышащей груди; она напрягала лук, склоняясь вперед и отводя десницу белую, словно снег на Кромле. «Сниди к моей душе, — сказал я, — ты, охотница острова волн!» Но она проводит время в слезах, и все ее помыслы о великодушном Конлате. Как возвращу я тебе покой, Кутона, любезная дева?

К у т о н а *

Далекая круча с деревьями старыми и мшистыми скалами склонилась над морем; у подножья ее несутся валы, на склоне живут косули. Народ зовет ее Ардвен. Там вздымаются башни Моры. Там Конлат смотрит на волны морские, он единую любовь свою ищет. Дочери охоты вернулись, и он видит их очи потупленные. «Где же дочь Румара?» Но они ему не отвечают. Мой покой обитает на Ардвене, сын далекой страны.

Т о с к а р

И Кутона вновь обретет покой, вернется в чертоги великодушного Конлата. Он Тоскару друг; я пировал в чертогах его. Вздыхайте, легкие ветры Уллина, и стремите мои паруса к побережью Ардвена. Кутона покой обретет на Ардвене, но скорбными станут Тоскара дни. Я буду сидеть в пещере своей на солнечном поле. Ветер будет шуметь в моих деревьях, и я почту его гласом Кутоны. Но она далеко, в чертогах могучего Конлата.

К у т о н а

О! что там за туча? На ней несутся духи предков моих. Я вижу полы их одеяний, подобные серым и влажным туманам. Румар, когда я наду? Кутона, скорбя, предчувствует смерть. Ужели Конлат не узрит меня, пока не сойду я в тесный дом.**

О с с и а н

Он узрит, о дева, тебя; он несется по бурному морю. Тоскара смерть ша его копые притаилась, и рана в груди его. Он бледен лежит у пещеры Тоны, указуя на рану зловещую.*** Где твои слезы, Кутона? Умирает

* Cu-thona — печальный звук волн, поэтическое имя, данное ей Оссианом, потому что она горевала под шум волн; согласно преданию, ее имя Gorm-huil — синеглазая дева.

** В могилу.

...непогребенного призрака

Ей супруга предстал; приподняв изумительно бледный Лик, он жестокий алтарь обнажил, и грудь, что железом пронзена.

вождь Моры. Видение тает пред мысленным взором моим: уже я не вижу вождей. Но вы, барды грядущих времен, помяните слезами гибель Конлата: он безвременно пал,* и печаль омрачила его чертог. Мать увидела, что щит его на стене обогрился кровью.** Она поняла, что умер герой, и скорбь ее огласила Мору.

Ты ли, Кутона, бледна сидишь на скале, рядом с вождями павшими? Ночь наступает, и день возвращается, но не приходит никто воздвигнуть могильный холм. Ты отгоняешь прочь кричащих птиц,*** и всегда твои слезы струятся. Ты бледна, как влажное облако, что вздымается с озера.

Пришли сыны пустыни и нашли ее мертвой. Они воздвигают могильный холм над героями, и она покоится рядом с Конлатом. Не являйся мне в сновиденьях, о Конлат, ибо слава уже воздана тебе. Да отыдет твой глас далеко от жилья моего, чтобы сон снизошел в ночи. О если б мог я забыть друзей до поры, пока следы мои не изгладятся, пока в их круг не вступлю я радостно и не сложу своих старых костей в тесном дому.

* ..ни по воле судеб, ни своей та виной погибала,
А до срока жалка.

Вергилий [Энеида, IV, 696].

** В те времена считалось, что на доспехах, оставленных героями дома, выступает кровь в тот самый миг, когда убивают их владельцев, как бы далеко они ни находились.

*** Кутона в этом положении напоминает Рипцу, наложницу Саула, которая сидела около своих сыновей, повешенных гавонитянами.

Тогда Рипца, дочь Айя, взяла вретиче и разостлала его себе на той горе и сидела от начала жатвы до того времени, пока не полился на них воды божии с неба и не допускала касаться их птицам небесным днем и зверям полевым ночью.

Вторая книга Царств, XXI, 10.

Картон

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Это — законченная поэма; сюжет ее, как и в большей части произведений Оссиана, трагический. Во времена Комхала, сына Тратала и отца славного Фингала, буря занесла корабль Клессамора, сына Тадду и брата Морны, Фингаловой матери, в реку Клайд, на берегах которой высились стены Балклуты, города, принадлежавшего бриттам. Рейтамир, правитель Балклуты, радушно привял его и выдал за него единственную свою дочь Мойну. Влюбленный в Мойну бритт Рейда, сын Кормо, пришел к Рейтамиру и повел себя заносчиво с Клессамором. Завязалась ссора, в которой Рейда был убит. Сопровождавшие его бритты стали так жестоко теснить Клессамора, что тот был вынужден броситься в Клайд и искать спасения на своем судне. Он поднял парус, и попутный ветер вынес его в море. Не раз пытался он вернуться, чтобы ночью увезти возлюбленную свою Мойну, но дули противные ветры, и он был вынужден отступиться.

Мойна, которая понесла от мужа, родила сына и вскоре после того умерла. Рейтамир назвал ребенка Картон, то есть *ропот волн*, ибо буря унесла отца его Клессамора, считавшегося с тех пор погибшим. Картону было три года, когда Комхал, отец Фингала, воюя против бриттов, захватил и сжег Балклуту. В бою погиб Рейтамир, а Картона спасла кормилица, бежавшая с ним в глубь страны бриттов. Возмужав, он решил отомстить потомкам Комхала за падение Балклуты. Он вышел из Клайда на корабле и, достигши берегов Морвена, сразил двух воинов Фингала, пытавшихся задержать его. Под конец он был убит в поединке отцом своим Клессамором, не звавшим, что перед ним — сын. История эта составляет основу поэмы, начинающейся ночью накануне гибели Картона; то, что произошло раньше, сообщается в виде вставного эпизода. Поэма обращена к Мальвине, дочери Тоскара.

Повесть времен старинных! Деяния минувших лет!

Ропот твоих потоков, о Лора, пробуждает память о прошлом. Шум твоих лесов, Гармаллар, ласкает мой слух. Видишь ли ты, Мальвина, скалу, покрытую вереском? Три старые ели склоняются с ее чела, узкий дол у подошвы ее зеленеет; там на вершине горный цветок качает головку белую под вздохами ветра. Одиноко стоит там чертополох, уронив поседелую бороду. Два камня, вросшие в землю, вздымают мшистые головы. Горный олень бежит этого места, ибо виден ему серый призрак, стоящий на страже,* ибо герои лежат, о Мальвина, под скалою в узкой долине.

Повесть времен старинных! Деяния минувших лет!

Кто идет из страны чужеземцев, окружен многотысячной ратью? Солнечный луч изливает потоки света пред ним, и ветер родных холмов кудри его развеивает. Кончилась брань, и лицо его успокоилось. Он тих, словно луч вечерний, глядящий сквозь тучу запада на долину безмолвную Коны. Кто он, как не сын Комхала,** король, прославленный под-

* В те времена верили, что олени видят призраки умерших. И ныне, когда животное вдруг останавливается без видимой причины, простолюдины думают, будто ему привиделся дух мертвеца.

** Фингал здесь возвращается из похода на римлян, воспетого Оссианом в поэме, которая находится в распоряжении переводчика.

вигами! С радостью он взирает на холмы свои и велит петь тысяче голосов: «Вы бежали с полей своих, вы, сыны далекой земли. Властитель мира восседает в чертоге и слышит о бегстве своего народа. Он поднимает багровые очи гордыни и берется за меч своего отца. Вы бежали с полей своих, сыны далекой земли».

Так пели барды, когда вступали они в чертоги Сельмы. Тысяча светочей чужеземных * зажглась посреди многолюдного сборища. Пиршество началось, и в радости ночь проходит. «Где Клессамор ** благородный? — сказал златокудрый Фингал. — Где же товарищ отца моего в дни моей радости? Печально и мрачно влачит он дни в гулкозвучной долине Лоры. Но, смотрите, он сходит с холма, словно скакун в силе своей, кому ветры полощут блестящую гриву и приносят весть о товарищах.*** Благословенна будь душа Клессамора! Что так долго не был он в Сельме?»

«Вернулся ли вождь во славе своей? — спросил Клессамор. — Таковую ж хвалу обретал Комхал в сражениях юности. Часто, Карун перейдя, мы вступали в страну чужеземцев; не возвращались наши мечи необагрёнными кровью, и забывали про радость властители мира. Но зачем вспоминать битвы юности? Седина коснулась моих волос. Длань отвыкла натягивать лук, и под силу мне только легкие копыя. О если б вернулась ко мне та радость, что чувствовал я, когда впервые деву узрел, белогрудую и синеокою дочь чужеземцев Мойну»****

«Поведай нам, — молвил Фингал могучий, — повесть младых твоих дней. Горе, словно туча на солнце, душу мрачит Клессамора. Печальны

* Вероятно, восковые свечи, которые часто упоминаются среди военной добычи, захваченной в Римской провинции.

** Clessamh-mór — *могучие деяния*.

*** Ты дал ли силу коню и облек шею его гривую? Он роет ногою землю и восхищается силою.

Книга Иова [XXXIX, 19, 21].

Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;
Пламенный, плавать обихий в потоке широкотекущем,
Пышет, голову кверху несет; вокруг ramen его мощных
Грива играет; красой благородною сам он гордится;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым.

Гомер. Илиада, VI [506].

Так-то, повод порвав, бежит от яслей, свободен
Ставши, конь наконец и до чистого поля дорвавшись,
...на пастбище он в табун к кобылицам стремится;
...ржет, приподняв высоко затылок в гордыне,
И по лопаткам его и по шее грива играет.

Вергилий [Энеида, XI, 492].

**** Moina — *нежная душой и телом*. В этой поэме гэльского происхождения мы находим британские имена; это доказывает, что древний язык всего острова был единым.

твои одинокие думы на бреге ревущей Лоры. Дай нам услышать о скорбях твоей юности и сумраке нынешних дней».

«Это случилось в дни мира, — сказал Клессамор великий. — По зыбучим волнам на своем корабле пришел я к стенам и башням Балклуты.* Ветры ревели, надувая мои паруса, и воды Клуты** приняли темно-грудое судно. Три дня я провел в чертогах Рейтамира и видел луч света, дочь его. Радость чаш ходила по кругу, и престарелый герой отдал мне деву прекрасную. Перси ее, как пена волны, а глаза, как ясные звезды; волосы черны, как крылья ворона, нежна и благородна душа. Велика была любовь моя к Мойне, и сердце мое изливалось в радости.

Пришел сын чужеземца, вождь, любивший белогрудую Мойну. Слова его громко звучали в чертоге, и часто он обнажал до половины свой меч. „Где, — спросил он, — могучий Комхал, неугомный скиталец*** вересковых равнин? Разве идет он с войском своим к Балклуте, что Клессамор так дерзок?“

„Незаемным огнем, о воин! — ответил я, — пылает моя душа. Я стою без страха среди тысяч, хотя далеки товарищи храбрые. Надменны твои слова, чужеземец, ибо здесь одинок Клессамор. Но неспокоен меч на моем бедре и жаждет сверкать в руке. Не говори больше о Комхале, сын извилистой Клуты!“

Воспрянула сила его гордыни. Мы бились, и он пал под моим мечом. Берега Клуты огласились его падением, тысячи копий засверкали вокруг. Я бился, чужеземцы одолевали, я бросился в воды Клуты. Паруса мои белые поднялись над волнами, я пустился в синее море. Мойна вышла на берег и в слезах обращала покрасневшие очи, ее темные кудри разлетались по ветру, и слышался мне ее плач. Много раз я пытался назад повернуть свой корабль, но восточные ветры меня пересилили. Никогда с той поры не видал я ни Клуты, ни темно-русой Мойны. Она умерла в Балклуте, ибо являлась мне тень любимой. Я узнал ее, когда мгlistой ночью она пронеслась вдоль журчащей Лоры; была она подобна новой луне, пробивающейся сквозь волны тумана,**** когда небо сыплет снежные хлопья и мир безмолвен и мрачен».

* Balclutha, т. е. город на Клайде, вероятно, Alcluth Беды.

** Clutha или Cluäth — гальское имя реки Клайд, что означает изгиб, соответственно извилистому течению этой реки. От Clutha произошло латинское ее название Glotta.

*** Слово, переданное здесь как неугомный скиталец, в оригинале Scuta, от чего произошло Scoti у римлян; это оскорбительная кличка, которой бритты прозвали каледонцев за постоянные набеги на их страну.

**** Финикийка меж них с недавнею раной Дидона
В роще блуждает большой; как только витязь Троянский
Стал перед ней и признал ее, омраченную тенью, —
Так в новый месяц иной завидит иль полагает,
Что луну увидал, за дымкой встающую тучи.

«Воспойте, о барды, — сказал могучий Фингал, — хвалу несчастливой Мойне.* Призовите песнями дух ее к нам на холмы, да опочьет она с прекрасными девами Морвена, светилами дней минувших и утехой героев древности. Я видел стены Балклуты,** но они были разрушены, огонь прошел по чертогам и глас народа умолк. Прегражденная павшими стенами, изменила течение Клута. Чертополох одинокий раскачивал там головку, и мох настыывал ветру. Лисица выглядывала из окон, буйные травы, покрывшие стены, колыхались вокруг ее головы. Опустело жилище Мойны, безмолвствует дом ее праотцев. Воспойте, барды, песню печали, оплачьте страну чужеземцев. Пали они раньше нас, но настанет и наш черед. Зачем ты возводишь чертог, сын быстролетних дней? Сегодня ты смотришь с башен своих, но минут немногие годы — и ворвется ветер пустыни; он завоюет на опустелом дворе и засвищет вокруг полуистлевшего щита твоего. Так пусть же врывается ветер пустыни, мы славу стяжаем при жизни. След десницы моей запечатлеется в битве, имя мое — в песне бардов. Воспойте же песню, пустите чашу по кругу, и да звучит радость в чертоге моем. И когда придет твой конец, светило небесное, — если придет когда-нибудь твой конец, могучее солнце, если сиянье твое преходяще, подобно Фингалу, — то переживет наша слава лучи твои».

Так пел Фингал в день своей радости. Тысяча бардов его сидели, склонившись, и внимали голосу короля. Тот голос подобен был звукам арфы, принесенным дыханьем весны. Дивны были мысли твои, о Фингал! Зачем не дана Оссиану сила твоей души? Но ты высишься среди всех один, отец мой, и кто может сравниться с владыкой Морвена?

Ночь прошла в песнях, и утро вернулось в радости. Показались седые головы гор, и улыбнулся лазурный лик океана. Белые волны сновались вокруг дальней скалы. Серый туман медленно поднимался над озером. В образе старца двигался он вдоль тихой равнины. Огромные члены не шевелились, ибо дух поддерживал его в воздухе. Достигнув чертога Сельмы, он пролился кровавым дождем.

Один лишь король созерцал это ужасное зрелище, предвещавшее гибель народа его. Молча вошел он в чертог и копье отцовское взял. Кольчуга звенела на его груди. Вкруг него собрались герои. Молча взирали они друг на друга, примечая взгляды Фингаловы. На лице его они видели знаменье битвы, на копье его — гибель дружин. Тысячу щитов они сразу прияли, они обнажили тысячу мечей. Засверкал чертог Сельмы, раздалось бряцанье оружия. Завыли серые псы на дворе. Немы уста могучих вождей. Все взирали на короля, копьа свои приподняв.

* В оригинале поэма называется *Duan na plaoi*, т. е. *Песнь гимнов*, вероятно, по причине множества лирических отступлений от темы, подобных этой песне Фингала. Ирландские историки прославляли Фингала за мудрость установленных им законов, поэтический дар и умение предвидеть события. О'Флаэрти доходит до того, что утверждает, будто и в его времена законы Фингала продолжали действовать.

** Пусть читатель сравнит это место с тремя последними стихами XIII главы книги Исайи, где пророк предсказывает разрушение Вавилона.

«Сыны Морвена, — начал король, — не время теперь наполнять чаши. Близ нас сгущается битва, и смерть над страной нависла. Некий дух, друг Фингалов, остерегает нас от врага. С берегов мрачно-бурного моря идут к нам сыны чужеземцев, ибо с водной пучины явился сей грозный знак опасности Морвену. Пусть каждый возьмет копьё свое тяжкое, каждый отцовским мечом препояшется. Пусть темный шлем накроет голову каждому, и кольчуга сверкнет на каждой груди. Битва собирается, словно буря, и вы скоро услышите рыкание смерти».*

Герой устремился на брань перед войском своим, словно туча перед грядюю воздушных огней, когда они разливаются по небу ночному и мореходы предвидят бурю. На вересковой вершине Коны стояли они. Белогрудые девы смотрели, как высились воины, подобные деревьям, и, предвидя смерть своих юношей, в страхе озирались на море. Белые волны казались им парусами далекими, и слезы текли по их щекам.

Встало солнце над морем, и мы корабли вдалеке увидали. Они нагнулись, словно морской туман, и извергли на берег юных своих ратоборцев. Меж ними стоял их вождь, как олень среди стада. Щит его обит золотом, и величаво ступал властитель копий. Он двигался к Сельме, за ним — его тысячи.

«Поди с песнею мира, — молвил Фингал, — поди, Уллин, к королю мечей. Скажи ему, что могучи мы в битве и неисчислимы тени врагов наших. Но славны те, кто в чертогах моих пировал! Они показывают в дальних странах оружие моих праотцев,** сыны чужеземцев дивятся и благословляют друзей племени Морвена, ибо слава наших имен далеко простерлась и властители мира трепещут среди своего народа».

Уллин пошел с песнею. Фингал на копьё оперся, он видел врага могучего в бранных доспехах и благословил чужеземца.

«Сколь величаво ты шествуешь, сын океана! — молвил король лесистого Морвена. — Меч на бедре твоём — луч могущества, копьё твоё — ель, что с бурями спорит. Изменчивый лик луны не шире щита твоего. Румяно лицо твоё юное, выются мягкие кудри. Но это дерево может пасть, и память о нём погибнет. Дочь далекой земли будет в тоске смотреть на зыбучее море; дети скажут: „Мы видим корабль, может быть, то король Балклуты“. Слезы польются из глаз их матери. Думы её будут о том, кто почитет в Морвене».

* Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит уготовить...
Гомер [Илиада], II, 382.

Пусть каждый
Наденет адамантовый доспех,
Надвинет шлем и крепко щит округлый
Перед собой сожмет иль над собой,
Затем что, мыслю я, не мелкий дождик,
Но град горящих стрел на нас падет.

Мильтон [Потерянный рай, VI, 541].

** У древних шотландцев был обычай меняться оружием со своими гостями; и это оружие долго сохранялось в разных семействах как памятник дружбы, существовавшей между их предками.

Так говорил король, а Уллин меж тем пришел к могучему Картону; он опустил пред ним на землю копьё и запел песнь мира.

«Явись на пиру Фингала, о Картон, пришелец с бурного моря, раздели пир короля или копьё войны подними. Неисчислимы тени наших врагов, но прославлены друзья Морвена.

Взгляни на это поле, Картон, много на нем вздымается зеленых холмов с мшистыми камнями и шуршащей травой — это могилы врагов Фингаловых, сыновzybучего моря».

«Говоришь ли ты слабому воину, бард лесистого Морвена? — Картон спросил. — Разве мое лицо бледнеет от страха, сын миротворных песен? Так зачем же ты мнишь помрачить мою душу былью о павших? Рука моя в битвах окрепла, слава моя далеко простерлась. Поди к слабосильным бойцам, их проси покориться Фингалу. Разве не видел я павшей Балклуты? Так стану ли я пировать с сыном Комхала, с сыном того, кто спалил чертог моего отца? Молод я был и не знал, почему юные девы рыдали. Дыма столпы, превыше стен поднимаясь, веселили мой взор. Часто я озирался, и мне весело было смотреть, как наши друзья по холмам убегали. Но когда пришли годы юности, я увидел мох на моих поверженных стенах; со вздохом встречал я утро и слезами ночь провожал. „Ужели я не сражусь с детьми моих супостатов?“ — так говорил я себе. И я буду сражаться, о бард, я чувствую силу души своей».

Окружили героя его ратоборцы и вдруг обнажили блистающие мечи. Он стоял среди них, как столп огня, слезы застыли в его глазах, потому что он думал о павшей Балклуте, и воспрянула стесненная гордость его души. Искоса взглянул он на холм, где сверкали оружием наши герои; копьё сотряслось в деснице его, и, вперед наклонясь, он, казалось, грозил королю.

«Пойду ли я сразиться с вождем? — молвил Фингал в душе своей. — Остановлю ли его посредине пути, прежде чем слава его поднимется? Но будущий бард тогда, видя могилу Картона, скажет: „Окружали Фингала тысячи его ратников, когда пал благородный Картон“. Нет, бард времен грядущих, не умалить тебе славы Фингаловой. Герои мои сразятся с юношей, а Фингал станет смотреть на битву. Если он победит, тогда устремлюсь я в силе своей, как ревуший поток Коны.

Кто из моих героев хочет встретить сына бурного моря? Много воинов его на бреге, и сильно копьё его ясенное».

Катул * восстал в силе своей, сын могучего Лормара; за вождем следуют триста юношей — племя его родимых потоков.** Слаба десница его против Картона, — он пал, и герои его бежали.

Коннал *** сызнова начал битву, но сломилось копьё его тяжкое; связанный, лежал он на поле, а Картон гнал его рать.

* Cath-huil — око битвы.

** Это место показывает, что кланы существовали еще во времена Фингала, хотя основа у них была иная, чем у современных кланов на севере Шотландии.

*** Мудрость и доблесть этого Коннала прославлены в древней поэзии. На севере еще существует небольшое племя, утверждающее, что происходит от него.

«Клессамор, — спросил король Морвена,* — где копьё силы твоей? Можешь ли ты взирать, как у потока Лоры связан Коннал, твой друг? Восстань в сиянии стали своей, о друг Комхала. Да познает Балклуты юноша силу племени Морвена».

И восстал он в мощи стали своей, потрясая седыми кудрями. Вадел он щит и устремился вперед, исполненный доблестной гордости.

Картон, стоя на вересковой скале, увидел, что герой приближается. Было любо ему смотреть на грозную радость лица его, на силу, увенчанную седыми кудрями. «Подниму ли копьё свое, — сказал он, — что поражает врага лишь единожды? Или словами мира я сохраню жизнь ратоборца? Величава поступь преклонных годов, любезен закат его жизни. Может быть, это возлюбленный Мойны, отец колесницезластного Картона. Часто слышал я, что он обитает у потока звучного Лоры».

Так говорил он, когда подошел Клессамор и высоко поднял копьё свое. Юноша принял удар щитом и промолвил слова мира. «Воин с седыми кудрями, разве юноши ваши не в силах поднять копьё? Разве сына нет у тебя, чтобы щитом прикрыть отца и встретить десницу юного? Разве нет уже больше любезной твоей супруги иль над могилами сынов твоих плачет она? Не королевского ли ты рода? И будет ли слава мечу моему, если падешь ты под ним?»

«Велика она будет, сын гордыни, — сказал Клессамор бесстрашный. — Я прославился в битвах, но никогда не называл врагу имени своего.** Сдайся мне, сын волны, и ты узнаешь, что след моего меча остался на многих полях».

«Я никогда не сдавался, властитель копий, — отвечал с благородной гордостью Картон. — Я тоже сражался в битвах и предвижу грядущую славу свою. Не презирай меня, вождь мужей, сильны и рука моя и копьё. Возвратись к друзьям своим, и пусть сразятся молодые герои».

«Зачем ты язвись мою душу? — отвечал Клессамор, роняя слезу. — Рука моя не дрожит от старости, я могу еще поднять меч. Мне ли бежать на глазах у Фингала, на глазах у того, кто мною любим? Нет, сын моря, никогда не бежал я: подними же скорей острие копья своего».

Они бились, подобные двум противным ветрам, спорящим за волну. Картон велел копьё своему уклоняться, ибо все еще думал, что враг был супругом Мойны. Надвое он преломил блестящее копьё Клессамора и схватил его сверкающий меч. Но когда Картон вязал вождя, тот извлек кинжал своих предков. Он увидел, что бок врага беззащитен и кинжалом его пронзил.

Фингал увидел, что пал Клессамор, и двинулся, гремя своей сталью. Безмолвствуют пред ним его ратники, обращая взоры свои на героя. Он

* Фингал не ведал тогда, что Картон — сын Клессамора.

** Назвать врагу свое имя значило в те воинственные времена уклониться от боя с ним, ибо, если открывалось, что между предками сражающихся существовала дружба, бой сразу прекращался и старинная дружба предков возобновлялась. Человек, который называет врагу свое имя, было в старину позорным обозначением труса.

надвигался, как зловещие громы, предвестники бури; их заслышав в долине, охотник спешит к скалистой пещере.

Картон стоял неподвижно: кровь источала рана его. Он увидел, что подходит король, и надежда на славу воспрянула вновь.* Но были бледны его щеки, власы его распустились, шлем его сбился назад; силы покидали Картона, но душа оставалась твердой.

Увидел Фингал, что герой окровавлен, и удержал копьё занесенное. «Сдавайся, властитель мечей, — сказал сын Комхала, — я вижу, что ты окровавлен. Могуч ты был в битве, и слава твоя никогда не угаснет».

«Ты ли это, король достославный? — спросил колесницевластный Картон. — Ты ли это, пламень смерти, страшащий властителей мира? Но нужно ли Картону спрашивать: ведь он подобен потоку пустыни своей, неодолим, как течение реки, стремителен, словно небесный орел. О, если бы я с королем сразился, была б велика моя слава в песнях, и сказал бы охотник, увидя могилу мою: „Он бился с могучим Фингалом“. Но Картон умрет безвестен: на слабых он расточил силу свою».

«Но ты не умрешь безвестен, — ответил король лесистого Морвена. — У меня много бардов, Картон! — их песни достигнут грядущих времен. Потомки будущих лет услышат о славе Картона, сидя вокруг горящего дуба** и провожая ночь песнями старины. Охотник, отдыхая на вереске, заслышит ветра шумный порыв, поднимет глаза и увидит скалу, где пал Картон. Обратится тогда он к сыну и место укажет, где бился могучий. „Здесь сражался король Балклуты, силою равный тысяче рек“».

Радустью Картона лик озарился, поднял он отягченные очи, отдал Фингалу свой меч, дабы хранился в чертоге его, и осталась в Морвене память о короле Балклуты. Прекратилась битва на поле, и бард затянул песню мира. Собрались вожди вокруг умиравшего Картона и, вадыхая, внимали его словам. Молча они опирались на копьё, пока говорил герой Балклуты. Волосы его развевались по ветру, и тихи были слова его.

«Король Морвена, — молвил Картон, — я пал посреди своего прища. Чужая могила примет юношу, последнего из рода Рейтамира. Мрак обитает в Балклуте, и тени горести — в Кратмо. Но воздвигни мне память на берегах Лоры, где жили мои отцы. Быть может, Мойны супруг оплачет Картона, своего павшего сына».

В Клессаморово сердце проникли его слова; молча упал он на сына. Омраченное воинство встало вокруг, безгласно простерлась равнина Лоры. Ночь наступила, и месяц с востока взглянул на печальное поле. Но они стояли недвижно, как лес молчаливый, что вздымает главу свою

* Это выражение допускает два толкования: Картон может надеяться либо стяжать славу, сразив Фингала, либо стать знаменитым, пав от его руки. Последнее более вероятно, ибо Картон уже ранен.

** В северной Шотландии до недавнего времени на празднествах сжигали большой дубовый ствол, который так и назывался *праздничный ствол*. Время настолько освятило этот обычай, что простолюдны почитали несоблюдение его своего рода святотатством.

на Гормале, когда улеглись шумливые ветры и темная осень сошла на равнину.

Три дня скорбели они о Картоне, на четвертый умер его отец. Они покоятся в узкой долине меж скал, и смутный призрак могилу их охраняет. Там нередко видят любезную Мойну, когда солнечный луч ударяет в скалу, а вокруг еще все темно. Там видят ее, Мальвина, но она не похожа на дочерей холма. Одеьяне на ней чужеземное, и она всегда одинока.

Фингал оплакивал Картона; он пожелал, чтобы барды его отмечали сей день, когда возвращалась ненастная осень. И часто они отмечали сей день и пели хвалу герою. «Кто это мрачный грядет с океана ревущего, как темная туча осенняя? Смерть дрожит в его длани, очи его — огни пламенные. Кто грохочет вдоль темного вереска Лоры? Это Картон, властитель мечей. Падают воины! Смотрите, как он несется, подобный зловещему духу Морвена! Но здесь он лежит, дуб величавый, поверженный ветром внезапным. Когда ж ты восстанешь, радость Балклуты? Когда ж ты восстанешь, Картон? Кто это мрачный грядет с океана ревущего, как темная туча осенняя?»

Так пели барды в день печали своей. Соединял я с ними свой голос и помогал их пению. Душа моя скорбела о Картоне: он пал в дни своей доблести. А ты, Клессамор, где твоя обитель воздушная? Забыл ли юноша рану свою? И витает ли он в облаках вместе с тобой? Солнце пригрело меня, Мальвина, дай же мне отдохнуть. Может быть, они явятся мне в сновидении; мнится, я слышу их слабый голос. Луч небесный любит сиять на могиле Картона: я чувствую, он изливает тепло.

О ты, что катишься в вышине,* круглое, как щит моих праотцев! Откуда лучи твои, солнце, откуда твой вечный свет? Ты являешься в грозной своей красе, и даже звезды прячутся в небе; месяц, холодный и бледный, тонет в пучине запада. Но и ты одиноко шествуешь: кто может тебе сопутствовать? Падают горные дубы, даже горы с годами рушатся, океан убывает и прибывает, даже месяц теряется в небе; но ты пребываешь всегда неизменно, ликуя в блеске течения своего. Когда бури мир помрачают, когда громыхает гром и носится молния, ты проглядываешь в красе своей из-за туч и смеешься над бурей. Но тщетно глядишь ты на Оссиана: он не видит больше лучей твоих, не различает, с восточных ли облаков струятся их кудри золотые или трепещешь ты

* Это место имеет некоторое сходство с обращением Сатаны к солнцу в четвертой книге «Потерянного рая»:

О ты, увенчанное высшей славой,
Одно в своих владениях, как бог,
Обозреваешь мир сей первозданный,
И звезды прячут лики пред тобой.
К тебе взываю, но не гласом друга
Зову тебя по имени, о солнце!

у врат запада. Но, может быть, ты, как и я, преходяще и твоим годам положен предел. Ты будешь покоиться в облаках своих, не внемля голосу утра. Ликуй же, солнце, в силе своей юности! Старость мрачна и уныла, она подобна мерцанию луны, что проникает сквозь рваные тучи, когда туман одевает холмы; * северный ветер свищет в полях, и странник на половине пути цепенеет.

* Так при неверной луне и под обманчивым светом
Путь бывает в лесах, коль тенью Зевес покрывает
Небо, и черная ночь у всего цвета отнимает.

Вергилий [Энеида, VI, 270].

Смерть Кухулина

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Предание проливает довольно яркий свет на историю Ирландии во время длительного царствования в Морвене Фингала, сына Комхала. После смерти Арто, сына Карбара и верховного правителя Ирландии, ему наследовал его несовершеннолетний сын Кормака. Правители уделов и вожди племен собрались в королевском дворце Теморе, чтобы избрать из своей среды опекуна юного короля. Это избрание вызвало горячие споры, и было решено покончить распри, вверив юного короля попечению Кухулина, сына Семо, который уже стяжал славу своими великими подвигами и жил в это время с Конналом, сыном Кайтбата, в Ольстере.

Кухулину было всего лишь двадцать три года, когда он принял на себя правление Ирландией, а вторжение Сварана произошло два года спустя. На двадцать седьмом году жизни Кухулина и на третьем году его правления Торлат, сын Кантелы, один из вождей поселенцев-белгов, которые владели южной частью Ирландии, обосновался в Коннахте и направился к Теморе, намереваясь свергнуть Кормака, который, если не считать Ферад-арто, следующего короля Ирландии, был единственным представителем шотландского королевского рода в этой стране. Кухулин выступил против Торлата, встретился с ним у озера Лего и наголову разбил его войско. Торлат пал в битве от руки Кухулина, но, когда этот последний слишком стремительно бросился вослед бегущему неприятелю, его смертельно поразила стрела, и через день он умер.

С Кухулином кончилось благоденствие Кормака, многие вожди вышли из его подчинения, анархия и смута воцарились в стране. В конце концов Кормака был свергнут, и Карбар, правитель Аты и один из претендентов на престол, разгромив всех своих соперников, стал единовластным монархом Ирландии.

Семейство Фингала, которое было на стороне семейства Кормака, решило свергнуть Карбара с незаконно захваченного им престола; особенно Оскар, сын Оссиана, был исполнен решимости отомстить за смерть своего друга Катола, вероломно убитого Карбаром. Его угрозы дошли до слуха Карбара, и тот пригласил Оскара на дружественное пиршество в королевском дворце Теморе, решив, что сможет там затеять ссору и найдет предлог убить гостя.

Ссора произошла; приверженцы обоих вождей сразились, а Карбар и Оскар пали от нанесенных друг другу ран. Тем временем из Шотландии прибыл Фингал с войском, разгромил сторонников Карбара и вернул династии Кормака королевскую власть.

Настоящая поэма посвящена смерти Кухулина. В оригинале она называется *Duan Ioch Leigo*, т. е. *Песнь озера Лего*, и представляет собою вставной эпизод из большой поэмы, прославляющей последний поход Фингала в Ирландию. Большая часть поэмы утрачена, сохранились лишь кое-какие отрывки, которые удержались в памяти нескольких стариков в северной Шотландии. Кухулин — самый знаменитый герой ирландских сказаний и поэм; в них его всегда называют *грозный Кухулин*, и нет числа легендам о его силе и доблести. Оссиан считал, что его поход против фирболгов или британских белгов является достойным предметом для эпической поэмы; эта поэма, сохранявшаяся до недавнего времени, называлась *Тога-на-тана*, или *Спор о владениях*, поскольку война, составившая ее содержание, была начата британскими белгами, которые, поселясь в Ирландии, стремились расширить свои владения. Сохранившиеся отрывки этой поэмы одушевлены гением Оссиана настолько, что не может быть сомнений относительно его авторства.

То не ветер ли ударяет по щиту Фингалову? Иль это голос прошлых времен в моем чертоге? Пой же, пой, сладостный голос! ты так приятен

и наполняешь радостью мою ночь. Пой же, Брагела, дочь колеснице-властного Сорглана!

«Это белая волна у скалы, а не паруса Кухулина. Как часто обмывают меня туманы, и мнится мне, что я вижу корабль любезного, когда, вздымаясь вокруг смутного призрака, они стремят по ветру серые струи свои. Зачем ты медлишь прийти, сын великодушного Семо? Четыре раза уже возвращалась осень, несущая ветры, и возмущала море Тогормы,* а ты все пребываешь в грохоте битв, вдали от Брагелы. Холмы острова туманов, когда отзоветесь вы на лай его псов? Но вы омрачились тучами, и Брагела, скорбя, взывает напрасно. Клубясь, опускается ночь, скрывается лик океана. Тетерев прячет голову под крыло, лань засыпает рядом с оленем пустыни. Они воспрянут с утренним светом и будут пасть у потока мшистого. Но ко мне вместе с солнцем вернутся слезы, вместе с ночью придут вздыханья. Когда ж ты вернешься в доспехах, мшистой Туры властитель?»

Приятен твой голос ушам Оссиана, дочь колесницевластного Сорглана! Но удались в чертоги пиров к пыланью горящего дуба. Прислушайся к ропоту моря, что катит валы у стен Дунскеха; да снидет сон на твои голубые очи, и герой предстанет тебе в сновидении.

Кухулин сидит возле озера Лего у мрачно катящихся вод. Ночь окружает героя, и тысячи войска его рассеяны по вересковой равнине. Сотня дубов горит посреди, и широко стелется дым пиршества чаш. Под деревом Карил ударяет по струнам арфы, его седые волосы блестят в сиянии огня; шелестя, прилетает ветер ночной и вздымает белые кудри. Он поет о синей Тогорме и о вожде ее, друге Кухулина.

«Зачем тебя нет, о Коннал, в сумрачный день непогоды? Юга вожди сошлись против колесницевластного Кормака. Удержаны ветром твои паруса, и синие волны катятся вокруг тебя. Но Кормак не одинок: сын Семо сражается в битвах его. Сражается в его битвах сын Семо, гроза чужеземцев! Он, словно пар смертоносный, неспешно носимый удушливым ветром.** Солнце тогда багровеет, падают замертво люди».

Так звучала песнь Карила, когда явился сын супостата. Наземь швырнул он тупое копьё и передал слова Торлата, вождя героев с черных зыбей Лего, того, кто вел свои тысячи на брань с колесницевластным Кормаком. Кормаком, что был далеко в гулкозвучных чертогах Теморы:*** там он учился натягивать лук своих праотцев и вздымать копьё. Недолго вздымал ты копьё, нежно-сияющий юности луч! Смерть стоит

* Тогорма, т. е. остров синих волн, один из Гебридских островов, находившийся под властью Коннала, сына Кайтбата и друга Кухулина. Коннала иногда называют сыном Колгара по имени основателя рода. За несколько дней до того, как весть о бунте Торлата достигла Теморы, Коннал отплыл на свой родной остров Тогорму, где его задерживали противные ветры, пока шла война, в которой был убит Кухулин.

** Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность, Если неистово дышащий, вихорный воздвигнется ветер.

Гомер, Илиада, V [864].

*** Дворец ирландских королей; некоторые барды называют его Teamhrath.

за тобой, еле зрямая, как затененная часть луны за возрастающей светлой.

Кухулин встал перед бардом,* что пришел от великодушного Торлата. Он предложил ему чашу радости и принял с почестью сына песен. «Сладостный голос Лего, — сказал он, — о чем же слова Торлата? Идет ли он к нам на пир или на брань, сын Кантелы** колесницевластный?»

«Он идет на брань, — ответствовал бард, — на звонкую распря копей. Едва лишь встанет серый рассвет над Лего, Торлат выйдет в поле сражаться. И дерзнешь ли ты встретить его в доспехах своих, король острова туманов? Ужасно копые Торлата! оно, как ночной метеор. Он поднимет его, и падают люди; смерть летит вослед молний его меча».

«Мне ли бояться, — ответил Кухулин, — копыя колесницевластного Торлата? Как тысяча героев, бесстрашен он, но душа моя тешится в битве. Не покоится меч на бедре у Кухулина, бард старинных времен. Утро встретит меня на равнине и заблестит на вороненых доспехах сына Семо. Но садись на вереск, о бард, и дай нам услышать твой голос. Раздели ты с нами веселую чашу и послушай песни Теморы».

«Не время, — ответствовал бард, — внимать веселой песне, когда могучие должны в сраженьи сойтись, как мощные волны Лего. Почему так мрачна ты, Слимора,*** и безмолвны твои леса? Ни одна звезда зеленая не дрожит на вершине твоей, лунный луч не сияет на склоне. Но метеоры смерти летают здесь и водянисто-серые призраки мертвых. Почему так мрачна ты, Слимора, и безмолвны твои леса?»

Он удалился под звуки песни; Карил ему подпевал. Пение было подобно воспоминанью о прошлых утехах, что душе и отраднo и горестно. Тени ушедших бардов слушают их со склона Слиморы. Нежные звуки несутся по лесу, и радуются тихие ночные долины. Так в полдневной тиши, когда сидит Оссиан в долине ветров, доходит до слуха его жужжанье горной пчелы; ветер порой перехватит приятный тот звук на пути, но он возвращается снова.

«Затяните, — сказал Кухулин ста своим бардам, — песнь Фингала благородного, ту песнь, что он слушает ночью, когда на отдых его нисходят сны, когда играют барды на арфах далеких и слабый свет озаряет стены Сельмы. Или воспойте горесть Лары и вздохи матери Калмара,**** когда тщетно искали его на холмах, а она взирала на лук сы-

* В древние времена барды были глашатаями, и поэтому их особа почиталась священной. В более позднее время они стали злоупотреблять своей привилегией, а поскольку они пользовались неприкосновенностью, то сочиняли столь вольные сатиры и пасквили на тех, кого не любили их покровители, что стали буквально общественным бедствием. Прикрываясь положением глашатая, они грубо оскорбляли противника, если он не принимал предложенных ими условий.

** *Cean-teola'* — глава семейства.

*** *Slia'-mór* — высокий холм.

**** Калмар — сын Маты. Смерть его подробно описана в третьей книге «Фингала». Он был единственным сыном Маты, и род на нем прекратился. Это семейство обитало на берегу реки Лары в окрестностях Лего и, возможно, близко от того места, где находился Кухулин; поэтому он и вспомнил плач Аяклеты над сыном.

новний в чертоге. Карил, повесь щит Катбата на эту ветвь и рядом поставь копье Кухулина, чтобы подал я знак к сражению с первым серым лучом востока».

Герой оперся на щит отца; зазвучала песня с берегов Лары. Сто бардов сидели поодаль, лишь Карил — рядом с вождем. Он составил слова этой песни, и печально звучала арфа.

«Алклета,* сединай убеленная мать колесницевластного Калмара, зачем обращаешь ты взоры в пустыню, ожидая, что сын вернется? То не его герои чернеют средь вереска и не голос Калмара слышится. Это лишь дальняя роща, Алклета, это лишь горный ветер ревет!

„Кто перепрыгнул поток Лары, скажи, сестра благородного Калмара?*** Не его ли копье видит Алклета? Но затуманился взор ее! То не сын ли Маты, ответь мне, многолюбимая дочь?“

„Это лишь старый дуб, Алклета, — отвечала Алона,*** что и в слезах прелестна, — это лишь дуб, Алклета, склоненный над током Лары. Но кто там идет по равнине? Поступь его поспешная нам предвещает горе. Он вздымает высоко копье Калмара. Алклета, оно запытно кровью!“

„Но оно запытно кровью врагов, сестра колесницевластного Калмара.**** Ни лук его, ни копье не возвращались досель из битвы могучих, не обгаренные кровью.***** Его приход расточает сражение; он — пламень смерти, Алона! Юноша, скорбно спешащий, где же сын Алклеты?***** Возвращается ль он во славе своей посреди гулкозвучных щитов? Но ты мрачен и нем! Значит, Калмара больше нет! Не рассказывай, воин, как он погиб, ибо не в силах я слышать о страшной ране его“.

Зачем обращаешь ты взоры в пустыню, мать колесницевластного Калмара?»

Так звучала песнь Карила, когда Кухулин лежал на своем щите, барды на арфах покоились, и мирный сон разлился вокруг. Только сын Семо не спал: к брани прикованы думы его. Пламя дубы уже начали гаснуть; слабый багряный свет кругом разливается. Слышится тихий глас: Калмара дух появился. Он приближается в луче света. Рана темнеет в его груди. Волосы в беспорядке распущены. Лицо его осеняет мрачная радость, и, мнится, зовет он Кухулина в пещеру свою.

«Сын пасмурной ночи, — молвил Эрина вождь, вставая, — зачем на меня устремил ты темные очи свои, дух колесницевластного Калмара?»

* Ald-cla'tha — *увядающая красота*; это поэтическое имя матери Калмара, возможно, придумано самим бардом.

** Говорит Алклета. Калмар обещал вернуться в назначенный день, и бард рассказывает, как его мать и сестра Алона нетерпеливо смотрят в том направлении, откуда ожидают появления Калмара.

*** Al'ine — *совершенная красавица*.

**** Говорит Алклета.

***** Без крови раненых, без тука сильных лук Ионафана не возвращался назад, и меч Саула не возвращался даром.

Вторая книга Царств, I, 22.

***** Она обращается к Ларниру, другу Калмара, который возвратился с вестью о его смерти.

Не хочешь ли ты утратить меня, сын Маты, помешать мне сразиться за Кормака? Не была слаба твоя длань в сражении, и голоса не подавал ты за мир.* Сколь же ты изменился, вождь Лары, если ныне советуешь мне бежать! Но, Калмар, я никогда не бежал. Я никогда не страшился духов пустыни.** Пичтожны познания их и длани бессильны, ветер им служит жилищем. Но моя душа в опасности крепнет и тешится звоном булата. Уйди же в свою пещеру, ты не Калмара дух; он услаждался битвой, и десница его была словно гром небесный».

Он увесся с порывом ветра, исполненный радости, ибо услышал хвалу себе. Бледный утренний луч показался, и Катбата щит прозвучал. Бойцы зеленого Уллина соединились, как грохот многих потоков. Над Лего слышится рог войны: пришел могучий Торлат.

«Зачем ты, Кухулин, привел свои тысячи? — спросил вождь Лего. — Я знаю крепость мышцы твоей. Душа твоя огонь негасимый. Зачем не сразимся мы на равнине, чтобы рати смотрели на подвиги наши? Чтобы смотрели они на нас, подобных ревушим волнам, что бьются вокруг утеса; мореходы спешат подальше отплыть и со страхом взирают на их борьбу».

«Ты всходишь, как солнце, в моей душе, — ответил сын Семо. — Могуча мышца твоя, о Торлат, и достойна моего гнева. Отойдите же, ратники Уллина, к тенистому склону Слиморы. Взвирайте на вождя Эрипа в день его славы. Карил, ты скажешь могучему Коппалу, если Кухулину пасть суждено, ты скажешь ему, что винил я во всем только ветры, над волнами Тогормы ревущие. Он всегда был со мною в брани, едва началась битва славы моей. Пусть его меч ограждает Кормака, словно небесный луч; пусть советы его звучат в Теморе в дни опасности».

Он устремился вперед, бряцая оружием, словно ужасный дух Лоды*** когда он является в реве тысячи бурь и взорами мечет битвы. Он сидит на туче над морем Лохлина, его могучая длань лежит на мече, и ветер вздымает огнистые кудри его. Столь же ужасен был Кухулин в день своей славы. Торлат пал от его десницы, и скорбели герои Лего. Они окружили вождя, как тучи пустыни. Тысяча мечей взметнулась вдруг, тысяча стрел полетела; но Кухулин стоял, как скала посреди ревущего моря. Они повергались вокруг, он шагал весь в крови, и далеко разносился гулкий отзыв темной Слиморы. Пришли сыны Уллина, и битва

* Сммотри речь Калмара в первой книге «Фингала».

** Сммотри ответ Кухулина Коппалу относительно духа Кругала («Фингал», кн. 2).

*** Лода упоминается в третьей книге «Фингала» как место отправления священных обрядов в Скандинавии. Под *духом Лоды* поэт, вероятно, подразумевает Одина, верховное божество северных народов. Описанный здесь со всеми сопутствующими ужасами, он несколько напоминает Марса, как тот изображен в сравнении в седьмой песне Илиады:

...как Арей выступает огромный,
Если он шествует к брани народов, которых Кропшон
Духом вражды сердцегложущей свел на кровавую битву.

[Гомер. Илиада, VII, 208].

простерлась вдоль Лего. Эрипа вождь одержал победу. Со славою он возвращался с поля сражения.

Но бледен он возвращался. Угрюма была на лице его радость. Молча взирал он окрест. Меч обнаженный повис в длани его, и при каждом шаге склонялось копьё.

«Карил, — тихо сказал король, — изменяют силы Кухулину. Дни мои уходят к прошедшим годам, и утро уже для меня не настанет. Они будут искать меня в Теморе, но нигде не смогут найти. Кормак заплачет в чертоге и спросит: „Где же вождь Туры?“ Но имя мое знаменито! Слава моя в песнопениях бардов. Юноша тайно помыслит: „О пусть я умру, как умер Кухулин. Славою он облачен, и ярко сияет имя его“ Вынь стрелу из груди моей, и положи Кухулина под этим дубом. Рядом пусть ляжет щит Катбата, чтоб увидали меня посреди доспехов предков моих».

«Ужель супостаты сразили сына Семо? * — молвил Карил со вздохом. — Стены Туры печальны, и скорбь обитает в Дунскехе. Одинокой осталась твоя супруга в молодые годы, одинок и сын любви твоей.** Он придет к Брагеле и спросит, зачем она плачет. Он поднимет свой взор па стену и увидит отцовский меч. „Чей это меч?“ — он спросит, и восплачет душа его матери. Кто там стремится свой шумный бег, словно олень пустыни? Дико блуждают очи его в поисках друга. Коннал, потомок Колгара, где же ты был, когда могучий в сражении пал? Моря ли Тогормы вокруг тебя бушевали? Южный ли ветер дышал в твои паруса? Могучие пали в бою, а тебя не было с ними. Да не расскажет никто об этом ни в Сельме, ни в крае лесистом Морвена. Станет Фингал скорбеть, и восплачут сыны пустыни».

Вблизи мрачно-бурных волн Лего они воздвигли могилу героя. Неподалеку лежит Луат,*** Кухулина спутник в ловитве. «Благословенна душа твоя, сын Семо; **** был ты могуч во брани. Сила твоя была, словно

* Ирландские историки относят время жизни Кухулина к первому веку. Переводчик изложил свои доводы в пользу отнесения его к третьему веку в рассуждении, приложенном к этому сборнику. В остальных же частностях Китинг и О'Флаэрти совпадают довольно точно с поэмами Оссиана и преданиями северной Шотландии и островов. Они сообщают, что он был убит на двадцать седьмом году жизни, и высоко оценивают его мудрость и доблесть.

** Ковлох, который впоследствии прославился своими великими подвигами в Ирландии. Он отличался такой ловкостью в метании дротика, что и теперь в северной Шотландии, когда говорят о метком стрелке, употребляют поговорку: *Он бьет без промаха, как рука Ковлоха.*

*** Согласно старинному обычаю, любимого пса хоронили рядом с хозяином. Этот обычай не является исключительной особенностью древних шотландцев, поскольку мы обнаруживаем его у многих народов в героическую пору их существования. До сих пор в Дунскехе на острове Скай показывают камень, к которому Кухулин обычно привязывал своего пса Луата. Этот камень и поныне называют его именем.

**** Это песнь бардов над могилой Кухулина. Каждая строфа завершается каким-либо примечательным прозванием героя, как это было принято в погребальных элегиях. Стих песни имеет лирический размер, и в старину его пели в сопровождении арфы.

сила потока, быстрота твоя — словно крыло орла.* Страшен был путь твой в битве: смерть шагала вослед меча твоего. Благословенна душа твоя, сын Семо, колесницевластный вождь Дунскеха!

Меч могучего не поверг тебя, копьё храброго кровью твоей не багрилось. Стрела прилетела по ветру, подобная жалу смерти, и того не приметил слабая длань, натянувшая лук. Мир душе твоей в пещере глубокой, вождь острова туманов!

Расточились могучие в Теморе; пустынно в чертоге Кормака. Юный король горюет, ибо не видит он, как ты возвращаешься. Звон твоего щита умолк, и короля окружают враги. Да будет покоен твой сон в пещере, вождь ратоборцев Эрина.

Брагела не чаёт уже твоего возвращения, не ищет взором твоих парусов в океанской пене. Шаги не влекут её на берег, ухо не ловит гласа твоих гребцов. Она сидит в чертоге пиров и взирает на доспехи того, кого уже больше нет. Твои глаза исполнены слез, дочь колесницевластного Сорглана. Благословенна в смерти душа твоя, о вождь теннистой Кромлы!»

Быстрее орлов, сильнее львов они были.
Вторая книга Царств, I, 23.

Дар-тула

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Здесь, полагаю, было бы уместно изложить историю, которая легла в основу этой поэмы, в том виде, в каком ее сохранило предание. — Уснот, государь Эты (вероятно, той части Аргайлшира, которая расположена вблизи Лох-Этива, морского залива в Лорне), был женат на Слис-семе, дочери Семо и сестре прославленного Кухулина, и имел от нее трех сыновей: Натоса, Альтоса и Ардана. Когда три брата были еще очень молоды, отец послал их в Ирландию обучаться владению оружием под руководством их дяди Кухулина, который пользовался большим влиянием в этом королевстве. Но, едва они высадились в Ольстере, как пришла весть о смерти Кухулина. Натос, хоть был еще весьма молод, возглавил его войско, пошел в наступление на узурпатора Карбара и одержал над ним победу в нескольких сражениях. Тем временем Карбару удалось умертвить законного короля Кормака, и войско Натоса перешло на его сторону, а сам Натос был выпущен вернуться в Ольстер, чтобы оттуда плыть в Шотландию.

Дочь вождя Коллы Дар-тула, которую любил Карбар, жила в то время в ольстерском замке Селаме. Она увидела Натоса, влюбилась в него и бежала с ним. На несчастье поднялась буря и отнесла их корабль назад к той части побережья Ольстера, где со своим войском расположился лагерь Карбар, ожидавший Фингала, который замыслил поход на Ирландию, чтобы восстановить на ее троне шотландскую династию королей. Встретившись с неприятелем, три брата защищались некоторое время с большим мужеством, но в конце концов были побеждены и убиты, а несчастная Дар-тула покончила с собой над телом своего возлюбленного Натоса.

Оссиан открывает поэму описанием ночи накануне гибели сыновей Уснота и сообщает о предшествующих событиях во вставном эпизоде. Он излагает смерть Дар-тулы иначе, чем распространенное предание; его рассказ более правдоподобен, ибо самоубийство, по-видимому, не было известно в те отдаленные времена; по крайней мере в древней поэзии не встречается никаких упоминаний о нем.

Дочь небес,* ты прекрасна! Покойный твой лик приятен. Ты выступаешь в красе своей, и следуют звезды лазурной твоею стезей на востоке. Явленье твое, о луна, веселит облака и озаряет одетые тьмою края. Кто сравнится с тобой в небесах, дочь молчаливой ночи? Звезды стыдятся при виде тебя и отводят блеск зеленых очей. Куда ж ты уходишь с пути своего, когда возрастает тень на лице твоём? ** Есть ли чертог у тебя, как есть он у Оссиана? Обитаешь ли ты во мраке скорбей? Может быть, сестры твои пали с небес? Может быть, нет уже тех, кто веселился с тобою в ночи? Да, светило прекрасное, пали они, и ты часто скрываешься, чтобы оплакивать их. Но и сама ты однажды ночью падешь, покинув лазурный свой путь в небесах. Звезды поднимут тогда зеленые главы; они, что стыдились при виде тебя, исполнятся радости.

Ныне тебя облекает сияние. Взгляни ж из небесных врат. Расторгни тучи, о ветер, чтобы явился лик дочери ночи, чтоб озарились лесистые горы и океан при свете катил синие волны свои.

* Обращение к луне в оригинале очень красиво. Оно имеет лирический размер и его, по-видимому, пели под аккомпанемент арфы.

** Поэт подразумевает луну на ущербе.

Натос плывет над пучиной морской и Альтос, юности луч; Ардан сопутствует братьям.* Они спешат во мраке пути своего. Сыны Уснота спешат сокрыться во тьме от гнева колесницезластного Карбара.**

Кто там темнеется возле них? Ночь сокрыла ее девичью красу. Кудри вздыхают под ветром морским, одеянье струится извивами тусклыми. Она подобна прекрасному духу небес посреди густого тумана. Кто же она, как не Дар-тула,*** первая дева Эрина. С колесницезластным Натосом бежит она от любви Карбара. Но ветры тебя обманули, Дар-тула, и не дали твоим парусам достичь лесистой Эты. Не твои это горы, Натос, и не твои валы рокочут, вздымаясь. Близки чертоги Карбара, и башни врага возносят главы свои. Уллин вершину зеленую в море простер, и Туры залив приемлет корабль. Где же вы были, южные ветры, когда обманулись чада моей любви? Вы ревелись в полях и развевали бороду чертополоха. Ах, если б шумели вы в парусах Натоса, пока пред ним не восстали бы Эты холмы, пока не восстали б они в облаках и не узрели прибытия вождя своего! Слишком долго отсутствовал ты, Натос, и миновал уже день твоего возвращения.****

Но страна чужеземцев узрела тебя, воин любезный. Ибо любезен ты был взору Дар-тулы. Лицо твое, словно утренний свет, волосы — словно вороново крыло. Душа твоя щедра и нежна, словно солнце в закатный час. Твои слова — ветерок в тростниках или течение покойное Лоры.

Но когда вздымалась ярость битвы, ты был, словно бурное море. Страшен был звон твоего оружия, враги исчезали, слыша поступь твою. Тогда-то тебя и узрела Дар-тула с высоты своей мшистой башни, с высоты Селама,***** где жили ее отцы.

«Любезен ты мне, чужеземец, — сказала она, ибо душа ее вострепнулась. — Прекрасен ты в битвах, друг погибшего Кормака.***** Зачем ты спешишь на брань, исполненный доблести, румянощекий юноша? Мало рук у тебя для битвы с колесницезластным Карбаром. Ах, если бы мне избавиться от его любви,***** чтобы могла я радоваться встрече с Натосом! Счастливы скалы Эты, они узрят шаги его на охоте, они увидят

* Nathos означает юный, Ailthos — утонченная красота, Ardan — гордость.

** Карбар, который убил Кормака, короля Ирландии, и захватил его трон. Впоследствии он пал в поединке с Оскаром, сыном Оссиана. В других случаях поэт наделяет его эпитетом рыжеволосый.

*** Dar-thúla или Dart-huille — женщина с красивыми глазами. Она была самой знаменитой красавицей древности. До сих пор, когда восхваляют красоту какой-либо женщины, обычно говорят: «Она хороша, как Дар-тула».

**** То есть день, назначенный судьбой. Вообще в поэзии Оссиана мы не находим никакого божества, если не считать рока, о котором говорится очень много в некоторых его поэмах, находящихся в распоряжении переводчика.

***** Поэт подразумевает не ту Селаму, которая упомянута как дворец Тоскара в Ольстере в поэме о Конлате и Кутоне. В оригинале это слово означает красивый для взора или место с приятным или широким видом. В те времена дома строились на возвышенностях, позволяющих обозревать местность и предупредить неожиданное нападение: поэтому многие из таких построек назывались Селамы. Знаменитая Сельма Фингала происходит от того же корня.

***** Кормака, юный король Ирландии, которого убил Карбар.

***** То есть от любви Карбара.

грудь его белую, когда ветер откинет его волосы, черные, словно ворон».

Так говорила ты, Дар-тула, на мшистых башнях Селамы. А ныне ночь окружает тебя и ветры обманули твои паруса. Ветры обманули твои паруса, Дар-тула, пронзительно воют они. Утихни хоть ненадолго, северный ветер, и дай мне услышать голос любезной. Твой голос, Дар-тула, любезен среди свиста ветров.

«То не Натоса ль скалы виднеются и не его ли потоки горные слышатся? Не из ночных ли чертогов Уснота исходит сей светлый луч? Туман клубится вокруг и слабо мерцает луч, но душу Дар-тулы освещает вождь колесницевластный Эты! Сын великодушного Уснота, зачем порывистый этот вздох? Разве мы не в стране чужеземцев, вождь гулкозвучной Эты?»

«Это не Натоса скалы виднеются, — ответил он, — и не его потоки горные слышатся. Свет исходит не из чертогов Эты, потому что они далеко. Мы в стране чужеземцев, в стране колесницевластного Карбара. Ветры нас обманули, Дар-тула. Уллин вздымает здесь вершины зеленых холмов. Иди на север, Альтос, направь стопы вдоль берега, Ардан, чтоб супостат не пришел во мраке и не погибли наши надежды вернуться в Эту.

Я же пойду к той мшистой башне и посмотрю, кто обитает там, где слабо мерцает луч. Ты ж отдохни на берегу, Дар-тула, отдохни безмятежно, светлый луч! Тебя ограждает Натоса меч, подобный небесной молнии».

Он ушел. Она сидела одна и внимала зыбучим волнам. Крупные слезы в ее очах; она ждет колесницевластного Натоса. Сердце ее трепещет, когда налетает ветер. Она преклоняет слух, ожидая услышать его шаги. Но его шагов не слышать. «Где же ты, сын моей любви? Ветер ревет вокруг меня. Темна ненастная ночь. А Натос не возвращается. Что удержало тебя, вождь Эты? Не повстречался ль герой с врагами в ночном бою?»

Он возвратился, но мрачно было его лицо: он видел умершего друга. Это было под стенами Туры, и тень Кухулина блуждала по ним. Частые вздохи исторгались из груди его, и страшен был угасший пламень очей. Его копьё было столп тумана; звезды тускло мерцали сквозь призрак. Голос глухо звучал, словно ветер в пустой пещере, и поведал он горькую повесть. Душа Натоса омрачилась, как солнце в туманный день, когда лик его влажен и смутен.*

«Почему ты печален, о Натос? — спросила прелестная дочь Коллы. — Ты сияние света для Дар-тулы; вождь Эты — радость ее очей. Есть ли друг у меня, кроме Натоса? Мой отец почивает в могиле.** Тишина воца-

*

Спрячется если во мглу и середка его омрачится.

Вергилий [Георгики, I, 442].

...никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь...
...Нет у меня ни отца, ни матери нежной!

Гомер [Илиада], VI, 411.

пилась в Селаме; печаль струят лазурные реки моей страны. Друзья мои сражены вместе с Кормаком. Могучие пали во брани Уллина.

Вечер темнел на равнине. Лазурные реки сокрылись от взоров моих. Редкие ветра порывы шумели в вершинах Селамских дубрав. Я сидела под деревом у стен моих праотцев. Трутил представился мыслям моим, брат мой любимый, тот, что на битву ушел против колесницевластного Карбара.*

На копье опираясь, пришел седовласый Колла; мрачно чело поникшее, и скорбь поселилась в его душе. Меч блестит на бедре героя, праотцев шлем осеняет главу. Думой о битве вздымается грудь. Он старается скрыть слезу.

„Дар-тула, — молвил, вздыхая, он, — ты последняя в роду Коллы. Трутил пал в сражении. Нет уже короля** Селамы. Карбар ведет свои тысячи к стенам Селамы. Колла встретит его гордыню и отомстит за сына. Но где ж мне найти для тебя безопасный приют, Дар-тула темно-русая? Прелестна ты, как солнечный луч в небесах, а друзья твои все полегли!“

„Ужели повержен сын войны? — спросила я, вздох исторгая. — Ужель благородное сердце Трутила не озаряет поля брани? Мой безопасный приют, о Колла, в этом луке. Я научилась разить косую. Разве Карбар не схож с оленем пустыни? Ответь, родитель павшего Трутила“.

Чело старика осветилось радостью, и стесненные слезы излились из его очей. Затрепетали уста Коллы. Седая его борода развеялась по ветру. „Ты сестра Трутила, — молвил он, — и пламень сердца его зажигает тебя. Возьми же, Дар-тула, возьми то копье, тот медный щит, тот блестящий шлем: это добыча бранная, совлеченная с воина, что стоял на пороге юности.*** Когда свет взойдет над Селамой, мы пойдем навстречу колесницевластному Карбару. Но держись близ десницы Коллы, под сенью его щита. Отец твой, Дар-тула, некогда мог защитить тебя, но старость дрожит на длани его. Сила десницы иссякла, а душа помрачилась горем“.

В печали мы провели ту ночь. Утренний свет взошел. Я воссияла в бранных доспехах. Седовласый герой шел впереди. Сыны Селамы собрались вокруг звенящего щита Коллы. Но мало сошлось на равнине бойцов, и седина убеляла их кудри. Юноши пали с Трутилом в битве за колесницевластного Кормака.

„Соратники моей юности, — молвил Колла, — не таким вы видали меня в бранных доспехах. Не так я шествовал в бой, когда пал великий Конфадан. Но вас отягчает горе. Настигает мрачная старость, словно туман в пустыне. Мой щит изношен годами, мой меч закреплен не-

* Семейство Коллы сохранило верность Кормаку долгое время после смерти Кухулина.

** В поэзии Оссиана титулом короля наделяется обычно всякий вождь, отличившийся доблестью.

*** Поэт, желая сделать более правдоподобным рассказ о том, как Дар-тула вооружалась для битвы, заставляет ее обрядиться в доспехи очень молодого воина, иначе никто бы не поверил, что она, сама очень юная, могла их носить.

движно на месте своем.* Я сказал в душе: твой вечер будет покоен, и ты отойдешь, как свет угасающий. Но буря вернулась; я клонюсь, словно древний дуб. Мои ветви опали в Селаме, и я колыхаюсь на месте своем. Где же ты, мой колесницевластный Трутил и твои герои сраженные? Ты не отвечаешь мне из вихря, тебя влекущего, и душа твоего отца скорбит. Но я больше не буду скорбеть: или Карбар падет, или Колла. Я чувствую, как возвращается сила моей десницы. Мое сердце радостно бьется, голос брани слышаша“.

Герой извлекает свой меч. Блеснули клинки его ратников. Они двинулись по равнине. Их седые волосы развевались по ветру. Карбар сидел за пиршеством на тихой равнине Лоны.** Он узрел приближенье героев и призвал вождей своих к битве.

Но зачем мне рассказывать Натосу, как все жарче бой разгорался!*** Я видала тебя среди тысяч, подобного перуну небесному: он прекрасен, но страшен; падают люди на алом его пути. Копье Коллы сеяло смерть, ибо он вспомнил битвы юных своих годов. Стрела пролетела, звеня, и вонзилась герою в грудь. Он пал на свой гулкозвучный щит. Душа моя содрогнулась от страха; свой щит я простерла над ним, но грудь моя, тяжело дышавшая, обнажилась. Карбар пришел, подъявля копьё, и узрел Селамскую деву. Радость выиграла на мрачном его лице; он удержал подъятую сталь. Он предал Коллу земле, а меня, рыдавшую горько, привез в Селаму. Он повторял слова любви, но скорбела душа моя. Я узрела щиты своих праотцев и меч колесницевластного Трутила. Я узрела оружие мертвых, и окропились ланиты слезами!

Тогда ты пришел, о Натос, и мрачный Карбар бежал. Он бежал, как призрак пустыни от света зари. Рати его стояли не близко, а десница была слаба против стали твоей.

Почему ты печален, о Натос?» — спросила прелестная дева Коллы.****

«Я видел бои, — ответил герой, — уже в юные годы. Моя рука еще не могла поднять копья, когда опасность предстала мне в первый раз, но душа просияла при виде брани, словно узкий зеленый дол, когда солнце струит потоки лучей, прежде чем спрятать главу свою в буре. Моя душа сияла в опасностях, прежде чем я увидел красу Селамы. пре-

* В те времена существовал обычай, согласно которому каждый воин, достигший определенного возраста или потерявший способность сражаться, закреплял свое оружие на стене большого чертога, где шло его племя в дни торжеств. В дальнейшем он уже никогда не участвовал в битвах, и эта пора жизни называлась *временем недвижного оружия*.

** Лона — *болотистая равнина*. Во времена Оссиана было принято после победы устраивать пир. Карбар только начал угощать свое войско после разгрома Трутила, сына Коллы, и остальных защитников Кормака, когда появился Колла со своими престарелыми ратниками, чтобы дать ему бой.

*** Поэт уклоняется от описания битвы при Лоне, поскольку оно было бы неуместно в устах женщины и не представило бы ничего нового после множества подобных описаний в других поэмах. В то же время он дает Дар-туле возможность воздать лестную хвалу своему возлюбленному.

**** Оссиан обычно повторяет в конце вставного эпизода то же предложение, которым он открывал его. Это возвращает читателя к основному содержанию поэмы.

жде чем я увидел тебя, прекрасную, словно звезда, что сияет в ночи над холмом; медленно туча подходит и грозит любезному свету.

Мыл в стране врагов, и ветры нас обманули, Дар-тула; нет рядом с нами ни силы друзей, ни горных вершин Эты. Где я найду для тебя мирный приют, дочь могучего Коллы? Братья Натоса неустрашимы, а меч не раз уже в битве блистал. Но что такое три сына Уснота пред ратью колесницеластного Карбара! О если бы ветры пригнали твою паруса, Оскар, король мужей! * Ты обещал сразиться в битвах за павшего Кормака. Тогда была бы сильна моя длань, как смерти десница огненная. Карбар дрожал бы в чертогах своих, и мир воцарился вокруг любезной Дар-тулы. Но зачем ты поникла, моя душа? Сыны Уснота могут еще победить».

«И они победят, о Натос! — воскликнула дева, духом воспрянув. — Вовек не увидит Дар-тула чертогов угрюмого Карбара. Дай мне тот медный доспех, что сверкнул под звездой падучей, я вижу его в темпогрудой ладье. Дар-тула выйдет на битву мечей. Дух благородного Коллы, тебя ли я зрю на облаке? Что там за смутная тень рядом с тобою? — То колесницеластный Трутил. Узрю ль я чертоги того, кто убил вождя Селамы? Нет, вовеки я их не узрю, любезные сердцу призраки!»

Радость вошла на лице Натоса, когда он услышал белогрудую деву. «Дочь Селамы, ты озаряешь душу мою. Приходи же, Карбар, с твоими тысячами, сила вернулась к Натосу! А тебе, престарелый Уснот, не придется услышать, что сын твой бежал. Я помню твои слова на Эте, когда начинали вздыматься мои паруса, когда я сбирался направить их к Уллину, к мшистым башням Туры. „Ты держишь путь, — он сказал, — о Натос, к владыке щитов Кухулину, к вождю мужей, который вовек не бежал от опасности. Да не будет слаба десница твоя, да не помыслишь о бегстве, чтоб не сказал сын Семо, будто племя Эты бессильно. Его слова достигли б чертогов Уснота и опечалили душу его“. Слеза по его ланите скатилась. Он дал мне сей меч блистающий».

Я доплыл до залива Туры, но чертоги Туры были безмолвны. Я поглядел окрест, но не было никого, кто бы мне рассказал о вожде Дунскеха. Я пошел в чертог пиров, где висело оружие предков его. Но оружия там уже не было, и старец Лавор ** сидел в слезах.

„Откуда это стальное оружие? — спросил, подымаясь, Лавор. — Давно не блистало копье в сумрачных стенах Туры. Откуда пришли вы: с бурного моря или из скорбных чертогов Теморы?“ ***

„Мы с моря пришли, — сказал я, — с высоких башен Уснота. Мы сыновья Слис-самы, **** дочери колесницеластного Семо. Где же

* Оскар, сын Оспана, давно уже задумал поход в Ирландию, чтобы отомстить Карбару, который убил его друга Катола, сына Морана, ирландца благородного происхождения, а также чтобы помочь семейству Кормака.

** Lámh-mhór — *могучая длань*.

*** Темора была дворцом верховных королей Ирландии. Здесь она названа скорбной, потому что в ней погиб Кормак, убитый Карбаром, захватившим его трон.

**** Slis-seamha — *нежная грудь*. Она была женою Уснота и дочерью Семо, вождя острова туманов.

вождь Туры, сын чертога безмолвного? Но для чего вопрошать тебя Натосу, когда я вижу слезы твои. Как же могучий пал, сын одинокой Туры?»

„Он пал, — ответил Лавор, — но не так, как падает ночью звезда безмолвная, когда она промелькнет сквозь мрак и исчезнет. Нет, он был метеору подобен, что упадает в дальнем краю; багровым его путем следует смерть, и сам он — знаменье браней. Печальны брега Лего и шум многоводной Лары! О сын благородного Уснота, там был повержен герой“.

„И герой был повержен посреди побоища, — молвил я, тяжело вздыхая. — Сильна была в битвах длань его, и смерть влеклась за его мечом“. Мы пришли к печальному берегу Лего. Мы нашли его холм могильный. Его боевые товарищи были там, его барды, богатые песнями. Три дня мы оплакивали героя, на четвертый ударил я в щит Катбата. Радостно собирались герои вокруг, потрясая лучистыми копьями.

Неподалеку был Корлат с войском своим, друг колеснищевластного Карбара. Мы на него устремились, словно ночной поток, и пали его герои. Когда проснулись жители дола, они узрели их кровь при утреннем свете.* Но мы понеслись, словно клубы тумана, к гулкозвучным чертогам Кормака. Наши мечи поднялись на защиту его. Но чертоги Теморы были пусты. Кормак погиб в расцвете юности. Не стало властителя Эрина.

Скорбь овладела сынами Уллина, тихо, угрюмо сокрылись они, как за холмами скрываются тучи, долго грозившие ливнем. Горем объятые, сыны Уснота повернули назад к заливу гулкому Туры. Мы миновали Селаму, и Карбар сокрылся, словно туманы Лано, когда их гонят ветры пустыни.

Тогда-то я увидел тебя, о дева, подобную ясному солнцу Эты. „Любезен тот луч“, — я сказал, и стесненный вздох исторгся из груди моей. Ты явилась, Дар-тула, во всей красе своей к вождю печальному Эты. Но ветры нас обманули, дочь Коллы, и супостаты близко».

«Да, супостаты близко, — молвил могучестремительный Альтос,** — я слышал звон их доспехов на бреге и видел, как реет черное знамя Эрина. Ясно доносится голос Карбара,*** громкий, как водопады Кромлы. Прежде чем сумрак ночной опустился, он увидел в море темный ко-

* И случилось в ту ночь: пошел ангел господень и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые.

Четвертая книга Царств, XIX, 35.

** Альтос только что вернулся после осмотра берега Лены, куда его послал Натос в начале ночи.

*** Карбар собрал войско на побережье Ольстера, чтобы противостоять Фингалу, который готовился к походу на Ирландию для восстановления династии Кормака на престоле, захваченном Карбаром. Между флангами войска Карбара находился залив Туры, куда ветры занесли корабль сыновей Уснота, так что они не могли избежать встречи с неприятелем.

рабль. Бодрствует войско его на равнине Лены и вздымает десять тысяч мечей».*

«И пусть вздымают они десять тысяч мечей, — сказал, усмехаясь, Натос. — Сыны колесницевластного Уснота никогда не трепещут при виде опасности. Зачем ты катишь пену свою, ревущее море Уллина? Зачем шумят ваши темные крылья, свистящие вихри небесные? Ужели мните вы, бури, что это вы у берега держите Натоса? Нет, чада ночи, только душа может его удержать! Альтос, подай мне доспехи праотцев; видишь, как блещут они под звездами! Принеси копье Семо,** что стоит в темногрудой ладье».

Он принес доспехи. Натос облек свои члены сияющей сталью. Величава поступь вождя, ужасно веселье его очей. Он глядит на приближение Карбара. Ветер шумит в его волосах. Дар-гула молча стоит с ним рядом, взор ее устремлен на вождя. Она старается скрыть теснящийся вздох, и две слезы наполняют очи ее.

«Альтос, — сказал вождь Эты, — в той скале я вижу пещеру. Сокрой там Дар-тулу, и да будет сильна десница твоя! Ардан, мы встретим врага и на бой призовем угрюмого Карбара. Ах, если б он вышел в звонкой стали своей навстречу сыну Уснота! Дар-гула, если удастся тебе спастись, не смотри на павшего Натоса. Направь, о Альтос, свои паруса к гулкозвучным дубравам Эты.

Скажи вождю,*** что сын его пал со славой, что мой меч не чурался брани. Скажи ему, что я пал среди тысяч, и да возвысится радость скорби его. Дочь Коллы, дев собери в гулкозвучных чертогах Эты. Пусть воспоют они песни о Натосе, когда хмурая осень вернется. Ах, если бы голос Коны**** прозвучал мне хвалою. Тогда ликовал бы мой дух среди горных ветров».

И мой голос восхвалит тебя, Натос, вождь лесистой Эты! Оссиана голос возвысится, восхваляя тебя, сын великодушного Уснота! Зачем я не был на Лене, когда началось сражение? Тогда меч Оссиана защитил бы тебя или сам Оссиан полег бы костями.

Мы сидели той ночью в Сельме за круговою чашей. Ветер снаружи в дубах шумел, горный дух кричал.***** Ветра порыв ворвался в чертог и коснулся слегка моей арфы. Звук был печален и тих, словно надгробная песнь. Первый услышал Фингал, и стесненные вздохи исторглись из груди его. «Кто-то погиб из моих героев, — сказал седовласый король Морвена. — Я слышу звуки смерти на арфе сына. Оссиан, коснись зве-

* Место действия в этой поэме почти то же, что и в предыдущей эпической поэме. Здесь, как и там, часто упоминаются вересковые равнины Лены и Туры.

** Семо был дедом Натоса со стороны матери. Когда Уснот женился на его дочери, Семо подарил ему упомянутое здесь копье согласно обычаю, по которому отец невесты дарит зятю свое оружие. Принятый в этих случаях обряд упоминается в других поэмах.

*** Усноту.

**** Оссиана, сына Фингала, часто называют его поэтическим прозвищем — *голос Коны*.

***** Выражением *горный дух* обозначается низкий печальный звук, предвещающий бурю и хорошо известный жителям горных стран.

нящей струны, заставь прозвучать печальную песнь, чтобы радостно было их духам лететь к лесистым холмам Морвена».

Я коснулся арфы пред королем, звук был печален и тих. «Склонитесь со своих облаков, — сказал я, — духи предков моих, склонитесь! Остановите ужас багровый полета вашего и примите вождя сраженного, придет ли он из далекой страны или поднимется с бурного моря. Приготовьте ему одеяние из тумана, сотворите копье из облака. На бедро возложите метеор угасающий, вместо меча геройского. И пусть его облик будет приятен, чтоб лицемерье его веселило друзей. Склонитесь со своих облаков, — сказал я, — духи предков моих, склонитесь!»

Так я в Сельме пел под звуки тихо трепещущей арфы. Но Натос был на берегу Уллина, и его окружала ночь; он слышал лишь глас супостатов среди рева бушующих волн. Безмолвно он слушал их глас, опершись на копье.

Утро встало в сиянье лучей. Появились сыны Эрина; словно серые скалы, деревьями поросшие, растянулись они вдоль берега. Карбар выскочил посреди; он усмехнулся зловеще, когда увидел врага.

Натос на брань устремился в силе своей, и Дар-тула тоже позади не осталась. Вздывая копье блестящее, шла она рядом с героем. А кто там грядет в доспехах, сияя гордостью юпой? Кто, как не сыны Уснота, Альтос и темно-русый Ардан.

«Выйди, — молвил Натос, — выйди, вождь высокой Теморы! Сразимся на берегу за белогрудую деву. С Натосом нет его ратников, они остались за бурным морем. Зачем ты привел свои тысячи против вождя Эты? Ты же бежал от него в бою, когда его окружали друзья».*

«Юноша, гордый сердцем, станет ли биться с тобою король Эрина? Предки твои не венчались ни славой, ни королевским венцом. Есть ли в их чертогах оружие неприятеля или щиты минувших времен? Карбар прославлен в Теморе, и он не бьется с ничтожными».

Слезу уронил колесницевластный Натос. Он обратил очи на братьев. Мгновенно взлетели их копья, и три героя повержены наземь. Затем высоко воссиял свет их мечей, и отступили строи Эрина, как гряды угрюмых туч под порывом ветра.

Карбар тогда приказал своим воинам, чтоб натянули они тысячу луков. Тысяча стрел полетела; сыны Уснота пали. Они пали, как три молодых дуба, что стояли одни на холме. Путник взирал на деревья пригожне и дивился, как выросли они, одинокие; вихрь пустыни в ночи прилетел и долу повергнул вершины зеленые. День пришел, воротился путник, а уже иссохли они, и опустело вокруг.

В безмолвном горе стояла Дар-тула и видела их погибель. В ее очах не было слез, но взоры исполнились скорбью безумной. Бледность покрыла ее ланиты. Из трепетных уст вырывались невинные краткие речи. Темные кудри развеивались по ветру. Но угрюмый Карбар пришел. «Где же теперь твой любовник, колесницевластный вождь Эты? Увидала ли ты чертоги Уснота? или бурные холмы Фингаловы? Битва моя

* Он подразумевает бегство Карбара из Селамы.

грохотала бы в Морвене, если бы ветры не занесли сюда Дар-тулу. Сам Фингал был бы повержен, и скорбь воцарилась бы в Сельме».

Рука Дар-тулы уронила щит, ее белоснежная грудь открылась. Но открылась она, обгаренная кровью, ибо стрела вонзилась в нее. Пала она, словно снег, на павшего Натоса. Ее темные волосы покрыли его лицо, и смешалась их кровь на земле.

«Повержена ты, дочь Коллы! — зашели сто бардов Карбара. — Тишина царит на синих потоках Селамы, ибо погибло племя Трутила.* Когда ж ты восстанешь в красе своей, первая дева Эрина? Долог твой сон могильный и далеко до рассвета. Не придет солнце к твоему ложу и не скажет: проснись, Дар-тула, проснись ты, из женщин первая! Снаружи гуляет весенний ветер, на зеленых холмах цветы качают головки, леса шелестят зеленой листвою.** Удались, о солнце, дочь Коллы уснула. Она не выйдет в красе своей, она уже не пройдет поступью плавной».

Так пели барды, воздвигая могилу. И я над могилою цел, но после, когда уже прибыл король Морвена, когда прибыл он в Уллин зеленый сразиться с колесничевластным Карбаром.

* Трутил был основателем рода Дар-тулы.

** Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот зима уже прошла, дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки и виноградные лозы, расцветая, издают благовоение. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Карик-тура

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Фингал, возвращаясь из похода в Римскую провинцию, решил навестить Катуллу, короля Инис-тора и брата Комалы, чья история подробно рассказана в драматической поэме, помещенной в этом сборнике. Приблизившись к Карик-туре, замку Катуллы, он увидел огонь, зажженный на башне, что в те дни служило знаком бедствия. Ветер загнал корабль Фингала в залив, недалеко от Карик-туры, и он был вынужден провести ночь на берегу. На другой день он напал на войско Фротала, короля Соры, осадившего замок Катуллы Карик-туру, и после поединка взял в плен самого Фротала. Освобождение Карик-ту-

ры служит главным содержанием поэмы, но в нее влетены и другие эпизоды. Предание гласит, что эта поэма была обращена к некоему кульди, то есть одному из первых христианских миссионеров, и что рассказ о *духе Лоды*, который, как полагают, тождествен с древним скандинавским божеством Одином, введен Оссианом в противовес учению кульди. Как бы то ни было рассказ этот дает представление о взглядах Оссиана на высшее существо и показывает, что он был чужд суеверий, господствовавших во всем мире до распространения христианства.

Свершил ли ты свой путь по лазоревой тверди, сын златокудрых небес? * Запад отверз врата, там одр твоего покоя. Волны приходят взглянуть на твою красоту, они подъямлют дрожащие главы, они видят, как ты прекрасен во сне, но тут же прочь убегают в страхе. Отдыхай же в своей тенистой пещере, о солнце, и в радости к нам воротись. Но пусть запыхает в Сельме под звуки арф тысяча светочей, пусть озарятся чертоги: властитель чаш воротился! Затихла битва на Кроне,** словно умолкшие звуки. Затяните же песнь, о барды, король воротился со славой!

Так пел Уллин, когда Фингал воротился с брани, когда воротился он, сияя цветением юности, осененный густыми кудрями. Вороненый доспех покрывал героя, словно серая туча — солнце, когда проходит оно в одеянье тумана и являет лишь половину лучей. Короля окружают его герои. Пиршество чаш уготовано. Фингал обращается к бардам и велит им запеть песнь.

«Голоса гулкозвучной Коны, — сказал он, — о барды минувших времен! Вы, в чьей памяти высятся вороненые полчища наших праотцев, заиграйте на арфе в чертоге моем, и да внемлет Фингал вашей песне! Приятна радость скорби, она словно ливень весенний, когда он умягчает дубовую ветвь и юный листок вздымает головку свою зеленую. Пойте, о барды, а завтра мы парус поднимем. Синий мой путь пролегает по

* Песня Уллина, которая открывает поэму, имеет лирический размер. Когда Фингал возвращался из своих походов, он обычно высылал вперед поющих бардов. Оссиан называет такое торжественное шествие *песнью победы*.

** Оссиан воспел *биту на Кроне* в особой поэме. Настоящая поэма связана с нею, но переводчик не смог раздобыть сколько-нибудь удовлетворительный текст той части, в которой рассказывается о Кроне.

океану к стенам Карик-туры, ко мшистым стенам Сарно, где жила когда-то Комала. Там благородный Катулла задает пиршество чаш. Много вепрей в его лесах, и раздастся там клич ловитвы».

«Кроннан, сын песни, — молвил Улли, — Минона, прелестная дева арфы, воспойте песнь о Шильрике, порадуите короля Морвена.* Пусть выйдет Винвела в своей красе, как дождевая радуга, когда отражает она чело свое дивное в озере и сияет закатное солнце. И она выходит, Фингал, нежен голос ее, но печален».

Винвела

Мой возлюбленный — чадо холма. Он несется за быстрым оленем. Тяжко дышат серые псы вокруг него, тетива его лука звенит на ветру. Отдыхаешь ли ты у ручья на скале иль под ропот источника горного? Ветры клонят тростник, туман летит над холмом. Незаметно приближусь я к милому и увижу его со скалы. Любезен явился ты мне впервые у старого дуба Бранно;** статный, ты возвращался с ловитвы, самый красивый из всех друзей.

Шильрик

Что за глас раздастся, глас, подобный дыханию лета? Не сижу я там, где ветры клонят тростник, не слышу ручья на скале. В дальний край, о Винвела,*** в дальний край я иду на Фингалову брань. Мои псы не сопутствуют мне. Не всхожу я больше на холм. Не вижу я больше с вершины, как плавно ты ходишь по берегу речному, ясна, как небесная радуга, как месяц в закатной волне.

Винвела

Значит, ушел ты, о Шильрик, и я одна на холме. Олени видны на вершине, они пасутся, не ведая страха. Не пугает их больше ни ветер, ни шелестящее древо. Далеко от них охотник, ныне он на поле могил. Чада волн, чужеземцы, пощадите любовь мою, Шильрика!

Шильрик

Если пасть суждено мне на поле, воздвигни высоко могилу мою, Винвела. Серые камни и грудa земли напомнят грядущим векам обо

* Можно полагать, что роли Шильрика и Винвелы исполнялись Кроннаном и Миноной, самые имена которых показывают, что они были певцами, выступавшими перед публикой. Стонпан означает *печальный звук*; Минона или Min-’onn — *нежный напев*. По-видимому, все драматические поэмы Оссиана исполнялись перед Фингалом в дни торжеств.

** Bran или Branno означает *горный поток*; здесь это — некая река, называвшаяся так во времена Оссиана. На севере Шотландии имеется несколько речек, сохранивших и поныне название Бран; к ним, в частности, принадлежит приток Тея, впадающий в него около Данкелда.

*** Bhín-bheul — *женщина со сладостным голосом*. Буквами bh в гэльском языке обозначался тот же звук, что и буквой v в английском.

мне. Когда сядет охотник у насыпи, чтоб подкрепиться в полдень, он скажет: «Здесь упокоился некий воин», и слава моя оживет в его похвале. Воспомни меня, Винвела, когда я почию в земле!

Винвела

Да, я вспомню тебя! Воистину мой Шильрик падет! Что же мне делать, любимый, когда ты уйдешь навсегда? Через эти холмы я в полдень пойду, я пойду через безмолвную пустошь. Там я увижу место, где ты отдыхал, возвращаясь с ловитвы. Воистину мой Шильрик падет, но я вспомню его.

«И я вспомню вождя, — сказал король лесистого Морвена. — Ярость его, как огонь, пожирала битву. Но ныне не видят героя очи мои. Однажды он мне на холме повстречался, были бледны его ланиты, мрачно было чело. Грудь исторгала частые вздохи, он шаги направлял в пустыню. Но ныне его уже нет в сонме моих вождей, когда раздается бряцанье щитов. Ужель обитает он в тесном жилище,* вождь высокой Карморы?» **

«Кроннан, — промолвил Уллин, древний годами, — спой нам песню о Шильрике, как он вернулся к своим холмам, а Винвелы не было боле. Он прислонился к ее серому мшистому камню; он думал, Винвела жива. Он увидал, как пленительно шла она по равнине,*** но недолго являлся ему ее сияющий образ: солнечный луч улетел с полей, и Винвела исчезла. Слушайте песню Шильрика, нежную, но печальную».

«Я сижу у источника мшистого, на вершине холма ветров. Одинокое древо шелестит надо мною. Темные волны клубятся над вереском. Внизу колышется озеро. Олень нисходит с холма. Вдали не видать охотника, вблизи не слышать пастушьей свирели. Полдень настал, но все тихо кругом. Печальны мои одинокие мысли. Если б ты только явилась, любовь моя, скиталица вересковой пустоши, и кудри твои развевались бы по ветру, от вздохов вздымалась бы грудь, а очи были б слезами полны по друзьям, сокрытым в горном тумане! Я бы утешил тебя, любовь моя, и привел бы в дом твоего отца.

Но не она ли является, словно светлый луч на вереске? Ясна, как осенний месяц, как солнце в летнюю бурю, не ко мне ли идешь ты, любезная дева, через горы и скалы? Она говорит, но как слаб ее голос! как ветерок в тростнике болотном!

„Значит, ты невредим воротился с войны? Где твои друзья, любимый? Я услышала весть о смерти твоей на холме, услышала весть и тебя оплакала, Шильрик!“

* В могиле.

** Сагн-тог — высокий скалистый холм.

*** По мнению древних шотландцев, различие между добрыми и злыми духами состояло в том, что первые являлись иной раз и днем в уединенных, редко посещаемых местах, последние же только ночью и всегда в мрачной, злобещей обстановке.

„Да, моя красавица, я воротился, но один из всего племени. Ты не увидишь их боле: их могилы я воздвиг на равнине. Но зачем ты на этом пустынном холме? Зачем ты одна на вереске?“

„Одна я, о Шильрик, одна в хладном моем жилище. Скорбя о тебе, я угасла. Бледна я покоюсь в могиле, о Шильрик“.

Она парит, она уплывает прочь, как серый туман от ветра. И ты не хочешь остаться, любимая? Останься, взгляни на слезы мои! Ты прекрасна, когда являешься ныне ко мне, Винвела, прекрасна была ты живая!

У источника мшистого я буду сидеть на вершине холма ветров. Когда полдень безмолвен вокруг, заговори со мною, любимая! Прилети на крылах ветерка, на горном вихре примчись! Дай мне услышать твой голос, когда пронесешься ты мимо, а полдень безмолвен вокруг*.

Эту песню Кроннан пропел в ночь веселия Сельмы. Но утро встает на востоке, лазурные воды катятся при свете его. Фингал велел поднять наруса, и ветры, шума, устремились с холмов. Взорам предстал Инштор и мшистые башни Карик-туры. Но на них было знамение бедствия — зеленый пламень, дымом объятый. Король Морвена в грудь ударил себя, он тотчас вознес копьё. Его чело омраченное к берегу обращено, он оглядывается на медлящий ветер. По спине разметались волосы. Молчанье короля ужасно.

Ночь сошла на море, залив Роты принял корабль. С побережья склонилась скала, покрытая гулковзвучной дубравой. На ее вершине круг Лоды,* и мшистый камень власти. Внизу простирается узкий дол, покрытый травой и деревьями старыми; ярый полуночный ветер сорвал их с косматой скалы. Лазурный поток там струится, и ветра порыв одинокий, налетев с океана, гонит бороду чертополоха.

Пламя трех дубов поднялось, пиршество вокруг уготовано. Но душа короля печалится о ратном вожде Карик-туры. Тусклый, холодный месяц встал на востоке. Сон низошел на юных. Под лучом блестят вороненые племени; меркнет костер угасающий. Но сон не почил на короле. Поднялся Фингал в облаченье доспехов и неспешно взошел на холм взглянуть на пламя Сарновой башни.

Пламя было далеким и смутным; луна сокрыла багровый лик на востоке. Вихрь прилетел с горы и принес на своих крылах духа Лоды. Ужасный, летел он на место свое, потрясая копьём облачным.** Очи его на мрачном лице подобны огням, голос — далекому грому. Фингал подошел с копьём своей мощи и голос возвысил.

«Прочь отселе, сын ночи, зови свои ветры и улетай! Зачем ты являешься мне на глаза в своем теновом доспехе? Я ль устрапущь твоего угрюмого вида, зловещий дух Лоды? Непрочен твой облачный щит, бессилен твой меч-метеор. Ветер уносит их, и ты сам исчезаешь. Улетай же, сын почи, прочь с моих глаз, зови свои ветры и улетай!»

* *Круг Лоды* — это, по-видимому, место поклонения у скандинавов, поскольку полагают, что *дух Лоды* — не что иное, как их бог Один.

** Он описан в сравнении, содержащемся в поэме о смерти Кухулина.

Бой Фингала с духом Лоды
Гравюра С. Уоррена
по рисунку Г. Синглтона (1799)

и он победит. Уносись в свою землю, сын Комхала, или мой пламенный гнев обрушится на тебя».

Он поднял высоко тeneвое копьe и над Фингалом склонился зловеще огромный. Но король, приблизясь, свой меч обнажил, клинок темно-русого Луно.** Сверкающий путь булата пронизал угрюмого духа. Призрак упал, расплываясь в воздухе, словно дымный столп, восходящий из полуугасшей печи, когда рассечет его палка юнца.

«Ты посмел меня гнать от моих владений? — ответил раскатистый голос. — Люди мне поклоняются. Я решаю исход сраженья на ратном поле. Я вперяю взор в племена, и они исчезают; ноздри мои источают дыхание смерти. Вольный, я ношусь на ветрах, бури предшествуют мне.* Но безмятежно мое жилище над облаками, отрадны поля моего покоя».

«Так оставайся в своих безмятежных полях, — промолвил Фингал, — и забудь сына Комхала. Разве я восхожу со своих холмов на мирные доли твои? Разве копьем я встречаю тебя, прилетающего на облаке, дух зловещей Лоды? Так зачем же ты хмуро глядишь на Фингала? Зачем потрясаешь воздушным копьем? Но напрасно ты хмуришься: никогда не бежал я от могучих мужей. И сынам ли ветров устрашить короля Морвена? Нет, известно ему бессилне их оружия».

«Уносись в свою землю, — ответил призрак, — наполни парус ветром попутным и уносись. Вихри сокрыты в горсти моей, я управляю полетом бури. Король Соры мой сын, он поклоняется камню власти моей. Он обложил Карик-туру битвой,

* Нельзя не отметить большого сходства между ужасными свойствами этого ложного божества и истинного бога, как они описаны в 17 псалме.

** Знаменитый меч Фингала; его выковал лохлинский кузнец Лун или Луно.

Дух Лоды вскричал и, свившись клубом, унесся по ветру. Инис-тор содрогнулся от этого вопля. Волны в пучине его услышали и в страхе прервали свой бег. Фингала соратники, сразу воспрянув, схватили тяжкие копья. Они не увидели короля, они восстали в ярости, и ответно звенело оружие.

На востоке взошла луна. Король воротился, сверкая доспехами. Велика была радость ратников юных; их сердца успокоились, как океан после бури. Уллин запел песню веселья. Возликовали холмы Инис-тора. Пламень дуба поднялся, и зазвучали преданья героические.

Но Фротал, король-ратоборец Соры, угрюмо сидит под деревом. Войско его облегло Карик-туру. Он гневно взирает на стены. Он жаждет крови Катуллы, что однажды осилил в бою короля. Когда Сорою правил Аннир,* отец колесницевластного Фротала, на море вихрь поднялся и занес к Инис-тору Фротала судно. Три дня пировал он в чертогах Сарно и увидел томные очи Комалы. Он влюбился в нее всем пылом юности и бросился к белокурой красавице, чтобы ее похитить. Катулла ему воспротивился. Завязалась свирепая битва. Фротал связан в чертоге. Три дня изнывал он один, на четвертый Сарно отправил его на корабль, и он вернулся в свой край.

Но гнев на Катуллу великодушного затаился в его душе. Когда вздвигнут был камень славы Аннира,** Фротал явился, исполненный силы. Вспыхнула битва вокруг Карик-туры и мшистой твердыни Сарно.

Утро взошло над Инис-тором. Фротал ударил в свой темный щит. Заслыша призыв, вскочили его вожди; они стояли, но были их очи к морю обращены. Увидали они, что Фингал приближается в силе своей, и первым изрек благородный Тубар.

«Кто там идет, сплошной горный олень, все стадо свое за собою ведущий? Фротал, я вижу врага, он вперед устремил копье. Может быть, то король Морвена, первый из смертных, Фингал. Его дела всем известны на Гормале; кровь его неприятелей алеет в чертогах Старно. Просить ли мне у него королевского мира?*** Он грозен, как гром небесный».

«Чадо немощной длани, — молвил Фротал, — мои дни начнутся во мраке позора? Ужели я отступлю, не победив в сраженье, вождь многоводной Торы? Тогда сказали бы жители Соры: „Фротал летел, как метеор, но, встретив темную тучу, исчез без следа“. Нет, не отступлю я веки, Тубар, вокруг меня возсияет слава. Нет, не отступлю я веки, король многоводной Торы».

Он устремился вперед с потоком своих людей, но они повстречали скалу. Фингал стоял неподвижно, они, сокрушась, покатались прочь. Но и в бегстве не было им спасения: копье короля настигало бегущих. Поле покрылось героями. Поднявшийся холм оградил остатки разбитого воинства.

* Аннир был также отцом Эрагона, который погиб уже после смерти своего брата Фротала. Смерти Эрагона посвящена в этом сборнике поэма *Битва при Лоре*.

** То есть после смерти Аннира. Сказать, что кому-то вздвигнут камень славы, было равнозначно сообщению, что этот человек умер.

*** Мира на почетных условиях.

Фротал видел их бегство. Ярость вскипела в его груди. Очи потупив долу, он позвал благородного Тубара. «Тубар, войско мое бежало. Слава моя поникла. Я хочу с королем сразиться. Чувствую я, как пылает моя душа. Барда к Фингалу пошли вызвать его на бой. Не перечь словам Фротала! Но, Тубар, я деву люблю, что живет у потока Тано, Хермана дочь белогрудую, нежнооую Уту. Она боялась дочери Инис-тора * и томно вздыхала, когда я отправлялся в путь. Ты скажешь Уте, что я погиб, но любовью к ней сердце мое улаждалось».

Так говорил он, решив сразиться. Но Ута томно вздыхала певдалеке от него. В мужском доспехе она отправилась по морю вслед своему герою. Тайно она обращала на юношу взор из-под сверкавшего шлема. Но вот увидела она уходящего барда, и трижды копье из ее руки упало. Выбились кудри ее и развевались по ветру. Белая грудь вздымалась от вздохов. Очи она подняла на короля, трижды пыталась заговорить, но трижды голос ей изменял.

Фингал выслушал барда и пришел, облеченный сталью. Они скрестили свои смертоносные копыя и вознесли сверканье мечей. Но опустился булат Фингала и рассек щит Фротала надвое. Обнажилось его прекрасное тело; клонясь, ожидает он смерти.

Душу Уты объяла тьма. Скатилась слеза по ее ланите. Она устремилась к вождю, чтобы щитом прикрыть, но поверженный дуб ей путь преградил. Пала она на снежную руку свою. Ее щит, ее шлем далеко откатились. Белая грудь обнажилась, темно-русые кудри по земле разметались.

Фингал пожалел белорукою деву: он удержал занесенный меч. Слезы стояли в очах короля, когда, склонившись вперед, он промолвил: «Король многоводной Соры, да не утрашит тебя меч Фингала! Никогда его не багрила кровь побежденного, никогда не пронзал он поверженного врага. Пусть твой народ возвеселится на лазоревых водах Торы. Пусть благоденствуют девы, тобою любимые. Зачем погибать тебе в юности, вождь многоводной Соры?»

Фротал услышал слова Фингала и увидел встающую деву. Молча стояли они, ** сияя красой, словно два младых деревца на равнине, когда ливень весенний листву освежил и стихли шумливые ветры.

«Дочь Хермана, — молвил Фротал, — ужель ты пришла с потоков Торы, ужель ты пришла, сияя красой, чтобы узреть, как повержеп твой воин? Но он был повержен могучим, дева с очами томными. Слабый не мог бы осилить сына колесницевластного Аннира. Ужасен ты, о король Морвена, в битве копий. Но в мирные дни ты подобен солнцу, когда оно светит сквозь тихий дождь; цветы к нему тянут головки пригожие, и ветерки колышут шелестящие крылья. О, если б ты был в чертогах Соры и я мог бы задать тебе пир! Владыки грядущие Соры узрели б твои

* Дочьню Инис-тора Фротал называет Комалу, о смерти которой Ута, вероятно, еще не слышала, а потому боялась, что былая страсть к Комале вновь овладеет Фроталом.

** Фротал и Ута.

доспехи и сердцем возрадовались. Возрадовались бы они славе своих отцов, пировавших с могучим Фингалом».

«Сын Аннира, — ответил король, — слава племени Соры еще прозвучит. Когда вожди могучи во брани, их воспевают в песнях! Но если они занесут мечи над бессильными, если слабого кровь обогрит их оружие, бард не вспомнит в песне о них и могилы их будут безвестны. Чужеземец придет и построит себе там жилище и снесет земляную насыпь. Полуистлевший меч предстанет взору его и, склоняясь над ним, он промолвит: „Это оружие вождей старины, но их имена не поминают в песне“. Приди, Фротал, на пир в Иннис-тор, приведи туда деву свою любимую, и засветятся радостью наши лица».

Фингал приемлет копьё, шествуя поступью сильного. Врата Карик-туры открыты. Пиршество чаш уготовано. Раздались согласные звуки. Весельем сиял чертог. Послышался голос Уллина, ему вторила арфа Сельмы. С радостью Ута внимала ему и попросила пропеть скорбную песнь; крупные слезы повисли у ней на ресницах, стоило заговорить нежной Криморе,* Криморе, дочери Ринвала, что обитал у потока могучего Лоты.** Пространна была ее повесть, но приятна, и она усладила стыдливую деву Торы.

Кримора***

Кто там сходит с холма, словно облако, озаренное закатным лучом? Чей это голос, громкий, как ветер, но приятный, как арфа Карила? **** Это возлюбленный мой грядет в сиянии стали, но печально его чело омраченное. Живы ль могучие мужи Фингалова племени? Чем встревожен мой Коннал? *****

Коннал

Они живы. Я зрел, как они возвращались с ловитвы, словно потоки света. Солнце играло на их щитах. Словно гряда огней, сходили они с холма. Голос юности громок; война, о любовь моя, близится. Заутра грозный Дарго придет испробовать силу нашего племени. Он вызывает на бой племя Фингалово, племя браней и ран.

* Этот эпизод здесь вполне уместен, поскольку положения Криморы и Уты весьма сходны.

** Lotha — древнее название одной из больших рек на севере Шотландии. Единственная река, до сих пор имеющая сходное по звучанию название, — это Лохи в Инвернессшире, но та ли это река, что упомянута здесь, переводчик не берется утверждать.

*** Сгі-шбга — женщина великой души.

**** Возможно, что упомянутый здесь Карил — одно лицо с Карилом, сыном Кинфены, бардом Кухулина. Но само по себе это имя подходит к любому барду, так как оно означает живой и гармоничный звук.

***** Коннал, сын Диарана, был одним из самых знаменитых героев Фингала; он погиб во время битвы с бриттом Дарго, но был ли он убит противником или своей возлюбленной, на этот счет предание не дает определенного ответа.

Кримора

Коннал, я видела его паруса, словно серый туман на черной волне. Они медленно двигались к берегу. Много у Дарго воинов, Коннал.

Коннал

Принеси мне щит своего отца, горбатый, железный щит Ринвала; тот щит, что подобен полной луне, когда она, затемненная, движется по небу.

Кримора

Я принесла тебе щит, о Коннал, но он не спас моего отца. От копья Гормара он погиб. Ты можешь погибнуть, Коннал.

Коннал

О да, я могу погибнуть. Но воздвигни тогда мне могилу, Кримора. Серые камни и холм земляной память мою сохранят. Склони на могилу мою покрасневшие очи и в перси ударь себя, скорбно вздыхая. Хотя ты прекрасна, как свет, любимая, хотя ты отрадней, чем ветерок, но я не могу остаться. Воздвигни мне холм могильный.

Кримора

Дай мне тогда это сверкающее оружие, этот меч, это стальное копьё. Навстречу Дарго пойду я с тобой и помогу любезному Конналу. Простите вы, скалы Ардвена, вы, олени, и вы, потоки холма! Мы не вернемся назад. Наши могилы далеко отселе.

«И они не вернулись назад? — спросила Ута, тяжело вздыхая. — Разве пал могучий герой в бою, а Кримора жить осталась? Одинок бродила она, скорбя душою по Конналу. Разве он не был прекрасен и юн, словно луч заходящего солнца?» Уллин увидел слезы девы и взял нежно-дрожащую арфу; сладостна песня его была, но печальна, и все в Карик-туре умолкли.

«Осень одела мраком горы; серый туман лежит на холмах. В вереске вихрь бушует. Мрачно катит воды река по узкой долине. Древо стоит на холме одиноко и означает место, где упокоился Коннал. Листья кружатся по ветру и устилают могилу воителя. Порою являются здесь тени умерших, когда одинокий охотник, задумавшись, медленно бродит по вереску.

Кто может, о Коннал, достичь истока твоего племени, кто сочтет твоих праотцев? Род твой возрос, словно горный дуб, что встречает ветры гордой вершиной. Но ныне исторгнут он из земли. Кто займет твое место, о Коннал?

Здесь раздавался грохот оружия, здесь вопли неслись умирающих. Кровавы войны Фингаловы! Здесь сражен был и ты, о Коннал! Твоя

десница была, словно буря, меч твой — перун небесный; ростом ты был — скала на равнине, очами — горнило пламенное. Громче бури твой глас раздавался в битвах булата. Под мечом твоим падали воины, словно под палкою отрока чертополох.

Дарго могучий пришел, как громоносная туча. Мрачно хмурились брови его косматые. Очи его — словно две пещеры в скале. Сверкая, взметнулись мечи обоих героев, зловеще гремела их сталь.

Ринвала дочь, Кримора, рядом была, сверкая в мужских доспехах; ее волосы светло-русые по спине разметались, лук в деснице ее. Она устремилась на битву следом за юношей, за своим возлюбленным Конналом. Лук натянула Кримора, целясь в Дарго, но, промахнувшись, пронзила Коннала! Он упадет, как дуб на равнине, как с лесистой горы утес. Что ей делать, деве злосчастной! Он истекает кровью, Коннал ее умирает. Всю ночь и весь день напролет рыдает она: „О Коннал, о друг мой возлюбленный!“ Объятая горем, скорбная плакальщица умирает.

Здесь под холмом скрывает землю чету несравненную. Трава растет меж камнями могилы; я часто сижу в печальной тени. Ветер вздыхает в траве; воспоминанья о них теснятся в моей душе. Безмятежно ныне спите вы вместе, покоитесь в горной могиле одни.

«Покойтесь же в мире, — молвила Ута, — чада многоводной Лоды! Я стану о вас вспоминать со слезами и запою сокровенную песнь, когда ветер поднимется в рощах Торы и рядом взревет поток. Тогда вы сойдете в сердце мое со своею печалью сладостной».

Три дня короли пировали, на четвертый день поднялись их белые паруса. Северный ветер влечет корабль Фингала в лесистую землю Морвена. Но дух Лоды сидел на туче своей позади кораблей Фротала. Он устремил вперед все свои вихри и надувал белогрудые паруса. Он не забыл о ранах своих, он все опасался Фингаловой длани.*

* Рассказ о Фингале и духе Лоды, которого предположительно отождествляют со знаменитым Одином, представляет собою самый причудливый вымысел, какой мы находим во всех поэмах Оссиана. Однако подобные примеры встречались и ранее у лучших поэтов. Оссиан же, следует заметить, не говорит ничего такого, что бы сколько-нибудь расходилось с понятиями тех времен о духах. Тогда считалось, что души умерших материальны и соответственно способны чувствовать боль. Я предоставляю другим судить на основании этого отрывка, имел ли Оссиан понятие о божестве, однако, по-видимому, он считал, что высшие существа не должны вмешиваться в людские дела.

Песни в Сельме*

Звезда нисходящей ночи! прекрасен твой свет на закате. Ты подымаешься над облаком лучистое чело; величаво ступаешь ты по холму. Что видишь ты на равнине? Улеглись бурные ветры. Издали доносится рокот потока. Ревущие волны бьются о дальний утес. Вечерние мошки на слабых крылах носятся, жужжа, над полями. Что ты видишь, прекрасное светило? Но ты, улыбнувшись, заходишь. Волны радостно окружают тебя, омывая дивные твои волосы. Прощай, безмолвный луч! Да взойдет свет души Оссиановой.

И вот он восходит во всей своей силе! Я вижу друзей отошедших. Как и в минувшие дни, они на Лоре собираются. Приходит Фингал, подобный влажному столпу тумана, окруженный своими героями. И еще вижу я бардов песнопений — Уллина седовласого, величавого Рино, сладкогласного Альпина** и кроткую, скорбную Минону. Как изменились вы, друзья мои, с тех пор как пировали в Сельме, когда состязались мы, словно ветры весенние, что летят над холмами и склоняют чредой тихо шелестящие травы.

Сияя красою, вышла Минона; ее взор потуплен и очи полны слезами; тихо струились кудри ее, когда порою с ближних холмов налетали ветры. Опечалились души героев, едва зазвучал ее сладостный голос, ибо часто видали они могилу Салгара*** и мрачное жилище белогрудой Кольмы****. Осталась Кольма одна на холме, Кольма, чей голос так сладостен. Салгар прийти обещал, но окрест уже ночь нисходит. Внемлите голосу Кольмы, на холме одиноко сидящей.

Кольма

Ночь низошла. Я одна, забытая на холме бурь. Слышно, как ветер шумит на горе. Стремится с утеса ревущий поток. Некуда мне от дождя укрыться, забытой на холме ветров.

* В этой поэме запечатлен древний обычай, который, как хорошо известно, был впоследствии широко распространен на севере Шотландии и в Ирландии. Когда король или вождь устраивал ежегодный пир, барды исполняли свои поэмы, и те из поэм, которые он находил достойными сохранения, старательно заучивались их детьми для последующей передачи потомкам. Именно такого рода событие послужило основанием для этой поэмы Оссиана. В оригинале она называется «Песни в Сельме», и это заглавие, как наиболее уместное, сохранено в переводе.

Характер поэмы истинно лирический, и она отличается разнообразием стихотворных размеров. Вступительному обращению к вечерней звезде в оригинале присуща гармония, неизменно сопутствующая стихам, и, согласно описываемым предметам, течение его спокойно и плавно. Три помещенные здесь песни публиковались в числе отрывков старинных стихотворений, напечатанных в прошлом году.

** Alpin происходит от того же корня, что и Albion или, вернее, Albin — древнее название Британии; Alp — *высокий*, in — *земля* или *страна*. Современное название нашего острова имеет кельтское происхождение, и те, кто указывают иной источник, выдают свое неведение древнего языка нашей страны. Britain происходит от Breac't in — *пестрый остров*, названный так согласно облику страны, а также обычаю жителей раскрашивать себя или носить разноцветные одежды.

*** Sealg'-er — *охотник*.

**** Cul-math — *женщина с прекрасными волосами*.

Выйди, месяц, из-за туч своих; звезды ночные, зажгитесь! Веди меня, тихий свет, туда, где от трудов ловитвы отдыхает мой милый. Рядом с ним его спущенный лук; псы окружают его, тяжело дыша. А я должна здесь сидеть одна на утесе возле потока мутного. Ревет поток, ревет ветер. Не слышать мне голоса моего милого.

Что же мой Салгар, сын холма, что же он медлит исполнить свое обещание? Вот утес, и вот дерево, и ревущий поток. Обещал ты к ночи быть здесь. Ах! куда мой Салгар ушел? С тобою бежала бы я от отца, с тобою — от брата гордого. Давно наши роды враждуют, но мы не враги, о Салгар!

Умолкни на время, о ветер, и ты на время утихни, поток, чтобы мой голос разнесся над равниной, чтобы мой странник меня услышал. Это я зову тебя, Салгар! Вот дерево и утес. Салгар, мой милый, я здесь! Что же ты медлишь прийти сюда?

Взгляни, восходит луна! Сверкает река в долине. Сереют скалы на кручах. Но я не вижу его на вершине, псы не бегут перед ним, возвещая его приход. Здесь должна я сидеть, одинокая.

Но кто эти двое, что лежат на вереске вдали от меня? Ужель то мой милый и брат мой? Заговорите со мною, о други! Не отвечают они. Страх терзает мне душу! Ах! они бездыханны. Их мечи обагрились в битве. О брат мой, брат мой, зачем тобою сражен мой Салгар? Зачем, о Салгар, тобою сражен мой брат? Любезны вы были мне оба. Как мне воздать хвалу вам? Прекрасен ты был на холме среди тысяч; грозен он был в сраженье. Заговорите со мною, услышьте мой голос, чада любви моей. Но, увы! Умолкли они, умолкли навеки! Холодны их тела, во прах обращенные!

С уступа холма, с вершины горы ветров заговорите со мною, духи мертвых, заговорите, не утешусь я. Где упокоились вы? В какой пещере холма я найду вас? Но не доносит ветер и слабого отклика, не отвечают бури холма.

В горе сижу я, в слезах ожидаю утра. Приготовьте могилу, о вы, друзья умерших, но оставьте ее открытой, пока не придет Кольма. Жизнь моя улетает, как сон; зачем же мне оставаться? Здесь опочию с друзьями у потока звенящей скалы. Когда ночь сойдет на холм, когда ветер повеет над вереском, тень моя восстанет в ветре и оплачет кончину друзей. Услышит меня в шалаше охотник. Мой глас утешит и пленит его. Ибо сладок будет мой глас для друзей, ибо милы были мне они оба.

Так ты пела, Минона, нежно-румяная дочь Тормана. Слезы наши лились о Кольме, и печальны были сердца. Вышел Уллин с арфой и пропел песнь Альпина. Сладостен голос Альпина, а душа Рино, словно луч огненный. Но уже они упокоились в тесном жилище, и не слышать их голосов в Сельме. Однажды, еще до того, как пали герои, Уллин вернулся с охоты. Он услышал их состязание на холме; сладостна песнь их была, но печальна. Они оплакивали гибель Морара, первого среди смертных. Душа его была подобна душе Фингала, меч его — мечу Оскара. Но он пал, и отец оплакивал сына, полны слез были очи его сестры. Полны

слез были очи Миноны, сестры колесницевастного Морара. Заслыша песнь Уллина, сокрылась она, как на закате месяц, когда, предвидя ненастье, прячет он в туче прекрасный свой лик. Вместе с Уллином я ударил по струнам; зазвучала песнь скорби.

Рино

Ветер и дождь миновали. Полдень спокоен. Тучи в небе рассеялись. Над холмами зелеными непостоянное солнце парит. Горный ручей устремляется вниз, багровея в долине каменистой. Сладко, ручей, журчанье твое, но слаще мне слышится голос. То голос Альпина, сына песни, оплакивает умерших. Склонила старость его главу, и красны от слез глаза его. О Альпин, сын песни, зачем ты один на безмолвном холме? Зачем ты стенаешь, как ветер в чаще лесной, как волна на пустынном берегу?

Альпин

Об умерших слезы мои, о Рино. К жильцам могил взывает мой глас! Высок ты на холме, прекрасен среди сынов равнины. Но ты падешь, как Морар,* и воссядет плакальщик на могиле твоей. Забудут тебя холмы, и спущенный лук будет праздно лежать в жилище твоём.

Был ты проворен, Морар, как олень на холме, грозен, как огненный метеор. Гнев твой был словно буря, меч в бою — словно молния над полями. Голос гремел, как поток после ливней, как гром на дальних холмах. Многих сразила рука твоя, испепелило пламя твоего гнева.

Но когда ты возвращался с войны, чело твое мир осенял. Лицо твое было, словно солнце после дождя, словно месяц в молчании ночи, словно спокойное лоно озера, когда смолкнут шумные ветры.

Тесно теперь твое жильё, мрачна обитель твоя. Трех шагов мне довольно, чтобы смерить твою могилу, а живой ты был так велик! Четыре камня, увенчанных мхом, — вот единственный твой памятник. Голое дерево, высокие травы, шуршащие на ветру, укажут взору охотника могилу могучего Морара. Морар, тебе уже не подняться! Нет у тебя матери, чтобы оплакать сына, нет юной девы, чтобы пролить слезы любви. Нет в живых родившей тебя. Погибла дочь Морглана.

Кто там оперся на посох? Чья голова побелела от старости, чьи глаза покраснели от слез, чьи колена подгибаются при каждом шаге? Это отец твой,** Морар, единственного сына отец. Он слышал, что прославлен ты в битвах, он слышал, что враги твои расточились. Он слышал о славе Морара; что же не слышал он о ране его? Плачь же, отец Морара, плачь, но сын твой уже не услышит тебя. Глубок сон мертвецов, низко во прахе их изголовье. Не услышит он больше голоса твоего, не восстанет больше на зов твой. Когда же в могиле наступит утро и повелит проснуться спящему?

* Мог-эг — великий человек.

** Торман, сын Картула, правитель И-моры, одного из западных островов.

Прощай же, храбрейший из мужей, ты, победитель на поле брани! Но поле уже не увидит тебя, темный лес не озарится сверканием стали твоей. Ты не оставил сына после себя. Но песнь сохранит твое имя. Грядущие времена услышат о тебе, услышат о Мораре павшем.

Скорбь охватила всех, но самый тяжелый вздох исторгся из груди Армина.* Он вспоминает смерть своего сына, что сражен был в расцвете юности. Возле героя сидел Кармор,** вождь гулковзвучного Галмала. «Зачем так тяжело вздыхает Армин? — спросил он. — О чем тут скорбеть? Песня раздастся, и звуки ее смягчат и порадуют душу. Эта песня, как легкий туман, что, растекаясь от озера, стелется по тихому долу; цветы зеленые полнятся росой, но солнце воротится в силе своей, и туманы исчезнут. Зачем ты скорбишь, Армин, вождь омываемой морем Гормы?»

«Да, я скорблю! и не мала причина моего горя. Ты не терял сына, Кармор, не терял красавицы дочери. Живы доблестный Колгар и Аннира, прекрасная дева. Ветви семьи твоей, Кармор, цветут! Армин же последний в роду своем. Мрачен одр твой, о Даура! и глубок твой могильный сон! Когда же проснешься ты и зазвенят песни твои, голос твой сладостный?»

Бушуйте, ветры осенние, бушуйте над темным вереском! Горные потоки, ревите! Завывайте, бури, в вершинах дубов! Лети сквозь рваные тучи, о месяц! Являй порою свой бледный лик! напоминай мне ту скорбную ночь, когда погибли дети мои, когда пал Ариндал могучий, когда угасла любезная Даура!

Даура, дочь моя, ты была прекрасна, прекрасна, как месяц на холмах Фуры,*** бела, как летучий снег, нежна, как веяние ветерка! Ариндал, твой лук был туго натянут, быстро летело копьё на поле брани! Твой взор, как туман на волнах, щит — багряная туча в бурю. Армар, прославленный в битвах, пришел снискать любовь Дауры. Недолго его отвергали: радостны были надежды их друзей.

Эрат, сын Одгала, злобу таил, ибо Армар убил его брата. Явился он в обличии сына морей; челн его на волнах красовался; белы его кудри от старости, спокойно чело суровое. „Прекраснейшая из жен, — сказал он, — любезная дочь Армина! неподалеку в море на склоне утеса высится дерево, далеко видны его рдеющие плоды. Там Армар ожидает Дауру. Я пришел, чтобы переправить его любимую по бурному морю“.

Она отправилась с ним и призывала Армара. Один только сын скалы**** отвечивал ей. „Армар, мой милый! мой милый! Зачем ты пугаешь меня? Внемли мне, сын Арднарта, внемли: Даура зовет тебя!“

* Armin — герой. Он был вождем или царьком на Горме (Gogta — синий остров), предположительно одном из Гебридских островов.

** Seag-thó — высокий темнолицый человек.

*** Fuag-a — холодный остров.

**** Выражением сын скалы поэт обозначает отзвук человеческого голоса от скалы. Простолюдины считали, что это дух, живущий в скале, повторяет звуки, и поэтому они называли его mac-talla — сын, который живет в скале.

С хохотом понесся к берегу вероломный Эрат. Возвысив голос, звала она брата, звала отца. „Ариндал! Армин! ужели никто не спасет Дауру!“

Голос ее донесся чрез море. Мой сын Ариндал спускался с холма, отягченный добычей ловитвы. В колчане гремели стрелы, в руках он держал лук; пять темно-серых псов бежали за ним. Он увидал на берегу лютого Эрата, он схватил его и привязал к дубу. Толстые ремни облегли его члены; * он обременяет ветер стенами.

Ариндал пускается в море в челне своем, чтобы назад привезти Дауру. В гневе явился Армар и спустил серо-оперенную стрелу. Засвистела она, вонзилась она в сердце твое, о Ариндал, сын мой; ты гибнешь вместо предателя Эрата. Весло неподвижно застыло; он тяжело вздохнул на утесе и умер. Каково тебе было, о Даура, когда ноги твои заливала братняя кровь.

Волны разбили челн. Армар бросился в море, чтобы спасти свою Дауру или погибнуть. Внезапный порыв ветра с холмов пролетел над волнами. Под водою сокрылся Армар и боле не выплыл.

Одна на утесе, волнами исхлестанном, стенала дочь моя Даура. Немолчно неслись ее громкие крики; но отец был не в силах помочь ей. Всю ночь я стоял на берегу. Я видел ее в бледном сиянии месяца. Всю ночь я слышал вопли ее. Громко завывал ветер, и дождь хлестал по горному склону. Под утро ослабел ее голос. Он замирал, как ветерок вечерний в траве на утесах. Изнуренная скорбью, угасла она. Ты остался, Армин, один. Ушла моя бранная сила, и пала добрая слава моя среди женщин.

Когда буря нисходит с гор, когда северный ветер вздымает волны, я сижу на гулком бреге и гляжу на утес роковой. Часто при свете заходящего месяца я вижу тени моих детей. Еле зримые бродят они вместе в печальном согласии. Ужели никто из вас надо мною не сжадется, слова не вымолвит. Они не смотрят на отца своего. Скорблю я, о Кармор, и не мала причепа моего горя».

Так ведали барды во дни песнопений, когда король внимал музыке арф и сказаньям времен минувших. Собирались вожди со всех холмов и внимали сладостным звукам. Они восхваляли голос Ковы,** первый среди тысячи бардов. Но ныне старость язык мой связала и увяла моя душа. Временами являются мне духи бардов и учат отрадным песням своим. Но слабеет память души моей. Я слышу призыв годов. Они говорят, проходя мимо: «Зачем поет Оссиан? Скоро он ляжет в тесном жилище и никто из бардов не воспоем ему славу».

Проходите же, мрачные годы, ибо радости вы не несете с собой. Пусть Оссиана примет могила, потому что сила его иссякла. Упокоились уже сыны песен. Мой голос остался, как последний порыв ветра, что одиноко стонет на окруженной морем скале, когда все вокруг уже стихло. Темный мох там свистит, и мореход издадека видит колыханье дерев.

* Поэт хочет сказать, что Эрат был связан ремнями.

** Оссиан иногда поэтически называется *голос Ковы*.

Кальтон и Кольмала

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Эта поэма, как и многие другие произведения Оссиана, обращена к одному из первых христианских миссионеров. События, на которых она основана, согласно преданию, таковы. Во времена Фингала поселением бриттов, заключенным между валами, правили два вождя: Дунталмо, властитель Теуты (полагают, что это нынешний Туид), и Ратмор, живший на берегах Клуты, реки, известной теперь под названием Клайд. И если Ратмор славился повсюду великодушием и гостеприимством, то Дунталмо был не менее известен жестокостью и честолюбием. Побуждаемый то ли завистью, то ли какой-то родовой враждою, Дунталмо убил Ратмора на пиру. Но затем, испытывая угрызения совести, он воспитал в своем доме двух сыновей Ратмора — Кальтона и Колмара. Они же,

достигнув зрелости, не удержались от намеков на то, что намерены отомстить за смерть отца, и тогда Дунталмо заточил их в двух пещерах на берегу Теуты, намереваясь незаметно с ними разделаться. Кольмала, дочь Дунталмо, тайно влюбленная в Кальтона, помогла ему выйти из темницы, и сама, переодевшись в платье молодого воина, бежала с ним к Фингалу, к которому обратилась с мольбой спасти их от Дунталмо. Фингал послал Оссиана с тремястами воинов освободить Колмара. Дунталмо, к этому времени уже умертвивший Колмара, вышел на битву с Оссианом, но пал, сраженный этим героем, а войско его было наголову разгромлено.

Кальтон женился на своей спасительнице Кольмале, и Оссиан вернулся в Морвен.

Приятен глас твоей песни, одинокий житель скалы. Он прилетает ко мне вместе с журчаньем источника, что течет вдоль узкой долины. Моя душа пробуждается, о чужеземец, посреди моего чертога. Я простираю длань к колю, как бывало в дни минувших годов. Я простираю длань, но бессильна она, и вздох наполняет мне грудь. Не хочешь ли ты, сын скалы, услышать песнь Оссиана? Минувшие времена наполняют мне душу; возвращается радость юности. Так на закате является солнце, освободившись от бури, что скрывала поступь его сияния; зеленые холмы поднимают росистые главы, голубые потоки режутся в долине.* Из жи-

Коль ввечеру сияющее солнце
Сквозь тучи луч пошлет прощальный, поле
Вдруг оживает, вновь щебечут птицы.
Мычат стада от радости, и звоном
Холмы и доли полиются...

Мильтон [Потерянный рай, II, 492].

Так благодное солнце летним днем,
Едва минует бурное ненастье,
Лучами озаряет мир кругом,
И каждый птеньчик, сидя над гнездом,
И каждый зверь, таившийся в берлоге,
Уже согрет живительным теплом
И забывает прошлые тревоги.

Спенсер [Аморетти, XI].

CALTHON & COLMAR

Кальтон и Колмар видят убитого отца
Гравюра Дж. Фитлера
по рисунку Г. Синглтона (1805)

цами, и Ратмор могучий пал. Он пал в чертогах своих, где часто давал пиры чужеземцам.

Колмар и Кальтон, сыны колесницевластного Ратмора, были еще детьми. В юном веселье вбежали они в чертог отца. Они узрели его, обогренного кровью, и залились слезами. Душа Дунталмо смягчилась, когда он увидел малолеток. Он взял их с собою в стены Алтеуты,* они выросли в доме врага. На его глазах они напрягали лук и выходили сражаться во бранях его.

Они видели павшие стены предков своих, они видели терн зеленый в чертоге. Их слезы струились втайне, но порою печаль омрачала их лица. Эту скорбь заметил Дунталмо, и душа его черная замыслила смерть. Он заточил их в двух пещерах на гулкозвучных берегах Теуты. Не посылаю

лица, опершись на посох, выходит герой престарелый, и его седые волосы сверкают в лучах.

Не видел ли ты, сын скалы, щита в дому Оссиановом? Он отмечен ударами битв и блеск наверхший его потускнел. Тот щит носил великий Дунталмо, вождь многоводной Теуты. Дунталмо носил его в бранях, покуда не пал от копья Оссианова. Послушай же, сын скалы, повесть минувших лет.

Ратмор вождем был Клуты. Слабый в чертоге его обретал приют. Никогда не смыкались ворота Ратмора, всегда был пир его уготован. Приходили сыны чужеземцев и благословляли вождя великодушного Клуты. Барды запевали песни, бряца на арфах, и озаряла радость лица скорбящих. Пришел Дунталмо в гордыне своей и вступил в поединок с Ратмором. Клуты вождь победил: воспыла ярость Дунталмо. Он явился в ночи со своими бой-

* Al-teutha, или, вернее, Balteutha, — город на Туиде, где жил правитель Дунталмо. Все имена в поэме явно гальского происхождения, из чего следует, как я уже отмечал в одном из примечаний, что этот язык был распространен по всему острову.

солнце туда лучей, не заглядывал ночью месяц небесный. Сыны Ратмора томились во мраке и ожидали смерти.

Молча слезы лила дочь Дунталмо, златокудрая, голубоокая Кольмала.* Очи ее обращались тайно к Кальтону; душу ее полонила его красота. Она трепетала за воина, но что могла сделать Кольмала? Ее руке не поднять копья, и не пристало носить ей меч на бедре. Никогда не теснила кольчуга белую грудь. Никогда ее очи не утрашала героев. Что можешь ты сделать, Кольмала, для вождя обреченного? Нетверды ее шаги, распущены кудри, дико блуждают очи, наполненные слезами. Она пришла ночью в чертог** и в доспех облачила прелестное тело свое, в доспех молодого ратника, что погиб в первой же битве своей. Она пришла в пещеру Кальтона и узы расторгла на дланях его.

«Ратмора сын, подымись, — сказала она, — подымись, ибо ночь темна. Бежим к королю Сельмы,*** вождь опозоренной Клуты! Я сын Ламгала; его приютил твой отец в чертоге своем. Я проведал, что ты обитаешь в мрачной пещере, и моя душа возмутилась. Ратмора сын, подымись, ибо ночь темна».

«Благовещий глас, — отвечивал вождь, — не исходишь ли ты с мрачноклубящихся туч? ибо с тех пор, как солнце от взора Кальтона скрыто и мрак воцарился вокруг, духи праотцев часто во сне его навещают. Или впрямь твой родитель Ламгал, вождь, которого часто я видывал в Клуте? Но как убегу я к Фингалу, а Колмар, мой брат, погибнет? Как убегу я в Морвен, а герой пребудет в ночи заточенный? Нет, дай мне копье, сын Ламгала, Кальтон пойдет и выручит брата!»

«Тысяча воинов, — ответила дева, — простерли копья вкруг колесницевастного Колмара. Одолеет ли Кальтон один столь великую рать? Бежим к королю Морвена, войною пойдет он сюда. Его десница всегда простерта к несчастному, молнией своего меча он ограждает слабого. Ратмора сын, подымись, тени ночные скоро рассеются. Дунталмо узрит твои следы на поле, и в цвете юности ты падешь!»

Герой поднялся, тяжело вздыхая; он слезы лил о колесницеваственном Колмаре. Он с девой пришел в чертоги Сельмы, но не ведал, что это Кольмала. Шлем прикрывал ее лик прекрасный, а перси вздымались под сталью доспеха. Фингал вернулся с ловитвы и увидел прекрасных странников; они посреди чертога сияли, как два луча.

Король выслушал повесть печальную и взор обратил окрест. Тысяча героев привстали, пылая желаньем сразиться в Теуте. Держа копье, я вернулся с холма, и веселие битвы взыграло в моей груди, ибо король говорил с Оссианом среди своего народа.

* *Saol-mhal* — женщина с тонкими бровями. Тонкие брови считались одним из главных признаков красоты во времена Оссиана, и он почти всегда наделяет ими красавиц в своих поэмах.

** То есть в чертог, где было развешено в виде трофеев оружие, захваченное у противника. Оссиан очень старается придать своему повествованию правдоподобный характер, поэтому Кольмала у него надевает доспехи юноши, убитого в первом же сражении, которые более подходят девушке, поскольку ясно, что ей не под силу носить доспехи взрослого воина.

*** К Фингалу.

«Сын моей мощи, — сказал он, — возьми копьё Фингалово, ступай к потоку могучему Теуты и спаси колесницезластного Колмара. Пусть весть о тебе обгонит тебя, как ветерок отрадный, чтобы душу мою порадовал сын, возродивший славу праотцев. Оссиан, будь грозой в бою, но исполнись кротости, когда супостаты повержены! Вот так, о мой сын, возросла моя слава, и ты будь подобен властителю Сельмы. Когда надменные входят ко мне в чертоги, не видит их взор мой. Но десница моя простерта к несчастному. Мой меч — оборона слабого».

Радостно я внимал словам короля и гремучее взял оружие. Рядом со мною встали Диаран* и Дарго,** властитель копий. Триста юношей шли нам вослед; чужеземцы, любезные сердцу, были со мною рядом. Дунталмо услышал шум приближения нашего, он собрал войнство Теуты. Он стоял на холме со своими дружинами; были они, словно скалы, разбитые громом, когда склоняются с них деревья, опаленные, голые, а потоки иссохли в расселинах.

Воды Теуты гордо неслись перед угрюмым врагом. Барда послал я к Дунталмо предложить поединок на поле, но он усмехнулся в мрачной своей гордыне. Его нестройное войско двинулось по холму, словно горная туча, когда ветер, ворвавшись в недра ее, разгоняет клубящийся мрак.

Колмар, связанный тысячью уз, был приведен на берег Теуты. Печален вождь, но прекрасен, и взор его устремлен на друзей, ибо мы стояли во всеоружии на противном берегу Теуты. Дунталмо вышел с копьем и пронзил сердце героя. Весь в крови, он упал на берег, и мы услышали его прерывистый стон.

* Диаран, отец того Коннала, которого по несчастной случайности убила возлюбленная его Кримора.

** Дарго, сын Коллата, воспет в других поэмах Оссиана. Говорят, что его убил вепрь на охоте. Сохранился плач Мингалы, возлюбленной или жены Дарго над его телом, но принадлежит ли это сочинение Оссиану, не берусь утверждать. Обычно оно приписывается ему, поскольку весьма напоминает его манеру, но, согласно некоторым преданиям, оно представляет собою подражание некоего барда более позднего времени. Поскольку оно не лишено поэтических достоинств, я прилагаю его здесь.

Супруга Дарго шла в слезах, ведь Дарго нету боле! Вождь Ларто пал, скорбят бойцы; что делать горестной Мингале? Как дымка, исчезал злодей пред властелином копий, но утренней звездой сиял при нем великодушный.

Кто был красивой и любезной, чем Коллата вельможный сын? Кто, как не Дарго доблестный, средь мудрых восседал?

Твои персты касались арфы. Твой глас был ветерка нежней. Увы! что скажут храбрецы? повержен вепрем Дарго. Бледны ланиты; взор погас, бесстрашный в грозных сечах! Зачем на холмах наших пал ты, что прекрасней солнца?

Дочь Адонфиона была любезна взорам храбрых, она была любезна им, но избран ею Дарго.

Но ты одна, Мингала! ночь висходит долу в тучах. Где ж одр покоя твоего? Где он? — в могиле Дарго.

Зачем ты поднял камень, бард? Зачем закрыл ты тесный дом? Смежаются Мингалы веки. Она возляжет с Дарго.

Звучала радостная песнь вчера в чертогах Ларто. А ныне тихо вокруг меня. Почию вместе с Дарго.

Кальтон бросился в реку; я, опершись на копьё, прыгнул вослед. Шлемя Теуты пало пред нами. Клубясь, опустилась ночь. Дунталмо сидел на скале, среди древнего леса; ярость кипела в его груди против колесничевластного Кальтона. Но Кальтон стоял, охваченный горем: он ошпакивал гибель Колмара, Колмара, павшего в юности, прежде чем слава его поднялась.

Я повелел затянуть плачевную песнь, чтоб утешить вождя в печали, но он стоял под деревом и часто в землю вонзал копьё. Томные очи Кольмалы к нему обращались, тайные слезы лия: она предвидела гибель Дунталмо или вождя-ратоборца Клуты.

Но вот миновала полночь. Мрак и безмолвие в поле царили; сон извошел на очи героев; Кальтон утих, душою смирясь. Очи его смежались, но Теуты журчанье еще достигало слуха. Бледный Колмара дух явился ему, указуя на раны свои; он склонил главу над героем и возвысил свой слабый глас.

«Неужто почует ночью Ратмора сын, когда его брат повержен? Разве не вместе с ним устремлялись мы на ловитву и темно-бурых ланей го-пяли? Калмар не был забыт, пока он не пал, пока его юности смерть не стубила. Бледный лежу я под утесом Лоны. Восстань же, Кальтон! — утро являет свои лучи, и Дунталмо придет надругаться над павшим».

Он унесся на крыльях ветра. Кальтон, вставая, узрел исчезающий след. Он устремился вперед под звон булата, и поднялась Кольмала несчастная. Она пошла вослед за героем сквозь ночь, влача за собою копьё. Кальтон, достигнув утеса Лоны, нашел там павшего брата. Ярость вскипела в его груди, и он ринулся в гуцу врагов. Раздались стенания смерти. Вкруг героя сомкнулись враги. Стесненный со всех сторон, он связан и приведен пред лицо Дунталмо свирепого. Раздался радостный вопль, и ночные холмы отозвались.

Я пробудился от шума и схватил копьё моего отца. Диаран поднялся рядом со мной и Дарго, исполненный юной силы. Тщетно искали мы вождя Клуты, и наши сердца опечалились. Я утрастился гибели славы своей, и гордая доблесть моя воспрянула.

«Чада Морвена, — я сказал, — не так сражались наши отцы. Не отдыхали они на чужеземном поле, пока супостат не был сражен. Мощью они были подобны небесным орлам, песнь прославляет подвиги их. А наши люди гибнут один за другим, и наша слава уходит. Что же скажет король Морвена, коль Оссиан не одержит победы на Теуте? Восстаньте же, ратники, одетые в сталь, и ступайте вослед гулким шагам Оссиановым. Он не вернется без славы к стенам гулковзвучной Сельмы».

Утро взойшло над синими водами Теуты. Кольмала явилась в слезах предо мной. О вожде Клуты она мне поведала, и трижды копьё выпадало из длани ее. Мой гнев обратился против сего чужеземца, ибо душа трепетала за Кальтона.

«Сын слабосильной руки, — сказал я, — разве слезами сражаются воины Теуты? Не скорбь побуждает в бою, и душа войны не ведаёт вздохов. Ступай к оленям Кармуна или к мычащим стадам Теуты. Но оставь эти доспехи, сын боязни, они пригодиться могут воину в битве».

Я сорвал с ее плеч кольчугу. Снежная грудь обнажилась. Зардевшись, она склонила лик свой к земле. Молча я на вождей поглядел. Упало копьё из длани моей. И вырвался вздох из груди. Но когда я услышал шмя девы, стесненные слезы излились. Благословил я дивный луч юности и подал к сражению знак.

Нужно ли, сын скалы, Оссиану рассказывать, как умирали воины Теуты? Они уже позабыты в своей стране, и не сыскать их могил среди вереска. Годы прошли, пронесли свои бури, и зеленые насыпи сравнялись с землей. Едва заметна могила Дунталмо или место, где пал он под копьём Оссиановым. Какой-нибудь ратник седой, полуслепой от старости, сидя ночью в чертоге у горящего дуба, повествует ныне сынам о ратных моих деяниях и о гибели Дунталмо мрачного. Юные лица склоняются в сторону гласа его; удивленье и радость сияют в их взорах.

Я отыскал сына Ратмора,* к дубу привязанного; меч мой рассек узы на дланях его. И я привел к нему белогрудую деву Кольмалу. Они поселились в чертогах Теуты, и Оссиан возвратился в Сельму.

* Кальтона.

Латмон

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Латмон, вождь бриттов, пользуясь отсутствием Фингала, находившегося в Ирландии, спустился к Морвену и подошел на расстояние видимости к королевскому дворцу Сельме. Тем временем вернулся Фингал, и Латмон отступил на холм, где войско его подверглось ночью неожиданному нападению, а его самого взяли в плен Оссиан и Гол, сын Морни. Рассказ об этом подвиге Оссиана и Гола очень похож на прекрасный эпизод в де-

вятой книге Энеиды Вергилия, где повествуется о Нисе и Эвриале. Поэма начинается с появления Фингала на берегу Морвена и оканчивается, как можно полагать, около середины следующего дня. Лирический размер начала позволяет предположить, что в старину его цели в сопровождении арфы как вступление к повествовательной части поэмы, исполненной героическим стихом.

Сельма, безмолвны чертоги твои. Ни звука в лесах Морвена. Волна одинокая бьется о берег. Тихий луч солнца покоится на поле. Являются девы Морвена, подобные радуге; они обращают взоры к зеленому Уллину, не белеют ли там паруса короля. Обещал он вернуться, но северный ветер подул.

Кто там стремится с горы восточной, словно темный поток? Это войско Латмона. Он услышал, что отбыл Фингал. Он уповает на северный ветер. Душа его полнится радостью. Зачем ты явился, Латмон? Ведь нету в Сельме могучих. Так зачем ты идешь, простирая копье? Разве девы Морвена станут сражаться? Удержи, о могучий поток, свой стремительный бег. Или не видит Латмон тех парусов? Что же ты исчезаешь, Латмон, словно озерный туман? Но бурный вихрь за твоею спиной: Фингал идет по твоим следам!

Король Морвена воспрянул от сна, когда мы неслись по синим волнам. Он руку простер к копью, и герои встали вокруг. Мы знаем, что он уже видел предков своих, ибо часто они сходили к нему во сне, когда стране угрожал меч супостата и битва темнела пред нами.

«Куда ты унесся, ветер? — спросил король Морвена. — Или шумишь ты в горницах юга и гоняешься за дождями в землях чужих? Что ж не слетишь ты к моим парусам, к синему лику морей моих? Супостат в пределах Морвена, а его короля там нет. Но пусть каждый наденет кольчугу и щит свой возьмет. Прострите, воины, копья свои над волнами и мечи обнажите. Пред нами Латмон* с войском своим, тот, что бежал от Фингала в равнинах Лоны.** Но он возвращается, словно поток, ручьями умноженный, и рев его отдается среди наших холмов».

* Предание гласит, что причиной возвращения Фингала из Ирландии послужила весть о вторжении Латмона; но Оссиан более поэтично приписывает осведомленность Фингала сну, который ему привиделся.

** Он подразумевает битву, в которой Фингал нанес Латмону поражение. О причинах первой войны между этими героями Оссиан рассказывает в другой поэме, которую довелось видеть переводчику.

Так говорил Фингал. Мы устремились в залив Кармоны. Оссиан взшел на холм и трижды ударил в щит свой горбатый. Отозвались скалы Морвена, и поскакали косули пугливые. Супостаты, завидя меня, смутились и собрали мрачное войско свое, ибо я стоял на холме, как туча, ликуя в доспехах младости.

Морни* сидел под деревом возле вод ревущего Струмона.** Кудри его поседел от старости; он опирался на посох. Юный Гол был рядом с героем, внемля рассказам о битвах младых его лет. Часто вскакивал он, возгораясь душой от могучих подвигов Морни.

Старец услышал звон щита Оссианова, он узнал призыв к сражению. Разом он поднялся с места, седые власы разделились на раменах его. Он вспоминает деянья минувших годов. «Сын мой, — сказал он златокудрому Голу, — я слышу голос сражения. Король Морвена вернулся, слышен призыв к войне. Ступай в чертоги Струмона и принеси оружие Морни. Принеси мне то оружие, что носил отец мой в старости, ибо слабеет моя рука. Ты ж облачись в доспехи, о Гол, и устремись в первую битву свою. Пусть же десница твоя достигнет славы отцов. Несись по бранному полю, словно крыло орла. Что тебе смерти страшиться, сын мой! храбрые падут со славою, щиты их вспять повернут мрачный поток беды, и увенчает почесть их кудри седые. Ужели не видишь ты, Гол, сколь почитают люди шаги моей старости? Когда шествует Морни, юные прославляют его, а потом обращают взоры с тихою радостью вслед ему. Но никогда, мой сын, не бежал я грозы! Меч мой сверкал сквозь мрак сраженья. Пришлецы предо мной расточались, и появленье мое крушило могучих».

Гол принес оружие Морни; дряхлый воин облекся в булат. Взял он в руку копьё, что обгадрялось нередко кровью храбрых. Он пошел навстречу Фингалу, сын его следом за ним. Комхала сын смотрел восхищенным взором, как идет к нему воин с седыми кудрями.

«Король ревущего Струмона, — молвил Фингал, исполнившись радости, — тебя ли я вижу в доспехах, хоть иссякла сила твоя? Часто Морни блистал в сраженьях, словно луч восходящего солнца, когда разгоняет оно бури холма и возвращает мир полям озаренным. Но зачем ты не знаешь покоя в годы свои? Слава твоя воспета. Народ на тебя взирает, благословляя закат могучего Морни. Зачем ты не знаешь покоя в годы свои? Ведь враги расточатся при виде Фингала».

«Комхала сын, — отвечивал вождь, — нет уже силы в деснице Морни. Я хочу обнажить меч моей юности, но он остается недвижим. Я устремляю копьё, но оно, не достигнув цели, упадет на землю, и я чувствую тяжесть щита моего. Мы увядаем, словно горные травы, и

* Морни был вождем многочисленного племени во времена Фингала и отца его Комхала. Этот последний из названных героев был убит в бою против племени Морни, но доблесть и военное искусство Фингала в конце концов одержали победу, и племя Морни покорилось. В этой поэме, как мы видим, оба героя уже вполне примирились.

** Stru'-moné — *поток холма*. Здесь это имя собственное, данное речке в окрестностях Сельмы.

сила былая к нам не вернется. У меня есть сын, о Фингал, чья душа восхищалась деяньями юного Морни, но меч его еще не вздымался против врага, слава его еще не родилась. Я пришел с ним на битву, чтобы направить его десницу. Слава его станет солнцем души моей в сумрачный час заката. Пусть же забудется имя Морни в народе! но пусть повторяют герои: „Взгляните, это родитель Гола!“»

«Король Струмона, — ответил Фингал, — Гол поднимет свой меч в бою. Но он поднимет его пред очами Фингала; десница моя защитит его младость. А ты отдыхай в чертогах Сельмы и внемли вестям о подвигах наших. Барду вели настроить арфу, и пусть зазвучит его глас, чтобы те, кто падет, утешились славой своею, а сердце Морни исполнилось радости. Оссиан, ты сражался в битвах, на копье твоём кровь чужеземцев; сопутствуй Голу в сраженье, но от Фингала не удаляйтесь, чтобы враги не окружили вас и не погибла неожиданно ваша слава».

Я увидел Гола в доспехах,* и душа моя с его душою слилась, ибо пламя битвы горело в его очах. Весело он взирал на врага. Мы обменялись тайно словами дружбы, и молнии наших мечей засверкали разом, ибо, выхватив их из ножен за стеною леса, мы пытали крепость наших мышц, рассекая воздух пустой.

Ночь низошла на Морвен, Фингал сидел, озаренный пламенем дуба горящего. Морни сидел с ним рядом, и развевались седые кудри его. Беседа текла о временах минувших и о деяниях их отцов. Порою три барда касались арф, и Уллин был рядом с песней своей. Он запел о могучем Комхале, но мраком покрылось чело Морни.** Он обратил багровые очи на Уллина, и песня барда умолкла. Фингал поглядел на героя-старца и кротко сказал.

«Вождь Струмона, зачем эта мрачность? Да забудутся дни минувших годов. Отцы наши мерялись силою в битве, мы же сошлись на пиру. Мы обратили наши мечи против общих врагов, и они расточатся пред нами на поле. Да забудется время наших отцов, о король мшистого Струмона».

«Король Морвена, — вождь отвечал, — радостно мне вспоминать твоего отца. Был он ужасен в боях; ярость вождя была смертоносна.*** Очи мои исполнились слез, когда пал король героев. Храбрые гибнут, Фингал, и на холмах остаются ничтожные. Сколько уже отошло героев в пору Морни! А я не чурался сражений, не бегал от битвы доблестных.

* Это говорит Оссиан. Здесь выразительно подчеркнута различие между старыми и молодыми героями. Описание того, как последние извлекают мечи свои, удачно придумано и хорошо выражает нетерпение молодых бойцов, едва лишь вступивших в сражение.

** Уллин неудачно избрал предмет для своей песни. *Мрак, которым покрылось чело Морни*, был вызван не какой-либо его неприязнью к имени Комхала, хотя они и были врагами, но опасением, чтобы эта песнь не пробудила в Фингале воспоминаний о расприх, существовавших в старину между их родами. Речь Фингала по этому поводу исполнена благородства и здравого смысла.

*** Это выражение в подлиннике двусмысленно. Оно может означать, что Комхал убил многих в битве или что он был беспощаден в своем гневе. Переводчик постарался сохранить эту двусмысленность, поскольку она, вероятно, входила в намерение поэта.

Пускай же теперь отдыхают друзья Фингала, ибо ночь вокрут, чтобы встали они, исполнены силы для битвы с колеснищевластным Латмоном. Слышу я шум его воинства, словно гром раздаётся над вереском дальним. Оссиан и Гол златокудрий! Легок ваш бег. Наблюдайте врагов Фингаловых с того поросшего лесом холма. Но не приближьтесь к ним: нет рядом ваших отцов, чтобы прикрыть вас. Да не погибнет ваша слава неожиданно. Доблести юных, бывает, грозит поражение».

С радостью вняв речи вождя, мы пошли под бряцание наших доспехов. Путь наш лежит к холму лесистому. Небо сверкает всеми своими звездами. Метеоры, вестники смерти, летают над полем. Вражьего войска гул отдаленный донесся до нашего слуха. И тогда-то промолвил исполненный доблести Гол, и до половины меч извлекла его длань.

«Сын Фингала, — сказал он, — почему пламенеет душа Гола? Сильно стучит мое сердце, нетверды мои шаги, и десница трепещет на рукояти меча. Когда я гляжу на врагов, душа моя вспыхивает предо мной, и я вижу их спящее войско. Не так ли трепещут души отважных в сражениях коней? Как бы воспрянул Морни душою, если бы ринулись мы на врага! Наша слава возвысится в песне, и величаво пройдем мы на глазах у отважных».

«Сын Морни, — ответил я, — душа моя тешится в битве. Любо мне блистать одному на поле брани, передавая бардам имя свое. Но что, если враг победит, смогу ли взглянуть я в глаза королю? В негодование ужасны они, подобные пламени смерти. Я не хочу увидеть их гнев. Оссиан победит или падет. А разве дано побежденным славу стяжать? Они преходят, как тени. Но Оссиан славу стяжает. Он со своими отцами сравнится в деяниях. Так ринемся во всеоружии, сын Морни, ринемся в битву. Но, Гол, если ты вернешься один, пооди к высоким стенам Сельмы. Скажи Эвиралин,* что пал я со славой; отнеси этот меч дочери Бранно. Да вручит она его Оскару, когда вступит он в юные годы».

«Сын Фингала, — отвечивал Гол со вздохом, — как мне вернуться, если падет Оссиан! Что мне скажут отец и Фингал, властитель мужей? Ничтожные люди свой взор отвратят и промолвят: „Глядите на Гола могучего, что в крови распростертого друга оставил!“ Нет, ничтожные люди, не иначе видать вам меня, как в сиянии славы. Оссиан! я слышал от отца о могучих деяньях героев, о могучих деяньях, в одиночестве ими свершенных, ибо в опасности крепнет душа».

«Сын Морни, — я отвечал, шагая пред ним по вереску, — наши отцы восхвалят нашу доблесть, когда будут оплакивать нас. Радости луч озарит их души, когда очи исполнятся слез. Скажут они: „Наши сыны не легли, словно злаки на поле, ибо они сеяли смерть вокруг себя“. Но зачем же нам мыслить о тесном жилище? Меч защищает отважного. Но смерть преследует бегство ничтожных, и не воздают им хвалы».

Мы устремились вперед сквозь ночь и пришли туда, где ревуший поток струил синие воды вокруг вражьего стана, между дерев, что на шум

* Оссиан женился на ней незадолго перед тем. Рассказ о том, как он сватался к этой девице, включен в виде эпизода в четвертую книгу «Фингала».

его отзывались; мы пришли к берегам потока и увидели воинство спящее. Их костры на равнине погасли, и шаги одиноких дозорных издали доносились. Я уже было копьё протянул, чтоб, опершись, перепрыгнуть поток, но Гол за руку взял меня и молвил отважное слово.

«Ужели Фингалов сын нападет на врага спящего? Ужели ворвется он, словно вихорь ночной, что повергает тайком деревца молодые? Не так заслужил Фингал себе почести, не за такие дела увенчаны славой кудри седые Морни. Ударь, Оссиан, ударь во щит боевой, да поднимутся тысячи. Да встретят Гола они в первой битве его, чтобы он смог испытать крепость мышцы своей».*

Душа моя восхитилась воителем, и слезы исторглись из глаз моих. «И встретят Гола враги, — сказал я, — и разнесется слава сына Морни. Но от меня, мой герой, не удаляйся, да сверкает булат твой вблизи Оссиана, чтобы десницы наши соединились в побище. Зришь ли ты, Гол, ту скалу? Серые ребра ее тускло мерцают под звездами. Если враги начнут нас теснить, станем спиною к скале. Тогда убоятся они приблизиться к копьям, ибо в наших десницах смерть».

Я трижды ударил в звонкий щит. Враги поднялись, трепеща. Мы устремились вперед, бряцая доспехами. Они побежали толпою по вереску, ибо решили — это явился могучий Фингал, и сила их рук иссякла. Шумный их бег был подобен пожару, когда пронесется он сквозь опаленный лес.

Вот тогда-то Гол с силой взметнул копьё, вот тогда-то он поднял меч. Кремор пал и могучий Лет. Дунтормо бился, весь окровавленный. Булат вонзился в тело Крото, когда он вставал, на копьё опираясь; черный поток хлынул из раны и зашипел на полусгоревшем дубе. Катмин урзел позади приближенье героя и полез на древо иссохшее, но сзади его поразило копьё. Крича, содрогаясь, он пал; мох и ветви сухие полетели вослед и покрыли стальное оружие Гола.

Так отличился ты, сын Морни, в первом сражении своем. Но и твой меч не дремал на бедре, о последний из рода Фингалова! Оссиан устремился вперед, исполненный силы, и люди ложились пред ним, как трава под палкою отрока, когда, свистя, пробегает он поле и наземь слетают седые головки чертополоха. Но юнец идет беззаботно, направляясь в место пустынное.

Стало серое утро, засверкали извивы потоков среди вереска. Враги собрались на холме, и вспыхнула ярость Латмона. Он потупил долу гневные очи багровые, он безмолвен в скорби своей. Он ударяет часто во щит свой горбатый, и неровно шагает по вереску. Издали я усмотрел угрюмость героя и молвил сыну Морни.

* Это предложение Гола значительно благороднее и более согласуется с истинным героизмом, чем поведение Улисса и Диомеда в «Илиаде» или Ниса и Эврнала в «Энеиде». То, что подсказывали ему доблесть и благородство, стало основой его успеха, ибо враги, придя в смятение от звона Оссианова щита (что служило обычным сигналом к бою), решили, что на них нападает все войско Фингала. Таким образом, на самом деле они бежали от целого войска, а не от двух героев, и это придает рассказу правдоподобие.

«О колесницевластный * вождь Струмона, видишь ли ты врагов? В гневе они собрались на холме. Следует нам к королю ** свой шаг обратиться. Восстанет он в силе своей, и Латмона рать исчезнет. Слава нас осенит, воитель, очи старцев *** возрадуются. Но бежим, сын Морни, Латмон нисходит с холма».

«Так замедлим шаги, — возразил златокудрый Гол, **** — чтобы враг не сказал, усмехаясь: „Гляньте на воинов ночи, они, словно духи, страшны лишь во мраке, но исчезают пред лучами востока“. Оссиан, возьми щит Гормара, павшего от копья твоего; да возрадуются герон почтенные, видя деянья своих сынов».

Так говорили мы на равнине, когда Сульмат ***** пришел к колесницевластному Латмону, Сульмат, властитель Дуты на берегах мрачнобурного потока Дувранны.***** «Почто не спешишь ты, сын Нуата, с тысячью храбрых твоих? Почто не сойдешь ты с войском в долину, пока не бежали воины? Стальные доспехи их светятся в лучах восходящих, и они ступают пред нами по вереску».

«Сын десницы немощной, — молвил Латмон, — ужель мое войско сойдет в долину! Их только двое, сын Дуты, неужто же тысяче сталь подымать! ***** Нуат бы оплакал в чертоге своем погибель своей славы. Он отвернул бы взор от Латмона, слыша, что шаг его близится. Ступай же к героям, вождь Дуты, ибо я узнаю величавую поступь»

* Колесницевластный — это почетное наименование, прилагаемое Оссианом без разбора к каждому герою, поскольку все вожди в его время по своему положению владели колесницей или носилками.

** К Фингалу.

*** Фингала и Морни.

**** На протяжении всей этой поэмы Гол ведет себя как герой в самом высоком смысле этого слова. Скромность Оссиана при рассказе о собственных деяниях не менее замечательна, чем его беспристрастие по отношению к Голу, поскольку хорошо известно, что Гол впоследствии восстал против Фингала, и это, как можно полагать, вызвало предубеждение против него в душе Оссиана. Но, коль скоро Гол из противника позднее стал ближайшим другом Фингала и величайшим героем, поэт оставляет без внимания этот единственный его проступок из уважения ко многим его добродетелям.

***** Suil-mhath — человек с острым зрением.

***** Dubh-bhranna — темный горный источник. При такой удаленности во времени, трудно определить, какая река называлась так во дни Оссиана. Река в Шотландии, впадающая в море у Банфа, до сих пор носит имя Деверон. Если Оссиан говорит здесь именно о ней, тогда Латмон должен был быть вождем племени пиктов или тех каледонцев, которые в старину населяли восточный берег Шотландии.

***** Оссиан редко упускает случай наделить своих героев, даже если это и враги, благородством духа, которое, как явствует из его поэм, отличало его самого. Те, кто слишком презирают своих противников, не берут в расчет, что чем больше умаляют они доблесть врагов, тем меньше заслуживают славы, побеждая их. Обычай уничижать противника присущ отнюдь не исключительно современному уточенному героизму. Пристрастие к поносовой брани является одним из главных пороков героев Гомера, в чем, кстати говоря, не следует винить поэта, который лишь придерживался нравов описываемого времени. Мильтон следовал Гомеру в этом отношении, но брань в устах адских духов, которые должны вызывать ужас, производит менее отталкивающее впечатление, чем когда она исходит из уст героев, представленных как образец для подражания.

Оссианову. Слава его достойна стали моей; да сразится он с Латмоном».

Благородный Сульмат пришел. Радостно было мне слышать слова короля. Поднял я щит на мышцу мою, и Гол вложил мне в руку меч Морни. Мы вернулись к потоку журчащему; Латмон явился в силе своей. Мрачное войско его катилось за ним, словно туча, но сын Нуата был светел в стальных доспехах.

«Сын Фингала, — молвил герой, — слава твоя возросла на нашем паденье. Сколько моих бойцов сражено твоею десницей, властитель мужей! Так подними же теперь копьё против Латмона и повергни сына Нуата, повергни среди народа его или ты сам падешь. Никогда не скажут в чертогах моих, что воины пали у меня на глазах, что пали они на глазах у Латмона, когда меч его на бедре почивал. Залились бы слезами глаза голубые Куты,* и блуждала б она одиноко по долам Дунлатмона».

«Но не скажут также, — ответствовал я, — что сын Фингала бежал. Пусть даже мрак сокроет его шаги, не побежит Оссиан. Не то душа его вышла б навстречу ему и сказала: „Разве бард Сельмы страшится врага?“ Нет, он не страшится врага. Радость его посреди сраженья».

Вышел Латмон с копьём и пронзил щит Оссиана. Я ощутил хладную сталь в теле своем и выхватил меч Морни. Надвое я рассек копьё, наконецник блестящий, сверкая, упал на землю. Сын Нуата, пылая гневом, поднял высоко свой звонкий щит. Темные очи его глядели поверх щита, который, склоняясь вперед, сиял подобно медным врагам. Но копьё Оссиана пронзило блеск наверхья его и вонзилось в дерево, что позади стояло. Щит повис на древке дрожащем, но Латмон все приближался. Гол увидал, что гибель вождю угрожает, и простер свой щит пред мечом моим, когда тот опускался лучом сверкающим на короля Дунлатмона.

Латмон взглянул на сына Морни, и слезы исторглись из глаз его. Он бросил наземь меч отцов своих и промолвил слова отважных.

«Почто сражаться Латмону против первых из смертных? Ваши души — лучи небесные, ваши мечи — пламень смерти. Кто же сравняется славою с героями, чьи подвиги столь велики уже в младости! О, были бы вы в чертогах Нуата, в зеленом жилище Латмона! Тогда не сказал бы отец, что сын его сдался немощным. Но кто там грядет, как могучий поток, по гулкозвучной вересковой пустоши? Малые холмы пред ним сотрясаются, и тысяча духов летит на лучах булата его, духи тех,** кто пал от руки владыки звенящего Морвена. Счастлив ты, о Фингал, твои сыны будут сражаться в битвах твоих, они идут впереди тебя и возвращаются славою увенчаны».

Фингал пришел, исполненный кротости, радуясь втайне делам своего сына. Довольство сияло на челе Морни, и слезы отрады туманили старые очи. Мы пришли в чертоги Сельмы и воссели на пиру чаш. Девы песен пришли к нам и нежно-краснеющая Эвиралин. Черные кудри ее

* Кута, очевидно, была женою или любовницею Латмона.

** Во времена Оссиана считалось, что у каждого человека есть сопровождающий его дух. Однако предания, связанные с этим воззрением, темны и мало вероимительны.

струились по снежной шее, глаза обращались тайно на Оссиана. Она заиграла на арфе, и мы славословили дочь Бранно.

Фингал поднялся с места и сказал воинственному королю Дунлатмона. На бедре его сотрясался меч Тренмора, когда подымал он десницу могучую. «Сын Нуата, — сказал он, — почто ты ищешь славы в Морвене? Мы не из племени немощных, и наши мечи не сверкают над слабыми. Разве когда-нибудь шли мы в Дунлатмоп с бранными кликами? Битва не тешит Фингала, хоть и сильна десница его. Слава моя возрастает, когда повержен надменный. Перун моего булата разит горделивых ратников. Приходит битва, и вздымаются могилы отважных; могилы сынов моего народа вздымаются, о праотцы! и мне под конец одному суждено остаться. Но я останусь увенчанный славой, и душа моя отлетит потоком света. Латмон, вернись восвоюси. Брани свои обрати в иные края. Прославлено племя Морвена, и супостаты его — чада несчастных».

Ойтона

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Гол, сын Морни, сопровождал Латмона, когда тот возвращался на родину после поражения в Морвене, о чем рассказано в предшествующей поэме. Нуат, отец Латмона, радушно принял Гола. Тот влюбился в его дочь Ойтону, и она ответила ему взаимностью. Был назначен день их свадьбы. Тем временем Фингал, готовясь к походу на страну бриттов, послал за Голом. Герой повиновался, но, расставаясь с Ойтоной, обещал ей, что, если останется жив, он вернется в назначенный день. Латмон тоже должен был следовать за отцом своим Нуатом на войну, и Ойтона осталась одна в родовом замке Дунлатмоне. Дунромат, владетель Кутала (по-видимому, одного из Оркнейских островов), воспользовавшись отсутствием ее близких, явился и насильно увез Ойтону, которая некогда презрела его любовь, на пустынный остров Троматон, где скрыл ее в пещере.

Гол вернулся в назначенный день и,

узнав о похищении, поплыл к Троматону, чтобы отомстить Дунромату. Высадившись на острове, он отыскал Ойтону, которая была безутешна и твердо решила не пережить своего бесчестия. Она поведала Голу о своих несчастиях, и, едва она кончила, как Дунромат в сопровождении ратников появился на другом конце острова. Гол приготовился напасть на него и попросил Ойтону удалиться, пока не кончится битва. Она сделала вид, что послушалась его, но тайно облачилась в воинские доспехи, бросилась в гущу боя и была смертельно ранена. Гол, преследуя бегущего противника, нашел ее на поле сражения, когда она испускала последний вздох. Он оплакал ее, воздвиг ей могильный холм и вернулся в Морвен. Так гласит предание, от которого почти не отличается поэма, начинающаяся с возвращения Гола в Дунлатмон после насильственного увоза Ойтоны.

Тьма воцарилась окрест Дунлатмона, хоть и являет луна половину лица над холмом. Дочь ночи, она отвращает свой взор, ибо видит, как близится горе. Сын Морни стоит на равнине, но не слышно ни звука в чертоге. Ни единый вдаль-струящийся луч не мерцает сквозь мглу.* Не слышно гласа Ойтоны** среди шума потоков Дувранны.

«Куда сокрыла ты красу свою, темноволосая дочь Нуата? Латмон на поле храбрых. А ты обещала остаться в чертоге, ты обещала остаться в чертоге, пока не вернется сын Морни. Пока не вернется он со Стромона к деве своей любви. Слезы текли по ланитам твоим, когда он уходил, тайный вздох вздымал твою грудь. Но ты к нему не выходишь, его не встречаешь песней, легко-трепетным звоном арфы».

Так сетовал Гол, когда подошел он к башням Дунлатмона. Мрачно зияли врата отверстые. Бушевали ветры в чертоге. Деревья засыпали листьями вход, и ропот ночи слышен окрест. В безмолвной скорби сидел у скалы сын Морни, душа его трепетала за деву, но не знал он, куда стопы свои обратить. Сын Лета*** стоял в стороне и слышал, как ветры

*

... от трепетной свечи

Вдаль устремленный тонкий луч струится.

Мильтон [Комус, 336].

** Oí-thona — *дева волны*.

*** Морло, сын Лета, — один из самых прославленных героев Фингала. Он с тремя ратниками сопровождал Гола, когда тот отправился в Троматон.

шумят в его волосах всклоченных. Но он не смел подать голос, ибо видел печаль Гола.

Сон низшел на героев. Возникли ночные видения. Ойтона встала во сне пред очами сына Морни. Темные кудри ее распущены в беспорядке, прекрасные очи полны слезами. Кровь запятнала снежные руки. Одеяние приосеняло рану на ее груди. Встала она пред вождем, и прозвучал ее глас.

«Спит ли сын Морни, тот, что любезен был очам Ойтоны? Спит ли Гол на далекой скале, когда унижена дочь Нуата? Катится море вокруг мрачного острова Троматона; в слезах я сижу в глубине пещеры. Но я сижу не одна, о Гол, мрачный вождь Кутала со мной. Со мной он, объятый любовью неистойой. Что же делать Ойтоне?»

Сурового ветра порыв пронесся над дубом. Ушло сновиденье ночное. Гол схватил тополевое копьё, он восстал в неистовом гневе. Часто он обращал очи к востоку, кляня запоздалый рассвет. Но вот наступило утро. Герой подьмет парус. Ветер, свистя, прилетел с холма, и Гол понесся по волнам пучины. На третий день показался Троматон, словно синий щит среди моря.* Белые волны с ревом бились о скалы. Печально сидела Ойтона на берегу. Она смотрела, как волны бегут, и током точила слезы. Но, завидя Гола в доспехах, она задрожала и отвратила взор. Долу склонился прелестный лик и зарделся, белые руки затрепетали. Трижды она порывалась бежать от его взора, но подкосились ноги ее.

«Дочь Нуата, — молвил герой, — зачем бежишь ты от Гола? Разве очи мои мечут пламень смерти? Или ненависть душу мою помрачает? Ты для меня рассветный луч, что встает над безвестной землею. Но ты закрываешь скорбью лицо свое, дочь высокого Дунлатмона. Разве враг Ойтоны близко? Душа моя жаждет сойтись с ним в бою. Трепещет меч на бедре у Гола, желая сверкать во длани его. Говори, дочь Нуата, разве не видишь ты слез моих?»

«Колесницевластный вождь Струмона, — отвечала дева, вздыхая, — зачем пришел ты по синим волнам к скорбной дочери Нуата? Зачем не исчезла я безвестно, как цветок на скале, что, сокрытый от глаз, вздымает головку свою пригожую, а ветер уносит увядшие его лепестки? Зачем ты приходишь, Гол, зачем тебе слышать последний мой вздох? Я исчезаю в расцвете юности, и мое имя никто не услышит. Или услышат его с сожалением, и слезы Нуата прольются. Ты будешь скорбеть, сын Морни, о погибшей чести Ойтоны. А она опочит в тесной могиле, далеко от гласа скорбящего. Зачем пришел ты, вождь Струмона, на морем омытые скалы Троматона?»

«Я пришел, чтобы встретить твоих врагов, дочь колесницевластного Нуата! Кутала вождь, предвижу, смерть обретет или сын Морни погиб-

*

...видимы стали вдали над водами
Горы тенпстой земли феакян...
Черным щитом на туманистом море она простиралась.

Гомер. Одиссея, V, 279.

нет. Ойтона, если Гол падет, воздвигни мою могилу на том утесе затившем, и, когда мрачно-зыблемый мимо пройдет корабль, позови сынов моря, позови их и отдай этот меч, пусть они отвезут его к Морни в обитель; пусть седовласый герой перестанет взор устремлять в пустынный простор и ждать возвращения сына».

«А станет ли жить дочь Нуата? — отвечала она с порывистым вздохом. — Стану ли жить я в Троматоне, если падет сын Морни? Сердце мое не из камня этой скалы, а душа не беспечна, как это море, что вздымает синие волны, едва лишь подует ветер, и катит их, покорное буре. Тот же порыв, что повергнет тебя, по земле раскидает ветви Ойтоны. Вместе мы увянем, о сын колеснищевластного Морни! Милы мне и жилище тесное, и серый камень мертвых, потому что вовек не покинуть мне твоих скал, морем объятый Троматон!

Ночь опустила тучи после ухода Латмона, когда он пошел на брань своих предков, к мохом обросшей скале Дутормота.* Ночь опустилась, а я сидела в чертоге при свете горящего дуба. Снаружи ветер шумел в деревьях. Я услышала звон оружия. Радостью вспыхнуло мое лицо: думала я, что ты воротился. Но это был вождь Кутала, рыжеволосый силач Дунромат. Огнем пылали глаза его; кровь моего народа запеклась на его мече. Те, кто защищали Ойтону, пали, сраженные хмурым вождем. Что я могла сделать? Моя десница слаба, ей не поднять копьа. Он унес меня, горем объятую, слезы точившую, и поднял паруса. Страшился он, что вернется могучий Латмон, брат несчастной Ойтоны. Но смотри, он грядет со своею ратью! пред ним расступаются мрачные волны! Куда обратись ты стопы свои, сын Морни? Много ратников у Дунромата!»

«Стопы мои вовек не обращались прочь от битвы, — ответила герой, обнажая меч, — так устрашусь ли я, Ойтона, когда близки твои супостаты? Сокройся в пещере, дочь Нуата, пока не окончится бой. Сын Лета, принеси нам луки отцов и звонкий колчан Морни. Пусть трое воинов наших натянут луки. Мы же подыдем копьа. Целое войско их на скале, но наши сердца отважны».

Дочь Нуата сокрылась в пещере. Беспокойная радость пронзила ее, словно молнии алой стрела грозовую тучу. Душа ее утвердилась в решенье своем, и слезы высохли в дико сверкавших очах. Дунромат медленно близился, ибо увидел он сына Морни. Презренье скривило лицо его смуглое, усмешка была на устах, под бровями косматыми вращались багровые очи.

«Откуда пришли сыны моря? — начал сумрачный вождь. — Занес ли вас ветер на скалы Троматона? Или пришли вы искать белорукую дочь Нуата? Знайте, ничтожные люди, что те, кого встретит длань Дунромата, — сыны несчастных. Очи его не падят бессильных, и по праву ему кровь чужеземцев. Ойтона — светлый луч, и вождь Кутала втайне тепшится им. Не хочешь ли ты, как туча, сокрыть красу ее, сын маломощной длани? Прийти-то ты смог, но вернешься ль в чертоги предков своих?»

* Ойтона рассказывает, как ее похитил Дунромат.

«Так ты не знаешь меня, рыжеволосый вождь Кутала? — спросил Гол. — А ноги твои быстро бежали по вереску в битве колесницевластного Латмона, когда меч сына Морни гнал его войско в лесных просторах Морвена. На словах-то ты грозен, Дунромат, потому что бойцы твои стоят за тобою. Но мне ли бояться их, сын гордыни? Я не из племени слабых».

Гол в боевых доспехах устремился вперед. Дунромат скорчился за спинами своих ратников. Но копьё Гола пронзило вождя угрюмого, а когда тот склонился, дух испуская, меч отсек ему голову. Сын Морни схватил ее за волосы и трижды потряс. Воины Дунромата бежали. Стрелы Морвена летели им вслед; десятеро их полегло на мшистых скалах. Остальные подняли шумный парус и понеслись по гулковозвучной пучине.

Гол устремился в пещеру Ойтоны. Он увидел юношу, к скале прислоненного. Стрела пронзила грудь его, и он слабо водил очами, шлемом прикрытыми. Опечалилась душа сына Морни, он подошел и промолвил слова мира.

«Может ли рука Гола исцелить тебя, юноша скорбный челом? Я разыскивал горные травы, я собирал их на сокровенных берегах источников. Рука моя исцеляла раны мужей доблестных, и очи их благословляли сына Морни. Где обитали предки твои, воин? Были ль то чада могучего племени? Печаль, словно ночь, сойдет на твои родные потоки, ибо пал ты в расцвете юности».

«Предки мои, — отвечал чужеземец, — были чада могучего племени, но они не станут скорбеть, ибо слава моя исчезла, как туман поутру. Высоко вздымаются стены на берегах Дувранны и зрят свои мшистые башни в потоке; свади них скала возвышается со склопенными елями. Они видны издалека. Там живет мой брат. Он прославлен в боях. Отдай ему этот сверкающий шлем».

Шлем выпал из руки Гола: он увидел раненую Ойтону. Она надела доспехи в пещере и вышла в поисках смерти. Отягченные очи ее прикрыты, кровь струится из раны.

«Сын Морни, — сказала она, — уготовь мне могилу тесную. Сон, словно облако, осеняет душу мою. Очи Ойтоны меркнут. О, если б осталась я жить на берегах Дувранны в ясных лучах своей славы! Годы мои текли бы в радости, и славили б девы поступь мою. Но я гибну в расцвете юности, сын Морни, и устыдится отец мой в чертоге своем».

Бледная пала она на утес Троматона. Скорбный герой воздвиг ей могильный холм. Он вернулся в Морвен, но мы увидали, что мрачна душа его. Оссиан взял арфу и воспел хвалу Ойтоне. Вновь прояснилось лицо Гола. Но иногда в кругу друзей вздох его раздавался, словно ветер, что нередко взмахнет крылами после затихшей бури.

Крома

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Оссиан слышит, как Мальвина, дочь Тоскара, оплакивает смерть возлюбленного своего Оскара. Чтобы отвлечь ее от горестных мыслей, Оссиан рассказывает ей о своих подвигах во время похода, который он предпринял по приказу Фингала, чтобы помочь Кротару, правителю ирландской провинции Кромы, в борьбе против Ротмара, вторгшегося в его владения. Предание сохранило эту повесть в следующем виде. Когда Кротар, король Кромы, ослеп в старости, а сын его был слишком молод, чтобы выйти на поле брани, Ротмар, вождь Тромло, решил воспользоваться удобным случаем и присоединить владения Кротара к собственным. При-

няв такое решение, он вторгся в земли, которыми Кротар правил от имени Арта, или Арто, верховного короля Ирландии в то время.

Кротар, старый и слепой, не мог ему сопротивляться и обратился за помощью к Фингалу, королю Шотландии, и тот велел своему сыну Оссиану отправиться на выручку Кротара. Но прежде чем прибыл Оссиан, Фовар-гормо, сын Кротара, напал на Ротмара и был сражен, а его войско разгромлено. Оссиан возобновил брань, убил Ротмара и обратил в бегство его рать. Освободив таким образом Крому, он вернулся в Шотландию.

«Это был голос возлюбленного; редко он посещает сны Мальвины! Откройте воздушные ваши чертоги, вы, предки могучего Тоскара! Растворите ворота туч: скоро Мальвина уйдет навсегда. Я слышала голос во сне. Я чувствую трепет моей души. Зачем подул ты, ветер, с мрачно-бурного озера? Крыло твое прошумело в деревьях, и сновиденье Мальвины исчезло. Но она видела своего возлюбленного, когда одеянья его туманные развеялись по ветру. Солнечный луч озарял их края, и они сверкали, как золото чужеземца. Это был голос возлюбленного; редко он посещает сны мои!

Но ты живешь в душе Мальвины, сын Оссиана могучего. Мои вздохи восходят вместе с лучом востока, мои слезы падают вместе с ночью росой. При тебе была я, Оскар, прекрасным деревом и ветви мои пышно вздымались. Но пришла твоя смерть, как вихрь из пустыни, и поникла моя зеленая крона. Весна воротилась с дождями целебными, но листва моя не воспрянула. Девы в чертоге узрели меня, безмолвную, и заиграли на арфе радости. Слезы текли по ланитам Мальвины; подруги увидели горе мое. „Зачем ты скорбишь, — спросили они, — ты, первая из дев Луты? Разве был он прекрасен, как утренний луч, и строен в очах твоих?“»

Приятна песнь твоя слуху Оссиана, дочь многоводной Луты! Ты слышала пение ушедших бардов в дремотных мечтаниях, когда сон нисходил на вежды твои под журчание Морху.* Возвращаясь с ловитвы в солнечный день, ты слышала пение бардов, и твоя песнь приятна! Сладостна она, Мальвина, но размягчает душу. Есть радость и в скорби, если мир поселяется в горестном сердце. Но печаль изнуряет скорбящих, дочь

* Mor'-ruth — большой поток.

Госкара, и коротки их дни. Вянут они, как цветок, пораженный медвяной росой, когда солнце палит его жаром, а капли ночные еще отягчают головку его. О дева, внемли Оссиановой повести, он вспоминает юные дни.

Король повелел, я распустил паруса и устремился к заливу Кромь, гулкому заливу Кромь в любезном Инис-файле.* Высоко на бреге вздымались башни Кротара, властителя копий, Кротара, некогда славного в битвах своей юности, но старость уже поселилась обок вождя. Ротмар поднял меч на героя, и гнев охватил Фингала. Он послал Оссиана сразиться с Ротмаром в битве, ибо властитель Кромь был товарищем юных его дней.

Я выслал барда вперед песни пропеть; я пришел в чертоги Кротара. Там сидел герой, окруженный доспехами праотцев, но очи его погасли. Седые кудри его колыхались вокруг посоха, на который оперся воин. Он напевал песню минувших времен, когда достиг его слуха звон оружия нашего. Кротар встал, простер свою дряхлую длань и благословил Финглова сына.

«Оссиан, — промолвил герой, — исчезла сила десницы Кротара. О, если б я мог поднять свой меч, как в те дни, когда бился Фингал на Струте! Он был первым из смертных, но и Кротар славу сумел стяжать. Король Морвена воздал мне хвалу и возложил на десницу мою горбатый щит Калтара, которого сам герой в битве сразил. Взгляни, висит ли сей щит на стене, ибо ослепли Кротара очи! Так ли силен ты, Оссиан, как твои праотцы? Дай старику осязать десницу твою».

Я протянул королю десницу, он осязает ее дряхлыми дланями. Вдох исторгся из груди его, и заструились слезы. «Ты силен, мой сын, — сказал он, — но слабей, чем король Морвена. Но кто из могучих бойцов сравнится с этим героем? Зададим же пир в чертогах моих, и пусть мои барды затянут песнь. Внемлите, сыны гулкозвучной Кромь, он велик, кто сейчас в стены мои вступил!»

Пир начался. Арфа звенит, и веселье царит в чертоге. Но это веселье скрывало вздох, что сумрачно в каждой груди таился. Было оно, как слабый луч луны, скользкий по туче небесной. Наконец умолкли арфы, и дряхлый король Кромь заговорил; он не пролил ни единой слезы, но голос его трепетал от вздохов.

«Сын Фингала, ужель ты не видишь, что мрак воцарился в чертоге пиршеств Кротара? Душа моя не была мрачна на пиру, когда были живы люди мои. Радовал приход чужеземцев, когда мой сын блистал в чертоге. Но, увы, Оссиан, угас этот луч, не оставив ни отблеска за собой. Знай, сын Фингала, что пал он в битве отца своего. Ротмар, вождь травянистой Тромлы, узнал, что очи мои погасли, узнал, что оружие мое в чертоге развешено, и гордыня его воспрянула. Он пошел на Кромь, под его десницей падали люди мои. Я надел доспехи в чертоге; но что мог сделать Кротар незрячий? Шаги мои были нетверды, скорбь была велика. Я призывал прошедшие дни, те дни, когда я сражался и побеждал на крова-

* Инис-файл — одно из древних названий Ирландии.

вом поле. Мой сын воротился с ловитвы, златокудрый Фовар-гормо.* Он еще не вздымал меча в сраженьях, ибо десница его была молода. Но сердце юноши было бесстрашно, пламя доблести горело в очах. Он увидел неверную поступь отца и тяжело вздохнул. «Король Кромы, — сказал он, — не затем ли вздыхаешь ты, что нет у тебя сына, не затем ли, что слаба десница Фовар-гормо? Но я, мой отец, уже начал чувствовать крепость мышцы своей. Я уже извлекал меч моей юности, я уже натягивал лук. Дозволь мне с бойцами юными Кромы встретить этого Ротмара. Дозволь, отец, мне встретиться с ним, ибо я чувствую, как пылает моя душа».

«И ты встретишься с ним, — сказал я, — сын незрячего Кротара! Пусть другие пойдут впереди тебя, чтобы услышал я твоего возвращения поступь, ибо очи мои не увидят тебя, златокудрый Фовар-гормо!» Он пошел, он встретил врага, он пал. Враг приближается к Кроне. Тот, кто сразил моего сына, пришел, и с ним все его острые копья».

«Теперь не время полнить чашу», — сказал я и поднял копьё. Мои ратники узрели огонь в моих глазах и встали вокруг. Всю ночь мы шагали по вереску. Серый рассвет взошел на востоке. Узкий зеленый дол предстал перед нами, и синий поток по нему струился. На берегах стоит мрачное войско Ротмара в полном блеске своих доспехов. Мы сразились в долине; они бежали; Ротмар пал под мечом моим. День еще не сошел к закату, когда я принес его оружие Кротару. Дряхлый герой ощущал его руками, и душа его радостью озарилась.

Ратники сошлись в чертоги, на пиру зазвенели чаши. Десять арф настроены, пять бардов входят и поют друг за другом хвалу Оссиану:**

* *Faobhar-gorm* — *синее острие стали*.

** Последующие поколения бардов весьма ценили эти импровизированные выступления. Однако упевшие сочинения такого рода говорят скорее о хорошем музыкальном слухе, нежели о поэтическом таланте их авторов. Переводчик обнаружил лишь одну подобную поэму, которая, как ему кажется, достойна сохранения. Она создана через тысячу лет после Оссиана, но очевидно, что ее авторы придерживались его манеры и усвоили некоторые его выражения. Основа ее такова. Пять бардов, коротавших ночь в доме вождя, который сам был поэтом, выходили поочередно наружу, чтобы набраться впечатлений, и возвращались с импровизированным описанием ночи. Как явствует из поэмы, происходило это на севере Шотландии в октябре, когда ночам присуще то изменчивое многообразие, которое отразилось в описаниях бардов.

Первый бард

Ночь темна и уныла. Тучи лежат на холмах. Не мерцает луч зеленой звезды, луна не глядит с небес. Я слышу ветер в лесу, но он слышится мне вдалеке. Поток в долине шумит, но шум печален и глух. Над могилою клонится дерево, там протяжно кричит сова. Что-то смутно белеет в поле! Это дух! — он тает — он улетел. Здесь пройдет погребальное шествие: метеор отмечает путь.

На холме в далекой лачуге пес забывает. Олень улегся на горный мох, и лань к нему прижалась. Вот услышала ветер в его рогах, вскочила, но вновь легла.

Косуля укрылась в скалистой расщелине, тетерев голову скрыл под крыло. Попрятались звери и птицы. Лишь филин на голой ветке сидит, да лает лис на туманном холме.

они изливали огонь своих душ, и арфа вторила их голосам. Велика была радость Кромы, ибо мир вернулся в страну. Ночь сошла, полна тишины, и утро вернулось, исполнено радости. Ни один супостат не пришел во тьме, сверкая блестящим копьём. Велика была радость Кромы, ибо пал угрюмый Ротмар.

Странник угрюмый дрожит, задыхается, сбившись с пути. Сквозь кусты, сквозь терны бредет он вдоль журчащего ручейка. Страшится он скал и болот, страшится призраков ночи. Под бурю стонет старый дуб и ветвь трещит, упадая. Ветер несет по траве сухое ресье. Это легкая поступь духа! Путник дрожит в ночи.

Ночь завывает, темна и уныла, пасмурна, ветрена, духов полна! Мертвые вышли на волю! Други, укройте меня от ночи.

Второй бард

Поднялся ветер. Хлынул ливень. Стенает горный призрак. Падают лес с высоты. Хлопают окна. Вздываясь, ревет река. Странник ищет брода. Слышите вопли! Он умирает. Буря гонит с холма коня, козу, корову мычащую. Они дрожат под ливнем на топком берегу.

Охотник восстал ото сна в хижине одинокой; он раздувает угасший огонь. С промокших псов вздымается пар. Он затыкает вереском щели. За его лачугой, встретившись, режут два горных потока.

Печален бродячий пастух, сидящий на склоне холма. Над ним шелестит листва. Поток ревет под скалой. Пастух ожидает, чтоб месяц, поднявшись, дорогу домой указал.

Духи мчатся верхом на вихрях ночных. Меж порывами ветра слышится их сладкогласное пение. Это песни из мира иного.

Дождь прошел. Задувает ветер сухой. Ревут потоки и хлопают окна. Хладные капли падают с кровли. Я вижу звездное небо. Но вновь собираются тучи. Запад угрюм и мрачен. Зловеща бурная ночь. Други, укройте меня от ночи.

Третий бард

Все еще ветер шумит средь холмов и свищет в травах скалы. Свергаются ели с мест своих. Разрушена хижина, крытая дерном. Рваные тучи по небу летят, открывая горящие звезды. Метеор, смерти предвестник, искрясь, летит сквозь мглу. Он опустился на холм. Я вижу иссохший хвощ, темноглавый утес, поверженный дуб. Кто там под древом стоит у потока в саван одет?

По озеру мечутся темные волны и хлещут скалистый берег. Челн в заливе водою наполнен; весла качает волна. Дева печально сидит у скалы и смотрит на бурный поток. Милый ее обещал прийти. При свете дня видала она на озере челн его. Не его ли челн, ныне разбитый, на берегу лежит? Не его ли стон по ветру доносится?

Чу! Град пошел, стучит по камням. Сыплются хлопья снега. Вершины холмов белы. Бурные ветры стихают. Ночь холодна и невёрна. Други, укройте меня от ночи.

Четвертый бард

Ночь тиха и прекрасна; синяя, звездная, мирная ночь. Ветры умчались с тучами. Они опустились за холмы. Месяц стоит на горе. Деревья блестят, сверкают ручьи на скале. Сияет покойное озеро, сияет поток в долине.

Я вижу, повержены ветром деревья и скирды хлебов на равнине. Усердный работник подьмет скирды и свищет на дальнем поле.

Покойна, прекрасна тихая почва! Кто там идет из обители мертвых? Чья это тень в снежной одежде, белорукая, темно-русая? Это дочь вождя ратоборцев; та, что погибла недавно! Приди же, дай нам увидеть тебя, о дева, ты, что пленяла героев! Ветер уносит тень; белая, смутная, она восходит на холм.

Я затынул песнь во славу Фовар-гормо, когда вождя опустили в землю. Старый Кротар был с нами, но мы не слышали вздохов его, он рану искал на теле сына и нашел ее на груди. Радость зажглась на лице старика. Он подошел и речь завел с Оссианом.

«Властитель копий, — сказал он, — сын мой пал не бесславно. Юный воин не бежал, но встретил смерть, когда шел он навстречу врагу в силе своей. Счастливы те, кто умирает в юности, когда звучит их слава! Слабые их не узрят в чертогах, не усмехнутся, видя их руки дрожащие. Песней почтят их память, и юные слезы дева прольет. Но старики увядают помалу, и слава их юных лет забывается исподволь. Они упадают безвестно, и не слышно вдоха их сыновей. Радость окружает могилы их, и камень их славы без слез воздвигается. Счастливы те, кто умирает в юности, когда неразлучна с ними их слава!»

Неспешно влекут ветерки синий туман над узкой долиной. Поднявшись на холм, он уходит главою в небеса. Тихая, мирная, синяя, звездная ночь под луной. Не укрывайте, други, меня, ибо любезна мне ночь.

Пятый бард

Ночь тиха, но угрюма. Луна в облаках на западе. Медленно бледный луч скользит по холму тенистому. Волна далекая слышится. Поток журчит на скале. Из шалаша доносится крик петушинный. Ночь перешла середину. Хозяйка во тьме наощупь разжигает потухший огонь. Охотнику мнится, что близится день, и слышит он скачущих псов. Он идет на холм и свистит на ходу. Тучи разогнаны ветром. Он видит на севере Большую Медведицу. Еще далеко до рассвета. Он дремлет у мшистой скалы.

Чу! вихрь бушует в лесу! Рокот глухой раздается в долине! Это могучая рать мертвецов возвращается с тверди небесной.

Луна улеглась за холмом. Ее луч еще там, на высокой скале. Тянутся тени деревьев. Но вот повсюду простерлась тьма. Ночь угрюма, мрачна и безмолвна. Други, укройте меня от ночи.

Вождь

Пусть облака лежат на холмах, духи летают и путник страшится. Пусть вздымаются ветры лесные, нисходят шумные бури. Ревите, потоки, хлопайте, окна, летайте, зеленокрылые метеоры, бледный месяц, взойди над холмами или спрячь свою голову в тучах. Для меня все ночи равны, сине ли небо, иль бурно, иль мрачно — что из того? Ночь бежит от луча, когда он озаряет холм. Юный день вернулся из тучи своей, но мы никогда не вернемся.

Где наши бывшие вожди? Где короли с именами могучими? Поля их сражений безмолвны. Едва видны их могилы замшелые. Вот так же забуду и нас. Обрушится этот высокий дом. Наши сыны не увидят развалин в траве. Они спросят у старцев: «Где же стояли стены наших отцов?»

Затяните песнь, заиграйте на арфе, пустите по кругу чаши радости. Высоко повесьте сотню светильников. Начните пляску, девы и юноши. Пусть бард седой ко мне подойдет, пусть он расскажет о подвигах прошлых времен, о славных властителях нашей земли, о вождях, которых уж нет. Так пусть же пройдет ночь, пока не явится утро в наши чертоги. Тогда возьмем мы луки и кликнем псов и юных ловчих. Вместе с зарею взойдем мы на холм и оленя разбудим.

Бератон

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Считается, что поэма сочинена Оссианом незадолго до смерти, и поэтому ее принято называть *Последняя песнь Оссиана*. Переводчик взял на себя смелость назвать ее *Бератон*, поскольку в ней рассказывается о восстановлении на престоле Лартмора, короля этого острова, ранее свергнутого собственным сыном Уталом. Фингал на пути в Лохлин (см.: Фингал, кн. 3), куда пригласил его Старно, отец Агандеки, часто упоминаемой в поэмах Оссиана, пристал к скандинавскому острову Бератону и был радушно принят Лартмором, владетелем острова и вассалом верховных королей Лохлина. На гостеприимство Лартмора Фингал ответил дружбой, которую вскоре доказал на деле. Когда Лартмор был заточен сыном своим в темницу, Фингал поручил Оссиану и Тоскару, отцу часто упоминаемой в поэмах Мальвины, освободить Лартмора и наказать изверга Утала. Утал был несказанно красив, и женщины души в нем не чаяли. Нина-тома, прекрасная дочь соседнего государя Тортомы, влюбилась в него и бежала с ним. Но он изменил ей: другая женщина, имя которой не упоминается, пленила его сердце, и он сослал Нина-тому на пустынный остров неподалеку от Бератона. Освободил ее

Оссиан, который высадился вместе с Тоскаром на Бератоне, разгромил войско Утала и убил его самого в поединке. Нина-тома, чья любовь не угасла, невзирая на все то зло, что ей причинил Утал, узнав о его гибели, умерла с горя. Тем временем Лартмору была возвращена его власть, и Оссиан с Тоскаром возвратились с победой к Фингалу.

Поэма открывается элегией на смерть Мальвины, дочери Тоскара, и завершается предсказанием смерти самого поэта. Она почти вся написана лирическим размером и проникнута меланхолическим духом, который отличает сохранившиеся произведения Оссиана. Если он и сочинил какое-нибудь шуточное произведение, то оно давно уже утрачено. Величавые и скорбные творения оказывают наиболее длительное воздействие на душу человека, и поэтому они лучше сохраняются и передаются из поколения в поколение. К тому же сомнительно, чтобы Оссиан творил в шуточном роде. Гению обычно сопутствует скорбь, а веселость настолько тесно связана с понятием легкомыслия, что если она иной раз и свидетельствует о приветливом нраве, то во всяком случае никогда не бывает связана с возвышенным расположением духа.

Стреми свои лазоревые воды, о поток, вокруг тесной долины Луты.* Пусть зеленые рощи склоняются с гор над тобою и солнце освещает тебя в полдень. Растет там волчек на скале и полощет по ветру свою бороду. Цветок склоняет головку тяжелую, качаясь в лад дуновениям. Он словно говорит: «Зачем ты будишь меня, ветерок, я же покрыт росой небесной? Скоро увяну я, и порыв твой развеет мои лепестки. Завтра явится странник, тот, кто видел меня во всей красе, придет сюда. Окинет он взором поле, но не отыщет меня». Вот так же напрасно ждать будут гласа Коны, когда он умолкнет. Охотник придет поутру, но не услышит он гласа арфы моей. «Где же сын колесницевластного Фингала?» И слеза покатится по щеке его.

* Lutha — *быстрый поток*. По прошествии столь длительного времени уже невозможно определить, где расположено описываемое здесь место. Предание ничего не сообщает по этому поводу, а сама поэма не дает никаких оснований для догадок.

Тогда приди, о Мальвина,* с песней своею приди. Положи Оссиана в долине Луты, да возвысится в чистом поле могила его. Где ж ты, Мальвина? Я не слышу песен твоих, не слышу шагов твоих легких. Здесь ли ты, сын Альпина? ** Скажи мне, где дочь Тоскара?

«Проходил я, о сын Фингала, мимо замшелых стен Тарлуты. Не видать было дыма над чертогами, тишина царила на холме меж дерев. Голоса охоты умолкли. Повстречались мне дочери лука. О Мальвине спросил я их, но они не ответили мне. Они отвернули прочь лица свои от меня, и краса их померкла. Они были подобны звездам, что тускло мерцают сквозь мглу ночную над дождливым холмом».

Да будет покой твой сладостен, любезное светило! *** Рано ты закатилось за наши холмы. Величаво сходила ты, словно луна над синей волною трепетной. Но ты оставила нас во мраке, несравненная дева Луты! Мы сидим у скалы, объаты безмолвием, и только падучие звезды прорезают окрестную тьму! Рано ты закатилась, Мальвина, дочь великодушного Тоскара!

Но ты встаешь, словно луч денницы, среди духов друзей твоих, когда восседают они в бурных чертогах, в убежище грома. Туча нависла над Коной, высоко взвивая свой край лазоревый. Ветры под нею расправили крылья; в ее лоне — жилище Фингалово.**** Там герой восседает во

Оссиан в старости
Гравюра в издании немецкого перевода
«Поэм Оссиана» (1839)

* Mal-mhina — нежное или красивое чело. Mh в гальском языке произносится так же, как v в английском.

** Предание не сохранило имени этого сына Альпина. Отец его был одним из главных бардов Фингала, и сам он, по-видимому, обладал поэтическим даром.

*** Говорит Оссиан. Он называет Мальвину светилом и далее развивает эту метафору.

**** Описание этого воображаемого дворца Фингала очень поэтично и согласуется с представлениями того времени об умерших, которые, как считалось, предаются после смерти тем же удовольствиям и занятиям, что и в прежней жизни. И хотя нельзя сказать, что герои Оссиана в загробном мире наслаждаются пол-

мраке; копье воздушное в длани его. Щит его полускрыт облаками и подобен луне затененной, когда одна половина ее еще остается в волнах, а другая томно глядит на поля.

Друзья короля сидят вокруг него на престоле тумана и внимают пению Уллина; он ударяет по струнам еле видимой арфы и возвышает слабый свой глас. Младшие герои озаряют небесный дворец тысячью метеоров. Мальвина встает посреди, рдеют ланиты ее. Она озирает лица праотцев, ей неизвестных, и отвращает влажные очи свои.

«Что ж ты так рано пришла, — говорит Фингал, — дочь великодушного Тоскара? Скорбь поселилась в чертогах Луты. Скорбит мой сын престарелый.* Я слышу ветер Коны, что привык играть в твоих тяжких кудрях. Он прилетел в чертог твой, но там тебя нет; жалобно стонет он в доспехах твоих праотцев. Лети ж, ветерок, на крылах шелестящих, вздохни над могилой Мальвины. Она вздымается там под скалой у синей стремнины Луты. Девы оттуда ушли,** и только ты, ветерок, вздыхаешь окрест.

Но кто там грядет от померкшего запада, тучей несомый? Улыбка на серой влаге лица его, туман кудрей развеивается по ветру. Он оперся на копье воздушное. Это отец твой, Мальвина! Он говорит: «Что воссияла так рано ты на облаке нашем, о Луты любезный свет? Но скорбно текли твои дни, дочь моя, ибо погибли твои друзья. Потомки ничтожных людей*** поселились в чертогах, и остался из всех героев один Оссиан, властитель копий».

И ты вспомнул Оссиана, колесницевластный Тоскар, сын Конлоха?**** Было немало сражений в юности нашей, и наши мечи вместе летели на брань. Сынам чужеземным казалось — два утеса на них низвергаются, и в страхе они бежали. «Это воины Коны, — кричали они, — что стремят свой шаг по пятам побежденных!»

Приблизься, сын Альпина, внемли песне старца. Деянья былых времен запечатлелись в моей душе; память моя озаряет минувшие дни. То были могучего Тоскара дни, когда пучиной морской наш путь пролегал. Приблизься, сын Альпина, внемли последним звукам голоса Коны.*****

ным блаженством, их положение все же более приятно, чем то, в котором, согласно представлениям древних греков, находились их умершие герои. См.: Гомер. Одиссея, XI.

* Т. е. Оссиан, который питал дружеские чувства к Мальвине за любовь к его сыну Оскару и внимание к его собственным поэмам.

** То есть юные девственницы, которые пели погребальную песнь на ее могиле.

*** Оссиан выражает свое презрение, называя тех, кто сменил прославленных им героев, *потомками ничтожных людей*. Предание ничего не говорит о том, что произошло на севере сразу же после смерти Фингала и всех его героев, но, судя по приведенному уничижительному выражению, дела преемников никак не могли сравниться со славными подвигами Фингаловых соратников.

**** Тоскар — сын того Конлоха, который был также отцом девы, чья алоплучная гибель описана в конце второй книги «Фингала».

***** Этими словами Оссиан, видимо, дает понять, что эта поэма — последнее его сочинение; тем самым оправдывается ее традиционное заглавие *последняя песнь Оссиана*.

Король Морвена мне повелел, и я поднял паруса по ветру. Тоскар, вождь Луты, рядом стоял, когда я понесся по синим волнам. К Бератону* лежал наш путь, к морем объятому острову многих бурь. Там обитал величавый Лартмор, сединой убеленный, Лартмор, что пиршеством чаш почтил могучего сына Комхала, когда тот направлялся в чертоги Старно во дни Агандеки. Но когда состарился вождь, пробудилась гордыня сына его, гордыня Утала златокудрого, любимца тысячи дев. Он связал отца престарелого и сам поселился в гулких чертогах его.

Долго томился король в пещере возле родного бурного моря. Не проникал в его жилье ни свет дневной, ни отблеск горящего дуба ночью. Только ветер океана туда залетал да прощальный месяца луч. Алая звезда смотрела на короля, когда, трепеща на волне, она клонилась к закату. Снито пришел в чертоги Сельмы, Снито, спутник юности Лартмора. Поведал он о короле Бератона, и Фингал воспылал гневом. Трижды брался он за копьё, решив обратить десницу против Утала. Но вспомнил король о своих деяньях,** и сына послал вместе с Тоскаром. Велика наша радость была, когда мы по морю бурному плыли, и часто мы обнажали до половины мечи.*** Ибо еще никогда не сражались мы в битве копий одни.

На океан опустилась ночь. Унеслись ветра на крылах своих. Вышел месяц холодный и бледный. Алые звезды подняли головы. Медленно шел наш корабль вдоль берега Бератона. Волны седые бились о скалы его.

«Что там за голос, — Тоскар спросил, — между всплесками волн раздающийся? Сладостен он, но печален, словно голос бардов усопших. Но вот перед нами дева,**** одна сидит на утесе. Склонилась ее голова на белоснежную руку, темные кудри ее развеваются по ветру. Внемли, сын Фингала, этому пению, плавно льется оно, как воды Лавата». Мы вошли в безмолвный залив и внимали деве ночи.

«Долго ли будете вы плескаться вокруг меня, синебьющие валы океана? Не всегда жила я в пещере, не всегда — под шелестящим деревом. Пировали пиры в чертогах Тортомы, и отец услаждался песней моей. Любовались юноши моей поступью и славили темнокудрую Ниватому. И тогда ты явился, Утал, словно солнце небесное. Ты полонил

* Barrathón — *мыс посреди волн*. Поэт добавляет к нему эпитет «морем объятый», чтобы его не приняли за полуостров, согласно буквальному смыслу слова.

** Поэт хочет сказать, что Фингал вспомнил о своих подвигах и не захотел пятнать свою славу ничтожной войною с Уталом, который много уступал ему в доблести и силе.

*** Нетерпение молодых воинов, отправившихся в свой первый самостоятельный поход, прекрасно выражено этим обнажением мечей до половины. Замечательна скромность, с которой Оссиан рассказывает историю, делающую ему большую честь, а его человечность по отношению к Нина-томе украсила бы даже героя нашего уточненного века. Хотя Оссиан хранит молчание о своих подвигах или вскользь упоминает о них, предание с лихвой воздало должное его военной славе и, возможно, даже преувеличило подвиги поэта сверх пределов возможного.

**** Т. е. Нина-тома, дочь Тортомы, которую возлюбленный ее Утал заточил на пустынном острове.

сердца всех дев, о сын великодушного Лартмора! Но почто ж оставляешь меня ты одну средь зыбей бушующих? Разве лелеяла я мрачную думу о смерти твоей? Разве рука моя белая меч на тебя поднимала? Почто ж ты оставил меня одну, король Финтормо высокого?»*

Слезы из глаз моих хлынули, когда голос девы я услышал. Я встал перед нею в доспехах своих и вымолвил слово мира. «Любезная дева, в пещере живущая, почто ты вздыхаешь? Хочешь ли ты, чтобы здесь при тебе поднял свой меч Оссиан на погибель врагов твоих? Встань, дочь Тортомы, я услышал слова твоей скорби. Чада Морвена вокруг тебя, ими слабый вовек не обижен. Взойди на наш темногрудый корабль, ты, что прекрасней луны на закате. Наш путь к скалистому Бератону, к гулкозвучным стенам Финтормо». Она пришла в красе своей, пришла своей плавной поступью. Тихая радость лицо ее озаряла, словно рассеялись мрачные тени над полем весенним; синевою сверкает бегущий ручей, и зеленый куст над током его склоняется.

Лучезарное утро проснулось. Мы вошли в залив Ротмы. Вепрь выскочил из лесу, мое копые пронзило его. Я был рад этой крови, предвидя умножение славы своей.** Но тут с высоты Финтормо шумно спустились ратники Утала; они разбежались по вереску, преследуя вепря. Сам Утал шествует медленно, гордый силой своей. Он подьмет два острых копыя. На бедре его меч героя. Трое юношей несут его луки блестящие, пятеро псов скачут пред ним. Поодаль следуют воины, любуясь поступью короля. Статен был сын Лартмора, но темна душа его, темна, словно месяца лик омраченный, когда предвещает он бурю.

На пустоши вересковой мы встали пред королем, и он остановил свое шествие. Ратники окружили его, и бард седовласый вышел вперед. «Откуда вы, сыны чужеземцев? — начал речь свою бард песнопений. — Несчастливы те, чьи сыны приплывают в Бератон навстречу мечу колеснического Утала. Не задает он пиров в чертоге своем, кровь прищипцов обагрывает реки его. Если пришли вы от стен Сельмы, от мшистых Фингаловых стен, так изберите трех юношей и пошлите их к своему королю возвестить погибель войска его. Быть может, и сам герой придет пролить свою кровь на мече Утала, и возрастет тогда слава Финтормо, как древо долины».

«Не возрасти ей вовек, о бард, — я возгласил, распаленный гневом. — Он истребится при виде Фингала, чьи взоры — перуны смерти. Комхала сын приходит, и короли исчезают при виде его, они улетают, как клубы тумана, от дыханья его ярости. Скажут ли эти трое Фингалу, что погубило войско его? Что ж, быть может, и скажут, бард! но войско его погибнет со славой».

* Финтормо — дворец Утала. Имена в этом рассказе имеют не кельтское происхождение, поэтому возможно, что в основе повествования Оссиана лежит истинное происшествие.

** Оссиан полагал, что убийство вепря при первой же высадке на Бератоне является добрым предзнаменованием дальнейших успехов на этом острове. Нынешние горцы, когда они пускаются в какое-либо отчаянное предприятие, суеверно придают значение успеху своего первого деяния.

Я стоял, исполненный мраком силы своей. Рядом Тоскар извлек свой меч. Потоком ринулся враг, и разнесся смерти нестройный гул. Воин схватился с воином, щит со щитом столкнулся, сталь сверкает, биясь о сталь. Стрелы свистят в воздухе, копья звенят о броню, и скачут мечи по разбитым доспехам. Словно древняя роща в ночную бурю, когда тысячи духов ломают деревья, так грохотало оружие. Но Утал сражен моим мечом, и бежали сыны Бератона. Я узрел тогда красоту его, и хлынули слезы из глаз моих. «Пало ты, юное древо, — сказал я, — во всей своей красе.* Пало ты на равнине родной, и опустело поле. Прилетели ветры пустыни, но ни звука в твоей листве! Ты и мертвый прекрасен, сын колесничевластного Лартмора».

Нина-тома сидела на бреге и внимала грохоту битвы. Очи свои покрасневшие она обратила на Летмала, седовласого барда Сельмы, который остался у моря с дочерью Тортомы. «Сын прошедших времен! — сказала она, — я слышу гул смерти. Друзья твои напали на Утала, и вождь сражен! Ах, зачем на скале не осталась я, окруженная плеском волн! Тогда скорбела бы я душой, но смерть его не достигла б моих ушей.

Ужель ты повержен на вереск родной, о сын Финтормо высокого! Ты оставил меня одну на скале, но душа моя тобою полна. Сын Финтормо высокого, ужель ты повержен на вереск родной?»

Бледная, вся в слезах, поднялась она и увидела щит окровавленный Утала, она увидела его в руке Оссиана. Неверным шагом двинулась дева по вереску. Она побежала, нашла героя, упала. Душа ее излетела во вздохе. Кудри рассыпались по лицу. Горько я зарыдал. Могильный холм воздвигся над несчастными, и песнь моя зазвучала.

«Почийте, злосчастные чада юности, под журчанье потока мшистого! Увидят девы-охотницы вашу могилу и отвратят заплаканные очи. В песне будет жить ваша слава, голос арфы хвалю вам прозвучит. Дочери Сельмы услышат его, и слух о вас дойдет до иных земель. Почийте же, чада юности, под журчанье потока мшистого».

Два дня оставались мы на бреге. Собрались герои Бератона. Мы повели Лартмора в чертоги его; там уже уготовано пиршество. Велика была радость старца: он взирал на оружие праотцев, оружие, что он оставил в чертоге, когда взбунтовалась гордыня Утала. Нас прославляли перед Лартмором, и он благословил вождей Морвена; но не ведал он, что сражен его сын, величаво-могучий Утал. Ему говорили, что тот сокрылся в лесу, горько рыдая; ему говорили так, но Утал, безмолвный, лежал в могиле под вереском Ротмы.

* Оплакивание павшего врага было общепринятым у героев Оссиана. Это более человечно, чем постыдное надругательство над мертвыми, столь обычное у Гомера, а после него рабски повторенное его подражателями (не исключая и гуманиста Вергилия), которые больше преуспели в заимствовании недостатков этого великого поэта, нежели в подражании его красотам. Гомер, возможно, передавал обычай того времени, в которое он писал, а не свои чувства. Оссиан тоже, по-видимому, следует чувствам своих героев. Почтение, с которым даже самые дикие горцы относятся к останкам умерших, видимо, перешло к ним от очень далеких предков.

На четвертый день мы подняли паруса под ревушим северным ветром. Лартмор вышел на берег, и барды его затанули песнь. Велика была радость короля, когда озирал он унылую пустошь Ротмы. Он увидел могилу сына и вспомнил тогда об Утале. «Кто из героев моих покоится здесь? — спросил он. — Видно, был то властитель копий. Прославлен ли он в чертогах моих до восстанья гордыни Утала?»

Но молчите вы, сыны Бератона, неужто пал властелин героев? Сердце мое о тебе скорбит, мой Утал, хотя ты и поднял длань на отца своего. Лучше бы мне оставаться в пещере, чтобы мой сын обитал в Финтормо! Я бы слышал тогда его поступь, когда устремлялся он за диким ведрем. Я бы слышал голос его, залетевший с ветром в пещеру. И радовалась бы душа моя; но теперь в чертогах моих водворился мрак».

Так я сражался, сын Альпина, когда сильна была мышца моей младости,* так совершал свои подвиги Тоскар, колесницевластный сын Конлоха. Но Тоскар уже вознесен на летучее облако, и один я остался в Луте. Глас мой, как ветра последний шелест, когда излетает он из лесу. Но недолго мне быть одиноким. Оссиан уже видит туман, готовый приять его дух. Он озирает туман, в который он облачится, когда явится вновь на своих холмах. Потомки ничтожных людей, узрев меня, поражаются величию древних вождей. Они поползут в свои норы и в страхе станут глядеть на небо, ибо я буду шествовать в тучах, окруженный клубами тьмы.

Веди ж, сын Альпина, старца веди в дубравы его. Поднимается ветер. Темные волны озера отвечают ему. Клонятся ль голые ветви древа на высокой Море? Да, они клонятся, сын Альпина, в шуме ветров. На иссохшей ветке висит моя арфа. Скорбно звучат ее струны. То ли ветер тебя коснулся, арфа, то ли дух пролетающий? Это, верно, рука Мальвины! Но дай мне арфу, сын Альпина, новую песнь я воспою. Душа моя отлетит с тем звуком, и праотцы в чертоге своем воздушном услышат его. С радостью склонят они с облаков свои смутные лица, руки их примут сына.

Старый замшелый дуб склоняется над потоком, вздыхая.** Рядом свистит увядший папоротник, и, колыхаясь, он шевелит власы Оссиана. Ударь же по струнам и песнь воспой, а вы, ветра, раскните крылья свои. Унесите печальные звуки в воздушный чертог Фингала. Унесите их в чертог Фингала, чтоб услышал он голос сына своего, голос того, кто славил могучих. Северный ветер распахнул врата твои, о король, и я вижу, как ты восседаешь в тумане, в тусклом мерцаньи доспехов своих. Облик твой уже не устрашает храбрых; он, словно влажное облако, и нам сквозь него видны слезные очи звезд. Твой щит, как месяц уцербный, твой меч — туман, огнем едва озаренный. Смутен и слаб ныне вождь, что прежде в сиянии шествовал.

* Говорит Оссиан.

** Здесь начинается лирическая часть, которую, согласно преданию, Оссиан завершил свои поэмы. Она положена на музыку, и ее до сих пор поют на севере. В пении этом много дикой простоты, но мало разнообразия.

Но ты грядешь в ветрах пустыни, и темные бури — в твоей деснице.* Гневно ты солнце хватаешь и прячешь в туче своей. В страхе трепещут потомки ничтожных людей, и тысяча ливней свергается вниз.

Но когда являешься ты, расточая милость, ветерок рассветный провожает тебя. Солнце улыбается в полях своих лазоревых, и седой поток вьется в долине. Колышутся по ветру зеленые главы кустов. Косули бегут в пустыню.

Но, чу! по равнине проносится ропот, бурные ветры стихают. Я слышу голос Фингала. Давно уже он не касался моих ушей! «Приди, Оссиан, приди, — говорит он. — Уже прославлен Фингал. Мы прошли, как огонь скоротечный, но славен был наш уход. Пусть темны и безмолвны поля наших битв, наша слава почиет в четырех серых камнях. Глас Оссиана звучал окрест, и арфа звенела в Сельме. Приди, Оссиан, приди, — говорит он, — и воспарь в облака к праотцам».

И я приду, о властитель мужей! Кончается жизнь Оссианова. Мой голос смолкает на Коне, и не увидят в Сельме моих следов. У камня Моры усну я. Ветер, свистящий в моей седине, уже не разбудит меня. Лети прочь на крыльях своих, о ветер, тебе не нарушить покоя барда. Ночь длинна, но веки его отяжелели. Прочь, буйный ветер!

Но что ж ты печален, сын Фингала? Зачем омрачилась душа твоя? Отошли вожди минувших времен; они удалились, и нет их славы. Пройдут и сыны грядущих лет, и новое племя возникнет. Народы, как волны морские, как листья лесного Морвена: буйный ветер уносит их, и новые листья поднимают зеленые свои головы.**

Долго ль цвела твоя красота, Рино? *** Устояла ли мощь колесницева властного Оскара? Сам Фингал в могилу сошел, и чертоги предков поза-

* Это великолепное описание власти Фингала над ветрами и бурями, когда он хватает солнце и прячет его в тучах, не согласуется с предыдущим отрывком, где он представлен как слабый призрак, который уже *не устрашает храбрых*. Но это соответствует представлениям того времени о душах умерших; считалось, что они повелевают ветрами и бурями, но не вмешиваются в людские дела.

Неумеренные хвалы, которые поэты воздавали своим почившим друзьям, послужили первым толчком для суеверного обожествления павших героев; эти новые божества всеми своими свойствами обязаны фантазии бардов, слагавших им элегии.

Мы не считаем, что восхваление Фингала производило такое впечатление на его соотечественников, но это следует отнести за счет их представлений о том, что могущество, связанное с телесной силой и доблестью, разрушается смертью.

** Ту же мысль, выраженную почти теми же словами, можно обнаружить у Гомера.

Листьям в дубравах древесных подобны сыны человекoв:
Ветер одни по земле развеивает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так человеки: сии нарождаются, те погибают.

[Илиада] VI, 146.

*** Рино, сын Фингала, убитый в Ирландии в войне против Сварана (см.: Фингал, кн. 5), отличался красотой, быстротой бега и храбростью в сражениях. Минвана, дочь Морни и сестра Гола, столь часто упоминаемого в сочинениях Оссиана, была влюблена в Рино. Плач ее над возлюбленным входит как вставной эпизод в одну из больших поэм Оссиана. Только эта часть поэмы дошла до нас и, по-

были его шаги. Так неужто останешься ты, бард престарелый, когда исчезли могучие? Но слава моя пребудет и возрастет, как дуб Морвена, что вздымает чело широкое навстречу буре и радуется порывам ветра.

сколько она не лишена поэтических достоинств, я присоединяю ее к этому примечанию. Поэт изображает Минвану, когда она с высоты одного из утесов Морвена видит флот Фингала, возвращающийся из Ирландии.

С утеса Морвена в тоске она склонилась над волнами. В доспехах юноши пред ней. Но где ж ты, где ж ты, Рино?

Наш взор сказал, что пал герой, что тень его — над нами в тучах, что ветры слабый глас его несут сквозь вереск Морвена!

Ужель погиб Фингалов сын на мшистых долах Уллива, могучей дланью поражен? Мне одинокой горе!

Нет, одинокой мне не быть! Вы, воюющие ветры, недолго вам носить мой стон: я лягу возле Рино.

Не вижу, как в красе своей ты шествуешь с ловитвы. Любовь Минваны мрак одел; в тиши почует Рино.

Где псы твои и где твой лук, твой меч, как огонь небесный, твое кровавое копьё, где крепкий щит твой, Рино?

Они на корабле твоём, запятнанные кровью. Оружия с тобою нет в жилище тесном, Рино!

Рассвет придет и позовет: Вставай, властитель копий! Ждут в поле ловчие тебя, близки олени, Рино!

Прочь, свет золотокудрый, прочь! король тебя не слышит! Вокруг могилы скачет лань, и смерть в жилище Рино.

Но тайно, тихою стопой сойдет к тебе Минвана, чтобы на ложе узком лечь с тобой, уснувший Рино.

Подруги не найдут меня и воспоют мне песню. Но, девы, не услышу вас: я сплю в могиле Рино.

T E M O R A,

A N

ANCIENT EPIC POEM,

In EIGHT BOOKS:

Together with several other POEMS, composed by
OSSIAN, the Son of FINGAL.

Translated from the GALIC LANGUAGE,

By JAMES MACPHERSON.

Vultis et his necum pariter confidere cognis?

Urbem quam statuo, vestra est.

VIRGIL.

L O N D O N :

Printed for T. BECKET and P. A. DE HONDT, in the Strand.

MDCCLXIII.

«Темора»
Титульный лист первого издания

ТОМ ВТОРОЙ

Темора

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ПЕРВОЙ

Карбар, сын Борбар-дутула, государь Аты в Коннахте и самый могущественный из вождей племени фирболгов, убил в королевском дворце Теморе юного короля Ирландии Кормака, сына Арто, и захватил его трон. Кормак происходил от Конара, который был сыном короля каледонцев, населявших западное побережье Шотландии, Тренмора, прадеда Фингала. Фингал, разгневанный преступлением Карбара, решил переправиться со своим войском в Ирландию и восстановить на ирландском престоле королевскую династию. Едва лишь Карбар узнал о его намерении, он собрал в Ольстере несколько подвластных ему племен и одновременно велел своему брату Кахмору следовать со своим войском за ним из Теморы. Таково было положение дел, когда каледонский флот показался на побережье Ольстера.

Действие поэмы начинается утром. Как здесь рассказано, Карбар находился вдали от своего войска, когда один из его дозорных принес известие о высадке Фингала. Он собирает совет вождей. Фолдат, вождь Момы, говорит о противнике презрительно и высокомерно. Ему

с жаром возражает Малтос. Выслушав их спор, Карбар повелевает устроить пиршество, на которое через своего барда Оллу приглашает Оскара, сына Оссиана, намереваясь затеять ссору с этим героем, чтобы иметь повод его убить. Оскар пришел на пиршество, вспыхнула ссора, и сторонники обоих вождей вступают в бой; Карбар и Оскар ранят друг друга насмерть. Шум сражения донесся до войска Фингала. Король поспешил на помощь Оскару, и ирландцы отступили к войску Кахмора, который уже подходил к берегам реки Лубар по вересковой пустоши Мой-лены. Фингал, оплакав внука, повелел Уллину, главному из своих бардов, отвезти тело Оскара в Морвен и предать там земле. Наступает ночь, и Алтан, сын Конахара, рассказывает Фингалу обстоятельства убийства Кормака. Филлан, сын Фингала, послан наблюдать за ночными передвижениями Кахмора, и этим завершается первый день. Место действия в этой книге — равнина близ холма Моры, который высится на границе вересковой пустоши Мой-лены в Ольстере.

Катятся синие волны Уллина, залитые светом.* День озаряет холмы зеленые. Ветер колышет тенистые кроны деревьев. Седые потоки стремят свои шумные воды. Два зеленых холма, поросших дубами дряхлыми, узкий стеснили дол. Река там струит синие воды свои. На берегу стоял Карбар из Аты.** Король на копье опирался, красные очи его печальны и страха полны. Его душе является Кормак, покрытый ужасными ранами. Юноши серая тень возникает во мраке, кровь течет из-под призрачных ребер его. Трижды Карбар поверг копье наземь и трижды кос-

* Первая книга «Теморы» первоначально была включена в собрание малых произведений, приложенных к эпической поэме «Фингал». После того, как это издание было напечатано, в мои руки попали некоторые дополнительные отрывки поэмы, последовательно соединенные. При этом особенно неполно и неудовлетворительно была представлена вторая книга. С тех пор с помощью друзей мне удалось собрать все недостающие отрывки «Теморы», а фабула поэмы, точно сохраненная в памяти многих, позволила мне придать ей такой порядок, в каком она сейчас появляется. Наименование «эпическая поэма» принадлежит мне. Оссиан не имел ни малейшего понятия о терминах нашей критики. Он родился в давнее время в стране, удаленной от мест средоточия учености, и познания его не простирались до знакомства с греческой и римской литературой. Поэтому, если формой своих поэм и некоторыми выражениями он напоминает Гомера, это сходство обусловлено самой природой — тем источником, из которого оба почерпали свои идеи. Исходя из этого соображения, я уже не привожу в настоящем томе параллельные места из других авторов, как это делал в некоторых примечаниях к предыдущему собранию поэм Оссиана. Я был далек от намерения заставить моего автора соперничать с высокочтимыми творцами классической древности. Обширное поле славы предоставляло достаточно места для всякого поэтического дарования, какое только появлялось до сих пор, и нет нужды ниспровергать репутацию одного поэта, чтобы на ее обломках возвысить другого. Даже если бы Оссиан и превосходил достоинства Гомера и Вергилия, известное приращение, основанное на славе, которой они заслуженно пользовались на протяжении стольких веков, заставило бы нас пренебречь его превосходством и отдать предпочтение им. Хотя их высокие достоинства и не нуждаются в дополнительной поддержке, тем не менее в пользу их славы несомненно говорит то обстоятельство, что у греков и римлян потомков либо вообще не существует, либо они не являются предметом презрения или зависти для нынешнего столетия.

Хотя эта поэма не обладает, пожалуй, всеми *minutiae* [подробностями (*лат.*)], какие Аристотель, основываясь на Гомере, считал обязательными при сочинении эпической поэмы, тем не менее полагаю, что она обладает всеми существенными особенностями эпохи. Единства времени, места и действия соблюдены на всем ее протяжении. Поэма начинается в разгар событий; то, что необходимо знать из предшествующего, сообщается в дальнейшем в виде вставных эпизодов, которые не кажутся искусственными, но как бы обусловлены сложившейся обстановкой. Описываемые события величественны, язык исполнен живости: он не свисходит до холодной мелочности и не раздут до смешной напыщенности.

Чтатель найдет некоторые изменения в слогов этой книги. Они основаны на более исправных экземплярах оригинала, которые попали в мои руки после первой публикации. Поскольку большая часть поэмы сохраняется в устной традиции, текст ее иногда меняется и содержит вставки. Сопоставив разночтения, я всегда избирал такое, которое лучше всего соответствовало духу повествования.

** Карбар, сын Борбар-дугула, происходил по прямой линии от Лартона, вождя народа фирболгов, основавшего первое поселение на юге Ирландии. Галы владели северным побережьем острова, и первые монархи Ирландии были гальского происхождения. Этим были вызваны столкновения между двумя народами, окончившиеся убийством Кормака, престол которого узурпировал Карбар, государь Аты, о котором идет здесь речь.

пулся своей бороды. Неверны его шаги, часто он застывает на месте, крепкожилые руки ввысь простирая. Он, словно туча пустыни, что изменяет свой вид с каждым дыханием ветра. Печальны долины вокруг, и в страхе ждут они ливня.

Но вот король совладал с собою и взял копьё свое острое. Очи он обратил на Мой-лену. Пришли дозорные с синего моря. В страхе пришли они, озираясь часто назад. Карбар узнал, что близок могучий враг и призвал угрюмых своих вождей.

Послышалась гулкая поступь воинов Карбара. Они обнажили разом свои мечи. Стоял там Морлат, нахмурия чело. Длинные волосы Хидаллы вьются по ветру. Рыжеволосый Кормар, опершись на копьё, вращает косыми очами. Малтос бросает дикие взоры из-под косматых бровей. Фолдат стоит, словно темный утес, тиной и пеной покрытый.* Копьё его, как ель на Слиморе, что спорит с небесным ветром. Его щит весь в рубцах боевых, и багровые очи его презирают опасность. Вместе с другими вождями, а было их тысяча, окружили они колесницевастного Карбара, когда пришел дозорный морей, Мор-аннал с многоводной Мой-лены. Его глаза вылезают на лоб, бледные губы трясутся.

«Что же, — спросил он, — стоит воинство Эрина безмолвно, как роща вечерняя? Стоит оно, как безмолвный лес, а Фингал уже на бреге? Фингал, ужасный в боях, король многоводного Морвена!» — «Видел ли ты ратоборца? — Карбар спросил со вздохом. — Много ли с ним героев на бреге? Подъемлет ли он копьё войны? Или с миром грядет к нам король?»

«Не с миром грядет он, Карбар. Я видел, копьё его простерто вперед.** Оно — перун смерти, кровью тысяч запятнана сталь его. Он первым сошел на брег, могучий в своих седилах. Расправив упругие мышцы, он двинулся во всей своей силе. На бедре его меч, что раны второй не наносит.*** Ужасен щит его, словно луна кровавая, восходящая в бурю. Следом за ним — Оссиан, король песнопений, и сын Морни, первый из мужей. Коннал вперед прыгает, на копьё опираясь. Развева-

* Mór-lath — великий в день битвы. Hidalla' — герой с кротким взором. Согтаг — искусный мореход. Máth-os — медленно говорящий. Foldath — великодушный.

Фолдат, особо выделенный здесь, играет важную роль в продолжении поэмы. Его яростный непреклонный нрав проявляется постоянно. Одно место во второй книге показывает, что он был наиболее близок Карбару и являлся главным участником заговора против Кормака, короля Ирландии. Его племя принадлежало к числу самых значительных среди народа фирболгов.

** Мор-аннал указывает здесь на особое положение Фингалова копьё. Если воин, впервые высадившийся в чужой стране, держал копьё острием вперед, это означало в те дни, что он явился с враждебными намерениями и с ним соответственно обходились как с врагом. Если же острие копьё было обращено назад, это служило знаком дружбы, и пришельца немедленно приглашали на пир, согласно правилам гостеприимства того времени.

*** Это — знаменитый меч Фингала, поэтически прозванный сыном Луно по имени изготовившего его Луно, кузнеца из Лохлина. Согласно преданию, меч этот каждым своим ударом насмерть поражал человека и Фингал пускал его в ход только в случаях наибольшей опасности.

ются темнорусые кудри Дермида. Филлан, юный охотник многоводного Морху, напрягает свой лук.* Но кто там предшествует им, подобный грозной стремнине? То сын Оссиана. Сияет лик его, осененный длинными кудрями, что виспадают на плечи. Чело его темное полусокрыто сталью. Меч свободно висит на бедре. Сверкает копые при каждом движении. Я бежал от страшных его очей, о король высокой Теморы!»

«Так беги же, ничтожный, — молвил Фолдат в угрюмой ярости, — беги к седым потокам своей земли, малодушный! Разве я не видал этого Оскара? Я следил за вождем в сражении. Он из тех, кто могуч в опасности; но и другие умеют вздымать копые. Много сынов у Эрина столь же отважных, о король лесистой Теморы! Да противостанет Фолдат силе его стремления и остановит сей могучий поток. Мое копые покрыто кровью доблестных ратников; мой щит, как стена Туры».

«Неужто Фолдат пойдет на врагов один? — возразил темнобровый Малтос.** — Разве не затопили они наш берег, как воды многих потоков? Разве не эти вожди разгромили Сварана, когда побежали сыны Эрина? И неужто Фолдат один пойдет на их храбрейших героев? Фолдат, гордыни исполненный, возьми с собой силы ратные, и пусть Малтос тебе сопутствует. Мой меч обогрелся в сечах, но слышал ли кто мои слова?»***

«Сыны зеленого Эрина, — молвил Хидалла,**** — да не услышит Фингал ваших слов. Супостата порадует распря и укрепит десницу его в нашем краю. Вы, отважные ратники, подобны бурям в пустыне; они налетают без страха на скалы и низвергают леса. Так двинемся ж в силе своей неспешно, словно тяжело нависшая туча. Тогда содрогнется могучий, копые упадет из длани отважного. „Пред нами туча смерти“, — воскликнут они, и тени покроют их лица. Фингал восплачет в старости и узрит преходящую славу свою. Смолкнут шаги вождей его в Морвене, мохом годов порастет Сельма».

Карбар молча внимал этим речам, подобный туче, ливнем чреватой; мрачно висит она над Кромлой, откуда молния не разверзнет недр ее; дол озарится алым светом, и духи бури возрадуются. Так стоял безмолвный король Теморы и, наконец, прозвучали его слова.

«Готовьте пир на Мой-лене. Да придут сто моих бардов. Ты, рыжеволосый Олла, возьми королевскую арфу. К Оскару ты ступай, к вождю мечей, пригласи его к нашему пиршеству. Днесь мы пируем и слушаем песни, завтра преломим копыя. Скажи ему, что воздвиг я могилу Ка-

* В некоторых записях поэмы в перечне вождей Морвена сразу после Филлана следуют Фергус, сын Фингала, и Уснот, вождь Эты. Но поскольку они больше ни разу не упоминаются в поэме, я считаю весь этот отрывок интерполяцией и поэтому исключил его.

** Противоположность нравов Фолдата и Малтоса подчеркнута в последующих частях поэмы. Они всегда противостоят друг другу. Распря между их родами, явившаяся причиной их ненависти друг к другу, упоминается в других поэмах.

*** То есть: кто слышал мою похвалю? Он порицал таким образом самовосхваление Фолдата.

**** Хидалла был вождем Клонры, небольшого края на берегах озера Лего. Его красота, красноречие и поэтический дар упоминаются в дальнейшем.

толу,* что барды пели пред тенью его. Скажи ему, что Карбар слышал о славе его на берегах шумливого Каруна.** Нету здесь Кахмора,*** великодушного отпрыска Борбар-дугула. Он не здесь со своими тысячами, и наше войнство слабо. Кахмор противник распрей на пиршестве: как солнце, душа его светлая. Но знайте, вожди лесистой Теморы, Карбар сразится с Оскаром! Слишком много болтал он о Католе, и пылает ярость Карбара. Он падет на Мой-лене, и слава моя возрастет на его крови».

Радость озарила их лица. Они рассеялись по Мой-лене. Пиршество уготовано. Зазвучали песнопения бардов. Мы на берегу услышали голос веселья; мы решили, что прибыл могучий Кахмор. Кахмор, друг чужеземцев, брат рыжеволосого Карбара. Сколь различны их души! Небесный свет озаряет сердце Кахмора. Башни его воздвиглись на берегах Аты, семь дорог к чертогам его вели. Семь вождей стояли на тех дорогах и звали на пиршество странников. Но Кахмор сам обитал в лесу, избегая хвалебного гласа.****

* Като, сын Морана, был убит Карбаром за его преданность семейству Кормака. Он сопровождал Оскара во время войны *Инис-тоны*; тогда между ними возникла тесная дружба. После гибели Катола Оскар сразу же послал Карбару вызов на поединок, от которого тот предусмотрительно уклонился, но затаил в душе ненависть к Оскару и замыслил убить его на пиру, куда он его и приглашает здесь.

** Он подразумевает битву Оскара с Каросом, *властителем кораблей*, которого, видимо, следует отождествлять с римским узурпатором Кравдием.

*** Sathmor — великий в битве, сын Борбар-дугула и брат Карбара, короля Ирландии, переправился накануне восстания племени фирболгов в Инис-хуну (предположительно — часть южной Британии), чтобы помочь местному королю Конмору в его борьбе с неприятелем. Кахмор одержал победу в войне, в ходе которой, однако, Конмор был или убит, или умер естественной смертью. Карбар, узнав о намерении Фингала свергнуть его с престола, послал вестника Кахмору, и тот вернулся в Ирландию за несколько дней до начала поэмы.

Карбар здесь пользуется отсутствием брата, чтобы осуществить свой бесчестный умысел против Оскара, потому что благородный духом Кахмор, находясь он здесь, не позволил бы попать законы гостеприимства, соблюдением которых он славился. Братья представляют собою противоположность: мы испытываем отвращение к низости Карбара в той же мере, в какой восхищаемся бескорыстием и великодушием Кахмора.

**** Войско Фингала услышало, как веселятся в лагере Карбара. Характер Кахмора, как он здесь представлен, соответствовал нравственным понятиям того времени. Гостеприимство одних носило показной характер, другие же естественно следовали обычаю, воспринятому от своих предков. Но что особенно отличает Кахмора, это его отвращение к похвалам: он якобы живет в лесу, дабы избежать благодарности своих гостей, и таким образом превосходит благородством даже гомерового Ахилла, потому что, хотя поэт прямо не говорит об этом, но греческий герой вполне мог, сидя во главе своего стола, с удовольствием слушать хвалы, расточаемые ему людьми, которых он принимал.

Ни один народ в мире не простирал своего гостеприимства так далеко, как древние шотландцы. Многие века считалось позором для высокопоставленного человека держать всегда на запоре дверь своего дома, дабы, как выражаются барды, чужеземец не вошел и не увидал его скрюченную душу. Некоторые вожди доводили свою приверженность к гостеприимству до крайних пределов, и барды, вероятно, из корыстных побуждений не уставали славословить это достоинство. *Sean-uia' na dai'*, т. е. *цель, к которой ведут все пути чужеземцев*, — такое опре-

Олла пришел и запел свои песни. Отправился Оскар на пиршество к Карбару. Триста бойцов шагали вдоль потоков Мой-лены. Серые псы скакали по вереску, далеко разносился их лай. Фингал смотрел, как уходит герой; печалью объята душа короля. Он опасался, что пиршество чаш скрывает тайные ковы Карбара.

Мой сын высоко поднял копьё Кормака, сто бардов встречали его песнопениями. Карбар тайл под улыбками смерть, что черпела в недрах его души. Пир уготован, чаши звенят, торжество озаряет лицо хозяина. Но было оно, словно луч прощальный солнца, что в буре вот-вот сокроет багряную голову.

Карбар поднялся в бранных доспехах, мраком покрыто его чело. Сразу умолкли сто арф. Послышался звон щитов.* Вдалеке на вереско-

деление они неизменно прилагали к вождям; напротив, негостеприимного они награждали прозвищем — *гуча, которой сторонятся чужеземцы*. Последнее, однако, было столь необычно, что во всех древних поэмах, когда-либо мною найденных, я встретил лишь одного человека, которого заклемили таким позорным прозвищем, да и то, видимо, оно основывалось на личной распри между ним и покровителем барда, написавшего поэму.

Поньше сохраняется предание о такого рода гостеприимстве, которым отличался один из первых графов Аргайл. Этот вельможа, услышав, что некий именитый ирландец намерен посетить его в сопровождении многочисленной свиты друзей и вассалов, сжег Дунору, свой родовой замок, полагая, что он слишком мал для гостей, и принимал ирландцев в палатках, раскинутых на берегу. Сколь бы сумасбродным ни показалось такое поведение в наши дни, оно вызвало восхищение и рукоплескания в те гостеприимные времена, и благодаря ему граф стяжал немалую славу в песнопениях бардов.

Открытое общение друг с другом как прямое следствие гостеприимства немало содействовало развитию ума и расширению кругозора древних шотландцев. Именно этому обстоятельству должны мы приписать сообразительность и здравый смысл, которыми шотландские горцы обладают до сих пор в большей мере, чем простонародье даже в более цивилизованных странах. Когда люди скучены вместе в больших городах, они, разумеется, видят много людей, но мало с кем общаются. Они естественно образуют небольшие группы, и их знание людей вряд ли выходит за пределы переулка или улицы, где они живут; добавьте к этому, что пользование механическими приспособлениями влечет за собой ограничение ума. Представления крестьянина еще более ограничены. Его познания заключены в пределах нескольких акров или от силы простираются до ближайшей рыночной площади. Образ жизни горцев совершенно иного рода. Поскольку поля их бесплодны, они не имеют почти никаких домашних занятий. Поэтому они проводят время на обширных пространствах девственной природы, где пасут свой скот, который, повсюду блуждая, увлекает за собою хозяев и приводит их иной раз в самые отдаленные поселения кланов. Там их встречают гостеприимно и сердечно, и при этом раскрывается образ мыслей хозяев, что дает гостям возможность делать заключения о различных людских характерах, а это служит истинным источником знания и благоприобретенного здравого смысла. Таким образом, простой горец знаком с большим числом характеров, чем любой человек его уровня, живущий в самом многолюдном городе.

* Когда вождь намеревался убить находящегося в его власти человека, последнее обычно извещали о предстоящей смерти ударом тупого конца копья о щит; одновременно бард, находившийся на некотором расстоянии, запевал *песнь смерти*. Иного рода церемония долгое время соблюдалась в таких случаях в Шотландии. Всем известно, что лорду Дугласу в Эдинбургском замке была подана бычья голова в знак близящейся смерти.

вой пустоши Олла затянул песнь уныния. Мой сын узнал знамение смерти и, поднявшись, схватил копье.

«Оскар, — сказал мрачно-багровый Карбар, — я вижу копье Инис-файла.* Копье Теморы** блещет во длани твоей, сын лесистого Морвена. Оно было гордостью ста королей,*** смертью древних героев. Уступи его, сын Оссиана, уступи его колесницевластному Карбару».

«Ужель уступлю я, — ответил Оскар, — дар злополучного короля Эрина, дар златокудрого Кормака Оскару, который рассеял его супостатов? Я пришел в чертоги веселья Кормака, когда Сваран бежал от Фингала. Радостью юноши лик озарился, он отдал мне копье Теморы. Но отдал его он не хилому, Карбар, не малодушному. Мрак лица твоего — не гроза для меня, а глаза — не перуны смерти. Мне ли страшиться звона щита твоего? Я ль задрожу от песни Оллы? Нет, Карбар, пугай слабосильных, Оскар — скала нерушимая».

«Так, значит, ты не уступишь копья? — вскричал обуйный гордыней Карбар. — Или так дерзки твои слова, потому что близок Фингал? Седовласый Фингал, владыка сотни дубрав Морвена! Он бился досель с людьми малосильными. Но он должен исчезнуть пред Карбаром, как смутный тумана столп пред вихрями Аты»****

«Если бы тот, кто бился с людьми малосильными, встретил вождя угрюмого Аты, Аты угрюмой вождь уступил бы зеленый Эрин, лишь бы гнева его бежать. Не говори о могучих, Карбар, но обрати свой меч на меня. Наши силы равны, Фингал же увенчан славою, он первый из смертных!»

Увидели воины, как их вожди помрачнели. Топот теснящихся ратей раздается вокруг. Очи пылают огнем. Тысяча дланей схватила рукояти мечей. Рыжеволосый Олла затянул боевую песнь. Радость трепещет в душе Оскара, привычная радость его души, как при звуках Фингалова рога.

Мрачное, словно волна океанская, вихрем подъятая, когда склоняет она главу свою на берег, так надвигалось воинство Карбара. Дочь Тоскара!***** зачем эти слезы? Он еще не сражен. Много было смертей от десницы его, прежде чем пал мой герой! Смотри, они лежат пред сыном моим, как рощи в пустыне, когда разъяренный дух несется сквозь ночь и длань его обрывает зеленые кроны деревьев! Падает Морлат, умирает Маронан, в крови содрогается Коначар. При виде меча Оскарова сжимается Карбар и ползет в темноту за камень. Исподтишка он подьмет копье и вонзает меж ребер Оскара. Вождь упадает вперед на щит, но

* Кормак, сын Арто, подарил копье Оскару, когда тот пришел поздравить его с изгнанием Сварана из Ирландии; это копье и служит здесь поводом для раздора.

** *Ti-mog-rath* — *дом удачи*, название дворца верховных королей Ирландии.

*** *Сто* является здесь неопределенным числом и употреблено для обозначения множества. Вероятно, преувеличения бардов и подали ирландским сенахиям мысль отвести возникновение их монархии к столь далеким временам.

**** *Atha* — *мелкая речка*, название владений Карбара в Коннахте.

***** Поэт имеет в виду Мальвину, дочь Тоскара, к которой он обращает ту часть поэмы, где рассказывается о смерти ее возлюбленного Оскара.

потом встает на колени. По-прежнему он сжимает копье. Взгляни, повержен угрюмый Карбар! * Сталь пронзила его чело, на затылке раздвинув рыжие космы. Он лежит, как обломок скалы, что Кромла стряхнула со своего лесистого склона. Но веки уже не восстанет Оскар! Он склонился на щит свой горбатый. Копье застыло в грозной деснице. Мрачно стояли вдали сыны Эрина. Их крики вздымались, как шум стесненных потоков, и Мой-лена им вторила эхом.

* Ирландские историки относят смерть Карбара к концу третьего века. Они говорят, что он был убит в битве с войском Оскара, сына Оссиана, но отрицают, что он пал от руки Оскара. Поскольку при этом они могут опереться только на предания своих бардов, переводчик считает, что рассказ Оссиана не менее достоверен; в крайнем случае мы имеем дело с противопоставлением одного предания другому.

Однако несомненно, что ирландские историки в какой-то мере изменяют эту часть своей истории. В моих руках находится ирландская поэма на эту тему, служившая несомненно источником их сведений о битве при Гавре, в которой пал Карбар. Сопутствующие обстоятельства представлены здесь более благоприятно для доброй его славы, чем у Оссиана. Так как перевод этой поэмы (которая не лишена поэтических достоинств, хотя, очевидно, не является такой уж древней) сделал бы это примечание чрезмерно пространным, я ограничусь кратким изложением содержания с добавлением нескольких отрывков ирландского оригинала.

Оскар, говорит ирландский бард, был приглашен Карбаром, королем Ирландии, на пир в Теморе. Между двумя героями возник спор по поводу копий, которыми обычно обменивались в таких случаях гости с хозяином. В ходе препирательства Карбар хвастливо заявил, что он будет охотиться на холмах Альбиона и, как бы ни противились тому местные жители, доставит всю добычу в Ирландию. В оригинале сказано:

Briathar buan sin; Briathar buan
A bheireadh an Cairbre rua',
Gu tuga' se sealg, agus creach
A h'Albin an la'r na mhaireach.

[Это твердое слово, твердое слово, которое скажет Карбар рыжеволосый, что завтра он будет охотиться и увезет добычу из Альбиона (гл.).]

Оскар ответил, что на другой день он сам заберет в Альбион добычу из пяти ирландских земель, как бы Карбар тому ни противился.

Briathar eile an aghai' sin
A bheirea' an t'Oscar, og, calma
Gu'n tugadh se sealg agus creach
Do dh'Albin an la'r na mhaireach, и т. д.

[Слово другое наперекор этому, которое скажет Оскар, юный, доблестный, что он завтра увезет добычу охоты в Альбион (гл.).]

Оскар во исполнение своей угрозы начал опустошать Ирландию. Но Карбар подстерег его, когда он возвращался в Ольстер через узкий проход Гавра (Saoil-ghlen-Ghabhga); завязалась битва, в которой оба героя пали от нанесенных друг другу ран. Бард дает весьма любопытный перечень воинов, сопровождавших Оскара, когда они шли на битву. Их, очевидно, было пятьсот человек, и возглавляли войско, по выражению поэта, *пять героев королевской крови*. В поэме упоминается Фингал, который успел прибыть из Шотландии, прежде чем Оскар умер от ран.

ТЕМОРА.

Смерть Оскара
Гравюра Дж. Фиттлера
по рисунку Г. Синглтона (1805)

нулись прочь и рыдали. Тщился король сокрыть свои слезы. Его борода седая свистела под ветром. Он склонил главу над сыном моим. Его слова прерывались вздохами.

«Ужели сражен ты, Оскар, посреди своего поприща? а сердце старика стучит над тобой! Он зрит грядущие брани твои. Брани, в которых ты бы сражался, он зрит, но они отъяты у славы твоей. Когда же поселится радость в Сельме? Когда же горе покинет Морвен? Один за другим погибают мои сыновья; Фингал последним в роду остается. Слава, которую я стяжал, пройдет; не видать мне друзей в старости. Тучей седой я воссяду в чертоге своем и не услышу, как внук мой вернется в звонких доспехах. Рыдайте, герои Морвена, уже никогда не подымется Оскар!»

И они рыдали, Фингал! Дорог был герой их сердцам. Он ходил на брань — и расточались враги, он возвращался с миром — и ликовали друзья. Не скорбели отцы о сынах, убитых в расцвете юности, братья — о братьях любезных. Они пали, никем не оплаканные, ибо повержен их

Фингал слышал гул и схватил копьё отца своего. Он пошел перед нами по вереску. Он промолвил слова печали: «Я слышу, как битва грохочет. Юный Оскар остался один. Вставайте, сыны Морвена, съединитесь с мечом героя».

Оссиан рванулся вперед по вереску. Филлан запрыгал по Мой-лене. Фингал устремился в силе своей, и ужасно сверканье щита его. Иа-далека узрели Фингала сыны Эрина, души их содрогнулись. Знали они, что гнев короля воспылал, и увидели свою смерть. Мы прибыли первыми, мы бросились в битву, и все же вожди Эрина удержались под нашим напором. Но когда появился король, бряцая оружием, какое стальное сердце могло перед ним устоять! Эрин бежал по Мой-лене. Смерть гналась по пятам.

Мы увидали Оскара на щите. Мы увидали вокруг на земле его кровь. Отуманило лица безмолвие. Все отвер-

вожди! Бран* завывает у ног его, угрюмый Луат скулит, ибо часто он брал их с собою охотиться на резвых косуль пустыни.

Когда Оскар узрел друзей вокруг себя, тяжкий вздох его грудь исторгла. «Вождей престарелых стenanья, — сказал он, — псов моих вой унылый и горестной песни порывы Оскару душу смягчили. Душу мою, что смягченя не ведала, что была тверда, как булат моего меча. Оссиан, отнеси меня на родные холмы! Воздвигни камни во славу мою. Положи рог оленя и меч мой в тесном моем жилище. Быть может, время придет и горный поток размочит землю, охотник найдет булат и промолвит: „Это был Оскара меч“».

«Ужель ты погибнешь, сын моей славы! И ужели вовек я тебя не увижу, мой Оскар! Другие услышат о своих сыновьях, а я о тебе не услышу. Мхом порастут четыре серых камня могильных, и над ними ветер заплачет. Без Оскара будут сражаться воины, не погонится он за темно-бурыми ланями. Когда-нибудь воин вернется с бранных полей и расскажет о дальних краях. „Я видел могилу, — он скажет, — у потока ревущего, мрачный приют вождя. Он сражен был колеснищевластным Оскаром, первым из смертных“. Может быть, я услышу голос его, и радости луч озарит мою душу».

Ночь сошла бы в унынии и утро вернулось бы, горем объятое, наши вожди и дальше стояли бы, словно росу точащие охладелые скалы Мойлены, и о брани забыли бы, если б король, скорбь свою подавив, не возвысил голос могучий. Словно воспрянув от сна, стоявшие крúгом вожди вскинули головы.

«Доколе ж мы будем рыдать на Мойлене иль обливаться слезами в Уллине? Могучий уже не воротится. Оскар уже не восстанет в силе своей. Доблестный воин падет в свой урочный час, и позабудут о нем на родимых холмах. О воины, где наши праотцы, вожди прошедших времен? Они закатились, как звезды, когда-то сиявшие, мы только слышим отзвук их славы. А в оный день гремела хвала им, грозе минувших времен. И мы тоже преидем, о воины, в день нашей гибели. Так обретаем же хвалу, пока еще в силах мы, и да останется слава за нами, как лучи последние солнца, когда склоняет оно на закате главу свою алую.

Уллин, мой старей бард, взойди на корабль короля. Отвези Оскара в Сельму, край песнопений. Да возрыдают дочери Морвена. Мы же будем сражаться в Эрине за род убийственного Кормака. Дни моей жизни идут на убыль; я чую, слабеет десница моя. С облаков склоняются праотцы, чтобы принять седовласого сына. Но прежде чем я уйду отселе, еще воссияет единый луч моей славы. Так я скончаю дни свои, как некогда начал их, — во славе. И жизнь моя единым потоком света предстанет бардам грядущих времен».

Уллин поднял паруса свои белые: южный ветер подул. Он по волнам понесся к Сельме. Я остался, объятый горем, но никто не слышал моих

* Бран — один из псов Фингала. Он отличался такой быстротой, что поэт в одном стихотворении, которого в настоящий момент нет под рукой у переводчика, наделил его такими же достоинствами, какими Вергилий наделил Камиллу. Вряд означает *горный поток*.

слов.* На Мой-лене пир уготован. Сто героев воздвигли могилу Карбару, но никто не воспел вождя, ибо душа его мрачной была и кровавой. Барды помнили гибель Кормака, что же могли они молвить Карбару в похвалу?

Ночь опустилаcь, клубяcь. Сотня дубов вспылала. Под древом сидел Фингал. Старый Алтан** стоял посреди. Он поведал повесть о гибели Кормака, — Алтан, сын Конахара, друг колеснищевластного Кухулина. У Кормака жил он в Теморе, ветром овейной, когда сын Семо сражался с великодушным Торлатом. Алтана повесть была печальна, и слезы стояли в его очах.

«В лучах заходящего солнца*** пожелтела Дора.**** Серый вечер начал спускаться. Изменчивый ветер порывами сотрясал деревья Теморы. Наконец, сгустилась на западе туча, и из-за края ее багровая проглянула звезда. Один я стоял в лесу и увидел духа в темнеющем воздухе. Его шаги простирались от холма до холма, на боку его смутно виднелся щит. Это был сын Семо: я узнал воителя лик. Но он в вихре пронесся, и мрак воцарился кругом. Печаль омрачила мне душу. Я пошел в чертог пирований. Загорелась тысяча светочей, сто бардов настроили арфы. Кормак стоял посреди, ясный, словно денница, когда она весело всходит над восточным холмом и младые ее лучи омываются росами. Меч Арто***** был в руке короля, и с радостью он любовался украшенной его рукоятью; трижды пытался из ножен его извлечь и трижды терпел неудачу. Его белокурые локоны рассыпались по плечам, щеки рдели юным румянцем. Я жалел этот юный луч, ибо ему суждено было скоро угаснуть.

„Алтан, — сказал он с улыбкой, — видел ли ты моего отца? Тяжел королевский меч, верно могуча была десница его. О если бы я походил на него в сраженье, когда разгоралось пламя гнева его, сам бы я встретил тогда, подобно Кухулину, колеснищевластного сына Кантелы! Но годы придут, о Алтан, и окрепнет моя десница. Слышал ли ты о сыне Семо, вожде высокой Теморы? Может быть, он уже воротился со славой, ибо он обещал вернуться прошедшей ночью. Барды мои ожидают его с песнопениями; мой пир уготован в Теморе“.

Молча слушал я короля. Слезы из глаз моих полились. Я старался скрыть их седыми кудрями, но он приметил мою печаль.

„Сын Конахара, — молвил он, — разве погиб король Туры?***** Отчего подавляешь ты вздохи? И отчего текут эти слезы? Разве грядет колес-

* Поэт говорит от своего имени.

** Алтан, сын Конахара, был главным бардом Арто, короля Ирландии. После смерти Арто Алтан служил сыну его Кормаку и присутствовал при его смерти. С помощью Кахмора он спасся от Карбара и, явившись к Фингалу, поведал ему, как рассказано здесь, о смерти господина своего Кормака.

*** Говорит Алтан.

**** Doiga — *лесистый склон горы*; здесь имеется в виду холм в окрестностях Теморы.

***** Арт или Арто — отец Кормака, короля Ирландии.

***** Кухулин назван королем Туры по имени замка на берегу Ольстера, в котором он жил перед тем, как взял на себя управление Ирландией в годы несовершеннолетия Кормака.

ницевластный Торлат? Разве слышны шаги рыжеволосого Карбара? Они приближаются, ибо я вижу твою скорбь. Погиб король мшистой Туры! Ужели не ринусь я в битву? Но мне не поднять копыя! О если б десница моя обладала силой Кухулина, скоро бежал бы Карбар, воскресла бы слава праотцев и подвиги прошлых времен!“

Он взял свой лук. Слезы текут из его блестящих очей. Все вокруг объята горем. Барды, склонясь, отвратились от сотни настроенных арф. Одинокый порыв ветра коснулся дрожащих струн. Звук раздается печальный и тихий.*

Слышится голос вдали, словно кто-то горюет. Это Карил, древний годами, воротился с темной Слиморы.** Он поведал о смерти Кухулина и его могучих подвигах. Вкруг могилы его рассеялись воины, оружие их по земле разбросано. Они уже о войне позабыли, ибо не видят того, кто зажигал их сердца.

„Но кто это, — Карил спросил сладкогласый, — кто это близится к нам, подобно оленям скачущим? Станом похожи они на младые деревья равнины, ливнем возвращенные; ланиты их нежны и румяны, но из очей бесстрашные души глядят! Кто же они, как не сыны Уснота, колеснице-властные вожди Эты?*** Со всех сторон поднимаются ратники, их силы воспрянули, как оживает полуугасший огонь, когда налетают внезапно на крыльях свистящих ветры пустыни. Катбата щит зазвенел.**** Герои узнали Кухулина в Натосе.***** Так обращал он сверкавшие очи свои, так шагал он по вереску. Брани кипят у Лего, Натоса меч побеждает. Скоро ты узришь его в чертогах своих, король лесистой Теморы!“

„Скоро узрю я вожда, — отвечал синеокий король. — Но моя душа скорбит о Кухулине; глас его услаждал мой слух. Часто ходили мы вместе по Доре, охотясь на темно-бурых ланей; не ведал промаха в горах его лук. Он говорил о могучих мужах, он мне рассказывал подвиги предков моих, и радостно было мне слушать. Но садись за пиршество, Карил, часто я слышал твой глас. Воспой же хвалу Кухулину и тому чужеземцу могучему“ .*****

* Этот вещий звук, упоминаемый и в других поэмах, издавали арфы бардов перед смертью достойного и прославленного человека. Здесь он предвещает смерть Кормака, которая вскоре последует.

** Слимора — холм в Коннахте, возле которого был убит Кухулин.

*** Уснот, вождь Эты, местности на западном берегу Шотландии, имел от Слис-самы, сестры Кухулина, трех сыновей: Натоса, Альтоса и Ардана. Когда братья были еще очень молоды, отец послал их в Ирландию к дяде, чья военная слава гремела по всему королевству, чтобы тот выучил их обращаться с оружием. Едва они прибыли в Ольстер, как пришла весть о смерти Кухулина. Натос, старший из братьев, возглавил войско Кухулина и повел его против Карбара, вождя Аты. Но, когда Карбар в конце концов убил в Теморе юного короля Кормака, войско Натоса перешло на его сторону, а самому Натосу с братьями пришлось возвратиться в Ольстер, чтобы оттуда переправиться в Шотландию. Продолжение этой печальной истории подробно рассказано в поэме «Дар-тула».

**** Катбат был дедом Кухулина, и щит его служил потомкам для того, чтобы подавать сигнал тревоги, предупреждающий все семейство о предстоящих битвах.

***** То есть они усмотрели очевидное сходство между Натосом и Кухулином.

***** Натосу, сыну Уснота.

День озарил лесистую Темору всеми лучами востока. Тратин вошел в чертог, сын Гелламы * старого. „Я вижу, — сказал он, — в пустыне темное облако, о король Инис-файла! Но то, что я принял сперва за облако, оказалось толпою людей. Кто-то одио впереди выступает в силе своей, его рыжие волосы развеваются по ветру. Щит сверкает в лучах востока. Копье в деснице его“.

„Пригласи его на пиршество Теморы, — ответил король Эрина. — Чертог мой — приют чужеземцам, сын великодушного Гелламы. Это, быть может, вождь Эты грядет в торжестве своей славы. Привет, чужеземец могучий,** друг ли ты Кормаку? Но, Карил, он мрачен и хмур, и он обнажает свой меч. О бард старинных времен, это ли Успота сын?“

„Это не Успота сын, а вождь Аты, — ответил Карил. — Зачем ты в доспехах вступаешь в Темору, Карбар угрюмолицкий? Да не подымется меч твой на Кормака! Но куда же ты устремляешься?“

Мрачною злобой объятый он мимо прошел и схватил королевскую длань. Кормака предвидел гибель свою, и глаза его вспыхнули гневом. „Прочь отселе, угрюмый вождь Аты. Натос войною грядет сюда. Дерзок ты лишь в чертоге Кормака, ибо слаба десница его“. Меч вонзился в грудь короля. Пал он в чертогах праотцев. Во прахе рассыпались светлые кудри его. Кровь дымится вокруг.

„И ты повержен в своих чертогах, о сын благородного Арто?*** Не было рядом с тобой ни щита Кухулина, ни копья твоего отца. Опечалились горы Эрина, ибо вождь народа повержен. Благословенна будь душа твоя, Кормака, юным померкнул ты!“

Мои слова дошли до слуха Карбара, и он заключил нас**** во тьме непроглядной. Он боялся поднять свой меч на бардов,***** хоть и черна была его душа. Долго томилась мы в заточении, но пришел наконец благородный Кахмор.***** Он услышал наш глас из пещеры, он обратился на Карбара гневный взор.

„Вождь Аты, — промолвил он, — доколе ты будешь язвить мою душу? Сердце твое, словно скала в пустыне, а мысли твои черны. Но ты Кахмору брат, и он будет сражаться в битвах твоих. Но сердце Кахмора не сходно с твоим, о ты, во бранях бессильная длань! Твои дела запятнали души моей свет, и барды теперь не воспоют мне хвалы. Они могут сказать: «Кахмор был храбр, но бился он за угрюмого Карбара». Молча прейдут они мимо моей могилы; никто не услышит о славе моей. Осво-

* Geal-lamha — белорукий.

** Эти слова показывают, что Карбар вошел во дворец Теморы посреди речи Кормака.

*** Говорит Алтан.

**** То есть его и Карила, как выясняется ниже.

***** Особа барда почиталась настолько священной, что лишить его жизни боялся даже тот, кто только что убил своего монарха.

***** Кахмор во всех случаях являет пример бескорыстия. Его человечность и великодушие не имели себе равных; короче говоря, он был безупречен, если не считать слишком большой его привязанности к столь дурному брату, как Карбар. Он сам говорит, что семейные узы, связывающие его с Карбаром, берут верх над всем прочим и побуждают участвовать в войне, которую он не одобряет.

боди же бардов, Карбар: они чада иных времен. Их голоса прозвучат в иные годы, когда прекратится род королей Теморы“.

По слову вождя мы вышли на волю. Мы узрели его во всей силе. Был он похож на тебя, о Фингал, в юные годы твои, когда ты впервые поднял копьё. Словно сияющий солнечный круг, было его лицо, ничто не мрачило его чела. Но он привел свои тысячи в Уллин на помощь рыжеволосому Карбару, и ныне грядет он отмстить его смерть, о король лесистого Морвена».

«Пусть он грядет, — ответил король, — любезен мне враг, подобный Кахмору. Душой он высок, десницей могуч, прославлены битвы его. А низменная душа — это пар, что плывет над болотной трясиною; иногда не подымется он на зеленый холм, дабы ветры его не развеяли; он таится в пещере и высылает оттуда свои смертоносные стрелы.

Наши молодые герои, о ратники, достойны славы своих отцов. Они сражаются в юности, они погибают, их имена остаются в песне. Фингал достиг середины своих закатных годов. Но он не поляжет, как дряхлый дуб поперек потока безвестного. Лежит этот дуб под ветром, а мимо проходит охотник. „Как свалилось дерево это?“ Он, насвистывая, путь продолжает.

Воспойте же песнь веселья, барды Морвена, чтобы наши души забыли прошедшее. Алые звезды глядят на нас из-за туч и молча нисходят долу. Скоро забрезжится серый утренний луч и покажет нам супостатов Кормака. Филлан, возьми копьё короля, ступай к темно-бурым склонам Моры. Да охватят очи твои всю вересковую пустошь, словно огонь пламенный. Наблюдай врагов Фингаловых и пути великодушного Кахмора. Я слышу далекий шум, словно падают скалы в пустыне. Но ударяй временами в свой щит, чтобы они не прокрались ночью и не угасла слава Морвена. Я становлюсь одиноким, мой сын, и страшусь, что погибнет слава моя».

Раздались голоса бардов. Король склонился на щит Тренмора. Сон ни-зошел на вежды его; грядущие битвы явились ему в сновидениях. Вокруг покоится войско. Темно-русый Филлан следит за врагом. Он шагает по дальнему холму; временами до нас долетает звон его щита.

Один из отрывков старинных стихотворений, опубликованных недавно, иначе излагает обстоятельства смерти Оскара, сына Оссиана. Хотя переводчику хорошо известно более достоверное предание о судьбе этого героя, он не пожелал отвергнуть поэму, которая, если и не сочинена в действительности самим Оссианом, все же очень близка к его манере и сжатому слогу. Более исправный список настоящего отрывка, попавший с тех пор в руки переводчика, позволил ему избежать ошибок, в которую, по сходству имен, впадал те, кто сохранял поэму в устном предании. Герой этого произведения — Оскар, сын Карута, и Дермид, сын Диарана. Оссиан или, возможно, его подражатель открывает поэму плачем по Оскару и затем свободно переходит к рассказу о судьбе Оскара, сына Карута, который не только носил то же имя, что и сын Оссиана, но и обладал, видимо, таким же характером. Хотя переводчик считает, что у него достаточно оснований, чтобы исключить этот отрывок из сочинений Оссиана, тем не менее, коль скоро на этот счет все же существуют сомнения, он прилагает его здесь.

Зачем, о сын Альпина, отверзаешь ты вновь источник скорби моей, вопрошал о гибели Оскара? Очи мои ослепли от слез, но память жива в моем сердце. Как рас-

скажу я о горестной смерти главы народа! Вождь ратоборцев, Оскар, мой сын, ужель я тебя не увижу вовек!

Он скрылся, как в бурю луна, как солнце в середине пути своего, когда поднимаются тучи с пучины морской, когда чернотой облекает буря утес Арданидера. Я, словно Морвена дряхлый дуб, один стою, истлевая. Ветер ветви мои обломал, я дрожу, когда север крылами взмахнет. Вождь ратоборцев, Оскар, мой сын, ужель я тебя не увижу вовек!

Но, сын Альпина, знай, что герой не полег покорно, словно трава полевал; кровь могучих струилась с его меча, и со смертью об руку шествовал он сквозь ряды их гордыни. Но ты, Оскар, Карута сын, ты повержен без славы! Не супостат полег от десницы твоей. Кровью друга твое копые обагрилось.

Дермид и Оскар были едины. Вместе они пожинали бранную ниву. Их дружба была крепка, как булат, и об руку с ними смерть ходила на битву. Они на врагов устремлялись, как низвергаются два утеса с вершины Ардвена. Мечи их багрились кровью отважных. Бойцы ужасались, услыша их имена. Кто, кроме Дермида, равен был Оскару? и кто, кроме Оскара, — Дермиду?

Они сразили могучего Дарго на поле брани, Дарго, не знавшего страха. Как утро, прелестна была его дочь, нежна, словно луч ночной. Очи ее, словно две звезды под завесой дождя, дыхание — ветер весенний, перси, как свежевывающий снег, что колыхнется с волнами вереска. Герои узрели деву и полюбили ее; сердца их прикованы к ней. Каждый ее любил, как славу свою, каждый желал ею владеть или погибнуть. Но сердце ее приковано к Оскару, Карута сын стал избранныком девы. Она позабыла кровь своего отца и возлюбила десницу, сразившую Дарго.

«Карута сын, — промолвил Дермид, — я люблю. Ах Оскар, я люблю эту деву. Но сердце ее предалось тебе, и нет исцеления Дермиду. Оскар, прозви эту грудь; освободи меня, друг мой, своим мечом».

«Мой меч, о Диарана сын, вовек не будет запятнан кровью Дермида».

«Кто же достоин сразить меня, Оскар, сын Карута? Да не прервется безвестно жизнь моя. Да не буду сражен я никем, кроме Оскара. Дай мне с честью сойти в могилу и да прославится смерть моя».

«Дермид, свой меч подыми, Диарана сын, ополчись булатом. О, если б с тобою мне пасть, чтобы я смерть принял от десницы Дермида!»

Они сражались близ горной реки, возле источника Бранно. Кровь обагрля бегущий поток, запекаясь вокруг мшистых камней. Пал величавый Дермид; он пал, улыбаясь смерти.

«И ты повержен, Диарана сын, ты повержен рукою Оскара! Дермид, который досель не отступал на войне, и что же? я зрю — ты повержен!»

Он пошел и вернулся к возлюбленной деве, вернулся к ней, но она заметила горе его.

«Откуда эта кручина, Карута сын? Что омрачает могучую душу твою?»

«Прежде я лучшим слыл знаменитым, о дева, а ныне лишился славы своей. Над потоком холма повешен на дерево щит отважного Гормура, в битве сраженного мною. Тщетно я день потерял, а его не смог поразить своею стрелой».

«Дай попытаю я, Карута сын, искусство дочери Дарго. Длани мои обучены луку; отец утешался моим искусством».

Они пошли. Он встал позади щита. Взлетела стрела и пронзила грудь его.

«Благословенна та снежная длань, благословен тот тисовый лук! Кто, кроме дочери Дарго, достоин насмерть сразить сына Карута? Положи меня в землю, прелестная, положи меня рядом с Дермидом».

«Оскар, — ответила дева, — мне душу свою оставил Дарго могучий. Сладостно будет мне встретить смерть. Я смогу прекратить свои горести». Она пронзила булатом белую грудь. Пала она, содрогнулась и умерла.

Возле ручья на холме они покоятся вместе; сквозистая тень берез осеняет их могилу. На зеленой могильной насыпи часто сауся ветвисторогие чада гор, когда пламенеет полдень и на холмах царит тишина.

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ВТОРОЙ

Действие в этой книге начинается, как можно полагать, около полуночи, и открывает его монолог Оссиана, который удалился от войска, чтобы оплакать сына своего Оскара. Заслышав шум приближающейся рати Кахмора, он поспешил к брату своему Филлану, который стоял на страже Фингалова войска на холме Моры. В разговор братьев введет рассказ о первом короле Ирландии Ко-наре, сыне Тренмора, и о причине распри между гэлами и фирболгами — двумя народами, которые первыми завладели островом. Оссиан разжигает костер на холме; завидя огонь, Кахмор отказывается от первоначального намерения напасть тайком на каледонское войско. Он созывает совет своих вождей и выговаривает Фолдату за то, что тот предлагает ночное нападение, хотя ир-

ландское войско намного превосходит численностью противника. Бард Фонар рассказывает повесть о Кротаре, предке короля, которая проливает свет на последующую историю Ирландии и возникновение притязаний династии Аты на престол. Ирландские вожди ложатся отдохнуть, а на стражу заступает сам Кахмор. Обходя свое войско, он встречается с Оссианом. Описывается беседа двух героев. Оссиан обещает Кахмору, что прикажет воспеть погребальную песнь над могилой Карбара: по понятиям тех времен без такого отпевания души мертвых не могли обрести покоя. Наступает утро. Кахмор и Оссиан расходятся, и последний, случайно повстречав Карила, сына Клиффены, посылает барда пропеть погребальную песнь на могиле Карбара.

Отец героев Тренмор! * обитатель крутящихся вихрей, где грома стезя багровая озаряет смятенные тучи! Отверзи свой бурный чертог, и да приблизятся барды старинные, да приблизятся они с песнями и с арфами, едва различимыми. То не житель туманной долины, не охотник, безвестный на реках своих, то колесницелвластный Оскар возносится с пажитей брани. Сколь внезапно, мой сын, изменился ты с той поры, когда был ты на темной Мой-лене! Вихрь окутал тебя своим покрывалом и, свистя, уносит по небу.

* Обращение к духам павших воинов обычны в сочинениях Оссиана. Однако он выбирает при этом такие выражения, которые устраняют всякую возможность полагать, будто он воздает умершим божественные почести, как это было принято у других народов. Из того, что следует за этим обращением, выясняется, что Оссиан удалился от войска, чтобы тайно оплакать смерть своего сына Оскара. Такой косвенный метод повествования имеет много общего с приемами, характерными для драмы, и производит большее впечатление, нежели исторически правильная последовательность событий. Прерывистая манера Оссиана часто делает его темным для невнимательных читателей. Те, кто помнят его поэмы наизусть, по-видимому, понимают это и обычно, прежде чем начать исполнение поэмы, подробно излагают ее содержание.

Хотя в этой книге немного событий, она является немаловажной частью «Теморы». В нескольких вставных эпизодах поэт прослеживает причины войны до самых ее истоков. Первые обитатели Ирландии, войны между народами, которые искони владели островом, первая королевская династия и перевороты в правительстве страны — все эти важные сведения изложены поэтом со столь малой примесью домысла, что трудно не предпочесть его рассказы невероятным выдумкам шотландских и ирландских историков. Милезские легенды этих господ носят отпечаток позднего происхождения. Было бы нетрудно выявить их источники, но исследование такого рода слишком расширило бы это примечание.

Разве не видишь ты своего отца у ночного потока? Вожди Морвена спят вдальеке. Они не теряли сына. Но вы потеряли героя, вожди многоводного Морвена! Кто с ним сравниться мог в силе, когда на него катилась битва, словно мрак стесненной пучины? Зачем лежит это облако на душе Оссиана? Она должна вспылать при виде опасности. Эрин близко с войском своим. Одинок король Морвена. Но не будешь ты одинок, отец мой, доколе я в силах поднять копье!

Я восстал в гремящих своих доспехах. Я прислушался к ветру ночному. Не слышно щита Филлана.* Я утрашился за сына Фингала. Ужель супостат явился в ночи, и пал темно-русый воин? Вздывается дальний зловеющий ропот, словно шум на озере Лего, когда в морозные дни его стесненные воды с треском ломают лед. Жители Лары глядят в небеса и предвидят бурю. Я шагал все дальше по вереску, в длаши моей копье Оскара. Багряные звезды сверху глядели. Мои доспехи мерцали в ночи. Я узрел пред собою безмолвного Филлана, он склонился с утеса Моры. Он услышал вопли врага, его душа взвеселилась. Он услышал мои шаги и копье повернул поднятое.

«С миром ли, кохто сын, ты приходишь? Иль ты являешься встретить мой гнев? Враги Фингала — мои враги. Говори иль страшишься моей стали. Не напрасно стою здесь я, щит племени Морвена».

«Да не будешь вовек ты стоять напрасно, сын синеокой Клато. Фингал становится одиноким, мрак сгущается вокруг его уходящих дней. Но есть у него два сына,** и они воссияют в бранях. И они озарят, словно два луча, его прощание с жизнью».

«Сын Фингала, — ответил юноша, — немного прошло времени с той поры, как смог я поднять копье. Мало следов оставил мой меч в сраженьях, но душа моя пылает огнем. Вожди Болги*** теснятся вокруг

* Мы знаем из предыдущей книги, что Кахмор находился поблизости со своим войском. Когда был убит Карбар, сопровождавшие его племена отступили и перешли к Кахмору, который, как выясняется ниже, принял решение напасть на Фингала ночью. Филлан был отправлен на холм Моры, возвышавшийся перед каледонцами, чтобы наблюдать за передвижениями Кахмора. Таково было положение дел, когда Оссиан, заслышав, как шумит вражеская рать, пошел на поиски брата. Их разговор естественно вводит рассказ о Конаре, сыне Тренмора, первом короле Ирландии, столь необходимый, чтобы понять причины восстания Карбара и Кахмора и захвата ими престола. Филлан был младшим из оставшихся в живых сыновей Фингала. Он и Босмина, упоминаемая в «Битве при Лоре», были единственными детьми короля от Клато, дочери Катуллы, короля Инис-тора, которую он взял в жены после смерти Рос-крапы, дочери короля Ирландии Кормака, сына Конара.

** То есть два сына в Ирландии. Фергус, второй сын Фингала, находился тогда в походе, который упоминается в одной из малых поэм Оссиана. Согласно некоторым преданиям, он был предком Фергуса, сына Эрка, или Арката, именуемого обычно в истории Шотландии *Фергусом вторым*. Наиболее достоверные шотландские хроники относят начало правления Фергуса над шотландцами к четвертому году пятого века — спустя целый век после смерти Оссиана. Горные שבטים устанавливают генеалогию его рода следующим образом: Fergus Mac-Arcath, Mac-Chongael, Mac-Fergus, Mac-Fion-gäel na buai', то есть Фергус сын Арката, сына Копгала, сына Фергуса, сына Фингала-победителя.

*** Южная часть Ирландии одло время называлась Болга по имени народа Фирболгов или британских белгов, основавших там поселение. *Boig* означает *колчан*;

щита великодушного Кахмора. Они сгрудились на вереске. Не приблизиться ли мне к их войску? Я уступал одному лишь Оскару в состязаниях наших на Ко́не».

«Филлан, не надо тебе приближаться к их войску, да не погибнешь бесславно. Имя мое живет уже в песне; если будет нужда, я пойду вперед. Под покровами ночи стану я следить за движением ратей, во мраке мерцающих. Но, Филлан, зачем помянул ты Оскара, чтобы вновь пробудить мои вздохи? Я должен забыть героя, пока не минует нас буря.* Нет места печали рядом с опасностью, а слезам — в очах войны. Наши отцы забывали павших сынов, пока не стихал оружия звон. Тогда возвращалась скорбь на могилу и раздавалась песнь бардов.

Конар** был братом Тратала, первого из смертных. Он бился на всех берегах. Тысяча рек уносила кровь его неприятелей. Слава его летела по зеленому Эрпну, словно ласковый ветер. Народы стекались в Уллин и благословляли короля, короля — продолжателя рода их праотцев из края ланей.

Юга вожди*** собирались во мраке своей гордыни. В мерзостной пещере Момы спрятали они тайные речи. Есть слух, что часто туда слетались духи их праотцев, являя обличья бледные из растреснувших скал и призывая вспомнить о чести Болги: „Зачем вами правит Конар, сын многоводного Морвена?“

Они устремились в бой сотней ревущих племен, словно потоки пустыни. Конар встал перед ними скалой: они, сокрушась, откатились в раз-

отсюда и происходит *Fir-bolg*, то есть *лучники*, названные так потому, что они пользовались луком больше, нежели соседние с ними народы.

* Примечательно, что после этого места Оскар ни разу больше не упоминается во всей «Теморе». Положения, в которые попадают действующие лица поэмы, настолько занимательны, что иные персонажи, не связанные с ее сюжетом, не могли бы занять в ней сколько-нибудь заметного места. Хотя следующий вставной эпизод, по-видимому, естественно вытекает из разговора братьев, тем не менее, как я уже показал в одном из предшествующих примечаний, у поэта был более широкий замысел. Ирландские историки, правда, не соглашаются с Оссианом в иных частностях, но весьма вероятно, что упоминаемый здесь Конар — это не кто иной, как их *Conar-mór*, то есть *Конар великий*, которого они относят к первому веку.

** Конар, первый король Ирландии, был сыном Тренмора, прадеда Фингала. Именно эта родственная связь явилась причиной столь многократного участия Фингала в войнах на стороне династии Конара. Хотя в поэмах Оссиана упоминаются лишь немногие подвиги Тренмора, тем не менее, судя по его почетным наименованиям, можно заключить, что во времена поэта он считался самым прославленным героем древности. Наиболее правдоподобным является предположение, что он первый объединил каледонские племена и возглавил их борьбу против вторгшихся римлян. Северные составители родословных прослеживают его род от глубокой древности и начинают перечень его предков с *Suan-mór nan Iar* или *Конмора мечей*, который, согласно их утверждениям, первый пересек *великое море* и достиг Каледонии, чем и объясняется его имя, означающее *Великий Океан*. Однако на столь древние генеалогии трудно полагаться.

*** То есть вожди фирболгов, которые владели югом Ирландии, по-видимому, до того, как гэлы из Каледонии и Гебридских островов обосновались в Ольстере. Из дальнейшего ясно, что фирболги были очень сильным народом, и, вероятно, гэлы покорились бы им, если бы их родина не послала на помощь им войско под началом Конара.

ные стороны. Но они возвращались снова, и падали ратники Уллина. Король стоял посреди могил своих воинов, мрачно склоняя горестный лик. Наглухо замкнулась его душа, он место уже назначил, где ему пасть суждено, но тут появился во всей своей силе Тратал, вождь туманного Морвена. И не один он явился: Колгар был рядом с ним, Колгар, сын короля и белорудой Солинь-кормы.*

Как обвитый перунами Трепмор, из чертогов грома низвергшись, изливает черную бурю на возмущенное море, так Колгар, низвергшись в битву, опустошал гулкозвучное поле. Отец восхищался героем, но вдруг прилетела стрела. Без слез воздвиглась могила. Королю надлежало сперва отомстить за сына. Он засверкал в сражении, пока не сдался Болга на берегах потоков своих.

Когда же мир вернулся в страну и синие волны принесли короля в Морвен, тогда он вспомнил о сыне и пролил слезу в молчаньи. Трижды барды в пещере Фурмоно душу Колгара призывали. Они призывали его на родные холмы, он слышал их в тумане своем. Тратал оставил свой меч в пещере, чтобы дух его сына исполнился радости.

«Колгар, сын Тратала, — молвил Филлан, — ты прославился в юные годы. А король не заметил меча моего, ярко на поле брани сверкавшего. Я устремляюсь вперед со всеми, я возвращаюсь, хвалы не стяжав.** Но, Оссиан, враги приближаются, я слышу их голоса на вересковой пустоши. Их шаги грохочут, как гром в недрах земли, когда холмы, сотрясаясь, колышут деревья, хоть не струит ветров омраченное небо».

Внезапно я вспять повернул, опершись на копые, и возжег на вершине дуб. Я дал ему разгореться под ветром Моры. Какмор прервал наступление. Он стоял, мерцая доспеками, словно утес, где по склонам гуляют ветры; они хватают его родники гулкозвучные и одевают их льдом. Так стоял он, друг чужеземцев.*** Ветер вздымал его тяжкие кудри. Ты всех выше в племени Эрина, король многоводной Аты!

«Первый мой бард, — промолвил Какмор, — Фонар,**** сзывай вождей Эрина. Зови рыжеволосого Кормара, темнобрового Малтоса, косоглазого

* Colgar — воин свирепого вида. Sulin-corma — синие очи. Колгар был старшим сыном Тратала. Комхал, отец Фингала, был еще очень молод, когда состоялся этот поход в Ирландию. Примечательно, что из всех своих предков меньше всего поэт упоминает Комхала, что, вероятно, объясняется злополучной судьбой и безвременной смертью этого героя. Из нескольких мест, в которых говорится о нем, мы действительно узнаем, что он был храбр, но ему не хватало обходительности и, как выражается Оссиан, душа его была мрачна. Такое беспристрастие по отношению к столь близкому человеку делает честь поэту.

** Поэт начинает здесь яркими красками рисовать характер Филлана, которому предстоит играть важную роль в поэме. Он нетерпелив, честолюбив и пылок, как это и полагается молодому герою. Воспламененный мыслью о славе Колгара, он забывает о его безвременной гибели. Слова Филлана в этом месте позволяют заключить, что Фингал не обращал на него внимания, считая его слишком юным.

*** Какмор отмечен этим почетным наименованием за свою щедрость по отношению к чужеземцам, которая была столь велика, что выделялась даже в те гостеприимные времена.

**** Фонар — муж песни. В дохристианские времена человек получал имя лишь после того, как он совершил какое-то примечательное деяние, на основе которого

мрачного Маронана. Пусть появятся гордый Фолдат и багровые очи враждающий Турлото. Не забудь и Хидаллу, чей голос в грозную пору приятен, как шум дождя, когда проливается он на выжженный дол близ источника Аты иссохшего».

Они пришли, бряцая доспехами. Они склонились, внимая гласу его, как будто им из ночного облака вещали тени отцов. Страшно сверкали они при огне, как водопад Брумо,* когда метеор освещает его в ночи. Путник трепещет, завидя его; он прерывает свой путь и ждет не дождется луча денницы.

«Почему так по нраву Фолдату, — молвил король, — проливать кровь неприятеля по ночам? ** Или при свете дня десница ему изменяет в бою? Мало врагов перед нами, зачем нам в тумане таиться? Любо отважным у всех на виду отличаться в сраженьях родной страны.

Совет твой напрасен, вождь Момы: бодрствуют очи Морвена. Бдят они, как орлы на мшистых утесах. Пусть каждый из вас соберет под сенью своей мощи своего шумногоголосого племени. Завтра при свете дня я пойду навстречу противникам Болги. Могуч он был, поверженный вождь из рода Борбар-дутула! ***

«И я не прошел незамечен пред родом твоим, — сказал Фолдат. — При свете дня я встречал супостатов Карбара. Воин ценил мои подвиги. Но без слез был воздвигнут могильный камень ему! Ни единый бард не воспел короля Эрина.**** Неужто дозволим его врагам веселиться на мшистых холмах? Нет, не будут они веселиться: он был другом Фолдату. Наши речи тайно спрягались в безмолвной пещере Момы в ту пору, как ты еще отроком гонялся в полях за пухом чертополоха. С сынами Момы я ринусь вперед, я найду супостата на сумрачных холмах его. Без песни поляжет Фингал, седовласый король Сельмы».

«Неужли ты думаешь, немощный муж, — возразил ему вождь Аты, — неужли ты думаешь, что он может погибнуть в Эрине, славы своей не стяжав? Разве смогут барды молчать у могилы Фингала могучего? Их

это имя и составлялось. Поэтому имена в поэмах Оссиана вполне соответствуют характерам их почитателей.

* Брумо было местом поклонения (см.: Фингал, кн. 6) на Краке — предположительно одним из Шелландских островов. Считалось, что духи умерших слетаются туда по ночам, и это придает особенно мрачный оттенок приведенному здесь описанию. *Зловещий круг Брумо, где часто, как вещает молва, призраки мертвых стелали вокруг камня, ужас на них наводившего.*

** Это место показывает, что именно Фолдат советовал совершить ночное нападение. Фолдат с его угрюмым нравом должным образом противостоит велпкодушному и открытому Кахмору. Оссиану особенно удастся такое сопоставление различных характеров, что позволяет ему подчеркнуть особенности, присущие каждому. Фолдат, очевидно, был любимцем Карбара, и надо признать, что он как нельзя лучше подходил для роли приближенного при таком господине. Он был жесток и запальчив, но обладал, по-видимому, большими воинскими достоинствами.

*** Это восклицание Кахмора показывает, что он намерен отомстить за смерть своего брата Карбара.

**** Не удостоиться погребального пения над могилой считалось в те времена самым большим несчастьем, какое может выпсть на долю человека, потому что в этом случае душе его не было доступа в *воздушный чертог его праотцев.*

песня прорвется хоть втайне, и дух короля взвеселится. Вот когда доведется погибнуть тебе, барды забудут про песни. Черен душою ты, вождь Момы, хотя проносится бурей десница твоя в сражениях. Разве я позабыл короля Эрина в тесном его жилище? Не потеряно сердце мое для Карбара, моего любезного брата. Я замечал, как сияние радости сходило на пасмурный дух его, когда возвращался со славой я в многоводную Ату».

Король повелел, и величаво они удалились, каждый к своему угрюмому племени; и люди их с гулом глухим раскатились по вереску, тускло мерцая под звездами, словно волны, ночными ветрами гонимые в каменистом заливе. Под дубом улегся вождь Аты; высоко над ним висел сумрачный круг его щита. Близ него прислонился к скале чужеземец кудрявый из Инис-хуны,* сей светлый луч, залетевший с оленьего Лумона. Вдалеке зазвучало пение Фонара о делах старинных дней. Временами голос его терялся в нарастающем рокоте Лубара. «Кротар,** — начал бард, — поселился первый на мшистом потоке Аты. Тысячи горных дубов составляли его гулкозвучный чертог.*** Там собирался народ на пиру короля синеглазого. Но кто из вождей мог сравниться с царственным Кротаром? При его появлении возгоралось мужество ратников. Юные девы вздыхали по нем. В Алнекме**** все почитали воина, первого из племени Болги.

Он охотился в Уллине, на поросшей мхом вершине Друмардо. Из леса следила за ним дочь Катмина, следили синие очи Кон-ламы. Тайно

* *Чужеземец из Инис-хуны* — это Суль-мала, дочь Конмора, короля Инис-хуны, как в древности называлась часть южной Британии, находящаяся напротив ирландского побережья. Переодетая в мужское платье, она следовала за Кахмором. Подробно о ней рассказано в четвертой книге.

** Кротар был предком Кахмора, первым из рода, кто обосновался в Ате. В его время вспыхнули первые войны между фирболгами и гэлами. Приведенный рассказ вполне здесь уместен, поскольку распря, первоначально возникшая между Кротаром и Коваром, продолжалась между их потомками и явилась основой событий настоящей поэмы.

*** Эта подробность позволяет заключить, что при Кротаре искусство возведения каменных строений еще не было известно в Ирландии. Лишь по прошествии длительного времени в ирландских поселениях начали развиваться мирные искусства: так, мы встречаем относящееся ко времени Кахмора выражение *башни Аты*, которое вряд ли могло быть приложено к деревянным строениям. В Каледонии начали строить из камня очень рано. У Фингала не было деревянных домов, за исключением Ти-фоирмала. Ти-фоирмал представлял собою большое помещение, где ежегодно собирались барды и повторяли свои сочинения, прежде чем вынести их на суд короля Сельмы. При каком-то несчастном случае этот дом сгорел, и некий древний бард, якобы сам Оспап, оставил нам любопытный перечень находившейся там мебели. В настоящий момент я не располагаю этой поэмой, иначе представил бы здесь читателю ее перевод. Она не обладает особыми поэтическими достоинствами и явно относится к более позднему времени, чем то, в какое жил Фингал.

**** *Алнеста* или *Алнесмачт* — древнее название Коннахта. *Ullin* и поныне остается ирландским названием провинции Ольстер. Чтобы уменьшить число примечаний, я привожу здесь значения имен, встречающихся в этой повести. *Drumardo* — *высокий горный хребет*. *Cathmin* — *спокойный в битве*. *Són-lamha* — *нежная рука*. *Turloch* — *владелец колчана*. *Cormul* — *синий глаз*.

вдыхала она. Склонялась глава ее, вясь рассыпались кудри. Луна к ней заглядывала по ночам и видала, как воздевает она белые руки, ибо Кротар могучий наполнил ее сновиденья.

Три дня пировали Кротар и Катмин. На четвертый они разбудили ланей. Кон-лама пошла на охоту, сияя красой. Она повстречала Кротара на узкой тропе. Лук тотчас выпал из длани ее. Она отвратилась и скрыла лицо кудрями. Воспылала любовь Кротара. Он взял белогрудую деву с собою в Ату. Барды песнь для нее затянули, и воцарилась радость вокруг дочери Уллина.

Восстала гордыня юного Турлоха, он любил белорукую Кон-ламу. Он пришел войною в Алнекму, в оленью Ату. Кормул вышел на бой, брат колеснищевластного Кротара. Он вышел на бой, но погиб, и стон народа раздался. Омраченный Кротар могучий величаво и молча поток перешел. Он изгнал врага из Алнекмы и воротился на радость Кон-ламы.

Битва грядет за битвой. Кровь струится на кровь. Могилы отважных вздымаются. Над Эрном тучи нависли, обиталища духов. Юга вожди собрались вокруг гулковзвучного щита Кротара. Со смертью об руку он пошел по путям врага. Девы рыдали на реках Уллина. Вглядывались они в туман на холме, но ни единый охотник не сходил по его откосам. Тишина над землей тяготела; одиноко вздыхали ветры на поросших травой могилах.

Как орел, покидая ветры, на шумных крылах стремится радостно вниз с поднебесья, так сын Тренмора, Конар — десница смерти, низошел из лесистого Морвена. Он изливал свою мощь на весь на зеленый Эрпн. Смерть незримо шагала вослед за его мечом. Болги сыны бежали с его пути, как от потока, что, вырвавшись из пустыни, где бушует гроза, заливает в своем стремлении доли с гулковзвучными рощами. Кротар встретил его в бою, но войны Алнекмы бежали.* Медленно отступал король Аты, душою скорбя. Он вновь просиял потом в сраженьях на юге, но не ярко, как солнце осеннее, когда оно в одеянье тумана навещает мрачные реки Лары. Увядшие травы покрыты росой, и унылы поля, хотя и сверкают они».

«Зачем ты, бард, — сказал Кахмор, — во мне пробуждаешь память о тех, кто бежал? Разве некий дух, из сумрачной тучи склоняясь, тебе напештал старинные повести, дабы испуганный Кахмор не вышел на бранное поле? Ночных тайников обитатели, ваш глас для меня только ветер, что срывает седые головки чертополоха и пухом его устилает течение

* Примечательна осторожность барда, когда он касается Кротара. Поскольку тот был предком Кахмора, к которому обращено повествование, бард смягчает его поражение, говоря только, что его *воины бежали*. Кахмор же воспринял песнь Фонара весьма неблагоприятно. Предполагалось, что, принадлежа к ордену друидов, которые якобы заранее знали, как обернутся события, барды обладали сверхъестественным даром предчувствовать будущее. Король решил, что Фонар избрал эту песнь, предвидя неблагоприятный исход войны, и что судьба его предка Кротара ложится тенью на его собственную. Поведеление барда, выслушавшего отповедь своего покровителя, изображено живописно и трогательно. Мы восхищаемся словами Кахмора, но сожалеем о произведенном ими действии на чувствительную душу доброго старого поэта.

рек. В груди моей раздается глас, неслышимый другим. Душа короля Эрина запрещает ему от войны уклоняться».

Удрученный бард скрывается в ночь; удалившись, склоняется он над потоком. Мысли его обращаются к дням, прошедшим в Ате, когда с радостью Кахмор внимал его песне. Слезы текут из очей, ветер треплет бороду.

Эрин спит вокруг. Но сон не сходит на вежды Кахмора. В своей омраченной душе он узрел призрак погибшего Карбара. Он узрел, как тот, погребенный без песни, носится в вихре ночном. Он встал. Он обошел свое воинство. Время от времени он ударял в гулкозвучный щит. Звон достиг ушей Оссиана на оленьей вершине Моры.

«Филлан, — сказал я, — враги приближаются. Я слышу щит войны. Ты стой на узкой стезе. Оссиан же будет следить за их шествием. Если, повергнув меня, войско прорвется, тогда ты ударишь в свой щит. Разбуди короля на равнине, чтобы слава его не исчезла».

Я зашагал в гремящих своих доспехах, перескочив через темный поток, что извивался по полю пред королем Аты. Король зеленой Аты с поднятым копьем вышел вперед, мне путь преградив. Тут и схватились бы мы в спибке ужасной, словно два супротивных духа, что, склоняясь со своих облаков, насылают один на другого ревущие ветры, не усмотри Оссиан пред собою плем королей эринских. Крыло орла простиралось над ним, шумя на ветру. Сквозь перья звезда, багровея, светилась. Копье поднятое я удержал.

«Предо мною плем королей! Кто ж ты, сын ночи? Стяжает ли славу копье Оссиана, когда повергнет тебя?» Сразу выронил он копье, что мерцало во тьме. Образ его, казалось, рос предо мною. Он простер во мраке десницу и промолвил слова королей.

«Друг героических теней, так вот как пришлось мне во тьме встретить тебя! А я-то хотел, чтобы шаги твои величавые раздавались в Ате во дни пиров. К чему же теперь вздымать мне копье? Пусть солнце увидит нас, Оссиан, когда мы, сверкая, сойдемся на битву. Отметят грядущие войны это место и вострепещут при мысли о прошлых годах. Они отметят его, как отмечают прибежище духов, любезное сердцу и страшное».

«А разве забудут его, — я спросил, — если мы повстречаемся мирно? Разве только память о битвах сердцу приятна? Не взираем ли радостно мы па места, где пировали праотцы? Но слезами полнятся наши очи на поле их браней. Этот камень, поросший мхом, восстанет и будет вещать иным временам: „Здесь сошлись Оссиан и Кахмор! Воины мирно сошлись!“ Когда же, о камень, рассыплешься ты и воды Лубара течь перестанут, тогда, может быть, путник придет и возляжет здесь отдохнуть. А когда луна затененная взойдет над его главой, наши тени смогут сюда прилететь и, войдя в его сновидения, напомнят об этом месте. Но зачем так угрюмо ты отвращаешься прочь, о сын Борбар-дутула?» *

* Borbar-duthul — угрюмый воин с карими очами. Насколько это имя соответствовало его нраву, можно легко заключить на основании рассказа о нем Малгоса в конце шестой книги. Он был братом Колк-уллы, упоминаемого во вставном эпизоде в начале четвертой книги.

«Не безвестными, сын Фингала, мы взойдем на эти ветры. Наши подвиги — свет лучезарный перед очами бардов. Но мрак клубится над Атой: король погребен без песни. В бурной его душе все же сиял луч, обращенный к Кахмору, словно луна, облеченная тучей на багровой стезе грома!»

«Сын Эрина, — я отвечал, — мой гнев не живет в его дому,* моя ненависть прочь на орлих крылах отлетает, едва лишь повержен враг. Он услышит пение бардов, Карбар утешится, в ветре витая».

Воспрянуло гордое сердце Кахмора, он снял с бедра своего блестящий кинжал и вложил его в мою длань. Со вздохом вложил его в мою длань и молча пошел прочь. Я провожал его взором. Он смутно мерцал, словно призрачный образ, что встречает путника ночью на мраком объятай пустоши. Темны его речи, как песнь старины. С рассветом неясная тень удаляется.

Кто там идет из долины Лубара, из волнистых туманов утренних? ** Роса небес на его челе. Он шагает стезею скорби. Это Карил, древний годами. Он идет из безмолвной пещеры Туры. Я вижу, как темнеет она в скале сквозь тонкие струи тумана. Там, быть может, Кухулина тень пребывает в вихре, что долу клонит деревья. Сколь приятен утренний гимн барда Эрина!

«Волны, теснясь, убегают в испуге: слышат они, о солнце, как приближаешься ты. Ужасна твоя красота, чадо небес, когда смерть таится в кудрях твоих, когда ты струишь испарения на опаленное воинство. Но приятен твой луч звероловцу, что к скале прижимается в бурю, когда ты проглянешь из тучи разъятой и влажные кудри его озаришь; смотрит он вниз на речную долину и видит сходящих ланей. Доколе ж тебе над бранью вставать и кровавым щитом катиться по небу? Я вижу, как тени героев, блуждая, твой лик омрачают!»

«Зачем же блуждают речи Карила? разве печально чадо небес? Оно в течении своем не запятнано, оно ликует вечно во пламени. Катись же,

* Могила часто поэтически называется домом. Этот ответ Оссиана исполнен самых возвышенных чувств благородной души. Хотя он был уязвлен Карбаром больше, чем кто-либо из живущих людей, тем не менее он отступается от своего гнева, едва лишь повержен враг. Как это не похоже на поведение героев в других древних поэмах! *Cynthia aurem vellit* [Аполлон треплет за ухо (напоминает) (лат.)].

** Настает утро второго дня, считая с начала поэмы. После смерти Кухулина его бард Карил, сын Кинфены, удалился в пещеру Туры, расположенную в окрестностях Мой-ланы, где происходит действие «Теморы». Его нечаянное появление дает Оссиану возможность незамедлительно выполнить данное Кахмору обещание позаботиться о том, чтобы над могилой Карбара была пропета погребальная песнь. Это место, включая и обращение Карила к солнцу, имеет лирический размер и несомненно сочинено поэтом для того, чтобы слушатель мог отдохнуть после длительного предшествующего повествования. Хотя лирические пьесы, рассеянные в поэмах Оссиана, в оригинале очень красивы, они много теряют, когда лишены размера и созвучия рифмы. В повествовательной части поэмы, рассчитанной на декламацию, оригинал представляет собою скорее размеренную прозу, чем правильные стихи, но при этом он обладает всем многообразием ритмов, соответствующих мыслям и страстям говорящих. — Эта книга охватывает по времени всего лишь несколько часов.

светило беспечное, хоть и тебе, может быть, суждено когда-то погибнуть. Мглистый покров * настигнет тебя и одолеет на небе.

Утешен голос песни, о Карил, душе Оссиановой! Он, словно утренний дождь, что кропит шелестящий дол, на который солнце глядит сквозь туман, едва из-за скал поднявшись. Но не время теперь, о бард, состязаться в песнях. Фингал в доспехах своих ожидает в долине. Ты зришь пламенеющий щит короля. Омрачилось его лицо, осененное кудрями. Видит он — широко раскинулось воинство Эрина.

Не видишь ли, Карил, могилы рядом с ревушим потоком? Три камня вздымают серые главы под склонившимся дубом. Лежит там король поверженный; передай его душу ветрам. Он Кахмору брат, отверзи ему воздушный чертог. Да будет песнь твоя источником радости мрачному духу Карбара».

КНИГА ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ

Когда наступает утро, Фингал обращается с речью к своему воинству и поручает предводительство Голу, сыну Морни; согласно обычаю того времени, королю подобало вступить в сражение лишь тогда, когда от его несравненной отваги и умелости зависел исход дела. Король и Оссиан удаляются на утес Кормул, господствующий над полем битвы. Барды запевают военную песнь. Следует описание боя. Гол, сын Морни, отличается в сражении: убивает Турлатона, вождя с потока Морху, и других вождей, не столь именитых. Со своей стороны Фолдат, возглавивший ирландское войско (ибо Кахмор по примеру Фингала не участвует в битве), тоже сражается доблестно: убивает Конвала,

вождя Дун-лоры и, продвинувшись вперед, готов уже сразиться с самим Голом. Но в это время стрела, пущенная наудачу, ранит Гола в руку, и его прикрывает Филлан, сын Фингала, показавший чудеса храбрости. Наступает ночь. Фингалов рог отзывает назад его ратников. Барды встречают их приветственным пением, особенно восхваляя Гола и Филлана. Вожди приступают к пиршеству. Фингал печалится о Коннале. Вводится повесть о Коннале и Дут-кароне, проливающая свет на древнюю историю Ирландии. Карилу поручают воздвигнуть могильный холм Конналу. — Действие этой книги завершает второй день с начала поэмы.

Кто это там над синим потоком Лубара рядом с нависшим оленьим холмом? ** Величавый, он оперся на дуб, сброшенный ветром ночным

* *Мглистый покров*, возможно, означат затмение.

** Это неожиданное риторическое обращение, описывающее Фингала, позу короля и окружающую обстановку, имеет целью возвысить ум для должного восприятия последующего рассказа о битве. Речь Фингала исполнена великодушного благородства, всецело его отличающего. Группа воинов, которых поэт располагает вокруг своего отца, живописна и изображена весьма умело. Хорошо придумано молчание Гола, поведение Филлана и то впечатление, какое оба производят на душу Фингала. В оригинале речь его по поводу происходящего очень красива. Прерывистые стихи разного размера передают смятение его души, колеблющейся между восхищением, которое вызывает у него молчание Гола (тогда как другие похваляются своими подвигами), и естественным пристрастием к Филлану, достигающим благодаря поведению доблестного юноши высшего предела.

с вершины. Кто ж это, как не Комхала сын, озаряющий поле последней брани своей! Кудри седые его развеивает ветер, наполовину извлек он из ножен меч Луно. Очи его обращены к Мой-лене, к темной лавине врагов. Слышишь ли глас короля? Он, словно грохот потока в пустыне, когда тот стремится меж скал гулкозвучных к выжженным солнцем полям.

«Раскинувшись вширь, нисходит враждебное войско. Восстаньте, чада лесистого Морвена! Будьте, как скалы моей страны, где по бурым склонам катятся воды. Радости луч озаряет мне душу. Я зрю пред собою могучую рать. Вздохи Фингала лишь тогда раздаются, когда слаб неприя- тель, ибо сражение с ним приносит бесславную смерть и могилу, сокры- тую мраком. Кто возглавит сражение против войска Алнекмы? Меч мой должен тогда лишь сверкать, когда велика опасность. Таков был прежде обычай при Тренморе, правителе ветров, и так устремлялся в битву лазо- ревощитный Тратал».

Вожди к королю склонились. Каждый, казалось, втайне желал возгла- вить сражение. Они спешили поведать о подвигах бранных своих и к Эрину взор обращали. Но впереди, далеко от других, сын Морни стоял; молча стоял он, ибо кому же не ведомы битвы Гола? Память о них взды- малась в его душе. Длань его тайно хваталась за меч. За меч, что принес он из Струмона, когда сила Морни иссякла.*

* Strumon — *поток холма*; так называлось местопребывание рода Гола в окрест- ностях Сельмы. Во время похода Гола на Троматон, о чем упоминается в поэме «Ойтона», Морни, отец его, умер. Умирая, Морни повелел, чтобы *меч Струмона* (сохранившийся в роду как святыня со времен Колгаха, самого прославленного из его предков) был положен в могилу рядом с ним и в то же время принадлежал его сыну, но с тем, чтобы тот взял его оттуда лишь тогда, когда будет доведен до крайности. Вскоре после того два брата Гола были убиты в сражении Колда-рона- ном, вождем Клуты, и сам Гол пошел к могиле отца, чтобы взять меч. От поэмы Оссиана, сочиненной на эту тему, осталось лишь обращение Гола к духу почившего героя. Здесь я предлагаю ее читателю.

Г о л

Крушитель щитов гулкозвучных, чья глава темнотою сокрыта, внемли мне из мрака Клоры, о Колгаха сын, внемли!

Шорох орлиных крыл не возмущает моих потоков. Погруженный в туман пу- стыни, о Струмона гордый правитель, внемли!

Живешь ли ты в сумрачном ветре, что темной волною колышет траву? Не играй пустынным волчком, владыкя Клоры, внемли!

Или верхом на луче ты прорезаешь смятение мрачных туч? Насылаешь на море ветер ревущий и катишь синие волны на острова? внемли мне, родитель Гола, средь ужасов ночи внемли!

Я слышу полет орлов, дубы, шелестя на холме, сотрясают вершины. Страшен и радостен твой приход, друг жилища героев.

М о р н и

Кто пробуждает меня в глубине моей тучи, где ветры колышут мои туманные кудри? Зачем среди шума потоков глас разносится Гола?

Г о л

Морни, враги окружают меня: волны приносят их с темных судов. Дай мне Струмона меч, тот луч, что сокрыл ты в своей ночи.

На копье опирался сын Клато,* его кудри вились по ветру. Трижды он поднимал свой взор на Фингала, трижды замирал его глас, когда он речь заводил. Филлан не умел похвалиться битвами, прочь устремился он. Склонясь над дальним потоком, он встал; слеза на ресницах повисла. Порой он сбивал обращенным копьём головки чертополоха.

Но он не укрылся от взора Фингалова. Искося тот на сына взглянул. Он взглянул на него, вскипая восторгом, и отвернулся с душою стесненной. Молча король отвернулся к лесистой Море. Кудрями сокрыл он невольные слезы. Наконец его голос раздался.

«Первый из сынов Морни,** ты — скала, презревшая бурю! Веди мою рать на битву за род сраженного Кормака. Твое копьё — не палочка отрока, блеск меча — не луч безобидный света. Сын Морни, коней властелина, воззри на врага, сокруши его. Филлан, ступай вослед за вождем, он не покоен в схватке и не напрасно пылает в битве; сын мой, ступай вослед за вождем. Он могуч, подобно потоку Лубара, но не ревет и не пенится всуе. С вершины облачной Моря будет Фингал следить за сраженьем. Стой, Оссиян, рядом с отцом, вблизи водопада.*** Барды, возвысьте голос! Морвен, вперед под звуки их песен. Это моя последняя брань, увенчайте ее сиянием славы».

Как ветра внезапный порыв иль отдаленный рокот морей возмущенных, когда мрачный и яростный дух гонит валы на остров, что долгие темные годы был посреди пучины жилищем туманов, так ужасен воинства гул, широко наступавшего по полю. Впереди возвышается Гол; он шагнет — и сверкнувший ручей позади остается. Барды запели с ним рядом, в лад им он ударял в свой щит. На крыльях ветра разносились звучные голоса.

«На Кроне, — пели барды, — бьет по ночам источник. В мрачном ложе своем он бушует, пока не взойдет ранний рассветный луч. Тогда он, пе-

Морни

Возьми же меч гулкозвучного Струмона. Я гляжу на твое сраженьё, мой сын, я, метеор еле зримый, гляжу из небесной тучи: Гол лазеревощитный, рази!

* Клато была дочерью Кагуллы, короля Инис-тора. Во время одного из походов на этот остров Фингал влюбился в Клато и взял ее в жены после смерти Роскраны, дочери ирландского короля Кормака.

Клато была матерью Рино, Филлана и Босмины, упомянутой в «Битве при Лоре» — одной из малых поэм, напечатанных в первом томе. Филлан часто называется сыном Клато в отличие от сыновей Фингала от Роскраны.

** Гол, сын Морни, наиболее славный после Фингала герой, представленный в поэмах Оссана. Подобно Аяксу в Илиаде, он отличается мужественной молчаливостью. Почетные наименования, которые присваивают здесь ему Фингал, необычайно выразительны в оригинале. Во всей «Теморе» нет другого места, которое столько бы теряло в переводе, как это. Первая часть речи, текущая быстро и неправильно, рассчитана на то, чтобы возбудить душу к бранным подвигам. Когда же король обращается к Филлану, стих становится правильным и гладким. Первая часть подобна стремительному потоку, пронсящему по обломкам скал; вторая — течению полноводной реки, спокойному, но величавому. Этот пример наглядно показывает, сколь многого может достичь поэт, изменяя размер согласно с тем особым чувством, которое он намерен возбудить в читателе.

*** После того как Уллиан был послан в Морвен сопровождать тело Оскара, Оссиян сопровождал отца в роли главного барда.

нись, свергается вниз с холма, унося за собою скалы и сотню роц. Да будет от Кроны моя стезя далека, ибо на Кроне бушует смерть. Будьте ж потоком Моры, сыны туманного Морвена!

Кто там вздымается на колеснице у берега Клуты? Холмы содрогаются пред королем. Эхом ответствуют темные роцци, озаряясь сверканьем булата. Узри его посреди супостатов, подобного резвому духу Колгаха,* когда тот расточает тучи и несется верхом на вихрях! Это Морни, коней властелин!** Будь подобен родителю, Гол!

Настежь распахнута Сельма.*** Барды, коснитесь трепетных струн. Десять юношей дуб для пира приносят. Солнца далекий луч освещает вершину холма. Сумрачные волны ветра колышут травы полей. Что ж ты безмолвствуешь, Морвен? Король возвратился во всей своей славе. Ужель вкруг него не гремела брань? Но мирно его чело. Гремела она, и Фингал победил. Будь подобен родителю, Филлан!»

Под пение бардов двигалась рать. Высоко колыхались копыя, как тростниковые заросли под ветром осенним. Король в доспехах стоял на вершине Моры. Туман струился вокруг щита его широкого, что висел в вышине на суку над мшистым утесом Кормула. Молча стоял я возле Фингала, к лесу Кромлы свой взор обращая,**** дабы не видеть войска и не броситься в битву, душою вскипев. Выставив ногу вперед, попирая вереск, величавый, сверкал я булатом, как водопад Тромо, когда ночные ветры льдом его окуют. Отрок видит, как он в вышине блещет под ранним лучом; он обращает к нему свой слух и дивится его безмолвию.

Не встал над потоком Кахмор, словно юноша на мирном поле; он вширь простирает и гонит вперед темные буйные волны сражения. Но, завидя Фингала на вершине Моры, исполнился он благородной гордыни. «Пристало ли Аты вождю сражаться, когда король на поле не вышел? Фолдат, веди мой народ на битву. Ты — огненный луч».

* Существуют предания (впрочем, я полагаю, позднего происхождения), отождествляющие этого Колгаха с Калгаком Тацита. Он был предком Гола, сына Морни, и некоторые действительно древние предания называли его королем или вергобретом каледонцев, а отсюда возникли притязания рода Морни на престол, причинившие немало бед и Комхалу и сыну его Фингалу. Первый был убит в сражении с племенем Морни, и только Фингал, возмужав, сумел привести непокорных в повиновение. Colgach означает *сиротый видом*, наименование, весьма подходящее для воина, и, возможно, от него произошел Calgacus, хотя, я полагаю, отождествление упомянутого здесь Колгаха с этим героем является чистым домыслом.

Не могу не отметить, сколь уместно построена песнь бардов. Голу, кого опыт побуждал соблюдать в бою осторожность, они приводят в пример отца, который очертя голову бросался в битву. Напротив, Филлану, способному по молодости лет действовать в бою запальчиво и неосмотрительно, напоминают о том, что Фингал в подобных случаях вел себя степенно и спокойно.

** Сохранилось предание о походе Морни на Клуту, на который намекают здесь барды. Однако поэма, основанная на этом предании, в настоящее время утрачена.

*** Оссиану особенно удаются мирные картины, которые обретают двойную силу, когда он помещает их рядом с изображением суеты и бурных действий. Такое противопоставление воодушевляет и возвышает поэзию.

**** Гора Кромла находилась по соседству с местом действия этой поэмы, которое почти совпадает с местом действия поэмы «Фингал».

Вождь Момы вышел вперед, словно туча, теней одеяние. Он извлек из ножен пламя меча и подал к сражению знак. Племена, словно гребни волн, изливают окрест свою темную силу. Надменно шествует он перед ними, гневно вращаются очи его багровые. Он призвал вождя Дунрато,* и раздалась его речь.

«Кормул, ты видишь эту тропу. Вьется она, зеленея, позади врага. Поставь туда дружину свою, дабы Морвен не смог избежать моего меча. Барды зеленодолого Эрина, не возвышайте гласа. Морвена чада должны погибнуть без песен. Они враги Карбара. Странник отныне будет встречать на Лене темный густой туман, что, окутав их тени, станет с ними блуждать близ тростников озерных. Без песни вовек не подняться им в обиталище ветров».

Кормул пошел, становясь все мрачнее, вослед ему ринулось племя его. Они за скалою сокрылись. Гол, следя за движением темноокого короля Дунрато, молвил Филлану с Морху.

«Ты видишь, как Кормул шагает. Да будет десница твоя сильна. Когда ж он падет, сын Фингала, вспомни, что Гол ратоборствует. Здесь я вторгнуусь в сражение среди гребня щитов».

Раздался смерти сигнал, зловеющий звон щита Морни. С ним и Гол возвысил свой глас. Фингал восстал на вершине Момы. Он видел войско свое от крыла до крыла, устремленное в битву. Мерцающая на темном холме, высится сила Аты.** Они*** подобны двум горным духам, что восседают на мрачных своих облаках, ветры окрест посылая и воздымая ревущее море. Перед ними смятение синих волн, путями китов прорезанное. Они же спокойны и ясны; лишь ветерок подымлет их кудри туманные.

Что там за огненный луч высоко проносится в воздухе? Это ужасный меч Морни. Смерть на своем пути сеешь ты, Гол, в ярости ты друг на друга их громоздишь. Слово дуб молодой, одетый ветвями, упадет Турлатон.**** Высокогрудая супруга его, кудри свои разметав, спит под журчание Морху; белые руки она простирала во сне королю навстречу. Но это лишь дух его, Ойхома: Турлатон сраженный лежит. Не внемли ветрам, ожидая услышать щит его гулкозвучный. Он потоком разбит, и звон его смолк навсегда.

Не ведает мира и длань Фолдата: в крови пролагает он путь свой. Коннал встретил его в бою; они скрестили звенящую сталь. Зачем мой взор за ними следит! Коннал, седы кудри твои! Другом ты был чужеземцам у мшистых утесов Дун-лоры. Когда небеса одевались тьмой, начи-

* Dun-ratho — холм с плоской вершиной. Corm-uil — синий глас. Фолдат здесь посылает Кормула устроить засаду позади каледонского войска. Речь его хорошо согласуется с характером Фолдата, всегда надменного и самоуверенного. Конец этой речи отражает воззрение того времени, согласно которому души тех, кто похоронен без погребальной песни, глубоко несчастны. На этом догмате несомненно настаивали сами барды, дабы доказать, что их занятие почетно и необходимо.

** Под силой Аты подразумевается Кахмор. Такого рода выражения обычно встречаются у Гомера и других древних поэтов.

*** Два короля.

**** Tur-lathon — широкий ствол дерева. Móruth — большой поток. Oichaoma — нежная дева. Dun-lora — холм у шумного потока. Duth-caron — смуглый человек.

нался твой пир. Чужеземец слышал, как воеет ветер снаружи, и веселился у дуба горящего. Зачем же, сын Дут-карона, ты повержен в крови! Над тобою склоняется дуб опаленный, щит твой разбитый рядом лежит. Мешается кровь с водою потока, о сокрушитель щитов!

В ярости я схватил копьё,* но Гол уже напал на врага. Слабых обходит он стороной, его гнев обращен на властителя Момы. Вот подъяли они свои смертоносные копыя, но тут прилетела незримо стрела. Руку Гола она пронзила; сталь его пала на землю, звеня. Юный Филлан пришел, и Кормула щит** простер он пред королем. Громко Фолдат вскричал, воспламеняя битву, словно ветра порыв, что вздымает ширококрылый пламень над гулкозвучными рощами Лумона.***

«Сын синееокой Клато, — промолвил Гол, — ты — небесный луч, что, нисходя на моря возмущенные, вяжет бури крыло. Кормул пал пред тобою. Рано ты в славе сравнялся с твоими отцами. Но не стремись от меня отдалиться, герой, я бессилен поднять копьё в помощь тебе. Безвредный, стою я среди битвы, но мой голос окрест разнесется. Сыны Морвена услышат его и вспомнят былые мои деяния».

Голос ужасный его понесся по ветру, войско ринулось в бой. Часто слышали они Гола на Струмоне, когда он сзывал их на охоту за ланями. Сам же он возвышался среди брани, словно дуб, окутанный бурей: то сверху туман на него ложится, то он являет широкой главы колыханье. Задумчивый взор на него устремляет охотник из зарослей тростниковых.

О Филлан, моя душа провожает тебя по стезе твоей славы. Ты гонишь врага пред собою. Ныне, пожалуй, бежал бы и Фолдат; но в тучах ночь опустилась, и Кахмора рог прозвучал. Морвена чада слышали голос Фингала с Моры, туманом окутанной. Пение бардов росую излилось на возвращение рати.

«Кто там идет со Струмона, — цели они, — чьи это кудри вьются? Скорбно ступает она и очи свои голубые к Эрину обращает. Почему ты печальна, Эвир-хома?**** Кто сравнится в славе с твоим вождем? Страшен он был, устремляясь в битву; он возвращается ясен, как свет из-за тучи. В гнев вздымал он меч, и сжимались враги перед лазоревощитным Голом.

Радость, как ветерок шелестящий, нисходит в грудь короля. Он вспоминает старинные брани, дни, когда бились его отцы! Старинные дни приходят на память Фингалу, когда он взирает на славу сына. Как из-за туч поднявшись, солнце ликует при виде древа, его лучами возвращенного,

* Поэт говорит о себе самом.

** Ранее Гол направил Филлана преградить путь Кормулу, которого Фолдат послал устроить засаду позади каледонской армии. Очевидно, Филлан убил Кормулу, иначе нельзя объяснить, каким образом он мог овладеть щитом вождя. Поэт, сосредоточив внимание на основных событиях, обошел молчаньем этот подвиг Филлана.

*** Лумон — склоненный холм; гора в Инис-хуне, или той части южной Британии, которая расположена напротив Ирландии.

**** Euir-chaoma — крохоткая и величавая дева, жена Гола. Она была дочерью Касду-конгласа, короля И-дронло — одного из Гебридских островов.

что колышет средь вереска главу одинокую, так и король ликует при виде Филлана.

Как на холмах раскаты грома, когда покойны и сумрачны пустоши Лары, так и шествие Морвена приятно и страшно слуху. Шумно они возвращаются, словно орлы на свой темноглавый утес, растерзав на равнине добычу — бурое чадо скачущих ланей. Ваши предки ликуют на своих облаках, сыны многоводной Коны».

Так пели ночью барды на Море оленьей. Пламя вздымалось от ста дубов, сорванных ветрами со склона Кормула. Посреди уготовано пиршество, кругом, сверкая, воссели вожди. Там и Фингал в силе своей, крыло орла шелестит на шлеме его; * западный ветер порывами резкими со свистом в ночи проносился. Долго молчал король, озираясь вокруг, наконец его речь зазвучала.

«Радость моей души неполна. Я вижу, что прорван круг друзей. Пала вершина одного из деревьев: буя врывается в Сельму. Где он, вождь Дунлоры? Можно ль забыть его на пиру? Разве он забывал чужестранца в гулком чертоге своем? Вы безмолвствуете предо мной! Нет уже более Коннала! Пусть радость, как света поток, встретит тебя, о воин! Да будет быстр полет твой к праотцам в порыве горных ветров. Оссиан, в твоей душе не угасает огонь: воспламени нашу память о короле. Да предстанут нам битвы Коннала, когда впервые блистал он в бою. Кудри Коннала были седы. Дни его юности переплетались с моими.** Дут-карон в единый день впервые напруг наши луки против косуль Дунлоры».

«Много наших следов боевых, — сказал я, — на зеленых холмах Инисфайла. Часто вздымали мы паруса над синим смятеннем волн, когда мы ходили в минувшие дни на помощь племени Конара.

Некогда брань бушевала в Алнекеме, близ пеной покрытых потоков Дут-улы.*** Вместе с Кормаком в битву пошел Дут-карон из туманного Морвена. Но не один пошел Дут-карон: рядом был его сын, длинноволосый юноша Коннал, впервые подъявший копье. Ты повелел им, Фингал, помочь королю Эрина.

Словно ярая сила потока, ринулись в битву Болги сыны. Колк-улла**** шел впереди, вождь синеструйной Аты. На равнине вскипела битва,

* Это и некоторые другие места настоящей поэмы указывают, что короли Морвена и Ирландии украшали свои шлемы орлиными перьями. Благодаря такому отличию Оссиан во второй книге поэмы узнал Кахмора, который, возможно, перенял этот обычай от прежних монархов Ирландии из племени гэлов или каледонцев.

** После смерти Комхала, когда племя Морни захватило власть, Фингал был тайно воспитан Дут-кароном. Тогда-то и завязалась та дружеская связь с Конналом, сыном Дут-карона, которая побуждает Фингала столь сильно скорбеть о его гибели. Возмужав, Фингал быстро покорил племя Морни и, как видно из последующей вводной повести, послал Дут-карона и сына его Коннала на помощь Кормаку, сыну ирландского короля Конара, которому восставшие фирболги грозили гибелью. Эта повесть проливает новый свет на распри гэлов и фирболгов, что придает ей особую ценность.

*** Duth-úla — река в Коннахте; название ее означает *темностремительная вода*.

**** Colc-ulla — *твердый взгляд наготове*; он был братом Борбар-дугула, отца Карбара и Кахмора, которые после смерти Кормака, сына Арто, поочередно занимали ирландский трон.

словно сшиблись два буйных моря. Кормак* в бою изливал сияние, сверкая, как духи праотцев. Но далеко впереди остальных Дут-карон рубил врагов. Не покоилась праздной и десница Коннала, что рядом с отцом сражался. Ата верх одержала на бранном поле; словно летящий туман, рассеялись воины Уллина.**

Тогда поднялся меч Дут-карона и стала широкощитного Коннала. Они прикрывали бегущих друзей, как два утеса, венчаные соснами. Ночь низшла на Дут-улу; по полю молча шагали вожди. Горный поток, рочка, им путь пересек, и Дут-карон не смог его перепрыгнуть. „Зачем ты медлишь, отец мой, — промолвил Коннал, — я слышу, близится враг“.

„Беги, Коннал, — сказал он, — твоего отца оставляют силы. Раненый я возвращаюсь с битвы. Дай мне здесь в ночи упокоиться“. „Нет, один ты здесь не останешься, — молвил Коннал, тяжело вздыхая. — Щит мой — крыло орла, он защитит короля Дун-лоры“. Скорбный склоняется он над вождем: умирает могучий Дут-карон.

День воссиял и снова ночь воротилась. Ни единый бард не прошел, задумчив, по вереску; а могилы Коннал покинуть могилу отца, пока не воздастся слава ему? Он напряг свой лук против косуль Дут-улы и справил пир одинокий. Семь ночей он склонял главу на могилу и видел отца в сновидениях. Он видел, как тот, омраченный, пронесется в вихре, подобно парам над тростниками Лего. Наконец, пришел Колган, высокой Теморы бард.*** Дут-карон обрел свою славу и просиял, возносясь на ветре».

* Кормак, сын Коара, второй король Ирландии, каледонец по происхождению. Описанное восстание Фирболгов произошло в конце долгого царствования Кормака. Судя по некоторым вставным эпизодам и отдельным поэмам, его пребывание на ирландском троне никогда не было мирным. Сторонники семейства Аты несколько раз пытались лишить род Коара права престолонаследия, пока им не удалось достичь этого во время царствования несовершеннолетнего Кормака, сына Арто. Ирландию, судя по наиболее древним сообщениям, видимо, всегда волновали внутренние распри, так что даже трудно сказать, подчинялась ли она какому-то одному монарху в течение сколько-нибудь длительного времени. Несомненно, что в каждой области, если только не в каждой округе, был свой король. Время от времени какой-либо из этих мелких властителей присваивал себе титул короля Ирландии, и, если он превосходил других военной мощью или стране грозила общая опасность, остальные признавали за ним это право. Но порядок престолонаследия от отца к сыну, по-видимому, не был еще твердо установлен. Междоусобицы, простекавшие из дурного образа правления, кончились тем, что ирландцы вынуждены были покориться иноземному игу.

** Жители Уллина, или Ольстера, принадлежавшие к племени каледонцев, по-видимому, были единственными верными сторонниками престолонаследников из рода Коара. Фирболги подчинялись этим правителям только по принуждению и пользовались всякой возможностью, чтобы сбросить их иго.

*** Колган, сын Катмула, был главным бардом ирландского короля Кормака, сына Коара. Сохранилась часть поэмы о любви Фингала и Рос-краны, и ее приписывают этому Колгану, но я не решусь определить, действительно ли это сочинение принадлежит ему или оно относится к более позднему времени. Но, как бы там ни было, судя по содержащимся в нем устарелым выражениям, оно, очевидно, очень древнее, а его поэтические достоинства, быть может, извинят меня за то, что я решаюсь предложить его перевод читателю. Сохранившийся отрывок поэмы представляет собою написанный лирическим размером диалог между Фингалом и Рос-краной, дочерью Кормака. Вначале она говорит сама с собой, и этот ее монолог подслушивает Фингал.

«Приятна слуху, — молвил Фингал, — хвала властелинам людей, когда их луки крепки во бранях, когда смягчаются их сердца при виде скорбящего. Так пусть и мое прославится имя, когда барды помогут моей душе устремиться ввысь. Карил, сын Кинфены, веди с собой бардов и воздвигни могилу. Да упокоится к ночи Коннал в тесном своем жилище, да не придется душе героя блуждать меж ветров. Тускло мерцает луна на Мой-лене сквозь широкоглавые рощи холма; под ее лучами воздвигни камни всем погибшим в бою. Хотя они не вожди, но были крепки их руки в сраженье. Они мне служили оплотом в опасности, горю, с которой я простирал свои орлиные крылья. Им я обязан славой; Карил, не позабудь павших героев!»

Сразу сто бардов громко запели погребальную песнь. Карил выступал впереди, они журчащим потоком стремятся за ним. Безмолвие царит в долинах Мой-лены, что вьются каждая с темным своим потоком среди

Рос-крана

Ночью сон явился к Рос-кране. Ах, как стучит мое сердце. Не призрак загробный явился синим очам Эрина. Нет, я узрела, как он восстал, златокудрый, над волнами севера. Я узрела, то сын короля. Сильно стучит мое сердце. Я опустила главу во тьме, и вновь он предстал предо мной. Зачем отдаляешь ты свой приход, юный наездник бегущих волн!

Но вот он мелькает вдали, где море вращает зеленые гребни в тумане! Юный житель моей души, зачем же ты медлишь?

Фингал

То был нежный голос Мой-лены! ласковый ветерок из долины косуль! Но зачем ты сокрылась в тени? Приди же, младая любовь героев. Разве красой не сияет поступь твоя? Ты являешься в рощах своих, Рос-крана, словно солнце среди облаков. Зачем ты сокрылась в тени? Приди же, младая любовь героев.

Рос-крана

Как трепещет моя душа! Прочь беги от шагов короля. Он слышал мои тайные мысли, как же мне очи поднять на него? Серна мшистых холмов, я к жилищу твоему поспеваю. Примите меня, дуновения легкие Моры, когда я поспеваю долиной ветров. Но зачем устремился он на океанские волны? Сын героев, мое сердце — твое. Я уже не спешу в пустыню. Здесь обретается свет Рос-краны.

Фингал

Это был легкого призрака след, обитателя вихрей воздушных. Зачем обольщает меня твой голос? Позволь мне здесь отдохнуть в тени. О, если б ты мне из рощи белую руку простерла, солнечный луч Кормака из Эрина!

Рос-крана

Он ушел! и померкли синие очи мои, утопая в слезах. Но вот, я вижу его одного; король Морвена, мое сердце — твое. Горе мне! громко звенит оружие! Колк-улла из Аты близится!

Фингал, как мы узнаем из вставного эпизода, которым начинается четвертая книга, предпринял поход в Ирландию, чтобы помочь Кормаку, сыну Конара, в борьбе против восставших фирболгов. Тогда-то он увидел дочь Кормака Рос-крану, влюбился в нее и взял ее в жены. Иногда эту поэму приписывают Оссиану, но, судя по некоторым обстоятельствам, я пришел к выводу, что это лишь подражание ему, хотя и весьма удачное. Изящество чувства и красота образов заставляют отнестись к созданию к глубокой древности, потому что чем ближе мы к нашему времени, тем менее красивыми становятся творения бардов.

холмов. Я слушал, как замирали голоса удалявшихся бардов. Я наклонился вперед, опираясь на щит, и чувствовал, как разгоралась моя душа. Слова полусложенной песни ветер вдаль уносил. Так в долине дерево слушает голос весны вокруг себя, оно распускает навстречу солнцу листочки свои зеленые и колышет главу одинокую. Горная пчелка рядом жужжит; с радостью видит его охотник на пустоши голой.

Юный Филлан стоял в отдалении. Его шлем сверкал на земле. Развеваются по ветру темные кудри; солнечный луч — сын Клато. Радостно слушал он слова короля, опершись на копьё.

«Сын мой, — сказал колесницевластный Фингал, — я видел твои деяния, и веселилась моя душа. Слава наших праотцев, молвил я, излетает из стувившихся туч! Ты бесстрашен, сын Клато, но безрассуден в сраженьи. Не так на врага устремлялся Фингал, хоть он никогда не страшился. Пусть за тобой стеною стоят твои ратники — они твоя сила на поле сражения. Тогда долго ты будешь венчаться славою и увидишь могилы праотцев. Ко мне возвращается память о прошлом, о подвигах лет минувших, когда я впервые сошел с океанских волн на зеленодолый остров». Мы склоняемся к голосу короля. Луна глядит окрест со своих облаков. Рядом клубится серый туман — обиталище духов.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ

Вторая ночь продолжается. Фингал рассказывает на пиру о своем первом походе в Ирландию и женитбе на Роскране, дочери Кормака, короля этого острова. Ирландские вожди сходятся к Кахмору. Описывается положение этого короля. Повесть о Суль-мале, дочери Коннора, короля Инис-хуны, которая, переодевшись в платье молодого воина, последовала за Кахмором на войну. Из-за грубости Фолдата, возглавлявшего войско в минувшей битве, возбоя-

ется ссора между ним и Малтосом, но вмешательство Кахмора прекращает ее. Вожди пируют и слушают песню барда Фонара. Кахмор укладывается на отдых в некотором отдалении от войска. Во сне ему является дух брата его Карбара и в темных выражениях предсказывает исход битвы. Речь короля наедине с собой. Он обнаруживает и узнает Суль-малу. Ее сегования завершают книгу.

«Под дубом сидел я, — начал король, — на прибрежном утесе Сельмы, когда Коннал явился с моря, держа преломленное копьё Дут-карона.* Юноша встал в отдалении, прочь отворачивая очи, ибо он вспоминал, как, бывало, отец его хаживал по своим зеленым холмам. При виде его я омрачился, скорбные думы теснились в моей душе. Властители Эррина восстали в моей памяти. Я извлек до половины свой меч. Неспешно вожди по-

* Эта вводная повесть непосредственно связана с историей Коннала и Дут-карона, рассказанной в конце третьей книги. Фингал, сидя под дубом вблизи замка Сельмы, видит Коннала, который только что вернулся из Ирландии. Опасность, угрожающая ирландскому королю Кормаку, побуждает его немедленно отплыть туда. История эта введена Фингалом, чтобы она впредь служила примером для Филлана, чью опрометчивость в предшествующей битве он порицал.

дошли, молча они обратили ко мне свои взоры. Сгрудившись, как сонм облаков, ждали они, что раздастся мой голос; был он для них ветром небесным, прочь уносящим туман.

Я повелел поднять паруса мои белые, пока не взревел еще ветер с Коны. Триста юношей, встав над волнами, взирали на щит горбатый Фингала. Высоко на мачте висел он, отражаясь в волне темно-синей. Но когда опускалась ночь, я ударял в него время от времени, ударял и искал в небесах огневласого Уль-эрина.*

Не исчезала звезда небесная: плыла она, алая, меж облаков; за любезным лучом ее следовал я по тускло мерцавшей пучине. Утро настало, и Эрин поднялся в тумане. Мы в залив Мой-лены вошли, где сновались синие воды на лоне лесов гулкозвучных. Здесь Кормак в своем потаенном чертоге скрывался от мощи Колк-уллы. Не одинок от врага он скрывается: рядом сияют очи Рос-краны,** белокурой девы, дочери короля.

Седовласый, опираясь на копьё без острия, вышел престарелый Кормак. Улыбка мелькнула на его лице из-под вьющихся кудрей, но горе тайлось в его душе. Он увидел, что мало нас перед ним, и глубоко вздохнул. „Я вижу, — сказал он, — оружие Тренмора и слышу шаги короля! Фингал, ты светлый луч для души омраченной Кормака. Рано прославился ты, мой сын, но сильны неприятели Эрина! Они, словно ярость потоков на нашей земле, сын колесничевластного Комхала“.

„Но можно вспять обратить их течение,*** — молвил я, духом воспрянув. — Мы не из племени слабых, король лазоревощитных ратей. Ужели страх к нам проникнет, словно призрак почной? Храброго дух возрастает, коль множатся в поле враги. Король Эрина, не нагоняй мрака на юных бойцов“.

Слезы исторглись из глаз короля. Молча схватил он мою десницу. „Племя бесстрашного Тренмора, не нагоню я мрачных туч на тебя. Ты пламенеешь огнем своих праотцев. Я зрю твою славу. Она знаменует твой путь в сраженьях, словно поток лучезарный. Но подожди возвращения Карбара:**** мой сын съединится с твоим мечом. Он сзывает сынов Уллина со всех отдаленных потоков“.

* Ul-erin — проводник в Ирландию, звезда, известная под этим именем во времена Фингала и очень полезная для тех, кто плыл ночью от Гебридских островов или Каледонии к побережью Ольстера. Это место свидетельствует, что мореплавание было весьма развито у каледонцев.

** Ros-stána — луч восходящего солнца; она была матерью Оссиана. Ирландские барды рассказывают об этой принцессе весьма неправдоподобные истории. Ее характер, как он представлен здесь и в других поэмах Оссиана, не соответствует их рассказам. Повествования же их о Фингале (если они подразумевают его под именем Фюн Мак-Комнал) столь противоречивы и ни с чем несообразны, что они не заслуживают даже упоминания, тем более что на них лежит явный отпечаток более позднего происхождения.

*** Кормак сказал, что враги, словно ярость потоков, и Фингал продолжает метафору. Речь юного героя вдохновенна, и она согласуется с тем спокойным бесстрашием, которое в высшей степени отличает его характер.

**** Карбар, сын Кормака, стал впоследствии ирландским королем. Правление его было недолгим. Ему наследовал Арто, отец того самого Кормака, которого убил Карбар, сын Борбар-дугула. Карбар, сын Кормака, через много лет, после того

Мы вступили в чертог короля, возвышавшийся среди скал — тех скал, где на темных склонах оставили след свой былые потоки. Развесистые дубы, поросшие мхом, склоняются вокруг чертога; густая береза колышет зеленолистой главой. Полусокрытая в тенистой дубраве, пела Рос-крана. Белые руки ее перебегали по струнам арфы. Я узрел ее голубые очи. Она была, словно дух небесный, что окутан покровом облачным.*

Три дня на Мой-лене мы пировали; образ девы, сияя, вставал в моей смятенной душе. Кормак заметил, что я омрачился. Он отдал мне бело-грудую дочь. Она подошла, потупя очи, осененная волнами тяжелых кудрей. Она подошла... Вдруг заревела битва. Явился Колк-улла; я схватил копье. Меч мой поднялся вместе с войском моим на полчища супостата. Племя Алнекмы бежало. Колк-улла, сраженный, пал. Фингал воротился со славой.

Тот лишь прославлен, о Филлан, кто бьется плечом к плечу со своим народом. Следует бард по его стопам через землю врагов. Но кто в одиночку бьется, тот немного деяний своих передаст временам грядущим. Сегодня сияет он ярким светом. Завтра падет сраженный. В единственной песне слава его. На единственном темном поле имя его. Память о нем только там, где густою травой зарастает его могила».

Так говорил Фингал на оленьей Море. С утеса Кормула полилась сладостная песнь трех бардов. Под звуки ее сон опустился на широко простертое войско. Сопровождаемый бардами, Карил вернулся с могилы

как его сын Арто достиг зрелости, имел от своей жены Бельтано другого сына по имени Ферад-арто. Этот Ферад-арто остался единственным в роду Конара, первого ирландского короля, когда Фингал выступил против Карбара, сына Борбардугула. Подробнее о нем смотри в восьмой книге.

* Это сравнение весьма соответствует внешнему виду Рос-краны, ибо представления о духах покойников были в те времена не столь мрачны и неприятны, как в последующие века. Предполагалось, что души женщин сохраняют красоту, какой обладали при жизни, и что они переносятся с места на место тем скользящим движением, которое Гомер приписывает богам. Поэты, менее древние, чем Оссиан, оставили нам весьма изящные и яркие описания этих красивых видений, являвшихся иногда на холмах. Они сравнивали их с *радужой над потоками* или с *солнечными лучами, скользящими по холму*. Я переведу здесь отрывок из одной старой песни, где эти образы следуют один за другим.

Некий вождь, живший три века назад, возвращаясь с войны, узнал, что его жена или возлюбленная умерла. Бард вкладывает в его уста монолог, произносимый при виде места, где он покинул ее, расставаясь.

«Моя душа печалью омрачилась. Не видно дыма над моим чертогом. Серый пес не скачет у потока. Тишина царит среди деревьев.

Радуга ль встает над Крунатом? Прочь она летит — и небо потемнело. Вновь стремись ты, сияя, по равнине, солнца луч, окутанный дождем! То она, она, любовь моя, так легко скользит по груди ветров!»

В последующие времена красота Рос-краны вошла в поговорку, и нельзя было польстить женщине больше, чем сравнив ее внешность с дочерью Кормака.

'S tu fein an Ros-crána.
Siol Chormac na n'íoma Ián.

[Ты — сама Рос-крана, семя Кормака многих мечей (гал.).]

короля Дун-лоры. Глас денницы уже не дойдет до мрачного ложа героя. Не услышать тебе больше косуль, что скажут над тесным твоим жилищем.

Как возмущенные тучи клубятся над зыблемым морем вокруг метеора ночного, озарившего их края, так сгрудился Эрин вокруг короля Аты, что стоял, мерцая доспехами.* Он среди всех возвышался и беззаботно вздымал временами копые под звуки далекой арфы Фонара, звеневшей то громче, то тише.

Близ него оперлась на утес синеглазая Суль-мала, белогрудая дочь Конмора, короля Инис-хуны.** Однажды на помощь ему пришел лазоревопитный Кахмор и отбросил его врагов. Суль-мала узрела вождя величавого в чертоге пиров. Не равнодушно взирал и Кахмор на длинноволосую деву.***

Третий день наступил, и Фихил**** пришел из многоводного Эрпна. Он рассказал, что в Морвене поднят щит***** и угрожает опасность рыже-

* Поэт переносит действие в ирландский лагерь. Представленные здесь образы великолепны, и они обладают своего рода *ужасной красотой* (если можно так выразиться), которой так часто отмечены сочинения Оссиана. Беспорядочное движение войска и спокойное беззаботное поведение Кахмора составляют противоположность, которая, как я уже замечал, придает описанию возвышенность и рассчитана на то, чтобы оживить поэзию.

** Sul-malla — *медленная поводящая глазами*. Саон-шбг — *кроткий и высокий*. Inis-huna — *зеленый остров*.

*** Для разъяснения этого места я приведу историю, на которой оно основано, извлеченную мною из других поэм. Народность фирболгов, обитавшая на юге Ирландии и происходившая от белгов, которые владели южным и юго-западным побережьем Британии, на протяжении многих веков поддерживала дружественные сношения со своей прародиной и посылала помощь британским белгам, когда на тех нападали римляне или другие пришельцы с континента. Когда Конмор, король Инис-хуны (той части южной Британии, что лежит напротив ирландского побережья), подвергся нападению некоего неприятеля, имя которого не сохранилось, он послал за помощью к Карбару, государю Аты, самому сильному вождю среди фирболгов. Карбар отправил ему на подмогу своего брата Кахмора, который, испытав немало превратностей военного счастья, закончил войну полным разгромом врагов Инис-хуны и вернулся с победой в чертоги Конмора. Там, на пиру, дочь Конмора Суль-мала без памяти влюбилась в Кахмора, но прежде чем ее любовь открылась, он был отозван в Ирландию своим братом Карбаром, получившим известие о том, что Фингал замыслил поход с целью восстановить династию Конара на ирландском престоле. Противный ветер вынудил Кахмора оставаться три дня в соседней бухте. Тем временем Суль-мала переделалась в платье молодого воина и пришла к нему, предлагая свои услуги на войне. Кахмор согласился, поплыл в Ирландию и прибыл в Ольстер за несколько дней до смерти Карбара.

**** Fithil — *младший бард*. Это можно повясть здесь и как имя человека, и в буквальном смысле, поскольку барды в те времена были вестниками и гонцами. Кахмор, вероятно, отсутствовал, когда восстал Карбар и был убит Кормак, король Ирландии. Предания, дошедшие до нас вместе с поэмой, гласят, что Кахмор со своим войском прибыл из Инис-хуны только за три дня до смерти Карбара, и этого достаточно, чтобы отвести от него обвинение в участии в заговоре брата.

***** Обряды, которых придерживался Фингал, готовясь к походу, описаны Осспаном в одной из малых поэм. В полночь бард входил в чертог, где обычно в торжественных случаях пирило племя, запевал *военную песнь* и трижды призывал духов почивших предков явиться на *своих облаках*, чтобы взирать на деяния потомков. Затем он вешал щит *Тренмора* на дерево на скале. Сельмы и ударял в него время от времени тупым концом копыя, а в промежутках пел *военную песнь*. Так продолжалось три ночи подряд, а тем временем рассылались гонцы,

волосому Карбару. Кахмор поднял паруса в заливе Клубы, но ветры дули в иных краях. Три дня он прождал на берегу, обращая очи к чертогу Конмора. Он вспоминал дочь чужеземцев и тяжело вздыхал. Когда же ветры разбудили волну, с холма сошел вооруженный юноша, чтобы меч поднять вместе с Кахмором на его гулкозвучных полях. То была бело-рукая Суль-мала, лик свой сокрывшая шлемом. По следам короля стремилась она и, полная радости, не сводила с него синих очей, когда отдыхал он вблизи своих ревущих потоков. Кахмор же думал, что дева, как прежде, гоняет косуль на Лумоне или, прекрасная, со скалы простирает белую руку ветру — узнать, не летит ли он с Инис-файла, из зеленой страны ее милого. Обещал ей Кахмор вернуться на своих парусах бело-грудых. Аты король, близ тебя твоя дева оперлась на утес!

Вожди величавые стояли вокруг, все, кроме угрюмоликого Фолдата.* Он стоял в отдаленье под деревом, погруженный в свою надменную душу. Ветер свистит в косматой его бороде. Временами он запекает песню. Наконец, он в гневе ударил по дереву и кинулся к королю.

Спокойно встал во весь рост у пламени дуба юный Хидалла. Вьются кудри вокруг румяных ланит волнистыми кольцами света. Сладостный голос его слушала Клонра,** долина предков, когда он касался арфы в чертоге вблизи ревущих потоков.

«Король Эрина, — юноша молвил, — время пиров настало. Повели запеть своим бардам и ночь отселе прогнать. После песни душа еще свирепей бросается в битву. Мрак опочил в Инис-файле, с холма на холм простираются темные тучи. Вдалеке сереет над вереском вереница ужасных духов: духи тех, кто пал, ожидают их песен. Повели же играть на арфах, чтоб озарились весельем мертвые на своих блуждающих ветрах».

«Да будут забвенны все мертвые! — молвил Фолдат, кипящий яростью. — Мне ли слушать песни, когда я проиграл сражение? А меж тем был не мирный мой путь в бою: вокруг следов моих кровь струилась потоком. Но за мною шли слабосильные, и враг избегал моего меча. Играй же на арфе в долине Клонры, пусть Дуро ответит голосу твоему, а из лесу глянёт некая дева на длинные желтые кудри твои. Прочь с гулкозвучной равнины Лубара: это поле героев!»

«Король Теморы, — молвил Малтос,*** — тебе надлежит на брань нас

чтобы собрать племена или, как выражается Оссиан, *созвать их со всех их потоков*. Эти слова указывают на местонахождение кланов, которые обычно селились в долинах, где воды с ближайших гор сливались вместе, образуя большие потоки или реки. *Поднять щит* — выражение, означавшее начало войны.

* Мрачный вид Фолдата служит уместным введеннем к его последующим действиям. Раздраженный тем, что не одержал победы, которую сам себе сулил, он ведет себя несдержанно и заносчиво. Последующая ссора между ним и Малтосом введена поэтом несомненно для того, чтобы возвысить характер Кахмора, чье нравственное превосходство проявляется в твердости, с какой он прекращает распрю вождей.

** *Clan-rath* — *извилистое поле*; *th* редко произносится в гэльском языке.

*** Вся речь Малтоса — это суровая отповедь кичливой похвалы Фолдата. Ей присущи то же лаконическое красноречие и косвенная манера обращения, которыми заслуженно славится краткая речь Аякса в девятой песни Илиады.

вести. Ты — путеводный огонь для наших очей на темном поле сражения. Словно вихрь пронесился ты над войсками и повергал их в крови. Но кто слышал от тебя хоть слово, когда ты возвращался с поля? Только злобный услаждается смертью; память его почивает на ранах, нанесенных его копьем. Распри гнезятся в его уме, и похвальба раздается повсюду. Путь твой, вождь Момы, как мутный поток. Мертвые устлали твою стезю, но и другие умеют копьё вздымать. Не слабосильные шли мы вслед за тобой, но враг был силен».

Король узрел, как вскипела ярость обоих вождей; друг к другу склонясь, схватились они за мечи и вращали очами. Тут и сплелись бы они в схватке ужасной, если бы Кахмор не вспыхнул гневом. Он обнажил свой меч, сверкнувший в ночи при высоком пламени дуба.

«Чада гордыни, — молвил король, — укротите свои кичливые души. Удалитесь в ночную тьму. Зачем пробуждаете вы мой гнев? Неужто я должен скрестить оружие с вами обоими? Теперь не время для распрей. Удалитесь, вы, темные тучи, с нашего пира. Не бередите мне сердца!» Они устремились от короля в разные стороны, словно два столпа тумана рассветного, когда меж ними солнце восходит на своих сверкающих скалах. Мрачно клубятся они в разные стороны, каждый к своим тростниковым болотам.*

Молча сидели вожди на пиру. Порою они устремляли взор на скалу, где Аты король шагал, сердце свое смиряя. Рать наконец улеглась на поле; сон низошел на Мой-лену. Только Фонара голос слышался под деревом дальним. Он воспевал хвалу Кахмору, сыну Лартона с Лумона.** Но Кахмор не слышал его хвалы. Он лежал у потока ревущего. Шумный вETER ночной свистал в его кудрях.

* Едва ли поэт мог бы найти во всей природе лучшее сравнение, чтобы подчеркнуть превосходство Кахмора над двумя его вождями. Я приведу другое сходное место из отрывка древней поэмы, находящейся сейчас в моих руках. «Как возвышается солнце над паром, подъятым его лучами, так и душа короля возвышается над чадами страха. Мрачные, они клубятся под ним, и ликует оно в одеянье своих лучей. Но, если станет душа короля поприщем ничтожных деяний, уподобится он затемненному солнцу; когда оно катится по небу, долина внизу омрачается и вянут цветы под ночною росой».

** *Leag-thon* — морская волна, имя вождя фирболгов — первых поселенцев в Ирландии. О первом поселении Лартона в этой стране рассказывается в седьмой книге. Он был предком Кахмора, а здесь он назван Лартонем с Лумона по названию горы в Инис-хуне, где в древности обитали фирболги. На протяжении всей поэмы Оссиан сохраняет неизменным характер Кахмора. В первой книге он упомянул отвращение этого вождя к хвале, а здесь мы видим, что он ложится на берегу реки, дабы шум ее заглушил голос Фонара, который, согласно обычаю тех времен, восхвалял его в *вечерней песне*. Хотя и другие вожди, так же как и Кахмор, возможно, не были расположены слушать хвалы себе, тем не менее мы обнаруживаем, что бардам повсеместно позволяли доходить до самых нелепых преувеличений, когда они прославляли военачальников в присутствии народа. Простолудины, не слишком способные судить о вещах самостоятельно, принимали на веру все утверждения бардов о достоинствах властителей. Польза от доброго мнения общества о своем правителе слишком очевидна, чтобы нуждаться в доказательствах. Напротив, неверие в способности вождей имеет самые дурные последствия.

Карбар явился ему во сне, полусокрытый низко нависшей тучей. Мрачным весельем светилось его лицо: он уже слышал Карила песнь.* На ветре держалась осененная мраком туча, что ухватил он в недрах ночи, вздымаясь со славой в свой горний чертог. Сливаясь с шумом потока, слабый голос его послышался.

«Да исполнится радости сердце Кахмора: его глас был услышан на Мой-лене. Бард пропел свою песню Карбару: он странствует ныне на крыльях ветра. Тень моя проскользнула в чертог отцовский, словно ужасный огонь, что бурною ночью вьется в пустыне. Все барды сойдутся у могилы твоей, когда ты падешь. Сыны песни любят отважных. Кахмор, имя твое — ветерок ласкающий. Раздайтесь, печальные звуки! На поле Лубара слышится глас! Пойте громче, туманные духи! Мертвые были славой отмечены! Все пронзительней слабый звук. Слышен только ветер суровый. Ах, скоро погибнет Кахмор!»

Свернувшись клубом, унесся он в лоне ветра. Старый дуб ощутил, что призрак сокрылся, и качнул шелестящей вершиной. Король воспрянул от сна и схватил кошке смертоносное. Он кидает взоры окрест. Он видит лишь ночь, осененную мраком.

«Это был глас короля, но теперь его призрак исчез.** Не означена в воздухе ваша стезя, о чада ночи. Часто вас видят в дикой пустыне, подобных лучу отраженному, но вы уносите в вихрях прежде, чем мы подойдем. Прочь же, бессильное племя! Не дано вам узнать грядущего. Ничтожны радости ваши, подобные нашим сонным видениям иль лег-кокрылой мечте, что в душе промелькнет. Скоро ль погибнет Кахмор? Мраком окутанный, ляжет в тесном жилище, куда не заглянут полуоткрытые очи утра? Прочь от меня, о тень! Участь моя — сражаться, прочь все пные мысли! Я устремляюсь вперед на орлиных крылах, я хочу ухватить луч моей славы.

В пустынной речной долине пребывает ничтожный душою. Катятся годы, зиму сменяет лето, а он никому не ведом. Ветер приносит тучу смерти и наземь свергает седую главу. Его дух влечется в парах над болотом. Вовек не подняться ему на холмы, не пролететь в ветрах над мшистой долиной.*** Кахмор отыдет не так! Он не отрок в полях, что

* Карил, сын Кинфены, по велению Оссиана, пропел погребальную песнь на могиле Карбара. Смотри конец второй книги. Во всех поэмах Оссиана посещения призраками живых друзей кратки, а язык их темен, и оба обстоятельства придают особую торжественную мрачность этим сценам. В конце своей речи Карбар пред-рекает смерть Кахмора, перечисляя признаки, которые, согласно повериям тех времен, предшествовали смерти прославленного человека. Считалось, что в течение трех ночей перед его смертью духи умерших бардов поют (в том самом месте, где будет воздвигнут могильный холм) вокруг бесплотной фигуры, представляющей тело того человека, который должен умереть.

** Монолог Кахмора изобличает то величие души и любовь к славе, которые образуют героя. Хотя сначала он потрясен предсказанием тени Карбара, но вскоре утешает себя приятной надеждой на будущую славу и, подобно Ахиллу, предпочитает короткую и славную жизнь неизвестному течению долгих лет в уединении и праздности.

*** Это место показывает нам, какое крайнее презрение вызывала в те героические времена праздная невоинственная жизнь. Что бы философ ни говорил, восхва-

хочет только приметить, где отдыхают серны на гулкозвучных холмах. С королями я попроще начал, и тешился я на смертоносных равнинах, где разбитые рати катятся вспять, как моря под натиском ветра».

Так говорил король Алнекмы, просветлев ободренной душою. Доблесть, как ясное пламя, сияет в его груди. Величава поступь его по вереску; луч востока вокруг разливается. При свете его Кахмор узрел серое войско свое, широко простертое по полю. Он взвеселился, словно небесный дух, достигший морских зыбей, когда он зрит, что спокойны они и ветры утихли. Но вскоре он пробуждает волны и катит рядами широкими на гулкозвучный берег.

На берегу потока вблизи тростников покоилась дочь Инис-хуны. Шлем скатился с ее головы.* Ее сны вitalи в краю отцов. Там уже утро в полях; седые потоки скачут с утесов, и ветерки тенистыми волнами летят над полями злачными. Там уже слышится зов — предвестник ловитвы, и из чертога выходят воины. Но среди всех возвышается герой многоводной Аты. Шествуя величава, он склоняет любовный взор на Суль-мату. Она горделиво прочь отвращает лицо и беспечно лук напрягает.

Этот сон привиделся деде, когда подошел воин Аты. Он увидел пред собою лицо ее, полное прелести, меж волнами кудрей. Он узнал красавицу Лумона. Что было делать Кахмору? Он исторгнул вздох, слезы его заструились. Но тотчас он отвернулся. Не время теперь, король Аты, пробуждать тайные чувства. Пред тобою катится битва, как возмущенный поток.

Он ударил копьем в горб тревоги, где таился голос войны.** Словно крылья орла, зашумели вокруг ратники Эрина. Суль-мала, проснувшись,

ляя покой и уединенне, я с этим не могу согласиться, для меня несомненно, что они ослабляют и унижают человеческий дух. Когда способности души не упражняются, они утрачивают свою живость и место благородных и свободных мыслей занимают низменные и ограниченные помышления. Напротив, действительные и сопутствующие ему превратности судьбы вызывают поочередно ко всем душевным силам и, упражняя, укрепляют их. Отсюда и происходит, что в великих и богатых государствах, где людям обеспечены имущество и праздность, мы редко встретим ту силу духа, которая так обычна у народностей, не слишком продвинувшихся по пути цивилизации. Как это ни странно, однако действительно в великих державах редко появляются великие личности, и это следует целиком отнести за счет праздности и разгульного образа жизни — неизбежных спутников чрезмерного изобилия и полной безопасности. В Риме несомненно было больше поистине великих людей тогда, когда вся его власть была сосредоточена в узких пределах Лациума, чем тогда, когда владения его простерлись по всему известному миру, а одно мелкое государство в саксонской гештархии имело, пожалуй, не меньше сильных духом людей, чем оба объединенных королевства Британии. Как государство мы много сильнее своих предков, но мы бы проиграли, если бы начали сравнивать отдельные личности у нас и у них.

* Открытие, которое благодаря этому обстоятельству делает Кахмор, хорошо придумано и изображено естественно. Его молчание при этом лучше выражает чувства, чем любая речь, какую поэт мог бы вложить в его уста.

** Для правильного понимания этого места необходимо познакомиться с описанием щита Кахмора, которое поэт дает в седьмой книге. У этого щита было семь выпуклостей или горбов, причем каждый горб при ударе копьем издавал особый звук, означавший определенный приказ короля своим племенам. Тот звук, что упомянут здесь, служил знаком для сбора войска.

вскочила с распущенными кудрями. Она с земли подняла свой шлем, трепеща: как бы они не проведали в Эрине о дочери Инис-хуны? ибо вспомнилось ей, что она королевского рода, и гордость проснулась в ее душе.

Она за скалою сокрылась у лазурных извивов потока в долине,* где обитали бурые лани, пока не настала война. До слуха Суль-малы долетал иногда голос Кахмора. Ее душа омрачилась печалью, она поверяет ветру речи свои.

«Исчезли сны Инис-хуны: они покинули душу мою.** Я больше не слышу шума ловитвы в своей стране. Пелена войны сокрыла меня. Вперед я гляжу из тучи своей, но ни единый луч не освещает стези. Я предвижу, мой воин падет, ибо близок король широкощитный, он, победитель в опасностях, Фингал — властитель копий. Дух погибшего Конмора, шагаешь ли ты по лону ветров? Приходишь ли ты порою в иные края, отец печальной Суль-малы? Ты приходишь, я знаю, ибо слыхала твой голос в ночи, когда я неслась еще по волнам в Инис-файл многоводный. Говорят, что тени отцов уносят души потомков, если видят, что те одиноки и горем объятаи.*** Призови же, отец, меня, когда падет мой король, ибо я стану тогда одинокой и горем объятаю».

* Это еще не долина Лоны, куда Суль-мала удалилась впоследствии.

** Из всех творений Оссиана лирические пьесы больше всего теряют в буквальном прозаическом переводе, так как красота их состоит не столько в силе мысли, сколько в изяществе выражений и гармонии стихотворного размера. Уже замечено, что автор подвергается самому суровому испытанию, когда его лишают украшений версификации и передают на другом языке прозою. Поэтому тот, кто убедился, сколь неуклюжими становятся Гомер и Вергилий в такого рода переложениях, составит лучшее мнение о сочинениях Оссиана.

*** Конмор, отец Суль-малы, был убит на войне с тем неприятелем, от которого избавил Инис-хуну Кахмор. Конмору наследовал сын его Лормар. Согласно повериям тех времен, считалось, что, если человека постигает великое несчастье и уже ничто не может смягчить его участь, тени предков призывают его душу. Такой сверхъестественный вид смерти назывался *глас мертвых*, и этот предрассудок сохраняется в простонародье по сей день.

В мире, пожалуй, нет другого народа, который бы верил столь безгранично, как горные шотландцы, в привидения и в то, что духи мертвых посещают их друзей. Причины этого следует приписать как положению их страны, так и легковерию, отличающему необразованных людей. Поскольку основное их занятие состояло в том, что они пасли скот на мрачных и пространных пустошах, то им приходилось странствовать по безлюдным равнинам и часто ночевать под открытым небом под вой ветров и рев водопадов. Столь угрюмая обстановка легко порождает то меланхолическое расположение духа, которое весьма восприимчиво ко всякого рода необычайным и сверхъестественным впечатлениям. Они засыпали сумрачно настроенные, во сне их беспокоил шум окружающих стихий, и неудивительно, что они думали, будто слышат *глас мертвых*. Этот *глас мертвых*, однако, скорее всего был только пронзительный свист ветра в ветвях старого дерева или треск соседней скалы. Именно этим причинам я приписываю те многочисленные и неправдоподобные рассказы о духах, которые бытуют в горной Шотландии, поскольку в других отношениях нет оснований считать горцев более легковерными, нежели их соседи.

КНИГА ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ПЯТОЙ

После краткого обращения к арфе Коны Оссиан описывает расположение войск на противоположных берегах реки Лубар. Фиягал поручает начальство над войском Филлану, но одновременно велит Голу, сыну Морни, раненному в руку в предыдущей битве, помогать ему советом. Войском фирболгов предводительствует Фолдат. Описывается начало сражения. Великие подвиги Филлана. Он убивает Ротмара и Кулмина. Но пока Филлан одерживает победу на одном крыле, Фолдат теснит его войско

на другом. Здесь он ранит Дермида, сына Дутно, и обращает войнство в бегство. Дермид по некотором размышлении решает остановить продвижение Фолдата, вступив с ним в единоборство. Когда оба вождя уже сходились, внезапно на помощь Дермиду пришел Филлан; он сразился с Фолдатом и убил его. Поведение Малтоса по отношению к павшему Фолдату. Филлан обращает в бегство все войско фирболгов. Книга завершается обращением к Клато, матери героя.

О ты, что живешь среди щитов, висящих высоко у Оссиана в чертоге, сойди ко мне, арфа, и дай услышать твой голос.* Ударь по струнам, сын Альпина, пробуди душу барда. Журчанье потока Лоры** унесло мою повесть. Облако многих годов окружило меня; мало просветов в нем для былого, смутны и мрачны виденья оттуда. Я слышу тебя, арфа Коны, и моя душа возвращается, как ветерок, принесенный солнцем в долину, где обитает ленивый туман.

Ярко блестит передо мною Лубар в излучинах дола.*** На его берегах холмистых друг против друга величаво стоят короли; воители сгрудились

* Такие неожиданные обращения весьма оживляют поэзию Оссиана. Все они сложены лирическим размером. Старые люди, сохраняющие в памяти сочинения Оссиана, с явным удовольствием произносят эти рифмованные места и прилагают огромные усилия, чтобы разъяснить слушателям их красоты и раскрыть смысл устарелых выражений. Такая приверженность проистекает не из какой-либо особой красоты лирических отрывков, но скорее из любви к рифме, которую современные барды распространили среди горцев. Не способные сами создать что-либо возвышенное и трогательное, они полагают всю красоту поэзии в гармоническом повторении сходных звуков. Соблазнительное очарование рифмы забавило вскоре их соотечественников от пристрастия, которое те питали к декламированию поэм Оссиана, и, хотя они все еще восхищаются его сочинениями, восхищение это основано больше на его древности и на сообщаемых им подробностях, чем на поэтическом совершенстве. Со временем рифмование было настолько приведено в систему и получило столь широкое распространение, что любой пастух мог слагать вполне приличные стихи. Правда, они представляют собою описание природы, причем в грубейших ее проявлениях, и набор плоских мыслей, облеченных в плавную форму однообразных рифмованных строк. Как ни малы, однако, достоинства этих простонародных сочинений, они почти не отличаются от творений настоящих бардов, потому что, когда все достоинства поэзии ограничиваются одной звуковой стороной, она доступна любому, кто имеет хороший слух.

** Лора часто упоминается; это был небольшой быстрый источник в окрестностях Сельмы. В настоящее время следов этого имени не сохранилось, но, судя по очень старой песне, которую видел переводчик, одна небольшая река на северо-западном побережье несколько веков назад называлась Лорой.

*** Некоторые указания в поэме предполагают нам составить определенное представление о месте действия в Теморе. На небольшом расстоянии друг от друга

вкруг, внимая словам их, словно это вещают им предки, снизойдя со своих ветров. Но короли среди них стояли, как два утеса, что вздымают главы, венчаные темными соснами, над низко плывущим туманом. Высоко на их склонах потоки извергают пену на ветер.

По гласу Кахмора Эрин рванулся вперед, словно ревущее пламя. Широко разлились они, спускаясь к Лубару. Впереди шагал стремительно Фолдат. Но Кахмор на холм удалился, где склонялись дубы. Река бурлит вблизи короля; он порою подьѐмлет сверкающее копьѐ. Оно зажигало его людей посреди сражения. Близ него, опершись на утес, стояла дочь Конмора. Ее не радовал бой, ее душа не тешилась кровью. За холмом простерлась долина зеленая с тремя голубыми потоками.* Солнце там светит в типичи и нисходят туда бурые горные серны. К ним обрщает очи белогрудая дева Инис-хуны.

Фингал узрел на вершине сына Борбар-дугула; он увидел, что катится Эрин по омраченной равнине. Он ударил в горб тревоги, призывая войска подчиниться, и выслал пред ними вождей на поле славы. По всей широкой равнине заблестали копьѐ на солнце, вкруг отозвались щиты гулкозвучные. Страх не носился, подобно парам, среди войска, ибо вблизи был король, мощь многоводного Морвена. Герой озарился весельем, мы услышали слова его радости.

«Словно буйные ветры, стремятся вперед сыны Морвена. Они — водопады горные, не обратитъ их вспять. Ими прославлен Фингал и в странах иных возвеличен. Не одиноким лучом появлялся он в грозный час, ибо везде вы шагали с ним рядом. Но никогда я не был для вас чудищем, мрачным во гневѐ. Глас мой не поражал громами вашего слуха, очи не извергали смерти. Когда же являлись спесивцы, я не глядел на них. Были забвенны они на моих пирах; словно туман, исчезали они. Юный луч перед вами; он на путях войны еще мало блистал. Мало блистал, но доблестен он; защитите же вы моего темно-русого сына. Да вернется он с вами в радости: впрѐд он сможет сражаться один. Он обличьем являет предков своих, их огонь пылает в его душе. Сып колесницевластного Морни, следуй за сыном Клато: да коснется средь брани твой глас его слуха. Битва открыта взорам твоим, сокрушитель щитов».

вздымались холмы Мора и Лона; первый занимал Фингал, второй — войско Кахмора. По лежащей между ними равнине пробегала небольшая речка Лубар, на берегах которой разыгрывались все сраженьѐ за исключѐнием поединка между Карбаром и Оскаром, о чем рассказано в первой книге. Эта последняя схватка произошла севернее холма Моры, которым завладел Фингал, после того как войско Карбара отступило и соединилось с войском Кахмора. Несколько дальше на запад от Моры, но в пределах видимости, река Лубар, взяв начало на горе Кроммал и пройдя некоторое расстояние по равнине Мой-лены, впадала в море вблизи от поля боя. Позади горы Кроммал бежал небольшой источник Лават, на берегах которого скрывался в пещере Ферад-арто, единственный оставшийся в живых представитель династии Ковара после захвата власти Карбаром, сыном Борбар-дугула.

* Именно туда скрылась Суль-мала во время последнего и решительного сражения Фингала и Кахмора. Описание долины содержится в седьмой книге, где она названа долиной Лоны и местопребыванием друида.

Прочь зашагал король на высокий утес Кормула.* Когда я неспешно за ним поднимался, предстал предо мною силою славный Гол. Щит его свободно висел на ремнях. Торопливо молвил он Оссиану: «Подвяжи, сын Фингала, подвяжи повыше сей щит на боку у Гола.** Враг, быть может, завидя его, решит, что подьемлю копье. Если же я паду, пусть сокроется в поле моя могила, ибо без славы паду: десница моя бессильна подъять булат. Да не услышит о том Эвир-хома, не то заалеют румянцем стыда ланиты ее меж густых кудрей. Филлан, могучие смотрят на нас, так не забудем про битву. Неужто допустим, чтобы спустились они со своих холмов на помощь бегущему нашему войску?» Он пошел вперед, бряцая щитом. Мой голос за ним последовал: «Возможно ли сыну Морни погибнуть бесславно в Эрине? Но пылкие души могучих героев свои забывают подвиги. Беспечно несутся они над полями славы; речей их никто не услышит». Отрадно мне было взирать на поступь вождя; я взошел на утес короля, где сидел он, и горный ветер разведал его кудри.

Грядями темными встали два войска друг против друга вдоль Лубара. Здесь возвышается Фолдат мрачным столпом, там сияет юностью Филлан. Копье в поток опустив, каждый издал клич боевой. Гол ударил в щит Морвена; разом они ринулись в битву. Блеск булата отразился в булате; поле сверкает, как два водопада, когда, свергаясь с темных вершин, мешают они свою пену. Смотрите, вот он идет, сын славы: он повергает ратников долу. Вкруг него на ветрах носится смерть! Бойцами услан твой путь, о Филлан!

Ротмар,** воинов щит, стоял меж двух кремнистых утесов. Два дуба, согбенных ветрами, простерли ветви с обеих сторон. Он обращает свой сумрачный взор на Филлана и молча друзей прикрывает. Увидел Фингал, что близится бой, и его душа вострепелась. Но, как низвергается камень Лоды,**** отторгшись внезапно от скалистого Друман-арда, когда духи в ярости землю колеблют, так пал лазоревоцитный Ротмар.

* Утес Кормула вздымался на холме Моры и господствовал над полем боя. Предшествующее обращение Фингала достойно быть отмеченным как речь не только воинственного, но и доброго короля. Доверие, которое питал к нему его народ, столько же простекало из его милосердия и военной доблести, сколько из той привязанности, с какою люди, не испорченные пороками образованного общества, естественно питают к вождю одной с ними крови и наследственному монарху.

** Следует помнить, что Гол был ранен, поэтому он и просит здесь Оссиана привязать ему щит к боку.

*** Roth-mar — шум моря перед бурей. Druman-ard — высокий горный хребет. Cul-min — мягкокудрый. Cull-allin — краснокудрая. Strutha — многоводная река.

**** Под камнем Лоды, как я уже указывал в примечаниях к другим поэмам Оссиана, подразумевается место поклонения богам у скандинавов. Оссиан во время своих многочисленных походов на Оркнейские острова и в Скандинавию ознакомился с некоторыми из обрядов господствовавшей в этих краях религии и часто упоминает их в своих поэмах. На Оркнейских и Шетландских островах сохранились развалины и круговые каменные ограды, которые по сей день носят название Лода или Лоден. Они, по-видимому, существенно отличаются по своему устройству от друидических памятников, уцелевших в Британии и на западных островах. Места поклонения богам у скандинавов были первоначально очень грубо сложены и ничем не украшены. В последующие века, когда скандинавы установили сношения с другими народами, они восприняли их обычаи и стали строить храмы.

Приближается юный Кулмин; он шел, заливаясь слезами. Яростно он рассекает воздух, прежде чем обменяться ударами с Филланом. С Ротмаром он когда-то напряг впервые свой лук на скале у родимых синих потоков. Там они примечали пастбища серн, когда первый солнечный луч на папоротник ложился. Зачем же ты, сын милой Кул-аллин, устремился на этот луч света? * Он — пожирающий огонь. Вспять обратись, юноша с берега Струты. Не равны были ваши отцы на поле сверкающей брани.

Кулмина мать в чертоге своем взирает на синеволнистую Струту. Подъемлетя вихрь над рекой, мрачно клубясь вокруг тени сына. Псы его взвыли на привязи; кровь обагрила щит, висевший в чертоге.** «Ужели ты пал, мой сын златокудрый, в пагубной брани Эрина?»

Словно косуля, внезапно стрелою пронзенная, лежит, трепеща у родного потока, и охотник, любуясь на быстрые ноги ее, вспоминает, как прежде гордо она скакала, так лежал и сын Кул-аллин пред взором Филлана. Кудри его полоскал ручей, кровь по щиту струилась. Но все еще длань сжимала меч, что изменил ему в грозный день. «Ты сражен, — Филлан сказал, — прежде чем прозвучала слава твоя. Твой отец послал тебя на войну, надеется он услышать о твоих деяньях. Может быть, он, поседелый у потоков своих, тусклый взор обращает к Мойлене. Но ты не вернешься с добычей поверженного врага».

Филлан погнался пред собою рати Эрина по гулкозвучной вересковой пустоши. Но — воин за воином — падал Морвен пред темнобагровой яростью Фолдата, далеко в поле простершего половину ревущих своих дружин. Дермид*** в гнев встал перед ним, сыны Коны вокруг собрались. Но Фолдат разбил его щит и рассеял врагов по вереску.

Тогда в гордыне своей сказал супостат: «Бежали они, и слава моя начинается. Малтос, иди и скажи королю,**** чтобы он ограждал океан

Упсальский храм в Швеции поразительно богат и великолепен. Хокон норвежский построил близ Тронхейма храм, ненамного ему уступающий и всегда называвшийся Лоден. (Mallet. Introduction á l'histoire de Danemark [Малле. Введение в историю Дании]).

* Поэт метафорически называет Филлана лучом света. Упомянутый здесь Кулмин был сыном Клонмара, вождя Струты, от прекрасной Кул-аллин. Она так славилась своей красотой, что ее имя часто встречается в сравнениях и иносказаниях старинных стихотворений. В одной из поэм Оснана есть строка: *Mag Chulalain Strutha nan sian, t. e. Прелестна, словно Кул-аллин с бурлящей Струты.*

** Считалось, что собаки чувствуют кончину хозяина, даже если она произошла на таком большом расстоянии. В те времена также думали, что на оружии, оставленном воинами дома, выступает кровь, когда они гибнут в битве. Подразуется, что по этим признакам Кул-аллин узнает о смерти своего сына; последующее явление его духа подтверждает это. Ее неожиданное короткое восклициание производит большее впечатление, чем если бы она разразилась посторонними жалобами. Описание павшего юноши и размышления над ним Филлана естественны и уместны, и они приходят на память, когда мы обнаруживаем, что Фингал после гибели самого Филлана оказывается в том же положении, в каком, судя по всему, находился отец Кулмина.

*** Этот Дермид, возможно, и есть тот самый Dermid O Duine [Дермид, потомок Дуна (эгл.)], который занимает такое большое место в вымыслах ирландских бардов.

**** Кахмору.

мрачнобурый: да не избегнет Фингал моего меча. Он должен повергнуться в прах. Возле болота неизвестного обретет он могилу. Без песен воздвигнут ее. Дух Фингала будет блуждать в тумане над зарослями тростника».

Малтос слушал его, омрачаясь сомнением, молча он взор отвратил. Знал он гордыню Фолдата и взглянул на холм, где король возвышался, затем повернулся угрюмо и меч погрузил во брань.

В тесной долине Клоно,* где над потоком склонялись два дерева, мрачный в горе своим стоял безмолвный сын Дутно. Кровь текла из его бедра, рядом валялся разбитый щит. Прислоненное к камню стояло копье. Зачем, о Дермид, зачем так печален ты?

«Я слышу сражения рев. Мои ратники остались одни. Медлительно плетусь я по вереску, и нет у меня щита. Неужто осилит враг? Но только тогда, когда Дермид падет! Тебя я вызову, Фолдат, и встречу с тобою в битве».

* Эта долина получила свое имя от Клоно, сына Летмала с Лоры, одного из предков Дермида, сына Дутно. История его рассказывается в старинной поэме. В дни Коара, сына Тренмора, первого короля Ирландии, Клоно переправился в это королевство из Каледонии, чтобы помочь Коару в борьбе с фирболгами. Необыкновенная его красота вскоре пленила сердце Сульмины, молодой жены ирландского вождя. Она открыла ему свою страсть, на которую, однако, каледонец не ответил взаимностью. От огорчения она заболела, и слух о ее любви дошел до мужа. Терзаемый ревностью, он поклялся отомстить. Спасаясь от его ярости, Клоно оставил Темору, намереваясь переправиться в Шотландию, и, застигнутый ночью в упомянутой здесь долине, улегся спать. Там (следуя словам поэта) Летмал явился к Клоно во сне и сказал, что опасность близка. Чтобы развлечь читателей, я перевожу этот эпизод с видением, не лишенный поэтических достоинств.

Тень Летмала

Подымайся со мшистого ложа, сын сраженного Летмала, подымайся. Ветер приносит шум приближенья врагов.

Клоно

Чей это глас, подобный ревушим потокам, смущает мой сон?

Тень Летмала

Подымайся ты, обитатель женских сердец, Летмала сын, подымайся.

Клоно

Как эта ночь ужасна! Луна в небесах померкла. На тусклом ее лике алеют духов следы. Метеоры зеленые вьются вокруг. Уныло рокочат потоки в долине смутных теней. Призрак отца, я слышу тебя, летящего в вихре. Я слышу тебя, но ты, облеченный покровами ночи, не склоняешься к сыну.

Клоно собирался уже уйти, но в это время явился муж Сульмины с множеством слуг. Клоно мужественно защищался, но наконец был побежден и убит. Его похоронили на том самом месте, где он погиб, и назвали долину его именем. Когда Дермид обращается к Голу, сыну Морни, с просьбой, следующей ниже, он указывает на могилу Клоно и упоминает свою родственную связь с этим несчастным вождем.

В грозном веселье он поднял копьё. Сын Морни пришел. «Стой же, сын Дутно, стой: твои следы означены кровью. Щита горбатого нет у тебя. Зачем ты хочешь пасть безоружным?»

«Король Струмона, дай мне твой щит. Часто он вспять обращал войну. Я прегражу дорогу вождю. Сын Морни, видишь ли ты этот камень? Он подьёмлет из-под травы седую голову. Там обитает вождь племени Дермида. Положи меня ночью туда».*

Медленно он поднялся на холм и узрел возмущенное поле, сверкавшие строи сраженья, разбитые и рассеянные. Как на вереске ночью огни далекие, повинувшись ветрам, то в дыму от взора скрываются, то багряные струи вздымают на холм, так переменная брань предстала очам широкощитного Дермида. Фолдат сквозь строи проносится, словно темный корабль на зимних волнах, когда он, пройдя меж двумя островами, мчится по гулкозвучным морям.

Гневно следил за ним Дермид. Он пытался вослед ему ринуться. Но едва зашагал он, как силы ему изменили, из глаз покатались крупные слезы. Тогда затрубил он в отцовский рог и трижды ударил в горбатый свой щит. Трижды призвал он по имени Фолдата из сонма его ревущих племен. Радостно Фолдат узрел вождя, высоко он поднял окровавленное копьё. Как скалу покрывают следы возмущенных потоков, что в бурю неслись по склонам ее, так отмечен струями вражеской крови мрачный герой из Момы.

Войска с обеих сторон отступили от схватки вождей. Разом подьёмлют они блестящие копьё. Вдруг прибегает стремительный Филлан с Морху.** На три шага отступает Фолдат, ослепленный этим светлым лучом, который, казалось, истек из тучи, дабы спасти героя увечного. Укрепленный гордыней, стоит он, булат обнажив.

* Краткость речи Гола и лаконичный ответ Дермида вполне уместны здесь и соответствуют быстроте развивающегося действия. События, избираемые Оссианом, чтобы разнообразить описания битв, интересны и неизменно привлекают наше внимание. Я знаю, что к числу доводов, выдвигаемых теми, кто не находит поэтических достоинств в поэмах Оссиана, относится отсутствие в них подробного изображения ран и разнообразных описаний смерти сраженных воинов. Такая критика, могу сказать без пристрастия, несправедлива, потому что наш поэт достиг при этом наибольшего многообразия, какое только возможно при соблюдении приличия в пределах столь небольших поэм. Признано, что Гомер более разнообразен в изображении смертей, чем все другие поэты, когда-либо существовавшие. Нельзя, конечно, отрицать его обширных познаний в анатомии. Однако я далеко не считаю его описания битв, при всей необычности показанных там ран, наиболее красивыми частями его поэм. Растянутые картины резни вызывают отвращение в душе человека, и, хотя ужасное необходимо, чтобы придать величие героической поэзии, тем не менее я убежден, что при этом следует соблюдать меру.

** Стремительность этих стихов, которая, правда, слабо передана в переводе, необычайно выразительна в оригинале. Читатель словно слышит лязг доспехов Филлана. Вмешательство Филлана здесь необходимо, потому что, коль скоро Дермид был уже ранен, трудно предположить, чтобы он мог сравняться в силе с Фолдатом. Филлан часто именуется поэтически *сыном Морху* по названию реки в Морвене, возле которой он родился.

Как слетаются, ветром подхвачены, два ширококрылых орла на шумную распря, так на Мой-лене ринулись два вождя в зловещую брань. Короли,* то один, то другой вперед продвигались на скалах своих, ибо теперь уже сумрак войны, казалось, сошел и на их мечи. Кахмор на мшистом своем холме чувствует радость бойцов ту потаенную радость, когда встречают они опасность, равную их отваге. Не на Лубар он взор устремляет, но на грозного короля Морвена, ибо узрел, что Фингал восстает во всеоружии на вершине Моры.

Фолдат пал на свой щит;** Филлан копьём пронзил его. И не взглянул на павшего юноша, но дальше погнался сражения волны. Сто голосов раздавалось, грозящих смертью. «Стои, сын Фингала, сдержи стремление свое. Ужели ты не видишь сей сверкающий образ, ужасное знаменье смерти? Берегись короля Алнекмы. Вернись, сын синеокой Клатол!»

Малтос узрел, что Фолдат повержен.*** Угромо склонился он над вождем. Ненависть душу его оставила. Он казался скалою пустыни, где по темному склону влага сочится, когда покинул ее неспешно плывущий туман и ветер срывает листву с деревьев. Он спросил умирающего героя о тесном жилище: «Где воздвигнуть тебе серый камень — в Уллине или

* Фингал и Кахмор.

** Гибель Фолдата, если верить преданию, была ему предсказана перед тем, как он покинул свой край, чтобы помочь Карбару захватить ирландский престол. Он пошел в пещеру Момы и там спросил духов своих праотцев, успешно ли будет предприятие Карбара. Ответы оракулов всегда темны и допускают двойное толкование. Поэтому Фолдат счел предсказание благоприятным для себя и продолжал осуществлять свои замыслы, рассчитывая возвыситься вместе с династией Аты. Здесь я приведу ответ *духов предков*, каким он сохранился в предании. Не берусь судить, является ли эта легенда действительно древней или она вымысел позднего времени, хотя, судя по ее слогу, я склоняюсь к последнему мнению.

Фолдат, обращаясь к теням праотцев

В неведенья я стою перед вами, внемлите, праотцы Фолдата. Должно ли мне перейти через Ату в Уллин олений?

Ответ

Ты перейдешь через Ату к зеленой обители королей. Там возвысишься ты над павшими, словно столп грозовых облаков. Там, ужасный во мраке, ты будешь стоять, покуда не явится *луч отраженный* иль *Клонкат* с Морху — с Морху многих потоков, что рокочат в дальнем краю.

Clonsath или *луч отраженный*; согласно преданию, так назывался меч Филлана. Следовательно, истинный смысл предсказания скрывался в тайном значении слова *Клонкат*. Я привел это примечание главным образом для того, чтобы подчеркнуть: если упомянутое предание имеет такое же древнее происхождение, как и поэма (в чем я, между прочим, сомневаюсь), то оно показывает, что верования фиблгов и каледонцев различались, поскольку последние никогда не вопрошали духов своих умерших предков о будущем.

*** Характеры Фолдата и Малтоса выдержаны последовательно. Оба они были угрюмы и грубы, но каждый в своем роде. Фолдат был запальчив и жесток, Малтос — упрям и недоверчив. В своей приверженности к династии Аты они были равны, в военной доблести — также. Фолдат был тщеславен и хвастлив; Малтос — нетерпим, но великодушен. Его поведение здесь по отношению к своему врагу Фолдату показывает, что угрюмый и хмурый нрав нередко лишь прикрывает доброе сердце.

в Мома,* лесистом краю? Там солнце смотрится тайно в синие воды Далруто.** Там живет твоя дочь, синеекая Дарду-лена».

«Не затем ли ты о ней вспоминаешь, — молвил Фолдат, — что я не оставлю сына, не оставлю юного воина, который погнал бы брань пред собой и отомстил за меня? Малтос, я отомщен. Не с миром вступал я на поле брани. Воздвигни ж могилы мною убитых вокруг моего жилища тесного. Часто, покинув ветер, я тешиться буду, глядя на камни могильные, рассеянные вокруг в длинной свистящей траве».

Его душа понеслась к долинам Момы и в сновиденье явилась к Дарду-лене, что почивала у струй Далруто, воротясь с охоты на ланей. Спущенный лук лежит возле девы, ветерок разметал по груди ее длинные волосы. Юной красою облечена, лежала любовь героев. Отец ее раненый, мрачно согбенный вышел из чащи лесной. То появлялся он перед нею, то, казалось, скрывался в тумане. Рыдая, она поднялась; теперь она знала, что вождь погиб. К ней являлся луч души его, в бурях сокрытой. Ты последняя отрасль рода его, синеекая Дарду-лена!

Широко простершись вдоль гулкозвучного Лубара, племя Болги бежало. Филлан преследовал их по пятам, устилая мертвыми вереск. Фингал веселился, глядя на сына. Поднялся лазеревощитный Кахмор. Сын Альпина, возьми свою арфу, поведай ветрам хвалу Филлану; *** громче воспой ему хвалу в чертоге моем, покуда еще он блистает в сражении.

Оставь, синеекая Клато, оставь свой чертог. Взгляни на ранний сей луч, тобою рожденный. Он испепеляет войска на своем пути. Но не смотри больше — виденье померкло. Легкий трепещущий звук извлеките из арфы, о девы. Уже не идет он с ловитвы, с росистых пастбищ серн быстроногих. Не напрягает он тетивы, не посылает окрест серых стрел оперенных.

* Мома — древнее название страны на юге Коннахта, некогда прославленное пребыванием там верховного друида. Считалось, что в пещере Момы обитают духи вождей фирболгов и потомки вопрошали их как оракулов об исходе своих войн.

** Dal-ruith — выжженное или песчаное поле. Этимология Dardu-lena не вполне ясна. Возможно, дочь Фолдата была так названа по имени того места в Ольстере, где ее отец разгромил часть приверженцев ирландского короля Арто. Dor-du-lena — темный лес Мой-лены. Поскольку Фолдат был гордым и кичливым, не исключено, что он дал своей дочери имя места, где одержал победу.

*** Такие внезапные переходы от одного предмета к другому не редки в сочинениях Оссана. Данный переход особенно красив и уместен. Тревожное ожидание, не покидающее читателя, больше говорит об опасности, нависшей над Филланом, чем любое описание, какое поэт мог бы ввести. Уместное умолчание по своему красноречиво. Между тем подробное описание обстоятельств в важном эпизоде бывает обычно холодно и скучно. Человеческий ум, свободный и склонный к самостоятельной мысли, испытывает отвращение, обнаружив, что все уже сказано поэтом. А потому задача последнего — лишь наметить основные черты и предоставить воображению читателей самому довершить картину.

Заключающее эту книгу обращение к Клато, матери Филлана, в оригинале по своему стихосложению является одним из самых красивых мест поэмы. Дикая простота и гармония размера неподражаемо прекрасны. Многие на севере до сих пор поют этот отрывок, известный под названием Laoi chaon Chlatho, т. е. *Благозвучный гимн Клато*. — Книга заканчивается в полдень третьего дня с начала поэмы.

Погруженный в кровавую сечу, он ее прибором отражает. Или, ступая по гребням сражения, на тысячи насылает он смерть. Филлан подобен небесному духу, что нисходит с порывов ветра. Океан смятенный дрожит под его шагами, когда он ступает с волны на волну. За ним его стезя пламенеет. Острова сотрясают главы свои посреди пучины морской.

КНИГА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ШЕСТОЙ

Книга открывается речью Фингала, который видит, как Кахмор сходит с холма, чтобы помочь своему бегущему войску. Король посылает Оссана поддержать Филлана. Сам же он удаляется за утес Кормула, не желая видеть сражения своего сына с Кахмором. Оссан отправляется. Описывается спуск Кахмора с холма. Он собирает войско, возобновляет битву и, прежде чем Оссан успеет подойти, завязывает бой с Филланом. Когда Оссан подходит, единоборство двух героев прекращается. Оссан и Кахмор готовятся к поединку, но наступает ночь, и они расходятся. Оссан возвращается к месту, где близился Кахмор с Филланом. Он находит Филлана; смертельно раненный, тот стоит, склонившись на утес. Их разговор.

Филлан умирает; Оссан относит его тело в соседнюю пещеру. Каледонское войско возвращается к Фингалу. Он спрашивает у них о сыне и, узнав, что Филлан убит, молча удаляется на утес Кормула. После отхода Фингалова войска фирболги переходят в наступление. Кахмор видит Брана, одного из Фингаловых псов, лежащего на щите Филлана перед входом в пещеру, где покоится тело героя. Его размышления по этому поводу. Печален и задумчив, он возвращается к своему войску. Малтос пытается утешить Кахмора, ставя в пример его отца Борбар-дутула. Кахмор удаляется на отдых. Песнь Суль-малы заключает книгу, которая кончается посреди третьей ночи с начала поэмы.

«Кахмор восстал на своем гулкозвучном холме.* Не поднять ли Фингалу меч Луно? Но что же станет с твоею славой, сын белорудой Клато?

* В предыдущем примечании я указывал, что отрывистый способ изложения у Оссана имеет много общего с драмой. Начало этой книги подтверждает справедливость моего указания. Вместо того, чтобы самому длинно и подробно излагать, как спускается Кахмор с холма, где он сидел, наблюдая за битвой, поэт вкладывает рассказ в уста Фингала. При этом образ говорящего придает особую значительность повествованию. Тревога, проявляемая Фингалом, когда он наблюдает, как *восстаёт Кахмор*, необычайно возвышает наши представления о доблести этого героя. Громоздящиеся друг на друга обращения выражают смятение Фингаловой души и его страх за сына, который уступал в силе королю Ирландии. Поэт весьма предусмотрительно уводит Фингала с места, откуда видна схватка, ибо в противном случае король, обнаружив, что силы Филлана и Кахмора в поединке не равны, мог бы сам вступить в бой, а это вызвало бы преждевременную развязку поэмы. Устранение Фингала дает поэту возможность сразу же ввести последующие трогательные сцены, которые принадлежат к прекраснейшим в поэме. Те, кто стал бы отрицать искусство, с каким Оссан вводит развязку в «Геморе», несомненно более предубеждены против века, в котором он жил, чем это сообразно со здравым смыслом. Не могу закончить это примечание, не отметив тонкости чувства, столь уместно проявленного Фингалом в обращении к Оссану. Называя его *отцом Оскара*, он сразу же открывает ему всю свою озабочен-

Не отвращай очей от Фингала, дочка
луча твоего, он сияет в моей душе.
восстань между бранью и мною. Далеко
да не узрит он, как падет его темный
о Карил, со звуками трепетной арфы
сверкают, спадая, воды. Отец Оскара
юного. Сокрой от очей Филлана свет
что я усомнился в силе его булата.
пламя твоей души!»

Сокрылся он позади скалы под эгидой
прянув душой, я схватил копье Темного
ние дикое битвы, побоище смерти в
разбитых. Филлан — огненный луч;
стерся его истребительный бег. Военные
исчезают они с полей.

Но вот выходит Кахмор в короне
орла развевается на огненном шлеме
охоту в Ате. Иногда возвышал он
воины Эрина сгрудились вокруг него
вращалась; дивились они прошедшему
словно рассветный луч на равнину,
испуганным оком на поле призраков

Как утес Руно, что облачает себя в проходящие тучи и, мнится, растет в сгустившейся тьме над многоводной равниной, так и вождь Аты, мнилось, становился все выше, когда вокруг себя собирал свой народ. Как порывы ветров, пролетая над морем, гонят каждый свою волну темно-синюю, так Кахмора речи вперед устремляли рассеянных по полю ратников. Не молчит и Филлан на своем холме, соединяя речи со звоном щита. Он казался орлом шумнокрылым, что сбликает ветры к своей скале, завидя косуль, сходящих на злачное поле Луты.*

Вот они бросились в битву; сотнею голосов возопила смерть, когда тот и другой король воспламенили души своих бойцов. Я поспешил вперед; высокие скалы, поросшие деревьями, воздвиглись меж мною и бранью. Но сквозь бряцанье моих доспехов я уже слышал грохот булата. Сверкающий, я поднялся на холм и узрел отступление войск, обоих войск отступление и ратников дико раскрытые очи. Сошлись в ужасной схватке вожди, два короля лазоревощитных. В сверканье булата я различил, как сражались друг с другом герои, величавы и мрачны. Я кинулся вниз. За Филлана страх обжег мне душу.

Я к ним подбежал. Кахмор не бросился прочь и не пошел мне навстречу, стороною он шествовал мимо. Он казался скалой ледяною, высокой и холодной. Я обнажил свой булат. Молча мы шли вдоль берегов противных бурливой реки, потом, обратясь внезапно, подняли разом острые копья. Мы подняли копья, но тут опустилась ночь. Темно и тихо вокруг, лишь временами над вереском слышится поступь далеких ратей.

Я пришел туда, где сражался Филлан.** Ни шума, ни голоса не слышалось там. Шлем разбитый лежал на земле, рядом щит, расколотый надвое. Где ты, Филлан, где же ты, юный вождь гулкозвучного Морвена? Он слышал меня, но молчал, прислонившись к скале, что клонила седую главу над потоком. Он слышал меня, но стоял, угрюмый и мрачный. Наконец, я увидел вождя.

«Зачем ты стоишь, облеченный мраком, чадо лесистой Сельмы? Сияет твоя стезя, мой брат, на этом сумрачном поле. Долго ты бился на нем. Но вот уже слышится рог Фингала. Взойди к своему отцу на скрытый облаком холм его пирований. Он сидит в вечернем тумане и внемлет пению арфы Карила. Доставь же отраду старцу, юный крушитель щитов».

«Какую ж отраду доставит ему побежденный? Оссиан, у меня уже нет щита. Разбитый, лежит он на поле, и вырвано из шлема крыло орла. Отцы лишь тогда сынам своим рады, когда пред теми бежит супостат. Но втайне вздыхают они, когда уступают врагу их юные ратники. Нет, Филлац уже не узрит короля. Для чего печалить героя?»

* Лутую во времена Оссиана называлась долина в Морвене. Там жил Тоскар, сын Коилоха и отец Мальвины, которую поэтому часто называют *девою Луты*. Lutha означает *быстрый поток*.

** Место, где сражался Филлан, и поза самого героя изображены ярко и выразительно. Возникающее далее горестное чувство усилено тем, что Оссиан некоторое время не подозревает, что брат его ранен. Такого рода неизвестность часто встречается в поэмах Оссиана. Чем неожиданнее наступает событие, тем большее впечатление оно производит.

«Сын синеокой Клато, зачем пробуждаешь ты скорбь мою? Ты ль не сверкал пред ним ярким пламенем, как же ему не обрадоваться? Оссиан не снискал такой славы, и все же король, завидя меня, всегда сиял, словно солнце. С радостью он взирал на поступь мою, тень никогда не мрачила его лица. Взойди, о Филлан, на Мору, пир его уготован под исчезнувший луч снеглазой Клато?»

«Оссиан, подай мне мой щит разбитый, эти перья, гонимые ветром. Рядом с Филланом их положи, чтобы меньший урон понесла его слава. Оссиан, изменяют мне силы. В пещере того утеса ты меня упокой. Не воздвигай надо мною камня: да не спросит никто о славе моей. Пал я в первой же брани, пал, не успев прославиться. Пусть единый твой глас отлетевшую душу утешит. Для чего слабосильному ведать, где затаился исчезнувший луч белогрудой Клато?» *

«Твой ли дух уносится в вихре, синеглазый властитель щитов? Да сопутствует радость герою в полете сквозь облака. Тени предков твоих,

* В основной текст этой книги, как и предыдущей, я включал только полные поэмы или самостоятельные вводные эпизоды; сохранившиеся же отрывки сочинений Оссиана я предпочитал помещать при случае в примечаниях. Здесь я приведу перевод части поэмы, относящейся к смерти Филлана. Это диалог Клато, матери героя, и его сестры Босмины.

К л а т о

Дочь Фингала, восстань, ты, свет, осененный кудрями. Подъемли от сна лицо свое ясное, нежно-скользящий солнечный луч Сельмы! Я зрела, как белые руки твои тревожно метались по персям меж спутанных кудрей, когда шелестящий утренний ветер примчался с пустынных потоков. Не увидала ль ты предков, Босмина, сошедших в твои сновиденья? Восстань же, дочь Клато; не поселилось ли горе в твоей душе?

Б о с м и н а

Легкий призрак прошел предо мной, на лету расплываясь, словно сумрачный ветер, клонящий волнами траву полевую. Арфа, сойди со стены и назад призови душу Босмины; она унеслась, как поток. Я слышу твои согласные звуки. Я слышу тебя, о арфа, и вот зазвучит мой голос.

Доколе вы будете в битву бросаться, вы, что живете в сердце моем? Далека ваш путь, короли мужей, он в лазоревоструйном Эрине. Южный ветер, расправь крыла над темным вереском Клоно. Направь Фингаловы паруса к берегам родимого края.

Но кто там в силе своей восстал, мрачнее при виде брани? К врагу простерта десница его, как луч мертвящий солнца, когда, корою мрака запятнано, оно по тверди стремится свой губительный бег. Кто ж он, как не отец Босмины? Но разве воротится он, куда не миновала гроза?

Филлан, ты словно луч рядом с ним; прекрасен, но страшен твой свет. Твой меч пред тобою — синий огонь ночной. Когда же воротиться ты к своим косулям, к потокам злачных полей? Когда же я с Моры завихру тебя и ветры развуют длинные кудри мои? Но разве воротится юный орел с полей, где гибнут герои!

К л а т о

Нежен, как гесня на Лоде, голос девы из Сельмы. Пмя твою услаждает мой слух, крушитель щитов. Зрите, король идет с океана; барды проносят Морвена щит. Враг расточился пред ним, как легкий туман. Но я не слышу крыл моего орла, сына Клато не вижу. Ты мрачен, Фингал; ужель не воротится он? . .

о Филлан, склоняясь, принимают потомка. Я вижу, их пламень простерся по Море; струятся лазурные волны тумана. Да встретит радость тебя, мой брат! Но мы мрачны и печальны. Я вижу врагов, окруживших старца, я вижу закат его славы. Одинокий ты в поле остался, седовласый король Сельмы».

Я его упокоил в пещере утеса под ропот ночного потока. Одна лишь звезда багровая на героя смотрела; временами ветер вздымал его кудри. Я прислушался: не раздалось ни звука, ибо вошн почил. Словно молния в туче, мысль пронизала мне душу. Взор загорелся огнем, я зашагал, брядая булатом.

Я отыщу тебя, вождь Аты, в сонме твоих тысяч. Ужели я дам сокрыться туче, что погасила рассветный наш луч? Зажгите, о праотцы, метеоры, чтоб осветить мой шаг дерзновенный. В ярости я истреблю... * Но не должен ли я вернуться? Король остался без сына, седовласый среди супостатов. Его десница уже не та, что была в старину: слава его тускнеет в Эрине! Да не увижу его с высоты холма, в последней битве сраженного. Но как я могу к королю воротиться? Не спросит ли он меня о сыне? «Ты должен был встать на защиту юного Филлана». Нет, я пойду на встречу с врагом. Зеленодолый Инис-файл, радует слух мой шумная поступь твоя; я нападу на строи твои боевые, чтобы взора Фингала избежать. Но я слышу глас короля на туманной вершине Моры! Он призывает обоих своих сыновей. Исполненный скорби, я возвращаюсь к тебе, мой отец. Я возвращаюсь, подобно орлу, что встретил в пустыне ночной перун, ему крыла опаливший.

Вокруг короля по вершине Моры рассеялись строи разбитые Морвена.** Бойцы от него отвращали очи, каждый мрачно склонялся на

* Здесь поэт сознательно оставил предложение незаконченным. Смысл состоит в том, что он решил, уподобившись всепожирающему огню, истребить Кахмора, убившего его брата. Но когда он принял такое решение, ему внезапно весьма живо представилось положение Фингала. Он уже намерен вернуться, чтобы помочь королю вести войну. Но тут его снова охватывает стыд за то, что он не защитил брата. Он решает опять идти и отыскать Кахмора. Мы можем предположить, что он уже направлялся к вражескому стану, когда на Море прозвучал рог Фингала, созывая все войско предстать перед королем. Монолог Осснана безыскусен, решения, следующие внезапно одно за другим, отражают состояние ума, крайне взволнованного несчастьем и угрожениями совести; однако, исполняя приказание Фингала, Осснан вел себя столь безупречно, что нелегко понять, в чем же он отступил от долга. Дело заключается в том, что, когда людям не удастся совершить то, чего они страстно желают, они, естественно, порицают самих себя как главную причину неудачи. Сравнение, которым поэт завершает монолог, весьма своеобразно и вполне согласуется с представлениями тех, кто живет в стране, где молния — обычное явление.

** Эта сцена торжественна. Поэт всегда помещает главного героя в обстановку, вызывающую возвышенные чувства. Дикая местность, ночь, разгромленное и рассеянное войско и более всего поведение и молчание Фингала — все эти обстоятельства рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление ужаса. Осснану более всего удаются ночные картины. Мрачные образы соответствуют меланхолическому складу его ума. Все его поэмы были сочинены после того, как деятельная часть его жизни осталась позади, когда он ослеп и пережил всех спутников своей молодости. Поэтому мы обнаруживаем, что все его творения окутаны пеленой меланхолии.

ясенное копьё. Молча стоял посредине король. Дума вздымалась за думой в его душе, словно вспенённые волны на неведомом горном озере. Он озирался окрест: ни один из сынов его не появился, сверкая длинным копьём. Стесненные вздохи из груди исторглись, но он сокрыл свое горе. И вот наконец я под дубом встал. Но не раздался мой голос. Что я мог бы сказать Фингалу в этот час его горя? Наконец он прервал молчание, и воины прочь отпрянули.*

«Где же сын Сельмы, предводитель во брани? Я не зрю его среди воинов, воротившихся с поля боя. Ужели погиб молодой олень, что на моих холмах выступал величаво? Да, он пал, ибо вы безмолвны. Расколот щит войны. Пусть принесут Фингалу доспехи его и меч темнолицего Луно. В эту ночь я бодрствую здесь на холмах, а утром сойду на битву».

Высоко на утесе Кормула** дуб разгорелся под ветром. Серая пелена тумана клубится окрест. Туда удалился в гнев король. Он всегда ло-

* Смущение Фингалова войска объясняется скорее стыдом, чем страхом. Король не был тираном. Он, как Фингал сам заявляет в пятой книге, никогда не был для них чудищем, мрачным во гневе. Глас его не поражал громами их слуха, очи не извергали смерти. Для первых веков существования общества деспотизм не характерен. Когда запросы рода человеческого скромны, он сохраняет свою независимость. Только развитая цивилизация воспитывает в душе ту покорность правительству, пользуясь которой честолюбивые начальники обретают абсолютную власть.

Мнение, будто бы престоноароде горной Шотландии находилось в полном рабстве у своих вождей, является грубо ошибочным. Их глубокое почтение и привязанность к главам рода — вот исток этого невежественного заблуждения. Когда бывала затронута честь племени, оно безоговорочно подчинялось повелениям вождя. Но если кто-нибудь считал, что его притесняют, он мог перейти в соседний клан, принять новое имя и обрести покровительство и защиту. Угроза такого перехода несомненно побуждала вождей к осмотрительности в осуществлении своей власти. Коль скоро их значительность в общем мнении прямо зависела от числа их подданных, они старательно избегали всего, что могло бы это число уменьшить.

Власть законов распространялась в горной Шотландии значительно позже. А до тех пор кланы руководствовались в мирных делах не словесными приказами вождей, но тем, что они называли Clechda, или обычаями, перешедшими к ним по традиции от предков. Когда между отдельными лицами возникали споры, из старейшин племени избирались третейские судьи, чтобы решить дело согласно Clechda. Вождь, опираясь на свою власть, неизменно утверждал решение. Во время весьма частых войн из-за родовых распрей вождь пользовался своею властью не столь сдержанно, но даже и тогда он редко простирал ее до того, чтобы отнять жизнь своего соплеменника. Ни одно преступление не каралось смертью, за исключением убийств, а они были редки в горных местностях. Никто не подвергался какому-либо телесному наказанию. Память об оскорблении такого рода сохранялась бы веками в семействе, и члены его воспользовались бы любой возможностью, чтобы отомстить, если только наказание не исходило от самого вождя; в таком случае оно воспринималось скорее как отеческое поучение, нежели кара по закону за преступление.

** Утес Кормула часто упоминается в предшествующей части поэмы. На нем стояли Фингал и Оссиан, наблюдая битву. Согласно старинному обычаю, непременно соблюдавшемуся каледонскими королями, они удалялись от своего войска в ночь накануне битвы, в которой им предстояло участвовать. Тренмора, самого прославленного из предков Фингала, называли первым, кто ввел этот обычай, который, однако, последующие барды приписывали герою более позднего времени.

жился от войска вдали, когда дух его жаждал битвы. Высоко на двух копьях повесил он щит — сверкавшее знаменье смерти; в тот щит он привык ударять по почам, перед тем как ринуться в бой. И тогда его воины знали, сам король поведет их в сражение, ибо звон щита означал, что вздымается ярость Фингала. Неровны шаги короля на вершине, где он сверкал, озаренный пламенем дуба; ужасен он был, словно призрак почной, что на холмах облачает свирепый свой облик туманами и, стремясь к океану бурному, всходит на колесницу ветров.

Не улеглось после бури море войны Эрина: дружины, как волны, под луною сверкали и с гулом глухим катились по полю. Кахмор одиноко шагал перед ними по вереску, во всеоружии он стремился за бегущими ратями Морвена. Вот подошел он ко мшистой пещере, где покоился Филлан в ночи. Дерево там склонялось над ручьем, сверкавшим в ущелье скалы. На траве блистал под луною щит расколотый сына Клато, а рядом лежал мохноногий Бран.* Он потерял вождя на вершине Моры и по ветру сыскал его след. Он думал, что спит синеглазый охотник, и лег на его щите. Ни одного дуновения не пролетало над вереском, чтобы его не учуял Бран быстроногий.

Кахмор узрел белогрудого пса, он узрел расколотый щит. Мрак застилает душу его, он вспоминает о бренности жизни. Словно поток прибывают люди и уносятся прочь; их сменяет другое племя. Но, проно-

В одной древней поэме, начинающейся: Mac-Arcath na ceud fról [Сын Арката ста знамен (гл.)], обычай удаляться от войска перед сражением причислен к мудрым установлениям первого шотландского короля Фергуса, сына Арка, или Арката. Я помещаю здесь перевод соответствующего отрывка; в каком-нибудь другом примечании я, возможно, приведу все, что осталось от этой поэмы. *Фергус, властитель сотни потоков, сын Арката, что воевал в старину, ты первый в ночи удалился, когда враг наступал пред тобой в гулкозвучных полях. Но король не почует покойно: битвы теснятся в его душе. Беги, сын чужеземца: утром он бросится в бой. Неясно, кто и когда сочинил эту поэму. Она проникнута духом древних сочинений шотландских бардов и, по-видимому, является довольно точным подражанием Оссиану.*

* Этот эпизод, связанный с любимым Фингаловым псом Браном, является, пожалуй, одним из наиболее трогательных мест в поэме. Помнится, мне попалась одна старая поэма, сочиненная много позже времени Оссиана, где очень удачно введен рассказ такого же рода. Во время одного из вторжений датчан Уллин-клубду, почтенный вождь одного из племен на западном берегу Шотландии, был убит в стычке с убегавшим отрядом противника, который высадился неподалеку от его местопребывания. Немногие сопровождавшие его воины были тоже убиты. Молодая жена Уллин-клубду, не зная о его гибели и крайне обеспокоенная долгим его отсутствием, подняла тревогу среди воинов, оставшихся дома, и те отправились искать вождя вдоль побережья. Они не нашли его, и прекрасная вдова была безутешна. Наконец, его отыскали благодаря псу, который несколько дней сидел на скале возле тела хозяина. Сейчас этой поэмы нет в моем распоряжении, иначе ее поэтические достоинства, возможно, побудили бы меня представить читателю ее перевод. Строфа, относящаяся ко псу по имени Du-chos или *Черная нога*, весьма выразительна.

«Темнобокий Ду-хос! ноги, как ветер! зябло сидеть на скале. Он (пес) видит косяку: уши торчком, и он готов уже прыгнуть. Он смотрит вокруг, но Уллин спит, и он опускает голову. Ветры свистят, Ду-хосу мнится: он слышит Уллина голос. Но видит он: Уллин недвижно лежит на волнистом вереске. Темнобокий Ду-хос, уже не пошлет его голос тебя по вереску!»

саясь, иные оставят на бранных полях след своей доблести. О них вспоминает вереск долгие темные годы, висясь, источник лазоревый их прославляет. Да будет таким же вождем Аты, когда он поляжет в землю. Пусть не раз до Кахмора донесется по воздуху голос грядущих времен, когда он будет шагать с ветра на ветер или сокроется в крыльях бури.

Зеленый Эрин собрался вокруг короля, чтобы голос власти его услышать. Они склоняют веселые лица к неровному пламени дуба. Те, кто страшил их, отброшены. Лубар вьется опять в пределах их воинства.* Кахмор был небесным лучом, озарявшим народ свой во мраке. Он стоял посреди, и они, окружив короля, с восторженным трепетом ему воздавали почести. Только он не выказывал радости: ему не в новость война.

«Что так печален король? — спросил Малтос — орлиное око. — Разве остались враги на Лубаре? Есть ли хотя бы один среди них, что еще в силах поднять копьё? Не был таким миролюбом отец твой Борбар-дутул, властитель копий.** Гнев его был огонь негасимый, радость над павшим врагом — велика. Три дня пировал седовласый герой, узнав, что Калмар погиб, Калмар с потоков Лары, пришедший на помощь Уллину. Часто длани его прикасались к стали, которой, как сказывали, был пронзен супостат. Он дланями к ней прикасался, ибо угасли глаза Борбар-дутула. Однако ж король солнцем был для друзей, ветерком, вздымавшим их ветви. Радость он источал в чертогах своих, он любил сынов Болги. Имя его остается в Ате, как благоговейная память о духах, что ужасали видом своим, но разгоняли бури. Пусть же Эрина голоса*** дух короля возвысят, дух того, кто сиял среди мрака войны и повергал мо-

* Чтобы пояснить эту фразу, следует дать читателю представление о местности, где происходили две предшествующие битвы. Между холмами Моря и Лоны лежала равнина Мой-лены, по которой протекала река Лубар. Первая битва, в которой каледонцев возглавлял Гол, сын Морни, происходила на берегах Лубара. Поскольку ни одна сторона не одержала решительной победы, войска после сражения удерживали прежние позиции.

Во второй битве, в которой начальствование перешло к Филлану, ирландцы после гибели Фолдата были отеснены на холм Лоны, но, когда Кахмор пришел к ним на помощь, они восстановили прежнее положение и затем в свою очередь отеснили каледонцев, так что *Лубар вилась опять в пределах их воинства.*

** Борбар-дутул, отец Кахмора, приходился братом тому Колк-улле, который, как сказано в начале четвертой книги, восстал против ирландского короля Кормака. Борбар-дутул, видимо, как и весь его род, не признавал за потомками Конара права наследовать ирландский престол. В этом кратком эпизоде содержатся сведения, проливающие некоторый свет на историю того времени. Оказывается, что, когда Сваран высадился в Ирландии, сопротивление ему оказали только гэлы, владевшие Ольстером и северной частью острова. Калмар, сын Маты, о доблестных подвигах и смерти которого рассказывается в третьей книге «Фингала», был единственным вождем племени фирболгов, присоединившимся к гэлам или ирландским каледонцам во время вторжения Сварана. Непристойная радость Борбар-дутула при вести о смерти Калмара вполне согласуется с духом мщения, господствовавшим повсеместно во всех странах, где утвердилась феодальная система. По-видимому, кто-то принес Борбар-дутулу оружие, которым, как утверждали, был убит Калмар.

*** Эрина голоса — поэтическое наименование ирландских бардов.

гучих. Фонар, с темени серой скалы пролей песнь о былых временах, пролей ее на широко раскинутый Эрин, что окружает владыку».

«Да ни единая песнь, — Кахмор сказал, — не зазвучит в мою честь, да не воссядет Фонар над Лубаром на скале. Там полегли могучие. Не тревожь отлетающих теней. Удали от меня, удали, о Малтос, песнопевцев Эрина. Я не ликую, когда бессилен мой враг поднять на меня копье. Завтра мы волю дадим нашей мощи. Фингал на холме гулкозвучном не смыкает очей».

Словно волны, гонимые ветром внезапным, Эрин назад отошел, как повелел владыка. Широко разлились по равнине ночной его племена шумливые. Каждый бард уселся с арфой под деревом своим. Каждый ударил по струнам и песнь затянул своему вождю.* Сидя пред дубом горящим, Суль-мала по временам касалась арфы. Арфы касалась она и внимала шепоту ветра в своих кудрях. Близко во мраке лежал король Аты под многолетним деревом. Луч от костра на него не падал; Кахмор видел деву, оставаясь незрим. Когда он заметил слезы в ее очах, душа его просияла. Но брань тебе предстоит, сын Борбар-дугула.

Порой, прерывая бряцание арфы, Суль-мала слушала, спят ли бойцы. Исполнена чувств высоких, втайне она желала в песне излить свою скорбную душу. Поле безмолвствует. Ветры ночные на крыльях умчались. Барды умолкли, и метеоры багровые, духов несущие, вокруг извивались. Небо померкло, тени мертвых слились с облаками. Но не смотрит на них Конмора дочь, склоняясь над гаснущим пламенем. Ты единственный заполнил душу ее, колесницевластный вождь Аты. Она запела песнь и заиграла на арфе.

* Во времена Оссиана не только у королей, но и у каждого мелкого вождя были свои барды, сопровождавшие его на войне, а эти барды в соответствии с силой вождей, их покровителей, имели в своей свите еще и младших бардов. В торжественных случаях, когда они воспевали победы или оплакивали гибель заслуженного и прославленного воина, павшего на войне, все барды объединялись в единый хор. Слова сочинял состоявший при короле верховный бард, который достигал этого высокого положения благодаря превосходству своего поэтического дарования. Поскольку личность барда почиталась священной, а доходы от его должности были велики, это сословие в последующие времена стало весьма многочисленным и наглым. Надо полагать, что после принятия христианства некоторые из них исполняли двойную должность — и бардов, и священников. Поэтому они получили название *Chlére*, которое, вероятно, происходило от латинского *Clericus* [духовное лицо]. Эти *Chlére*, каково бы ни было происхождение слова, стали в конце концов общественным бедствием, поскольку, пользуясь преимуществами своего священного сана, странствовали большими группами и поселялись по собственному выбору в домах вождей, где оставались, пока другая группа того же рода не прогнала их оттуда пинками или насмешками. Примеры таких грубых препирательств, возникавших между почтенными певцами-соперниками, сохранены преданием и показывают, насколько барды стали под конец злоупотреблять привилегиями — следствием почтения, с каким их соотечественники относились к сословию в целом. Это наглое поведение и побудило вождей сократить число бардов и лишить их привилегий, которых они больше уже не заслуживали. Праздность и склонность к писанию пасквилей полностью искоренили поэтическое вдохновение, отличавшее их предшественников, и это позволяет нам куда меньше сокрушаться по поводу исчезновения самого сословия.

«Клун-гало * пришла, но девы не сыщет. Ах, где же ты, светлый луч? Не повстречалась ли вам, звероловы со мшистых утесов, красавица синеокая? Не раздаются ль ее шаги на Лумоне злачном, возле убежища ланей? О горе! в чертоге лук ее! Ах, где же ты, светлый луч?

Перестань, любимая Конмора; ** не услышать тебя мне средь вереска. Мой взор обращен к королю, чей путь столь грозен в сраженьях. К нему я стремлюсь душою в пору отдохновения. Но он, поглощенный тучей войны, не видит меня оттуда. Зачем ты не выглянешь, солнце души Суль-малы? Я обитаю во мраке; надо мною простерлась туманная мгла. Роса окропила кудри мои; озари же меня из-за тучи, солнце души Суль-малы!»

КНИГА СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ СЕДЬМОЙ

Эта книга начинается посреди третьей ночи. Поэт описывает туман, который поднимался по ночам с озера Лего и служил обычно укрытием для душ только что умерших до исполнения погребальной песни над их могилами. Появление духа Филлана над пещерой, где покоится его тело. Его голос доходит до Фингала на утесе Кормула. Король ударяет в щит Тренмора, что служило верным знаком его намерения сражаться самому. Необычайное действие этого сигнала. Суль-мала, проснувшись, будит Кахмора. Их трогательная беседа. Она

уговаривает его просить мира; он решает продолжать войну и велит ей удалиться в соседнюю долину Лоны, где обитал престарелый друид, и не отлучаться оттуда, пока не закончится битва следующего дня. Он будит свое войско, ударяя в щит. Описание щита. Бард Фонар по просьбе Кахмора рассказывает о том, как фирболги под водительством Лартона впервые поселились в Ирландии. Наступает утро. Суль-мала удаляется в долину Лоны. Книга завершается лирической песнью.

Над осененным лесами озером Лего временами встает пелена серогрудых туманов, когда врата заката затворятся на орлих очах солнца. Широко над течением Лары расстилается пар, сгущенный и мрачный; сквозь темные струи его проплывает луна, словно смутный щит. Призраки прошлых времен им облакают свой порывистый бег с ветра на ветер по угрюмому лику ночи. Часто, сливаясь с бурей, гонят они над могилой бойца туман — обиталище серое духа его, доколе песнь не воспета.***

* Clun-galo — белое колено, жена Конмора, короля Инис-хуны, и мать Суль-малы. Здесь рассказывается, как она тоскует по дочери, после того как та бежала с Кахмором. Эта песня в оригинале очень красива. Выразительные ритмы стиха необычайно согласуются с состоянием духа Суль-малы.

** Суль-мала отвечает на предполагаемые вопросы матери. При этом она называет Кахмора солнцем своей души и дальше развивает метафору. Те, кто сохраняет эту песню в изустном предании, утверждают, что часть оригинала утрачена. Книга кончается, по-видимому, посреди третьей ночи, считая с начала поэмы.

*** Нет поэта, который отклонился бы от своего предмета меньше, чем Оссиан. Он не добавляет никаких отвлекающих внимание украшений; вставные эпизоды связаны с содержанием поэмы и весьма для него существенны. Даже лирические

Звук из пустыни донесся — это Конара шумный полет на ветрах. Он пролил на Филлана густой туман у лазурных извивов Лубара. Скорбный и сумрачный дух восседал, склоняясь, в клубах серого дыма. Временами ветра порыв относил его прочь, но дивный образ вновь возвращался. Он возвращался, потупив очи, и вились темно-туманные кудри.

Стемнело.* Войско спокойно спало под покровами ночи. Пламя угасло на холме Фингала. Король на щите своем возлежал одиноко. Очи его

песни, в которых он более всего дает свободы своей фантазии, естественно вытекают из повествования. Их уместность и тесная связь с поэмой в целом показывают, что кельтский бард даже при самых своевольных полетах воображения руководствовался здравым смыслом. Согласно общему мнению, поэтический гений и трезвый рассудок редко совмещаются в одном лице. Но это наблюдение далеко не справедливо, потому что истинный гений и здравый смысл неразделимы. Своевольные полеты фантазии, не управляемые здравым смыслом, подобны, как замечает Гораций, сновидениям больного, назойливым и бессвязным. Глупец никогда не напишет хорошей поэмы. Правда, горячее воображение обычно берет верх над заурядным рассудком; именно поэтому столь немногим удается преуспеть на поэтическом поприще. Но когда здравый смысл необычайной силы и пылкая фантазия сочетаются должным образом, они, и только они, создают истинную поэзию.

Настоящая книга отнюдь не является самой безынтересной частью Теморы. Вслушающиеся ужас образы в ее начале рассчитаны на то, чтобы подготовить ум к последующим величественным сценам. Оссиан неизменно придает значительность всему, что связано с Фингалом. Самый звук королевского щита порождает необычайные действия, и они следуют одно за другим до великолепного завершения. Горе Суль-малы и ее беседа с Кахмором очень трогательны. Описание его щита весьма любопытно для изучения старины и служит доказательством раннего распространения навигации в Британии и Ирландии. Короче говоря, на протяжении всей этой книги Оссиан часто возвышен и всегда трогателен.

Лего, столь часто упоминаемое Оссианом, — это озеро в Коннахте, в которое впадала река Лара. На берегах озера жил пасть Оссиана Бранно, и поэт часто навещал его, пока была жива Эвиралин, а затем и после ее смерти. Это обстоятельство, возможно, послужило причиной особого пристрастия, с каким он всегда упоминает Лего и Лару, и поэтому с ними так часто связаны образы его поэзии. Leigo означает озеро болезней; возможно, его так прозвали из-за окружающих болот.

Поскольку туман, поднимавшийся над озером Лего, вызывал болезни и смерть, барды утверждали, как здесь, например, что в нем пребывали тени покойников в промежутке от момента смерти до исполнения погребальной песни над их могилами, ибо считалось невозможным, чтобы без соблюдения этой церемонии души мертвых соединялись со своими предками в их воздушных чертогах. При этом дух, ближайшим образом связанный с покойным, был обязан пролить туман Лего на его могилу. Мы видим здесь, что Конар, сын Тренмора и, согласно Оссиану, первый ирландский король, выполняет эту обязанность по отношению к Филлану, ибо герой был убит, сражаясь за дело династии Конара. Явление тени изображено живописно и торжественно, и оно заставляет отнестись с особым вниманием к последующей речи, краткой и вслушающей трепет, что здесь весьма уместно.

* Отмечалось уже, что Оссиану доставляет большое удовольствие описывать ночные сны. В какой-то мере это объясняется меланхолическим расположением его духа, которому нравилось останавливаться на предметах, исполненных сумрачного величия. Даже другим поэтам, не столь возвышенным, как Оссиан, лучше всего удавались описания такого рода. Величаво-сумрачные сны глубже всего воздействуют на воображение, забавные же и легкие предметы лишь касаются поверхности души и сразу исчезают. Человеческий ум по природе склонен к степенности; легкомыслие и беззаботность могут ему быть приятны, но они слишком часто обличают недостаточную способность суждения и прискорбно мелкую душу.

смежила дремота. Филлана голос раздался. «Спит ли супруг Клато? Почнет ли мирно родитель сраженного? Ужель я забыт под завесой тьмы, одинокий в часы сновидений?»

«Зачем являешься ты посреди моих сновидений? — молвил Фингал, внезапно проснувшись. — Мне ли забыть тебя, сын мой, и твой огненный путь на поле сражений? Не так принимает душа короля деянья могучих бойцов. Они для нее не молнии луч, что сверкнет и исчезнет бесследно. Я помню тебя, о Филлан, и мой гнев разгорается».

Король схватил копьё смертоносное и ударил им в зычногосый щит, в свой щит, висевший высоко в ночи, зловещее знаменье брани.* Тени бросились врассыпную, и смутные их очертания уносились на ветре. Трижды донесся с долины извилистой голос смерти. Арфы бардов сами собой на холме зазвенели печально.**

Он снова ударил в щит: битвы явились войску его в сновидении. Широкомятенная сеча над душами их сверкает. Лазоревощитные короли нисходят на брань. Вспять глядящие рати бегут, и могучие подвиги полусокрыты сверканием стали.

Ночные описания Оссиана стяжали добрую славу у последующих бардов. Один из них выразил свои чувства в двестишести, свидетельствующем более о его поэтическом вкусе, нежели об учтивости по отношению к дамам. Привожу здесь перевод.

«Мне приятнее ночь на Коне, мрачный напев Оссиановой арфы, приятнее мне онц, чем белогрудая гостья моих объятий, чем нежнорукая дочь героев в час моего покоя».

Хотя предание сохранило мало достоверных сведений об этом поэте, оно, однако, позаботилось сообщить нам, что он был *очень стар*, когда написал это двестишесте. Он жил (в каком веке, неясно) на одном из западных островов и носил имя Turloch Ciabh-glas или *Турлох седовласый*.

* Барды последующих времен сочинили множество небылиц об этом чудесном щите. Они рассказывают, что Фингал как-то во время похода в Скандинавию повстречал на одном из островов близ Ютландии знаменитого волшебника Луно. Этот Луно почитался Вулканом севера, и он уже изготовил полное вооружение для многих скандинавских героев. Трудность, однако, состояла в том, что каждый, кто хотел, чтобы Луно изготовил ему вооружение, должен был превзойти его в волшебстве. Фингал, несведущий в заклинаниях и чародействе, добился отвагой того, чего не удавалось достичь другим при всем их колдовском искусстве. Когда Луно потребовал, чтобы Фингал показал свое умение, король извлек меч, рассек одеяние волшебника и вынудил его, голого, спастись бегством. Фингал последовал за ним, но Луно, добравшись до моря, с помощью волшебства пошел по волнам. Фингал преследовал его на судне и после десятидневной погони настиг на острове Скай; там он заставил его соорудить горн и выковать этот щит и прославленный меч, поэтически именуемый *сыном Луно*. — Таковы удивительные небылицы, сочиненные новыми шотландскими и ирландскими бардами на основе сказаний Оссиана.

** В те времена верили, что в ночь накануне смерти знатного и прославленного человека арфы бардов, состоявших при его семействе, сами собою издают унылые звуки. Объясняли это, употребляя выражение Оссиана, *легким прикосновением дугов*, которые, как считалось тогда, обладают способностью предвидеть события. Такое же мнение долгое время было распространено на севере, где этот своеобразный звук назывался *предостерегающим голосом жертвых. Голос смерти*, упомянутый выше, иного рода. Считалось, что каждому человеку сопутствует дух, который в ночь накануне его смерти, уподобившись ему обликом и голосом, является некоторым людям в той позе, в какой этому лицу предстоит умереть. *Голоса смерти* — это предупреждающие воли таких духов.

Но когда раздался третий удар, в расщелинах скал встрепенулись олени. В пустыне раздался пронзительный крик испуганных птиц, носившихся в воздухе. Сыны Альбиона привстали и потянулись к копыям. Но вновь тишина осенила воинов: они узнали щит короля. Сон опять их вежды смежил; тьма и покой воцарились в поле.

Но ты не спала во мраке, синеокая дочь Конмора! Суль-мала услышала грозный щит и встала среди ночи. Она направляет свой шаг к властителю Аты. Но разве опасность смутит его бесстрашную душу? В сомненьи она стоит, очи склоняя долу. Небо сияет всеми своими звездами.*

Снова разносится звон щита! Она пустилась бежать. Снова застыла на месте. Пыталась заговорить. Голос ей изменил. Она узрела его в доспехах, мерцавших при свете небесных огней. Она узрела его в тени кудрей, что ветер ночной развеивал. От страха она повернула вспять. «К чему пробуждать властителя Эрина? Не о тебе он мечтает в своих сновидениях, дочь Инис-хуны!»

Еще ужаснее щит прогремел. Суль-мала трепещет. Шлем ее падает. Гулко откликнулась скала над Лубаром, когда сталь по ней покати́лась.

* Бард, живший несколько веков после Оссиана, был настолько тронут красотой этого места, что довольно близко следовал ему в поэме о великих битвах шотландского короля Кеннета Мак-Альпина с пиктами. Поскольку поэма эта длинная, я привожу здесь лишь пересказ ее с переводом отрывка, имеющего особенное сходство с тем местом «Теморы», что находится сейчас передо мною. Когда Кеннет готовился к этой войне, завершившейся уничтожением пиктского государства, сестра его Флатал, желая внести свою долю в отмщение за смерть ее отца Альпина, варварски убитого пиктами, попросила, чтобы он разрешил сопроводить его в походе. Король, хоть он, возможно, и одобрял доблестные намерения своей сестры, все же отказался удовлетворить эту просьбу, сославшись на ее пол. Однако героиня переделалась молодым воином и, сопровождая в таком виде войско, совершила немало доблестных подвигов. В ночь накануне полного разгрома пиктов Кеннет, согласно обычаю шотландских королей, удалился на холм за пределами лагеря, чтобы обдумать распоряжения, которые ему надлежало сделать в предстоящей битве. Флатал, в заботе о безопасности брата, тайно пошла на близлежащую скалу и встала на стражу, дабы предупредить внезапное нападение врага. Кеннет заснул, не снимая доспехов; меж тем Флатал заметила отряд пиктов, окружавших холм, где лежал король. Продолжение этой истории мы узнаем из следующих слов барда.

«Очи ее, как звезды, над равниною обращались. Она трепетала за племя Альпина. Она узрела мерцанье врага. Сделала шаг и снова застыла на месте. „Зачем ему знать о Флатал, ему, королю мужей? Но чу! все внятнее шум. Нет, это ветер ночной свистит в моих кудрях. Однако я слышу бряцанье щитов!“ Ее длань отпустила копые. Звон от скалы отдается. Вождь поднимается тяжело тучей.

„Кто будит Конада из Альбиона на его потайном холме? Мне послышался сладостный голос Флатал. Зачем, сестра, пришла ты блистать на войне? У источников девы склоняют сние очи свои. Кровавая брань не для них“.

„И мне, деве арфы Флатал, был родителем Альбин Альбиона. Но, Конад могучий, повержен он, и вспыхнуло сердце мое. Стану ли я у источника тайного взирать на кровь супостатов? Я орел молодой на Дуро, о король Друм-альбина вихрей“».

Далее бард уже перестает подражать Оссиану в ущерб своей поэме. Кеннет с помощью сестры прокладывает путь через передовые части противника и добирается до своего войска. Бард приводит перечень шотландских племен, шедших на битву, но, коль скоро он жил много позже Кеннета, на его сведения нельзя особенно полагаться.

Вывавшись из ночных сновидений, Кахмор приподнялся под деревом. Увидел он деву вверху на скале. Мерцающий луч багровой звезды виденлся сквозь волны ее кудрей.

«Кто там приходит ночью к Кахмору в пору его сновидений? * Ты, быть может, приносишь весть о брани? Кто ты, сын ночи? Быть может, стоит предо мною тень старинных времен? голос из облачных недр, вещающий мне об опасностях Эрину?»

«Я не скиталец в ночи и не голос из облачных недр. Но я вещаю тебе об опасности Эрину. Слышишь ли ты этот звук? Знай, Аты король, не бессилен тот, кто призывы свои посылает в ночи».

«Пусть посылает воин призывы; они для Кахмора — арфы звучание. Велика моя радость, голос ночной, и ею пылают все мои мысли. Это — музыка королей на одиноких холмах в ночи, когда они разжигают отважные души свои, чада могучих подвигов! Бессильные живут одиноко в долине ветров, где туманы вздымают покровы свои рассветные с лазоревовьющихся потоков».

«Не бессильными были, о вождь героев, отцы моего рода. Окутаны мраком битв, жили они в дальних своих краях. Но душу мою не тешат призывы смерти. В сражение ныне вступает тот, кто никогда не сдается.** Пробуди же барда, глашатая мира!»

Словно скала, точащая влагу, Кахмор стоял в слезах. Легким ветром проник ее голос в душу его и пробудил память о той стране, где она обитала у мирных потоков, пока не пришел он на помощь Конмору.

«Дочь чужеземцев, — сказал он (она, трепеща, отвернулась), — давно я приметил под ратным доспехом младую сосну Инис-хуны. Но сердце мое, сказал я себе, окутано бурей. Как же может светить мне сей луч, доколь не вернулся я с миром? Разве я побледнел пред тобою, когда ты просила, чтобы я короля остерегся? Грозный час, о дева, души моей благовременье, ибо тогда она исполняется сил и могучим потоком влечет меня на врага.

Под мшистой скалою Лоны возле родного потока излучистого живет седовласый старец Клонмал, арф повелитель.*** Над ним возвышается дуб гулкозвучный и бурые скачут косули. Шум нашей брани доходит до

* Поспешность изложения не всегда позволяет Оссиану пометать речи именами тех, кто их произносит. Чтобы избежать неясности, могущей при этом возникнуть, я иногда брал на себя смелость добавлять такие обозначения в переводе. Но в этом диалоге Кахмора и Суль-малы их речи настолько передают характеры говорящих, что нет нужды в каких-либо вставках, чтобы отличить их друг от друга.

** Говорят, что Фингал никогда не терпел поражений в битвах. Отсюда произошло почетное наименование, всегда прилагаемое к нему в преданиях: *Fionn-ghal na buai* — *Фингал победитель*. В поэме, находящейся сейчас в моем распоряжении, где прославляются великие подвиги известного бриттского героя Артура, такое же наименование часто прилагается и к нему. Поэма эта, судя по слогу, древнего происхождения и, вероятно (хотя это не говорится прямо), является переводом с валлийского языка.

*** *Claw-mal* — *изогнутая бровь*. Судя по его уединенной жизни, он принадлежал к ордену друидов, и это предположение не опровергается данным ему здесь наименованием *арф повелитель*, поскольку, согласно общему мнению, барды первоначально относились к числу друидов.

слуха его,* когда погружен он в думы о прошлом. Пусть там будет приют твой, Суль-мала, доколе не смолкнет битва. Доколь не вернусь я в доспехах своих из-под покрова тумана вечернего, что на Лоне вздымается вкруг жилища моей любви».

Девы душа озарилась светом; сияя, восстала она пред королем. Она обратила к Кахмору лик свой; кудри ее развевались по ветру. «Легче исторгнуть орла поднебесного из стремнины ревущего ветра, когда он зрит пред собою добычу — юных сынов быстроногой косули, — чем тебя, о Кахмор, из доблестной брани.** Скорей бы узреть мне тебя, воитель, из-под покрова тумана вечернего, когда окружит он меня на многоводной Лоне. Но пока ты будешь далек от меня, ударяй, Кахмор, ударяй

* Таким образом поэт дает понять, что долина Лоны находилась вблизи поля битвы. В этом непрямом способе изложения событий и состоит различие между рассказом поэтическим и историческим.

** В последующие века барды многократно ссылались на отдельные места из Оссановых творений. Я обнаружил поэму, написанную три века назад, в которой бард советует даме, своей современнице, вести себя так, как Суль-мала в этом месте. Поэма едва ли заслуживает внимания, если не считать этого отрывка, перевод которого я приведу здесь. Когда барды обращались к творениям Оссана, они словно заимствовали частицу его огня, в остальном же их сочинения — не более как набор эпитетов, расположенных согласно стихотворному размеру. Впрочем, это относится только к поэмам на военные темы. Что же касается любовных советов и пасторальных стихов, то они отнюдь не лишены красот, которые, однако, в значительной мере зависят от определенной *curiosa felicitas* [здесь: тщательной согласованности (*лат.*)] выражений в оригинале, так что передача на ином языке ставит их в невыгодное положение. Но что совершенно невыносимо у новейших бардов, так это их тошнотворные восхваления своих покровителей. В таких панегириках какой-нибудь мелкий тиран, чьею имени даже никто и не слышал за узкими пределами собственной его долины, предстает перед нами в полном облачении истинного героя. Судя по частым упоминаниям пиров, которые он задавал, и особенно *силы чаш*, мы можем легко догадаться, чем вызваны славословия этой праздной и женоподобной породы людей. Ибо барды после великого почета, которым первоначально пользовалось их сословие, стали в конце концов самыми отвратительными и презренными из смертных. Поэтому их сочинения, относящиеся к сравнительно недавнему времени, скучны и пошлы до последней степени. Коль скоро они расточали свои хвалы недостойным предметам, их панегирики утратили всякое значение. Изгнанные из домов вождей, они были вынуждены переходить из одного племени в другое в двойном качестве поэтов и арфистов. Такое положение их обозлило, и они обратились к сатире и пасквилям; поэтому сочинения бардов предшествующих столетий принадлежат почти исключительно к сатирическому роду. В этом они преуспели, ибо, поскольку нет языка с более богатым словарем, чем гэльский, то едва ли какой-либо иной язык столь же пригоден для тех затейливых оборотов, какими пользуется сатира. Хотя вожди не обращали внимания на эти пасквили, простолюдины из одного только страха давали бардам приют в своих жилищах, кормили их, насколько позволяли средства, и в течение некоторого времени поддерживали существование сословия, которое по собственной вине заслужило справедливое презрение.

Но вернемся к старой поэме, подавшей повод для этого примечания. Это обращение к жене вождя, ушедшего на войну. Отрывок, где упоминается Суль-мала, следующий:

«Зачем ты скорбишь на скале иль подымаешь очи на волны? Его корабль понесся на битву. Он тешитя гулом сражения. Вспомни лучи былых времен, дев Оссана, властителя арф. Суль-мала не держит орла своего вдали от кровавого поля. Она не отторгла б орла своего от гремящей стези славы».

в свой щит, чтобы радость вернулась в мою омраченную душу, когда прислонюсь я ко мшистой скале. Но если падешь ты, — а я в краю чужеземцев, — подай свой голос из облака деве Инис-хуны».

«Юная ветвь зеленоглавого Лумона, зачем ты трепещешь пред бурею? Часто Кахмор назад приходил с мрачностремительной брани. Стрелы смерти всего только град для меня, часто стучали они по щиту моему. Я вырывался, сверкая, из битвы, как метеор из бурной тучи. Не возвращайся, прекрасный луч, из долины своей, когда усилится грохот сражения. Да не скроется от меня супостат, как он скрылся от предков моих в старину.

Сон-мору* рассказали, что Клунар** убит Кормаком, подателем чаш. Три дня сокрушался Сон-мор о гибели брата. Его супруга приметилла молчание короля и поняла, что он собрался на битву. Тайно она приготовила лук, чтобы сопутствовать герою лазоревощитному. Мрачна становилась ей Ата, когда воин на брань уходил. Со ста потоков собрались в ночи сыны Алнекмы. Они услышали щит короля, и ярость в них пробудилась. Бряцаая оружием, они поспешили в Уллин дубравный. Сон-мор их вел на брань, ударяя в свой щит временами.

Издали следом шла Суль-алин*** через холмы многоводные. Сверкала она на горе, когда они проходили долиной. Она величаво шла по долине, когда поднимались они на мшистый холм. Страшилась она подойти к королю, что оставил ее в гулкозвучной оленьей Ате. Но когда заревела битва, когда ринулось войско на войско, когда Сон-мор вспылал, словно небесный огонь в облаках, тогда появилась Суль-алин с распущенными волосами, ибо она трепетала за своего короля. Он прекратил кровавую сечу, чтобы спасти любовь героев. Ночью противник бежал; без крови его покоился Клунар, без крови, которой должна окропиться могила воителя.

Сон-мор не вспыхнул гневом, но дни его проходили безмолвно и мрачно. С очами, полными слез, блуждала Суль-алин у потоков седых. Часто взирала она на героя, когда погружался он в думы. Но она избегала взора его и, одинокая, прочь удалялась. Как буря, примчались битвы и прогнали туман из его души. С радостью он увидал, как она ходила в чертоге, как белые руки ее перебирали струны арфы».

Облаченный в доспехи, пошел вождь Аты туда, где висел его щит высоко в ночи, высоко на мшистом суку над ревущим потоком Лубара.****

* *Són-mor* — *высокий красивый муж*. Он был отцом Борбар-дугула, вождя Аты, и дедом самого Кахмора. Уместность этого эпизода очевидна. Но, хотя он вставлен здесь, казалось бы, для того лишь, чтобы служить примером для Суль-малы, поэт, возможно, имел в виду и другую цель, а именно подчеркнуть давность раздора между фирболгами и гэлами.

** *Sluan-er* — *муж поля*. Этот вождь был сражен в битве с королем Ирландии Кормаком Мак-Конаром, отцом первой жены Фингала Рос-краны. Эта история упоминается в других поэмах.

*** *Suil-alluin* — *красивое око*, жена Сон-мора.

**** Поэт возвращается к своей теме. Описание щита Кахмора ценно тем, что оно проливает свет на успехи искусств в далекие времена. Те, кто извлекает свои представления об отдаленной древности из наблюдений над обычаями современных

Семь горбов на щите возвышались, семь голосов короля; ветер воинам их приносил, а те возвещали всем племенам.

На каждом горбе почная звезда начертана. Кан-матоп с лучами длинными, Кол-дерна, над облаком восходящая, Улойхо, туманом одетая, и Катлина нежный луч, на утесе сверкающий. Кротко мерцая, погружает Рельдурат в синие волны свет свой закатный. Багряное око Бертина взирает сквозь лес на охотника, когда он неспешно бредет сквозь дождливую ночь, отягченный добычей ловитвы — быстроногой косулей. Посреди широко разливался безоблачный свет Тон-хены, Тон-хены, что ночью следила за морепроходцем Лартоном, Лартоном, кто первый из племени Болги пустился по ветру странствовать.* Белогрудые паруса короля неслись к многоводному Инис-файлу. Хмурая ночь катилась пред ним в своем туманном покрове. Переменчиво дули ветры и бросали его с волны на волну. Тогда взошла Тон-хена огневолосая, смеясь из-за тучи разорванной. Возрадовался Лартон** лучу путеводному, что над смятенной пучиной забрезжил.

Под копыем Кахмора проснулся тот голос, что пробуждает бардов. Мрачной чредой потянулись они со всех сторон, каждый бряцая на

диких народов, вряд ли оценят по достоинству мастерство, с каким был изготовлен щит Кахмора. Чтобы хоть немного устранить их предубеждения, замечу только, что британские белги, предки фирболгов, были торговым народом, а торговля, как легко доказать на многих наглядных примерах, относящихся к нашему времени, неизменно поощряет развитие искусств и наук и всего того, что возвышает ум человеческий. Чтобы не умножать число примечаний, переведу здесь названия звезд, вырезанных на щите. Ceap-mathon — *медвежья голова*. Col-derna — *косой и острый луч*. Ul-oicho — *ночной правитель*. Cathlin — *луч волны*. Reul-durath — *звезда сумерек*. Berthin — *огонь на голме*. Tonthéna — *метеор волн*. Эти этимологии достаточно точны, за исключением Ceap-mathon, в которой я не уверен, поскольку маловероятно, чтобы фирболги уже во времена Лартона обозначали созвездие именем медведя.

* По ветру странствовать — поэтическое название плавания под парусами.

** Larthon составлен из Leag — *море* и thon — *волна*. Благодаря своему знанию навигации это имя носил вождь первых фирболгов, поселившихся в Ирландии. До нас дошла часть старинной поэмы о нем. Автор ее, возможно, воспользовался эпизодом из этой книги, где повествуется о первом открытии Лартоном Ирландии. Поэма изобилует романтическими вымыслами о великанах и волшебниках, характерными для творений бардов позднейших времен. Содержащиеся в ней описания хитроумны и соразмерны с огромностью изображаемых героев, но из-за обилия сверхъестественного быстро наскучивают и утомляют. Удержись бард в границах вероятного — и его талант снискал бы признание. Вступление в поэму не лишено достоинств, но только часть его, полагаю, заслуживает быть представленной читателю.

«Кто первым направил черный корабль по океану, словно кита сквозь кипучую пену? Взгляни из твоей темноты на Кроне, Оссиан, властитель старинной арфы. Пошли свой свет на синие волны, чтобы я узрел короля. Я вижу, как мрачен он в дубовом своем челне; морем носимый Лартон, душа твоя — пламень! Она беззаботна, как ветер в твоих парусах, как волна, что катится рядом. Но пред тобою тихий зеленый остров; его сыны высоки, как Лумон лесистый; Лумон, что посылает с вершины своей тысячу струй, стекающих в пене по склонам его».

Пожалуй, будет лучше для барда, если мы не продолжим перевода, потому что дальнейшее описание ирландских великанов обличает в нем недостаток здравого смысла.

арфе. Обрадовался им король, как путник погожему дню, когда он слышит вокруг журчанье далекое мшистых потоков, потоков, что рвутся в пустыню с оленьей скалы.

«Почему, — сказал Фонар, — слышим мы зов короля во время его покоя? Не смутные ль образы предков явились тебе в сновидении? Быть может, стоят они в облаке том, ожидая пения Фонара? Часто нисходят они на поля, где их сынам предстоит копыя поднять. Или должны мы воспеть того, кто уже не подымет копыя, того, кто поля пустошил, Момы дубравной вождя?»

«Этот перун войны не забыт, о бард минувших времен. Высоко вознесется могила его на Мой-лене, жилище славы. Но теперь верни мою душу назад к временам моих праотцев, к тем годам, когда впервые они поднялись на волнах Инис-хуны. Не одному лишь Кахмору милы воспоминания о Лумоне лесобильном, Лумоне — крае потоков, обители дев белогрудых».

«Лумон потоков пенистых, ты вздымаешься в сердце Фонара! * Солнце златит твои склоны, твои скалы с деревьями склоненными. Бурая лань видна там в твоём кустарнике, олень вздымает ветвистую голову, иногда примечая пса, полусокрытого в вереске. Стопою медлительной бродят в долине девы, белорукие дочери лука; они подьют горé свои синие очи из-под кудрей распущенных. Но нет там Лартона, вождя Инис-хуны. Он плывет по волнам на темном дубе в заливе скалистой Клубы; на дубе, который срубил он в Лумоне, чтобы пуститься в море. Девы отводят взоры — как бы король не погиб, ибо досель никогда они не видали судна, темного всадника волн.

Теперь он дерзает ветры призвать и погрузиться в туман океана. Уже показался сквозь дымку лазоревый Инис-файл, но в одеяниях темных ночь опустилась. Страшно сынам Болги. Взмогла огневласая Тонхена. Залив Кулбина принял корабль в лоно своих гулкозвучных лесов. Оттуда стремился поток из ужасной пещеры Дутумы, где временами мелькали неясные образы духов.

Сновиденья сошли на Лартона: явились ему семь духов праотцев. Он слышал невнятные речи и смутно провидел грядущее. Предстали пред ним короли Аты, будущих дней сыны. Они вели свои рати по бранным полям, словно гряды тумана, проносимые ветром осенним над дубравами Аты.

Под нежные звуки арфы Лартон воздвигнул чертоги Самлы.** Он устремился за ланями Эрина к их привычным источникам. Но не забыт им и зеленоглавый Лумон: часто мчался он по волнам туда, где белору-

* Лумон, как видно из моего предыдущего примечания, это гора в Инис-хуне вблизи местопребывания Суль-малы. Дальнейшее повествование прямо связано с тем, что говорится о Лартоне в описании щита Кахмора. Там содержится лишь намек на первое путешествие Лартона в Ирландию, здесь же его история рассказана полностью, и занята описано, как он положил начало судостроению. Этот сжатый, но выразительный эпизод в оригинале вызывал немалое восхищение. Краткость его замечательно соответствует быстрой смене событий.

** Samla — *видения*; название даво согласно сну Лартона, в котором он видел своих потомков.

кая Флатад* смотрела с оленьей горы. Лумон потоков пенистых, ты вздымаешься в сердце Фонара».

Проснулся луч на востоке. Горы возвысили главы в тумане. Долины со всех сторон открывали седые извивы потоков. Войско Кахмора услышало щит его; разом оно поднялось вокруг, словно пучина морская, едва ощутившая ветра крыло. Волны еще не знают, куда устремиться, и беспокойно вздымают главы свои.

Грустно и медленно удалялась Суль-мала к потокам Лоны. Шла она и часто оглядывалась, ее голубые очи были полны слез. Но, подойдя к скале, тенью покрывшей долину Лоны, она с сокрушенным сердцем взглянула на короля и тотчас сокрылась за камнем.

Ударь же по струнам, Альпина сын.** Есть ли хотя бы толика радости в арфе твоей? Излей ее в Оссианову душу, она окутана мглой. В ночи своей я слышу тебя, о бард. Но прерви сей легкотрепещущий звук. Радость скорби — удел Оссиана среди мрачноунылых его годов.

О зеленый терн на холме, обитаемом духами! Вершину твою колыхают ночные ветры! Но ни звука ко мне от тебя не доносится; ужель ни единый призрак не прошуршит воздушным покровом в твоей листве? Часто блуждают умершие в мрачнобурных ветрах, когда сумрачный щит луны, взойдя на востоке, катится по небу.

Уллин, Карил и Рино, певцы стародавних дней! Да услышу я вас во мраке Сельмы и пробужу душу песен. Но я вас не слышу, чада музыки; в каком чертоге облачном вы обрели покой? Коснетесь ли вы призрачной арфы, облеченной туманом утра, там, где звенящее солнце восходит из-за зеленоглавых волн?

КНИГА ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ВОСЬМОЙ

Наступает четвертое утро с начала поэмы. Фингал все еще остается на том месте, куда он удалился предыдущей ночью; временами он виден сквозь туман, покрывающий утес Кормула. Описывается, как король сходит с утеса. Он велит Голу, Дермиду и барду Карилу отправиться в долину Клуны и привести оттуда в каледонское войско Ферад-арто, сына Карбара, единственного оставшегося в живых представителя династии Конара, первого ирландского короля. Король принимает начальство над войском и готовится к бою.

Выступив навстречу противнику, он подходит к пещере над Лубаром, где покоится тело Филлана. Он видит пса Брана, лежащего у входа в пещеру, и скорбь его возвращается. Кахмор приводит войско фирболгов в боевой порядок. Появление этого героя. Следует описание битвы. Подвиги Фингала и Кахмора. Буря. Полный разгром фирболгов. Два короля вступают в бой на берегу Лубара в полном тумане. Их положение и разговор после поединка. Смерть Кахмора. Фингал отдает конь Тренмора Оссиану. Обряды, совершаемые по этому

* Flathal — небесная, совершенная краса. Она стала женою Лартона.

** В оригинале эта лирическая песнь — одно из красивейших мест поэмы. Гармония и разнообразие стихосложения доказывают, что знание музыки достигло значительных успехов во времена Оссиана.

случаю. Тем временем дух Кахмора является Суль-мале в долине Лоны. Ее горе. Наступает вечер. Готовится пир-

шество. Пение ста бардов возвещает о прибытии Ферад-арто. Поэма завершается речью Фингала.

Когда зимние ветры скуют волны горного озера, скуют их в бурную ночь и оденут поверху льдом, взору раннего зверолова покажется, что все еще катятся белые гребни.* Он ожидает услышать всплески нерав-

* Составляя примечания, я почитал своим главным долгом разъяснять творения Оссиана, а не исследовать их критически. Первое — это моя область, коль скоро и лучше других знаком с ними, второе же приходится на долю других. Замечу, однако, что к сочинениям кельтского барда не следует прилагать все правила, которые Аристотель извлек из Гомера; вместе с тем не следует ставить под сомнение право Оссиана на ерораеа [эпическую поэму (греч.)], даже если он в чем-то и отличается от греческого поэта. Необходимо принять во внимание различия в народных нравах. По своему духу греки и кельты нимало не походили друг на друга. Первых отличали живость и словоохотливость; вторым была присуща мужественная сдержанность. Соответственно мы находим, что сочинения Гомера и Оссиана в общем отмечены противоположными чертами их народов, а потому неуместно сопоставлять *minutiae* [подробности (*lat.*)] их поэм. Существуют, однако, общие правила ведения эпической поэмы, которые, коль скоро они вытекают из ее природы, являются всеобщими. И в них оба поэта очень похожи друг на друга. Это сходство, которое не могло возникнуть из подражания, имеет большее значение для самой сущности ерораеа, чем все правила Аристотеля, вместе взятые.

Действие поэмы приближается к трагической развязке. В предыдущей книге Оссиан должным образом подготовил великолепное описание, открывающее настоящую книгу; это служит доказательством того, что кельтский бард более искусно разрабатывал свою тему, чем иные из тех, кто буквально копирует совершенный образец Гомера. Переход от трогательного к возвышенному осуществляется легко и естественно. Пока ум не откроется для первого, он едва ли сможет правильно воспринять второе. Нежные и чувствительные сцены в седьмой книге образуют своего рода контраст к более величественным и устрашающим образам восьмой и соответственно возвышают их.

Сравнение, открывающее книгу, пожалуй, самое пространное и подробно описательное из всех, какие содержатся в творениях Оссиана. Образы в нем знакомы лишь тем, кому случилось жить в холодной горной стране. Они часто видали внезапно замерзшее озеро, усеянное высохшей травой и ветвями, которые ветер приносит с гор, образующих его берега, но я полагаю, что немногие из них разделяли мысли древнего барда, предпочитавшего зимнюю природу цветущим долинам мая. *Мне, — говорит он, — верните мои леса, расточающие листья по ветру; пусть внизу простирается озеро с его замерзшими волнами. Приятен мне ветер над колющим льдом, когда полный месяц встает в небесах и горный дух громогласно ревет. Прочь, зеленые доли мая; пусть девы о них мечтают, и т. д.* Так говорит этот поэт зимы, но то, что он добавляет дальше, позволяет думать, что не одни лишь картины зимней природы восхищали его, потому что с большим чувством вспоминает он *огаренный дубом чертог вождя и силу чаш ночною порой, когда снаружи гуляет ветер.*

Если сравнение с замерзшим озером дает наглядное представление о спокойствии и молчаливом ожидании облаченного в доспехи войска перед приходом короля, то образ волн, внезапно вздымающихся вокруг духа, также удачно передает бурную радость Фингалова войска при появлении героя. Некий древний бард, ощутивший красоту этого места, удачно подражал ему в поэме о шотландском короле Кеннете Мак-Альпине. Я уже цитировал это произведение в примечании к предыдущей книге. Ночью Кеннет тайно удалился на холм, находившийся по

ных валов. Но безмолвно сверкают они; лишь ветви и комья травы, их устлавшие, свистят на ветру над седым морозным гнездовьем своим. Так безмолвно сияли поутру волны Морвенской рати, когда каждый воин смотрел из-под шлема на холм короля, на покрытый облаком холм Фингала, где он ходил среди клубов тумана. Временами смутно виделся им герой во всеоружии. Война поднимала за мыслью мысль в его могучей душе.

И вот король является воинству. Сперва показался меч Луно, копьё постепенно возникло из облака, но щит неясно еще виднелся в тумане. Когда же предстал им сам король и седые влажные кудри его распустились по ветру, каждый воин вскричал и двинулись все племена. Они собрались вокруг короля, сверкая щитами гулкозвучными. Так вздымается синее море вокруг духа, сошедшего в вихре. Путник слышит далекий звук и выглядывает из-за скалы. Он смотрит на бурный залив, и мнится ему, что он видит облик неясный. Снуются тяжкие волны, их спины покрыты пеной.

Вдали от других стояли сын Морни, отпрыск Дутно и бард Коны. Мы стояли вдаль, каждый под древом своим. Мы избегали взоров владыки: мы не добились победы на бранном поле. Малый источник струился у ног моих, я касался копьём его легкой волны. Я касался ее копьём, но душа Оссиана была далеко. Мысль за мыслью в ней мрачно вздымалась, исторгая тяжкие вздохи.

«Сын Морни, — сказал король, — Дермид — охотник на ланей, отчего вы мрачны, как два утеса, из коих сочится влага? Нет гнева в душе Фингала на вождей его ратных. Вы — сила моя на войне, свет моей радости в мирные дни. Мой голос, бывало, ласковым ветром тешил ваш слух, когда Филлан готовил свой лук. Нету здесь более сына Финглова, и не время теперь для охоты на скачущих ланей. Но почему же щитов крушители мрачно стоят от всех вдалеке?»

Величаво они подошли к королю; они видели, как он повернулся к ветру Моры. Слезы его лились о синеглазом сыне, что спал над потоком в пещере. Но при виде их он лицом прояснился и молвил широкощитным вождям.

«Пред вами Кроммал с лесистыми скалами и туманной вершиной, где сражаются ветры и низвергается ревушим потоком синий Лубар. Позади по тихой долине оленей вьется прозрачный Лават. В одной из скал чернеет пещера, над ней обитают орлы сильнокрылые, пред нею шумят под ветром Клуны дубы широкоглавые. В той пещере живет осененный кудрями юности Ферад-арто, синеглазый король, сын широкощитного Карбара из оленьего Уллина.* Он внемлет речам седовла-

соседству с его войском, а когда вернулся на другое утро, говорит бард, он был подобен призраку, что возвращается в свою тайную бухту. Он стоит в одеянии ветра. Волны вздымают свои ревущие головы. Из зеленые спины трепещут вокруг. Скалы отгаываются на их ликование.

* Ферад-арто был сыном ирландского короля Карбара Мак-Кормака. Согласно Оссиану, он единственный оставался в живых из династии первого ирландского монарха Ковара, сына Тренмора. Для того чтобы дальнейшее изложение было

сого Кондана, что склоняется в темном убежище. Там он внемлет ему, ибо враги поселились в гулкозвучных чертогах Теморы. Иногда он выходит под покровом тумана стрелами скачущих ланей пронзать. Когда же солнце озирает поле, ни на скале его не видать, ни у потока! Он убеждает племени Болги, что поселилось в чертоге его отца. Скажите ему, что Фингал подьемлет копье и, быть может, погибнут его враги.

Подьемли, о Гол, свой щит перед ним. Протяни ему, Дермид, копье Теморы. Пусть голос твой, Карил, ему воспоет подвиги праотцев. Приведите его на Мой-лену зеленую, на темное поле духов, ибо там устремлюсь я в битву, в самую гущу брани. Прежде, чем спустится хмурая ночь, на вершину взойдите высокой Дунморы. Посмотрите сквозь клубы тумана серые на многоводную Лену. Если знамя мое там будет по ветру реять над блестящими водами Лубара, знайте, Фингал не сражен в последнем своем бою».

Так он сказал; ни слова ему не ответив, вожди зашагали безмолвно. Они поглядели искоса на воинство Эрина и, удаляясь, все больше мрачнели. Досель никогда не покидали они короля среди бурных сражений. Позади, касаясь порою арфы, шествовал седовласый Карил. Он предвидел гибель бойцов, и были печальны звуки! Они были подобны

понятно, думаю, будет не лишне кратко повторить здесь то, что говорилось по этому поводу в предыдущих примечаниях. После смерти Конара, сына Тренмора, его сын Кормак наследовал ирландский трон. Кормак царствовал долго. У него были дети — Карбар, наследовавший ему, и Рос-крана, первая жена Фингала. Карбар, задолго до смерти своего отца Кормака, взял в жены Бос-гала, дочь Колгара, одного из самых могущественных вождей в Коннахте, и имел от нее сына Арто, впоследствии ирландского короля. Вскоре после того как Арто достиг совершеннолетия, его мать Бос-гала умерла и Карбар взял в жены Бельтано, дочь Конохара из Уллина, которая принесла ему сына, названного *Ferad-artno*, т. е. *мужчина вместо Арто*. Такое имя было дано ему по следующей причине. Арто, когда родился его брат, находился в походе на юге Ирландии. Отец его получил ложное известие, будто он убит. *Карбара*, говоря словами поэмы, посвященной этому событию, *омрачила весть о золотоудром сыне. Он обратился к юному лучу света, сыну Бельтано, дочери Конохара. Ты будешь Ферад-арто, сказал он, путеводным озем для нашего рода.* Вскоре после этого Карбар умер; ненадолго пережил его и Арто. Ирландский престол перешел по наследству к сыну Арто Кормаку, но тот, не достигнув совершеннолетия, был убит Карбаром, сыном Борбар-дугула. Ферад-арто, гласит предание, был еще очень молод, когда Фингал предпринял поход, чтобы возвести его на ирландский трон. Во время кратковременного правления юного Кормака Ферад-арто жил в королевском дворце Теморе. После убийства короля бард Кондан тайно увел Ферад-арто в пещеру Клуны, позади горы Кроммал в Ольстере, где они оба прятались, пока династия Аты владела узурпированным престолом. Все эти подробности, касающиеся Ферад-арто, могут быть извлечены из сочинений Оссигана. Менее древний бард изложил историю целиком в поэме, которая сейчас находится в моем распоряжении. Достоинства ее незначительны, если только не считать сцены между Ферад-арто и посланцами Фингала, прибывшими в долину Клуны. Услыхав о великих подвигах Фингала, юный принц спрашивает о нем у Гола и Дермида: «Так ли высок король, как скала пещеры моей? Не сосна ли Клуны служит ему копьем? Или он горный вихрь жестокорылый, что хватает зеленый дуб за вершину и вырывает с холма? Сверкает ли Лубар меж шагами его, когда он шествует мимо? Нет, — отвечивал Гол, — он не так высок, как эта скала, и между шагами его не сверкают потоки, но душа короля — могучий прилив, равной силы с морями Уллина».

ветру, что несется порывами над тростниками озера Лего, когда на ловца нисходит дремота в мшистой его пещере.

«Зачем склоняется бард Коны над своим потаенным источником? — Фингал спросил. — Время ль теперь горевать, родитель павшего Оскара? Вспомняем воителей * в мирную пору, когда замолкнут щиты гулкозвучные. Тогда склоняйся, скорбя, над водами, где горный ветер гуляет. Пусть тогда проходят в твоей душе синеглазые жители Лены. Но Эрин стремится на брань, несметный, свирепый и мрачный. Подыми ж, Оссиан, подыми свой щит. Мой сын, я одинок!»

Как налетает внезапно голос ветров на недвижный корабль Инисхуны и гонит стремглав над пучиной мрачного всадника волн, так голос Фингала послал Оссиана вперед по вереску. Величавый, он поднял высоко сверкающий щит на темном крыле войны; так перед бурей восходит широкий и бледный месяц, окутанный тучами.

С мохом поросшей Моры ринулась вниз, грохоча, ширококрылая брань. Фингал, король многоводного Морвена, сам повел свой парод. В вышине распростерлось крыло орла. Кудри седые разлились по плечам героя. Гролом грохочут стопы его тяжкие. Часто, остановясь, он озирает широко сверкавший разлив булата. Он казался скалой, поседевшей от льда и вздымающей к ветру леса. С ее чела несутся потоки блестящие, расточая в воздухе пену.

Но вот подошел он к пещере Лубара, где Филлан почил во мраке. Бран все лежал на разбитом щите, ветры трепали крыло орлиное. Из-под увядшей травы сверкало копые вождя. Тогда скорбь овладела душой

* Оскар и Филлан торжественно названы здесь *воителями*. Оссиан не забыл их, когда, употребляя его собственное выражение, *мир вернулся на землю*. Его печальные поэмы, посвященные смерти этих героев, весьма многочисленны. Я имел случай привести выше в примечании перевод одной из них (диалог Клато и Босмины). Здесь я предложу читателю отрывок из другой поэмы. Большая и, возможно, самая интересная ее часть утрачена. Остался монолог Мальвины, дочери Тоскара, столь часто упоминаемой в сочинениях Оссиана. Здесь рассказывается, как она, сидя одиноко в долине Мой-луты, замечает вдали судно, которое везет тело Оскара в Морвен.

«Мальвина подобна радуге дождевой, что над речною долиной сверкает, сокрытой от взоров. Сияет она, но капли небесной влаги туманят ее сверканье. Говорят, я прелестна под сенью своих кудрей, но токи слез застилают мою красу. Мрак над моею душой витает, как ветра темный порыв над злачною Лутой. Но разве я не разлила косуль, проходя меж холмами? Сладостно арфа звучала под белой моею рукой. Так кто же, дева Луты, блуждает в твоей душе, словно призрак скользит унылой стезей вдоль ночного луча? Ужели юный воитель пал среди рева полей возмущенных!»

Юные девы Луты, восстаньте, призовите к себе Мальвины смятенные мысли. Пробудите арф голоса в гулкозвучной долине. Тогда изыдет из мрака печали мой душа, словно солнце из утренних врат, когда клубятся вокруг облака с разорванными краями.

Ночной обитатель моих мечтаний, чей образ встает в возмущенных полях, зачем ты тревожишь мне душу, о ты, далекий сын короля? Не любимый ли мой стремится свой бег по темным валам океана? Зачем столь внезапно, Оскар, являешься ты с равнины щитов?»

Не дошедшую до нас часть поэмы, говорили мне, составляет разговор Уллина и Мальвины, во время которого ее горе достигает высшего предела.

короля, словно вихрь, омрачающий озеро. Он прервал свой стремительный шаг, склонясь на копьё упругое.

Радостно Бран белогрудый вскочил, услыша знакомую поступь Фингала. Он вскочил и взглянул в пещеру, где лежал синеглазый охотник, ибо привык он бежать поутру к приюту косули, росой окропленному. Вот тогда заструились слезы из глаз короля и мрак наполнил всю душу. Но как поднявшийся ветер прогоняет дождливую бурю и открывает солнцу белым потокам и высоким холмам с их вершинами значными, так возвращение брани прояснило душу Фингалову. Опершись на копьё, он перепрыгнул Лубар* и ударил в свой щит гулкозвучный. Ряды его войска разом вперед устремили всю свою остроконечную сталь.

Но Эрин внимал без страха звону щита; широким строем двинулся он навстречу. На крыле сражения мрачный Малтос смотрит вперед из-под косматых бровей. Рядом вздымается Хидалла, сей луч светоносный; дальше — косою и угрюмый Маронан. Лазоревощитный Клонар подымлет копьё; Кормар полощет по ветру кудри густые. Медленно из-за скалы является в блеске своем король Аты. Сперва показались два острых копьёя, затем засверкала щита половина, как метеор, восходящий в ночи над долиною духов. Когда же он вышел в полном сиянии, два воинства ринулись разом в кровавую сечу. Блестящие волны булата льются с обеих сторон.

Как встречаются два возмущенных моря, когда, почуя крылья противных ветров, они устремляют все свои волны в скалистую бухту Лу-

* Поэтические гиперболы Оссиана были впоследствии буквально истолкованы невежественным простонародьем, и оно твердо уверовало, что Фингал и его герои были великанами. Существует множество нелепых рассказов, основанных на том обстоятельстве, будто Фингал сразу перепрыгнул реку Лубар. Многие из них сохраняются в предании. Ирландские сочинения о Фингале неизменно изображают его великаном. Многие из этих поэм находятся сейчас в моем распоряжении. Судя по языку и ссылкам на время, когда они были написаны, я отношу их создание к пятнадцатому и шестнадцатому столетиям. Они отнюдь не лишены поэтических достоинств, но рассказанные в них истории неестественны, а построены они неразумно. Приведу пример подобных нелепых вымыслов ирландских бардов из поэмы, которую они совершенно неосновательно приписывают Оссиану. История эта такова. Когда Ирландии угрожало вторжение врага откуда-то из Скандинавии, Фингал послал Оссиана, Оскара и Ка-олта наблюдать за заливом, где предполагалась высадка неприятеля. Оскар, к несчастью, заснул, прежде чем появились скандинавы, и как он ни был велик, говорит ирландский бард, у него было одно дурное свойство: его можно было разбудить раньше времени, только отрезав один из его пальцев или швырнув ему в голову большой камень, и в подобных случаях было опасно стоять с ним рядом до тех пор, пока он не приходил в себя и не пробуждался полностью. Ка-олт, которому Оссиан поручил разбудить своего сына, решил, что будет безопаснее швырнуть ему камень в голову. Камень, отскочив от головы героя, сотряс на своем пути гору окружностью в три мили. Оскар проснулся в ярости, доблестно бросился в битву и один разгромил целый фланг неприятельского войска. Бард продолжает рассказ в том же духе до тех пор, пока Фингал не кладет конец войне, полностью разгромив скандинавов. Как ни ребячливы и даже постыдны эти вымыслы, тем не менее Китинг и О'Флаэрти не предполагают никакими иными источниками, кроме поэм, в которых они содержатся, для подтверждения всего того, что эти историки пишут о Фине Мак-Комнале и его мнимом ирландском воинстве.

мона и вдоль гулкозвучных холмов уносятся смутные тени, вихри свергают рощи в пучину, пресекая пенистый путь китов, — так смешались два войска! То Фингал, то Кахмор выходят вперед. Перед ними смятение мрачное смерти, под стопами сверкает разбитый булат, когда, возносясь прыжками огромными, короли вырубают с грохотом строи щитов.

Маронан, сраженный Фингалом, пал, преграждая поток. Воды скопьялись у тела его и прыгали через горбатый щит. Клонара Кахмор пронзил, но вождь не простерся во прахе. Он зашатался, и дуб захватил его волосы. Шлем по земле покатился. Широкий щит повис на ремне, кровь по нему заструилась потоком. Тла-мина будет рыдать в чертоге и бить себя в стесненную вздохами грудь.*

И Оссиан не сложил копья на своем крыле сражения. Мертвецами усеял он поле. Вышел молодой Хидалла. «Нежный глас многоводной Клонры! Зачем ты подъемлешь сталь? Лучше б сразиться нам песнями в злачной твоей долине!» Малтос узрел, что повержен Хидалла и, мрачная, рванулся вперед. С обеих сторон потока склоняемся мы в гулкозвучной схватке. Рушатся небеса, взрываются вопли бурных ветров. Временами пламень объемлет холмы. Катится гром сквозь клубы тумана. Во мраке враг содрогнулся; воины Морвена встали, объятые страхом. Но я все склонялся через поток, и в кудрях моих ветер свистел.

* Тла-мин — *мягко-нежная*. Любовь Клонара и Тла-мины была известна на севере благодаря отрывку лирической поэмы, который сохраняется поныне и приписывается Оссиану. Кто бы, однако, ни был сочинитель, ее поэтические достоинства, быть может, послужат мне извинением за то, что я включаю ее сюда. Это разговор Клонара и Тла-мины. Вначале она произносит монолог, который он подслушивает.

«Клонар, сын Конгласа с И-море, юный ловец темнобоких косуль, где ты возлеж среди тростников, овеваемый крыльями ветра? Я вижу тебя, любимый, на равнине меж мрачных твоих потоков. Цепкий терновник, колышась, бьется о щит его. Осененный златыми кудрями, почует герой; пролетают сонные грезы, тумана его чело. Об Оссиановых битвах ты гредишь, юный сын гулкозвучного острова!

Я сижу, сокрытая в роще. Прочь улетайте, туманы горные. Зачем вы сокрыли любимого от синих очей Тла-мины, владычицы арф?

К л о н а р

Как дух, явившийся нам в сновидении, прочь улетаёт от наших отверстых очей, и кажется нам, что мы видим сверкающий след меж холмов, так унеслась дочь Клунгала от очей щитоносного Клонара. Выйди из чащи дерев, синеокая Тла-мина, выйди.

Т л а - м и н а

От его стези я прочь убегаю. Для чего ему знать о моей любви. Мои белые перси трепещут от вздохов, как пена на темном лоне потока. Но он проходит, блистая доспехами! Сын Конгласа, скорбна моя душа.

К л о н а р

Я слышал щит Фингалов, глас королей из Сельмы, богатой арфами! Путь мой лежит в зеленый Эрин. Выйди, прелестный светоч, из тени своей. Явись на поле моей души, где простираются рати. Взойди на смятенную душу Клонара, юная дочь лазоревоцвётного Клунгала.

Клунгал был вождем на И-море, одном из Гебридских островов.

Тогда раздался голос Фингала и шум бегущих врагов. Временами при свете молний я видел, как выступает король во всей своей мощи. Я ударил в щит гулкозвучный и устремился вслед Алнекме; враг предомной расточался, словно летучие клубы дыма.

Солнце выглянуло из-за тучи. Засверкала сотня потоков Мой-лены. Столпы тумана лазурные мерно вздымались, скрывая блестящие склоны холма. Где ж короли могучие? * Ни у потока их нет, ни в лесу! Я слышу оружия звон! Они сражаются в недрах тумана. Так в туче ночной ратоборствуют духи, стремясь завладеть ледяными крылами ветров и гнать белопенные волны.

Я устремился вперед. Серый туман улетел. Огромные, сверкали они, стоя у Лубара. Кахмор склонился к утесу. Щит, повиснув, купался в потоке, падавшем с мшистой вершины. К нему подошел Фингал: он узрел, что герой истекает кровью. Медленно выпал меч из длани его. С мрачною радостью он произнес:

«Сдается ли род Борбар-дутула? Или все еще он подьмет копьё? Не безвестно имя Кахмора в Сельме, в зеленой обители чужеземцев. Оно долетело, как ветер пустыни, до слуха Фингала. Приди же на холм моих пирований: иногда и могучий может терпеть поражение. Я не огонь для врагов поверженных, я не теплусь падением храброго: Мне любезней залечивать раны: известны мне горные травы.** На вершинах срывал я пригожие их головки, когда качались они у сокровенных потоков. Ты безмолвен и мрачен, король чужеземной Аты».

«У многоводной Аты, — сказал он, — вздымается мшистый утес. На челе его ветры колышут деревья. На склоне чернеет пещера и громко журчит родник. Там я внимал стопам чужеземцев, когда приходили они в чертог моих пирований.*** Радость, как пламя, вздымалась в моей душе;

* Фингал и Кахмор. Замечательно искусство поэта в этом месте. Его многочисленные описания поединков исчерпали предмет. Ничего нового, ничего, соответствующего высокому нашему представлению о королях, Оссиан уже не может сказать. Поэтому он набрасывает на все *столп тумана* и предоставляет единоборство воображению читателя. Поэты почти всегда терпели неудачу в описаниях такого рода. При всем своем искусстве Гомер не может достойно изобразить *μίχητιαιε* [подробности (*лат.*)] поединка. Швыряние копья и визг щита, как изысканно выражаются некоторые наши поэты, не вызывают в уме высоких представлений. Наше воображение пренебрегает такими описаниями, не нуждаясь в их помощи. Поэтому некоторым поэтам, по моему мнению (хоть оно, возможно, покажется странным), следует, подобно Оссиану, прикрывать *туманом* описания поединков.

** Предание весьма прославляет Фингала за его знание целебных свойств растений. В посвященных ему ирландских поэмах он часто представлен врачом-лекарем ран, полученных его вождями в битве. Там даже рассказывается, будто у него была чаша с травяным настоем, который мгновенно исцелял раны. Искусство лечить раненых было до самого последнего времени повсеместно распространено среди горных шотландцев. О других недугах, требующих врачевания, слышать не приходилось. Здоровый климат и деятельная жизнь, проводимая в охоте, изгоняют болезни.

*** Гостеприимство Кахмора было беспримерно. Даже в последние мгновения жизни он с удовольствием вспоминает о помощи, которую оказывал чужеземцам. Самый звук их шагов услаждал ему слух. Радущие, с каким он принимал чужеземцев, не было забыто бардами и более поздних времен, и, описывая чье-нибудь

благословлял я утес гулкозвучный. Да будет там обитель моя во мраке, у злачной моей долины. Оттуда я буду вздыматься на ветре, что гонит лух чертополоха, или глядеть сквозь плывущий туман на течение лазурновьющейся Аты».

«Для чего король говорит о могиле? Оссиан! воитель скончался. Да прольется радость потоком в душу твою, Кахмор, друг чужеземцев! Сын мой, я слышу призыв годов; проходя, они отбирают копьё у меня. Мнится, они говорят: „Для чего Фингал не отдыхает в своем чертоге? Разве всегда ты тешишься кровью, слезами несчастных?“ Нет, мрачно-текущие годы, Фингал не тешится кровью! Слезы, подобно зимним потокам, опустошают мне душу. Но когда я ложусь на отдых, раздаётся могучий голос войны. Он пробуждает меня в чертоге и призывает на битву мой булат. Впредь он не будет его призывать. Оссиан, возьми копьё твоего отца. Подъёмли его в бою, когда гордецы восстанут.

Мои праотцы, Оссиан, начертали мне путь. Деянья мои приятны их взорам. Едва выхожу я на битву, как рядом на поле они восстают столпами тумана. Но десница моя щадила немощных, надменных же гнев мой огнем опалил. Никогда я не тешился видом павших. За это праотцы, величавые, облеченные светом, встретят меня у врат воздушных чертогов теплоосиянным взором. Но тем, кто кичится своим оружием, они предстают в небесах помраченными лунами, чьи багровые лики источают зловеший ночной огонь.*

Отец героев, Тренмор, житель воздушных вихрей! я отдаю Оссиану твое копьё, взгляни же радостным взором. Тебя я, бывало, видел, блиставшего средь облаков. Являйся равно моему сыну, когда придется ему

гостеприимство, они употребляли выражение, ставшее поговоркой: *он, словно Кахмор из Аты, был друг чужеземцев*. Может показаться странным, что ни в одном из ирландских преданий Кахмор не упоминается. Это следует приписать происшедшим на этом острове переворотам и внутренним беспорядкам, которые полностью стерли из памяти его обитателей подлинные предания, относящиеся к такой древности. Все, что нам сообщают о положении Ирландии до пятого века, является поздними вымыслами плохо осведомленных сенахив и неразумных бардов.

* Это место показывает, что даже во времена Оссиана и соответственно до принятия христианства существовали уже какие-то понятия о посмертном воздаянии и каре. Тех, кто вел себя при жизни доблестно и добродетельно, встречали с радостью в воздушных чертогах их праотцев, но *мрачных душою*, употребляя выражение поэта, изгоняли из жилища героев, *посылая скитаться на всех ветрах*. Другое предствление, распространенное в те времена, немало способствовало желанию воинов превзойти других в ратных подвигах. Считалось, что в *облачном чертоге* каждый воссядет тем выше, чем доблестней он был при жизни. — Сравнение, приведенное в этом абзаце, новое и, если будет мне позволено употребить выражение барда, который прибежал к нему, *прекрасно ужасное*.

Mar dhubh-reül, an croma nan speur,
A thaomas teina na h'oicha,
Dearg-sruthach, air h'aighai' fein.

[Как черная звезда на своде небес, что изливает пламя ночи, струящееся алым потоком по лику ее (гал.).]

поднимать копьё: тогда он припомнит твои могучие подвиги, хоть нынче ты только веянье ветра».

Он вложил копьё в мою длань и сразу же камень воздвиг на вершине, чтобы тот сеюю мпистой главой вещал временам грядущим. Под ним положил он в землю меч и один из блестящих горбов щита.* В мрачной думе склоняется он безмолвно; наконец, его речъ зазвучала.

«Когда ты, о камень, рассыплешься прахом и исчезнешь под мохом годов, путник, явившись сюда, с посьвистом мимо пройдет. Не знаешь ты, жалкий прохожий, что за слава сверкала в оные дни на Мой-лене! Здесь копьё свое отдал Фингал, завершив последнюю битву. Проходи же мимо, пустое видение, твой глас не приносит славы. Ты обитаешь где-то у мирных вод; но еще немногие годы — и ты исчезнешь. Никто о тебе не вспомянет, обитатель густого тумана! А Фингал, облеченный славой, будет светлым лучем для грядущих времен, ибо он шел вперед в гулкозвучной стали, в бою защищая слабого».

В сиянии славы своей король направился к шумному дубу Лубара, что со скалы клонился над блестяще-смятенным потоком. Под ним простирается узкий дол и горный ручей шумит. Там полощется по ветру знамя Морвена, указуя путь Ферад-арто из его сокровенной долины.** Сияя на прояснившемся западе, солнце небесное взирало окрест. Герой увидел народ свой и услышал возгласы радости. Доспехи расторгнутых строев сверкали в лучах. Возвеселился король, как охотник в зеленой долине, когда после промчавшейся бурн он видит блестящие склоны скал. На откосах зеленый терновник машет ветвями, косули глядят с вершин.

Седой, у мпистой пещеры сидит престарелый Клонмал.*** Очи барда мраком покрыты. Он, наклонясь, опирался на посох. Перед ним, сияя кудрями, Суль-мала слушала повесть; повесть времен старинных о королях Аты. Вот уже грохот сраженья перестал до него доноситься; он умолк и украдкой вздохнул. Говорят, что часто призраки мертвых, доносясь, озаряли душу его. Он увидал, что повержен властитель Аты под низко склоненным деревом.

* До сих пор на севере сохранилось несколько камней, воздвигнутых в память неких важных переговоров между древними вождями. Обычно под ними находят оружие и кусок обгорелого дерева. Зачем туда клали этот последний, предание не объясняет.

** В начале этой книги Фингал обещал вождям, которые должны были привести и представить войску Ферад-арто, что если он одержит победу в сражении, то подаст им знак, подняв свое знамя на берегу Лубара. Это знамя здесь (как и в других поэмах Оссиана, где оно упомянуто) называется *солнечный луч*. Причину такого наименования я уже неоднократно объяснял в примечаниях к предыдущему тому.

*** Поэт переносит действие в долину Лоны, куда перед битвой Кахмор послал Суль-малу. Клонмал, старый бард (или, скорее, друид, поскольку он, как показано здесь, одарен способностью предвидения), давно уже жил там в пещере. Сцена эта, величественная и мрачная, рассчитана на то, чтобы настроить душу на скорбный лад.

«Поэмы Оссiana»

Фронтиспис и титульный лист тома II (1807)
Гравюры С. Армстронга по рисункам Г. Синглтона

«Отчего ты мрачен? — спросила дева. — Спор оружия кончился. Скоро придет он в твою пещеру над излучинами потоков.* Солнце взирает со скал на западе. Туманы подъемлются с озера. Седые, простерлись они по холму, косуль обители злачной. Из тумана явится мой король! Смотри, он грядет в доспехах. Приди же в пещеру Клонмала, о мой возлюбленный!»

Это был Кахмора дух, огромный, шагал он, сверкая. Он исчез у потока, что ревел в глубине меж холмами. «Это всего лишь охотник, — сказала она, — что ищет приюта косуль. Не на брань он направил шаг, супруга ждет его к ночи. С посвистом он вернется, и темно-бурый олень

* В седьмой книге Кахмор обещал прийти в пещеру Клонмала по окончании битвы.

будет его добычей». Ее очи к холму обратились; там снова по склону сходил величавый образ. Охвачена радостью, встала она. Он погрузился в туман. Исподволь тают смутные члены его, уносимые горным ветром. Тогда она поняла, что он пал! «Король Эрина, ты сражен!» — Но пусть Оссиан забудет горе ее: оно иссушает душу старца.*

Вечер сошел на Мой-лену. Струились седые потоки. Раздался громкий голос Фингала, пламя дубов поднялось. Люди сходились в веселье, в веселое, омраченном печалью. Искося взглядывая на короля, узрели они, что не полна его радость. Из пустыни донесся сладостный голос музыки. Сперва он казался шумом потока на дальних скалах. Медленно он летел над холмом, словно крыло зыбучее ветра, когда ерошит оно мшистую бороду скал в безмолвную пору ночную. Это был Кондана голос вместе с трепетным звуком арфы Карила. Они привели синеглазого Ферад-арто к многоводной Море.

Внезапно над Леною песнь раздалась наших бардов; в лад ей бойцы ударили в щиты. Короля озарила радость, словно в ненастье солнечный луч, что озаряет зеленый холм перед тем, как ветры взрывают. Фингал ударил в горбатый щит королей; разом окрест все умолкло. Люди, склоняясь, оперлись на копыя и внимали гласу родной земли.**

* Внезапность, с какой Оссиан прерывает рассказ о Суль-мале, оправдана. Непосредственный предмет его повествования — это восстановление династии Ко-нара на ирландском троне, что, как мы можем заключить, было успешно достигнуто благодаря разгрому и смерти Кахмора и прибытию Ферад-арто в каледонское войско. Продолжение здесь рассказа о *деве из Инис-туны*, чуждого этому предмету, противоречило бы присущей Оссиану стремительности изложения событий и нарушило бы единство времени и действия, лежащего в основе ерораеа [эпической поэмы (*греч.*)], правила которой кельтский бард почерпнул из самой природы, а не из предписаний критиков. Однако поэт не забыл о Суль-мале, лишившейся возлюбленного, одинокой и беспомощной в чужой стране. Предание говорит, что на другой день после решительной битвы между Фингалом и Кахмором Оссиан отправился искать Суль-малу в долине Лоны. Сохранившееся его обращение к ней я предлагаю здесь читателю.

«Пробудись, о дочь Конмора, выйди из пещеры Лоны, сокрытой папоротником. Пробудись, о солнечный луч пустыни: каждый воин должен когда-нибудь пасть. Подобно перуну ужасному, проносится он, но часто близка его туча. Вернись к бродячим стадам в речную долину Лумона. Там в недрах ленных туманов живет человек многих дней. Но он безвестен, Суль-мала, словно волчек на оленьих скалах, что трясет по ветру седой бородой и упадает никем не зримый. Не так уходят владыки людей: огненными метеорами, что из пустыни исходят, они начертаят багровый свой путь на лоне ночи.

Он теперь среди героев былых времен, тех огней, чьи главы поникли. Порою в песне воспрянут они. Не забытым погиб твой воин. Он не видел, Суль-мала, как меркнет родной его луч, как полегает в крови сын златокудрый, младой возмутитель браней. Я одинока, младая отрасль Лумона, и когда с годами силы меня оставят, я, быть может, услышу насмешку слабого, ибо юный Оскар скончался на поле...»

Остальная часть поэмы утрачена. Из рассказа о ней, который все еще сохраняется, мы узнаем, что Суль-мала вернулась в свою страну. Она играет важную роль в поэме, следующей ниже; ее поведение там объясняет то пристрастие, с каким поэт говорит о ней на протяжении всей «Теморы».

** Прежде чем окончить эти примечания, я полагаю, что будет излишне устранить здесь возможные сомнения в достоверности истории Теморы, как ее рас-

«Чада Морвена, готовьте пир, проведите ночь в песнях. Вы сияли вокруг меня, и мрачная буря прошла. Мои войны — скалы, ветрами объятые, где я расправляю орлиные крылья, когда устремляюсь к славе и ловлю ее на поле брани. Оссиан, ты принял копьё Фингалово; это не палка отрока, которой сбивает он чертополох, младой скиталец полей. Нет, это могучих оружие, в их дланях несло оно смерть. Помни о праотцах, сын мой, это — грозные светочи. Заутра введи Ферад-арто в гулкозвучные чертоги Теморы. Напомни ему о властителях Эрина, о величавых образах прошлого. Да не забудутся павшие, герои могучих браней. Пусть Карил затянет песню, да возликуют владыки в тумане своем. Заутра направлю я паруса к тенистым стенам Сельмы, где вьется поток Дут-улы среди приюта косуль».

сказал Оссиан. Кое-кто, пожалуй, спросит, правдоподобны ли подвиги Фингала, приписанные ему в этой книге и совершенные им в том возрасте, когда уже внук его Оскар успел стяжать боевую славу? На это можно ответить, что Фингал был очень молод (книга 4), когда взял в жены Рос-крану, которая вскоре после того стала матерью Оссиана. Оссиан также был совсем юным, когда женился на Эвиралин, матери Оскара. Предание говорит, что Фингалу исполнилось всего восемнадцать лет, когда родился его сын Оссиан, и что Оссиан примерно в том же возрасте стал отцом Оскара. Оскару же, вероятно, было около двадцати лет, когда он пал в битве при Гавре (книга 1); таким образом, возраст Фингала в решающей битве с Кахмором равнялся пятидесяти шести годам. В те времена способность действовать и здоровье, природная сила и бодрость человека сохранялись и в таком возрасте, а потому нет ничего неправдоподобного в подвигах Фингала, рассказанных в этой книге.

Катлин с Клуты

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к Мальвине, дочери Тоскара. Поэт рассказывает о том, как в Сельму приходит Катлин просить помощи против Дут-кармора с Клубы, который убил Катмола из-за его дочери Лануль. Все герои Фингала желают возглавить этот поход, но он отказывается произвести выбор, и они удаляются *каждый на свой холм духов*, чтобы получить ответ в сновидении. Дух Тренмора является Оссиану и Оскару. Они выходят из залива Кармоны и на четвертый день пристают к Инис-хуне вблизи долины Рат-кола, где обосно-

вался Дут-кармор. Оссиан посылает барда к Дут-кармору, вызывая его на битву. Настает ночь. Катлин с Клуты горюет. Оссиан поручает Оскару возглавить войско, и тот, следуя обычаю королей Морвена, удаляется перед боем на соседний холм. С наступлением дня начинается битва. Оскар и Дут-кармор сражаются. Последний убит. Оскар приносит кольчугу и щит Дут-кармора к Катлину, ранее удалившемуся с поля боя. Катлин оказывается переодетой дочерью Катмола, которая была насильно увезена Дут-кармором и бежала от него.

Приди, одинокий луч, бодрствующий в ночи! * Бурные ветры слетелись к тебе со всех гулкозвучных холмов. Алеют над сотней моих потоков светозарные тропы умерших. В вихрях играют они тихой ночью порою. Ужель не осталось радости в песне, о белая длань, в чьей власти все арфы Луты? Пробуди же голос струны и верни мне душу. Она — иссякший поток. Мальвина, воспой мне песню.

Я слышу твой голос из мрака в Сельме, о ты, что бодрствуешь одиноко в ночи! Зачем ты лишаешь песни Оссианову душу иссякшую? Как водопад приятен для слуха охотника, когда, низвергшись с объятого бурей холма, он катит под солнцем свои гулкозвучные воды, и, внемля ему, охотник отряхает влажные кудри, — так услаждается голосом Луты друг героических теней. Переполюясь, высоко вздымается грудь моя. Язираюсь вспять на ушедшие дни. Приди, одинокий луч, бодрствующий в ночи.

* Из преданий, сопутствующих этой поэме, мы узнаем, что она и следующее ниже произведение в старину назывались Laoi-Oi-lutha, т. е. гимны девы Луты. Если верить этим преданиям, поэма была сочинена на третий год после смерти Фингала, то есть во время похода Фергуса, сына Фингала, на берега Уйска-дунтона. В поддержку такого утверждения горные сенахи предпослали ей обращение Оссиана к Конгалу, юному сыну Фергуса, которое я отбросил, поскольку оно никак не связано с последующим повествованием. Оно не лишено поэтических достоинств и, возможно, служило началом какого-то другого творения Оссиана, а барды без каких-либо оснований отнесли его к представленной здесь поэме.

«Конгал, сын Фергуса из Дурата, ты, осененный кудрями светоч, взойди на скалу Сельмы, к дубу крушителя щитов. Взгляни на лоно ночных небес, его прорежут алые тропы умерших, взгляни на ночь блуждающих призраков, Конгал, и разожги свою душу. Не будь подобен луне над потоком, одинокой среди облаков: мрак сгущается вокруг нее, и луч исчезает. Не исчезай, о сын Фергуса, прежде чем меч твой следа не оставит на поле сраженья. Взойди на скалу Сельмы, к дубу крушителя щитов».

Мы узрели однажды, как в гулкозвучном заливе Кармоне* взлетает на волны корабль. На мачте висел расколотый щит; он отмечен был струями крови. Вышел вперед облеченный в доспехи юноша и протянул копьё без острия. Длинные кудри его в беспорядке спадали на очи, полные слез. Фингал ему подал королевскую чашу. Чужеземец повел свою речь.

«В своем чертоге лежит Катмол с Клуты, у излучины темных потоков. Дут-кармор узрел белогрудую Лануль** и пронзил сердце ее отца. В пустоши злачной бродил я тогда. Он бежал ночью порой. Помогли же Катлину отмстить за отца. Мне не пришлось искать тебя, как ищут луч, таящийся среди облаков. Ты, словно солнце, повсюду известен, король гулкозвучной Сельмы!»

Сельмы король посмотрел вокруг. Перед ним мы восстали во всеоружии. Но кто же подымет щит? Все стремятся на битву. Ночь низошла; молча мы разошлись, каждый на свой холм теней, чтобы духи могли низойти к нам во сне и отметить бойцов для брани.

Мы ударили в щит смерти и затянули песни. Трижды воззвали мы к духам праотцев наших. Мы возлегли и погрузились в сон. Тренмор явился моим очам, величавая тень минувших годов. Строи его лазурного воинства смутно виднелись за ним. В тумане едва различал я, как бились они и как устремлялись к смерти. Прислушался я, но кругом царило молчанье. Те образы были всего лишь ветер пустой.

Я воспрянул от сна призраков. Внезапный ветра порыв засвистел в волосах моих вздыбленных. Глухо дуб застонал, когда мертвые прочь удалялись. Я снял свой щит, висевший на ветви. Раздалось бряцанье булавы. Это был Оскар с Лего.*** Он видел во сне своих праотцев.

* Саг-топа — залив темно-бурых холмов, узкая морская бухта вблизи Сельмы. В этом месте поэмы упоминаются знаки, которыми пришельцы оповещали Фингала, что обращаются к нему за помощью. Просители держали в одной руке покрытый кровью щит, а в другой сломанное копьё; щит обозначал гибель их друзей, а копьё изображало их собственное беспомощное положение. Если король решал оказать помощь, как это обычно и бывало, он протягивал им *пиршественную чашу*, свидетельствуя тем самым о своем дружественном к ним отношении и намерении оказать им гостеприимство.

Читатель, видимо, не посетует, если здесь будет описана сходная церемония Кран-гара, которая совершалась до недавнего времени в горной Шотландии. Когда весть о противнике доходила до вождя, он немедленно убивал мечом козу, окунал в кровь полубогоревший кусок дерева и вручал одному из слуг, чтобы тот отнес его в соседнее селение. Этот знак спешно передавался из селения в селение, и через несколько часов весь клан во всеоружии собирался в назначенном месте, название которого было единственным словом, сопровождавшим передачу *Кран-гары*. Таким способом вождь объявлял, что грозит огнем и мечом тем воинам своего клана, кто не вставал немедленно под его знамя.

** Lanul — *большеглазая*, прозвище, данное, согласно преданию, дочери Катмола за ее красоту. Предание это, возможно, основано на пристрастном отношении, которое Катлин с Клуты вызывает у бардов, ибо, по их словам, *никакая ложь не могла обитать в душе прекрасной*.

*** Оскар назван здесь *Оскарком с Лего*, потому что мать его была дочерью Бранно, могучего вождя с берегов этого озера. Примечательно, что Оссиан обращается к Мальвине во всех поэмах, где ее возлюбленный Оскар одно из главных действующих лиц. Его внимание к ней после смерти сына свидетельствует, что

«Как вихрь устремляется вдаль по лону белеющих волн, так понесусь я бесстрашно по океану к жилищу врагов. Я видел мертвых, отец. Отвагою бьется сердце мое. Слава моя предо мною сверкает, словно полоска света на облаке, когда восходит широкое солнце, багряный путник небес».

«Внук Бранно, — промолвил я, — не в одиночестве Оскар встретит врага. Я устремлюсь по волнам к лесному жилищу героев. Давай состязаться, мой сын, как два орла с единой скалы, когда расправляют они широкие крылья навстречу потоку ветров». Мы подняли свои паруса в Кармоне. С трех кораблей следили воины за моим щитом над волной, когда я взирал на ночную Тон-хену, багряную странницу меж облаков.* Четыре дня дул ветер попутный. Впереди в тумане явился Лумон. Объята ветрами, высилась сотня его лесов. Временами солнце играло на бурых его боках. В белой пене свергались потоки со всех его скал гулкозвучных.

Зеленый дол меж холмов извивался безмолвно с лазурным своим потоком. Здесь, посреди колыханья дубов стояли чертоги былых королей. Но тишина уже много темных годов царила в злачном Рат-коле,** ибо племя героев исчезло из этой приятной долины. Дут-кармор явился туда с народом своим, мрачный наездник волн. Тон-хена скрыла главу в небесах. Он убрал свои паруса белогрудые. Его путь лежит к холмам Рат-кола, к приюту косуль.

Мы пришли. Я барда послал, чтобы песней он вызвал врага на битву. Дут-кармор внимал ему с радостью. Душа короля была словно огненный луч — огненный луч, окутанный дымом, что несется, меняясь, по лону ночи. Дела Дут-кармора были черны, но десница была сильна.

Ночь опустилась в сонме туч. Мы уселись при свете горящего дуба. Поодаль — Катлин с Клуты. Я заметил волнение души чужеземца.***

тонкость чувства отнюдь не является, как неразумно полагают некоторые, достоянием только нашего просвещенного времени.

* Тон-тена, *огонь волны*, — это та примечательная звезда, которая, как сказано в седьмой книге «Теморы», направляла путь Лартона в Ирландию. Она, по-видимому, хорошо известна тем, кому доводилось плавать по морю, отделяющему Ирландию от южной Британии. Поскольку путь Оссиана лежал вдоль побережья Инис-хуны, упоминание им звезды, некогда направлявшей переселенцев из этой страны в Ирландию, здесь вполне уместно.

** Rath-col, *лесистое поле*, надо полагать, не являлось местом, где жил Дут-кармор; по-видимому, туда его пригнала буря. По крайней мере я считаю, что именно такой смысл вкладывал поэт в выражения: *Тон-хена скрыла главу в небесах* и *Он убрал свои паруса белогрудые*; это все равно что сказать: *бушевала буря* и Дут-кармор искал убежища в заливе Рат-кола.

*** На основании этих слов последующие барды выдумали, будто Лануль, которая здесь переводится молодым воином, влюбилась в Дут-кармора на пиру, куда тот был приглашен ее отцом. Эта любовь обратилась в ненависть, после того как он убил ее отца. Но *изменячивы эти небесные радуги*, утверждает мой автор, говоря о женщинах, и она почувствовала возвращение былой страсти, когда над Дут-кармором нависла опасность. Я же, составив более выгодное понятие об ее поле, приписываю душевное волнение Лануль тому, что она живо чувствовала оскорбление, нанесенное ей Дут-кармором, и такое мнение согласуется с продолжением повествования.

Как злачное поле, над которым проносятся тени, так меняли свой цвет ланиты Катлина. Они были прекрасны, осененные кудрями, что вздымались под ветром Рат-кола. Я не хотел вторгаться словами в чужую душу. Я повелел запеть песню.

«Оскар с Лего, — сказал я, — да будет твоим потаенный холм этой ночью.* Ударяй в щит по примеру властителей Морвена! С приходом дня ты поведешь сраженье. Со скалы я узрю тебя, Оскар, как ты грозно вздымаешься в битве, словно духи среди бурь, ими поднятых. Для чего обращать мне очи в туманное прошлое, когда еще не взлетала песнь, как внезапный порыв ветров? Но могучие подвиги отмечают прошедшие годы. Как ночной наездник волн взирает ввысь на Тон-хену лучистую, так и мы обратим свои взоры на Тренмора, отца королей.

Во всю ширь наводнил гулкозвучное поле Карахи племенами своими Кармал. Темной грядою волн катились они, пеной живую белели седовласые барды. Обращая багровые очи, брань они вокруг себя возжигали. Не одиноки были жители скал: сын Лоды среди них — голос, в свой сумрачный край с высоты созывающий духов. Он в Лохлине жил на холме, посреди безлиственной рощи. Пять камней близ него вздымали главы. Громко ревел его бурный поток. Часто он голос к ветрам возносил, когда метеоры сверкали крылами во мраке ночном, когда ущербленный месяц закатывался за холм. И не тщетно зывал он к духам! Они слетались к нему, шумя, как орлиные крылья. Они изменяли сражения ход на поле брани пред королями смертных людей.

Но тщетно пытались они изменить сраженье, что Тренмор возглавил, он повлек вперед смятенную брань; в темных пределах ее вздымался Тратал, словно свет восходящий. Было темно, и сын Лоды разослал свои знаки в ночь. Но не бессильных ты зрел пред собою, чадо иных земель!

Тогда завязался спор королей** вблизи ночного холма, но кроток он был, словно два ветерка взмахнули над озером летним легкими крыльями. Тренмор, уже прославленный, уступает начальство сыну. Тратал пошел впереди отца, и супостаты были повержены в гулкозвучной Карахе. Могучие подвиги, сын мой, отмечают прошедшие годы»***

* В этом месте подразумевается известный обычай древних королей Шотландии удаляться от своего войска в ночь перед битвой. Рассказ, который Оссиан вводит дальше, касается гибели друидов, о чем я уже сообщал в рассуждении. предпосланном первому тому. Во многих старых поэмах говорится о том, что друиды, когда их положение становилось безвыходным, обращались за помощью к скандинавам и получали ее. Вместе с иноземными войсками прибывало множество мнимых волшебников; это обстоятельство имеет в виду Оссиан, описывая сына Лоды. Волшебство и заклинания не смогли, однако, взять верх, ибо Тренмор, поддержанный доблестью сына своего Тратала, окончательно сломил силу друидов.

** Тренмора и Тратала. Оссиан ввел эту старинную быль в назидание своему сыну.

*** Те, кто изустно передают эту поэму, жалуются, что значительная ее часть утрачена. Особенно они сокрушаются по поводу утраты продолжения эпизода о Кармале и его друидах. Их сожаления объясняются тем, что там описывались волшебные заклинания.

В тучах забрезжил рассвет. Враг во всеоружии выступил. Рати смешались в Рат-коле, словно потоков рев. Взгляни, как сражаются короли! Они сошлись возле дуба. Сверкание стали скрывает темные образы; так встречаются два метеора в долине ночной: свет багровый льется окрест, и люди предвидят бурю. Дут-кармор повержен в крови. Победитель — сын Оссиана. Не безобиден он был в сраженьи, Мальвина, владычица арф.

Но не вступает на поле Катлин. Чужеземец стоял у источника тайного, где пена Рат-кола одевала мшистые камни. Клонится сверху береза ветвистая, расточая по ветру листья. Временами копьём обращенным касается Катлин потока. Оскар принес кольчугу Дут-кармора, его шлем с орлиным крылом. Он сложил их у ног чужеземца, и прозвучали его слова: «Разбиты враги твоего отца. Они полегли на поле духов. Слава возвращается в Морвен, как поднявшийся ветер. Почему же ты мрачен, вождь Клуты? Разве осталась причина для горя?»

«Сын Оссиана, властителя арф, скорбь омрачает душу мою. Я вижу оружие Катмола, что вздымал он во брани. Катлин тебе отдает кольчугу, высоко повесь ее в чертоге Сельмы, чтобы в далеком своем краю ты вспомнил эпополучное чадо».

С белых персей спустилась кольчуга. То был отпрыск королевского рода, нежнорукая дочь Катмола с потоков Клуты. Дут-кармор узрел, как блистала она в чертоге; он на Клуту пришел ночью порой. Катмол встретил его в бою, но сражен был воин. Три дня оставался Дут-кармор с девою, на четвертый она бежала в доспехе бойца. Она помнила свой королевский род, и душа ее разрывалась.

Зачем же, о дочь Госкара из Луты, я стану рассказывать, как угасала Лануль? Могила ее на лесистом Лумоне в дальнем краю. Рядом бродила Суль-мала в дни печали. Она запевала песнь о дочери чужеземцев и казалась печальной арфы.

Приди же, Мальвина, луч одинокий, бодрствующий в ночи!

Суль-мала с Лумона

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Эта поэма, являющаяся, строго говоря, продолжением предыдущей, открывается обращением к Суль-мале, дочери короля Инис-хуны, которую Оссиан, возвращаясь с битвы в Рат-коле, встретил на охоте. Суль-мала приглашает Оссиана и Оскара на пир в жилище своего отца, находившегося в это время на войне. Узнав их имя и род, она рассказывает им о походе Фингала в Инис-хуну. Ненароком она упоминает Ках-

мора, вождя Аты (который тогда помог ей отду сражаться с врагами), что дает Оссиану повод рассказать о войне двух скандинавских королей Кулгорма и Суран-дронло, в которой участвовали сам Оссиан и Кахмор, каждый с противной стороны. — Этот эпизод неполон, так как часть подлинника утрачена. — Предупрежденный во сне тенью Тренмора, Оссиан отплывает от Инис-хуны.

Кто там шествует столь величаво по Лумону под рев вспененных вод? * Кудри ее ниспадают на высокую грудь. Белую руку оставив, неспешно она свой лук натягивает. Зачем ты блуждаешь в пустынях, словно луч по полю облачному? Младые косули трепещут у скал своих сокровенных. Воротись, о дочь королей: невестная ночь близка.

То юная ветвь властителей Лумона, синеокая Суль-мала. Со своей скалы она барда послала просить нас на пир. Песням внимая, уселись мы в гулкозвучном чертоге Конмора. Белые руки Суль-малы перебирали дрожащие струны. Еле слышно меж звуков арфы звучало имя короля Аты — того, кто сражался вдали от девы за ее зеленый край. Но сердца ее он не покинул, он ей являлся в ночных мечтаниях. Топ-хена, глядя с небес в окно, видела, как она простирает руки.

Звенящие чаши умолкли. Осененная длинными кудрями, поднялась Суль-мала. Очи потуги, она речь повела и спросила о нашем пути по морям, «ибо вы королевского рода, величавые всадники волн».** — «Не без-

* Посещение Оссианом Инис-хуны произошло незадолго до того, как Фингал отправился в Ирландию, чтобы свергнуть с престола Карбара, сына Борбар-дутула. Кахмор, брат Карбара, помогал Конмору, королю Инис-хуны, в его войнах в то время, как Оссиан разбил Дут-кармора в долине Рат-кола. Эта поэма представляет тем больший интерес, что в ней содержится много подробностей, касающихся тех лиц, которые играют столь важную роль в «Теморе».

Точное соответствие нравов и обычаев обитателей Инис-хуны (как они здесь описаны) и Каледонии не оставляет места сомнению, что население обеих стран составляло первоначально единый народ. Кое-кто, возможно, скажет, что Оссиан в своих поэтических описаниях мог перенести нравы своего народа на иноземцев. Но на это возражение легко ответить: поступи Оссиан столь вольно в этом месте, зачем бы ему тогда понадобилось показывать такое различие в нравах скандинавов и каледонцев? Между тем мы обнаруживаем, что первые весьма отличаются своими обычаями и предрассудками от народов Британии и Ирландии. К тому же скандинавы необычайно грубы и свирепы, и по всей видимости этот народ был несравненно менее просвещен, чем обитатели Британии времен Оссиана.

** Суль-мала догадывается о происхождении Оссиана и Оскара по их осанке и величественной походке. У малопросвещенных народов красота и величавая осанка служили признаком благородной крови. Именно по этим признакам узнавали чу-

вестен, — сказал я, — на потоках твоих отец нашего рода. Весть о Фингале до Клубы дошла, синеокая дочь королей. Не только в долине Коны знают Оссиана и Оскара. Враги ужасались, заслыша наш голос, и дрожали в землях иных».

«Не остался неведом Суль-мале, — молвила дева, — щит короля Морвена. Он висит высоко в чертоге Конмора в память о прошлом, когда корабли Фингала достигли Клубы во дни минувших годов. Громко вебрь ревел среди лесов и скал Кулдарну. Инис-хуна послала юных бойцов, но пали они, и девы рыдали над их могилами. Беззаботно пошел король в Кулдарну. Сила лесов полегла под его копьём. Говорили, прекрасен он был, осененный кудрями, первый из смертных. Но на пиру не звучали речи его. Подвиги источало сердце его огневое, словно лик блуждающий солнца источает клубящийся пар. Не равнодушно взирали голубыми глазами девы Клубы на его величавую поступь. В белых грудях вставал образ властителя Сельмы в пору ночных мечтаний. Но ветра унесли чужеземца к гулкозвучным долинам его косуль. Не навсегда потерян он был для других краев, как метеор, исчезающий в туче. В сияньи своем являлся он временами дальним жилищам врагов. Слава его, словно шум ветров, донеслась до лесистой долины Клубы.*

жеземцы представителей царственных родов, а не по праздно мишуре, их украшающей. Причину такого отличия следует в какой-то мере приписать чистоте крови. Ничто не побуждало их породниться с простонародьем, и никакие низменные своекорыстные соображения не заставляли отклониться от выбора в своей среде. Говорят, что в государствах, где давно уже царит роскошь, внешняя красота ни в коей мере не указывает на древность рода. Это следует отнести за счет тех обессиливающих пороков, которые неотделимы от роскоши и богатства. Знатный род (если несколько изменить слова историка) в самом деле, подобно реке, становится тем более достопримечательным, чем длиннее пройденный им путь, но по ходу течения он вбирает в себя наследственные пороки, равно как и наследственное достоинство.

* Слишком пристрастные к нашему времени, мы охотно объявляем седую древность царством невежества и дикости. В этом отношении наше предубеждение, пожалуй, заходит слишком далеко. Давно уже замечено, что познания в значительной мере основаны на свободном общении между людьми и что ум развивается в той мере, в какой его обогащают наблюдения за нравами разных людей и народов. Если мы проследим внимательно историю Фингала, как ее излагает Оссиан, мы обнаружим, что он отнюдь не был бедным невежественным охотником, заточенным в тесных пределах своего островка. Его походы во все части Скандинавии, на север Германии, в различные земли Великобритании и Ирландии были весьма многочисленны, и они совершались в таких условиях и в такое время, когда он имел возможность наблюдать нравы человечества в их первоизданном виде. Война и деятельная жизнь, колы скоро они заставляют проявиться поочередно все силы души, наглядно показывают нам различные людские характеры, тогда как во время мира и покоя за недостатком возбуждения силы ума в значительной мере пребывают в праздности, ибо их не к чему приложить, и мы видим лишь искусственные страсти и нравы. На этом основании я заключаю, что проникательный путешественник мог бы извлечь больше истинных знаний из посещения древней Галлии, нежели он извлекает их сейчас из самого обстоятельного изучения искусственных нравов и изысканных ухищрений современной Франции.

Мрак воцарился над Клубой арф; племя королей далеко; в битве Конмор — властитель копий, и Лормар — король потоков.* Но не сокрыла их тьма одиночества: близок луч из иных краев, друг чужеземцев в Ате, возмутитель полей.** С высоты туманных своих холмов устремляются вдаль синие очи Эрина, ибо далек он, юный житель их душ. Знайте же, белые руки Эрина, не безобиден он на просторах брани, гонит он пред собою десять тысяч в далеком поле».

«От Оссианова взора не скрылось, — сказал я, — что ринулся Кахмор со своих потоков излить свою мощь на И-торно, остров бесчисленных волн. В единоборстве встретились два короля на И-торно — Кулгорм и Сурандронло, каждый с острова своего гулкозвучного, суровый охотник на вепря!***

Они встретили вепря у пенистого потока, каждый булатом его пронзил. Они препирались, кто из них заслужил славу этого подвига, и мрачный бой разгорелся. От острова к острову послали они копье, преломленное и обогренное кровью, дабы призвать облаченных в доспехи звенящие друзей их отцов. Кахмор пришел из Болги к Кулгорму, багровоокому королю; я помогал Сурандронло в его краю вепрей.

Друг против друга мы встали на берегах потока, что с ревом катился среди выжженной пустоши. Скалы в глубоких расселинах кругом возвышались, склоняя долу деревья. Рядом — два круга Лоды с камнем власти, куда по ночам опускались духи в темно-багровых потоках огня. Там, мешаясь с журчанием вод, раздавались возгласы старцев; они призывали ночные тени на помощь своим ратоборцам.

Беспечно стоял я с войском там, где пенный поток со скал низвергался.**** Багровый месяц восходил над горой. Временами я песнь запева. На другом берегу юный Кахмор мрачно слушал мой голос, лежа под дубом в блестящих своих доспехах. Утро настало, мы бросились в битву, сражение простерлось от края до края. Они падали, словно головки чертополоха под ветрами осенними.

Беличавый воин явился в доспехах; мы с королем обменялись ударами. Один за другим пронзены наши щиты; громко звенели стальные

* Лормар был сыном Конмора и братом Суль-малы. После смерти Конмора Лормар наследовал его престол.

** Кахмор, сын Борбар-дутула. Судя по той пристрастности, с какой Суль-мала говорит об этом герое, очевидно, что она видала его, до того как он присоединился к войску ее отца, хотя предание недвусмысленно утверждает, что она влюбилась в него только после его возвращения.

*** Согласно преданию, имя И-торно носил один скандинавский остров. Там на охоте встретились Кулгорм и Сурандронло, короли двух соседних островов. Они заспорили, чей удар сразил вепря насмерть, и между ними вспыхнула распря. Из этого эпизода мы узнаем, что скандинавы были несравненно более дики и жестоки, чем британцы. Примечательно, что имена, встречающиеся в этом рассказе, имеют не гальское происхождение, и это обстоятельство дает основание полагать, что в его основе лежит истинное происшествие.

**** Поскольку Оссиан не присутствовал при обрядах, описанных выше, мы можем предположить, что он их презирал. Это различие в отношении к религии является одним из доказательств того, что Каледония не была первоначально скандинавской колонией, как полагают некоторые. Когда речь идет о столь отдаленной эпохе, место положительных доказательств должны занять догадки.

кольчуги. Шлем его пал на землю. Враг сиял красотою. Очи его, два любезных огня, обращались средь вьющихся кудрей. Я узнал короля Аты и бросил наземь копьё. В мрачном молчании мы разошлись, чтобы сравниться с другими врагами.

Не так завершилась борьба королей.* Они сошлись в гулкозвучной схватке, словно встретились духи на темных крыльях ветров. Копья пронзили сердца обоих, но не пали противники наземь. Скала удержала падение, и, полусклонясь, они умирали. Каждый вцепился в кудри врага и, казалось, свирепо очами вращал. Поток со скалы орошал их щиты и мешался с кровью внизу.

Кончен бой на И-торно. Чужеземцы встретились в мире: Кахмор с многоводной Аты и властитель арф Оссиан. Мы предали мертвых земле. Путь наш лежал к заливу Рунара. Издалека катились зыбучие волны, качая легкое судно. Мрачен был сей наездник морей, но свет там сиял, словно солнечный луч среди клубов дыма над Стромло. То близилась дочь Суран-дронло,** дико сверкая взорами. Очи ее — блуждающие огни меж растрепанных кудрей. Рука ее белая простирает копьё, высоко вздымается грудь, белея, как волны вспенённые, что чередой средь утесов поднимаются. Прекрасны они, но ужасны, и моряки призывают ветры.

„Придите ко мне, обитатели Лоды! Кархар, бледный среди облаков! Слутмор, что бродит в воздушных чертогах! Корхтур, ужасный в ветрах! Примите врагов Суран-дронло, сраженных копьём его дочери.

* Кулгорма и Суран-дронло. Единоборство королей и их поведение перед лицом смерти весьма живописны, и в них выражается та свирепость нравов, которая отличает северные народы. Дикая мелодия стиха в подлиннике неподражаемо прекрасна и очень сильно отличается от остальных сочинений Оссиана.

** Предание сохранило имя этой принцессы. Барды зовут ее Руно-форло, причем в пользу достоверности имени говорит лишь то, что оно не гэльского происхождения; когда барды измышляли имена для иноземцев, они обычно не сохраняли такого отличия. Горные сенахии, часто пытавшиеся исправить недостатки, которые, как им казалось, они находили в творениях Оссиана, сообщают нам продолжение истории дочери Суран-дронло. Однако развязка этой истории столь неестественна, а события изложены с такой смешной высокопарностью, что, щадя сочинителей, я ее утаю.

Описание дикой красоты Руно-форло произвело несколько веков назад глубокое впечатление на одного вождя, который сам был не из худших поэтов. История эта романтична, но заслуживает доверия, если принять во внимание живое изображение талантливого человека. — Наш вождь, проплывая в бурю мимо одного из Оркнейских островов, увидел женщину в лодке вблизи берега, которая показала ему, как он сам выразился, *прекрасной, словно внезапный солнечный луч над мрачно-бурной пучиной*. Поза женщины в лодке, столь похожая на позу Руно-форло в поэме Оссиана, так возбудила его воображение, что он страстно влюбился. Ветры, однако, увлекли его прочь от берега, и через несколько дней он достиг своего жилища в Шотландии. Там его страсть возросла до такой степени, что два его друга, опасаясь за него, отплыли на Оркнейские острова, чтобы доставить ему предмет его желаний. Расспросив местных жителей, они вскоре отыскали эту нимфу и привезли ее пылающему любовью вождю. Но каково же было его изумление, когда вместо *солнечного луча* он узрел перед собою тощую рыбачку, притом далеко не юную. Предание обрывает историю на этом, но нетрудно догадаться, что страсть вождя вскоре угасла.

Не тенью он был у ревущих своих потоков, не кротко-глядящим призраком! Когда он вздымал копье, ястребы расправляли шумные крылья, ибо кровь проливалась вокруг следов темноокого Суран-дронло.

Не для того он зажег меня, чтобы лучом безобидным мне мерцать у его потоков. Как метеор, я сверкала и палила огнем врагов Суран-дронло...»

.....
Не равнодушно Суль-мала слушала, как восхваляли Кахмора, властелина щитов. Он тайлся в ее душе, словно пламень, сокрытый в вереске, что пробуждается при голосе вихря и вдаль посылает лучи. Под песнь удалилась дочь королей, как нежный шопот летнего ветра, когда головки цветов колышутся, а озера и реки подернуты рябью.

Ночью приснился сон Оссиану; Тренмора тень встала пред ним, расплываясь. Он ударял, казалось, в туманный щит на многоводной скале Сельмы. Я восстал в гремящих стальных доспехах, я знал, что война близка. Наши паруса раздулись под ветром, едва лишь Лумон рассвету открыл потоки свои.

Приди же, Мальвина, луч одинокий, бодрствующий в ночи!

Оссан

Гравюра П. Ф. Клеменса с картины Н. А. Абильтгарда (1785)
Пушкинский Дом

Оссиан на берегу Лоры заклинает духов игрой на арфе
Гравюра Джона Годфруа с картины Франсуа Жерара (1801)
Гамбургский музей искусств

Кат-лода

ПОЭМА

ПЕСНЬ* ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Во время одного из путешествий Фингала на Оркнейские острова буря отнесла его судно в некий скандинавский залив неподалеку от жилища Старно, лохлинского короля. Старно приглашает Фингала на пир. Фингал, не доверяя ему и памятуя, как он в прошлом нарушил законы гостеприимства (Фингал, кн. 3), отказывается прийти. Старно собирает свои племена; Фингал решает защищаться. Наступает ночь, и Дут-маруно советует Фингалу наблюдать за движением противника. Король сам за-

ступает на стражу. Приблизившись к противнику, он случайно подходит к пещере близ Туртора, где Старно держал в плену Конбан-карглас, дочь соседнего вождя. Рассказ о ней неполон, так как часть подлинника утрачена. Фингал приходит к месту, где Старно и его сын Сваран вопрошают духа Лоды об исходе войны. Встреча Фингала со Свараном. Песнь завершается описанием воздушного чертога Кру-лоды, которого, по видимому, следует отождествлять со скандинавским Одним.

Повесть времен старинных! Зачем ты, незримый скиталец, клонящий чертополох Лоры, зачем ты, ветер долины, покинул ухо мое? Не слышать мне далекого рева потоков, ни звона арфы на скалах! Приди, охотница Луты, барду верни его душу.

Я взираю на Лохлин, озерный край, на извилистый, темный залив У-торно, где Фингал укрылся от океана, от ревуших ветров. Их мало, героев Морвена, в этом краю неведомом! Старно послал обитателя Лоды пригласить Фингала на пир; но вспомнил король прошедшее, и гнев его возгорелся.

«Не станет Фингал смотреть ни на мшистые башни Гормала, ни на коварного Старно. Смерть, словно тень, пронесится над его воспаленной

* Барды обозначали сочинения, в которых рассказ часто прерывается вставными эпизодами и обращениями, наименованием *duin* — *песнь*. Когда же сословие бардов исчезло, этим словом стали называть вообще все древние сочинения в стихах. Повествование в этой поэме начинается внезапно, без подготовки, и она может показаться некоторым читателям невразумительной, поэтому полагаю уместным сообщить здесь предшествующие события, как о них рассказывает предание. Два года спустя после того, как Фингал взял в жены Рос-крау, дочь ирландского короля Кормака, он отправился на Оркнейские острова навестить своего друга Катуллу, короля Инис-тора. Пробыв несколько дней в Карик-туре, местопребывании Катуллы, король поднял паруса, намереваясь вернуться в Шотландию. Однако поднялась свирепая буря, которая отнесла его корабли к Скандинавии, в залив вблизи Гормала, где обитал король Лохлина Старно, его заклятый враг. Узнав о похищении чужеземца на побережье, Старно созвал соседние племена и с явно враждебными намерениями направился к заливу У-торно, где укрывался Фингал. Когда же он узнал, кто эти чужеземцы, то, страшась Фингаловой доблести, которую уже не раз испытал на себе, Старно решил вероломно осуществить то, что, как он опасался, в открытом бою было бы ему не под силу. Поэтому он пригласил Фингала к себе, намереваясь убить его во время пира. Фингал благоразумно отказался прийти, и Старно взялся за оружие. — Продолжение этой истории составляет содержание поэмы.

душой. Ужель я забуду тот светлый луч, белорукою дочь королей? * Ступай же, сын Лоды, слова его для Фингала — лишь ветер пустой, ветер, что катит взад и вперед чертополох по осенним долинам.

Дут-маруно — десница смерти! Кромма-глас — повелитель железных племов! Струтмор, живущий в крыле сраженья! Кормар, чьи корабли по морям беззаботно носятся, как метеор по мрачно-клубящимся тучам!** Чада героев, восстаньте вокруг меня в этом краю неведомом. Пусть каждый взглянет на щит свой, как Тренмор, правитель браней. „Сойди ко мне, — говорил король, — ты, что меж арф обитаешь. Ты отбросишь вспять этот поток иль поляжешь со мною в землю“».

Гневно восстали они вокруг него. Не говоря ни единого слова, они схватились за копья. Каждый из них погружен в свою душу. Наконец, пробудился внезапно звон их гулкозвучных щитов. Ночью каждый занял свой холм; мрачно стояли они, удаленные друг от друга. Несогласны звуки их песен вторгаются в ветер ревуций. Полный месяц поднялся над ними. Во всеоружии вышел вперед Дут-маруно могучий, бесстрашный охотник на вепрей со скалистого Крома-харна. В темной ладье подымался он на волнах, когда пробуждал Крумтормот*** свои леса. Он на охоте блистал, окруженный врагами. Не ведал ты страха, Дут-маруно!

«Сын Комхала, — молвил он, — я двинусь вперед сквозь ночь. Из-за щита я стану следить за ними, за мерцанием их племен. Старно, властитель озер, предо мною и Сваран, враг чужеземцев. Не напрасно зывают они у камня власти Лоды. А коль не воротится Дут-маруно, тогда супруга его осиротеет в дому на равнине Кратмо-крауло, где встречаются два ревущих потока. Вокруг холмы, лесами одетые; вблизи океан стремится свои волны. Сын мой, юный скиталец полей, провожает взором крикливых чаек. Отдай Кан-доне**** голову вепря, расскажи ему, как рад был

* Агандеку, дочь Старно, которую отец убил за то, что она открыла Фингалу заговор против него. История ее рассказана полностью в третьей книге «Фингала».

** Имя Дут-маруно широко прославлено в предании. О многих из его великих подвигов рассказывают до сих пор, но поэмы, содержавшие их подробности, давно уже утрачены. Он жил, по-видимому, в той части северной Шотландии, что лежит напротив Оркнейских островов. В одной сохранившейся поэме Дут-маруно, Кромма-глас, Струтмор и Кормар упоминаются как соратники Комхала в последней его битве против племени Морни. Поэма эта не принадлежит Оссиану, ее язык обличает недавнее происхождение. Она несколько напоминает те бездарные подделки, какие сочиняли ирландские барды под именем Оссиана в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях. — Duth-maruno означает *черный и ревущий*; Cromma-glas — *сугубый и смуглый*; Struthmor — *ревущий поток*; Cormar — *искусный мореход*.

*** Крумтормот — один из Оркнейских или Шетландских островов. Это название — не гэльского происхождения. Жители острова имели собственного правителя, который упоминается в одной из поэм Оссиана.

**** Sean-daona — *глава народа*, сын Дут-маруно. Впоследствии он прославился в походах Оссиана после смерти Фингала. Предания о нем весьма многочисленны, и, судя по эпитету, который обычно прилагается к нему (*Кан-дона вепрей*), очевидно, что он пристрастился к тому роду охоты, который его отец так настоятельно рекомендует ему в этом месте. Коль скоро я упомянул предания горной Шотландии, мне кажется уместным рассказать здесь кое-что о них. Когда барды

отец, когда на его поднятом конье содрогалась щетинистая мощь И-торно».

«Бороздил я моря зыбучие, — молвил Фингал, — не забывая праотцев; опасность была их уделом в минувшие дни. Ничто не мрачит моей души перед лицом супостата, хоть кудри мои еще юны. Вождь Кратмо-крауло, поле ночи мое».

Во всеоружии ринулся он, перепрыгнув течение Туртора, чей рев яловещий в ночи оглашал туманные доли Гормала. Лунный свет мерцал на скале; там была величавая дева, дева под сенью волнистых кудрей, подобная белогрудым красавицам Лохлина. Коротки и неверны ее шаги, обрывки песни бросает она на ветер. Временами она воздевает белые руки, ибо скорбь томит ее душу.

«Торкул-торно седоволосый!* где ты скитаешься ныне над Луланом? Ты уже пал у темных своих потоков, родитель Конбан-карглас! Но я тебя

изгнали из домов вождей, они, привычные к праздности, стали целиком зависеть от щедрости простолюдинов, которых развлекали, повторяя им сочинения своих предшественников и возводя генеалогию новых своих благодетелей к роду их вождей. Но, поскольку предмет этот вскоре истощился, они были вынуждены прибегать к вымыслу и сочинять истории, никак не связанные с действительностью, которые, однако, поглощались с великой доверчивостью невежественной чернью. От частого повторения их рассказы разрастались, а так как каждый добавлял к ним такие подробности, какие, полагал он, вызовут восхищение слушателей, истории эти в конце концов настолько утратили всякое правдоподобие, что даже простолюдины перестали в них верить. Они, однако, так любили сказки, что барды сочили для себя выгодным превратиться в завзятых сочинителей сказок. Они устремились в самые дикие области романтических вымыслов. Я убежден, что в горной Шотландии найдется больше сказок про великанов, зачарованные замки, карликов и чудесных коней, нежели в любой другой европейской стране. Несомненно, что в них, как и в других романтических вымыслах, содержится много сверхъестественного и соответственно нестерпимого для истинного вкуса, тем не менее не знаю, как это получается, но они привлекают внимание больше, чем любые другие сочинения, какие мне попадались. Весьма удивительна необычайная длина этих произведений; повторение некоторых из них занимает много дней, но они настолько запечатлелись в памяти, что те, кто их усвоил благодаря лишь устному преданию, редко пропустят хотя бы единую подробность. Еще более поразительно то, что в этих сказках сохраняется слог бардов. Стоит отметить, что содержащиеся в них описания роскоши и великолепия превосходят все высокопарные восточные вымыслы подобного рода.

* Торкул-торно, согласно преданию, был королем шведской земли Кратлун. Река Лулан протекала возле его жилища. Одна река в Швеции до сих пор называется Лула; возможно, это и есть Лулан. Распря между Старно и Торкул-торно, окончившаяся смертью последнего, возникла на охоте. Торкул-торно дружески пригласил Старно, и оба короля в сопровождении свиты отправились охотиться в горы Стивамор. Навстречу королям из лесу выбежал вепрь, и Торкул-торно убил его. Старно считал это нарушением прав гостя, которому, как гласит предание, *оказывали честь, предоставляя ему опасность ловить*. Вспыхнула ссора, короли и все их спутники вступили в схватку; отряд Торкул-торно был разбит наголову, а сам он убит. Старно, воспользовавшись победой, опустошил землю Кратлун и, навав на жилище Торкул-торно, силой похитил Конбан-карглас, прекрасную дочь своего врага. Он заточил ее в пещеру возле дворца Гормала, где, подвергаясь жестокому обращению, она потеряла рассудок.

Следующий далее отрывок представляет собою песню Конбан-карглас, которую она пела, когда Фингал увидел ее. Она написана лирическим размером и

вижу, Лулана вождь, как ты тешишься в чертогах Лоды, когда ночь, осененная мраком, разливается по небу.

Иногда ты цитом скрываешь луну. Я видала, как меркла она в небесах. Метеорами ты зажигаешь кудри свои и проплываешь сквозь ночь. Зачем я забыта в пещере, король щетинистых вебрей? Взгляни из чертогов Лоды на одинокую Конбан-карглас».

«Кто ты, голос ночной?» — промолвил Фингал. Она, трепеща, отвернулась. «Кто ты, одетая мраком?» Она сокрылась в пещеру. Король расторг ремни на ее руках, он спросил об ее отце.

«Торкул-торно, — сказала она, — некогда жил возле Лулана, возле потока пенистого; он жил... но теперь он в чертоге Лоды потрясает звонкою чашей. Он встретился в битве со Старно из Лохлина; долго сражались короли темноглазые. Наконец, родитель мой пал, лазоревощитный Торкул-торно.

На скале у потока Лулана я пронзила прыгунью-косулю. Белою дланью я собрала кудри, ветрами развитые. Я услышала шум. Я глаза подняла. Нежные перси мои высоко вздымались. Я вперед устремилась к Лулану навстречу тебе, Торкул-торно!

Это был Старно, ужасный король! Он вперил багровые очи в Конбан-карглас. Мрачно сдвинув косматые брови, он усмехался зловеще. „Где мой отец, — спросила я, — он, столь могучий в битве?“ „Ты осталась одна в стане врагов, дочь Торкул-торно!“

Он взял меня за руку. Он поднял парус. В этой темной пещере заточил он меня. Иногда он приходит ко мне, как зловещий туман. Он предмною вздымает щит моего отца. Часто мелькает юный луч* вдалеке от пещеры моей. Он один обитает в душе дочери Торкул-торно».

«Дочь Лулана, — молвил Фингал, — белорукая Конбан-карглас, туча, объятая молниями, простерлась в твоей душе. Не смотри на луну, тенями одетую, на метеоры небесные. Мой блестящий булат ограждает тебя, дочь Торкул-торно.

Сим булатом владеет не слабый, не мрачный душою. Девы у нас не затворницы тайных пещер над потоками; не воздевают они в одиночестве рук своих белых.** Прекраснокудрые, они над арфами Сельмы склоняются. Их голоса не звучат в дикой пустыне, о юный свет Торкул-торно».

Снова Фингал направил шаги по лону ночи туда, где среди бурных ветров сотрясались деревья Лоды. Там три камня, увенчанных мохом, там пенистый бег потока, а над ними, ужасно клубясь, — темно-багровое

положена на музыку, дикую и простую, которая так подходит к положению несчастной девушки, что почти невозможно слушать ее без слез.

* Юным лучом, как выясняется дальше, Конбан-карглас называет сына Старно Сварана, в которого она влюбилась во время заточения.

** Судя по тому различию, о котором говорит Фингал, между его народом и жителями Скандинавии, мы можем заключить, что первые были значительно менее дикими, нежели последние. Эта разница слишком часто отмечается в поэмах Оссиана, и не может быть сомнений в том, что он воссоздал действительные нравы обоих народов в те времена. Значительная часть подлинника, следующая за речью Фингала, утрачена.

облако Лоды. С вершины его взирал смутный призрак из тени и дыма. Временами он глас поднимал среди рева потока. Рядом, под древом склоняясь опаленным, два героя внимали его словам: Сваран — владыка озер и Старно — враг чужеземцев. Мрачно они опирались на щиты свои темные, их копыя направлены в ночь. Пронзительно воет ветер мрака в борде всклокоченной Старно.

Они услышали шаги Фингала. Воители поднялись во всеоружии. «Сваран, повергни пришельца наземь, — молвил Старно, объятый гордыней. — Возьми этот щит твоего отца — он в бою, как утес». Сверкнуло копые, что Сваран метнул, и вонзилось в дерево Лоды. Тогда враги, обнажив мечи, устремились вперед. Они скрестили гремящий булат. Лезвие Луно * раскололо ремни щита Сварана. Щит по земле покатился. Расколотый щлем упал.** Фингал опустил подъятый булат. Исполнен ярости, Сваран стоял беззащитен. Молча, вращая очами, он бросил свой меч на землю. Затем, не спеша, он чрез поток перебрался и засвистал, уходя.

Все это видел родитель Сварана. Старно назад обратился во гневе. Мрачно сдвигались косматые брови над его кипевшею яростью. Он ударил кошем своим дерево Лоды, глухо он песнь затянул. Они отправились к воинству Лохлина, каждый своею темной тропой, как два потока вспененных из двух дождливых долин.

На равнину Туртора вернулся Фингал. Сияющий луч взопел на востоке. Он озарил оружие Лохлина в руке короля. Из пещеры вышла во всей красе дочь Торкул-торно. Она прикрывала кудри от ветра и затянула дикую песнь. Песнь пирований на Лулане, где когда-то отец ее жил.

Увидала она окровавленный щит Старно. Радости свет озарил ее лик. Увидала она расколотый щлем Сварана; омрачась, отшатнулась она от короля.*** «Ужели ты пал возле сотни потоков своих, ты, кого Конбан-карглас любила!»

У-торно, встающий средь вод, на склоне твоём метеоры ночные! Я видел, как сумрачный месяц зашел позади твоих гулкозвучных лесов. На твоей вершине высятся Лода туманный, жилище теней. С края своих чертогов облачных Кру-лода, мечей повелитель, склоняется. Образ его виднеется смутно среди волнистых туманов. Десница его на щите,

* Меч Фингала, названный так по имени создавшего его кузнеца Луно из Лохлина.

** Щлем Сварана. Поведение Фингала всегда согласуется с благородством духа, свойственным герою. Он не использует своего преимущества перед обезоруженным врагом.

*** Конбан-карглас, увидав в руках Фингала окровавленный щлем Сварана, решила, что герой убит. Последующая часть подливника здесь утрачена. Из продолжения поэмы, однако, явствует, что дочь Торкул-торно не пережила потрясения, вызванного предполагаемой смертью возлюбленного. — Описание воздушного чертога Лоды (который, по-видимому, следует отождествлять с чертогом скандинавского бога Одина) более живописно и наглядно, чем любые описания в Эдде или других сочинениях северных скальдов.

в шуйце — едва различимая чаша. Кровлю чертога ужасного метят ночные огни.

Приближается племя Кру-лоды — вереница теней безобразных. Он простирает звонкую чашу тем, кто во брани блистал; но между ним и бессильным мрачной преградой вздымается щит его. Он — метеор заходящий для слабого в битве. — Сияя, как радуга над потоками, пришла белорукая Конбан-карглас. . .

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Фингал, вернувшись с нашествием дня, поручает Дут-маруно возглавить войско; тот вступает в бой с неприятелем и вынуждает его отступить за поток Туртор. Фингал, собрав своих воинов, поздравляет Дут-маруно с успехом,

но обнаруживает, что этот герой смертельно ранен в сражении. Дут-маруно умирает. Бард Уллин, воздавая честь умершему, рассказывает повесть о Колгорме и Стрина-доне, чем и завершается песнь.

«Где же ты, сын короля? — сказал темно-русый Дут-маруно. — Где ты погиб, Сельмы рассветный луч? Не возвращается он из лоно ночного! Утро простерлось над У-торню, солнце восходит на холм сквозь туман. Бойцы, поднимите щиты предо мною. Не должен он пасть, как небесный огонь, что следа на земле не оставит. — Но он возвращается, словно орел, слетающий с бурного ветра! В длани его оружие, взятое у врагов. Властитель Сельмы, наши сердца скорбели».

«Рядом с нами враги, Дут-маруно. Они стремятся вперед, словно волны в тумане, когда их вершины вспенённые временами вздымаются над низко-струящимся паром. Странник свой путь прерывает, и не ведает он, куда ему скрыться. Мы не дрожащие странники. Чада героев булат обнажают. Поднимет ли меч Фингал или воитель иной возглавит дружину?»

«Подвиги дней минувших, — сказал Дут-маруно, — словно стезя для наших очей, о Фингал.* Широкощитный Тренмор все еще виден в ту-

* Последующий краткий рассказ представляет собою весьма правдоподобную историю возникновения монархии в Каледонии. Гэлы или галлы, владевшие землями к северу от Эдинбургского залива, первоначально представляли собою несколько обособленных племен или кланов; каждый клан подчинялся собственному вождю, который был свободен и не зависел от какого-либо иного властителя. Когда римляне вторглись к ним, общая опасность, по-видимому, побудила этих *reguli* [царьков (лат.)] к объединению, но, так как они не желали подчиниться кому-то одному из их числа, они плохо воевали и проигрывали битвы. Тренмор был первым, кто разъяснил вождям дурные следствия столь беспорядочного ведения войн и посоветовал им поочередно руководить сражениями. Они последовали его совету, но успеха не добились. Когда черед дошел до Тренмора, он благодаря своей превосходной доблести и мудрости наголову разгромил врага, и это сделало

манной дали ушедших годов. Не слабой была душа короля. Она не служила прибежищем темных дел потаенных. От сотни своих потоков пришли племена к злачной Колглан-крене. Перед ними вожди выступали. Каждый стремился возглавить войну. Часто хватались они за мечи. Их багровые очи вращались яростно. Порознь стояли они, про себя напевая угрмо. Для чего уступать им друг другу? Их отцы были равны в бою.

Тренмор был там со своим народом, стройный, кудрявый и юный. Он увидел, что близится враг. Скорбью исполнилось сердце его. Он вождям предложил чередой войска возглавлять в сраженьи; они согласились, но были отброшены вспять. С мшистого холма сошел лазоревощитный Тренмор. Он войско повел на широко простертую брань и победил чужеземцев. Вкруг него собрались мрачноликые воины, они ударили в щит ликованья. Словно ласковый ветер, веления власти впредь исходили из королевской Сельмы. Но вожди чередой возглавляли войско в сражении, пока не вставала угроза могучая; тогда наступал час короля побеждать на поле битвы».

«Не безвестны, — промолвил Кромма-глас, властитель щитов,* — деяния наших отцов. Но кто же теперь нас возглавит в бою перед отпрыском королей? Туман садится на эти четыре мрачных холма; пусть каждый воин на нем ударит в свой щит. Духи, быть может, сплдут во мраке и отметят того, кому повести сраженье». Каждый поднялся на холм свой туманный; барды внимали бряцанью щитов. Громче всех прозвучал твой щит, Дут-маруно. Ты поведешь на брань.

Рокоча, как потоки, с гор спустилось племя У-торно. Старно вел их на битву и Сваран, вождь островов, где бури бушуют. Они взирали впе-

его столь влиятельным среди племен, что сперва он, а затем его потомки считались королями или, употребляя выражение поэта, *веления власти впредь исходили из королевской Сельмы*. Влияние короля, однако, исключая военного время, было незначительным, поскольку каждый вождь в своей округе был независим и располагал полнотой власти. — Судя по описанию битвы в этом эпизоде (она происходила в долине Кроны, немного севернее вала Агриколы), я полагаю, что противниками каледонцев были римляне или местные бритты.

* Согласно преданию, этот Кромма-глас очень отличился в битве с племенем Морни, в которой погиб проигравший ее Комхал. Как раз теперь у меня в руках находится ирландская поэма, судя по языку, весьма недавнего происхождения, где перемешаны все предания, относящиеся к этой решающей битве. Отдавая должное достоинствам этого сочинения, я представил бы читателю его перевод, не будь только некоторые подробности, сообщаемые бардом, крайне смехотворны, а другие — совершенно непристойны. Морна, жена Комхала, играет здесь главную роль во всех делах, предшествующих поражению и гибели ее мужа; она, употребляя слова барда, *была путеводной звездой для женщин Эрина*. Бард, нужно надеяться, представил женщин своей страны в ложном свете, ибо Морна, согласно его же рассказу, ведет себя столь непристойно и распутно, что невозможно поверить, будто они избрали ее своей *путеводной звездой*. Поэма состоит из большого числа строф. Язык ее образный, а размер гармоничный, но в целом произведение так изобилует анахронизмами и построено так неправильно, что автор несомненно был либо безумен, либо пьян, когда сочинял его. — Заслуживает упоминания, что Комхал в этой поэме очень часто именуется Comhal na h'Albin или *Комхал из Альбиона*, а это с несомненностью доказывает, что утверждения Китинга и О'Флаэрти относительно *Фиона Мак-Комнала* являются поздним домыслом.

ред из-за стальных щитов, словно пламенпоокый Кру-лода, когда он взирает из-за померкшей луны и мечет знаки свои среди ночи.

Враги повстречались у потока Туртора. Они вздымались, как гребни волн. Их гулкие удары мешаются. Призрак смерти летает над ратями. Они — градоносные тучи, таящие буйные вихри в своих одеяниях. С ревом они низвергают ливни. Под ними пучина вздувается мрачно-бурливая.

Распря У-торно угрюмого, зачем мне считать твои раны? Ты исчезаешь с годами ушедшими, ты стираешься в сердце моем. Старно двинул вперед свой край сражения и Сваран — крыло свое мрачное. Не безобидным огнем сверкает меч Дут-маруно. Лохлин катится вспять над своими потоками. Короли разъярянные окутаны думами. Они обращают безмолвные взоры на бегство своих соплеменников. Послышался рог Фингала; воротились сыны Альбиона лесистого. Но много их полегло у потока Туртора, безмолвных в своей крови.

«Вождь Крома-харна, — молвил король, — Дут-маруно, охотник на вепрей! Не безобидно назад мой орел воротился с поля врагов. При вести о том воссияет белогрудая Лануль на реках своих, возрадуется Кан-дона на скалистом Кратмо-крауло».

«Колгорм, — отвечивал вождь, — первый в моем роду приплыл в Альбион, Колгорм, бравый наездник с водных долин океана.* Он брата убил в И-торно, он оставил землю отцов. Он избрал себе место в тиши у скалистого Кратмо-крауло. В свое время явились его потомки; они выходили на брань, но всегда погибали. Рана моих праотцев ныне ко мне перешла, о король островов гулкозвучных!»

Он исторгнул стрелу из груди. Бледный, он пал в чужедальной стране. Его душа прилетела к праотцам на бурный их остров. Там гоняли они вепрей туманных по краю ветров. Молча вожди стояли вокруг, словно камни Лоды на холме своем. Путник их видит сквозь сумерки с одинокой тропы. Думает он, это тени старцев, что готовят грядущие войны.

Ночь сошла на У-торно. Тихо стояли вожди, объятые горем. Ветер свистал в волосах то одного, то другого воителя. Фингал, наконец, отторгся от мыслей своей души. Он позвал Уллина, властителя арф, и повелел запеть песню. «Не быстротечным огнем, что раз промелькнет и затем исчезнет в ночи, не метеором, во тьму уходящим, был вождь Кратмо-крауло. Он был подобен ярко-лучистому солнцу, что долго ликует на холме своем. Призови поименно всех его праотцев из их стародавних жилищ».

* Род Дут-маруно, очевидно, пришел из Скандинавии или с одного из северных островов, подчиненных королям Лохлина. Сенахп горной Шотландии, никогда не упускавшие случая дополнить сочинения Оссиана своими объяснениями или добавлениями, составили длинный список предков Дут-маруно и особый перечень их деяний, многие из которых носят чудесный характер. Один из северных сказителей избрал своим героем Старн-мора, отца Дут-маруно, и заставил его пережить немало приключений, благодаря чему рассказ его не лишен занимательности и к тому же почти свободен от вымыслов, выходящих за пределы правдоподобия.

«И-торно, — бард возгласил, — ты, что встаешь средь зыбучих морей!* Отчего так угрюма твоя глава во мгле океана? Из долин твоих вышло племя бесстрашное, как твои орлы ширококрылые, племя Колгорма, владыки железных щитов, обитатели чертога Лоды.

На Тормоте, острове гулком, Луртан вознесся, холм многоводный, Главу лесистую он наклонял над безмолвной долиной. Там возле Кру-рута, источника пенного, Рурмар жил, охотник на ведрей. Его дочь была прекрасна, как солнечный луч, белогрудая Стрина-дона.

Короли героев и герои с щитами железными, юноши с кудрями тяжкими много раз приходили в чертог гулкозвучный Рурмара. Они приходили свататься к деве, величавой охотнице зарослей Тормота. Но ты равнодушно зриаешь на них и мимо проходишь, высокогрудая Стрина-дона!

Если она выступала по вереску, была ее грудь белее пушинок каны,** если по берегу, волнами битому, — белее, чем пена валов океанских. Очи ее — две яркие звезды, лицо — небесная радуга в ливень. Вкруг него струились черные кудри, словно текущие облака. Ты обитала в сердцах, белорукая Стрина-дона!

Колгорм пришел на своем корабле и Коркул-суран, властитель чаш. Братья пришли с И-торно сватать солнечный луч острова Тормот. Она их узрела, одетых в гулкозвучную сталь. Сердце ее избрало голубоглазого Колгорма. Ночное око Уль-лохлина,*** к ней заглянув, увидало, как руки свои простирает Стрина-дона.

Гневно нахмурились братья. Их горящие очи в молчании встретились. Они отвернулись друг от друга. Они ударили в щиты. Длани их вздрагивали на мечах. Они ринулись в битву героев за длинноволосую Стрина-дону.

Коркул-суран повержен в крови. На острове дальнем взъярилась сила его отца. Изгнал он с И-торно Колгорма; тот скитался по всем ветрам. На скалистом поле Кратмо-крауло он поселился возле чужого потока. Но не мрачнел король в одиночестве, рядом был светлый луч, дочь гулкозвучного Тормота, белорукая Стрина-дона.****

* Следующий далее эпизод необычайно красив в оригинале. Он положен на своеобразную дикую музыку, которую некоторые горцы называют *F6n Oi-maгга* или *Песня русалок*. Часть мелодии носит буквально адский характер, но многие места, где соблюдается правильный ритм, невыразимо самобытны и прекрасны. Судя по характеру музыки, я полагаю, что она была сочинена в Скандинавии, поскольку предания, связанные с *Oi-maгга* (которые объявляются творцами музыки), точно соответствуют представлениям северных народов об их *digae* или *богинях смерти*. Из всех племен в этом эпизоде гэльское происхождение имеет только *Strina-dona*, что означает *распря героев*.

** *Кана* — это особый род травы, обильно произрастающий на вересковых болотах севера. Стебель ее подобен стеблю тростника, и она увенчана пуховой головкой, очень напоминающей хлопок. Этот пух необычайно бел, поэтому он часто упоминается бардами в сравнениях, касающихся женской красоты.

*** *Ul-lochlin* — *вожатый Лохлина*; название звезды.

**** Я располагаю продолжением этого эпизода, но слог в нем и мысли настолько чужды Оссиану и недостойны его, что я почел это вставкой, принадлежащей барду нового времени, и отверг.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Оссиан после некоторых общих рассуждений описывает Фингала на холме и лохлинское войско, расположившееся внизу. Разговор Старно и Сварана. Вставная повесть о Корман-трунаре и Фойнар-брагал. Старно, ссылаясь на свой пример, советует Сварану тайно

напасть на Фингала, который удалился один на соседний холм. Сваран отказывается, и Старно пытается сам осуществить это намерение, но побежден и взят в плен Фингалом. Он освобожден, после того как выслушал суровую отповедь за свою жестокость.

Откуда приходит поток годов? Куда они устремляются? Где сокрыли они в тумане свои многоцветные струи? Я пытаюсь взглянуть в старинные времена, но смутно они предстают очам Оссиана, подобно лунным лучам, отраженным гладью дальнего озера. Здесь — смятение алых лучей войны! Там в тиши обитает бессильное племя! Оно не отметит своими делами годов, когда те неспешно мимо пройдут. — Живущая между щитами, ты, что слабеющий дух пробуждаешь, сойди со стены, трехголовая арфа Коны! Приди возжечь прошедшее, пробудить старинные образы мглою сокрытых годов!*

У-торно, холм ураганов, я вижу родное племя на склоне твоём. Фингал головою поник во мраке ночном над могилою Дут-маруно. Рядом бродят его герои, на вепрах охотники. У потока Туртор войско Лохлина сокрыто в тени. Разъяренные короли стояли на двух холмах и взирали из-за горбатых щитов. Они взирали на звезды ночные, багрово-сходящие к западу. Кру-лода с небес наклоняется к ним, как метеор, еле зримый в облаке. Он рассылет ветры, их помечая своими знаками. Старно понял, что властитель Морвена вовеки не сдастся на поле брани.

* Барды, всегда готовые добавить то, чего, как им казалось, не хватало поэмам Оссиана, вставили великое множество происшествий между второй и третьей песнями «Кат-лоды». Эти вставки так легко отличить от подлинного Оссианова наследия, что мне потребовалось совсем немного времени, чтобы обнаружить их и полностью устранить. Если новые шотландские и ирландские барды и проявили в чем-либо здравый разум, так это в том, что они поставили на своих собственных измышлениях древние имена, ибо только таким путем им удалось избежать того презрения, какое авторы столь ничтожных творений неизменно вызывают в людях с истинным вкусом. На эту мысль навела меня одна ирландская поэма, находящаяся сейчас предо мной. Она рассказывает о нашествии Сварана, короля Лохлина, на Ирландию и является, как гласит предисловие, творением *Оссиана Мак-Фиона*. Однако несколько благочестивых восклицаний указывают, что это скорее всего сочинение некоего доброго пастыря пятнадцатого или шестнадцатого века, ибо он говорит с великим благоговением о паломниках и особенно о *голубоглазых дочерях монастыря*. При всей своей набожности этот поэт тем не менее не был вполне пристоеен, описывая встречи Сварана с женою *Конгкулиона*, причем оба они представлены у него великанами. Поскольку сам *Конгкулион* был, к несчастью, среднего роста, жена его, не колеблясь, предпочла Сварана как пару, более подходящую к ее гигантскому росту. Из этого рокового предпочтения простекло так много несчастий, что добрый поэт совершенно упустил из виду главное действие и завершил произведение назиданием мужчинам по поводу выбора жен. Как бы, однако, ни было хорошо это назидание, я оставляю его сокрытым во мраке подлинника.

В гневе он дважды ударил по дереву. Он ринулся к сыну и встал перед ним. Он напевал зловещую песнь и слышал, как ветер свистит в его волосах. Отворотясь друг от друга, стояли они, словно два дуба, склоненных ветрами в разные стороны: каждый навис над звонким своим ручьем и сотрясает ветви под порывами бури.*

«Аннир, — молвил Старно, властитель озер, — некогда был огнем пожирающим. Очи его извергали смерть на поле раздора. Гибель людей была ему в радость. Кровь для него была летним потоком со мшистой скалы, что радость приносит иссохшим долинам. Пришел он к озеру Луткормо на брань с величавым Корман-трунаром из многоводного Урлора, обитателем крыльев брани.

Прежде случилось, что Урлора вождь на судах темногрудых приплыл к Гормалу. Он повстречался с дочерью Аннира, белорукой Фойнар-брагал. Он повстречал ее, не равнодушно очи она обратила на всадника бурных волн. Она бежала к его кораблю во мраке, словно лунный луч сквозь ночную долину. Аннир преследовал их над пучиной, он призывал небесные ветры. Не одинок был король, Старно был рядом с ним. Слово орел молодой с У-торно, я с отца очей не сводил.

Мы подошли к ревущему Урлору. Величавый Корман-трунар пришел со своими дружинами. Мы сразились, но враг одолел. Гнева исполненный высился Аннир, властитель озер. Он мечом срубал деревца молодые. Яростно он вращал багровые очи. Я заметил смятенье души короля и удалился в ночь. На поле я подобрал разбитый щит и щит, пронзенный булатом. Без острия было копые в длани моей. Я пустился искать врага.

На скале сидела величавый Корман-трунар возле горящего дуба, а рядом с ним сидела под деревом полногрудая Фойнар-брагал. Я бросил разбитый щит перед ней и промолвил слова мира. „Возле бурного моря простерся Аннир, властитель многих озер. Король был пронзен в сраженьи, и Старно должен воздвигнуть могилу ему. Меня, сына Лоды, он посылает к белорукой Фойнар-брагал просить, чтоб она послала локон своих волос, который ляжет в землю вместе с ее отцом. А ты, король ревущего Урлора, прекрати сражение, покуда Аннир не примет чаши от огнеокого Кру-лоды“.

Заливаясь слезами, встала она и вырвала локон своих волос — локон, что колыхался под ветром на ее высокой груди.** Корман-трунар подал

* Надменные позы Старно и Сварана хорошо согласуются со свирепым и непреклонным нравом обоих. Характеры их, на первый взгляд, мало отличаются друг от друга, но при внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что поэт искусно провел между ними различие. Оба они мрачны, упрямы, надменны и замкнуты, но Старно к тому же в высшей степени хитер, мстителен и жесток, нрав же Сварана, хотя и дикий, однако менее кровожаден и не совсем лишен великодушия. Было бы несправедливо утверждать, будто характеры героев Оссана не отличаются большим разнообразием.

** Оссиан очень пристрастен к прекрасному полу. Даже дочь жестокого Аннира, сестра мстительного и кровожадного Старно, свободна от дурных свойств, столь присущих ее семейству. Ее отличают нежность и чувствительность. Из древних поэтов меньше всех церемонится с женским полом Гомер. Его холодное презрение даже хуже, нежели прямые оскорбления новых писателей, ибо для того, чтобы навлечь на себя оскорбления, нужно обладать какими-то достоинствами.

мне чашу и пригласил разделить его радость. Я оставался в ночной тени и скрывал лицо низко надвинутым шлемом. Сон низошел на врага. Я поднялся, как блуждающий дух, и мечом поразил Корман-трунара. Не избежала расправы и Фойнар-брагал. Белые груди ее обагрились кровью. Зачем, дочь героев, ты пробудила ярость мою? Утро взошло. Неприятель бежал, словно растаял туман. Аннир ударил в горбатый свой щит. Он призвал темноволосого сына. Я пришел, обогранный льющейся кровью. Трижды вскричал король, словно внезапный порыв ветров исторгся ночью из тучи. Мы пировали три дня над мертвецами и призывали ястребов с неба. Они слетались со всех ветров насыщаться врагами Аннира. — Сваран! Фингал один на холме ночном.* Да поразит потаенно твое копьё короля; я, словно Аннир, душой возликую».

«Сын Аннира, обитавшего в Гормале, Сваран не станет во тьме убивать. Я выступаю при свете, и ястребы мчатся со всех ветров. Привычно за мною им следовать: не безобиден мой путь на войне».

Вспыхнул гнев короля. Он трижды подымлет сверкающее копьё. Но, содрогнувшись, падет он сына и устремляется в ночь. Возле потока Туртора темнеет пещера — жилище Конбан-карглас. Там положил он шлем королей, призывая деву Лулана, но она была далеко в гулкозвучном чертоге Лоды.

Гневом исполненный, он туда направил шаги, где Фингал возлег одиноко. На щите простершись, король возлежал на своем заветном холме. Суровый охотник на щетинистых вебрей, не слабая дева лежит пред тобою, не отрок на ложе из папоротника возле Туртора струй журчащих. Здесь простерто ложе могучих, и они с него встают для подвигов смерти. Охотник на щетинистых вебрей, не пробуждай ратоборца ужасного.

Старно подходит с роптаньем глухим. Фингал восстает в доспехах своих. «Кто ты, сын ночи?» Молча он бросил копьё. Они сошлись в единоборстве жестоком. Щит Старно упал, рассеченный надвое. К дубу сей вождь привязан. Ранний луч занялся. Тогда-то Фингал узрел владыку Гормала. Горестно он обращал безмолвные очи. Он думал о днях минувших, когда белогрудая Агандека плавно ступала, подобная музыке песен. Он разрешил ремни на дланях его. «Аннира сын, — промолвил он, — удались. Удались к Гормалу чаш; угасший луч возвращается. Я вспоминаю твою белогрудую дочь; ужасный король, удались! Ступай в свое жилище беспокойное, сумрачный враг возлюбленной девы! Да избегает впредь чужеземец тебя, угрюмо в чертоге сидящего!»

Повесть времен старинных!

* Фингал, согласно обычаю каледонских королей, удалился один на холм, так как на другой день ему предстояло вновь возглавить войско. Старно, вероятно, был осведомлен о том, что король остался один, потому-то и предложил Сварану заколоть Фингала, ибо, владея искусством гаданья, он уже знал, что не сможет одолеть его в открытом бою.

Ойна-морул

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

После обращения к Мальвине, дочери Тоскара, Оссиан рассказывает о своем походе на скандинавский остров Фуэрфет. Фингал послал его туда на помощь Мал-орхолу, на которого напал Тон-хормод, вождь Сар-дронло, тщетно добивавшийся руки дочери Мал-орхола. На дру-

гой день после прибытия Оссиан сражился с Тон-хормодом и взял его в плен. Мал-орхол предлагает свою дочь Ойна-морул в жены Оссиану, но тот, узнав, что она влюблена в Тон-хормода, великодушно отдает ее возлюбленному и примиряет обоих королей.

Как над злачным холмом Лармона проносится луч переменчивый солнца, так в душе моей по ночам сменяются повести прошлого. Когда восвоеси расходятся барды, когда повешены арфы в чертоге Сельмы, тогда Оссиану слышится голос и душу его пробуждает. Это голос ушедших годов, они текут предо мною со всеми своими деяниями. Я ловлю те повести пролетающие и в песне их изливаю. Песнь короля — не смятенный поток, она, словно музыка, что льется над Лутою многострунной. Лута звенящих струн, не безмолвны твои ручейстые скалы, когда белые длани Мальвины летают по арфе. Свет, озаряющий мрачные думы моей души, дочь племоносного Тоскара, не хочешь ли внять моей песне? Мы призовем, дева Луты, протекшие годы.

Это случилось во дни короля,* и кудри мои еще были молоды, когда с ночной волны океана я в небесах заметил Кон-катлин.** Путь мой лежал к острову Фуэрфету, к обитателю моря лесистому. Фингал послал меня помочь Мал-орхолу, королю Фуэрфета дикого, потому что война окружила его, а наши праотцы встречались на пиршествах.

В Кол-койлед я закрепил паруса, а меч свой послал Мал-орхолу, властителю чаш. Узнал он знак Альбиона, и радость его взыграла. Он пришел из чертога высокого и горестно взял меня за руку. «Для чего приходит племя героев к королю обреченному? Повелитель копий Тон-хормод — вождь Сар-дронло, средь волн встающего. Он узрел и полюбил мою дочь, белогрудую Ойна-морул. Он сватался к ней, я ему отказал, ибо праотцы наши были враги. Он пришел войною на Фуэрфет. Мои войны

* Фингала.

** Con-cathlin — *кроткий луч волны*. Трудно определить, какая звезда так называлась в старину. Некоторые теперь обозначают этим именем Полярную звезду. Песня, известная до сих пор среди мореходного племени горных шотландцев, содержит ссылку на это место у Оссиана. Автор восхваляет знания Оссиана в морском деле — достоинство, которое, пожалуй, мало кто из нас, современных людей, признает за ним или за любым другим его современником. Одно несомненно: каледонцы часто пускались в плавание по опасным и бурным морям Скандинавии, на что, видимо, не отваживались более просвещенные народы, жившие в те времена. Оценивая степень искусства древних в какой-либо области, мы не должны сравнивать ее с достижениями нового времени. Наше превосходство над ними обусловлено скорее случайностью, нежели какими-то нашими заслугами.

вспять отступили. Для чего приходит племя героев к королю обреченному?»

«Не для того я пришел, — отвечал я, — чтобы, как отрок, взирать на сражение. Помнит Фингал Мал-орхола и чертог его гостеприимный. Со своих волн воитель сошел на лесистый твой остров. Не тучей явился ты перед ним. С песнями задал ты пир. Вот почему подымется меч мой, и, быть может, падут твои супостаты. Не забываем друзей мы, попавших в беду, хотя и далек наш край».

«Потомок отважного Тренмора, твои слова, словно глас Кру-лоды, когда из расторгнутой тучи вещает он, могучий житель небес. На моих пирах веселились многие, но все позабыли Мал-орхола. Вслед за всеми ветрами стремил я взоры, но не узрел ни единого белого паруса. Но сталь звенит в чертоге моем, а не веселые чаши.* Приди же в мой дом, племя героев, ночь в одеянии темном близка. Внемли голосу песен дев Фуэрфета дикого».

Мы пошли. По арфе скользили белые руки Ойна-морул. Она извлекала свою печальную повесть из каждой дрожащей струны. Я безмолвно стоял, ибо прекрасна была осененная кудрями дочь островов несчетных. Очи ее блистали, как две звезды, проглянувшие сквозь дождь проливной. Мореход замечает их в вышине и восхваляет лучи приветные. Поутру мы бросились в битву при шумном потоке Тормул. Тогда прозвенел Тон-хормода щит горбатый, и враг устремился навстречу. От крыла до крыла завязалось сражение. Мы схватились с вождем Сар-дронло. Далеко отлетел его разбитый булат. Я одолел короля в борьбе. Я связал его крепко ремнями и отдал Мал-орхолу, подателю чаш. Радость царила на пиру в Фуэрфете, ибо враг был разбит. Тон-хормод лицо отвратил от Ойна-морул, дочери островов.

«Сын Фингала, — начал Мал-орхол, — ты не уйдешь от меня без воздаяния. Свет озарит твой корабль — Ойна-морул, что томно водит очами. Воспламенит она радость в твоей могучей душе. Не пребудет она незамеченной в Сельме, обиталище королей».

Ночью лежал я в чертоге. Очи мои еще не совсем сомкнула дремота. Нежное пенье достигло моих ушей; было оно, словно ласковый ветер, что пух чертополоха закружит сперва, а потом пролетит легкой тенью над травами. То была дева Фуэрфета дикого, она затянула ночную

* В этом выражении заключена суровая сатира на гостей Мал-орхола. Если бы он снова задавал пиры и веселье все еще царило в его чертоге, прежние его прихлебатели не преминули бы прийти к нему. Но так как время празднеств миновало, не стало и гостей. Чувства одного старинного барда согласны с этим наблюдением. Он поэтично сравнивает великого человека с огнем, зажженным в пустыне. «Те, кто ему угрождает, — говорит он, — кружатся возле него, словно дым возле пламени. Издали этот дым придает огню величавый вид, но сам он всего лишь пар легковесный, что изменяется при любом дуновении. Когда же ствол, питавший огонь, сгорает, дым уносится прочь на всех ветрах. Так и льстецы забывают своего вожда, когда его власть идет на убыль». Я предпочел изложить, а не перевести это место, поскольку оригинал весьма многословен и пышен, несмотря на достойные чувства автора. Он принадлежит к числу не очень древних бардов, а их сочинения лишены силы, способной выдержать дословный перевод.

песню, ибо знала она, что моя душа — поток, текущий при сладостных звуках.

«Кто со скалы взирает, — пела она, — как туманы над морем сходятся? Длинные кудри его, словно крылья ворона черные, развеваются по ветру. Величава скорбная поступь его. Слезы в его очах. Тяжко дышит отважная грудь, где обитает душа сокрушенная. Уходи, далеко я теперь, скиталица стран неведомых. Хотя королевское племя вокруг меня, но мрак на сердце моем. Зачем наши праотцы были врагами, Тон-хормод, любимый девами!»

«Нежный голос многоводного острова, зачем ты сетуешь ночью? Не мрачна душа потомков отважного Тренмора. Ты не будешь скитаться по неведомым рекам, синеокая Ойна-морул. В этой груди таится голос, он не слышен другим ушам; он велит Оссиану внимать несчастным в годину их бедствий. Удалились же, любезная певица ночная: Тон-хормод не будет скорбеть на своей скале».

Поутру я освободил короля. Я отдал ему длинноволосую деву. Малорхол услышал мои слова посреди своих гулкозвучных чертогов. «Король Фуэрфета дикого, для чего скорбеть Тон-хормоду? Он потомок героев и пламень на поле брани. Ваши праотцы были врагами, но ныне по смерти их смутные тени вместе ликуют. К единой чаше они простирают свои туманные длани в чертогах Лоды. Забудьте их злобу, войны, то была туча минувших годов».

Так поступил Оссиан, когда еще молоды были кудри его, хотя красота облекала лучистым покровом дочь островов несчетных. Мы зовем воротиться, о дева Луты, давно отошедшие годы!

Кольна-дона

ПОЭМА

СОДЕРЖАНИЕ

Фингал посылает Оссиана и Тоскара воздвигнуть на берегах потока Кроны камень, чтобы увековечить память победы, некогда им одержанной в том месте. Когда они были заняты этим делом, соседний вождь Кар-ул пригласил их на пир. Они пришли к нему,

и Тоскар без памяти влюбился в дочь Кар-ула Кольна-дону. Не меньшим чувством к Тоскару воспламенилась сама Кольна-дона. Нечаянный случай на охоте приводит их взаимную любовь к счастливому завершению.

Мятежный поток Кол-амона, мрачный скиталец далеких долин, я взираю на путь твой среди деревьев вблизи гулкозвучных чертогов Кар-ула. Там красотою сияла Кольна-дона, дочь короля. Очи ее были звезды блестящие, руки — белая пена потоков. Перси тихо вздымались, словно волна океана зыбучая. Сердце ее было потоком света. Кто среди дев мог сравниться с этой любовью героев?*

Король повелел, и отправились мы к источнику Кроны:** Тоскар из травянистой Луты и Оссиан, еще юный в битвах. Три барда с песнями шли позади. Три горбатых щита несли перед нами, ибо нам предстояло воздвигнуть камень в память о прошлом. У мшистых берегов Кроны Фингал расточил врагов, он прочь погнал чужеземцев, как ветер морские волны. Мы достигли места прославленного; с гор опустилась ночь. Я исторгнул дуб, что рос на холме, и возжег высокое пламя. Я просил монах праотцев вниз посмотреть из чертогов их облачных, ибо они, носясь на ветрах, озаряются славой потомков.

Под пение бардов я взял из источника камень. В тине, его покрывавшей, застыла кровь супостатов Фингаловых. Внизу положил я три наверхия вражьих щитов, расстояние меж ними отмерив согласно тому, как вздымалась и затихала Уллина песня ночная. Тоскар в землю сложил кинжал и кольчугу из звонкой стали. Камень мы окружили насыпью и повелели ему вещать грядущим годам.

* Colpa-dona означает *любовь героев*. Col-amon — *узкая река*. Car-ul — *мрачный взор*. Кол-амон, место, где жил Кар-ул, находился неподалеку от вала Агриколы в сторону юга. Кар-ул, по-видимому, принадлежал к тому племени бриттов, которое римские писатели именовали Maiaetae, соединяя два гэльских слова: Moi — *равнина* и Aitich — *жители*; таким образом, Maiaetae означает *жители ровной местности*. Этим именем назывались бритты, жившие в низменной южной части Шотландии в отличие от каледонцев (т. е. Cael-dop — *галлы холмов*), которые занимали более возвышенную часть северной Британии.

** Crona — *журчащий*, название небольшого источника, впадавшего в реку Каррон. Он часто упоминается у Оссиана, и действие многих поэм происходит на его берегах. Каких врагов разбил здесь Фингал, не говорится. Возможно, это были местные бритты. Пространство между заливами Ферт-оф-Форт и Ферт-оф-Клайд было известно в течение всей древности как место битв и столкновений различных племен, населявших северную и южную Британию. Расположенный там город Стерлинг отсюда и получил свое название. Это — испорченное гэльское название Stirla, т. е. *холм* или *скала раздора*.

«Тинистое чадо потоков, поднятое пыне ввысь, вещай бессильным, о камень, когда племя Сельмы исчезнет! Гонимый бурною ночью путник ляжет возле тебя; твой свистящий мох зазвучит в его снах; ушедшие годы воротятся. Битвы встанут пред ним, лазеревоцитные короли сойдутся на брань, луна, омрачаясь, взглянет с небес на возмущенное поле. Поутру он очнется от снов и увидит вокруг могилы воителей. Он спросит о камне, и старец ответит: „Этот серый камень воздвиг Оссиан, вождь минувших годов“».

Пришел с Кол-амона бард от Кар-ула, друга чужеземцев.* Он пригласил нас на пир королей в жилище прекрасной Кольна-доны. Мы пошли к чертогу арф. Там Кар-ул, осененный седыми кудрями, просиял, завидя сынов друзей своих, что стояли, как два молодых дерева в зеленой листве.

«Сыны могучих мужей, — он промолвил, — вы возвращаете дни старины, когда я впервые сошел с волны в многоводный дол Сельмы. Я стремился вослед Дут-мокарглоса, обитателя бурь океанских. Отцы наши были врагами, мы сошлись у излучистых вод Клуты. Он бежал от меня по морю, а мои паруса неслись ему вслед. Ночь меня сбила с пути, застигнув среди пучины. Я приплыл к королевским чертогам, к Сельме, где обитают высокогрудые девы. Фингал со своими бардами и Конлох, девица смерти, встретили нас. Я пировал три дня в чертоге и видел там синие очи Эрина, Рос-крану, чадо героев, светоч племени Кормака. Не без чести ушел я оттуда: короли подарили щиты Кар-улу, они висят высоко в Кол-амоне в память о прошлом. Сыны королей отважных, вы возвращаете дни старины».

Кар-ул приготовил дуб пирований. Он снял два навершия с наших щитов. Он положил их в землю под камень, чтобы они вещали героическому племени. «Когда загрохочет битва, — молвил король, — и нашим сынам доведется встретиться в гнев, племя мое, может быть, взглянет на этот камень, уготворяя копя. „Разве наши отцы не встречались в мире“, — скажут они и прочь отложат щиты».

Ночь сошла. Осененная длинными кудрями, явилась дочь Кар-ула. Сливаясь со звуками арфы, голос раздался белорукой Кольна-доны. Омрачился Тоскар на месте своем, увидев любовь героев. Она сошла на смя-

* Обычай бриттов и каледонцев были столь сходны во времена Оссиана, что они несомненно составляли первоначально один народ и происходили от галлов, владевших сперва южной Британией, а затем постепенно переселявшихся на север. Такое предположение куда правдоподобнее, нежели праздные домыслы невежественных сенатив, которые приводят каледонцев из каких-то дальних стран. Голословное утверждение Тацита (которое между прочим основывалось лишь на внешнем сходстве каледонцев с германцами его времени), хоть оно и поколебало некоторых ученых людей, все же недостаточно убедительно, для того чтобы мы поверили, будто древние обитатели северной Британии были германскими переселенцами. Обсуждение вопроса такого рода не лишено интереса, но едва ли принесет пользу. Такие отдаленные периоды настолько окутаны тьмою, что теперь мы не можем утверждать о них ничего определенного. Свет, проливаемый римскими авторами, слишком слаб, чтобы вести нас к истине сквозь мрак, их окружающий.

тенную душу его, словно луч на океан мрачно-бурный, когда озарит он, прорвавшись сквозь тучу, пенистый гребень волны.*

Поутру мы пробудили леса и устремились по следу косуль. Они легли у привычных своих потоков. Мы возвращались долиною Кроны. Из лесу юноша вышел со щитом и копьем без острия. «Откуда, — молвил Тоскар из Луты, — сей луч прилетел? Обитает ли мир в Кол-амоне вокруг Кольна-доны, прекрасной владычицы арф?»

«Близ многоводного Кол-амона, — молвил юноша, — Кольна-дона прекрасная прежде жила. Она там жила, но теперь ее путь в пустынях с королевским сыном, с тем, кто сердцем ее завладел, когда блуждало оно в чертоге».

«Чужеземный вестник, — молвил Тоскар, — приметил ли ты воителя путь? Он должен пасть, отдай мне щит твой горбатый». В гневе схватил он щит. Дивно вздымались пред ним перси девы, белые, словно лебеди грудь, плывущей по быстронесущимся волнам. То была Кольна-дона, владычица арф, дочь короля! Прошедшей ночью ее голубые глаза обратились на Тоскара, и любовь ее воспылала.

* Следующий далее эпизод полностью утрачен или, во всяком случае, передавался так неисправно, что его нельзя включить в поэму.

ДОПОЛНЕНИЯ

ОССИАН В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

И. И. Дмитриев

ЛЮБОВЬ И ДРУЖЕСТВО

Священно дружество! о коль твой силен глас!
 Под тяжким бременем недугов злых страдая,
 В унынии души отрад не ожидая,
 Уже я навсегда хотел забыть Парнас;
 Уже не строил больше лиру;
 Не воспевал на ней ни друга, ни Пленуру;
 Лишь только, на нее взирая, воздыхал
 И слезы из очей безмолвно проливал.
 Но днесь твои, мой друг, приятнейшие строки,
 Как будто животворны соки,
 Влияли жар и силу вновь
 В мою, уже хладевшу, кровь
 И к музе паки обратили,
 С которою меня дни мрачны разлучили.
 Покорствуя тебе, долг дружества плачу,
 Внемли: я петь стихи печальные хочу.

Божественным владевый даром,
 Бессмертный Оссиан, высокий сей певец,
 Дермида предал со Оскаром
 Потомству дружбы в образец.
 И в склонностях, и летах равны,
 Сии два друга были славны
 Согласием их душ и мужеством равно.
 Узнав их, всякий мнил, что сердце в них одно.
 В сражениях они друг друга защищали
 И вместе лавры пожинали.
 Примерной дружбы их узла
 И самая любовь расторгнуть не могла.
 Уллином в мир произведенна,
 Комала, красотой небесной одаренна,
 По смерти дней своих творца,

Который низложен Оскаровою рукою,
 Была назначена судьбою
 Пленить героев двух сердца.
 Уже они клянут тот день, который славой
 Их подвиг увенчал,
 Когда толь сильный враг от их меча упал;
 Уже, исполнены любовною отравой,
 Во славе счастья не зрят —
 Их счастье в любви: ее боготворят.
 Довольно ль за отца, Комала! ты отмстила?
 Но, ах! сим тень его лишь больше раздражила!
 Героев ты пленя, познала горший плен.
 Оскар, которым твой родитель умерщвлен, —
 Кто б мог вообразить? — Оскар тебе любезен!
 Вотще ты хочешь быть сама к себе строга,
 Вотще желаешь зреть в Оскаре ты врага!
 Увы! среди любви рассудок бесполезен! —
 «Оскар! — Дермид в слезах ко другу так вещал. —
 Оскар! кляни меня: я твой соперник стал —
 Комалу я люблю! . . Но ты пребудь спокоен;
 Ты счастлив в ней, я нет. . .
 Вкушай плоды любви, а я оставлю свет;
 Умру, слез дружества достоин!
 Мой друг! в последний раз ты мне послушен будь:
 Возьми свой меч и им пронзи несчастну грудь!» —
 «Что слышу? — рек Оскар, сугубо изумленный. —
 Ужель Дермид меня способным чае быть
 Кровь друга своего дражайшую пролить?
 Бывал ли таковой злой изверг во вселенной?
 Дермид! хотя ты мне совестник по любви,
 Но я лишь помню то, что ты мой друг: живи!» —
 «Мне жить? Ах, нет! мне век уж не прелестен.
 Рази меня, доколь невинен я и честен!
 Рази! . . Иль хочешь ты меня толь низким зреть,
 Чтоб выю я простер под недостойну руку,
 Дабы со срамом умереть?
 Оскар! не множь мою ты муку, —
 Дай смерть рукою своею, и верь мне, что она
 Пребудет для меня и для тебя славна». —
 «Дермид! ты требуешь. . . О, горестная доля! . .
 зри слезы. . . Что сказать? Твоя свершится воля. . .
 Но что! ужели ты с бесславием умрешь?
 Как агнец, выю сам под острие прострешь?
 Нет, смерть твоя должна быть смертию героя!
 Ступай, вооружись, назначим место боя!
 Сражен твоей рукою, безропотно паду
 Или, сразя тебя, сам путь к тебе найду».

Уже они текут на брег шумящей Бранны,
Где были столько крат победой увенчанны;
Остановляются, в слезах друг друга зрят,
Безмолвствуют; но, ах! сердца их говорят!

Объемлются — потом, мечами
Ударив во щиты, вступают в смертный бой.
Уже с обеих стран лиется кровь ручьями;
Уже забвен был друг — сражался лишь герой.
Но чувство дружества Оскара просвещает:
Оскар, вспомня то, что друга поражает,
Содрогнулся и свой умерил пылкий жар.
Дермид же, в смерти зря себе небесный дар,
Отчаян, яростен, опасность презирая,
Бросается на меч, колеблется, падет
И, руки хладные ко другу простирая,
С улыбкой на устах сей оставляет свет.

Оскар, отбросив меч, очам его ужасный,
Источник пролил слез и горько восстенал:
«Кого ты поразила рукой своей, несчастный? —

На труп взирая, он вещал. —

Се друг твой, се Дермид, тобою убиенный!
А ты, ты, кровию Дермида обогранный,
Еще остался жив? Оскару ль то снести?
Умри, злодей, умри! . . . Комала, ах! прости!»

С сим словом путь к своей возлюбленной направил,
Котору посреди смущения оставил.

С пришествием его она узрела свет.

«Но отчего Оскар толь медленно идет? —

Комала говорит. — Печально он взирает

И рук своих ко мне уже не простирает. . .

Вздыхает. . . Небеса! какой еще удар!

Дражайший мой! скажи, что сделалось с тобою?» —

«Комала! — рек Оскар. —

Внимай: тебе я стыд и грусть мою открою.

Известна ты, что я доднесь в метанье стрел

Подобного себе из воинов не зрел;

Стрела, которую рука моя пускала,

Всегда желаемая предмета достигала.

Но днесь — о стыд! о срам! о горька часть моя! —

Искусства я сего, сверх чаянья, лишился,

И славы блеск моей навек уже затмился!

Комала! видишь ли близ одного ручья

Надменный дуб, главу меж прочих возносящий,

И светлый оный щит, внизу его висящий?

Сей щит Гармуров был,

Которого мой меч дни славны прекратил.
 Кто б думал, чтоб рука, пославша смерть герою —
 О стыд! о вечный стыд! куда себя сокрою? —
 Пронзить в средину щит бессильно была!» —
 «Оскар! — с улыбкой дочь Уллинова рекла, —
 Утешься! Мой отец — прости, что я вздохнула;
 Хоть властвует любовь, природа не уснула —
 Дражайший мой отец в младенчестве моем
 Учил меня владеть стрелой и копием.
 Пойдем, любезный мой! Мне счастье вместо дара
 Пособит, может быть, загладить стыд Оскара».

Посем они спешат в уединенный лес,
 Где им назначен был рок лютой от небес.
 Достигши до него, Комала отступает,
 Останавливается и лук свой напрягает;
 А между тем Оскар скрывается за щит...
 Увы! летит стрела и в грудь его разит!
 «Благодарю тебя, — он рек, упав на землю, —
 Что от руки твоей, Комала, смерть приемлю!
 Достоин я сего: я друга пролил кровь.
 Закрой, дражайшая, закрой мои зеницы!
 Простись со мной и две гробницы
 Любовникам своим готовь!» —
 Вздохнул и кончил жизнь... Отчаянна Комала
 Недолго труп его слезами орошала:
 В Оскаре счастье, вселенну погубя,
 Возила острый меч немедленно в себя.

Три жертвы, бедственно любовью сраженны,
 По смерти стали быть навеки сопряженны.
 Чувствительны сердца их вместе погребли
 И кроткий памятник над ними вознесли,
 Который и поднесь в дубраве существует
 И их печальную кончину повествует.

Когда пресветлый Феб с лазуревых небес
 В полудни жаркие лучи распростирает
 И сладостный зефир во густоте деревьев,
 От зноя утомлен, едва не умирает,
 Невинны пастыри незлобивых овец
 Стекаются вкушать при гробе сем отраду,
 Где, вспомня жалостный почиющих конец,
 Лиют потоки слез, забыв идти ко стаду.

В. В. Каннист

КАРТОН

ПОЭМА, ТВОРЕНИЕ ДРЕВНЕГО КАЛЕДОНСКОГО БАРДА ОССИЯНА,
СЫНА ЦАРЯ ФИНГАЛА

События веков протекших!
Деяния минувших лет!
Воскресните в моих вы песнях.

Журчание твоих, о Лора! чистых струй
Прощедша времени мне память возвращает.

 Приятен слуху моему,

О Гермалат! твоей дубравы шум упылый.

 Не видишь ли, Малвина! ты

 Скалы, вереском осененной?

Три ели от ее низвесились чела;

У ног излучиста долина зеленеет.

 Там, нежну вознося главу,

 Красуется цветок душистый.

Уединенно там растет седый волчец

И белыми на ветр летящими власами

 Зеленый устилает луг.

Два камня, вросшие до половины в землю,

 Подъемлют мшистые главы.

Пужливая оттоль в ночи уходит серна:

 Она там призрак бледный зрит,

Священное сие всегда стрегущий место. —

 Два славны войны, Малвина!

 Лежат в ущельи сей скалы.

События веков протекших,

Деяния минувших лет!

Воскресните в моих вы песнях.

Кто сей, грядущий к нам из дальных чуждых стран

 Среди своей несметной рати?

Морвенски знамена предшествуют ему;

В густых его кудрях играет легкий ветр;

Спокойный вид его войной не угрожает:

 Он тих, как луч вечерний,

Сквозь тонки западны светящий облака

 На злачную долину Коны.

Но кто, как не Фингал, Комгалов храбрый сын,

 Владыка подвигами славный?

Он радостно холмы отечественны зрит

И тысяще велит воскликнуть голосам:

«Народы дальняя страны!
 На ратном вы кровавом поле
 Фингалом в бег обращены.
 Седящий на златом престоле
 Владыка мира слышит весть
 О гибели несметных воев:
 В очах его пылает месть.
 Ко сонму избранных героев
 Стремя укорну, грозну речь,
 Хватает он отцовский меч,
 Лежащий на златом престоле.
 Народы дальняя страны!
 На ратном вы кровавом поле
 Фингалом в бег обращены».

Так бардов сонм воспел, входя в чертоги Селмы:
 Несметно множество светильников драгих,
 Отгытых у врага, средь сонма возжигают.

Готовится огромный пир,
 И ночь в весельи протекает.

«Но где же Клесамор? — спросил Фингал державный, —
 Где Морны верный брат, в день радости моей?

Уныл, уединен,

Он дни свои влачит в долине шумной Лоры. —
 Но се я зрю его: он с холма к нам нисходит,

Подобен быстрому коню,

Гордящемусь своей и силой и красотой,

Когда по шуму легка ветра

Товарищей своих он слышит издали,

И бурно на скаку

Блестящу возмечает гриву. —

Да здравствует наш друг, могущий Клесамор!
 Почто так долго ты отсутствовал из Селмы?» —

«Итак, — вождь Лоры отвечал, —

Морвена царь течет со славой!

Так в юности своей Комгал

Торжествовал в войне кровавой.

Чрез ток Карунский наводнен,

В страну противных нам племен,

Со мной он часто преносился:

В войне наш острый меч стократ

Багрился кровью супостат,

И мира царь не веселился. —

Но почто воспоминаю

Времена сражений наших?

Уж глава моя дрожаща

Сединою осребрилась;

Дряхлая рука отвыкла
Напрягать мой лук упругий,
И уж легкое насилу
Я копьё подьемлю ныне.
О когда бы возвратилась
Радость, дух мой ожививша,
При любезном первом взгляде
На прекрасную Моину,
Белогруду, светлооку,
Нежну чужеземну дщерь!» —
«Повеждь нам, — царь вещал Морвена, —
Печали юности твоей. —
Уныние, как тьма сгущенна,
Сокрывша дневных блеск лучей,
Мрачит днесь душу Клесамора,
На бреге, где шумяща Лора
Течет извившись средь полей
И предки где твои витали,
Повеждь нам скорби юных дней
И жизни твоя печали». —

«В мирно время, — отвечает Клесамор ему, —
Ко балкнутским плыл стенам я белокаменным.
Ветр попутный, раздувая паруса мои,
Внес корабль мой во спокойну пристань Клутскую.
Три дни тамо Рейтамир нас угощал в пирах;
Там царя сего я видел дочь прекрасную.
Медочерпна чаша пиршеств обходила вокруг,
И Моину черноброву мне вручил отец.
Грудь сей девы пене шумных волн подобилась;
Взоры пламенны ровнялись с блеском ясных звезд,
Мяжки кудри с чернотою перьев ворона.
Страстью мне она платила за любовь мою,
И в восторгах мое сердце заливалось.
Но внезапно к нам приходит иностранный вождь,
Восхищенный уж издавна ее прелестьми.
Ежечасно речь строптиву обращал он к нам.
Часто в полы извлекая свой булатный меч,
„Где, — гласил он, — где Комгал днесь пресмыкается?
Сей могущий, храбрый витязь, вождь ночных бродяг.
Знать, стремится он к Балклуте с своим воинством,
Что так гордо поднимает Клесамор чело“. —
„Знай, о воин! — вопреки я отвечал ему, —
Что мой дух своим лишь жаром вспламеняется:
Хоть от храбрыя дружины удален теперь,
Но без страха и средь тмы врагов беседую.
Велеречишь ты, заставши одного мея;

Но мой острый при бедре меч сотрясается:
 Он стремится возблистать теперь в руке моей.
 Замолчи же о Комгале, мрачный Клуത്യ сын! —
 Воскипела буйна гордость — мы сразились;
 Но он пал моей десницей. Брани громкий звук
 Лишь раздался на вершинах тока клутского,
 Копей тысячи блеснули супротив меня.
 Я сражался — сопостаты одолели нас.
 Я пустился на шумящи волны клутские;
 Над зыбями забелелись паруса мои,
 И корабль мой рассекал уж море синее.

К берегу притекает скорбная Моина;
 Взор ее прелестный слезы орошали;
 Ветры раздували косы распущенны.
 Вопль ее унылый издали я слышал;
 В горести старался возвратиться к берегу;
 Но восточны ветры, паруса раздравши,
 Унесли корабль мой в бездну океана.
 С той поры злосчастной я не видел боле
 Ни потока клутска, ни драгой Моины.
 Во стенах Балклуты жизнь она скончала.
 Тень ее воздушну я несчастный видел,
 Как она во мраке тишины полнощной
 Вдоль шумящей Лоры близ меня неслася.
 Вид ее печальный был луе подобен,
 Сквозь несомы бурей облака смотрящей;
 В ночь, когда нам небо сыплет снег пушистый
 И земля безмолвна, в мраке почивает». —

«Пойте, барды! — рек Фингал. —
 Пойте, в песнях возносите
 Блеск Моининых красот;
 Чрез пространство шумных вод
 Легку тень ее зовите.
 Пусть она на сих берегах
 С сонмами красавиц нежных,
 Живших средь героев прежних
 В славных древности веках,
 Пусть на светлых, безмятежных,
 Здесь почиет облаках.
 Пойте, барды! возносите
 Блеск Моининых красот;
 Чрез пространство шумных вод
 Легку тень ее зовите.

Я видел сам огромные балклутские башни;
 Но пусты уж, оставлены их теремы были.

Пожрал огонь с оградой высокие кровы.
Народа глас не слышался, и стремленье Клуты
С стези своей свратилось твердых стен паденьем.
Седый волчец сребристую там главу возносит,
И мох густой колеблется дыханием ветра,
Из окон лишь пустынные выглядывают звери,
Сквозь мрачный лист в развалинах разросшегося терна.
Уж пусты днесь прекрасные чертоги Мойны,
Вселилось безмолвие в дому ее предков. —
Возвысим песнь уныния, воздохнув, оплачем
Страну иноплеменную, опустевшу ныне:
Единым лишь мгновением она пала прежде;
И нам, уже стареющим, скоро пасть приходит.
Почто ж, о сын крылатых дней, почто зиздесть башни?
Сегодня ты любиешься с теремов высоких,
А завтра, вдруг налетевши, пустынные ветры
В разваленных сенях твоих засвистят, завоют
Вокруг полустлешшего щита славных предков.

Но бурный ветер пускай ревет;
Дней наших славы не убудет:
В полях сражений ввек пребудет
Десниц победоносных след,
А в песнях бардов слава наша.
Возвысьте громкой арфы глас;
Да вокруг обходит празднеств чаша,
И радость да живет средь нас.

Когда, о царь златых лучей!
И твой свет некогда увянет;
Коль некогда тебя не станет,
Гордящееся светило дней!
Коль временно твое блистанье,
Как жизни преходящей цвет:
То славы нашей сиянье
Лучи твои переживет».

Так пел Фингал в своем восторге;
И бардов тысяча вокруг,
Склонившись на своих престолах,
Внимали голосу его.
Он сладок был, как звуки арфы,
Весенним ветром приносимы.
Любезны были, о Фингал!
И пение твое и мысли.
Почто я не возмог наследить
Прияств и сил твоей души?

Но ты в героях беспримерен;
Сравниться кто возмог с тобой?

Всю ночь пропели мы, и утро
В веселии застало нас.
Уж гор седых главы вносилися верх туч;
Уже приятно открывалось
Лазурное лице морей;
И се, поднявшись, белы волны
Вращаются вокруг скалы сей отдаленной.
Из моря медленно подымлетя туман,
Приемлет старца вид
И вдоль безмолвныя долины сей несется.
Не движутся огромны члены
Призрака страшного сего,
Но нека тень его несет поверх холмов;
Остановясь над кровом Селмы,
Разлился он дождем кровавым.

Один Фингал лишь зрел ужасный призрак сей;
Тогда ж он предузнал своих героев смерть.
Безмолвен, возвратясь он в свой чертог огромный,
Снимает со стены тяжелое копьё,
И уж звучит броня на раменах его.
Вокруг его встают все витязи Морвена,
Друг на друга они в безмолвии глядят,
И на Фингала все свой обращают взор.
Они в чертах его зрят яростны угрозы
И гибель сопостат в движении копья.
Вдруг тысяча щитов покрыли перси их,
И тысяча мечей булатных обнаженны,
Чертоги осветя, сверкают уж в руках.
Раздался в воздухе оружий бранных гром,
Недвижны ловчих псы ужасный вой подымлют.
Безмолвно все вожди теснятся вкруг царя:
Всяк, взоры устремя на грозный взор Фингала,
Наносит на копьё нетрепетную длань.

«Морвенские сыны! — так царь вещал к дружине, —
Не время пиршеством нам прохлаждаться ныне,
Се туча брани к нам, как бурный вихрь летит,
И с нею алчна смерть над сей страной парит,
Я видел некую тень дружнюю; Фингала
О битве предварить она сей день предстала.
К нам вражья сильна рать несется на судах.
Из волн вознесшихся я зрел неложный знак,
Морвенским берегам опасностью грозящий.

Да препояшет всяк меч, смерть врагам носящий,
Десницы копыями, друзья, вооружив
И предков шлемами чела приосенив,
Да все покроются железными бронями
И ополчатся в бой пред нашими холмами.
Се буря брани к нам летит; и с сей варей
Глас смерти лютыя услышим над главой».

Фингал перед челом неустрашимой рати
Течет как некий страшный вихрь,
Летящий пред грядой молниеносных туч,
Когда они, на мрачном небе
Простершись, пловцам предвозвещают бурю.
На злачный Коны холм восшедши, стала рать.
Морвена дщери зрят ее из низких долов,
Подобную густой дубраве.
Они предвидели младых героев смерть;
Взирали с ужасом на море;
Белеющимися волнами
Тревожились они,
Приемля их за отдаленны
Ветрила чуждых кораблей,
И токи слезные лились по их ланитам. —
Восшедшу солнцу над волнами,
Вдали узрели мы суда.
Как моря синего туман,
Приблизились они и бранноносных воев
На берег извергают.
Меж ими виден был их вождь,
Подобно как елень в середине стада серн.
Весь щит насечен златом.
Бесстрашно шествовал он к Селме;
За ним его могуща рать.
«Улин! — так рек Фингал, — навстречу чужеземцу
Теки и предложи во мирных словесах,
Что страшны мы на ратном поле;
Что многочисленны врагов здесь наших тени;
Что чужды витязи на пиршествах моих
Осыпаны честыми и в отдаленных царствах
Оружие моих великих кажут предков:
Иноплеменники дивясь благословят
Морвенowych друзей: зане слух нашей славы
Наполнил целый мир, и даже в их чертогах
Мы потрясли владык земли».

Улин отшел. Фингал, склонившись на копье,
Броней покрыт, взирал на грозна супостата,
И тако размышлял о нем:

«О как ты сановит и красен,
О сын лазуревых морей!
Твой меч — как огненосный луч;
Копье твое — высока сосна,
Пренебрегающая бурю;
Твой щит — как полная луна;
Румяно юное лице,
И мягки вьющиеся кудри.

Но может быть герой падет;
И память с ним его увянет.
Млада вдова на волны взглянет,
И токи теплых слез прольет.
Ей дети скажут: „Лодка мчится;
Конечно, к нам несут моря
Корабль балкнутского царя“.
Она вздохнет, и сокрушится
О юном витязе драгом,
Что спит в Морвене вечным сном».

Так Селмы царь вещал, когда певец морвенский
Улин приблизился к могущему Картону.

Он перед ним поверг копьё,
И миру возглашает песнь:

«О чадо моря отдаленна!
Прийди на пиршестве воссесть
Царя холмистого Морвена
Или спеши копьё вознести.
В весельи дружелюбна пира
Вкушаючи с ним чашу мира
Приемлют знамениту честь:
На славу в их домах хранятся
Оружия сих стран царей;
Народы дальны им дивятся
И чтят Фингаловых друзей.
Зане мы с предков славны были;
Все облака, весь воздух сей
Теньми противных населили
И гордого царя земли
В его чертогах потрясли.
Вгляни ты на поля зелены,
Могилы камни зри на них,
Из недр возникшие земных,
Травой и мохом покровенны:
Все гробы наших то врагов,
Чад моря и чужих берегов».

ОССИАНЪ

Оссиан

Литография Н. И. Тончи (1839)

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Песнь Гольмы

Рисунок В. В. Васнецова (1912)
Государственный русский музей

«Велеречивый мирный бард! — ему возразил Картон, —
 Иль мечтаешь ты разглагольствовать с слабым воином?
 Ты приметил ли на лице моем бледный страха знак?
 Иля надеешься, вспоминая мне гибель ратников,
 Смерти ужасом возмутить мою душу робкую?
 Но в сражениях многочисленных отличился я;
 И в далекие царства слух о мне простирается.
 Не грози ты мне; и не здесь ищи робких, слабых душ,
 Чтоб совет им дать пред царем твоим покорится.
 Я падение зрел балкнутских стен; так могу ль воссесть
 В мирном пиршестве сына лютого того воина,
 Чьей десницею устлан пепелом дом отцов моих?
 Я младенцем был и не знал, о чем девы плакали;
 С удовольствием клубы дыма зрел, восстающие
 Из твердынь моих, и с веселием озираясь,
 Зрел друзей моих, убегающих по вершинам гор.
 Но младенчеству протекающую, как увидел я.
 Мох, густеющий на развалинах наших гордых стен,
 При восхождении утра слышался мой унылый вздох,
 И в тени ночной токи слез моих проливались.
 Не сражуся ли, я вещал друзьям, с вражьим племенем?
 Так, о мирный бард! и сражуся с ним; отомщу ему.
 Пламень мужества днесь в душе моей возгорается».

Вокруг Картона рать стеснилась;
 Все извлекают вдруг сверкаючи мечи.
 Как огнен столп, среди их стоит их сильный вождь,
 В очах его блестит слеза;
 На память он привел падение Балклуты;
 Но вдруг скопившеесь в душе негодованье
 Воспламенило гнев его.
 Он яростны кидает взоры
 На холм, где наша сильна рать
 Во всеоружии блистала,
 И наклонившись вперед,
 Казалось, угрожал Фингалу.

«Итти ли мне, — так царь Морвена размышлял, —
 Итти ли мне против героя?
 Препнуть ли шаг его, пока еще среди боя
 Себя он славой не венчал?
 Но бард веков текущих,
 Зря гроб его, речет: „Фингал
 Тму витязей могущих
 Был должен ополчить,
 Дабы победой бой решить“.
 Никак, о бард веков грядущих!

Ты славы не затмишь моей:
 Пусть юный витязь сей
 С моими витязьми сразится.
 Я буду зреть их бой; когда же судит рок,
 Что враг победой отличится,
 Тогда, как быстрый Конь ток,
 Фингал на битву устремится. —
 Кто хочет из вождей против Картона стать? —
 Воскликнул царь Морвена. —
 Героя копье, как сосна вознесена,
 А на берегах несчетна рать».

Стремится в бой Катул, могущий сын Лормара,
 И триста воев соплеменных
 Последуют его стопам.
 Но длань его слаба в сражении с Картоном:
 Он пал; рать в бег обращена. —
 Коннал возобновляет битву;
 Но преломил копье и в узы заключен,
 Картон преследует его бегущих воев.
 «О Клесамор! — вещает царь, —
 Где сильные руки копье?
 Без гнева можешь ли во узах зреть Коннала,
 На Лорском берегу с тобой живуща друга?
 Восстани во броне блестящей,
 Сподвижник моего отца!
 Да ощутит балкнутский витязь
 Морвенских мужество сынов».

Сотрясая грозно кудри, Клесамор в броне восстал
 И, щитом своим покрывшись, гордо на врага идет.
 Юный воин, на скале сей, терном покровенной, став,
 Созерцает величаву поступь витязя сего.
 Он любит, весельем грозным старцева лица
 И той силой, что сберег он под мастистой сединой.
 «Устремить ли мне противу старца, — рек он сам себе, —
 Необыкшее двукратно наносить удар копье
 Или старость пощадити, мирны предложа слова?
 Сановит и вид и поступь, стан его еще не дряхл.
 Естьли то супруг Моины, естьли то родитель мой?
 Часто слышал я, что шумный брег он Лоры обитал.
 Так он рек. — И Клесамор уж сильное копье стремится.
 На щите своем недвижимом сей удар сдержал Картон.
 «Умаченный сединами витязь! — он вещал ему, —
 Иль ты сына не имеешь, кой бы твердым мог щитом
 Своего отца покрывши, ратовать против меня?
 Нежная твоя супруга света дневного не зрит,
 Иль рыдает над гробницей чад возлюбленных своих?»

Средь царей ли восседаешь? Много ль славы будет мне,
 Естьли ты моею рукою в ратном подвиге падешь?» —
 «Будет слава знаменита, — отвечает Клесамор, —
 Отличился я в сраженьях, но о имени моем
 Век в бою я не поведал. — Сдайся, сдайся, и тогда
 Ты узнаешь, что на многих битвах след прославлен мой». —
 «Не сдавался никому я, — гордый возразил Картон, —
 Сам я также на множайших бранях поразил врагов,
 И впреди еще, я чаю, больша слава ждет меня.
 Юных лет моих и силы, старец! ты не презирай;
 Верь, крепка моя десница, твердо и копье мое.
 Уклонися с поля брани к сонму ты друзей своих
 И оставь сражение младшим витязям Морвенских стран». —
 «Ты презрел меня напрасно, — отвечает Клесамор,
 Уроня слезу едину, — старость не трясет руки.
 Я могу еще взнести острый славных предков меч.
 Мне ль бежать в глазах Фингала, друга столь любезна мне?
 Нет, о воин! с поля брани в жизни я не утекал.
 Возноси копье дебело, стой и защищай себя».
 Оба витязя сразились, как две бури на волнах,
 Спорящи о царстве моря. Юный воин воспрещал
 Сильному копью разити старца, ратующа с ним;
 Все в враге своем Моины зреть супруга он мечтал.
 Он копье его ломает, острый исторгает меч
 И, схватя, уже стремится узами отяготить;
 Но тут предков нож извлекши, зря открытый бок врага,
 Клесамор внезапно раной смертною разит его.

Фингал, зря падша Клесамора,
 Стремится, возгремев броней.
 В присутствии его безмолвна стала рать.
 Все взоры на царя вперились.
 Звук шествия его подобен шуму был,
 Предшествующу грозной буре:
 Смуглившийся ловец внимает и спешит
 В ущелии скалы сокрыться.

Картон нетрепетным лицом Фингала ждет.
 Из ребр его стремится кровь.
 Он зрит идущего героя,
 И лестная надежда славы
 Бодрит великий дух его.
 Но побледнели уж румяные ланиты;
 Густые кудри распустились;
 На голове трепещет шлем;
 Телесные его изнемогают силы;
 Но не теряла сил душа.

Фингал зрит кровь сего героя,
 И занесенное останова копье,
 «Смирися, царь мечей! — вещает он ему. —
 Я вижу кровь твою. Ты силен был в сраженьи,
 И славы блеск твоей не истребится ввек». —

«Не ты ль владыка тот могущий, —
 В ответ ему вещал Картон, —
 Тот огонь, перун тот, смерть несущий,
 Царя земли потрясший трон? —
 Но кто, но кто в том усумнится?
 Подобен гор потоку он,
 Что с ревом в низкий дол катится,
 И роет твердую скалу;
 Подобен быстрому орлу,
 Что дерзко к облакам стремится. —
 Увы! почто ж не дал мне рок
 Вознесть копье против Фингала?
 Как быстрый сей горы поток,
 Моя бы слава протекала;
 И в песнях бардов незабвен
 Я б был средь будущих племен;
 Ловец бы, зря мою могилу,
 Сказал: „Сражен Фингалом он“.
 Но, ах! безвестен пал Картон:
 Над слабым истошил он силу».

«Нет, нет, — Фингал герою рек, —
 Ты славой не умрешь вовек.
 Деянья витязей поющи
 Несчетны барды стран моих,
 Прейдет чрез них в века грядущи
 Молва о подвигах твоих,
 Когда близ дуба воспаленна
 Всю ночь они, сидя в кругу,
 Вождя петь будут незабвенна. —
 Ловец, лежащий на лугу,
 У холма, мохом покровенна,
 Свистанье слыша ветерка,
 Прострет свой взор и сдалека
 Увидит камнями покрыты
 Места сражений знамениты,
 Места, где ратовал Картон.
 Тут к сыну обратится он,
 Кровавых поле битв укажет;
 „Смотри, мой сын! — ему он скажет, —
 Там, аки ток с горы крутой,
 На брань балкнутский шел герой“». —

Радость процвела на лице Картона.
Томные глаза он к Фингалу взводит;
И вручает меч бранноносной длани:
Хочет, да висит в царском <он> чертоге;
Да хранится ввек на берегах Морвена
Память храбрых дел витязя балкклутска.
Брань перестает; барды мир воспели;
Рать стеснилась вся около Картона.
На конья вожди в горести склонились,
Воле и словам внять его последним:

«Я исчез, о царь Морвена!
Средь цветущих дней и славы.
Чуждья страны гробница
Восприемлет днесь остаток
Древня рода Рейтамира,
Горесть царствует в Балкклуте;
Скорби осеняют Ратмо.
Воскреси ж мою ты память
На берегах шумящей Лоры,
Где мои витали предки.
Может быть, супруг Мойны
Там оплачет гроб Картона».

Речь сия пронзила сердце Клесамора:
Слова не промолвив, он упал на сына.
Мрачно и безмолвно войско вокруг стояло.
Ночь пришла; багрова вверх луна восшедши,
Лишь лучом кровавым поле освещала.
Рать не шевелилась, как густа дубрава,
Коей верх спокойный дремлет над Гормалом;
В ночь, когда умолкнут ветры и долину
Темным покрывалом омрачает осень.
Три дни по Картоне мы струили слезы;
На четвертый вечер Клесамор скончался.
Оба почивают, милая Малвина!
В злачной сей долине близ скалы кремнистой
Бледно привиденье гроб их охраняет.
Там, когда луч солнца на скалу ударит,
Часто ловчий видит нежную Мойну.
Там ее мы видим; но она, Малвина!
Не подобна нашим девам красотою;
И ее одежды сохраняют странность.
Все она уныла и уединенна.

Сам Фингал слезами гроб почтил Картона.
Повелел он бардам праздновать всегодно

В первые дни осени день его кончины.
 Барды не забыли повеленья царска,
 И хвалу Картона часто воспевали:

«Кто тако грозен восстает
 Из океана разъяренна;
 И на утесист брег Морвена,
 Как буря осени, течет?
 В его деснице смерть зияет;
 Сверкает пламень из очей;
 Как скимн,¹ он берег протекает.
 Картон то, сильный царь мечей.
 Враги пред ним падут рядами;
 Гоя их, быстрыми шагами
 На ратном поле он летит,
 По трупам низложенных воев,
 Как нека грозна тень героев.
 Но там он на скале лежит,
 Сей дуб, до облак вознесенный,
 Стремленьем бури низложенный.
 Когда восстанешь ты, Картон!
 Когда сквозь мрак твоей гробницы
 Проникнет светлый луч денницы
 И крепкий твой разгонит сон?
 Из океана разъяренна
 Кто тако грозен восстает
 И на утесист брег Морвена
 Как буря осени течет?»

Так пели барды в дни печали;
 С их сладким пением я глас мой съединял,
 Душевно сетовал о смерти я Картона:
 В цвету он юности и сил своих погиб.
 А ты, о Клесамор! где ныне
 Над сей витаешь стороной?
 Снискал ли ты днесь друга в сыне?
 Забыл он рану, смертный бой?
 На голубой небес равнине
 Летает ли теперь с тобой?

Но солнечны лучи я ощутил, Малвина!
 Оставь меня; да опочию.
 Во сновиденьи, может быть,
 Предстанут мне сии герои.
 Уже мне кажется, я слышу некий глас.
 Картонову гробницу солнце
 Привыкло освещать;
 Я теплотой его согрюсь.

О ты, катящееся над нами,
Как круглый щит отцов моих!
Отколе вечными струями,
О Солнце! блеск лучей твоих
Через праг востока истекает?
Где дремлешь ты во тме noctной
И утро где воспламеняет
Светильник несгорающ твой?

Ты шествуешь в твоей прелестной
И величавой красоте:
Усеявшие свод небесной
Сокрылись звезды в высоте.
Холодная луна бледнеет
И тонет в западных волнах;
Ты шествуешь одно: кто смеет
С тобою течь на небесах?

Дубы вихрь бурный низвергает,
И гор слякается² хребет;
Поднявшись, море упадает;
Луна теряет срочный свет;
Красот твоих не изменяешь,
Светильник дня! лишь ты един;
Ликуя, путь свой протекаешь,
Небес могущий исполин!

Когда полдневный свет мрачится
И тучи молния сечет,
Когда за громом гром катится
И твердо ось земли трясет,
Из грозных облак возникаешь
Ты, мир даруя небесам;
Дыханье ветров запрещаешь;
Смеешься буре и громам.

Но, ах! вотще для Оссияна
Сияют днесь твои красы:
Всходя из синя океана,
Златые стелешь ли власы
По светлым облакам летящим,
Коснешься ль западных зыбей,
Ложася в понт, лучом дрожащим;
Не зрит он красоты твоей.

Но, может быть, времен влеченью
Как нас тебя подвергнув рок,
На небе быстрому теченью
Лучей твоих назначил срок;

И может статья, в тучах бурных
 Почивши сном в последний раз,
 Забудешь путь небес лазурных
 И утра не услышишь глас.

Ликуй же, пламенно светило!
 Ликуй днесь в красоте твоей.
 Дни старости текут уныло:
 Луне они подобны сей,
 Смотрящей сквозь раздранны тучи,
 Когда над холмом мгла лежит,
 И странник, вшедши в лес дремучий,
 От стужи на пути дрожит.

1790-е гг.

В. Л. Пушкин

ОТРЫВОК ИЗ ОССИАНА

КОЛМА

Се ночь! . . и я одна оставлена на холме!
 Куда укрыться мне от бури, от дождя?
 На каменных горах шум ветров раздается!
 Потоки мчатся в дол. . . Куда укрыться мне?
 Явись, луна, скорей, и вы, ночные звезды!
 Явитесь, к милому откройте Колме путь!
 Пусть я туда пойду, где ловлей утомленный
 Покоится теперь Сальгар, любезный мой!
 Но ах! нет помощи. — Здесь на утесах страшных
 Скитаюсь я одна и горьки слезы лью.
 Шум быстрых реки, шум ветров грозных, бурных
 Мешает слышать глас драгого моего!
 Сальгар! ты обещал увидеться со мною,
 Когда наступит почь: почто же медлишь ты?
 Се каменна гора, се мрачные пещеры,
 Где Колме повелел себя ты ожидать!
 Почто же медлишь ты? — Приди, приди скорее,
 Друг сердца моего, в объятия мои!
 От гордого отца и брата удалимся;
 Они враги тебе, но я. . . тебя люблю!
 Умолкни, бурный ветер! умолкни ты на время;
 Умолкни быстрая, шумящая река!
 Пусть бедной Колмы здесь стенанье раздается,

И милый странник пусть услышит голос мой!
 Сальгар, зову тебя! — Се мрачные пещеры,
 Се каменина гора! — Почто же медлишь ты?
 Луна печальная уж осребряет воды,
 А ты еще нейдешь к возлюбленной своей!

.
 Но кто лежит в кустах? — Что вижу я, злосчастна?
 Отчаянье и страх объемлют весь мой дух!
 Не мой ли здесь Сальгар? Не мой ли брат любезный? —
 Но поздно я пришла, и мертвы уж они!
 Их острые мечи все кровью обагрены,
 И трупы хладные не отвечают мне!
 О брат мой! о Сальгар! почто я вас лишилась?
 Где слава днесь твоя, гремевший на войне?
 Где прелести твои, прекраснейший на холме?
 Безмолвствуют. — Увы! безмолвье вечно их!
 Вещайте вы теперь с вершины гор ужасных,
 Вещайте духи их! Приятен мне ваш глас.
 Где вы поконитесь? .. Где я найду умерших?
 Но нет — ответа нет! — Он бурей заглушен.

.
 Се утро я в слезах и горести встречаю!
 Ах! Рыть могилу здесь уж шествуют друзья!
 Пойдите, милые! не зарывайте гроба,
 Пойдите, и меня умершие зовут!
 Там с ними в мраке я покоиться желаю;
 И темна ночь когда на холм сюда сойдет,
 И на горах когда завоет ветер унылый,
 В шумящем ветре дух носиться будет мой;
 Услышит стон его ловец и устрашится!
 Услышит! .. и слезу чувствительну прольет.
 Стон мой, о милые! приятен будет, сладок:
 Он всюду возвестит, как я любила вас!

1795

П. С. Кайсаров

К ЛУНЕ

ОТРЫВОК ИЗ ОССНАНА

Небесна дщерь! коль ты прекрасна!
 Приятен твой безмолвный зрак,
 Когда из синя океана

Ты, разогнав вечерний мрак,
 Идешь к звездам нетерпеливым;
 Багровы ребра облаков
 Тобой посребрены блистают.
 Дерзну ли я когда сравнить
 Кого-нибудь со дочерью ночи?
 Воззрит — и тьма блестящих звезд,
 Стыдяся, взоры отвращают.
 Когда тебя покроет мрак,
 Луна! куда ты путь склоняешь?
 Ужели скорбь есть часть твоя?
 Ужель, подобно Оссиану,
 Идешь во мрачность тосковать
 О милой скрывшейся подруге?
 Иль те упали, что с тобой
 Порой ночью забавлялись? —
 Конечно так, прелестный свет!
 И с неба часто удаляясь,
 Ты их оплакиваешь смерть.
 И ты, дорогу голубую
 Забывши, некогда падешь!
 Померкши звезды возблистают —
 Восторжествуют над тобой!

1797

М. М. Вышеславцев

МИНВАНА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ ОССИАНОВОЙ

Оссиан представляет Минвану на утесе; она видит флот Фингалов, идущий из Ирландии.

Минвана в горести, в унынии, в разлуке,
 С утесистой горы глядит на бездну вод.
 Героев зрит вдали. Плывут, спешат герои.
 Блестят оружия. Белеют шлемы их.
 «Где Рино?» — вопиет и вопрошает дева.

Героев мрачен взор. Немая скорбь гласит,
 Что юноша убит, что Рино нет на свете,
 Что тень любезного сокрылась в облаках,
 Что слышен глас его в дыхании зефира
 На холме, на горе, покрытой муравой.

«Увы! Фингалов сын лежит в долине браней.
Рука сильнейшая повергла в гроб его.
Осталась я одна. Осталась ненадолго.
Как страшно вост ветр, вздымает мне власы!
Недолго слышать вой, недолго выть мне с ветром.
О друг души моей! не вижу я тебя.
Пейдешь ко мне, пейдешь, от ловли утомленный —
Не вижу прелестей и красоты твоей.
Мрак ночи облежит любезного Минваны.
Безмолвие живет теперь навски с ним.

Где верные твои хранители и стражи?
Где лук твой, юноша? где крепкий твердый щит?
Где острый меч, огню небесному подобный?
Где копье твое, обмытое в крови?

Я зрю оружия твои, герой любезный!
Покрыты кровию повержены лежат.
Не положили их с тобой во мрачном гробе.
Когда заря взойдет и возвестит тебе:
„Восстань, герой! восстань! Ловцы уже в долине;
Елень бежит вблизи жилища твоего“.
Денница светлая! кому ты возвещаешь?
Любезный Рино спит. Не слышит гласа он.
Елени прыгают, играют на могиле.
Увы! смерть лютая похитила его.
Но я без трепета явлюсь тебе, о Рино!
И лягу в тишине на ложе близ тебя.
Подруги юные пойдут искать Минвану,
Минваны не найдут. — Последуют за мной,
И песни нежные в долине раздадутся.
Они везде пойдут <вослед> стопам моим.
Но не услышу я согласных ваших песней —
Подруги милые! простите навсегда!
Иду покоиться, усну во гробе друга».

А. П. Бенитцкий

КОМАЛА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ ОССИАНА

Действующие лица:

Фингал — государь Морвенский.
 Комала — его любовница.
 Гидаллан — полководец Фингалов.
 Деагрена — } Комалины наперсницы.
 Мелилькама — }
 Барды.
 Войнство Фингалово.

Комала, дочь мннсторского государя, по любви своей к Фингалу переодевается в мужское платье. — Гидаллан, коего любовь она пред сим отвергла, узнает ее. — В это время извещается Фингал о набеге Каракула. — Он идет против его, оставя Комалу на холме до своего возвращения. — Фингал побеждает неприятеля и с известием о победе посылает к ней Гидаллана: отсюда начинается действие, происходящее на берегах Кроны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Деагрена, Мелилькама и потом в некотором отдалении Комала

Деагрена

Ловитва кончилась! — единый
 Журчащих слышу шум ручьев; —
 Гряди ко мне на злак долины,
 Сестра возлюбленна, с берегов
 Быстрокатящихся Кроны.
 Оставь колчан и лук тугой,
 Да арфы твоя звук стройный
 Прольется в темноте нощной;
 Да по холмам уединенным
 Гул песней наших возгремит.

Мелилькама

Угрюма ночь покровом темным
 Полей зеленых кроет вид.
 Младая серна возлежала
 На берегу реки крутом:
 В тьме нощи я ее прияла
 За некий малый мшистый холм;
 Но вдруг как вихрь она пустилась
 И скрылась в гущину лесов,

Воздушна легка тень носилась
Между ветвей ее рогов,
И призраки зловещи главы
На край склоняли облаков.

Дезагрена

Увы! знать пал на поле славы
Могущественный царь щитов!
Знать Каракул поверг Фингала! —
Оставь кремнистый свой утес,
Дщерь Сарна, нежная Комала!
Сойди! пролей источник слез:
Уж тень его окровавлена
На наших носится холмах.

Мелилькама

Возри, печалию стесненна
Комала сетует в слезах.
Два серых пса лежат пред нею,
Искусные в ловитве серн,
И, протянув космату шею,
Дыханием колеблют дерн. —
Глава ее на длань склонилась,
Померк румянец на щеках,
Грудь белоснежна обнажилась
И ветер играет в волосах.
Ее слезящи, томны очи
Обращены к долине той,
Отколь пред наступленьем ночи
К ней обещал прийти герой. —
Но, ах! се мрак вокруг нас сгустился,
Чернеют горные хребты. . .
Фингал, Фингал! где ты сокрылся?
Герой бестрепетный, где ты?

Комала

Почто, Каррон быстротекущий,
Почто стремишь кровавый ток?
Иль гром войны, беды несущий,
Достичь берегов твоих возмог?
Или почил герой Морвена
Средь диких дебрей и пещер? —
Луна! царица звезд священна!
Небес величественна дщерь!
Излей сребристый свет рекою
Сквозь темны тучи над землей,
Да зрю доспехи пред собою

Любезного души моей. —
 Иль пусть свет призраков багровый,
 Носящихся на облаках,
 И озаряющий те гробы,
 Где предков наших тлеет прах,
 Где вечным сном спят чада персти —
 Пусть грозна тень сия летит,
 Предыдет мне на поле смерти
 И труп героя осветит. . .
 Ужель сыны морвенски пали? —
 Ах, кто Комалу, кто спасет
 От скорбей лютыя печали,
 Когда ее Фингала нет! —
 Так мне не зреть вождя героев?
 Не зреть владыки сих берегов,
 Блиставшего средь ратных строев,
 Как средь дождливых облаков
 Блистает солнечный луч ранний,
 Текущий возвещая день?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Комала, Дезагрена, Мелилькома и Гидаллан

Гидаллан

Нощные, мрачные туманы!
 Сокройте звероловца тень.
 Восстани, бурный ветер, восстани,
 И стоп его следы завей,
 Да мысль о друге, падшем в брани,
 Изгладится в душе моей. —
 Полки его, сражаясь, пали —
 Его изрублен крепкий щит. . .
 Увы! пред кем все трепетали,
 Теперь повержен тот лежит. —
 Стреми, Каррон, струи кровавы,
 Пенися у подошвы скал!
 Бушуйте мрачные дубравы! —
 Народов вождь во брани пал!

Комала

Вещай, сын нощи, мглой покрытый!
 Вещай, ужасный человек!
 Какой воитель знаменитый
 На поле битвы кончил век?
 Подобился ль он белизною

Снегам, лежащим на горах?
 Равнялся ль с радугой цветною,
 Сияющею в облаках?
 Вились ли по плечам волнисты
 Его кудрявые волосы,
 Как утренни туманы мглысты
 Пред восходом солнечной красы?
 Как области небес лазурны,
 Светился ль взор его очес?
 Таков ли был он в брани бурной,
 Как быстра молния небес?

Г и д а л л а н

Ах, где погибшего любезна?
 Какой ее покоит холм?
 Где ждет героя дева нежна,
 Склонясь на пень, покрытый мхом? —
 Почто не зрю голубоокой
 На скате злачных берегов?
 Не зрю груди ее высокой,
 Покрытой гущиной волос? —
 Лети, зефир, и свей в молчанье
 Волосы кудрявые с ланит:
 Пусть кроткое твое дыханье
 Ее рамена обнажит,
 Пусть крылья твои воздушны
 Откроют взору гибкий стан!

К о м а л а

О вестник, вестник злополучный!
 И так погиб царь сильных стран? —
 Ужасна туча тяготееет
 Над выею кремнистых гор.
 Се! гром гремит — свод неба рдеет —
 Трещит, пылая, синий бор. . .
 Но что! коль нет уже Фингала,
 Какие страшны мне беды?
 Вещай: так алчна смерть пожрала
 Дробившего врагов щиты?

Г и д а л л а н

Увы! рассеяны герои,
 Как облака в вечерний час!
 Уж ратоборцев в бранны строй
 Не созовет вождя их глас;
 Не созовет — его народы
 В пещерах скрылися лесных!

К о м а л а

Вселенныя владыка гордый!
 Погибни на полях твоих.
 Да распрострет несчастье крылы
 Над буйною твоей главою,
 Да встретит мрачный зев могилы
 Твой первый шаг перед собой!
 Пусть сердца твоего драгая,
 Среди весны цветущих лет,
 Томясь подобно мне, рыдая,
 В печалях дух свой изливает.
 Почто, о Гидаллан жестокий,
 Ты смерть героя возвестил?
 Отверз несчастной мрак глубокий:
 Всего меня — всего лишил!
 Увы! еще я долго б ждала
 Возрата друга моего;
 Всечасно бы себе мечтала,
 Что зрю на камени его.
 И дуб на поле отдаленной
 Возмог бы взор мой обольстить;
 Звук громкия трубы военной
 Мне ветер бы мог изобразить. —
 Почто не на брегах Каррона
 Я слезы горестны лию?
 Их теплый ток и вопли стона
 Вложили б жизнь в него мою!

Г и д а л л а н

Не над шумящею рекою
 Почивет вождь Морвенских чад:
 Арвена на холмах герою
 Возвысить памятник хотят. —
 О светлый круг луны серебристый,
 Текущий в дымных облаках!
 Проникни ребра их волнисты
 И озари Фингалов прах;
 Пусть сквозь ночные покрывала
 Твой луч над оным возблестит:
 Да узрит нежная Комала
 Его оружие и щит,
 Да узрит перси, в кои злоба
 Врагов вонзила меч стальной!

Вдали показывается воинство.

Комала

(воображает, что видит воинов, несущих тело Фингалово)

Постойте, мрачны чада гроба,
 Постойте! где любезный мой? —
 Увы! на ловле он оставил
 Комалу в горести одну
 И, кроясь, стопы направил
 На кроволитную войну;
 Вещал, что с солнечным закатом
 Придет паки к сим холмам:
 И се! покрытый кровью, прахом
 Является моим очам! —
 Угрюмыя пещеры житель! *
 Почто ты мне не возвестил
 Морвенского царя погибель?
 Почто злу горесть утаил?
 Ты видел юного героя,
 Ты видел, как он кровь пролил
 Среди ненавистного боя —
 И от Комалы то сокрыл?

В о и н с т в о п о д х о д и т б л и ж е .

Мелилькама

Чьи крики воздух потрясают
 И будят отголоски гор?
 Чьи ратники текут — блистают? —
 Се долу их мой видит взор!
 Текут, как шумных вод громады,
 Сверкая от лучей луны.

Комала

Кто боле, коль не сопостаты,
 Пагубоносных битв сыны! —
 Сквозь тонки облак покрывалы,
 Фингала тень направь свой путь!
 И устреми стрелу Комалы
 В злодейску Каракула грудь!
 Пусть он падет, как робка серна,
 Поверженна рукой ловцев.

Является Фингал, сопутствуем бардами и своим воинством

Но — се Фингал, герой Морвена
 Грядет во сонме праотцев! —

* Дрuid. Секта их была уже разрушена; оставшиеся скитались по пустыням и предсказывали желающим судьбу их.

Ужели вопль моих молений
 Достиг к тебе, нежнейший друг?
 Ужель ты с горних шпел селений
 Утешить мой прискорбный дух?

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Фингал, барды, Комала, Дезагрена, Мелилькома, Гидаллан
 и воинство

Фингал

Возвысьте, барды, гласы стройны:
 Прославьте при Карроне бой!
 Опять поля мои спокойны:
 Кичливый враг низложен мной;
 Побег их гордый вождь надменный
 И скрылся со стыдом от глаз.
 Побег — как призрак ночи темной,
 Во чреве синих туч гнездясь,
 Гопимый ветрами в пустыни,
 Бежит — и сыплет блеск огней
 На мрачные древес вершины,
 Виясь по воздуху змией. . .
 Чей слышу здесь в часы вечерни
 Приятный глас? — он нежен, тих,
 Как кроткий ветерок весенний,
 В чертогах веющий моих. —
 Ужель то Сарна дочь прелестна,
 Ловительница быстрых серн?
 Так! се она! — сойди, любезна!
 Ко мне на мягкий Кроны дерн,
 Да дух царя Морвена
 Твой милый голос усладит.

Комала

(мечтая, что говорит тени Фингаловой)

Прийми меня, о тень блаженна,
 Под твой воздушный, светлый щит!
 Прийми — укрой в пещере темной
 Свою Комалу от врагов.

Фингал

Гряди ко мне в чертог спокойный,
 Где я почию от трудов;
 Гряди: се бури разъяренны

Прешли, сокрылись за моря;
Лучами солнца озаренны
Ликуют окрестны поля.

К о м а л а

(узнает Фингала)

Так! это он! он, конча брани,
Украшен торжеством грядет!
Его я осязаю длани,
Венчанны славою побед...
Но... ах!... душа моя томится...
Нет силы радости сносить —
Позволь мне, друг мой, удалиться
И там за камнем опочить.
Позволь — да дух мой возмущенный
Жестокой ужаса грозой
Воспримет паки силы прежни,
Нашедши сладостный покой. —
О дочери Морния прекрасны!
Приблизьтесь с арфами ко мне,
Да песни ваши сладкогласны
Наполнят воздух в тишине.

Д е з а г р е н а

Гряди ко пиршеству Комалы,
Победоносный царь щитов!
От стрел ее три серны пали:
Пылает огонь среди кустов.

Ф и н г а л

И вы, согласий звучных чада!
Воспойте при Карроне бой;
Воспойте, барды, да отрада
Восхитит дух моей драгой.

Б а р д ы

Теки, Каррон, теки с стремленьем,
И шумом радостной волны
Вещай, враги как с посрамленьем
Во бегство все обращены.
Их бурны кони величавы
Уже не скачут по полям,
И гордый их орел двуглавый
Простер полет к другим странам. —
Отныне утро дня златое
И мрачна ночь Фингала чад
Зреть будут завсегда в покое

Среди утех — среди отрад.
 Трубы греящи бранны звуки
 Заглушит крик ловцов в полях;
 Щиты огромны наши, луки
 Висети будут на стенах.
 И естли сила наша грянет,
 Воздвигнувшись когда на брань,
 То кто противу нас восстанет?
 Одни сыны Локлинских стран. —
 Нам будет брань сия забавой;
 В руках имея смерти страх,
 Мы пожежем врагов со славой
 И всех развеем, яко прах. —
 Теки, Каррон, теки с стремленьем,
 И шумом радостной волны
 Вещай, враги как с посрамленьем
 Во бегство все обращены.

Мелилькама

(примета, что Комала умирает от восхитительной радости)

Спуститесь, легкие туманы,
 И ты, о скромная луна!
 Прийми в твои стыдлины длани
 Комалу нежную: она
 Почила бледна, бездыханна...
 Увы! Комалы боле нет.

Фингал

Так смерть похитила дочь Сарна,
 Любви моя предмет? ..
 Приди, о милая Комала!
 Да узришь в сумраках ночных
 Уединенного Фингала,
 Сеяща на берегах крутых; —
 Тогда с вечернею звездой,
 В дыханьях тихих ветерков,
 Приди беседовать со мною!

Гидаллан

Так не услышу боле слов
 Любезной девы светлоокой,
 Привыкшей серн в полях гонять?
 Почто я вестню жестокой
 Умыслил дух ее терзать?
 Почто? — увы! теперь, несчастной,

Винovníк горести и бед,
Не буду боле зреть прекрасной,
За лапию бегущей вслед.

Ф и н г а л

Свирепый ратник! чадо брани!
Колико лют твой мрачный взор! —
Подобно как сии туманы,
В рассединах чернея гор,
Скрывают в них за темною
Шипящих, ядовитых змей:
Так ты под сей угрюмой мглою
Скрываешь душу злых зверей. —
Изыди из моей дружины!
Ты не воссядешь при пирах;
Не будешь быстрых серн пустыни
Со мной ловить в моих лесах;
Мой враг уже не поразится
Твоей могучею рукою,
Не будешь славой веселиться —
Нет! ты презрен навеки мной!
Предшествуй мне к юдоли слезной,
Где слышен дев плачевный глас,
Да узрю красоты любезной,
Да узрю их — в последний раз!
Се! труп ее на камень мшистый
Простерт с поникшею главою;
Взвевает ветр власы волнисты —
Звенит уныло тетивой.
Навек отшла от нас Комала! . .
Рыдай со мной, героев сонм!
Прекрасная навек увяла —
Заснула беспробудным сном! —
Воспойте похвалу прекрасной,
О барды! в мирной тишине:
Да отзвывы холмов всечасно
Твердят любезно имя мне.

Б а р д ы

Возрите! се ее священна
Тень носится на облаках;
Небесным светом озаренна
В воздушных плавает огнях.
Возрите! се легкой зефира
На серебряных лучах луны
Душа ее, чистой ефира,
Несется в горные страны.

Оттоль ей предки стали зримы,
 Владетели воздушных стран:
 Во бранях Сарн непобедимый,
 Пламеновидный Фидаллан. —
 Комала! арфы нежны звоны
 Уже твоей не тронут нас,
 И холмы, и луга зелены
 На твой не отзовутся глас.
 Сопутницы твоих дней красных
 Искать тебя везде начнут —
 В пустынях и лесах ужасных,
 Но ах! вотще их будет труд.
 Ты только станешь им являться
 В мечтающих иногда ночных:
 Твой глас им будет повторяться
 И радостью исполнит их.
 Они, сию вспомнив радость,
 Век будут о тебе мечтать;
 И тем веселие и сладость
 Их скорбны души ощутят. —
 Воззрите! се ее священна
 Тень носится на облаках;
 Небесным светом озаренна
 В воздушных плавает огнях.
 Воззрите! се легкой зефира
 На серебряных лучах луны
 Душа ее, чистой эфира,
 Несется в горные страны.

1805

П. С. Политковский

СМЕРТЬ ГИДАЛЛАНА

ВВОДНАЯ ПОВЕСТЬ ИЗ БОЛЬШОЙ ОССИАНОВОЙ ПОЭМЫ «СРАЖЕНИЕ С КАРОСОМ»,
 СЛУЖАЩАЯ ОКОНЧАНИЕМ ПРЕДЫДУЩЕЙ ЕГО «ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ»

С стесненной горестной душою
 Изгнанный вождь геройских сил
 Потек медлительной стопою
 Безмолвен, мрачен и уныл.
 Власы его и шлем пернатый
 Вздывая, горный ветер шумел,
 И меч отцов его булатный

Небрежно при бедре висел.
Слезами очи орошенны
Он часто долу потуплял,
И часто из груди стесненной
Его вздох тяжкий вылетал.

Три дни в отчаянье жестоком
Три дни герой до Балвы шел;
В четвертой на берегу высоком
Чертоги праотцев узрел.
Там древ густых в тени сокрытый
Отец пред взор его предстал:
Ламор во бранях знаменитый. —
Никто его не окружал;
Глава безвласая склонилась
На жезл, держимый им в руках;
Вода источника струилась,
Журча при старцевых стопах.
Слепец пред солнцем заходящим
Сомкнуты очи потуплял
И тихим голосом дрожащим
Дела протекши воспевал. —
Но вдруг Ламор уединенный
Внимает шорох — восстает;
Предчувством тайным возбужденный,
Приход сыновний познает.

«Тебя ль, тебя ль, о сын любезный!
Тебя ли ныне слышу я? —
Вещал Ламор, родитель нежный. —
Иль это только тень твоя?
Ужель ты пал сражен средь бою
Каррона на берегах крутых?
Иль естль суждено герою
Еще остаться средь живых,
То где, о сын мой! где отличны
Сотрудники твои в войне?
Почто мне гласы их не слышны? —
Вещай скорей, ответствуй мне!
Ты прежде возвращался с брани
И ратники мои с тобой;
Скажи: ужель теперь попорнны
На поле славы смертью злой?» —

«Нет, нет! — отвечивал смущенный
Ламору Гидаллан в слезах. —
Твои герои не сраженны,

Не рассевал их гордый враг!
 Они все в радости, в забаве
 И в торжестве проводят дни:
 Лишь сыну твоему ко славе
 Навек пути заграждены;
 Лишь я, родитель мой почтенный,
 Один несчастный осужден
 Дни проводить уединенны
 У сих поросших мохом стен,
 Здесь на берегу пустынном Балвы
 В тоске безвестно умереть,
 Тогда, когда на поле славы
 Победой должен я греметь». —

«Увы! — что слышу! — оскорбленный
 Ламор от сердца возопил. —
 Когда во время ополчений,
 Скажи, когда, кто приходил
 Почить на бреге сем безопасно,
 Забыв и славы звук самой? —
 Нет! ты не примиришься вечно
 С тенями предков, ни со мной! —
 Смотри на этот гроб священный,
 Смотри, о сын мой, на него!
 А я очей навек лишенный
 Зреть боле не могу его.
 В нем предок твой почит славный,
 Непобедимый Гермаллон.
 Никто не зрел, чтобы со брани
 Во бегство обращался он.
 Внимай — мне тень его вещает:
 „Гряди, мой сын, гряди, герой!
 Тебя лавр славы украшает:
 Гряди беседовать со мной! . . .“
 Увы! я с славой разлучился:
 Меня мой сын ее лишил!
 Он в бег постыдно обратился
 И поле брани уступил!» —

«Почто, — рек Гидаллаи вздыхая, —
 Владыка Балвы берегов!
 Почто, о прежнем вспоминая,
 Ты растравляешь ныне вновь
 В моем глубоки сердце раны
 И в душу нову льешь печаль? —
 Клянусь, клянусь, что поле брани
 Врагам моим не уступал!

Фингал — сей мощный царь Морвена,
Мстя смерть возлюбленной своей,
Велел оставить мне знамена
И грозный сонм его вождей.
„Беги! — вещал мне раздраженный. —
Изыди из Морвенских стран
В свои пределы отдаленны!
Беги, презренный Гидаллан!
И тамо, на берегу потока
Поносный стыд свой сокрывай;
В унынии, в тоске глубокой
Томися, сохни, увядай,
Подобно дубу, всех лишенну
Зеленых листьев своих,
Порывом ветра наклоненну
Реки на берегах крутых!“» —

«Ужель мне суждено судьбою
Сносить, увы! такой позор? —
Вещал покрытый сединою
Унылым голосом Ламор. —
Быть с сыном здесь в уединеньи,
Отрады боле не иметь,
В печали, горести, презреньи
В пустынном месте умереть?
Тогда, как тысячи героев,
Как тысячи морвенских чад,
Среди кровавых, ратных боев
Завидной славою гремят!
О тень родителя любезна!
Веди, веди меня с собой!
Да холодная могила тесна
Нас купно скроет под землей.
Нет в мире для меня забавы!
Мой взор от горести померк!
Увы! торжественные славы
Лишился Гидаллан навек!» —

«Ах, чем могу твой стон плачевный
Пресечь, родитель нежный мой! —
Вещал тоскою удрученный
В ответ ему молодой герой. —
Куда, куда мне устремиться?
Где лавр победы мне найти,
Где блеском славы озариться
И слух Ламора усладить? —
Нет! мне уж не венчаться бранью:

Осталось — звероловом быть;
 Гоняться по холмам за ланью,
 И диких еленей разить.
 Ламор не станет восхищаться,
 Вняв слабый звероловца глас,
 Когда я буду возвращаться
 В вечерний, тихий с ловли час;
 Не будет поглаждать рукою
 Ласкающихся псов моих;
 Не спросит: „Сын мой, что с тобою
 Случилось на горах крутых,
 Когда за сернами стремился
 И диких еленей искал?“» —

«Так! — рек Ламор. — Мой рок свершился,
 Знать, должно, должно, чтоб я пал!
 Подобно древу иссушенну,
 Возростшему на теме гор,
 Дыханьем ветра низложенну,
 Падет при старости Ламор!
 Увидят тень мою, блудящу
 По холмам в тишине ночной,
 Лиющу слезы и стелящу
 О жребие твоём, сын мой! —
 Тогда сокройся ты от взора
 В непроницаемой туман,
 Да не постигнет мечь Ламора
 Тебя, злосчастный Гидаллан! —
 Теперь гряди в мои чертоги;
 Там на стенах увидишь ты
 Оружья наших предков многи:
 Их шлемы, копыя и щиты;
 Возьми и принеси оттоле
 Меч Гермаллонов, страх врагов,
 Который отнял он на поле,
 Лпя потоками их кровь». —

В чертоги Гидаллан вступает
 И, снявши со стены булат,
 Выходит и отцу вручает:
 С ним Гермаллонов пояс злат.
 Рука слепца по стали бродит,
 Ища на оной острия —
 И вдруг Ламор его находит,
 И говорит: «Веди меня,
 Веди меня к могиле мшистой!
 Я слышу, сильный ветр свистит

Под свесом сосны сей сенистой —
Там Гермаллон спокойно спит.
Вокруг гробницы терн колючий
С травой дикою растет;
Источник пенистый, гремучий
По камням близ ее течет.
Теперь уж солнце зной полдневный
На беззащитны льет поля:
Хочу от жару утомленный
Вкусить прохладу тамо я».

Се старец с сыном достигает
До гроба предка своего —
Тут меч в руке отца сверкает,
И сын. . . без чувств падет его. —
Сном вечным очи их закрылись:
Единый гроб вместил их прах;
Чертоги их опустошились,
Стоящи Балвы на берегах.

Никто сих мест не посещает,
Боятся странник здесь почтить;
Безмолвье вечно обитает,
Где Гидаллан с Ламором спит.
В часы полуденные ясны
Окрест гробницы их парят
Одни лишь призраки ужасны
И в мрачных тенях древ шумят.

1807

Н. И. Гнедич

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ ОССИАНА

О источник ты лазоревый,
Со скалы крутой спадающий
С белой пеною жемчужною!
О источник, извивайся ты,
Разливайся влагой светлою
По долине чистой Лутау.
О дубрава кудреватая!
Наклонись густой вершиною,
Чтобы солнца луч полуденный
Не палил долины Лутау. —
Есть в долине голубой цветок,

Ветр качает на стебле его
И, свежая росу утреннюю,
Не дает цветку поблекшему
Освежиться чистой влагою.
Скоро, скоро голубой цветок
Головою нерасцветшею
На горячу землю склонится,
И пустынный ветер полуночный
Прах его развеет по полю.
Звероловец, утром видевший
Цвет долины украшением,
В вечеру придет пленяться им;
Он придет — и не найдет его!

Так-то некогда придет сюда
Оссиана песни слышавший!
Так-то некогда приблизится
Звероловец к моему окну,
Чтоб еще услышать голос мой.
Но пришлец, стоя в безмолвии
Пред жилищем Оссиановым,
Не услышит звуков пения,
Не дождется при окне моем
Голоса ему знакомого;
В дверь войдет он растворенною
И, очами изумленными
Озирая сень безлюдную,
На стене полуразрушенной
Узрит арфу Оссианову,
Где вися, осиротелая,
Будет весть беседы тихие
Только с ветрами пустынными.

О герои, о сподвижники
Тех времен, когда рука моя
Раздробляла щит трелиственный!
Вы сокрылись, вы оставили
Одного меня, печального!
Ни меча извлечь не в силах я,
В битвах молнией сверкавшего;
Ни щита я не могу поднять,
И на нем напечатленные
Язвы битв, единоборств моих,
Я считаю осязанием.
Ах! мой голос, бывший некогда
Гласом грома поднебесного,
Ныне тих, как ветер вечера,

Шепчущий с листьями тополя. —
Все сокрылось, все оставило
Оссиана престарелого,
Одинокого, ослепшего!

Но недолго я остануся
Бесполезным Сельмы бременем;
Нет, недолго буду в мире я
Без друзей и в одиночестве!
Вижу, вижу я то облако,
В коем тень моя сокроется;
Те туманы вижу тонкие,
Из которых мне составится
Одеяние прозрачное.

О Мальвина, ты ль приблизилась?
Узнаю тебя по шествию,
Как пустынной лани, тихому,
По дыханью кротких уст твоих,
Как цветов, благоуханному.
О Мальвина, дай ты арфу мне;
Чувства сердца я хочу излить,
Я хочу, да песнь унылая
Моему предыдет шествию
В сень отцов моих воздушную.
Внемля песнь мою последнюю,
Тени их взыграют радостью
В светлых облачных обителях;
Спустятся они от воздуха,
Сонмом склонятся на облаки,
На края их разноцветные,
И прострут ко мне десницы их,
Чтоб принять меня к отцам моим! . .
О! подай, Мальвина, арфу мне,
Чувства сердца я хочу излить.

Ночь холодная спускается
На крылах с теньями черными;
Волны озера качаются,
Хлещет пена в брег утесистый;
Мхом покрытый, дуб возвышенный
Над источником склоняется;
Ветер стоет меж листов его
И, срывая, с шумом сыплет их
На мою седую голову!

Скоро, скоро, как листья его
Пожелтели и рассыпались,

Так и я увяну, скроюся!
 Скоро в Сельме и следов моих
 Не увидят земнородные;
 Ветр, свистящий в волосах моих,
 Не разбудит ото сна меня,
 Не разбудит от глубокого!

Но почто сие уныние?
 Для чего печали облако
 Осеняет душу бардову?
 Где герои преждебывшие?
 Рино, младостью блистающий?
 Где Оскар мой — честь бестрепетных?
 И герой Морвена грозного,
 Где Фингал, меча которого
 Трепетал ты, царь вселенных?
 И Фингал, от взора коего
 Вы, стран дальних рати сильные
 Рассыпалися, как призраки!
 Шал и он, сраженный смертию!
 Тесный гроб сокрыл великого!
 И в чертогах праотцев его
 Позабыт и след могучего!
 И в чертогах праотцев его
 Ветр свистит в окно разбитое;
 Пред широкими воротами их
 Водворилось запустение;
 Под высокими их сводами,
 Арф бряцанием гремевшими,
 Воцарилось безмолвие!
 Тишина их возмущается
 Завываньем зверя дикого,
 Жителя их стен разрушенных.

Так, в чертогах праотческих
 Позабыт и след великого!
 И мои следы забудутся?
 Нет, пока светила ясные
 Будут блеском их и жизньию
 Озарять холмы морвенские,
 Голос песней Оссиановых
 Будет жить над прахом тления,
 И над холмами пустынными,
 Над развалинами сельмскими,
 Пред лицом луны задумчивой,
 Разливаясь гармонией,

Призовет потомка позднего
К сладостным воспоминаниям.

1804

Н. Ф. Грамматин

КОНЛАТ И КЮТОНА

Глас ли был то иль мечтание?
Иногда воспоминание
О протекшей, красной младости,
Как светило заходящее,
Озаряет мрак души моей,
Звероловцев раздаётся крик,
И я в мыслях копием ражу.
Некий голос мне провещился;
Кто ты? кто ты, сын полуночи?
Все почило сном вокруг меня,
Не почил один дубравный ветер,
Или ветром потрясаемый,
Прозвучал Фынгала ржавый щит,
На стене висит чертогов он,
И руками часто дряхлыми
Осызает Оссиан его.
Нет, знакомый сердцу сладостный
Голос друга мне послышался;
Он давно не посещал меня.
Побудило что, Конлат, тебя
Принестись ко мне на облаке?
Старца други не с тобою ли?
Где Оскар, любимый славы сын?
Часто близ тебя он ратовал.

Тень Конлата

Спит глас Коны звучный, сладостный,
Спит в чертогах Оссиан своих,
А друзья его во гробе спят;
Славы луч не озаряет их.
Вкруг Итоны океан шумит,
А безмолвны камни гробные,
Их могилы покрывающи;
Не промолвят, не рекут они,
Вопрошающу их страннику,

Любопытному и дальнему,
Кто под ними спит в сырой земле,
Чей в забвеньи истлевает прах.

О с с и а н

О! когда б узреть мог я тебя,
Восседающего на облаке;
Ты подобен ли воздушному
Чуть мерцающему пламени
Иль туману Лана вредного?
Из чего твоя воздушная
Соткана одежда легкая?
И какое копие твое?
Но как тень исчез сын Морния,
Ветр унес его от слов моих.
Где ты, арфа, друг души моей?
Да услышу звуки струн твоих!
Воссияй, светильник памяти!
Воссияй и остров пагубный
Озари лучами яркими,
Да увижу я друзей моих!

Так я зрю вас, незабвенные!
Зрю Итону, исходящую
Из лазоревых, глубоких волн,
Зрю пещеру Тоны мрачную,
Мхом обросшие скалы ее,
С них нависши сосны древние;
Внемлю шум глухой источника,
Зрю Тоскара с копием в руке,
Близ его Феркут, героя друг,
И Кютона, горько плачуща;
Шум ли волн морских мне слышится
Или то они беседуют?

Т о с к а р

Бурна почь была и пасмурна.
Ветры, яростно ревущие,
Исторгали дубы с корнями.
Страшно море волновалось,
И утесы белой пеною
Волн кипящих окроплялися.
Небо рдело молний пламенем,
Некий призрак на берегу стоял
И, безмолвный, лил источник слез,
Ветр одежду разведал на нем,

Из седых туманов тканную;
Старцем призрак сей казался мне,
Полным думы и уныния.

Феркут

О Тоскар! то был родитель твой;
Смерти вестник злополучный он;
Так на Кромле пред падением
Он явился Маронанновым.
О Уллин! о гробы праотцев!
Мы вовеки не увидим вас.
Не для нас вы зеленеете,
Холмы родины любезныя!
Не для нас журчите сладостно,
Вы родны струи, лазоревы!
Не для нас, золотое солнце, ты
В красоте своей сияешь всей!
Глас Селамской арфы сладостен,
И приятен звероловца крик,
В камнях Кромлы раздающийся;
А вокруг нас море бурное
Преграждает нам к исходу путь,
Волны плещут чрез утесы в нас,
Мы трепещем, в страхе утра ждем.

Тоскар

Где же мужество, Феркут, твое?
Или старость седовласая
У тебя его похитила?
Дух опасность веселила твой,
Взор пылал твой брани пламенем;
Или пламень сей угас в тебе?
Наши деды и отцы, Феркут,
Страх, ужаса не ведали!
Зри, спокойно море бурное,
Стихли ветры, стихли буйные,
Волны чуть переливаются,
Исчезают ночи сумраки,
Скоро влажный запылает дол
От лучей денницы утренних.

Там, где Мора возвышается,
Я с весельем поднял парусы,
Остров волн был на пути моем,
Я узрел на нем Рюмара дочь,
Звероловицу узрел младу;
Против скачущих Итоны серж

Напрягала лук тугой она.
 Луч златый денницы — взор ее,
 Кромлы снег — полуоткрыта грудь,
 Пламя вспыхнуло в душе моей,
 Пленник стал я красоты ее;
 Но она слезами горькими
 Отвечает на любовь мою,
 Ей Конлат один мечтается.
 Чем могу, Кютона милая,
 Возвратить тебе спокойствие?

К ю т о н а

Там, где волны разбиваются
 Об ардвенский, каменистый брег,
 Где пасутся серны робкие,
 Там Конлат к своей возлюбленной
 С башен Моры устремляет взор.
 Дщери ловли возвратились,
 Очи долу их потуплены.
 «Где Кютона?» — вопрошает он;
 Нет ответа на слова его.
 Мой покой, мое веселие
 На ардвенском берегу живут.

Т о с к а р

Так, они с тобою будут жить,
 Я Конлату возвращу тебя.
 Друг Тоскару твой возлюбленный,
 Три дни был я угощаем им.
 Вейте, ветры легкокрылые,
 С берегов Уллина злачного,
 И к Ардвену каменистому
 Распрострите паруса мои;
 Там, Кютона, ты останешься!
 Но печаль затмит Тоскара взор.
 Я в пещере мрачной скроюся,
 Ветр пустынный во полночи
 Потрясет древа дубравные;
 Я проснуся и подумаю,
 Не Кютоны ли глас слышится?
 Но мечтанье! волны делят нас;
 Ты в объятиях Конлатовых.

К ю т о н а

Что за облак, зрю, несется там,
 И чьи тени восседят на нем?
 Вижу сгибы их туманных риз,

Тени предков узнаю своих.
 О Рюмар! Когда увяну я?
 Я предчувствую, мой близок час,
 Час, в который скроет гроб меня!
 Ах! увижусь ли с возлюбленным?

О с с и а н

Так, Кютона, ты увидишься!
 Он на черном корабле своем
 Рассекает волны синие.
 Смерть Тоскара на мече его,
 Но и сам Конлат из ребр своих
 Точит кровь струей багровою.
 Зрю, покрытый смертной бледностью,
 Удержать он хочет крови ток.
 Где ты? где ты, дочь Рюмарова?
 Умирает твой возлюбленный,
 Но видение сокрылося,
 Я не зрю вождей вокруг себя.

Чада племени грядущего!
 Барды! вспомните Конлата смерть,
 И оплачьте дней конец его;
 Он увял, как цвет, безвременно.
 В море мрачность и безмолвие;
 Пыльный щит героя павшего
 Обагрён явился кровию.
 Мать взглянула на кровавый щит
 И узнала, что героя нет;
 Камни Моры отзываются
 На рыданья нежной матери.

Ты ль, Кютона, ты ль на камени
 Бездыханным приседишь вождям?
 Ночь на холм спустилась темная,
 Воссияла утра вновь краса;
 Но героям не воздвигнут гроб.
 Птицы хищные слетаются,
 Ты, Кютона, отгоняешь их!
 Не смыкает сон очей твоих,
 Ты бледна, как влажно облако.

В третий день Фингала ратники
 Бездыханну обрели ее
 И воздвигли двум героям гроб.
 Дочь Рюмара близ Конлата спит.

Ты воспет уже, сын Морния!
 Не являйся в свиденьях мне!
 Сон бежит от старца дряхлого
 При твоём, Конлат, пришествии.
 Ах! почто изгладить, други, вас
 Не могу из слабой памяти,
 До свидания на облаках?
 Близок, близок день сей радостный,
 Скоро, утро, воссияешь ты
 Над могилой Оссиановой!
 Скоро я узрю друзей моих!

1806

Ф. Ф. Иванов

ПЛАЧ МИНВАНЫ

из ОССИАНА

С сердцем, грустию исполненным,
 И с лицом, от слез зардевшимся,
 Ждет Минвана белогрудая
 Мила друга с поля ратного,
 С поля ратного, кровавого.
 Поминутно обращает взор
 К морю синему, туманному.
 Там лишь волны с тихим ропотом
 Плещут в дикий камень берега
 И уныние родят в душе. . .

Вдалеке знамена взвевли;
 Сердце дрогнуло, забилося,
 Слезы вдруг остановились,
 Взор вперился, неподвижен стал,
 И дыханье притаилось.
 Приближались тихо ратники;
 Рино верные товарищи
 Стройно все текли в безмолвии;
 Долу очи их потуплены —
 В них печаль изображалася.
 У Минваны сердце сжалося,
 Закипело и вдруг замерло. . .
 Ах! неужели то предчувствие
 Бед, мучений, злополучия? . .
 Тут герои прослезились,

И один из них, вздохнув, сказал:
«О Минвана белогрудая!
Не ходи ты в ночь туманную
На крутой брег моря синего;
Не склоняй ты уха чуткого
Ко зыбучим, ко немым волнам:
Не промолвят речи сладостной,
Страстна сердца не обрадуют!
О Минвана! не сиди одна
У покрыта камня мхом седым!
Ах! не жди ты друга милого;
Красны дни твои промчались. . .
Рино храброго не зреть тебе!
Тень его взнеслась на облако;
Голос тихий там с зефирами
У потока мы уж слышали
И на холме во траве густой,
Будто громаы из багровых туч
На младое пали дерево,
И серебристый лист посыпался
С ветвей, только распустившихся».
Так Минвану поразила весть, —
Подкосились ноги быстрые,
Пот холодный, будто град, с лица
Покатился на высокоу грудь.

«Так не стало сына юного,
Сына храброго Фингалова? . .
Половина сердца убыло
У Минваны злополучныя! . .
Да рука, его сразившая,
Не обнимет вечно милья!
Пусть рукою той кровавою
Очи всех родных закроются! . .
Но отрада ль то для бедныя?
Ах! теперь я, как пустынный холм,
На котором век туман лежит!
Ах! одна я на сырой земле!
Дни постылы! жизнь несносная! . .
Нет, недолго мне здесь мучиться. . .
Ветры буйные, пустынные!
Я недолго буду смешивать
В дебрях стон мой с вашим посвистом!
Побегу на поле ратное,
Где лежит мой друг поверженный.
Хоть в слезах пути не взвижу я,
Сердце к другу доведет меня.

Припаду там к телу хладному,
И прижмусь к устам запекшимся
И слезами смою кровь с лица.

Что я вижу? ах! оружия! . .
Их несут твои товарищи;
Щит, на полы пересеченный,
Меч булатный переломленный,
Остра сталь копья притуплена,
Каленых стрел во колчане нет,
Лук упругий твой распущен зрю;
Ветр играет тетивой его. . .

На заре уж не воспрянешь ты
От глубока сна, мой милый друг! . .
Твои легкие псы верные
Не услышат сладка голоса,
На ловитву их зовущего!
Серна будет спать в беспечности
На покате холма ближнего!

Все тропинки зарастут травой
К дому друга опустелому,
И на ложе лишь совет гнездо
Птица вещь полунощная;
Крик ее встревожит путника
Средь осенней ночи темной.

О мой Рино, друг возлюбленный!
Льзя ль Минване пережить тебя?
Нет! — иду, бегу, лечу к тебе,
И, повергнувшись на грудь твою,
Я вздохну — вздохну в последний раз!

О мои подруги юные!
Не ходите по следам моим,
При согласном сладком пении
Не ищите вы несчастных.
Ваших песней не услышу я —
Я умру подле любезного».

Д. П. Глебов

КРОМА

ПОЭМА ИЗ ОССИАНА

М а л ь в и н а

Так! я слышу голос милого,
Хоть и редко он является
Мне в полуночных мечтаниях!
О родители Оскаровы!
Отворите двери облачны,
Двери терема воздушного,
Чтоб Мальвину вам принять к себе!
Мне недавно в сновидении
Тайный голос возвестил про то,
И я стражду в нетерпении.
Ветры буйные, осенние!
Что оставили вы озеро,
Прилетели в сей унылый лес?
Пошумели — и исчезла тень.
Но Мальвина ясно видела,
Как одежда привидения,
Ярким солнцем позлащенная,
Тихим ветром колебалася.
Так! был это голос милого,
Хоть и редко он является
Мне в полуночных мечтаниях!

Ах, Оскар! ты будешь вечно жить
У Мальвины в сердце страждущем!
Я вздыхаю с светом утренним,
Слезы лью с зарей вечернею,
Как ты жив был, друг бесценный мой!
Я цвела, как древо юное.
Нет тебя — и вянет молодость,
Как цветок от ветра знойного.
Дни весенни возвратилися;
Но погода благотворная
Не придаст мне силы прежняя:
Я хожу с главой поникшею
И ищу уединения
Посреди жилища горести.
Видев то подруги нежные,
Взявши арфы златострунные,
Заиграли с той надеждою,

Что рассеют мрак души моей;
 Но Мальвина все печалилась,
 Проливала слезы горькие.

О с с и а н

О Мальвина, дочь любезная,
 Как меня твой голос трогает!
 Верно ты в своем мечтании,
 В сне глубоком погруженная,
 Песнь умерших бардов слушала,
 И, внимая, повторяла их?
 О Мальвина! голос сладок твой;
 Но терзает сердце горестью,
 А печаль с душой расстроенной
 Пресекают жизнь невидимо!
 Так лучи светила дневного
 Жгут цветок — и засыхает он.
 Дочь моя! склони свой слух теперь
 К песням барда поседевшего,
 Я хочу, хочу воспеть тебе
 Дни щастливы своей младости.

На берегу крутом возвышенном
 Видны были башни древние
 Замка мрачного, унылого,
 Где Кротар, известный мужеством,
 Мирно проводил дни старости.
 Вдруг Ротмар с своею ратню
 Вознамерился взять замок тот.
 Слух сей был Фингалу горестен,
 Он Кротару был сотрудником
 В знаменитых его подвигах,
 И желая защитить его,
 Тотчас дал мне приказание
 К Инисфалу плыть немедленно.
 Повинуясь родителю,
 Прибыл я к Кротару с скоростью.
 Как был трогателен вид его!
 Я застал его сидящего
 Посреди оружий прадедов,
 Быв лишен драгого зренья;
 Волосы уж поседевшие
 Рассыпались по плечам его.
 И в сем жалком положении
 Он дрожащим слабым голосом
 Пел протекшие дни младости.
 Лишь услышал звук оружия,

Он встает, собравшись с силами,
Простирает руки слабые
И приветствует сим образом
Сына своего сотрудника:
«Ах, почто уже не в силах я
Действовать своим оружием,
Как я прежде раготовствовал
В взорах твоего родителя?
Он гремел — и я прославился!
Царь Морвены наградил меня,
Дав мне щит Калтара сильного,
Им на битве пораженного.
Ты увидишь на стене его.
Ах, почто лишен я зрения,
Не могу я рассмотреть тебя?
О друзья! се к нам герой пришел,
Уготовьте ему пиршество.
Барды! пойте, веселитесь».

Пир готов — и арфы звучные
Изъявляют радость песнями;
Но та радость может слабо скрыть
Грусть, сердцами одолевшую.
Так серебристый, бледный луч луны
Светит лишь поверхность облака,
Не проникнув густоту его.
Лишь умолкли песни громкие,
Кромы царь возвысил голос свой,
Пресекавший рыданием:
«Сын Фингалов! замечаешь ли
Грусть, унынье в моем тереме?
Ах, я прежде сам не сетовал,
Когда верны мои воины
Были живы — побеждали всех;
Когда сын еще мой был со мной. . .
Но сокрылося светило то,
Пал герой сей на сражении,
Защищаячи родителя.
Вот как было происшествие:

Тромла вождь Ротмар, услышавши,
Что Кротар лишился зрения,
Что его рука покоится,
Нападает из тщеславия
На моих отважных воинов.
Закипев досадой, мщением,
Я беру свое оружие;

Но что сделать мог без зрения?
Я предался сильной горести
И напрасно призывал к себе
Дни своей протекшей младости!
Тут мой юный сын, увидевши
Мои слезы и смущения,
Утешает уверением,
Что он в силах напрягать свой лук,
Что он в силах защищать меня.
Быв доволен его рвением,
Отпустил я сына милого
В бой с Ротмаром побеждающим.
Он летит к нему — сражается,
И Ротмар ударом гибельным
Поражает его на поле! . .
И Ротмар убийца злобный сей
Продолжает путь свой в замок мой! . .» —

«Нет, — сказал я громким голосом, —
Не страшусь Ротмара гордого!»
Тут схватил я копьё острое,
Собрал храбрых моих ратников,
И пошли к Ротмару в ночь же ту.
При восходе солнца красного
Вдруг долина нам открылася,
Где Ротмар с своей дружиною
Дожидался утра тихого,
Чтоб итти к Кротару старому.
Мы идем . . и с сильной яростью
Нападаем на врагов своих;
Поражаю и . . Ротмара нет! . .
Солнце к западу клонилось,
Как принес его оружие
Старцу, горестью стесненному;
Он, не верив, осызгал его,
И Кротар предался радости.

Ратоборцы съединяются,
Пиршество возобновляется,
И победы чаша носится;
Барды все с душою пламенной
Прославляют победителя.
Ночь проходит — и спокойствие
Все вкушают с безопасностью,
Нет врага! Ротмара не было.

При несении ж убитого,
Сына бедного Кротарова,

На его жилище тесное
Я воспел весь подвиг юноши;
А Кротар тут гроб сопутствовал
С видом радостным в молчании;
Как окончил же я песнь свою,
Торжествуя говорил он мне:
«Оссиан! поздравь, поздравь меня,
Сын мой кончил жизнь со славою,
Он на брани с смертью встретился.
Счастлив тот, кто млад оставя свет,
Оставляет имя громкое;
Его память знаменитая
Воспоется в песнях бардами,
А молодые красны девушки
Будут вечно слезы лить о нем.
Смерть такую и сравнить нельзя
С смертью мужа состаревшего!
Старец, видя славу дней своих,
Угасающе в забвении,
Умирает в неизвестности;
Радость окружает гроб его,
И над прахом ставят памятник
Без пролития слез горести.
Счастлив, счастлив, повторяю я,
Кто еще в цветущей младости
Умирает с громкой славою».

1809

П. А. Катенин

ПЕСНИ В СЕЛЬМЕ

ИЗ ОССИАНА

Вечерняя звезда, подруга тихой ночи!
Чей лик, свечою вдруг блеснувший из-за рощи,
Сияньем радует лазурны небеса,
Безоблачных полей светило и краса!
Что взор склоняет твой в безмолвные долины?
Ветр шумный смолк; поток, прорывшийся в пучины,
Чуть льется; и к стопам прибрежных скалы
Ласкаются, смирясь, сребристые валы.
Лишь гаснущей зари лучом еще златимый,
Жужжит крылатый рой, по воздуху носимый;

Лишь изредка пахнув от западной страны,
 Промчится ветерок средь общей тишины.
 О лучезарная! скажи: небес с вершины
 Что взор склоняет твой в безмолвные долины?
 Но ты, уже пройдя синеющий свод,
 С улыбкой клонишься на лоно резвых вод;
 Они стекаются, вокруг тебя играют
 И волосы твои златые омывают.
 Прости, прекрасная! огонь твоих лучей
 Потщусь я заменить огнем души моей. —
 Чьи тени восстают ко мне с холмов могильных?
 Друзья почившие: Фингал, предтеча сильных,
 И барды славные, певец скорбей Альпин,
 Минона нежная и Рино, и Уллин.
 О сколь, друзья мои, вы много пременились
 Со дней счастливых тех, как в Сельму мы сходились,
 И пеньем спорили и стройных арф играя,
 Подобясь ветеркам, когда они весной
 По зыблющим цветам пестреющего луга
 Порхают и шумят, воюя друг на друга. —
 На торжестве таком пришла Минона к нам,
 Небрежно волосы раскинув по плечам,
 И слезы по лицу прекрасному струились.
 Тогда, узрев ее, все жалостью смутились
 Герои сильные; но арфу вдруг взяла
 И в песни Кольму нам на память привела.
 Она Сальгара ждет; до ночи возвратится
 Сальгар ей обещал; но мрак уже густится,
 И солнце скрылось; вокруг в пустыне тишина,
 И стонет на холме несчастная одна.

Кольма

Уже настала ночь; ветер хладный в поле свищет,
 И бурей вдалеке колеблются валы,
 И в поле диком взор убежища не сыщет.
 Источник пенистый, свергаясь со скалы,
 Дождями наводнен крутится по долине.
 Оставлена, одна в безлюдной я пустыне. —
 Восстань, луна! пролей на землю луч златой;
 Явите, звезды! мне ваш образ благотворной,
 И укажите путь до той пещеры горной,
 Где ловлей утомлен Сальгар почует мой.
 Он там лежит, и псов вокруг усердных стая
 Стрежет и лук его и тул пернатых стрел;
 А я под древом здесь зову его, рыдая,
 И жду, чтобы его хоть голос долетел.
 Ах! ветров страшный рев, потоков шум унылый,

Претят, чтобы достиг ко мне сей голос милый. —
Почто же медлишь ты, Сальгар, любезный мой?
Или забыл уже свое мне обещанье?
Вот камень, дерево: здесь назначил ты свиданье,
И здесь я жду вотще, и нет тебя со мной.
Сальгар! возлюбленный! увы! чтоб быть с тобою
Рассталась с братом я, оставила отца;
Мой род с твоим горят взаимною враждою,
Лишь наши сей вражды не ведают сердца.
Ветр буйный! укротись, твой шум меня терзает,
И ты, о водопад! умолкни хоть на час.
Сальгар! Сальгар! я здесь, здесь Кольма ожидает,
Здесь камень, дерево здесь... теряется мой глас. —
Светлеет ночь; трава сребрится на долине,
И по горам луны мелькает бледный свет;
Но никого не зрю на серой их вершине,
Не слышу лая псов, и там Сальгара нет. —
Двух спящих воинов я в поле примечаю.
Посмотрим: Боже мой! Сальгар и с ним мой брат!
Вы примирились, коль вместе вас встречаю...
Несчастливая! они убитые лежат. —
Сальгар! почто убил ты брата мне любезна?
А ты, мой брат! почто Сальгара умертвил?
Потеря обоих равно для Кольмы слезна,
И в сердце Кольмином равно ваш образ жил.
Какой теперь я вас могу почтить хвалою?
О брат! ты некогда бывал противным страх;
А ты, прекраснейший в Морвеновых сынах,
Сальгар! друзья мои! беседуйте со мною.
Они безмолвны; жизнь слетела с их лица,
И под рукой моей не бьются их сердца.
О тени милые! хоть вы мне отвечайте:
Не устрасит меня умерших даже глас.
Куда сокрылись вы, отрадну весть подайте,
Скажите, где искать, везде найду я вас;
В которую идти пещеру мне велите?
Но что! стенаю я, а вы, друзья, молчите. —
Воссяду здесь одна я с грустию моей
И утренней зари дождуся со слезами;
Тогда могилу им усердными руками
Изроют их друзья, и я возлягу в ней.
Несчастной Кольмы жизнь как сон уж исчезает;
И что ей жить, когда любезных боле нет?
Близь тока, что с горы здесь шумно упадает,
Глубоким сном она в середине их уснет.
Лишь ночь сойдет с небес в своих покровах черных,
И томная луна проглянет в облаках,

Я буду здесь летать на крыльях ветров горных,
 Рыдая и стенья на хладных сих гробах.
 Услышит в хижине ловец мой глас унылой,
 Он утрашит его и вместе усладит;
 Придут сюда внимать плач Кольмы над могилой:
 Сей плач героев смерть и славу возвестит.

Так песнь воспела нам прекрасная Минона,
 И не могли мы ей внимать без слез и стога;
 Всем Кольма грустная известна нам была,
 И вновь, казалось, в Миноне ожила.
 Тогда предстал Уллин и арфою златою
 Нам песнь Альпинову приятно повторил.
 О Рино! о Альпин! сколь чувством и душою
 Внимавших вам владеть ваш глас искусен был!
 Но вы покоитесь теперь в могилах мрачных;
 Песнь ваша не слышна ни на вершинах зланных,
 Ни моря на берегу, ни Сельмы во стенах:
 Молчанье царствует на наших торжествах.
 Сколь жалобно воспеть умели вы Морара!
 Меч юноши сего был остр, как меч Оскара,
 И духом он велик, как сильный был Фингал;
 Но смерти час пришел, и юноша сей пал,
 И восскорбел отец от тяжкого урона,
 И горько нежная восплакала Минона:
 Морару храброму сестра она была;
 Лишь песнь Уллинову печальную вяла,
 Как ясная луна пред бурей, удалилась.
 Под бардов перстами вдруг арфа оживилась,
 С Уллином вкупе я свой глас соединил,
 И песней наших звук гул звонко повторил.

Р и н о

Замолкнул буйный ветер, и хладный дождь пресекался,
 И неба весь обзор лучами вновь облещя,
 И солнцем озарен холм влажный засверкал,
 И быстрый водопад, стесненный между скал,
 То, пенясь, роется в глубокие стремнины,
 То, укротясь, журчит в излучинах долины.
 Ручей! шум вод твоих прельщает барда слух;
 Но более еще плепется мой дух,
 Когда певец Альпин, годами убеленный,
 Возвысит в честь бойцам свой голос вдохновенный.
 О старец! отвечай: чей горестный урон
 В пустыне чествует твой сладкий сердцу стон?
 Так стонет ветер в лесу дремучем и дебристом,
 Так стонет вал седой при бреге каменистом.

Альпин

О мертвых плачу я, о Рино, бард младой!
О юноша! ты днесь сияешь красотой,
И крепостию сил ты многих превышаешь,
И здравием цветешь; но смерть и ты познаешь,
И медленно в крови потухнет жизни жар,
И ты падешь, увы! как сильный пал Морар.
На гроб печальный твой, пустыней окруженный,
Воссядет изредка лишь путник утомленный;
Светило дня лучей на Рина не прольет,
И лука твоего никто не напряжет.
Морар! хвала тебе: как ломит вихря сила
Цвет польный, так врагов рука твоя ломила;
Ты легкостию ног бег лани мог пресечь;
Как молния сверкал, как гром разил твой меч;
Твой глас подобен был источнику шумящу
Иль грому дальнему, всем гибелью грозящу,
И счета нет мужам, поверженным тобой.
Но возвратясь с полей, дымящихся войной,
Ты ближних радовал, не страшен и не злобен;
С лица светилу дня ты был тогда подобен
Иль в молчаливу ночь задумчивой луне;
И вся душа твоя сияла в тишине,
Как светла озера струи во время ноци,
Когда почили сном и ветер, и степь, и роци.
Морар! и твой навек уже закрылся взор;
Как глыба снежная, отломок вешних гор,
Ты пал: безвестный рок! сколь ты ко всем неверен!
Теперь лишь три шага, и ты, Морар, измерен.
Обросший камнем мхом, без листьев древний дуб
Одни явят векам, что здесь зарыт твой труп;
И не придет никто усердия слезами
Почтить его, и гроб усеять твой цветами;
Уже и мать твою в могилу отнесли,
И дочь Моргланова исчезла от земли.
Но кто же старец сей, покрытый сединою,
Согбенный над жезлом, трепещущей ногою
Печально к нам идет? отец твой, о Морар!
Тобой он жил, в тебе небесный видел дар,
Тобой хвалился, зная, что на войне кровавой
Ты первый юноша и силою и славой;
А ныне слезную узнал он смерть твою. —
Несчастный! орыдай потерю в нем свою;
Но ах! твой сын уже рыдания не внемлет;
В могиле, смертным сном окованный, он дремлет.
О если б отчий глас усопшего воззвал!

Но нет, он в прахе скрыт и сам уж прахом стал.
 Когда же солнца луч во мрачный гроб прольется?
 Когда твой крепкий сон, о юноша, прервется?
 Прости навеки, муж крепчайший из мужей!
 Не знавший ужаса средь битвенных полей.
 Оружием твоим леса не озарятся,
 Ни чада именем отца не возгордятся:
 Нет сына у тебя, погиб с тобой твой род;
 Но подвиги твои уведает народ,
 Им в похвалу Альпин возвысит песни громки,
 И будут им внимать позднейшие потомки.

Так воспевал Альпин, и песней мрачных глас
 Помалу разливал уныние меж нас;
 Но боле всех Армин печалию смутился:
 Вид сына мертвого очам его явился,
 Который яко крин косою ссеченный пал,
 И в утешенье так Кармор ему вещал:
 Армин! почто вздыхать? иль бардов песнь уныла
 Сердечных раны бед глубокие раскрыла?
 Поверь, целебный глас искусного певца
 Утешну сладость льет в растерзанны сердца;
 Так свежая роса, с реки поднявшись летом,
 Туманом стелется в долине пред рассветом
 И влагой теплою питает жадный злак,
 Доколе солнце, встав, разгонит пар и мрак.
 Престань же сетовать, о Гормы вождь почтенный!

А р м и н

Кармор! когда, навек печалью сокрушенный,
 Не осушаю слез средь ночи ни средь дня,
 Какой чудесный бард утешит уж меня?
 Ни сына ты, Кармор, ни дочери не лишался,
 И сирым в старости, как я, не оставался.
 О Давра! мрачен одр, на коем ты лежишь;
 О дочь моя! глубок тот сон, которым спишь.
 Когда проснешься ты и в песнях мне приятных
 Напомнишь радость дней Армину невозвратных?
 Когда среди ночной безмолвной тишины,
 На серебряном луче задумчивой луны
 В окно к родителю с улыбкою заглянешь?
 О! в вечных по тебе слезах меня застанешь.
 Дхни, ветер! лейся, дождь! бей с шумом на брег, волна!
 Катись меж черных туч, кровавая луна!
 Я вспомню страшно ночь, когда погибли чада:
 Убит был Ариндаль, мой сын, моя отрада,
 И смертью медленной дочь Давра умерла.

О дочь несчастная! прекрасна ты была,
Звездою утренней блистал твой взор веселый,
Ты груди белизной снег помрачила белый,
И голос слаще был дыханья ветерка.
О сын мой! крепкая в сражениях рука!
Как туча знойная, висяща над горою,
Чело твое врагам казалось грозою,
Как молния, в боях оружием ты сверкал. —
Муж доблестный, Армар, пришел ко мне в то время;
Он дочери моей любовь к себе снискал,
И радовался я, что здесь Армина племя
Навек останется, и браком сочетал.
Но мщеньем пылал дух злобного Эрата;
Рукой Армаровой в бою лишася брата,
Он вслед за ним пришел и, злобою горя,
Прибегнул к хитрости: одежду рыбаля
Накинув и главу посыпав сединою,
Пред Даврою предстал вечернею порою.
«Армина дщерь, — он рек, — прекрасная из жен!
Армар прислал меня; он ловлей утомлен.
Ты видишь ли скалу, биемую волнами,
И дерево на ней с румяными плодами?
Там Давру милую он с нетерпеньем ждет.
Пойдем, мой челн тебя чрез море пренесет».
И легковерная словам его внимает,
Идет; к пустой скале он с нею приплывает;
На брег сошла она, Армара кличет там,
Но гул пещер один отвечает словам;
Бежит обратно в челн, и нет его: со смехом
Эрат уже отплыл, гордясь коварств успехом.
Тогда что силы есть несчастная зовет,
Да брат или отец на помощь к ней придет,
И громкий вопль ее до берега раздался.
В то время Ариндаль с ловитвы возвращался:
Лук вместо посоха разрывчатый в руках,
Стрелами полный тул звучит на раменах,
Пять черных с лаем псов вослед ему бежали.
Узрел его Эрат, и члены задрожали.
Напрасно скрыться мнишь от глаз его злодей
И жалостью склонить и хитростью речей;
Он узами его ко древу прикрепляет
И, в челн скочив, к сестре бег быстрый направляет.
Но вдруг бежит Армар; обманут ночи тьмой,
Он в Ариндале зрит Эрата пред собой;
Отмщеньем на врага душа его пылает,
Пустил стрелу, она в цель прямо достигает:
Злодея жребий ты, о сын мой, претерпел,

На камень пал, вздрогнул, и дух твой излетел.
Дочь! помню я тебя в печали беспредельной
Над телом братниным, над раною смертельной,
Из коей, как ручей, кровь быстрая текла.
Помчался легкий челн по волнам без весла.
Армар стремится вплавь, решившись иль погибнуть,
Иль к Давре на скалу с спасением достигнуть;
Вдруг вихрь порывистый от берега подул,
И бедственный пловец в пучине утонул.
На камени одна, окружена волнами,
Стенала дочь моя и с горькими слезами
Родителя звала ей помощь принести.
Несчастный! я ничем не мог ее спасти.
Всю ночь, всю долгу ночь, я на берегу скитался.
Свет бледная луны сквозь тучи прорывался,
Страданья Давры слух терзали мой и взор;
Но буря выла, дождь бил с шумом в ребра гор,
И прежде чем восток денница озлатила,
Ее все силы скорбь и нужда истощила;
Помалу ослабев, замолк стнящий глас,
И жизни горестной луч медленно угас.
Она оставила несчастного Армина;
Лишился вдруг всего я: дочери и сына;
Он был защитою и крепостью моею,
Она отрадою моих преклонных дней.
С ужасной ночи той, всегда, как мрачные бури
Сберутся наверху погибельной скалы,
Как тучи частые несутся по лазури
И вихри воющи вьют шумные валы,
Сажусь я у моря и на утес взираю,
Стенаньям жалобным детей моих внимаю,
Их тени бледные летают предо мной:
Они беседуют печально меж собой.
Лишь мне несчастному они не отвечают,
И чуть послышится им голос их отца,
Безмолвны, прочь летят и взоры отвращают...
И горести моей нет меры ни конца.

Так Сельмы во стенах глас бардов раздавался.
Фингал согласьем арф и песней любовался;
В собрании вождей он сильных заседал
И повестям времен задумчиво внимал.
Там часто и меня венчали похвалами,
И первым славил меня между певцами;
Но ныне охладел и Оссианов глас,
Огонь души его с закатом дней угас.
Услышу ль бардов песнь, и дух мой оживает

И память прежних лет опять к себе зову;
Но старость хладные мне руки простирает
И силится во гроб склонить мою главу:
Зачем, мне говорит, еще ты воспеваешь?
И снова ль жизнь свою начать располагаешь?
Могила хладная давно тебя зовет,
И ни единый бард тебя не воспоеет. —
Катись чредой своей, безжалостное время!
И радость коль навек рассталася со мной,
Сложи с меня скорей печальной жизни бремя
И в гробе мне пошли желаемый покой.
Уже лишился я и бодрости и силы;
Друзья-сотрудники лежат в земле сырой,
И тихим дремлют сном в объятиях могилы.
Один остался я; и голос слабый мой
Есть шорох тростника, чуть слышимый в пустыне,
Когда улягутся ряды валов седых,
Замолкнет водопад, затихнет ветер в долине,
И только древ верхи колеблются густых.

1810

А. С. Пушкин

КОЛЬНА

ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальным берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась;
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,

Где Крона катит черный вал,
 Шумящей прохладжен осиною.
 Там ряд является могил;
 Там с верной, храброю дружиной
 Полки врагов я расточил,
 И много, много сильных пало;
 Их гробы черный вран стрежет.
 Гряди — и там, где их не стало,
 Воздвигни памятник побед!»
 Он рек, и в путь безвестной, дальней
 Пустился с бардами Тоскар,
 Идет во мгле ночи печальной,
 В вечерний хлад, в полдневный жар. —
 Денница красная выводит
 Златое утро в небеса,
 И вот уже Тоскар подходит
 К местам, где в темные леса
 Бежит седой источник Кроны
 И кроется в долины сонны. —
 Воспели барды гимн святой;
 Тоскар обломок гор кремнистых
 Усильно мощною рукой
 Влечет из бездны волн сребристых,
 И с шумом на высокой брег
 В густой и дикой злак поверг;
 На нем повесил черны латы,
 Покрытый кровью предков меч,
 И круглый щит, и шлем пернатый
 И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
 О храбрых поздним временам!
 Да в страшный час, как ночь глубока
 В туманах ляжет по лесам,
 Пришлец, дорогой утомленный,
 Возлегли под надежный кров,
 Воспомнит веки отдаленны
 В мечтаньи сладком легких снов!
 С рассветом алыя денницы,
 Лучами солнца пробужден,
 Он узрит мрачные гробницы...
 И, грозным видом поражен,
 Вопросит сын иноплеменный:
 „Кто памятник воздвиг надменный?“
 И старец, летами согбен,
 Речет: „Тоскар наш незабвенный,
 Герой умчавшихся времен!“»

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыко сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.

.

Близь пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели;
И в пене кубок золотой
Кругом несется чередой. —
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил;
Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил —
И тяжело грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огонь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови,
На юны прелести взирая,
Он полную чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон.
И царствует в чертогах сон.

.

Редает ночь — заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна:
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи

Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой.
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает;
Надвинут на чело шелом,
И гибкий стан покрыт щитом;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренний в долипе пар.

«О юный ратник! — рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрит ручьев струисты волны?
Но все спокойно — тишина
Окрест жилища нежной Кольны».
«Спокойны дебри Каломоны,
Цветет отчизны край золотой;
Но Кольна там не обитает,
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой».
«Что рек ты мне, молодой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!» — И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
«Ты ль это? ..» — возопил герой,
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

А. А. Крылов

ОСКАР И ДЕРМИД

ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ

Почто, сын Альпина, почто отверзаешь
Источник рыданий моих?
О смерти Оскара почто вопрошаешь,
Расцветшего к жизни на миг?
Мне время главу сединами покрыло,
Потухнули очи от слез;
Но сердце несчастья сего не забыло,
Свирепого гнева небес!
Оскар! не сойдешь с облаков отдаленных,
Чтоб слезы отца отереть!
Венчанного славой, в доспехах военных,
Тебя мне уж боле не зреть!

Ты скрылся от взоров, как солнце золотое,
В час полдня объятое мглой;
Ты скрылся, как в тучах мерцанье ночное,
Протекшее быстрой стрелой!
Один я оставлен судьбою жестокой!
Так дуб средь могильных холмов,
Склонившись уныло, стоит одинокой
Без ветвий, без юных листов.
Отрады не вижу я в жизни сей слезной;
Скорее, желанная смерть!
Что в мире печальном? Оскар мой любезной,
Тебя мне уж боле не зреть! . .

Герой в буре брани не так исчезает,
Как былие наших полей:
В крови сопостат он свой меч обагрят
Под блеском их грозных мечей;
Орлиным полетом парит меж полками
С перунами смерти в руках,
И падши, сраженный противных стрелами,
Он гибнет на вражьих телах.
Но сын мой! не пал ты во брани со славой,
Дни верного друга пресек,
И друг неразлучный стезею кровавой
Тебя за собою повлек!

Оскар и Дермид украшением были
Героев Морвенской страны

И нежное дружество в сердце хранили
Средь ужасов грозной войны.
Подобно двум камням, летящим с вершины
Арвена, покрытого мхом,
Они устремлялись на вражи дружины —
И все повергали кругом.
При виде их сильные в страхе дрожали,
Предчувствуя смертный удар.
«Спасайтесь, о други! — они восклицали, —
Пред нами Дермид и Оскар!»

Они поразили, отмщеньем пылая,
И Дарга, могущих царя!
Дочь грозного Дарга Мальвина младая
Прекрасна была, как заря;
Скромна, как светило стыдливое ночи,
Низведшее взор в океан,
И кротко сияли прелестные очи,
Как звезды сквозь легкий туман;
А грудь волновалась тихим дыханьем,
Как снег, низлетевший с небес,
Колелемый нежным Зефира лобзаньем
На ветвях зыбких деревьев.

Герои узрели ее — и пленились;
Повергли оружие пред ней,
И пленнице робкой они покорились,
Забыв о победе своей.
Мальвина в невинной груди ощущала
Дотоле безвестный ей жар;
Взглянула — и пламенным взором сказала,
Что мил ее сердцу Оскар!
Сколь все ей в Оскаре казалось прекрасно:
И юные розы ланит,
И речи, как арфы игра сладкогласной,
И меч его бранный и щит.

Власы из-под шлема его развевались,
Как черного врана крыле;
С любовью слава и дружба сливались
На светлом героя челе.
Улыбкою, взглядом, присутствием милой
Пред ним озарен целый свет;
Для друга его все мертво и уныло,
Надежды и радости нет!
«О друг мой! я Даргову дочь обожаю, —
Оскару вещает Дермид, —

Ты любишь ее, ты любим — я страдаю.
 Что ж горесть мою исцелит?

Где счастье найду, изнуренный тоскою?
 Одна мне отрада — твой меч!
 Оскар! удостой ты своею рукою
 Печальную жизнь мне пресечь!» —
 «Оскару ли кровью твоей обогреться
 И друга во гроб низвести?» —
 «Кто ж смеет с Оскаровым другом сразиться
 И смертный удар нанести? —
 Я с честью паду, побежденный тобою,
 С весельем явлюсь в облаках,
 И если почтишь ты Дермида слезою,
 То слава осветит мой прах!» —

«К чему ты меня преклоняешь, несчастной?
 Я должен тебя умертвить!
 Но после могу ли владеть я прекрасной,
 Могу ли без друга я жить?
 Как ночью с пути совратившийся странник,
 Я буду блуждать средь могил;
 А ты — и в небесной отчизне изгнанник,
 Без друга все будешь уныл!
 Нет! вместе мы кончим сердечные муки
 Со славой от наших мечей!
 Пойдем и погибнем! Не будет разлуки
 И в гробе для нежных друзей».

Герои в долине меча обнажают,
 Доспех их булатный гремит;
 Стремятся, отходят, разят, отражают —
 И пал злополучный Дермид!
 Вотще победитель лобзаньем, слезою
 Мнит к жизни Дермида воззвать,
 И рану сжимает дрожащей рукою,
 Чтоб крови поток удержать;
 Дермид угасает с улыбкою ясной!
 В отчаяньи стонет Оскар;
 Склоняся главою над жертвой несчастной,
 Уж поздно клянет свой удар!

Для взоров его золотая денница
 Покрылась туманом густым;
 Все в мире вещает ему: ты убийца!
 И всюду Дермид перед ним!
 То бурей одеян, перуны отмщенья

И пламенник гнева несет;
 То нежной улыбкой, лучом примиренья
 В чертоги воздушны зовет.
 Трепещет Оскар и в безлюдной пустыне
 Блуждает, как призрак ночной.
 С раскаяньем в сердце предстал он к Мальвине
 И с мрачной во взоре тоской.

Бледнея от страха, она вопрошает:
 «Почто столь печален, мой друг?» —
 «На ловле и в битвах, — Оскар отвечает, —
 Был прежде ужасен мой лук,
 И стрелы мои пролетали дубравы
 Быстрее небесных огней;
 Но ныне затмились дни юныя славы:
 Нет силы во длани моей!
 Напрасно старался пронзить я стрелою
 На древе повешенный щит;
 Упорствует лук перед слабой рукою
 И к цели стрела не летит!» —

«Позволишь ли мне испытать свои силы,
 Могу ли я луком владеть? —
 Веди меня к цели! ты будешь, мой милый,
 Пред слабою девою краснеть!»
 С колчаном и луком пришли на долину,
 Где все улыбалось кругом.
 Оскар, неприметно оставя Мальвину,
 Сокрылся в кустах за щитом.
 Звенит тетива — и стрела засвистела,
 И щит раздробленный упал!
 С веселием к другу Мальвина летела,
 Но он уж пронзенный лежал.

Увидя ее, он при дверях кончины
 С улыбкою ей говорит:
 «Мне смерть не ужасна! рукою Мальвины
 Отмщен мой любезный Дермид!
 На этой долине повержен он мною:
 Предай ты нас вместе земле! . . .»
 Сказал — и ко праху поникнул главою,
 И смерть разлилась на челе!
 Так пал мой Оскар — и уже не восстанет!
 Погасла надежда моя!
 Кто нежно на старца несчастного взглянет?
 Кто в землю положит меня? . . .

Прелестная смотрит, дрожит, цепенеет:
 Нет друга — нет счастья для пей!
 Для ней все погибло! и солнце бледнеет,
 И скрылась земля от очей!
 Извлекши стрелу, она грудь поражает,
 Вослед за любезным летит! —
 Несчастных могила одна заключает,
 И древо над нею шумит!
 Над мрачной гробницею витязей сильных
 Покоится робкая лань;
 И точит железо на камнях могильных
 Воитель, готовясь на брань.

На гробе несчастных, восседши с тоскою,
 Я слезы сердечные лью.
 Склоняются милые тени над мною,
 В воздушном блуждая краю.
 Я, мнится, их вижу черты незабвенны,
 Я внемлю призывный их глас.
 Ответствуйте: скоро ли, тени священны,
 Наступит последний мой час?
 На вас я взираю с немим ожиданьем,
 За вами душою несусь:
 Когда ж я расстануся с жизнью, с страданьем,
 И скоро ль я к вам преселюсь?

1818

А. А. Никитин

ОТРЫВОК ИЗ ОССИАНОВОЙ ПОЭМЫ

КАРТОН

Клессамор, сын Тавдов и брат Морны, Фингаловой матерп, находясь в войске Фингала, рассказывает сему герою приключение своей юности.

Застигнут бурею, Балклуту я узрел.
 В раздранных парусах ужасный ветр свистел,
 И мой корабль, носясь в пучине разъяренной,
 Примчался к берегам страны иноплеменной.
 Там в Рютамировых чертогах, о Фингал,
 Спокойный, сладкий сон три ночи я вкушал.
 Младая дочь его мой взор очаровала;
 И страстию душа к Моине запылала —
 И Рютамир, склонясь на брак ее со мной,

Моины сердце мне вручил с ее рукой.
 Как пена бурных волн, вздымалась грудь прелестной;
 Как звезды светлые на высоте небесной,
 Покрыты сумраком, горят во тьме ночной,
 Так очи девы сей блистали предо мной.
 Спокойна и ясна была душа Моины,
 Как серебряный поток цветущия долины,
 Едва струящийся под тению ветвей!

Иноплеменных вождь, горя любовью к ней,
 В чертог ее отца вступает дерзновенно,
 Бросает на меня взор, гневом распаленный,
 И мощной дланию схватя булатный меч,
 «Где он? где вождь Комгал? — ко мне простер он речь. —
 Где ратоборец сей, в боях неутомимый?
 Ведет ли воинство с собой непобедимо,
 В Балклутскую страну простря свой жадный взор,
 Или один притек ты, дерзкий Клессамор? ..» —
 «Познай, — вещаю я, — познай, пришлец нежданный,
 Что Клессамор — супруг, Моиною избранный,
 Что он бестрепетен средь тысячи врагов,
 Хоть рать его от сих далеко берегов!
 Как победитель мой ты в сей чертог вступаешь
 И одинокому мне смертью угрожаешь:
 Но, витязь, не забудь, что меч еще со мной,
 Который был в боях один защитник мой!
 Престань, о Клуты сын, воспоминать К...»

Вдруг раздраженная в нем гордость восмчалала,
 И тяжкий меч его со свистом засверкал:
 Но я отвел удар — и враг надменный пал
 Как отдаленный гром, паленья звук раздался:
 Внезапно копий лес в долине показался
 Горя отмщением, питомцы чуждых стран
 Хотели влечь меня, как пленника, в свой стан.
 Спасаясь от врагов, стесненный их толпами,
 Узрел я свой корабль над клутскими водами;
 Я бросился в него под тучей вражьих стрел
 И по зыбям морским в отчизну полетел.

Моина притекла за мной на берег дикий.
 Ветр бурный разносил ее печальны клики
 И черные волосы прелестной разведал.
 Я в горести средь волн к ней руки простираю,
 И возвратиться к ней стократно порывался;
 Но тщетно! Мой корабль стрелой по бездне мчался.
 С тех пор я никогда Моины не встречал

И жить для счастья с тех пор я перестал.
Уже сразила смерть ее в стенах Балклуты!
Я видел тень ее в те страшные минуты,
Как Лоры на волнах, одетых черной мглой,
Скитались призраки воздушною толпой.
Она подобила луне новорожденной,
Печальным сумраком от взоров сокровенной,
Когда из бурных туч пушистый снег летит
И ветер меж дубов поверженных свистит!

«Воспойте вы хвалы возлюбленной Моине,
О барды! — рек Фингал. — Да ваши песни ныне
Исполнят радостью блуждающую тень
И призовут ее чертогов горних в сень;
Да с блеском явится она в надзвездном мире,
Как полная луна в безоблачном эфире,
И встретит праотцев с весельем пред собой.

Я зрел Балклуту сам. . . Увы, соратник мой! . .
Она казалась мне гробницей древней славы;
Разрушились ее чертоги величавы;
Глас человеческий не раздастся в ней;
Течение реки среди пустых полей
Уже совращено упавшими стенами,
И терн обвил столпы колючими ветвями,
И на развалинах желтеет мох густой,
И только слышится зверей пустынных вой.
Моины нежные жилище опустело;
Молчанье мертвое чертогом овладело,
Где дни счастливые отцов ее текли!

О барды славные Морвенския земли!
Вы падшим братьям в честь на арфах возгремите;
Иноплеменников судьбу слезой почтите.
Они, как злак полей, увяли прежде нас;
Но скоро прозвучит и наш последний час!
Почто ж, о смертный, ты чертоги воздвигаешь,
Когда в отверстый гроб безвременно вступаешь?
Ты наслаждаешься счастливою судьбой;
Но смерть всему конец, и все умрет с тобой!
И скоро восшумит пустынный ветер уныло
В разрушенных стенах и над твоей могилой,
И над дубравою печально засвистит,
Где истлевают твой осиротелый щит! . .

Но пусть бушует ветер над нашими гробами,
Друзья! мы будем жить великими делами!

Так! имя храброго наполнит целый свет;
 Покажет поле битв следы моих побед,
 И буду я внимать в надоблачных селеньях
 О подвигах своих в бессмертных песнопеньях.
 Утештесь, о друзья! героя торжеством,
 Да чаша пиршества обходит нас кругом;
 Да радость чистая вождей воспламеняет!
 О други! звук побед в веках не умолкает...

О солнце, гордое светило в небесах!
 Когда назначено вселенныя в судьбах
 Исчезнуть и тебе, божественно созданье,
 И если и твое здесь временно сиянье,
 То слава дел моих тебя переживет!»

1820

Ф. И. Бальдауф

ПЕСНЬ УЛЛИНА НАД ГРОБОМ КОНАЛА

Угрюмая осень в покровах печальных
 Спустилась на горы — и глухо ревут
 Свирепые бури в ущелинах дальних,
 И мутные воды лениво текут.
 Там древо на холме стоит одиноко,
 Где спит непробудно могучий Конал,
 И ветер, подъявля прах серый высоко,
 Иссохшими листьями гроб обметал.
 Там тени почивших в унылом мерцанье
 Являются часто на лунных лучах,
 Когда звероловец в безмолвном мечтанье
 Блуждает на ближних высоких холмах.
 Конал! ты ужасен был в брани кровавой;
 Твой род, знаменитый герой, возрастал
 Под бурями жизни, как дуб величавой,
 И, гордый, перуном сраженный, упал! —
 Он пал! . . Кто заменит собою Конала?
 Здесь бурные громы ревели кругом.
 Сколь пагубны брани владыки Фингала!
 (Здесь юный воитель склонился челом). —
 Конал! ты сокрылся, как призрак мгновенный,
 Блеснувший в долине в час ночи глухой;
 Твой меч был противным — перун разъяренный;
 Ты тверд был, как камень Арвена седой.

И очи, как уголь горящий, блистали,
 Как бурь завыванье — могучего глас.
 Противные робко друг другу вещали:
 «Настал наш последний, погибельный час!»
 И скрылись, как тени, герой! пред тобою —
 Как в злачной долине терновника цвет,
 Сраженный младенческой, слабой рукою.
 Исчезли! . . Кто смеет? . . Но Дарг восстает,
 Как черная гуча, облекшись громами;
 Во взорах кровавых огонь мщенья сверкал;
 Он громко поводит густыми бровями —
 И с витязем сильным сразился Копал.

Младая Кримора на битву взирала,
 В оружии бранном, как юный герой,
 О жизни Конала она трепетала —
 И в Дарга пустила пернатой стрелой.
 Стрела отклонилась. . . и друга пронзает,
 И брызнула быстро могучего кровь! . .
 Кримора героя вотще призывает
 К оставленной жизни. . . Погибла любовь!
 Погибли надежды, души обольщенье!
 Без милого друга печален и свет.
 Прелестная дева страдала в мученье —
 И скоро увяла, как сорванный цвет!

Здесь гробы несчастных! Высокой травкою
 И терном колючим они поросли.
 Здесь часто сажу я с крылатой мечтою.
 Всё быстрые годы с собой унесли!

1820

М. П. Загорский

МОРНА

ИЗ ОССНАНА

У шумного ручья, при мшистом дуба корне,
 Под Дюкомаровым пал Каитбат мечом,
 И гордый Дюкомар, вступая с торжеством
 В пещеру Турскую, вещал прелестной Морне:
 «Почто, Кормака дочь, краснейшая из дев,
 Сидишь, уединясь в расселине кремнистой?
 С печальной томностью журчит источник чистый,

Разносит бурный ветер стенание дерев,
Нахмурясь, озеро вздымается волнами,
И небо серыми одето облаками.
Но ты бела, как снег на высоте горы,
И волосы твои, как легкие пары,
Когда, озарены последними лучами,
Над гордой Кромлою висят они кудрями,
И грудь прелестная, подобно двум холмам
Близь ясных Браннских струй, является очам». —

«Отколе ты притек? — прекрасная вещает. —
Отколе ты притек, мрачнейший из людей!
Ужасен вид твоих нахмуренных бровей,
И тусклым пламенем твой мрачный взор сверкает.
Или уже Сваран претек стези морей,
И гордый Дюкомар песет известье браней?» —

«О Морна! я низшел с крутого холма ланей!
Трикраты гибкий лук звенел в руке моей:
Три лани легкими постигнуты стрелами,
И три изловлены еще моими псами.
О дочь Кормакова! давно мне вид твой мил.
Оленя юного я в дар тебе сразил:
Многоветвистыми он красился рогами
И ветер обгонял проворными ногами». —

«Суровый юноша, я не люблю тебя!
Для девы черных глаз твоих ужасен пламень,
И сердце лютное в груди твоей, как камень.
А ты, Торманов сын, прелестный Каитбат!
К тебе любви моей желания летят;
Ты мне любезнее, чем солнце золотое,
Когда, прогнав грозу, в торжественном покое,
Оно является на тверди голубой.
Скажи, не встретился ль с тобою ратник мой?
Здесь Морна ждет его желанного возврата». —

«И долго Морне ждать младого Каитбата!
Уж сталь моя в его обагрена крови;
Близ Браннских струй его рука моя сразила,
На Кромле витязю воздвигнется могила.
Но, дева, отвечай на жар моей любви:
Сильна моя рука, как ветер океана». —

«Итак, уж нет тебя, прекрасный сын Тормана! —
И Морны ясный взор наполнился слезой. —
Итак, уже погиб, любезный ратник мой!

Любил предшествовать ты звероловцам горным,
 Враждебным пришлецам был страшен твой удар...
 И ты его сразил, свирепый Дюкомар!
 Злодей, ты навсегда разрушил счастье Морны!
 Но сжался надо мной: вручи мне сталь твою,
 Да кровь любезную слезами оболью».

Смягченный горькими отчаянной слезами,
 Он ей вручает меч; и дева с торжеством
 Пронзает грудь его холодным острием.
 Как камень, от скалы отторгнутый громами,
 Он пал и руки к ней дрожащие простер:
 «О Морна! смертный мрак уже покрыл мой взор;
 Я чувствую в груди жестокий холод стали.
 Отдай, молю, мой прах Моине молодой;
 Меня ей одного мечты изображали;
 Она могильный холм возвысит надо мной;
 Ловец узрит и дань заплатит мне хвалой...
 Но, дева юная, почувствуй сожаленье:
 Уж льется по костям моим оледененье,
 Теки на помощь мне, прекрасная, теки,
 И сталь кровавую из груди извлеки».

Она приблизилась и слезы проливает,
 И сталь кровавую из груди извлекает:
 Коварный Дюкомар, собрав остаток сил,
 Исторгнул меч из рук и грудь ее пронзил.
 Она падет, как цвет, повергнутый грозою;
 Прекрасные волосы расстлались по земле;
 И закипела кровь багровою струею
 Вдоль груди, снежною блестящей белизною,
 И бледность томная явилась на челе;
 Пещера смертное узрела содроганье,
 И камень повторил последнее стенанье.

1823

П. П. Шкляревский

ПЕСНЬ ОССИАНА

В долине сокровенной
 Блится красотою
 Цветочек осребренный
 Небесною росой;
 Пустынный ветер, играя,
 В его листах шумит,
 И он, главу склоняя,

Так ветру говорит:
 «О ветер, крылом свистящий!
 Зачем играешь мной?..
 Дай прохладить блестящей
 Главу мою росой!
 Сим перлом окропила
 Ночь тихая меня!..

Увы! судьба решила!..
 Увяну скоро я!..
 И стебель мой склонится
 На сей пустынный прах!..
 Не буду веселиться
 Я солнцем в небесах,
 Ни кроткою луною,
 Ни юностью дня,
 Ни светлою росой,
 Сребрящею меня!..
 И стебель мой истлеет,
 Увянет цвет в листьях,
 И ветер их развеет
 В долинах и полях...
 И зверолов с зарею
 Напрасно в луг придет;
 Пленявшего красою
 Цветка он не найдет!
 Напрасно будет в поле
 Смотреть со всех сторон —
 Меня не будет боле,
 Меня не узрит он.
 „Где ты цветочек милый —
 Краса долины сей?“
 И слез поток унылый
 Покатится струей!..»
 Так некогда увянет
 И старец Оссиан,
 И арфы песнь престанет
 Пленять героев стран!..
 «Где славный сын Фингала, —
 Так скажет зверолов, —
 Чья песнь воспламеняла

Героев на врагов!..
 Что персты не летают
 По пламенным струнам?..»
 И слезы заблестают,
 Струясь по щекам!..
 И там, где арф струнам
 Я битвы воспевал,
 Где ты, Фингал, с сынами
 В день брани пировал,
 Где кубки круговые
 Стучали по столам,
 Там будут вепри злые
 Скитаться по лесам;
 Умолкнет глас гремящих
 Фингалу бардов гимн;
 Не будет от горящих
 Дубов взвеваться дым;
 И башни наклоненны
 Оденет мох с травой,
 И терн уединенный
 С крапивою седой;
 И ветер, играя листом,
 В чертогах восшумит;
 «Нет барда!» — эхо с свистом
 Уныло повторит!
 Лишь небо озлатится
 Янтарною зарей —
 На гроб придут резвиться
 Лань и олень молодой;
 Лишь зверолов, стрелами
 Спешащий серн разить,
 С играющими псами
 Могилю посетит.

1823

В. Е. Вердеревский

КОННАЛ И ГАЛЬВИНА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ФИНГАЛ»

Свершив труды войны счастливой,
 Минутный гость родных лесов,
 Коннал со стаей резвых псов

Бродил в пустыне молчаливой;
На высоты угрюмых скал
Взбирался дикою тропюю
И там внезапною стрелою
Свирепых вепрей поражал.

В ловитве, в поле грозных боев
Нигде Конналу равных нет:
Его стремленье — ряд побед,
Его десница — смерть героев!

Но взор, как небо, голубой,
Уста и свежие ланиты,
Румянцем девственным покрыты,
Гальвины нежной и младой
Пленили дикого Коннала;
Дщерь Комла, цвет морвенских дев,
Душой героя овладев,
Сама любовь к нему познала.

С тех пор их радостные дни
Текли в беспечности невинной;
Так меж цветов ручей пустынный
Катит прозрачные струи.

Но враг Коннала дерзновенный,
Грумал их счастье отравил,
Он взор на деву устремил,
Безумной страстью воспаленный.
Бродя с утеса на утес
И протекая гор вершины,
Он ждал застенчивой Гальвины,
Как серны ждет коварный пес.

Однажды в густоте тумана,
Коннал, сокрывшись от друзей,
Притек с подругою своей
В пещеру храброго Ронана.
Там, на разрушенных стенах
Висели копыя, стрелы, латы,
В углу лежал шелом косматый
И щит, поверженный во прах.

К о н н а л

Покойся здесь, моя Гальвина!
На высоте кремнистых скал
Я видел серну...

Гальвина

А Грумал? . .

Сей грозный сын снегов Ерина?
Он часто знойною порой
Приходит здесь искать прохлады;
Меня страшат Грумала взгляды. . .

Улыбкой отвечал герой
Роптанью девы боязливой,
Взял лук — и к серне полетел.
Среди мечей, кольчуг и стрел
Одна в пещере молчаливой
Гальвина думала о нем
И молча вслед ему взирала;
Потом надела шлем, забрало,
Сокрыла перси под щитом
И гордо витязю явилась.

Едва узрел врага Коннал,
Он вспыхнул, гневом запылал,
И вмиг стрела его вонзилась
Гальвине в грудь, сквозь крепкий щит:
Он кровью девы обагрился,
С главы шелом ее скатился,
Копье из рук ее скользит, —
И кто ж, сей мнимый сын Ерина,
Терзаясь, плавает в крови? . .
Коннал! . . предмет твоей любви:
Твоя прекрасная Гальвина!

Покинув девы хладный прах,
Простясь навек с родной страной,
Коннал кипел одной войною
И смерть нашел в боях!

1824

Д. В. Веневитинов

ПЕСНЬ КОЛЫМЫ

Ужасна ночь, а я одна
Здесь на вершине одинокой.
Округ меня стихий война.
В ущелиях горы высокой

Я слышу ветров свист глухой.
Здесь по скалам с горы крутой
Стремится вниз поток ревучий,
Ужасно над моей главой
Гремит перун, несутся тучи.
Куда бежать? где милый мой?
Увы, под бурюю ночною
Я без убежища, одна.
Блесни на высоте, луна,
Восстань, явися над горою!
Быть может, благодатный свет
Меня к Салгару приведет.
Он, верно, ловлей изнуренный,
Своими псами окруженный,
В дубраве иль в степи глухой.
Он сбросил с плеч свой лук могучий
С опущенною тетивой,
И презирая громы, тучи,
Ему знакомой бури вой,
Лежит на мураве сухой.
Иль ждать мне на горе пустынной,
Доколе не наступит день
И не рассеет ночи длинной?
Ужасней гром, ужасней тень,
Сильнее ветров завыванье,
Сильнее волн седых плесканье,
И гласа не слышать. —
О верный друг, Салгар мой милый,
Где ты? ах долго ль мне унылой
Среди пустыни сей страдать?
Вот дуб, поток, о брег дробимый,
Где ты клялся до ночи быть.
Ведь для тебя и кров родимый
И брат любезный мной забыт.
Семейства наши знают мщенье,
Они враги между собой.
Но мы враги ль, Салгар, с тобой?
Умолкни, ветер, хоть на мгновенье.
Остановись, поток седой!
Быть может, что любовник мой
Услышит голос, им любимый.
Салгар! здесь Кольма ждет;
Здесь дуб, поток, о брег дробимый,
Здесь всё; лишь милого здесь нет.

А. И. Полежаев

МОРНИ И ТЕНЬ КОРМАЛА

ИЗ ОССИАНА

Морни

Владыко щитов,
 Мечей сокрушитель
 И сильный громов
 И бурь повелитель!
 Война и пожар
 В Арвене пылают,
 Арвену Дунскар
 И смерть угрожают.
 Реки мне, о тень
 Обители хладной!
 Падет ли в сей день
 Дунскар кровожадной?

Твой сын тебя ждет,
 Надеждою полный.
 И море ревет,
 И пенятся волны;
 Испуганный вран
 Летит из стремнины,
 Простерся туман
 На лес и долины;
 Эфир задрожал,
 Спираются тучи...
 Не ты ли, Кормал,
 Несешься могучий?

Тень

Чей глас роковой
 Тревожить дерзает
 Мой хладный покой?

Морни

Твой сын вопрошает,
 Царь молний, тебя!
 Неистовый воин

Напал на меня.
 Он казни достоин.

Тень

Ты просишь...

Морни

Меча!
 Меча твоей длани,
 От молний луча!
 Как бурю, во брани
 Узришь меня с ним;
 Он страшно заблещет

На пагубу злым;
 Сын гор затрепещет,
 Сраженный падет —
 И Морни воздвигнет
 Трофеи побед...

Тень

Прими — да погибнет!..

А. Н. Муравьев

ОССИАН

Son of Alpin strike the string.

Ossian *

Коснися струн, о сын Альпина!
 В них отзыв радости гремит!
 И от души моей кручина
 Туманом легким отлетит!
 Тебе во мраке, бард, внимаю;
 Но да умолкнет песней глас,
 В скорбях лишь я отраду знаю,
 И жизнь годами ушлаась!

Зеленый терний над могилой,
 Полночных ветров верный друг,
 В тебе нет звука — прежней силой
 Уж листьев не колеблет дух!
 Умерших тени в тучах славы,
 Отзывный ветер их несет,
 Когда луна, как щит кровавый,
 С востока сумрачно идет!

Уллин! минувших дней отрада!
 Дай в Сельме глас услышать твой!
 Куда исчезли песней чада?
 Без них вся жизнь — как сон немой!
 Где в тучах ваш чертог орлиный?
 Быть может, с арфой золотой,
 В туманных тканях, из пучины
 Зовете солнца луч младой!

1826

И. П. Бороздна

БОЙ ФИНГАЛА С ДУХОМ ЛОДЫ

ИЗ ОССИАНА

Когда придет возврат дней младости блаженных?
 Когда, сияющий оружием стальным,
 Изыду я на брань — и меж врагов надменных

* [Сын Альпина, ударь по струнам. Оссиан (англ.)].

Еще блесну мечом отмстительным моим?
О Сельма! старца взор, потушенный годами,
Опять веселые холмы твои узрел,
И оный день, когда с героями друзьями
Фингал, сразя врагов, в отчизну прилетел.
Соперники мои — все барды окружали
Владыку юного и с арфами в руках
Своих соотчицей победы прославляли,
Везде гремевшие на суше и морях!
Морвена государь, на копие склоненный,
С улыбкою внимал бессмертным их хвалам,
Мечтой переносясь к поре той незабвенной,
Когда стремился он во сретенье врагам! . .
Но ах! могучего героя нет со мною —
И взоры не найдут нигде его следов!
Мальвина, все уже окрест оделось мглою,
Зарница лишь горит над сумраком лесов:
Пойдем. При свете сем, на мураву густую
Простершись, пением заботы усыпим;
Из Сельмы принеси мне арфу золотую —
И глас твой съедини с бряцанием моим!
Свидетель прошлых лет и дел Фингала дивных,
Я мужество его прослаблю! — Кто дерзал
Противустать ему, когда на сопротивных
Меч победительный он грозно обнажал?

Уже спустилась ночь на горы и долины,
Умолкнул бранный шум среди вражеских шатров,
И племя ратников почившей сном дружины
Златились углями чуть светивших костров.
Отец мой, думаю глубокой возмущенный,
Один лишь сладкого покоя не вкушал,
Взор томный устрема на брег уединенный,
Где замок Инистор в развалинах лежал.
Уже Катлин, взойдя как будто на тумане,
Окрестность тусклыми лучами озарил,
Когда, покинув сон в безмолвствовавшем стане,
Фингал в соседний лес тропинками спешил.
Вдруг буря восстает, ярится ветер летучий,
Вдруг меркнет свод небес, темнеет блеск светил,
И призрак, разогнав сгустившиеся тучи,
В огне, в крови летит — и громы окрилил!
Сверкают молнии во взорах разъяренных,
В руке — стрела и меч, послушные перстам,
Смерть грозная видна в чертах изнеможенных,
И эхо вторит глас могильный по горам!
Фингал, на призрака с презрением взирая,

Воскликнул, шествуя бестрепетной стопой:
«Сын мрака! да умчит тебя гроза ночная
Крылами быстрыми на черный облак твой!
Зачем сей страшный вид предстал передо мною?
Ты льстишься ль мужество Фингалово смутить?
Кого ты устрашишь воздушною стрелкою?
Кого твой снежный лук возможет победить?
Носимый бурями в туманном отдаленье,
Ты уничтожишься, как ветром дым пустой,
Когда в руке моей, неся тебе отмщенье,
Комгала грозный меч возблещет над тобой!» —
«Фингал! ужели ты забыл, что припадают
Мне племена людей в священных сих лесах?
Покинули места, где гром мой обожают,
Где зрю себе алтарь, где сею дланью страх?
Возвышу глас — и ветер бушует разъяренный,
И возмущается грозю небосклон;
Воссяду ль, одинок, покоем окруженный,
В златом сиянии на свой лазурный трон —
И дань приносят мне покорные народы!
Решаю участь их властительной рукой!
Тревоги на земле и бури всей природы,
Как облачный туман, вратятся подо мной!» —

«Лети ж от глаз моих в воздушные селенья!
Фингалу к подвигам путей не преграждай!
Он никогда твои не возмущал владенья?
Лети — и устрашать героя не дерзай!» —

«Морвена государь! спеши к отчизне милой,
Я бурю укротил на яростных морях!
У берега корабли — и ветер легкокрылой
Шумит чуть слышимо в спокойных парусах!
Твой славный супостат, твой бич — владыка Соры,
Которому я вождь вернейший средь побед, —
Уже с дружинами достиг шумящей Лоры.
Беги — иль от меня тебе пощады нет! . . .»

Умолкнул и, главу ужасную склоняя,
В Фингала уж стремится беспильное копье;
Но, неколеблемо оружием блистая,
На помощь призвал он все мужество свое —
И призрака уже сталь крепкая пронзает,
И мчится стон его по дремлющим лесам. . .
Тень побежденная мечом своим вращает
И, в дым превращена, несется к облакам!

М. Н. Муравьев

РОМАНС,

С КАЛЕДОНСКОГО ЯЗЫКА ПЕРЕЛОЖЕННЫЙ

Лес священный, помаваешь
Со крутых своих вершин.
Кажется, что ты взываешь:
«Встань, Фингалов бодрый сын!

Встань, возьми шелом пернатый
И златую булаву.
Здесь стоя, твой конь крылатый
Ронит слезы на траву».

Ты взываешь; сын Фингала
Зву не внемлет твоего;
Смерти хладно покрывало
Не сорвет рука его.

Ах, несчастная Мальвина,
Здесь в полночные часы
Ищешь друга, но судьбина
Не снисходит для красы.

Так, как утренней росой
Оживленный только цвет
Пожинается косою,
Так упал он в цвете лет.

Здесь невидима ограда
Держит друга твоего.
Слезы, вот твоя отрада, —
Слезы дбйдут до него.

Или лучше взор слезящий
Возведи на горний круг:

Зри со облаком парящий,
Зри его блестящий дух —

Так, как некогда с полночных
Устремляясь берегов,
На горах гремел восточных
Посреди своих врагов,

Как советы витязь юный
Старцам мудрым подавал
Или арфы стройны струны
Гласом сладким провождал.

Он окончил дней течение —
Нас волнует жизни ток.
Бойтесь бури: в небреженье
Не застал бы лютый рок.

1804

М. Олешев

ЛОТРЕК

ИЗ ПЕСНЕЙ ОССИАНА

Ветры ужасны
Воют, шумят;
Слабо мелькает
Бледна луна;
Дубы столетни
Гнутся, скрипят;
Птицы со страху
Скрылись в лесах;
Боле не слышно
Пения их;
Лишь раздаются
В мрачном лесу,
С ветром мешаясь,
Крики совы;

Один несчастный сын Арминов,
В глубокой горести своей,
Не чувствуя грозы ужасной,
Стоит, на камень опершись,

Под коим скрыт ему любезной
Прекрасной Деагрены прах.
Имея на лице унылость,
Нося в груди жестоку страсть,
И обратя свой взор на камень,
Лотрек, вздыхая, говорит:

Пусть свирепеет
Буря везде,
Ветры ужасны
Грозно шумят,
Пусть все стихии,
Вдруг соединясь,
Сильно бунтуют,
Горы трясут!
Пусть раздается
Страшный отзыв
В мрачных пещерах,
Темных лесах!
Ужас природы
В сердце моем
Ныне не может
Страх произвесть;
Я уж лишился
В свете всего,
Нет мне утехи,
Нет мне отрад!
Счастье, довольство,
Радостна жизнь,
Прочь отлетели,
Скрылись от глаз.

Смерть ужасною рукою
Прекратила жизни нить
Милой, нежной Деагрены
В цвете юных ее лет!
Я остался в горькой скуке
Жизнь плачевную вести,
И всечасно со слезами
О любезной вспоминать.

Но что я говорю, несчастный!
Могу ль я ныне слезы лить?
Давно иссякнул, прекратился
Из глаз лиющийся поток;
Осталось мне одно мученье,
Отчаянье и вечный стон;

Но скоро, может быть, судьбою
И мне назначен сей предел,
Чтоб, скорби прекратя несносны,
Оставить жизнь, сойти во гроб
И там навеки съединиться
С тобой, дражайший милый прах!

Придет прежней сотоварищ
Жизни счастливой моей,
Изумленным взором будет
Друга прежнего искать;
Но увы! он не увидит
Более его нигде!
Пусть он спросит о Лотреке:
Где его сердечный друг? —
Но, когда о том узнает,
Что несчастный друг его
От несносного страданья
Злую жизнь свою скончал
И что он тогда ногою
Попирает прах его,
Хладною землей покрытый,
В месте том, где он стоит;
Тут вздохнет и тихим шагом
От печальных мест пойдет.

Скройся, исчезни,
Горестна мысль!
Пусть веселятся
Милы друзья,
Лютой разлуки
Вечно не знав!
Пусть я страдаю
Только один,
Пусть я окончу
Здесь свою жизнь.

Тогда отчаянной рукою
Лотрек свой острый меч берет
И, призывая тень любезной,
Разит во грудь и мертв падет. . .

С. П. Жижарев

ОКТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ БАРДЫ

Первый

... Ночь холодна и темна,
 Туман окрестность покрывает,
 Сокрылась полная луна,
 И звезды яркие с эфира не блистают.
 Я слышу шум вдали глухой:
 То эхо по дебрям разносит ветров вой.
 Бунтуют волны разъяренны,
 Вадываются, бегут и плещут в берегах.
 Там стоны слышатся птиц вещей на гробах,
 Здесь тени сонмами седят уединенны,
 И гласов их нестройный хор
 Тревожит робких серн в пещерах запустелых.
 Внимая скрипу дров дебелих,
 Блуждает странник среди гор,
 Уныло сердце в нем, он бодрости лишился.
 Друзья! наш большею дух скорбию объят,
 Навек героев взор сном смертным помрачился,
 Навек заключены в сырой земле лежат.
 Певцы, венчанны сединою!
 Все ль радости живут во звуках ваших лир?
 Ударьте в них! Пускай познает целый мир,
 Что ко отечеству любовь вела их к бою.
 Не славы суетной искать
 Среди ужасных битв желанием пылали!
 Не почесть их влекла подобных поражать,
 Что скорбь отечества зря — пали!
 Друзья! воспойте их, чтобы грядущий век
 Подвижников святых благословил могилы!
 Чтоб старец, зрящий смерть, собрав последни силы,
 В пример поставив их, так внучатам изрек:
 «Блажен, кто пал, искав отечеству спасенья,
 Кого влекла на бой лишь к родине любовь!
 Кто после всех побед и братьев пораженья
 Смывал с себя слезой дымящуюся кровь!
 Венцы побед его не тленью предадутся;
 Бесстрашных имена в потомстве останутся!
 Блажен...»
 Луна из облак кажет вид,
 Ей встречу странник воздыхает.
 Оратай в шалаше не спит,

Пылающим огнем свой взор увеселяет,
Ждет утренней зари со мрачною тоской,
То ветер его страшит, то шум дождя глухой.
Угрюмость запада страшна.
Друзья! ночь бурна и темна!

Второй

Крутятся вихри меж холмов,
Ковыль сребристу пригибают,
Возносят прах до облаков
И кров соломенный порывом увлекают.
Ужасен спор стихий в полуночных часах.
Друзья! ужаснее геройское паденье!
Как дуб, пустыней царь, возростший на горах,
Поддерживая твердь, не чаял разрушенья;
Но, вырван силой бурь, ударами громов
Падет — и пали так отечества подпоры!
Где ты, о храбра рать? О страх его врагов?
Где мощный ряд дружин? Где пламенные взоры
Гигантов, сдвинутых стеной?
Их в мире след простыл — мрак тихий, гробовой
Зеницы кроет их, сном вечным отягченны!
Их бранные щиты замшились на стене,
Гнездится в шлемах змий, наростом покровенных,
И опустелый кров с землею наравне! . .
Конец победам, ликованью!
Вы путь свой протекли гигантскою стопой,
Конец слезам родни, их встречи лобызанью,
Се смерти час пробил; награда вам — покой.
Нет мощные! Она победа над врагами,
Могилы вашей холм — их бедствию трофеей,
Вы славимы всегда пребудете веками!
Лишь мы скончаем путь безвестны в жизни сей!
Но мы воспели вас, мы вас благословляли,
Певцы героев жизнь в забвенье не кончали!
Туманы начали редеть,
Зарница быстрая мелькает в отдаленьи,
Простерлась тишина — дождь более нейдет.
Друзья! природа нас зовет к успокоенью!

Третий

Уснул на тучах гром, туманов мрак сокрылся,
Не воеет боле ветер в лесах,
Покой целительный на землю испустился,
И тени длинные ложатся на полях.
Вечерняя звезда свой кажет вид стыдливый;
Лишь петел тишину тревожит вдалеке,

Лишь мошек рой жужжит, ревясь при реке,
 И стонет томный глас полночи молчаливой.
 Лишь дряхлый селянин труд любящей рукой
 Снопы разбросанны собирает,
 Их ставит на места и медленной стопой,
 Задумавшись, свой путь к жилищу направляет.
 Спит бдивший гул в дуплах развесистых дубов.
 Приятна тишина по шуму бурь ужасных,
 И сладостен конец трудов!

Друзья! приятнее кончина дней напрасных.
 Без славы жить, свой век минутами считать
 И в неизвестности отчизны погибать
 Не свойственно никак душам великим, честным,
 Пускай трепещущи, таящиеся во мгле
 Постигнутся концом, героям не совместным!
 Пусть поношение всяк зрит на их челе
 И пусть проклятием потомства поразятся!

Наш долг природе дань платить,
 Чего робеть? Лишь раз с природой расставаться,
 Лишь раз последний взор на мир сей обратить.
 И долг великого с желанием священным
 Парить в бой молньюю, бессмертия искать,
 За кровных, за друзей сражаться, умирать
 Святой любовью к отчизне воспаленным.

Хвала так падшим, незабвенным,
 Хвала за отчество погибшим в цвете лет.

Они в могилах не истлеют!
 Пусть время поразит трофеи их побед
 И в чадах наших чад их лавр зазеленеет!
 Опять скрывается за облака луна,
 Ее последний луч на холме отдыхает;
 Но вот и он свой блеск теряет!
 Друзья! ночь мрачна и страшна.

Ч е т в е р т ы й

Пусть бури грозные возлягут на холмах
 И странник в дебрях унывает!
 Дух горный вкруг него печально в тьме блуждает
 Бунтует, воев ветер в лесах!
 Пускай природа вся бледнеет,
 И тучи черные луны блистанье тмят,
 Пускай дрожит земля, пусть молнии палят,
 И в смутных облаках гром ярый свирепеет.
 Не страшен мне природы гнев,
 Ни вседробящий огонь подземный,
 Ни ярый грома треск, ни ветров буйных рев,
 Лишь будущности мне предел ужасен темный.

Друзья! младый настанет день,
 Спокоит бунт стихий, прогонит тучей тень,
 С ним вместе тишина в природу появится,
 Все к радости опять творенье возвратится,
 Все оживет опять в лесах, жилищах, поле;
 Но мы лишь из могил не возвратимся боле!
 Ах! где герои прежних лет,
 Где вожди мудрые столетий отдаленных?
 Молчат поля их битв — их крови стерся след,
 Кумиры пали их до тверди вознесенны!
 Лишь камень гробовой,
 Поросший мхом седым и пылью покрытый,
 Являет странникам их прах забытый.
 Друзья! и наш кумир сравняется с землей,
 И нас потомство позабудет,
 Сей мирный обвалится кров!
 Быть может, правнук наш, искав его следов,
 У старцев спрашивать так будет:
 «Где праотцев моих остатки падших стен,
 Жилище тесное людей судьбою равных?
 Исчезла ль память их, как память всех неславных?»
 Приятно жить средь будущих времен,
 В могиле слышать их себе благословенье! —
 Начало бытия — начало разрушенья!
 Се жребий вечный, роковой! —
 О естли б нас навек скрыл камень гробовой,
 Кончины вечной испытанье,
 Нам неизвестному поставило предел!
 Но поменять нельзя судьбы предначертанье,
 Бессмертье грозное сокрытый наш удел!
 И муж, кому тесна вселенная для славы,
 Взирает с мрачною, унылою душой
 На общего конца уставы!
 Ах! тяжело покидать навек родных, друзей!
 Начните пение восторгом оживленны!
 Да с стройным звуком арф ваш съединяясь глас
 Подымет из могил и персть благословенных!
 Восславьте их дела и их кончины час.
 Да тени бранные низверженных боями
 Мерцают в сумраке пред нашими очами!
 Друзья! скорее возгремим,
 За нас скончавших жизнь обимем пепел хладный
 И нам бесценного рыданьем оживим!
 О час блаженнейший, отрадный!
 Так ночь должна пройти — когда же день из туч
 Чрез море синее к нам первый бросит луч,
 Тогда тугой взяв лук, колчан набит стрелами,

Копье блестящее, с рождающимся днем
 На отдаленный холм разить зверей пойдем
 И встретим солнце за горами!

1807

В. А. Озеров

ФИНГАЛ

ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ, С ХОРАМИ И ПАНТОМИМНЫМИ БАЛЕТАМИ

Действующие лица

Старн, царь Локлинский.	Карилл, из воинов Старновых.
Моина, дочь его.	Жрецы.
Фингал, царь Морвенский.	Барды, или скальды, Старновы.
Уллин, бард Фингалов.	Барды Фингаловы.
Колла, наперсник Старнов.	Воины локлинские.
Морна, наперсница Моины.	Воины морвенские.
Верховный жрец Оденов.	Народ локлинский.
Дева локлинская.	Девы локлинские.

Действие происходит в земле Локлинской.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет палату, открытую сводами в сад; вдали видны на возвышениях храм Оденов и холм могильный.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Моина сидящая, Морна, Уллин, барды, девы локлинские.

Хор бардов и локлинских дев

Какое сильно дарованье
 Во власти, красота, твоей?
 Сердец, умов очарованье,
 Веселье пламенных очей
 И нежных душ, любовь-отрада
 От твоего родится взгляда.

Одна из дев локлинских

Цвети, о красота Моины,
 Как в утро раннее весной
 Цветут прелестные долины
 Благоуханной красотой.

Хор бардов и дев

Фингала сердце ты пленила
 И тишину нам возвратила.

М о и н а

О дев и бардов сонм! не славьте красоту,
 Сию обманчиву, прелестную мечту.
 Она, как слабый цвет, который украшает
 Вид утренний пустынь и к полдню увядает.
 Гордиться можно ли Моине красотой?
 Единым только дух гордиться может мой,
 Единым. . . О Уллин! Фингалов бард любимый,
 Ты, коего прислал сей вождь непобедимый
 Во званьи мудрого и мирного посла,
 Воспой геройские Фингаловы дела.
 Со дня, как мой отец, Локлинских стран владетель,
 Морвенского царя уважил добродетель,
 Вручить меня ему священный дал обет,
 Желая я, Уллин, чтобы мне целый свет
 Вещал, гласил, твердил о имени Фингала
 И слава бы его Моину восхищала.
 Прими ты арфу, бард, воспламени свой дух
 И дщери Старновой увеселяй ты слух.

У л л и н

Умолкни всё в стране подлунной,
 Чтоб гласы арфы златострунной
 По холмам дальним пронеслись,
 В пустынях гулом раздались.
 Пою Фингала дивны бои,
 Его забавы юных дней.
 А вы, почившие герои,
 Покрытые сырой землей,
 Восстаньте от могил безмолвных,
 На высотах явитесь холмных.

Х о р б а р д о в

Ударили в медяный щит,
 Ко брани глас обыкновенный;
 Во броню ратник облеченный
 Воинским гневом уж кипит.
 Дубы столетни загорелись,
 И тучи заревом оделись.

У л л и н

Встает Морвена вождь Фингал;
 Оружье грозное приял:
 Стрела в колчане роковая,
 На груди рдяна сталь видна,
 Копье, как сосна вековая,

И щит, как полная луна,
Воссевшая над океаном
И вся подернута туманом.

Хор бардов

Мелькают, сеются, падут
Враги пред ним, как неки тени;
Иль быстроногие елени
На зыби мшистые бегут.
И стала вокруг него равнина,
Как смерти мрачная долина.

Уллин

Падут, и не избег судьбин
И ты, Тоскар, о Старнов сын!
Локлинских чад о грудь надежна!
Сон смерти скрыл твой юный взор.
Ты пал в полях, как глыба снежна,
С крутых отторгнутая гор.
Паденья шум в лесах раздался,
Высокий холм поколебался.

Мойна

(встает и прерывает песнь Уллина)

Какую смерть, о бард, напоминаешь мне?
Тоскар, несчастный брат, погибший на войне
Фингаловым мечем, мне стоил слез довольно.

Уллин

Фингалом нанесен удар тебе невольно.

Морна

Он прелестей твоих еще тогда не знал.

Мойна

Конечно, предо мной не виновен в том Фингал.
Случайность браней то, судьбы случайность гневной.
Ах! естли б мой отец о смерти сей плачевной
Забуть, утешиться от времени возмог,
Была бы я тогда, была бы без тревог.
Но нет; ничто отца не развлекает муки:
Ни бардов пение, ни арф согласны звуки,
Ни шум, восторг пиршеств и чаши круговой;
И мрачный дух его, питаюсь тоской,
Ни в чем утех не зрит, ловитву забывает
И гулов ловчих глас в лесах не возбуждает.

Ему в молчании засели, как во мгле,
Уныние в душе и дума на челе...
Но он идет: в сей день спокоит ли Моину?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старн, Колла и прежние.

Старн

(Моине)

О дочь! Фингал преплыл чрез синих волн пучину.
Ладей его ничем удержан не был бег,
И с утренней зарей на наш вступил он брег.

(К Уллину)

Уллин! Фингаловых певец сражений дивных,
Ты, присланный ко мне для предложений мирных,
Ты, зревший здесь луной свершенны три пути,
К Фингалу можешь ты во сретенье идти.

(Дает знак бардам, чтоб удалились.)

А ты, о дочь! во храм будь шествовать готова:
Сверши обязанность Фингалу данна слова.
Он требовал, чтоб я вручил тебя ему
В тот день, как взору он предстанет моему;
К нетерпеливости моей настал день ныне.

Моина

В сей самый день? восторг! благодарю судьбине.

Старн

Так ты Фингаловой ответствуешь любви?

Моина

Ах! неизвестный огонь пролит в моей крови
Со дня, мне памятна, как вождь племен Морвена,
Нам ужасом грозив иль смерти, или плена,
Все холмы, все леса наполнивши войной,
Рассыпав рать твою, сей овладев страной,
Предстал перед меня в моем уединеньи.
Мгновенно сердца мне прервались биеньи;
Как вепря дикого, его страшилась зреть;
Отчаянна, бледна, желала умереть...
Но очи юношу прекрасного узрели;
Хотела укорять... уста мои немели.
Под шлемом вид любви блистал в его чертах,
Прешел к моей душе и мой рассеял страх.

С тех самых дней мои Фингалом мысли полны.
 Спокойствие мое он уносил чрез волны,
 Когда, окончив брань, пленение твое,
 Отплыл от сей страны в отечество свое.
 За ним желания неслись нетерпеливы...
 Настали наконец Моине дни счастливы!
 Фингал, пред алтарем соединясь со мной,
 Почтит в тебе отца как сын нежнейший твой...
 Но ты смущаешься, бледнеешь и трепещешь;
 На дочь, вокруг себя ты взоры гнева мещешь,
 И вздохи горести твою стесняют грудь...

Старн

(по некотором молчании и скрывая свою ярость)

Ах, нет... без гнева я; спокойна духом будь!
 Как ты, я веселюсь Фингаловым приходом,
 И вскоре мой восторг явится пред народом;
 День оный может быть счастливейший мне день.
 Иди, чело свое покровами одень.

Моина

Твоею радостью могу я быть спокойна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старн и Колла

Старн

О малодушная, дочь Старна недостойна!
 Злодея моего ты возлюбить могла,
 У коего в плену глава моя была
 И чье оружие кровь Тоскара проливало.
 К несчастью моему сего не доставало!
 О Колла, ты, кем Старн был прежде в славе зрим,
 Сей счастливый отец, сей вождь непобедим,
 Ты зришь: ко гробу он склоняет жизнь позорну.

Колла

В Моине вижу дочь, родителю покорну:
 Готова быв предстать ко брачному алтарю,
 Не сердце ль несть должна Морвенскому царю?

Старн

Но сердце, Колла, в ней моею бьется кровью:
 Так может ли оно к нему гореть любовью?
 Нет! злобу, и вражду, и ненависть, и месть —
 Вот все, что дочь должна во брак Фингалу несть.

Когда б она меня достойной быть хотела,
 Проникнуть замысл мой она давно б умела;
 Умела бы узнать, что мой жестокий гнев
 Не радости врагу — готовит смерти зев;
 Готовит горести и все мученья, казни
 И все терзания свирепой неприязни.
 О ты, на облаках носящаясь тень!
 Тень сына моего! тот светит, может, день,
 В который ты, узрев над мрачною могилой
 Пролиту кровь врага, престанешь быть унылой;
 Тоскливая доднешь, отдохнешь в те часы,
 Как нива сохлая от майския росы;
 И, с торжеством вступив в могилу, твой родитель
 К тебе прейдет, как пар, во горнюю обитель.

Колла

И вот обычная твоя со мною речь!
 Не ищешь, государь, ты горести развлечь.
 Два раза по лесам лист хрупкий устилался,
 И дерн уж две весны на холмах обновлялся
 Со дня, когда погиб твой храбрый сын Тоскар,
 И ты забыть печаль...

Старн

Печаль забыть? Сей дар,
 Один оставленный сердцам в несчастной доле!
 Без грусти я бы жить не мог на свете боле.
 О Колла! без нее с того плачевна дня,
 Как сын в бою погиб, вокруг Старна, вокруг меня
 Безмолвным, мертвым все казалось бы в природе.
 С ней прелесть нахожу я в бурях, в непогоде;
 Со мною говорят и ветров страшный рев,
 И моря грозный шум, и томный скрип дерев.
 Во всем мне слышатся сыновние стенанья.
 Я чувствую тогда тех камней содроганья,
 Под коими лежит Тоскара хладный прах;
 И он мне зрится сам со бледностью в чертах,
 На персях тяжкую указывая рану,
 Гласящим казнь врагу, отмщение тирану,
 Которого рукой нам бедствия неслись.

За театром слышен шум.

Но плески в воздухе народа раздались;
 Конечно, к сим местам царь шествует Морвена.
 Иди во храм к жрецу великого Одена,
 Перед кумиром чьим брак должно посвящать;
 Скажи, чтоб шел в чертог со мною совещать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старн, Фингал, Уллин, воины Фингала, барды Старновы
и Фингаловы, народ локлинский.

Фингал

О мужественный Старн! ты зришь опять Фингала,
Которого пред сим лишь слава занимала,
Которого на брань кипела в сердце кровь,
Которого сюда ведет теперь любовь.
Любовь, души моей единственное чувство.
Красноречивым быть — мне чуждое искусство.
Во стане возвращен, воспитан на щитах,
Мое искусство все — бесстрашным быть в боях.
Итак, не жди, о Старн, чтоб изъяснил я ныне
Признательность к тебе, любовь мою к Моине:
Кто сильно чувствует, тот не теряет слов.
Но испытай меня, скажи своих врагов,
Скажи, в который край иль отдаленну землю
Идти сражаться мне, оружие приемлю —
И страх врагам: сей меч главы их должен стерть.

Старн

(в исступлении)

Так, страх моим врагам, им страх и люта смерть.

(Пришед в себя)

Но в сей ли день, Фингал, утех и восхищенья
Мне называть врагов, достойных отомщенья,
Виновников моих пролитых втайне слез.
Я, видя здесь тебя, щедротой чту небес;
Рукою их ко мне ты прислан в утешенье,
И пусть трепещет свет, зря наше примиренье.

(К предстоящим бардам)

Зовите дочь мою... Вручив тебе ее,
Тем обещание исполню я мое.
Но, государь, страны законами различны,
К обрядам отческим от давних лет привычны.
В Морвене божество Фингаловых отцов
Оставлено дондес без храмов, без жрецов;
Друидов истребив, их властью недовольны,
Низвергли храмы вы на их главы крамольны.
Но здесь покоится во храмах божество,
И клятвы мы пред ним свершаем торжество.
Итак, я буду ждать от храброго Фингала,
Чтоб в храме дочь мою его рука прияла.

Фингал

Не рассуждаю я, приличен ли кумир,
 И храм, и жертвенник тому, кто создал мир;
 Кому как вечный храм вселенная чудесна;
 Кому восстать тесна и высота небесна.
 Чтоб мыслью вознестись к сему миров творцу,
 Не прибегаем мы к друиду иль жрецу;
 Без них несем ему с зарей, на холме красном,
 Сердца толь чистые, как день при небе ясном.
 Но храма твоего хочу я святость чтить,
 Коль должно в оный мне с Моиною вступить.
 Так! к дочери твоей в любви неизъясненной
 Готов в свидетели призвать богов вселенной.
 Хотя сberi во храм кумиров всей земли,
 Их всех жрецов и мне поклясться повели
 Пред всеми ими там, пред небом и землею,
 В любви ручаюся я жизнь мою;
 Моине жизнью сей пожертвовать готов.
 Но вот она... Каких желаешь клятв и слов?
 Ах! взгляд ее, луны полночные светлее,
 Для сердца в верности всех клятв моих сильнее.

явление пятое

Прежние, Моина, Морна и девы локлинские.

Старн

Утеха Старнова, о дочь моя, приди;
 С Фингалом наш союз согласьем утверди.
 Чтобы в твоей красе нашел родитель средства
 Изгладить навсегда с души прошедши бедства.

Моина

Ты сердца моего читал во глубине:
 Сколь должен сей союз желателен быть мне,
 Ты знаешь, государь! твоей причастна славы,
 В союзе вижу сем оплот твоей державы;
 Но что еще лестней для сердца моего —
 Надежду вижу в нем покоя твоего.
 Коль на земли дано нам счастья совершенство,
 Какое днесь с моим сравняется блаженство!

Фингал

Моина, ах! поверь, что счастья твоего
 Священнее иметь не буду ничего;
 Запечатлеть обет готов моею кровью.

Старн

Я восхищаюся взаимной сей любовью.
 Чтоб ускорить давно желанный мною час,
 На время в сих местах оставить должен вас.
 Во храме принеся моление обычно,
 Устрою празднество тебе, Фингал, прилично.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фингал, Моина, Уллин, Морна, барды, девы и все бывшие
 в предыдущем явлении.

Фингал

О небо! доверши блаженство дней моих.
 Моина, повтори приятность слов твоих;
 Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
 Не оскорбляешься моею нежной страстью,
 Что ты довольна ей, что мил тебе Фингал.
 Когда бы знала ты, как много я страдал
 Со дня, как в первый раз твои красы увидел! ..
 Дотоле, мыслью дик, любовь я ненавидел,
 Считал ее мечтой и слабостью умов;
 Как стужа наших зим, был дух во мне суров.
 Твой взор переменял нрав дикий и суровый;
 Он дал мне нову жизнь, дал сердцу чувства новы
 И огонь, палящий огонь, пролив в моей крови,
 Мне дал почувствовать страдания любви,
 Уныние, тоску, отчаянье разлуки
 И страх немилым быть, и ревности все муки.
 Не утолялся огонь в прохладности ночей,
 И сон не мог тебя скрыть от моих очей.
 Сей голос, коим ты со мною говорила,
 Твой тихий, светлый взгляд, твоя улыбка мила,
 Твое дыхание и легкий шум шагов,
 Как вешний ветерок, журчащий меж листов,
 И все, что ты, пленя мое воображенье,
 В разлуке множило любовное мученье,
 Как ныне все, что ты, Фингала веселит.
 Пусть счастье мое Моина подтвердит.

Моина

В пустынной тишине, в лесах, среди свободы,
 Мы возрастаем здесь как дочери природы,
 И столько ж искренны, сколь искренна она.
 Итак, о государь, открыть тебе должна,
 Что с первого тебя я возлюбила взгляда.
 К герою страсть души высокая отрада!
 Гордятся чувством сим и радуясь ему,

Призналась в том отцу, народу и всему,
Что в отческой стране чувствительность имеет,
И праху матери, который в гробе тлеет, —
Природе, словом, всей известна страсть моя,
О коей небесам сказать готова я.
Поверь, Моина здесь не менее Фингала
Терзалась мыслию, разлукою страдала.
Как часто с берегов или с высоких гор
Я в море синее мой простирала взор!
Там каждый вал вдали мне пеною своею
Казался парусом, надеждою моею,
Но, тяжело опустясь к глубокому песку,
По сердцу разливал мне мрачную тоску.
Как часто в темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я к морю приходила;
Внимая шуму волн, биющихся о брег,
Мечтала слышать в нем твой быстрый в море бег.
Ты прибыл наконец, Фингал, перед Моиною, —
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Фингал

Не столько звуки арф в вечерний тихий час
Приятны при заре, сколь твой приятен глас;
Сколь каждую речь твою я нахожу прелестну,
Несущу радость мне, доньше неизвестну,
Но я, блаженствуя в моей теперь судьбе,
Не знаю, чем и как воздать могу тебе,
Которой должен я толикою отрадой.

Моина

Любви лишь может быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингал, и, чувство то храня,
В родителе моем спокой, утешь меня.
Ты зрел, как очи в нем под брови углубленны,
Как все черты лица печалью измененны
И как чело его наморщила тоска,
Которую развлечь моя слаба рука:
Он не участвует в веселии безвинном
И стонет, как волна при берегу пустынном.
Старанием, Фингал, соединишь со мной,
Чтоб прежний возвратить душе его покой
И сына нежного чтоб заменить потерю.
По сим стараниям любовь твою измерю
И, сердце разделив меж Старна и тебя,
Почту тогда, почту счастливою себя.

Фингал

Не ошибался я: судьба моя надежна!
 Супруга та верна, которая дочь нежна,
 Священным долгом чтит родителей покой.
 Моина! мне отцом родитель будет твой;
 Любовь моя внушит мне нежные старанья,
 Чтоб в Старне облегчить душевные страданья,
 Чтобы тоску, его снедающую, развлечь,
 Чтоб радости слезу из глаз его извлечь,
 Чтоб видеть наконец нам дух его спокойным
 И мне соделаться твоей любви достойным.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Прежние, бард Старнов

Бард

Морвенския страны непобедимый царь!
 Ко браку твоему готов уже алтарь.
 На жертвеннике огонь усердия пылает,
 И мудрый Старн тебя с Моиной ожидает.

Фингал

Пойдем, любезная! во храме счастье ждет
 Чету, которую любовь туда ведет.

Хор бардов

Иди во храм, чета прелестна,
 Венчай свою взаимну страсть.
 Душам чувствительным известна
 Та сладостна, счастлива часть,
 Когда любовь в сердцах пылает
 И брак веселый страсть венчает.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет внутренность храма Оденова, отверстого сверху; кумир божества поставлен посреди, пред ним жертвенник курящийся. Через свод диких камней видны холм могильный и палата первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старн

(один перед кумиром)

О древне божество обширных стран полночных,
 Надежда страждущих и сила, крепость мощных,
 Оден! которого невидимой рукой

Природа держится и круг вращает свой!
 Ты волею своей быстрее ветров горных;
 Чья месть мрачнее бурь, висящих в тучах черных,
 На коих возлегла Госкара грустна тень,
 Яви свой ярый гнев в торжественный сей день!
 Помощником мне будь к погибели Фингала,
 Которого рука кумир твой потрясала,
 Которого мечом мой сын погиб в бою,
 Чей хитрый взгляд прельстил дочь слабую мою
 И чрез кого я стал без чад моих, без чести,
 С одною грустию, с одним желаньем мести,
 На старости моей в печальном сиротстве.
 Мой враг перед тебя явится в торжестве;
 Нашли на дух боязнь, на мысль недоуменье,
 Предзнаменующи могущего паденье.
 Чтоб он, как лютый зверь, страшилище лесов,
 Говимый ловчими, преследован от псов,
 В расставленную сеть стремился торопливой,
 И веселился б Старн добычею счастливой!
 Внесу тогда, Оден, во капище твое
 Его булатный меч, огромное копье,
 И щит, и шлем, крылом орлиным осененный,
 И весь доспех его, чтобы вещал вселенной
 Из рода в поздний род, от века в дальний век,
 Сколь слаб перед тобой сильнейший человек!
 Мечтав не знать себе в величестве примера,
 Он пал, и три шага — его жилищу мера.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старн и Колла

Старн

Благоприятну ли несешь мне, Колла, весть?
 Готовы ль воины мою исполнить месть?
 Могу ль надеяться на их неустрашимость?

Колла

Колеблет, государь, их мысли нерешимость.
 Еще им памятен неизъяснимый страх,
 Который рассевал Фингалов меч в боях,
 И целые ряды как были низложены:
 Иные ранены, другие быв плененны,
 И все в Фингале зрят как браней божество,
 Которому что бой, то ново торжество.
 Осьмнадцать ратников тебе, о Старн! послушны;
 Страшатся прочие...

Старн

Страшатыся? малодушны!

Что сей Фингал доднесь никем не побежден,
 Бесмертным разве он от матери рожден?
 Иль грудь его тверда, как камень древних башен?
 Нет, нет, не должен быть, не может быть тот страшен,
 Которого в бою прервет блестящий век
 Кинжалом иль мечом отважный человек,
 Который так, как мы, и временен и тщетен,
 Который так же слаб, который так же смертен.
 Фингаловы отцы, подобные мечте,
 Прешли и скрылися в могильной темноте.
 Проходят роды все, и восстают другие,
 Как с ветром по морю идут валы седые
 Иль как осенний лист от древа отнесен
 И листом по весне зеленым заменен.
 Подобно и мой род со мною пресечется.

Колла

Почто же мыслишь ты, что род с тобой прервется —
 Род славный, сей страной владевший столько лет?
 Он утвердится вновь и снова процветет!
 Имеешь дочь еще. . .

Старн

Нет, Колла, не имею:

Мою дочь не признаю моею,
 Коль в сердце ко-врагу питает нежну страсть.
 Фингал мне горести устроил полну часть.
 И, окружив меня убийством и прельщеньем,
 Мой дом соделал мне глухим уединеньем.
 Не остановится в последний жизни час
 На детях мысль моя и умиленный глаз,
 И вознесенный холм над Старновой могилой
 Пребудет так, как я, безмолвный и унылый.
 Никто на гроб его цветов не принесет,
 И путник знаков слез на камнях не найдет.
 Гроб хладно молчалив умерших без семейства.
 Но я отмщу врагу за все его злодейства.
 Фингаловой крови Тоскаров жаждет прах,
 Он на могилу ждет, и там ждет плач, ждет страх.
 И ждет конец его мучителен, ужасен.
 Оденов жрец со мной во мщении согласен.

Колла

Ужели, государь, во ярости твоей
 Ты от обычаев страны отступишь сей?

Гостеприимства здесь законы суть священны.
Хотя к нам враг приди, чрез три дни угощенный,
Как в доме собственном спокоен должен быть.
Обычай древний сей кто может преступить,
В толиком же у нас позоре и презренье,
Как воин боязлив, бегущий во сраженьи.
Гостеприимство ли, знак нравов простоты,
Во гневе, государь, нарушить хочешь ты?
Ужель не посвятить трех дней на угощенье?
Потом уж можешь ты свое исполнить мщенье.

Старн

Что, Колла, говоришь? чтобы три дни я ждал;
Чтоб зрением врага еще три дни страдал;
Чтоб, съединившись с ним, несчастная Моина
Его бы привела в мой дом наместо сына?
Ах, нет! моя вражда столь сильна, что едва
Не изменяют мне мои к нему слова.
Не отвечаю я, чтоб мог скрываться доле.
Чрез три дни смерть его в моей не будет воле.
Пущай винят меня народ и целый свет!
Как мертв, без сына быв, мне нужды в оном нет.
Надежда отомстить и муки зреть Фингала
Одна жизнь Старнову доньше подкрепляла.
Надеждой сей дышал, для мести только жил —
И хочешь, чтоб я смерть Фингала отложил!
Чтоб случай потерял для сохраненья славы!
Померкни блеск венца и честь моей державы,
Погибни вся страна, пущай погибну сам,
Лишь бы мой враг погиб, пал мертв к моим ногам,
Лишь на челе б его я зрел погаслу смелость,
Глубоких язв болезнь и смерти цепенелость,
И к радости моей чтобы услышать мог
Из уст трепещущих тот тяжкий, томный вздох,
За коим для него придет молчанье вечно.
Но раздается шум. . . Фингал идет, конечно.
Еще притворствовать, еще вражду таить,
Лишь взором избирать то место, где разить,
Чтоб каждый наш удар не проносился мимо. . .
Для ярости моей притворство нестерпимо!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старн, Фингал, Моина, Морна, Колла, первосвященник,
жрецы, барды Фингаловы и Старновы, воины обоих царей,
народ локлинский

Фингал

Доволен ли ты, Старн, покорностью моей?
Во храме предстою по воле я твоей;
Во храме, коего отцы мои чуждались,

(указывая на кумиры)

И сим богам твоим по смерть не поклонялись.
Но я и сих богов хочу теперь призвать;
Познай чрез то, тебе как мысля угождать
И сколь желаю я, чтобы отец Моины,
Раздора прежнего забыв меж нас причины,
В преданности моей уверен ныне был;
Чтоб к сердцу своему Фингалу путь открыл;
Был мною навсегда утешен, успокоен,
И сына именем я был им удостоен.

Старн

(с притворною радостью)

О ты, Комгалов сын! на старости моей
Ко утешению моих последних дней,
Когда осталась мне единая Моина,
То как тебя в сей день мне не признать за сына?
Не помышляю я о детях никогда,
Чтоб о тебе, Фингал, не помышлял всегда.
Ты думы моя давно уже предметом;
Давно желает Старн явить пред целым светом
Те чувства, к тебе которые хранит,
И прежний наш раздор как мною позабыт.

(К жрецам)

Служители богов, воспойте песнь священику
Предвечному творцу, великому Одну.
Пусть именем его верховный храма жрец
Благословит союз сих искренних сердец.
Ничто пред божеством цари с их властью мощной,
Как огонь, носящийся над тундрой полуночной;
Их блеск мечтателен, их замыслы, как дым,
Стремящийся из горн и бурей разносим.
Перед Фингалом я обет мой исполняю,
Но подтверждения Одена ожидаю.

Хор жрецов

Властитель неба и земли,
 О ты! единый, вечный, сильный,
 Источник благ обильный,
 Воззванью нашему внемли.
 Светилами лазурь украсил ты небесну,
 Чтобы свою премудрость доказать,
 И в знак щедрот любовь и красоту прелестну
 Благоволил на землю ниспослать.
 Соедини союзом нежным
 Сию любезную чету
 И мирных дней их долготу
 Исполни счастьем безмятежным.

В продолжение пения юноши и девы локлинские составляют балет, приносят венцы и цепи из цветов, украшают Моину и Фингала и ведут их к жертвеннику перед кумир Оденов.

Фингал

Оден! локлинцев бог, коль ныне в первый раз
 Ты каледонина во храме слышишь глас,
 Не удивись тому: ты божество Моины,
 Пред жертвенником ждет она своей судьбины.
 Хочу тебя призвать, хочу тебя почтить
 И, в пламенной любви клянясь ей верным быть,
 Сих клятв хочу иметь свидетелем Одена.
 Мне будь свидетелем и ты, племен Морвена,
 Отцов Фингаловых могуще божество!
 Ты, коего весь мир являет существо,
 Но смертные умом кого не постигают,
 Кого именовать уста мои не знают;
 Ты, исполняющий вселенную собой,
 И в храме чуждом сем обет услышишь мой.
 Когда Моинины любовью полны взгляды
 Не будут находить в глазах моих отрады,
 Когда не будут зреть в них страстного огня,
 Которым днешь горю, то накажи меня:
 Чтобы руки моей исчезла дивна сила,
 Котора страх врагам в сраженьях наносила,
 И твердость, мужество Фингаловой души,
 Как былие долин, во цвете иссуши;
 Чтоб, бесполезный царь, против любви бесчестен,
 Влачил я мрачну жизнь и умер безызвестен;
 Чтоб в песнях бардов я в потомстве не гремел,
 В дому моих отцов мой щит бы не висел,
 И меч, мой тщетный меч, притупленный и ржавый,

Был в дебри выброшен, как меч царей без славы.
Жрецы, народ, и ты, о мудрый Старн! в сей час
Свидетелями клятв я поставляю вас.

М о и н а

А я клянуся здесь. . .

В е р х о в н ы й ж р е ц

Остановись, царевна!

Тень брата твоего, являясь в тучах гневна,
Через меня претит обет произносить;

(указывая на Фингала)

И ты супругою ему не можешь быть.

Ф и н г а л

Не может быть?

М о и н а

О рок!

С т а р н

(в сторону)

Решительно мгновение!

Ф и н г а л

О ты, коварный жрец! какое дерзновение
Ты принял на себя? чтобы умерших глас
От горних слышать мест, смущать здесь оным нас.
Оставь все хитрости, жрецов обычны свойства.
И в гробе сущего не нарушай спокойства.

В е р х о в н ы й ж р е ц

Ты лучше сам почти умершего покой.
Прозвиз Тоскару грудь свирепую рукой,
Сию ль сестре его ты предлагаешь руку?
Или и в гроб ему пренести ты хочешь муку?
Нет, прежде ты к его могиле поспеши,
Отдай там праху долг и тризну соверши,
Потщися с тению Тоскара примириться:
Тогда лишь можешь ты с Моиной съединиться.

Ф и н г а л

С терпеньем слушал я твою лукаву речь.
Ты мыслишь ею здесь раздор опять возжечь;
Напоминаешь нам об участи Тоскара.
Так, в поле он погиб от моего удара,
Но не изменю: он пал, как вождь, герой;

Меж нами смерти спор решил кровавый бой,
 И подвергался я его ударам равным.
 Коль жизнь венчает вождь концом толико славным,
 Коль за отечество он может умереть,
 Того не будет тень о жизни сожалеть;
 Не будет в облаках ни гневна, ни смущенна.
 Могила храброго отечеству священна;
 И старцы на нее должны сынов водить,
 Чтоб в юных их сердцах геройство возбудить.
 Но чуждо для жрецов высокое толь чувство:
 Раздоры рассевать их главное искусство.

(Указывая на Моину)

Ты не успеешь в том. . . Прими ее обет
 И совершай свой долг.

Верховный жрец

Не принимаю, нет.
 Когда Тоскаров прах почтить не хочешь ныне,
 Супругом быть тебе нельзя тогда Моине.
 Одена именем я запрещаю ей
 Надежде и любви ответствовать твоей;
 И сим же именем я Старна разрешаю
 От слова данного. Я зрю, что прогневаю
 Твой гордый дух; иду от гнева твоего.

Фингал

Остановите вы, о воины, его!

Старн

Иль ты пришел во храм над святостью ругаться?

Фингал

Иль за крамольного Старн может здесь вступаться?

Старн

Почти, Фингал, почти его священный сан!

Фингал

К сплетенью ль хитростей ему был оный дан?

Старн

Он дан ему на то, чтоб слышать глас небесный,
 Чтоб оный возвещать.

Фингал

Какой сей дар чудесный!
И как пред нами он небесный слышал глас,
Которому никто не мог внимать из нас!
Что в вашем храме я, мне должно ль лицемерить?

Старн

Ты верь ему иль нет, но мы привыкли верить.
И дочери моей не отдам тебе,
Когда противен брак разгневанной судьбе.

Фингал

Что слышу?

Моина

Небеса!

Колла

(тихо Старну)

Себе ты изменяешь.

Фингал

Меня ль...

Старн

(с притворною ласкою)

Почто, Фингал, почто не поспешаешь
Союзу нашему препятство отвратить,
Одну и судьбу с сим браком примирить
И возратить покой Тоскара тени гневной?
С каким веселием и радостью душевной
На холме смерти я Фингала буду зреть!

Фингал

Ты б должен был меня в душе своей презреть,
Когда б увидел здесь толико малодушным,
Чтобы твоим жрецам я сделался послушным,
Чтобы их глас считал за глас самих богов.
Тоскара гроб почтить я б был, о Старн! готов:
Но как союзник твой, но как супруг Моины,
И долг сей совершить имел бы я причины.
Что волей сделал бы, неволей — никогда!

Старн

Почто ж, о гордый вождь! ты прибыл к нам сюда?

В. А. Озеров, «Фингал»
Сцена в храме Оденовом
Гравюра М. Иванова с рисунка И. Иванова
по эскизу А. Н. Оленина

Фингал

Ты прежде дай ответ, почто надеждой льстивой
Ты вызвал по морям мой бег нетерпеливый?
Когда чрез барда я союз сей предложил,
Почто условий мне своих не объявил?
Я вправе от тебя потребовать ответа.

Старн

Царь, равным мне царям я не даю отчета.

Фингал

Царь, изменяешь ли ты слову своему?
Когда не веришь нам, то веришь ли кому?

Старн

Фингал! теряется уже мое терпенье.

Фингал

О Старн! угрозы мне я чту за оскорбленье.

Старн

Ты в областях моих.

Фингал

Я здесь не в первый раз.

Моина

Фингал! остановись и мой услыши глас,
Коль может мне внимать дух, гневом распаленный.
Опять ли видеть мне раздор возобновленный
Меж теми, коих я дороже чту всего;
Опять отчества увижу ль моего
Пожарны зарева и быстры токи крови?
Где уверения, Фингал, твоей любви?
Давно ль еще пред сим ты лестью страстных слов
Моину уверял, что облегчить готов
В родителе ее сердечны огорченьи?
Те страстные слова забыл в своем киченьи!
Забыл, дух вспылчивый, от ярости смущен,
Что должен мой отец Фингалу быть священ.
Ты жизнию хотел пожертвовать Моине,
И самолюбием не жертвуешь мне ныне.

Фингал

Ужель в волнении сего несчастна дня
И ты, жестокая, и ты против меня?
Ты знаешь, сколь чужда моя душа притворства.

Но не довольно ли уже явил покорства,
 Когда в противный храм предстал с тобою я?
 Во храм сей пагубный вела любовь моя.

М о и н а

Сию любовь свою ты докажи мне боле
 И, Старновой в сей час ты повинуюсь воле,
 Иди на братний холм, обряды соверши,
 Яви величество твоей, Фингал, души:
 Моя рука в сей день наградой снисхождению.

Ф и н г а л

Меня ли привести ты хочешь к унижению?

М о и н а

Несправедливый друг! в любви к тебе моей
 Могу ль не дорожить я честью твоей;
 Когда был милым тот, кто быть возмог бесчестен?
 Ты храбростью своей в летах младых известен.
 И кто подумает, чтобы Фингал в сей день
 Был робостью ведом почтить Тоскара тень!

(По некотором молчании)

Жестокий, ты молчишь и взоры потупляешь.
 Я слышу твой отказ, хотя не отвечаешь,
 И узнаю теперь, и поздно, и стая,
 Что ты обманывал и не любил меня;
 Что издевался здесь ты над моею страстью.
 Оставь меня, беги, предай меня несчастью,
 Меж нами положи обширности морей!
 Ты возмутить пришел моих спокойство дней;
 Ты погубил меня; я не снесу разлуки,
 И вскоре, вскоре смерть мои окончит муки;
 Она с спокойствием Моину примирит
 И с сердца вид сотрет, меня прельстивший вид.

Ф и н г а л

О! как души моей ты слабости узнала.
 И как, жестокая, терзаешь ты Фингала!
 Могу ли без тебя быть счастлив на земли?
 Надгробно празднество готовить повели,
 О Старн! Оден, жрецы, их глас, твои угрозы
 Бессильны надо мной; ее лишь сильны слезы!
 Ее любви одной я предаюся весь.

М о и н а

Премена счастлива!

С т а р н

(тихо Колле)

Я торжествую днесь.

(К Моине)

О дочь, принеся родителю отраду,
Получишь вскоре ты достойную награду,
И чувствам твоим готовлю я покой.

(К Колле)

Иди на грустный холм и торжество устрой.

(К Фингалу)

А мы, Фингал, союз чтоб ускорить счастливый,
Чтоб наконец возмог мой взор нетерпеливый
Тебя на холме зреть, к могиле поспешим.

Хочет его вести, но при виде воинов Фингаловых останавливается.

За нами ли идти сим воинам твоим?
Иноплеменники обрядов наших чужды,
Их любопытный дух. . .

Ф и н г а л

Мне в них не будет нужды.

К чертогу царскому они пуцай идут
И возвращения вождя их тамо ждут!

Воины Фингаловы уходят.

С т а р н

(в сторону)

Пусть тщетно ждут! . .

(К Фингалу)

Фингал, пойдем к могиле сына!

Ф и н г а л

Приди со мной, приди, любезная Моина!

С т а р н

Ах! нет, чувствительный ее не должен взгляд
Зреть смерти празднество, надгробный зреть обряд;
Печальна для нее могила будет брата.
В сем храме пусть она ждет нашего возврата.

Фингал

Итак, опять с тобой я расстанусь теперь! . .
 Моина, страсть мою послушностью измерь.

Старн и Фингал уходят, за ними следуют все предстоявшие во храме.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Моина и Морна

Морна

(по некотором молчании)

Виновица в сей день нам прочного покоя,
 Ты, удержавшая стремление героя,
 За коим, может быть, для нашей страны
 Возобновились бы злосчастия войны,
 Когда все льстит тебе, когда ты торжествуешь,
 Когда твой верен брак, на что ты негодуешь?
 Почто веселию свой дух не предаешь?
 Хранишь молчание, вздыхаешь, слезы льешь?
 Иль новых бед каких еще нам ждать?

Моина

Не знаю.

Неволею грущу и слезы проливаю.
 Предчувство ль томное мне некия беды
 Или в крови моей оставило следы
 В сем храме бывшее несчастное волнение?
 Иль, может быть, обряд и тризны совершенно,
 Напоминающе всему конец и смерть,
 По сердцу моему могло печаль простерть!
 Увы! не смею я еще ласкаться браком;
 Час будущий судьба от нас сокрыла браком.
 Кто знает, счастлив ли он нам определен?
 Сей верный, Морна, брак еще не совершен;
 Еще я не зовусь супругою Фингала,
 Еще союз не тверд. Уже я испытала,
 Как верностью надежд нельзя ласкаться нам.
 Когда веселая с Фингалом шла во храм,
 Могла ль предвидеть я, что наш обряд венчальный
 Пременится в обряд надгробный и печальный;
 Что вместо храма гроб, жреца наместо тень
 К союзу нашему представятся в сей день?
 Кто, Морна, ведает мне рок определенный?
 Но шум. . . вступают в храм. . . Уллин идет смущенный:
 Боязнь в его чертах. . .

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Прежние и Уллин

Уллин
Царевна! где Фингал?

М о и н а

Ко гробу братнему с царем он путь приял
И, может быть, теперь уже над мрачным холмом.

У л л и н

Но воинов своих сопровожден ли сонмом?

М о и н а

Один пошел, но что? . .

У л л и н

О горесть! о беда!
Он гибнет, может быть; бегу к нему туда.

М о и н а

Постой, Уллин, постой; чем столько ты смущаем,
И гибелью Фингал какую угрожаем?

У л л и н

Твой яростный отец, презрев и долг и честь,
И все, что на земли священное ни есть,
Быть может, в сей же час Фингала умерщвляет
И смерть Тоскарову изменой отомщает.

М о и н а

Не верь, Уллин, не верь; сего не может быть.
Изменою ль цари обиды будут мстить?

У л л и н

Едва поверить мог... Но, свободенный плена,
Карилл, со мной сюда приплывший из Морвена,
Сей храбрый воин ваш, которого Фингал
Любил отважный дух и в плене отличал,
Остановил меня, когда в веселом ходе
Ко храму с торжеством за вами шел в народе.
Он все поведал мне, и, способ чтоб найти
Локлинския страны падушу честь спасти,
Он сам в числе убийц... Еще ли усумнишься?
Но медлю здесь, бегу на холм.

М о и н а

Куда стремишься,
И что против убийц предпримешь ты один?
Сонм воев у чертог; спаси царя, Улли!

Улли! поспешно уходит.

Увы! несчастная, и я на холм послала,
И, может быть, на смерть любезного Фингала!
Остановленный брак, смятение жреца,
Веселье мрачное жестокого отца,
Когда Фингал идти согласен был ко гробу,
Все Старнову явить могло мне скрытну злобу,
И ничего, увы! не зрел мой страстный взор.
О Морна! поспешим предупредить позор.
Когда ж не отвращу измену толь поносу,
У самых ног отца окончу жизнь несносу.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет дикий лес с рассеянными камнями, посреди холм, под коим погребен Тоскар. Гробница, по обычаю, означена четырьмя большими камнями по углам; на холме посажено дерево, на котором висит щит, меч и стрелы погребенного царевича; у древа жертвенник воздвигнут из камней; в отдалении видно море и на берегу оною храм Одена.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старн, Фингал, Колла, барды Старновы.

Старн

(остановясь с Фингалом у холма)

Фингал! ты видишь холм, под коим скрыт Тоскар,
Под коим сына прах, твоей руки мне дар.
На холме мрачном сем, на камнях сих надгробных,
Провел течение я дней моих прискорбных;
И утро каждое, и каждый вечер дня
Встречали в роце сей стенищего меня.
Тоскара грустна тень со мною здесь стонала;
Она тебя, Фингал, к могиле призывала
От стран твоих отцов, из-за пучин морей.
Ты отдохни, о тень! от горести твоей
И боле не скорби Фингаловой победой!
Утешит вскорости тебя своей беседой
И радость принесет он сердцу моему.

Фингал

(обращаясь к холму)

О храбрый юноша! мир праху твоему!
 В твоих младых годах ты был примером воев
 И смертью кончил жизнь, достойную героев.
 С почтением на холм взираю я сей час.
 Ах! мир, мир храброму еще единый раз!

(К Старну)

Я горести твоей, о мудрый Старн! поверю.
 В нем сделал ты, народ, чувствительну потерю,
 Которую судьба ничем не заменит.
 Отважный сын царев, отечественный щит:
 На нем основано народное спокойство.
 Я сам, сражаясь, чтил Тоскарово геройство,
 Я прослезился сам о юноше твоём,
 Когда в бою погиб под роковым мечом;
 Когда, как твердый дуб, от бури преломленный,
 Он пал и восшумел сонм воев удивленный.

(К бардам)

Воспойте, барды, песнь Тоскару в похвалу.
 Глас мудрого певца могил проходит мглу,
 Тень храбрых веселит и предаёт в потомство
 Согласною звучностью их доблесть и геройство.

Фингал садится на камень по одну сторону театра, Старн садится также по другую сторону, барды подходят к холму и поют хором без оркестра.

Хор бардов

Надежда бывшая сих стран,
 От нас взятый судьбою гневной!
 Ты был своим народам дан,
 Как в месяц зимний луч полдневный.
 Блеснув на час, ты вдруг исчез
 И стал предметом наших слез.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и служитель Старнов, несущий чашу пиршества.

Колла

Для излияния, по воле, Старн, твоей,
 Из сотов пчельных мед несется в чаше сей.

Старн

Внеси на холм, поставь на жертвенник могильный;
Там примирения прольется ток обильный.

Когда возьмет Фингал там чашу празднества,
Ты, Колла, знак подай к свершенью торжества.

Колла, приняв чашу от принесшего, идет с оюко на холм.

Хор бардов

Во мраке туч как грозный гром,
Ты не носись в странах воздушных;
Но преселись во горний дом
Твоих отцов великодушных,
Седающих в радужных кругах
С спокойством светлым на челах.

Фингал

Нет, гласам никогда надгробным я не внемлю,
Чтоб мысль не возвращал в отеческую землю,
Где возвышенный ряд родительских могил
Служил источником моих душевных сил;
Где часто при заре, над молчаливым холмом,
Под облачной грядой, беседовал я с сонмом
Почиющих отцов... Казалось, глас взывал,
Который мужество мне в чувство проливал.
Унылы высоты теперь остались холмны,
И тени в облаках печальны и безмолвны,
С вечерней тишиной, при уклоненьи дня,
По холмам странствуют, искав вотще меня.
Я удалился вас, от оных мест священных,
За волны шумные, в страну иноплеменных,
Куда меня влекла могущая любовь.
Но вы не сетуйте: она и вашу кровь
В весенний возраст дней, как огонь, воспламеняла;
Улыбка красоты и вас равно пленяла.
Вы были счастливы; но я!..

(Впадает в задумчивость)

Старн

(тихо Колле)

Еще ли ждать?

В нем дух уныл: нам знак не в сей ли час подать?

Колла

Доколе, государь, свой меч Фингал имеет,
Противустать никто из воинов не смеет.

Старн

(Колле)

Я способы найду его меча лишить.

(К Фингалу)

Не время ли, Фингал, нам к играм приступить,
Почтить сражением умершего героя?

Отборны воины готовы здесь для боя.

Но, чтобы большее в них мужество возжечь,

Наградой лестною им предложи свой меч.

Потщатся воины быть одного достойны.

Фингал

Над гробом храброго сражения пристойны;

Отрадою и в жизнь их почитал твой сын.

Я победителям не только меч один,

Но и мой звучный рог наградой предлагаю:

Познай, о Старн, как прах Тоскара почитаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прежние и восемнадцать воинов Старновых во всеоружии выходят из-за холма и, проходя мимо могилы Тоскаровой, преклоняют оружия. Между ими идет Карилл. Потом изображают они сражение, в котором Карилл и другой воин, оставшись победителями над прочими, сражаются между собою. Карилл обезоруживает своего противника, и оба являются пред Старна, который подводит их к Фингалу для получения предложенного награждения.

Старн

Фингал! как судия, как славный сам боец,

Ты награди теперь отважность их сердец.

Сему принадлежит твой рог далекозвучный,

А сей, пред прочими в бою благополучный,

Пусть примет славный меч от рук, Фингал, твоих.

Фингал

(воину, отдавая свой рог)

Прими мой рог... всегда он воинов моих

К сраженьям призывал, их призывал ко славе.

(К Кариллу)

А ты, искуснейший из всех, который вправе

Носить Фингалов меч... Что вижу я? Карилл!

Ты ль мужеством в бою награду заслужил?

В отважности твоей уверен был и прежде.

Вот меч: ответствуй ты всегда моей надежде!

Но ты колеблешься и не берешь его;
 Смущенье на челе зрю духа твоего...
 Что значит то?

Старн

(поспешно берет Фингалов меч. К Кариллу)

Почто безмолвным остаешься?
 Иль недостойным ты награды признаешься?

(Вполголоса)

Прими, беги и скрой страх слабыя души.

(К Фингалу)

Иди, Фингал, на холм и тризну доверши.

Фингал восходит на холм и берет чашу, поставленную на жертвеннике. В это самое время ударяют в щит.

Фингал

Я слышу браней глас!

Старн

И смерть тебе, злодею!

Воины

(устремляются к холму)

Умри, Фингал!

Фингал

(бросая чашу)

И я оружия не имею!

(Увидев висящий на дереве меч, срывает оный.)

Тоскаров вижу меч, защитой мне будь!

Старн

(остановившимся воинам)

Чего робеете? врага пронзите груды!

Фингал

Лишь шаг, и будет Старн моею первой жертвой.

Старн

Не бойтесь угроз: пуцай паду я мертвый,
 Лишь кровию его спокойте сына прах.

Фингал

Кто смеет приступить?

Воины

(устремляются еще раз)

Умри!

Старн

Разите!

Колла

Страх!

Фингала воинов сюда ведет Моина.

Воины удаляются к стороне Старна.

Старн

О ярости! не могу я отомстить за сына!

Явление последнее

Прежние, Моина, Уллин, воины Фингала.

Фингал

(бросается к Моине)

Моина! ныне жизнь твоей любви мне дар!

Моина

О радость! я могла тот отклонить удар,
Который наднесла невольно на Фингала:
Тебя, на холм послав, на смерть я посылала.
Но естли счастливо спасен ты ныне мной,
Останется ль отец виновным пред тобой?

Фингал

Достоин твой отец... но не окончу слова.
Взираи! страдает как его душа сурова!
Но не раскаяньем сия душа полна:
Отмщеньем, злобою терзается она.

Старн

Ты наконец познал мои сердечны чувства!

Фингал

Познай и ты тщету коварного искусства.
В расставленну мне сеть ты сам, о Старн, упал,
И, саном возвышен, ты сердцем столько мал,
Что ныне жизнь твоя от рук моих зависит.

Старн

Здесь жизнь... от рук твоих?... Фингал легко то мыслит.

Фингал

Моими войсками отвсюду окружен,
 По слову одному ты можешь быть сражен,
 И ты, и ратники, служители лукавства,
 И казнь в сей день принять, достойную коварства.
 По справедливости измену наказав,
 Пред всей твоей страной, пред светом буду прав.
 Но безоружного разит один бесчестный:
 С моими мыслями поступок несовместный!
 Сколь сердцу Старнову всегда приятна месть,
 Мне столько же всегда священна будет честь.
 Обиды от врагов свирепый отомщает,
 Дух кроткий их простит, великий забывает.
 Ты мстил, забуду я, вот разность между нас!
 Ты пленником моим уже один был раз;
 Теперь в моих руках, но будь опять свободен!
 Мир искренний со мной когда тебе не сроден,
 Позволь ты дочери моей супругой быть,
 И с нею поспешу от сей земли отплыть.

Мона

Как можешь речь к отцу толь обращать жестоку?

Фингал

Быть твердым надлежит, как говоришь пороку.

Старн

(по некотором молчании)

Сердечны чувства и мой свирепый нрав
 В сей самый день, Фингал, в несчастный день познав,
 Ты хочешь, чтоб я дочь тебе вручил супругой;
 Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой?
 Что право подает? или мой плен, позор?
 Иль, лучше на сей холм ты обрати свой взор,
 На холм, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
 Союза объяви мне право и причину.
 Печаль мою, и нрав, и мщение порочь
 И докажи отцу, что должен ныне дочь
 На самом холме сем, над прахом здесь сыновним,
 Тебе в супруги дать согласиём виновным.
 Нет, нет, Фингал! меж нас несбыточен союз.
 Отмщение! . . других мне нет с тобою уз.
 Мне брак предлогом был, но смерть твоя желаньем;
 Дарить тебя хотел не дочь, страдааньем.
 Не храм, готовил гроб; не брачных свет огней,
 Но блеск, но грозный блеск убийственных мечей.

Хотел, чтобы погиб ты смертью бесчестной,
 И не моей рукой, рукою неизвестной;
 Дабы к страданию по смерти ты возлег
 На тучи хладные, носящи град и снег;
 Хотел тебе принести в те смертные минуты
 Все долговременны мои мученья люты.
 Оден, судьба и дочь — мне изменило все:
 Не изменит теперь отчаянье мое.

Вынимает из пояса кинжал и стремится на Фингала. Моина, приметившая движение его руки, бросается спасти Фингала.

Моина

Что делаешь, отец?

Старн

Еще ль останавливаешь?

(Поражает ее кинжалом)

Несчастливая, умри, коль долгу изменяешь!
 И пусть со мною здесь погибнет весь мой род!

(Закалается)

Фингал

(хочет устремиться на Старна, и воины Фингала за ним также устремляются)

Злодей!

Моина

Постой, Фингал! остановись, народ!
 Мой горестный отец сам ныне гнева жертва.

(К Фингалу)

О радость! за тебя я упадаю мертва.

Фингал

Увы! она прешла!.. Неистовый отец!

Старн

Ты страждешь горестью! Итак, я наконец
 Доволен... отомщен... и счастлив умираю...

Колла относит его на камень.

Фингал

Моины нет! увы! я с нею все теряю.
 О злополучие! о горестный удар!
 И я живу еще?.. И жизнь, Моины дар,
 Сей дар несчастный мне виной ее кончины!
 И я живу еще? жить должен без Моины!

И всякий день в мечтах ее я буду звать;
 И будет всякий день мне сердце отвечать,
 Что я лишен ее, остался на мученье.
 Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье,
 Когда к страданию даны мне грустные дни?
 Прерву...

(Вырывает из рук Уллина меч и хочет заколоться)

У л л и н

(останавливает руку Фингала)

Фингал! тебе ль принадлежат они?
 Ты царь, с народами священным узлом связан:
 Для подданных твоих ты жизнь хранить обязан.
 Рассудка, должности днесь гласу ты вземли.

Ф и н г а л

Увы! жестокий долг! мой друг, из сей земли
 Ты извлеки меня, из сей земли плачевной;
 Но, в облегчение моей тоски душевной

(указывая на тело Моины)

Возьми ты сей предмет, чтобы я каждый день
 Из гроба возывал Моины легку тень.

В отчаянии упадет к Уллину, воины подходят к телу Моины;
 занавес опускается.

Конец трагедии

1805

А. А. Шаховской

ФИНГАЛ И РОСКРАНА, ИЛИ КАЛЕДОНСКИЕ ОБЫЧАИ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Фингал, Ламор,* Гиддолан,** Публий,*** воины и пленные римляне.

Г и д д о л а н

Владелец Морвена! мы, волю твою предвара,
 Сразились, не выждав ни бранного звука, ни пламя Кронтары,
 Не мы в том виновны: римляне, как тати ночные, удары
 Хотели Морвену нанести,

* Владелец берегов Балвы, слепой провидец.

** Сын его.

*** Римский воин.

И нас перерезать, как ланей, без вызова к битве;
 Но сами погибли в сей новой ловитве.
 Едва мы в ущелье успели засесть,
 Как вдруг от поморья послышался топот:

Испуганных вранов к нам встречу, и с криком и с шумом станицы
 летят, —

И вскоре мы слышим: копытами кони по камням звенят;

И ржанья их грохот,
 Промчавшись эхом по звонким скалам,
 Как гул передбурный наносится к нам,
 И отблеск мелькает от светлых стали.

Почувяв так близко злодеев от нашей родимой земли,
 В нас кровь закипела, и копыта в руках затрещали:

Едва в нетерпенье мы выждать могли,
 Чтоб гордо несяся на конских хребтах,

Они в котловине стеснились, как добычь в рыбацких сетях.

Тут громко я вскрикнул: Морвен и Роскрана!

Ударили в копыта, сбросали с коней —

И верь, что из них никто не увидел ни ратного стана,

Ни милой подруги своей;

Убитых мы вранам оставили в пищу,

А пленных к тебе привели.

Л а м о р

Чей голос я слышал?

Ф и н г а л

За подвиг счастливый тебе, Гиддолан,

Я щит, испещренный золотыми гвоздями,

С целительным златом, пожатым на чистых берегах,

Наградой даю.

Ты слышал, Ламор?

Л а м о р

Так, слышал; но после губитель услышит отцовы слова;

Теперь о Морвене нам должно пещись.

Ф и н г а л

Спокоен будь, старец: как древний Морвен

Над тучами взносит спокойно седую главу,

Твердыни сей крепкой никто из рожденных женой не прейдет;

И римскую дерзость твой сын наказал.

П у б л и й

Гордиться не смейте победой почною,

И только из римских граждан

Я с вами сражался один;

Они ж все родились в степях африканских:
 И много ли значит для Рима потеря нумидской когорты?
 В ущелье, без битвы, без чести для вас;
 Увидя, что сжатым в утесах и сбитым с коней
 Нам храбрость не может к победе служить,
 Я щит мой повергнул; однако ж не с тем,
 Чтоб жалостью вашей мой век продолжить;
 О жизни у диких римляне не молят;
 Но выслушай прежде ты волю пославшего нас,
 Потом умерщвляй.

Фингал

Живи; безоружных в Морвене не бьют,
 И дикие римлян научат, как светлую сталь
 Бессильною кровью позорно мрачить.
 Но ты отвечай:
 Чего вы в Морвене искали?

Публий

Победы и славы, иль верных друзей.

Фингал

Победа и слава не встретили вас:
 В Морвене ж мечами друзей не находят.

Публий

С мечем обнаженным римляне даруют народам и дружбу, и мир.

Фингал

Мы дружбы покорством не ищем,
 А мира нарушить ни с кем не хотим;
 Но тот, кто приходит с оружием к нам,
 Нас встретит готовых к сраженью и внукам своим запретит
 И думать нас страхом смущать.

Публий

Но Цезарь, с нумидским отрядом пред войском пославший меня,
 Союз предлагает Фингалу.

Фингал

К чему сей союз?
 Не просим мы римлян мешаться в соседние распри,
 Их кончить умеем без вас:
 И мы не хотим
 На гибель народов, в неправде, в разбое,
 Вам помощь давать.

П у б л и й

Ты можешь, страны неизвестной неведомый царь,
Здесь нагло злословить властителей мира:
Они не услышат тебя.

Ф и н г а л

Нет, скоро услышат: и сам же ты скажешь властителям мира,
Что в мире есть лоскут земли,
Где власть их ничтожна; ее не знавали Фингаловы предки,
И знать не захочет Фингал.
Я слышал, что ваш повелитель в киченьи зовется вселенной царем;
Но знать бы желал:
Кем власть над вселенной ему вручена?

П у б л и й

Мечами и силой римлян.

Ф и н г а л

Так сила на силу, мечи на мечи найдутся для римлян в Морвене.

П у б л и й

Еще ль ты не знаешь судьбы Албиона?

Ф и н г а л

Я знаю ее.
Но если бы смели сыны Инис-Гуны вас встретить, как мы,
Они б подавили пришельцев народною силой,
И ваши тела
Давно бы лежали добычею вранам.
И даже, когда бы избегли от битвы пожаром,
То вы бы, без пищи и крова от моря до моря пройдя,
Назад не вернулись.
Но тем погубили себя албионцы,
Что вас почитали людьми;
Что слух свой склонили к коварным речам;
И вы, меж властями возжегши киченье и зависть,
Посея раздоры и златом и лестью,
Их в братство купили; там братья, на братьев идя,
Вам кровь продавали друзей и свою,
А вы пресыщались добычей разврата.
Но здесь не найдете вы пиршеств таких:
Морвенцы, назвавши Тренмора царем,
Послушны, как дети, потомкам его.
Здесь царь и последний из отроков брани
С бесстрашием равным и волей одной

Ударят на хищных губителей правды
И входы Морвена телами врагов заградят.
Пусть придут римляне увериться в том.

П у б л и й

Орлы легионов уж близки от вас:
Германцы, изоры, нумиды, далматы и парфы,
Жестокие сердцем и дикие нравом, как вы,
За счастье считают в когортах союзных служить,
Не смея и льститься стоять в легионах под крыльями римских орлов.

Г и д д о л а н

Но смеем мы льститься их встретить стрелами
И выгнать за горы мечем.

Л а м о р

Умолкни, о наглый! иль в битве ничтожной удача
Тебе дерзновенье дает пред царем?

Ф и н г а л

(Гиддолану)

Оставим римлянам киченье;
Уже не словами ты им доказал,
Как пагубно Риму копье Гиддолана.

(Публию)

Кто ваш предводитель?

П у б л и й

Карракула Цезарь,
Сын грозный властителя мира.

Ф и н г а л

Идите ж к нему.

П у б л и й

Ты нам возвращаешь свободу!

Ф и н г а л

Она не опасна для нас:
Идите сражаться, коль смеее, снова;
Но вот что скажите вождю своему:
Фингал, царь Морвена, не ищет сражений,
Не любит он крови, пролитой для ложных славы,
Но любит с друзьями на пиршествах Сельмы
О истинно славных делах вспоминать.

Когда же, кто б ни был, с какою бы силой и с скольким числом,
 Дерзнет оскорбленьем и рабством грозить
 Не только Морвену,
 Но дружным соседям его,
 То, радостно к брани подъемля копьё,
 И весело так же, как в Сельме пирует,
 Он смерти в долину стремится и сходит с нее
 При песнях победных.
 Уверьте, коль можно, Карракула в том,
 Что тех покоряют его легионы,
 Кто прежде сраженья
 Крамолой, боязнию иль златом от вас побежден;
 Но тот, кто, надеясь на правое дело,
 Не терпит крамолы, не ведает страха и златом торговым мерзит,
 Тот вам не уступит ни шага отцовской земли;
 Пусть знает ваш грозный владетель,
 Что я не от страха в пределы покорные Риму
 Безужные брани доселе вносить не хотел;
 Но если чрез Кладу проложит он путь за собою,
 То нас не удержит ни крепкой стеной,
 Ни строем железным своих легионов;
 Мы скоро за ними отыщем его!
 Идите... А ты, Гиддолан,
 Явися пред сыном властителя алчных
 С предвестником брани, поднятым копьём;
 Пусть, солнечным светом блестя, острие
 И, яростью бранной сверкая, твой взгляд
 Карракулу скажут, как страшен он нам.
 Вот щит, подаренный победой тебе;
 Возьми — и сопутствуй плененных к их войску.

Гиддолан

Явлюся к римлянам!

(подходя к Фингалу)

Но щит мне не нужен:
 И грудью, где бьется отчаяньем сердце,
 Где ярость и горе спирают дыханье,
 И ревность, как буря, кипит,
 Я встречу удары римлян.
 Прости мне, родитель!..

Ламор

Не здесь, а в сраженьи прощенья ищи,
 И кровью очисти свое преступленье.

Гиддола н

Ах, если б ты видел Роскрану...

Ла м о р

Как счастлив я тем,
Что видеть злодейства в сыновних чертах не могу!
Беги, чтоб не слышал я вздохов напрасных
И сердцу знакомых шагов.

Гиддола н

Но ты мне позволишь к тебе возвратиться?

Ла м о р

С победною вестью.

Гиддола н

Так будь же уверен,
Что слух твой я первый утешу победною вестью
Иль в битве замолкну навек.

1824

А. П. Крюков

СЕТОВАНИЕ ФИНГАЛА НАД ПРАХОМ МОИНЫ

Моины нет! прости, покой и радость!
Мне тесен мир, мне мрачен божий свет...
В тоске, в слезах моя увянет младость...
Моины нет! Моины нет!

Едва душа блаженство с ней вкусила,
Как рок сразил ее во цвете лет...
Здесь милый прах... здесь холодная могила...
Моины нет! Моины нет!

Погибло все для сердца под луною!
Завял и ты, венец моих побед!..
Увы! пред кем гордиться мне тобою?
Моины нет! Моины нет!..

Померкни, блеск небесных лазури!
Исчезни в прах, полей краса и цвет!
Раздайся гром, взывайте бури:
Моины нет!.. Моины нет!..

Обрушья мир на скорбного Фингала!
 В страну отцов пойду за милой вслед...
 О, если б там душа страдать престала!
 Моины нет!.. Моины нет!..

1825

В. А. Жуковский

ЭОЛОВА АРФА

БАЛЛАДА

Владыко Морвены,
 Жил в дедовском замке могучий Ордал;
 Над озером стены
 Зубчатые замок с холма возвышал;
 Прибрежны дубравы
 Склонялись к водам,
 И стлался кудрявый
 Кустарник по значным окрестным холмам.

Спокойствие сеней
 Дубравных там часто лай псов нарушал;
 Рогатых еленей
 И вепрей, и ланей могучий Ордал
 С отважными псами
 Гонял по холмам;
 И доли с холмами,
 Шумя, отвечали зовущим рогам.

В жилище Ордала
 Веселость из ближних и дальних краев
 Гостей собирала;
 И убранные были чертоги пиров
 Еленей рогами;
 И в память отцам
 Висели рядами
 Их племя, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
 Любил за бокалом рассказы Ордал
 О древних победах
 И взоры на брони отцов устремлял:
 Чеканны их латы
 В глубоких рубцах;
 Мечи их зубчаты;
 Щиты их и шлемы избиты в боях.

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею залиты над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси младые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза, дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.

Гремела красою
Минвана и в ближних и в дальних краях;
В Морвену толпою
Стекались витязи, славны в боях,
И дочь гордился
Пред ними отец...
Но втайне делился
Душою с Минваной Арминий-певец!

Младой и прекрасный,
Как свежая роза — утеха долин,
Певец сладкогласный...
Но родом не знатный, не княжеский сын:
Минвана забыла
О сани своем
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем. —

На темные своды
Багряным щитом покати́лась луна;
И озера воды
Струистым сияньем покрыла она;
От замка, от сеней
Дубрав по берегам
Огромные теней
Легли великаны по гладким водам.

На холме, где чистым
Потоком источник бежал из кустов,

Под дубом ветвистым —
 Свидетелем тайных свиданья часов —
 Минвана младая
 Сидела одна,
 Певца ожидая,
 И в страхе таила дыханье она.

И с арфою стройной
 Ко древу к Минване приходит певец.
 Все было спокойно,
 Как тихая радость их юных сердец:
 Прохлада и нега,
 Мерцанье луны
 И ропот у берега
 Дробимыя с легким плесканьем волны.

И долго, безмолвны,
 Певец и Минвана с унылой душой
 Смотрели на волны,
 Златимые тихо блестящей луной.
 «Как быстрые воды
 Поток свой лият —
 Так быстрые годы
 Веселье младое с любовью несут». —

«Что ж сердце уныло?
 Пусть воды лиятся, пусть годы бегут;
 О верный! о милой!
 С любовью годы и жизнь унесут!» —
 «Минвана, Минвана,
 Я бедный певец;
 Ты ж царского сана,
 И предками славен твой гордый отец». —

«Что в славе и сани?
 Любовь — мой высокий, мой царский венец.
 О милый, Минване
 Всех витязей краше смиренный певец.
 Зачем же уныло
 На радость глядеть?
 Все близко, что мило;
 Оставим годам за годами лететь». —

«Минутная сладость
 Веселого *вместе*, помедли, постой;
 Кто скажет, что радость
 Навек не умчится с грядущей зарей!

Проглянет денница —
Блаженству конец;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бедный певец». —

«Пускай возвратится
Веселое утро, сияние дня;
Зарей озарится
Тот свет, где мой милый живет для меня.
Лишь царским убором
Я буду с толпой;
А мыслю, взором
И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой». —

«Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний веет
С вершины кудрявых холмов ветерок!» —
«О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница;
И тих ветерок на кудрявых холмах». —

«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов». —
«О нет! встрепенулись
Дремавшие птички на ветвях кустов». —
«Заря уж багряна». —
«О милый, постой». —
«Минвана, Минвана,
Почто ж замирает так сердце тоской?»

И арфу унылой
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вестник души неизменная будь.

Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет.
Как прежде, взиграет
Веселие в вас,

И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас.

И думай, их пенью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тенью,
Все верный, летает твой друг над тобой;
Что прежние муки:
Превратности страх,
Томленье разлуки,
Все с трепетной жизнью он бросил во прах.

Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не рассталась с душой;
Что робко любивший
Без робости любит и более твой.
А ты, дуб ветвистый,
Ее осеняй;
И, ветер душистый,
На грудь молодую дышать прилетай».

Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...
Как бы неизвестный
В нем голос: *навекы прости!* говорил.
Горячей рукою
Ей руку пожал
И, тихой стопою
От ней удаляся, как призрак, пропал...

Луна воссияла...
Минвана у древа... но где же певец?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастьем конец;
Молва о свиданье
Достигла отца...
И мчит уж в изгнанье
Ладыя через море молодого певца.

И поздно, и рано
Под дровом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;
Все пусто; день ясный
Взойдет и зайдет —
Певец сладкогласный
Минваны под дровом свиданья не ждет.

Прохладою дышит
Там ветер вечерний и в листьях шумит,
И ветви колышет,
И арфу лобзает... но арфа молчит. —
Творения радость,
Настала весна —
И в свежую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И ярким сияньем
Холмы осыпал вечеряющий день:
На землю с молчаньем
Сходила ночная, росистая тень;
Уж синие своды
Блестали в звездах;
Сравнились воды;
И ветер улегся на спящих листьях.

Сидела уныло
Минвана у древа... душой вдалеке...
И тихо все было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листья,
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...

И вдруг... из молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звон,
И тише дыханья
Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустела, и милого нет.

От тяжкия муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застенали в смятенных струнах.
Когда ж возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и над нею была тишина.

С тех пор, унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм,

И, звукам внимая,
 Мечтала о милом, о свете другом,
 Где жизнь без разлуки,
 Где все не на час —
 И мнились ей звуки,
 Как будто летящий от родины глас.

«О милые струны,
 Играйте, играйте... мой час недалек;
 Уж клонится юный
 Главой недоцветшей ко праху цветок.
 И странник унылый
 Завтра придет
 И спросит: где милый
 Цветок мой? .. и боле цветка не найдет».

И нет уж Минваны...
 Когда от потоков, холмов и полей
 Восходят туманы,
 И светит, как в дыме, луна без лучей —
 Две видятся тени:
 Слиявшись, летят
 К знакомой им сени...
 И дуб шевелится, и струны звучат.

1814

А. С. Пушкин

ОСГАР

По камням гробовым, в туманах полуночи,
 Ступая трепетно усталою ногой,
 По Лоре путник шел, напрасно томны очи
 Ночлега мирного искали в тме густой.
 Пещеры нет пред ним, на берегу угрюмом
 Не видит хижины, наследья рыбаля;
 Вдали дремучий бор качают ветры с шумом,
 Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
 Зрит барда старого — веселье прошлых лет:
 Склонясь седым челом над воющим потоком
 В безмолвии, времен он созерцал полет.
 Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.

Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой! — вещал певец веков минувших. —
Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!»
Пришлец главой поник — и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
«Чей гроб я вижу там?» — вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь,
«Увы! здесь пал Осгар! — рек старец вдохновенный. —
О! рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первыя стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое.
Покойся, юноша! ты в брани славной пал!

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину;
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скольльзящий на долину,
И тень, упавшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы молодой
И шепчет: „Юный друг! не медли, здесь твоей милый!“
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют.
„Ужели спишь теперь, Мальвина? — мгла вокруг,
Валится снег, волосы в тумане леденеют. —
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!“

Он в третий раз стучит. Со скрыпом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась,
Он зрит — в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела;
Немеет и дрожит любовник молодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,
 Но взоры отвратив: „Живи! — вещал Осгар, —
 Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
 Забуду, потушу к неверной страсти жар“.
 И тихо за порог выходит он в молчанье,
 Окован мрачною, безмолвною тоской —
 Исчезло сладкое навек очарованье!
 Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
 Мальвины имя он в отчаяньи шептал;
 Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
 На сердце горестном унынья мрак лежал.
 На друга детских лет взглянул он торопливо;
 Уже недвижимый взор друзей не узнавал;
 От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
 Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Осгар среди мучений.
 Вдруг грянул трубный глас! Оденов сын, Фингал,
 Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
 Осгар слышал весть и бранью воспылал.
 Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала,
 Покрытый ранами, здесь пал на груды тел.
 Он пал — еще рука меча кругом искала,
 И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли всячь враги — и тихий мир герою!
 И тихо все вокруг могильного холма!
 Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
 Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
 В багровом облаке, одеянна туманом,
 Над камнем гробовым уныла тень сидит,
 И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
 И клен, зашевелись, таинственно шумит».

1814

С. Н. Глинка

ОССИАН И ВНУК ЕГО

Оссиан

Я живу средь вечной ночи,
 Солнечных не зрю лучей;
 Льют мои лишь слезы очи;
 Чужд я стал вселенной всей.

Ты один, о внук мой милой!
 Ты мой подпора дней;
 В горести моей унылой
 Ласкою живу твоей.

В н у к

Приятно, сладостно подпорой старца быть;
 Мое все счастье, чтоб жизнь с тобой делить.
 Воспомни прежни дни: сие воспоминанье,
 Страдалец! облегчит души твоей страданье.
 Умеешь жизнь свою возобновлять в стихах,
 И голосом своим приемлешь жизнь в сердцах.

О с с и а н

Ах! звуки громких арф давно уж онемели!
 Чертоги сельмские! и вы осиротели.
 Где прежде странник был с царями на пирах,
 Где прежде обитал великий мой родитель,
 Где славой он гремел и душ был повелитель,
 Где звуки сладостны неслись от пышных стен:
 Те стены заросли теперь печальным мохом;
 Фингала, храбрых всех сковал могильный плен;
 Как сирота влекусь к жилищу их со вздохом.
 И я живу. . . и мой унылый, слабый глас,
 Герои! из могил стремится вызвать вас.
 Когда луна еще не всходит безмятежна,
 Когда краса долин едва уже видна,
 Когда зовет ко сну всеместна тишина,
 Когда, спустясь в парах завеса белоснежна,
 Застелет гор верьхи и воды и лесá:
 Померкших дней моих тогда блестит краса.
 Горю желаньем петь, лечу в грядущее время,
 И старости моей тогда мне легче бремя.

В н у к

Воспомни песнь к луне: сколь сладостна она!
 Ты в ней бессмертне свое сам предрекаешь.
 Душа твоя всегда нежнейших чувств полна;
 Во тьме твой взор, но ты — душой своей сияешь.

О с с и а н

Как нежна красота, пленяюща сердца,
 Покровом скромным облеченна,
 Блестает кротостью лица,
 Из облака так осребренна
 Выходит, дщерь небес! луна.

В прелестной тишине ты мирно истекаешь
 И свой престол сооружаешь
 В кругу светил ночных.
 Когда же в небесах тень мрачная густеет
 И тихой луч твой побледнеет,
 И наконец затмится в них,
 В каких пределах дальних
 От наших глаз скрываешься печальных?
 Ужель, как Оссиан, тоскуя и скорбя,
 В чертог уныния скрываешь ты себя,
 Дщерь милая небес! ужель и ты скорбь знаешь?
 Но ты в сии часы во всей красе блистаешь.
 Над высотой гор ты медленно плывешь,
 Унынье сладостно в сердца и души льешь.
 Коль можно, о луна! продли свое течение
 И на лице морей лей кротко озаренье!

1820

В. Н. Григорьев

ТОСКА ОССИЯНА

О арфа! пусть твой слабый стон,
 Исторгнутый десницей устарелой,
 Пробудит хоть на миг бесславный сон
 Родительской страны осиротелой!
 Пусть с сей скалы, подножия дубов,
 Ровесников моей седины,
 Прольется старца песнь. Реви с борьбой валов,
 Осенний ураган, взрывавай дубрав вершины!
 Надвинь на свод пустых небес
 Громады туч свинцовых!
 Ты, ночь, раскинь свой креповый навес
 И мрачные набрось на мир оковы!
 Свершилось! нет того, чья сталь меча в боях
 Как бы звезда победная блистала
 И в вражеских трепещущих устах
 Прощание с сей жизнью вынуждала...
 Свершилось, нет Фингала!

События минувших дней,
 Пожранных вечностию жадной,
 Проснитесь в памяти моей:

Да огласит сей холм Фингала подвиг ратной!
Я помню (и тогда кипела кровь во мне
И меч дрожал в руке нетерпеливой):
Сверкали кошками — и в шумной вышине
Свистали стрелы боевые. . .
Железо тупится; со строем спибся строй;
Удар в ответ удару стонет;
Фингал далек от нас: бегу к нему стрелой —
И что ж? врагов страх с тылу гонит!
Бегут лучей его копыта:
Так утром дымные туманы,
Покрывшие восточные курганы,
Редит огнистая заря!
Катмора ищет взор Фингала, —
Сошлись; уж рок колеблется меж них. . .
Конец взгремел. . . И гордо отлетала
Душа Катморова в страданиях немых.
Но будь утешен ты, Катмор!
Фингал жалел твоей погибшей славы
И с гордостью вперял свой храбрый взор
На труп твой величавый!
Но должен ли я днесь тебя, родитель мой,
В пылу побед венчать венком лавровым?
Нет, нет! Мне суждено настроить голос свой
В надгробну песнь над холмом новым.
Недаром стон глухой трикраты сон лесов
Смуцал полуночной порою;
Недаром гром гремел, и вой зловещих псов
Мне сердце раздирал тоскою;
Недаром арфа в черный день
Сама собою содрогалась,
Как будто бы чья жалобная тень
Эфирными перстами к ней касалась.
О, сколько бедствий в жизни сей
Судьба мне завещала!
Давно ль всхолмилася на лоне сих полей
Могила храброго Фингала,
И вечной ночи мрак смежил
Мои увлажненные вежды!
Мне мир, как гроб, лишенному светил,
Лишенному надежды!
Одна осталась мне отрада — обнимать
Твой прах холодными перстами.
Ты зришь меня, но мне тебя уж не видеть!
Когда ж, когда ж воздушными крылами
К тебе, родитель, понесусь
В надоблачный чертог летучий?

Когда с землею я прошусь,
 Где шаг — то друга гроб или курган могучих?
 Узрю ль тебя, желанная страна?
 Отбрутся ль врата отчизны?
 Железная судьба, ты хочешь, чтоб до дна
 Испил я чашу горькой жизни. . .

1822

А. М. Мансуров

УМИРАЮЩИЙ БАРД

Под сенью вражеских шатров,
 На месте битвы, рать Фингала
 Вокруг пылающих костров
 С весельем шумным пиновала.
 Еще рука молодых вождей
 Гнала толпы иноплеменных;
 Еще был слышен стук мечей
 И вопли ратников сраженных;
 Еще призывный рог вдали
 Протяжным эхом повторялся
 И пар кровавый от земли
 По полю брани расстилался.

На брег, где едкий прах с лица,
 Омывши чистою струею,
 Сидели барды над рекою,
 Приносят юного певца:
 К нему глубоко в грудь вбежала
 Врагу послушная стрела;
 По ней из язвы кровь текла
 И щит пробитый обаграла,
 На коем угасал герой.
 Но, окружен певцами брани,
 Он к ним хладеющие длани
 Простер с последнею мольбой:
 Да встретит смерть с завидной славой!
 Да слышит песнь про край отцов! —
 И первый из среды певцов
 Выходит Рино величавой.

Р и н о

Видали ль вы, когда на бой
С холмов росистых царь Морвены,
При ясном утре, ратный строй
Ведет на вражеские стены?

Кто равен нашему царю!
Кто равен в крепости Фингалу!

Видали ль вы, когда в челне,
Под легкой пеленой тумана,
Плывет царь Сельмы при луне
По бледной влаге океана?

Кто равен нашему царю!
Кто равен в красоте Фингалу!

Видали ль вы, как праздных вод
Покпнув светлую равнину,
Царь угощает свой народ
И браиносную дружину?

Кто равен нашему царю!
Кто равен в крепости Фингалу!

А л ь п и н

Недвижно море у берегов,
Чуть видно зыби содроганье;
Чуть слышно дремлющих валов
В заливе слабое плесканье.
О море! одному ли мне
Ты в неге беззаботной мило!
Как любит дневное светило
В твоей прохладной глубине
Покоиться в часы свободы!
Как любит раннею зарей
Смотреться месяц молодой
В твои незыблемые воды!
Как любят девы тайный путь
На брег твой скромный молчаливой;

Но только голос бури грянет,
Твоя исчезнет тишина;
И от прерывистого сна
Поверхность чудная воспрянет!
Ее послышав вещей вой,
Сбегутся волны-исполины!
Одни, свирепую стопой
Ударивши о дно пучины,

Рванутся к небу и челом
 До раскаленных туч достигнут!
 Их жерла яркие задвигнут
 И заглушат их резкий гром!
 Другие, с гибельным стремленьем
 И воплем бросившись на брег,
 Ознаменуют свой набег
 Неотразимым разрушеньем!

Таков и ты, Комгалов сын!
 Как море — в мире ты прекрасен!
 Как море — в гневе ты ужасен,
 Когда с соседственных долин,
 К тебе кичливый враг придет!
 Но дрогнет сердце пришлеца,
 Когда он твоего лица
 Веселье грозное завидит!
 В нем стихнет гордость пылких лет,
 И он, страшась неровной сечи,
 Забросит тяжкий щит за плечи
 И обратит к тебе хребет!

О с с и а н

Вам честь, певцы! лучами лета
 Не столько грудь моя нагрета
 Бывает в полуденный час,
 Как вашим стройным песнопеньем!
 И я невольным вдохновеньем
 Одушевляюся при вас!

Но, струны верные! и с вами
 Я буду раздружен летами!
 Спадет приметно голос мой! —
 Как вешний лед на солнце тает,
 Как вялый лист с дубрав слетает,
 Так дни от нас бегут толпой!

Уйдут! и в старости глубокой,
 Победных песен звук высокой
 Не тронет наш холодный слух!
 Тогда не ступим в бой кровавой;
 Но будем жить чужою славой,
 И к детству перейдет наш дух!

И так, доколе с нами младость,
 Возьмем на нашу долю радость!
 Смотрите, как вокруг меня

Кружится мошек рой игривый!
Они беспечны и счастливы,
А вся их жизнь не больше дня!

Умрем, коль небо так судило!
Но и тебя, о дней светило,
Не равный ли нам жребий ждет?
И ты сияешь нам до срока:
Наступит он, и смерть с востока
Тебя при дряхлости сорвет!

Так пели барды. — Песням их
Страдалец, с жадностью внимая,
Далеко от родного края
Угас на берегах чужих.
И вокруг холма, где прах героев
И прах певца их обрекли
В добычу вражеской земли,
Склонясь на копья, сонмы воев,
Стояли в мрачной тишине.
Подобно рощам Гармаллара,
Когда под тонким слоем пара
Они почнут при луне.

1823

А. И. Писарев

ВЫКУП ОССИАНА

Внимай! внимай! . . В дубраве темной,
Где яростны валы в нагих берегах кипят,
Как отзыв трепетный, нескромной,
Сугубит стук мечей по звонкой стали лат! . .
Смотри! смотри! Ельмор, локлинских чад надежда,
И слава песней — Оссиан
Схватились в смертный бой. — Уже сырой туман,
Лесов вечерняя одежда,
Возлег на дремлющих древах;
Окрест угрюмой ночи мраки;
В пространствах гром ревет, и бурные призраки
Плывут на дымных облаках. . .
Но тщетен грома рев! Дождя напрасно волны
Из туч клубящихся падут!
Сердца в них гневом мести полны. . .

То бьются. . . Щит с щитом и меч с мечом сомкнут, —
 Искусству места нет: одни удары слышны.
 Как тучи вторят гул раскатов громовых;
 Так стонут звонки латы их. . .
 То, вдруг остановясь, коварно неподвижны. . .
 То снова грянут в бой! — Удар их каждый взмах,
 И в каждом их ударе рана! . .
 Но тени праотцев хранили Оссиана:
 Ельмор сражен — и с шумом пал во прах.
 Десницей слабою сжал меч осиротелой,
 К отчизне очи обратил
 И, милую призвав, с улыбкою веселой,
 Взор угасающий закрыл. . .
 Так полная луна плывет над океаном,
 Свинцовые хребты зыбей его златит,
 В пустынном воздухе горит
 И гаснет в вышине за утренним туманом.

Вечерний ветер шумит в листьях деревьев
 И дым с костра волнами подымает.
 Угрюмой ночью полон лес,
 Лишь изредка браздой огонь мраки раздирает,
 Как славные дела немую мглу веков. . .
 Убитый на щите, вблизи его убийца,
 Окрест Локлина царь и сонм его сынов.
 Пылают мстью грозны лица
 И взоры мрачные вещают барду казнь.
 Но смелый бард в цепях спокойствием украшен;
 Печален взор, но дух бесстрашен;
 Унынье в сердце, не боязнь.
 По арфе пробежал могучими перстами;
 Привычный звук отвечает перстам;
 Песнь смертная промчалась по струнам,
 И отзыв, пробужден, отгрянул за горами. . .
 «О арфа, пробуди уснувший глас в струнах!
 Воспой Ельмора прежни бои!
 А вы, отжившие герои,
 Внемлите мне, покоясь в облаках! . .
 Восстал Ельмор, облекся тяжелой медью,
 Восстал на смерть своим врагам;
 Сыны Морвена будут снедью
 Локлина гибельным мечам.
 Стенали вы, скалы моей отчизны,
 Как под ладьями их понт пеною кипел,
 Когда с победой он на ваш хребет взлетел,
 И в нем следы врага втоптали укоризны. . .
 Повсюду вихрем он протек,

Исполнив землю бранным слухом;
Означил смертью грозный бег. . .
И ты, Фингал, и ты смутился духом! . .
Морвенцы смертию спасались от оков;
Убитых зрели их, не зрели побежденных;
И не считал Ельмор сразившихся врагов,
Считал врагов сраженных.
Подвигся местью на него
Полночный исполин, могучий мой родитель.
Фингал остался победитель. . .
Но заплатил за торжество.
Насытился Локлин добычею Морвена.
Враги прелестных дев чрез море увлекли,
И холмы вражеской земли
Отозвались на стоны плена».
Умолк. . . Унылый звук по струнам пробежал.
Но сладок был сей звук царю Локлина:
Плененный враг отцу воспоминал
Венчанного стократ победным лавром сына.
С отцовского чела изгладилась тоска;
Лишь одинокая слеза в очах дрожала,
И долго праздная рука
Забывтый меч неволью обнажала.
Казалось, в душу с песнью сей
Втеснился рой родных воспоминаний;
Казалось, в памяти дряхлеющей своей
Он оживил толпы побед, завоеваний
И славу бурную давно минувших дней,
Когда он сам гремел, как горние перуны. . .
Но вновь удар по смолкнувшим струнам,
И застонали струны,
И новой песнию ответствуют перстам.
«Давно ль ты цвел? Давно ль благоухаьем,
Прелестный цвет, долины услаждал?
Тебя лелеял дещь отеческим сияньем,
И вечер хладною рососою напоял.
Но ветр дохнул губительным дыхаьем,
И ты безвременно увял!
И ты, во цвете лет кончиной пораженный,
Ты рано кончил быстрый бег.
О юпоша! Прекрасен был твой век,
Гремящий, как перун, как молния — мгновенный!
Не будет жребий царств твой грозный меч решать;
Твой щит не воззовет к локлинцу звуком брани;
Твой голос повестью твоих завоеваний
Не будет жадный слух родителя ласкать.
А ты, прекрасная, любившая Ельмора,

Тебе не осушать пленительных очей.
 Ты светлого его не встретишь боле взора,
 И твой отвыкнет слух от сладостных речей.
 Не будет милый твой свиданьем
 Тоску разлуки прогонять
 И страстным, медленным, томительным лобзаньем
 Блаженство в душу проливать.
 Вотще, пришед на брег, прославленный Ельмором,
 При шуме сладостном блестящих пеной вод
 Звать будешь милого душой, словами, взором;
 Вотще: твой милый не придет!»
 И эхо вторило печально: *не придет!*
 На царское чело воссели мрачны думы:
 Всю цену познавал потери он своей,
 И слезы медленно катились из очей. . .
 Пред ним, склонясь на лезвия мечей,
 Стоят его сыны, безмолвны и угрюмы. . .
 Бесслезны очи их; в бунтующих сердцах
 Пылает жажда мщенья
 И отражается в сверкающих очах.
 Казалось, ждут они от старца повеленья
 Учиться кровию певца
 И жизнь его принесть Ельмору в дар надгробной;
 Их взоры требуют лишь знака от отца. . .
 Но скован их отец печалию безмолвной. . .
 Как гром, ударил бард по дремлющим струнам:
 Дубравы звуком потряслися;
 Раздался отзыв по горам,
 И песни вихрем понеслись:
 «Смотри: Ельмор плывет на грозных облаках!
 На нем доспех, из молний соплетенный;
 Шелом, сияншем зарницы оперенный;
 Меч радужный блестит в его руках.
 Средь облачных долин еленей поражает
 Он меткою, пернатою стрелой.
 Час отдыха настал — он мертвых услаждает
 Рассказами страны родной;
 Вещает им гремящие победы,
 Набеги быстрые на северных морях
 И дружные, веселые беседы
 При стуке звонких чаш, при тлеющих дубах.
 Спокоен будь, герой! В наследный дар Локлину
 Свои дела ты завещал.
 Глас бардов освятит великого кончину,
 Предаст ее векам средь плесков и похвал.
 Их песнь в подлунной пронесется
 В страны далекие чрез темны времена,

И сердце храброго на глас их отзовется,
Как звуком радости дрожащая струна!»
Гремят торжественные струны! . .
Локлина царь забыл печаль и бремя лет;
Он мнил, что вещице перуны
От сына радостный несли ему привет,
Надежду скорого свиданья,
Надежду сладкую делами жить в веках! . .
Сынов его томят геройские желанья,
И гаснет мщенье в железных их сердцах;
Забыта скорбная утрата!
Одною жаждою волнуется их грудь:
Устать победами, на лаврах отдохнуть
Иль смертью купить завидный жребий брата.
Не скрылись от певца восторги их сердец;
Из груди пленника исторгся вздох печальный;
И с арфой вновь беседует певец —
И тихо пролетел по арфе звук прощальный:
«Свершилось! Ранний гроб мне грозно предстоит!
Я встречу смерть в стране от родины далекой;
Мой прах унылый, одинокой,
Лишь ветер пустынный посетит.
Где ж вы, о смелые надежды жизни юной,
С которыми я шел во сретенье венцов,
Пел битвы, красоту, на арфе звонкострунной
И мнил по смерти жить в преданиях певцов?
Не закипят во мне восторги песней;
От взора милого не вспыхну я душой. . .
О слава, жизнь, любовь, помедлите со мной:
В час смерти вы предстали мне прелестней!
Не жди на шумный пир, не жди к себе, Фингал,
Сообщника своим беседам,
Сотрудника трудам, певца своим победам!
Тебе среди торжеств все скажут: сын твой пал!
И радость замолчит в душе, дотоль веселой;
Унынье вкрадется в нее;
И взглянешь с думою тяжелой
На место праздное мое!
И вы, о вестники всех чувств моих, желаний,
Которым поверял я славу громких дел,
О струны, певшие великих в поле брани,
Простите! Ваш певец стяжал другой удел!
Простите! Оссиан впоследствии с вами пел!»
Умолк. . . и арфа застонала;
Казалось, с песнию душа в нее вошла;
Казалось, мертвая о барде тосковала
И жалость в юношах невольно родила.

Спешил, рыдая, царь Локлина
Оковы снять с прощенного певца;
И победил певец мечом геройство сына
И арфой мщение отца.

1824

*В. Н. Олин***КАЛЬФОН**

ПОЭМА

I

Летучих серн молодой ловец,
Кальфон, бестрепетный боец,
Племен эринских вождь прекрасный,
И Рельдурата сын ужасный,
Герой неистовый, Комлат,
Под холмом сим сном крепким спят.
Но кто сия краса младая?
В безмолвны струны ударяя
Своей воздушною рукой,
Она эфирною тропой,
С звездой в кудрях ее туманных,
В покровах, из паров сотканых,
На легком облаке летит,
Как на перловой колеснице,
И на густой ее реснице
Слеза блестящая дрожит.
Луна меж звезд, над облаками,
Сияет тихими лучами
И призрак девы серебрит.
И тихо девы тень парит,
Несясь в долине погребальной...
Почто ж, Эвираллина! ты
Небес с эфирной высоты
Глядишь на минстреля печально?
Почто, о дева! ты бледна,
Как лиляя при водах Любара,
Как отуманенна луна?
О дочь прелестная Сальгара!

Иль ты уснула вечным сном
Близ сих бестрепетных героев,
Грозы давно минувших боев,
Под сим почиющей холмом?
Увы! твои красы молодые,
Гармония твоих речей,
Ланитный пламень, блеск кудрей
И очи ясно-голубые
Непобедимых сих бойцов
Огнем вражды воспламенили —
И Эрских дерн они холмов
Своею кровью обагрили.
Сердца героев и царей
К тебе любовью пылали,
И их от стрел твоих очей
Стальные брони не спасали.
Но сердцу девы втайне был
Один Кальфон лишь только мил.

II

О ты, подруга вдохновений!
Певица битв и наслаждений!
В веках играющий орган!
О арфа полуночных стран!
О арфа бардов золотая!
Воспой, мелодией пленяя,
Воспой, бессмертная! скорей,
Как пали витязи Эрина,
Как, цвет любви, Эвираллина
Погибла в юности своей.
Твой глас из праха возрождает
Бойцов и замки старых дней,
Сердца народов услаждает
И, животворный, отверзает
Чертоги грома для теней!
Звучи, напевами прельщая,
Звучи, рокочущий орган!
О арфа бардов золотая!
О арфа полуночных стран! . .

III

Блестит полдневное светило
Над синим морем по водам;
Корабль, как лебедь белокрылой,
Летит по скачущим волнам.
В лазури флаг багряный веет
И парус, вздувшись, белеет

И пена брызжет за кормой.
 На мачте щит висит огромной
 И тению своею темной
 На море падает. Герой,
 Величественный, сановитый,
 Броней блестящею покрытый,
 Стоит на палубе крутой,
 Секирой подпершись стальной.
 Стрела в колчане боевая,
 Меч при бедре, и шлем на нем
 Орлиным осенен крылом,
 И блещет, солнце отражая,
 Звезда на шлеме золотая.
 Прекрасен витязь сей молодой;
 Ланиты розами алеют,
 Взор тих приветно-голубой,
 Блестя, по ветру кудри веют
 И как потухший уголь чернеют.
 Но кто ж сей вождь? кто сей герой?
 То сын прелестный Турлатона,
 Боец бестрепетный, Кальфон;
 С полей кровавых Иннистона
 Спешит с победой в Сельму он,
 Где ждет его, по нем вздыхая,
 Невеста — дева молодая,
 Цвет ненаглядный красоты,
 Звезда прекрасная Эрина,
 Сальгара дочь, Эвираллина.
 О ней Кальфона все мечты;
 Лишь к ней одной из пыла боя
 Неслись желания героя
 На крыльях пламенной любви.
 И в вражьей меч омыв крови,
 Кальфон прелестный, друг Фингала,
 Спешит к возлюбленной своей.
 О волны синие! скорей
 К брегам катитесь Иннисфала!
 Лети, корабль, лети быстрее!
 Попутный ветер, в парус вей!

IV

И взорам Иннисфал открылся.
 Летит корабль — и кончен бег!
 По мачте парус опустился,
 В заливе якорь погрузился,
 И сходни брошены на брег.
 «Земля отцев! страна родная! —

Воскликнул пламенный Кальфон, —
Где расцвели моя младая
Любовь и слава боевая,
Опять тебе я возвращен!
Опять, тебя благословляя,
Пришел к тебе твой верный сын!
Как сладок воздух твой, Эрин!
Леса дремучие, стремнины,
Вереск блестящий по холмам,
Скалы, бегущие к звездам,
Обитель бурь, приют орлиный;
Курганы, светлые ручьи,
Дубравы тихие, долины —
Опять я ваш — и вы мои! . .
Товарищ битв моих блестящих,
Венчавших славой Иннисфал!
Отважный сын мечей громящих,
Соратник верный мой, Гидалл!
Боец, взлелеянный войною!
Там, там, о друг! меж диких скал,
За синим лесом, за горою,
Где Ата в берегах шумит,
Наследный замок мой стоит!
Там все, о друг! чем сердце дышит,
Чем жизнь пленяюсь я!
Лишь для нее душа моя
Призывный славы голос слышит,
В ней, в ней вся прелесть бытия,
Предел желаний, счастье, радость,
Вся сердца жизнь — и жизни сладость!
Туда, друг верный! поспешим,
Туда стоны мы окрилим!» —
Сказал — и сильною рукою
Он щит свой медяный схватил,
Источник быстро прескочил,
Гремя блестящею броней
И полным тулом метких стрел,
И, жизнью движимый младою,
Земли не чуя под собою,
С Гидаллом в Сельму полетел.

V

О жребий смертного печальный!
Звездой надежда нам блестит
И пас лучем сквозь мрак туманный
За милым призраком манит,
Как некий гений обаватель,

Как венценосица сильфид.
 Она прелестна — но предатель!
 И часто, дряхлых и младых,
 Своих поклонников слепых,
 Приводит нас, в очарованьи
 И в жарком счастья упованьи,
 К тоске, страданиям и бедам,
 К ревучим безднам — по цветам!
 Увы! как часто мы мечтаем
 С друзьями скоро пировать
 И бардов пению внимать;
 Уж день желанный привечаем —
 Но смерть является, как тать,
 И мы — их гробы обнимаем!
 Летим, беспечные, срывать
 Цветы любви — молодые розы,
 Но розы сгибли под грозой,
 И мы, сраженные тоской,
 Струим, увы! над ними слезы!
 Как часто арф веселых звон,
 Гимн брачный и покров венчальный
 Сменяют пенье похорон
 И гроб и саван погребальный!
 Светило дня нас в счастье зрит,
 Пируем, нектар пьем кипучий —
 Но месяц, всплывший из-за тучи,
 Могильный дерн наш серебрит!..

VI

И к сельским башням вековым,
 Зеленым плющем перевитым,
 Цветными флагами покрытым,
 С младым товарищем своим
 Кальфон притек. Надежды полный,
 Он зрит с восторгом Аты волны,
 Холмы, окрестные места,
 И, полный радости, в врата
 Решетчатые, позлащенны,
 На обе полы растворенны,
 Стремя кругом веселый взор,
 Он входит на широкий двор...
 Везде все тихо, пусто; мнится,
 Что замок будто нежилый:
 Не верит взору вождь молодой —
 И трепет в грудь ему теснится,
 Предвестник бедствия немой.
 И все в нем тайный страх сугубит:

На башне страж в свой рог не трубит,
Пес верный цепью не бряंचит,
И дева милая Эрина,
Сальгара дочь, Эвираллина,
К нему навстречу не спешит.
В пустых чертогах ветер рыщет
И в переходах длинных свищет.
И сельской девы в терему
На цветно-мраморном полу
Лежат — и арфа золотая
И роза с ландышем младая,
Разрывный лук, покров с чела
И в стену вонзена стрела;
И черной пылью занесенны
Сребром сосуды не блестят,
И окна, настеежь растворенны,
На петлях бьются и стучат.
«Где, где она, Эвираллина,
Краса пустынная Эрина,
Звезда моя и луч златой? —
Кальфон, смятенный, восклицает,
И дико взор его сверкает
Чела под мрачностью густой:
Так огонек перебегает
По мшистым тундрам в мгле ночной. —
О друг Гидалл, товарищ мой!
Ужель моя увяла младость?
В чертогах сельских, где меня,
На благотворный свет маня,
Она, сиянье сердца, радость
Ждала с любовию вдвоем,
Где арфы стройные гремели
И чаши звонкие кипели
Багряно-пенистым вином,
Трапезу обходя кругом —
Теперь унынье воцарилось
И запустенье водворилось.
Так друг! в отсутствии моем
Над Сельмой грянул страшный гром
И что-то грозное свершилось!» —

VII

«Кальфон! — Гидалл ему в ответ, —
Пусть так, твоей невесты нет;
Но грусть ли будет глас обычной?
И сердцу ль храброго прилично
Себя безвременно крушить?»

Эвираллина, может быть,
 Теперь с подругами своими
 Дубрав под сводами густыми
 За серной гонится младой,
 Прицелясь меткой к ней стрелой.
 Ловитвой дева веселится
 И скоро в Сельму возвратится». —

VIII

«Нет, нет, товарищ мой, Гидалл!
 Я ни одной стрелы пернатой,
 Рассекшей воздух, не слышал,
 Ни лани на холме рогатой,
 Ни серны в поле не видал.
 Леса окрестные безмолвны
 И тишины унылой полны,
 Как замок мой. О друг! скорей
 Пойдем к почтенному Алладу,
 В его пустынную ограду
 Утесов мшистых и камней.
 Сей, ветхий жизньию, кульдей,
 Пророк таинственный Эрина,
 Нам скажет, где Эвираллина,
 Куда сокрылася она.
 Завеса тайн пред ним сквозна;
 Он все постиг, все, вещей, знает
 И духом в будущем читает.
 Пойдем, Гидалл! пойдем скорей,
 Откроет тайну нам кульдей!»

IX

Отшельник сей иноплеменный,
 Живый обломок гробовой,
 Таинственный и сопряженный
 Своею чистою душой
 С какой-то тайною страной,
 Аллад давно уж поселился
 В пустынных Эрина скалах;
 Но он в Авзонии¹ родился,
 На славных Тибра² берегах;
 И, ветхий днями, поседелый,
 Как древний тополь снежных гор,
 Италии счастливой пределы
 Оставил он с тех самых пор,
 Как свет, блеснувший в Вифлееме,³
 Подобно утру гор на теме
 Ум разливаться начинал

Лучами по лицу земному
И путь народам озарял
Души к спасению святому;
Когда поклонники Христа,
Борцы под знаменем креста,
Жестоким пыткам подвергались
За веру и надежду их
И в пищу тиграм предавались,
Живые, от владык земных;
В котлах клокочущих кипели,
Иль, с верой в сердце и очах,
Подобно факелам горели
Меж палачей на площадях.
Убогий, дряхлый и смиренный,
Христовым светом озаренный,
Аллад укрылся в Иннисфал.
Там в недре гор и диких скал,
В посте, молитвах, покаяньи
И тайн небесных в созерцаньи
Он жизнь святую провождал
И век свой близкий доживал.
Народ, вожди его любили
И все пророком дивным чтили.

X

«Мир, мир обители твоей!» —
Сказал Кальфон, входя под своды,
Рукой сплетенные природы,
Пещеры старцевой. Кульдей,
Гробницы ветхой пыль живая,
На мшистом камне восседаю,
Святую хартию читал
И слезы жаркие ронял.
И в келье сумрачной Аллада,
На впадистом уступе скал,
Символ спасенья крест стоял
И ярко теплилась лампада;
И свет лампы упадал
На старца: то переливался
Брады в волнистых сединах,
То отбегал, то отражался
В текущих из очей слезах.
И старец был — весь упованье!
Весь жизнь бесплотная! Созданье
Хотя еще в плотских цепях,
Парил он духом в небесах,
Растроганный и умиленный. . .

«Святой кульдей! Аллад почтенный!
 Скалистой житель высоты!
 Скажи, что зрел, что слышал ты?
 Все, дивный, ведаешь по духу!
 Тебе на все сияет свет, —
 Вещал Кальфон, склонившись к уху
 Отступника мирских сует. —
 Пророк таинственный Эрина!
 Скажи мне, где Эвираллина?»

XІ

И ветхий житель диких скал
 Хранил глубокое молчанье;
 Кальфон ответа ожидал
 И был — весь трепет и вниманье.
 И наконец блестящий взгляд,
 Огня исполненный святого,
 Подняв на витязя младого:
 «Мой сын! — сказал ему Аллад, —
 Я зрел, стоя скалы на теме,
 Сквозь мрак ночной звезду на шлеме
 И жало светлое копьа
 И вопли девы слышал я.
 Ревела грозная пучина
 При блеске молний в облаках,
 Усопших тихая долина
 Светилась в ярких огоньках. . .
 Младая горлица Эрина
 Теперь у ястреба в когтях! —
 Я видел сына Рельдурата,
 Неумолимого Комлата!
 Могуч и смел (ужасен был
 Героя взор черно-блестящий!),
 В чертоги Сельмы он вступил,
 Покрытый сталию гремящей,
 И грозным гласом возопил:
 „Иди, Кальфон! сверкнем мечами!
 Сальгара дочь — моя корысть!
 Тебе иль мне здесь лечь костями!
 Тебе иль мне здесь землю грызть!
 Где ты, Кальфон? Иди сразиться,
 Иди на смерть со мною биться!“
 „Давно Кальфона в Сельме нет, —
 Эвираллины был ответ. —
 Бесчестный витязь, удалися!
 Иль мщенья грозного страшися!“ —
 „О дочь Сальгара! ты мила,

Как роза пышная Эрина,
Как снег Арвена ты бела;
Люблю тебя, Эвираллина!
Я отведу тебя с собой
Под свод прохладный и крутой
Пещеры кромльской — там с тобою,
Покрытый сталью боевою,
Три дня останусь под горой,
Вождя Кальфона ожидая
И деву Сельмы уважая.
Пускай бестрепетный Кальфон
Перед меня с мечом предстанет
И в панцирь мой булатом грянет:
Я жду его; но если он,
Когда четвертый день наступит,
Тебя железом не искупит —
Презрев и славу и молву,
Я чолн мой с якоря снимаю,
Гремучий парус развезаю
И в замок мой с тобой плыву“. —
Сказал — и, не смотря на слезы,
На крики, вопли и угрозы,
Комлат увлек ее с собой
И скрылся в темноте ночной.
Громады туч гремя неслися,
Шумел и выл дремучий бор,
Змеями молнии вилися
И пламенели сосны гор.
И с тех, мой сын! заветных пор
Уже четвертый день сияет,
Прогнав с небес ночную тень. . .»

XII

«И я пришел в четвертый день! —
Ужасным гласом восклицает,
Сверкая взорами, Кальфон. —
Клянусь, кульдей! не узрит он
Ни звезд золотых грядущей ночи,
Ни дня, встающего из волн:
Я наведу ему на очи
Без сновидений вечный сон!
Прости, отец мой! время биться
И с сопостатом расплатиться.
Прости — и мир тебе! . .» — сказал —
И из пещеры побежал,
Исполнен бешеной отваги.
Все путь ему: ручьи, овраги,

Покат стремнин и ребра скал.
 На Кромлу серной он взбегаёт
 И с высоты ее крутой
 Огромный камень низвергает,
 И звонко трубит и на бой
 Зовет могучего Комлата.
 И сын отважный Рельдурата
 Паденье камня услышал
 И рог Кальфонов он познал.
 И рвется, гибельный, на сечу,
 Весь гневом пышет и кипит,
 Схватил свой пятигласный щит
 И вихрем он к врагу навстречу.
 Уже бойцы друг друга зрят;
 Сошлись, на миг остановились,
 В щиты секирами стучат —
 И друг на друга устремились,
 Сверкая взорами, как два
 Степей ливийских грозных льва.

XIII

Секиры, грянув, сокрушились;
 Удара гул звучит кругом,
 И их мечи уже скрестились,
 И звонко сшибся щит с щитом.
 Уж крылья шлемов их орлины
 Колышет в прахе ветер пустынный;
 Усеян сталью злачный дерн;
 Уже их панцири разбиты
 И кровью яркою покрыты,
 И страшен бешеный Кальфон.
 Гремуч и быстр, как вихрь летучий,
 Уж он рукой своей могучей
 Врагу шлем медный сокрушил
 И щит огромный прорубил;
 Грызет очами сопостата,
 Обходит гибелью кругом
 И машет свищущим мечом;
 И сын бесстрашный Рельдурата
 Закрылся весь своим щитом:
 Поверх сей медяной ограды
 Одни его лишь блещут взгляды,
 Как две кровавые звезды,
 Как две кометы — весть беды.
 Разят, громят они друг друга;
 Уж их мечи иззубрены,
 Щиты в куски раздроблены,

Звенит, распавшись, кольчуга,
Кровь на кинжалах их стальных
И страшно бьется сердце в них.
Палящей жаждой грудь томится
И градом пот с чела катится.

XIV

И торжествует вождь Кальфон!
Комлат повержен; бледный он
В пыли, скрежеща, протянулся
И черной кровью захлебнулся.
Кальфона блещущий кинжал
Врагу сквозь сердце пробежал.
Ужасен вид! глаза отверсты
И клубом пена на устах,
Остервенение в чертах,
Глядит, не видя, он, и персты
Окостенели, роя прах.
И сельский витязь, взгляд презренья
На тело бросив, возопил:
«Тебя, Комлат, я усмирил!
И спи ты здесь — без погребенья,
Костям в дебри сей истлей,
Корысть пернатых и зверей!»
Сказал — и в дол с горы спускаясь,
Мечем булатным подпираясь,
В пещеру к деве он спешит,
Багряной кровию покрыт.

XV

И дева сельская навстречу
К вождю ей милому летит.
Услышав гибельную сечу,
Знакомый рог, знакомый щит,
Она стрелой вооружилась
И из пещеры устремилась
На холм высокий и крутой,
Где пламенел кровавый бой.
Зефир в кудрях ее играет,
Подъемлет легкой их волной
И с персей девственных свегает
Покров, блестящий белизной, —
И дева к другу упадает
В объятия и восклицает:
«Опять, о милый! ты со мной!
Опять невеста я Кальфона!
Ты спас меня, сын Турлатона! . .

Но что я вижу, о Кальфон?
 Ты весь... весь кровью обагрел!
 И шлем и панцирь твой разбиты,
 Ланиты бледностью покрыты...
 Прости надежда и любовь!
 Вождь Иннисфала знаменитый!
 Чья на тебе дымится кровь?» —

XVI

«То кровь... кровь сына Рельдурата,
 В пыли простертого Комлата.
 Ее до капли источил
 Кинжал мой гибельный... не златом,
 Но сталью острой и булатом
 Тебя я, дева, искупил!
 И ты моя — и до могилы!..
 Но я устал, слабеют силы,
 Свет из очей моих бежит...
 Воды! воды! мне грудь томит
 Несносной жажды лютый пламень...
 Позволь, склонясь головой на камень,
 У ног твоих мне отдохнуть...
 О, прохлады мне влагой грудь!»

И близ тех мест, из лона скал
 Гремучий ключ, кипя, бежал
 И нес полям окрестным дани;
 И дева, в трепетные длани
 Студеный зачерпнув кристалл,
 Приносит, быстрая, к герою
 И светлой влагой ключевую
 Бойца ей милого поит
 И с страхом на него глядит.
 И влагу он, привстав, глотает,
 И жажды огонь лишь утолил —
 Главу на перси опустил,
 Шатается и упадает
 И дух со стоном испускает.
 Погиб, увь! погиб Кальфон!
 В кровавой сече, исступленной,
 В тревоге чувств не чуял он
 Глубокой раны и смертельной,
 Врага булатом нанесенной!

XVII

Всходила ясная луна
 И тихое лила сиянье;
 И дева сельмская, одна,

И неподвижна и бледна,
Как мраморное изваянье,
Как монумент, что бременит
Почивших тлен, в немом страданье
Над прахом милым ей стоит.
Лишь дико взор ее блестит,
Лишь белой груди колыханье
Под тиховойным полотном
Гласит о чем-то в ней живом.

Есть арфа — славить наслажденья,
О битвах песни заводить;
Но как, увы! изобразить
Души растерзанной мученья? . . .
Вы испытали ль те мгновенья
Без упованья и отрад,
Когда объемлет сердце хлад,
Как смерти мразное дыханье,
Когда грызет его страданье,
Уста безмолвие хранят
И очи влагой не блестят?
Их выразить — слова напрасны:
Неизъяснимы и ужасны
Они пребудут навсегда,
Как смерти с жизнью боренье,
Как духа с телом разлученье,
Как за добро — страданий мзда:
Молите, други! провиденье,
Чтоб вам не знать их никогда! . .

XVIII

Два дня, томясь, изнемогая,
Очей дремотой не смыкая
И ни на шаг от друга прочь,
Несчастливая Сальгара дочь
Над женихом своим рыдала
И плотоядных отгоняла
От праха птиц. И в третий день,
Когда холодной ночи тень
С небес лазоревых сбежала,
Погасли звезды и роса
На мхах утесов заблистала,
И солнце шло на небеса —
Ловцы оленей круторогих
И горных ланей быстроногих
В пустыне деву обрели,
Без чувств простертую в пыли.

И сердце в ней уже не билось!
 В ее руке сверкал кинжал
 И бледностью чело покрылось;
 И ветер, веющий от скал,
 По персям девы обнаженным
 И яркой кровью обагранным
 Златые кудри рассыпал.
 Склонясь главой на грудь Кальфона,
 Она, казалось, будто спит
 И будто сына Турлатона
 В своих мечтаньях сонных зрит.
 Ловцы могильный ров изрыли
 Булатом копий и мечей,
 И девы прах и прах вождей
 Под звуком песней схоронили.
 Курган насыпали над рвом
 Возвышенный и весь кругом
 Зеленым дерном обложили;
 И вечно юной красоте
 Холма на самой высоте
 Младую сосну посадили.
 Повесили на ветви рог,
 Шелом и меч, броню стальную,
 Колчан и арфу золотую
 И дань красе — из роз венки.
 И с той поры, когда блистали
 Созвездия и озаряли
 Небес безбрежный океан,
 Три юных тени прилетали
 На погребальный сей курган;
 Доспехи ратные звучали,
 Рог бранный звуки издавал,
 Венки на ветви трепетал
 И струны арфы рокотали.

.

XIX

Приятен дев волшебный взгляд,
 Приятен розы аромат,
 Приятны в летний зной зефиры
 И сон в тени при шуме вод:
 Но бардов вещей звуки лиры
 Приятней мне! . . И вот вам плод
 Моих бесед уединенных
 С полночной арфой и мечтой
 В часы досугов вдохновенных,
 Владевших минстреля душой.

Я пел — и забывал, о други!
Порывы бурные страстей
И сердца тяжкие недуги,
И радости... мелькнувших дней!
Но арфа стихла, замолчала —
И он исчез, волшебный край!..

А ты, о дева Иннисфала,
Эвираллина! посещай
Меня в моих ты сновиденьях:
Когда засну — души в волненьях —
На легком облаке спустишь
И мне ты в образе явись
Эльвиры вечно незабвенной!
Пускай, восторгом упоенной,
Пускай опять увижу я
Уста коралловые
И очи ясно-голубые
И кудри льняно-золотые;
Пускай опять — в мечте моей —
Услышу звук ее речей!
Тебя ль, о друг! поэт забудет?..
Проснусь — и сердце полно будет
Ему знакомой старины;
Неизъяснимых наслаждений
И тайных дум и тишины —
И новых Музы вдохновений!

1824

Трилу́нный (Д. Ю. Струйский)

ЛИРА ОССИАНА

Чернеется сосна над темем скалы,
На сосне той лира золотая висит;
Крутую скалу опеняют валы,
Пустыня безмолвна, и лира молчит.

Когда же громовая туча нагрянет,
И молния яркой змиею блеснет,
И буря застонет, и море восстанет,
Та лира печальный аккорд издает.

И грозные тени парят в вышине,
В сияющих бронях, при бледной луне,

Спускаются к сосне, становятся в строй:
И лира звучит им с полночной грозой.

О чем же звучит им? о родине милой,
Где камень положен над храбрых могилой,
Где все опустело, лишь ветер порой
Вдыхает, играя с могильной травой?

Но бурное море спом мирным заснет,
И лира замолкнет с полночной грозой;
Над сипею бездной Царь неба взойдет:
И сосну осветит над голой скалой.

Где ж грозные тени? — в чертогах эфира!
В нетленных венцах там ликуют оне.
Но помнят скалу, где знакомая лира
Звучит им в грозу о родной стороне!

1830

III

Н. М. Карамзин

ПОЭЗИЯ

(ОТРЫВОК)

Британия есть мать поэтов величайших.
Древнейший бард ее, Фингалов мрачный сын,
Оплакивал друзей, героев, в битве падших,
И тени их к себе из гроба вызывал.
Как шум морских валов, носяся по пустыням
Далеко от берегов, уныние в сердцах
Внимающих родит, — так песни Оссиана,
Нежнейшую тоску вливая в томный дух,
Настраивают нас к печальным представлениям;
Но скорбь сия мила и сладостна душе.
Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!

1787

Е. И. Костров

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

Под кроткой сению и мирта и олив,
Венчанный лаврами герой, ты, опочив,
Летаешь мыслями на бранноносном поле,
Дав полну быстроту воображенья воле.
Почил! но самое спокойствие твое
Ужаснее врагам, чем прочих копие.
Известно им, что ты средь мирных отрады
О средствах думаешь, как рушить тверды грады.

Я, зря тебя, тебе в приличной тишине,
 В покое бодрственном, герою в сродном сне,
 Осмелюсь возбудить усердной гласом лиры.
 По шумных вихрях нам приятнее зефиры.
 Дерзну: ты был всегда любитель нежных муз,
 С Минервой, с Марсом ты стяжал себе союз.
 Позволь, да *Оссиан*, певец, герой, владыка,
 Являсь во чертах российского языка,
 Со именем твоим неробко в свет грядет
 И вящую чрез то хвалу приобретет.
 Живописуемы в нем грозны виды браней,
 Мечи, сверкаючи лучом из бурных дланей,
 Представят в мысль твою, как ты врагов сражал,
 Перуном ярости оплоты низвергал.
 Враг лести, пышности и роскоши ленивой,
 Заслугам судия неложный и правдивый,
 Геройски подвиги за отчество любя,
 Прочти его, и в нем увидишь ты себя.

1792

Г. Р. Державин

НА ПЕРЕХОД АЛПИЙСКИХ ГОР

(ОТРЫВОК)

Но что! не дух ли *Оссиана*,
 Певца туманов и морей,
 Мне кажется под луной *Морана*,
 Как шел он на царя царей?
 Нет, зрю — *Массена* под землю
 С *Рымникским* в тьме сошлись к бою:
 Чело с челом, глаза горят; —
 Не громы ль с громами дерутся? —
 Мечами о мечи секутся,
 Вкруг сыплют огонь — хохочет ад!

1799

К. Н. Батюшков

МЕЧТА

(ОТРЫВОК)

Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
 Коснуся я струнам,
 Тобой одушевленным!
 Явися! ждет тебя задумчивый Пиит,
 В безмолвии ночном сидящий у лампы;
 Явись и дай вкусить сердечныя отрады.
 Любимца твоего, любимца Аонид,¹
 И горсть сладостна бывает:
 Он в горести мечтает.

То вдруг он пренесен во сельские леса,
 Где ветер шумит, ревет гроза,
 Где тень Оскарова, одетая туманом,
 По небу стелется над пенным океаном;
 То с чашей радости в руках
 Он с бардами поет: и месяц в облаках,
 И Кромлы шумный лес безмолвно им внимают,
 И эхо по горам песнь звучну повторяет.

1802—1817

ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

(ОТРЫВКИ)

Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях?
 И что в стихах
 Украдкой от друзей на лире воспевашь?
 С Фингаловым певцом мечтаешь
 Иль ревою рукой
 Венок красавице сплетаешь?

.....
 Так! сердце может лишь мечтою услаждаться;
 Оно все хочет оживить:
 В лесу на утлом пне друидов находить,
 Укравшихся под ель, рукой времян согбенну,
 Услышать барда песнь священну;

С Мальвиною вздохнуть на берегу морском
 О ратнике младом.
 Все сердцу в мире сем вещает;
 И гроб безмолвен не бывает,
 И камень иногда пустынный говорит:
Герой здесь спит!

1805

Н. И. Гнедич

К К. Н. БАТЮШКОВУ

(ОТРЫВКИ)

Когда придешь в мою ты хату,
 Где бедность в простоте живет?
 Когда поклонись Пенату,¹
 Который дни мои блюдет?

Приди, разделим снедь убогу,
 Сердца вином воспламеним,
 И вместе — песнопенья богу
 Часы досуга посвятим;

А вечер, скучный долготою,
 В веселых сократим мечтах;
 Над всей подлунною странюю
 Мечты помчимся на крылах.

.
 Иль посетим Морвен Фингалов,
 Ту Сельму, дом его отцов,
 Где на пирах сто арф звучало
 И пламенело сто дубов;

Но где давно лишь ветер ночи
 С пустынной шепчется травой,
 И только звезд бессмертных очи
 Там светят с бледною луной.

Там Оссиан теперь мечтает
 О битвах и делах былых
 И лирой тени вызывает
 Могучих праотцев своих.

И вот Тренмор, отец героев,
 Чертог воздушный растворив,
 Летит на тучах с сонмом воев,
 К певцу и взор и слух склонив.

За ним тень легкая Мальвины
 С златою арфою в руках,
 Обнявшись с тению Моины,
 Плывут на легких облаках.

1807

В. К. Кюхельбекер

ПОЭТЫ

(ОТРЫВОК)

Я слышу завыванье бурь:
 И се в одежде из тумана
 Несется призрак Оссиана! —
 Покрыта мрачная лазурь
 Над ним немymi облаками.
 Он страшен дикими мечтами;
 Он песней в душу льет печаль;
 Он душу погружает в даль
 Пространств унылых, замогильных!
 Но раздается резкий звук:
 Он славит копий бранный стук
 И шлет отраду в сердце сильных.

1820

ОССИАН

ВОСПОМНЕНИЕ О КАРТИНЕ ЖИРОДЕ

П а с т у х

Сын отдаленной чужбины,
 Муж иноземный, — куда?
 В бездне лазурной пучины
 Теплится искра-звезда;
 Там же в парах белоснежных

Спит золотая луна;
Нет еще вихрей мятежных,
Всюду еще тишина.
Но уже пали на очи
Брови седой полуночи;
Бурь просыпается дух.

Странник

Жаждут и сердце и слух
Песней Улина и Гала:
Дом благодатный Фингала
Близко ли, древний пастух?

Пастух

Хладный, немой, обгорелый,
В спзой трепещущей мгле,
Остовом дом опустелый
Черный стоит на скале;
Смотрит на синие волны:
Из дружелюбной страны
Уж не приносятся челны
Шумно к подножью стены;
Уж за трапезой Фингала
Арфа давно замолчала:
Рино и Гал и Улин,
Да и мужей властелин,
Сам он, отец Оссиана,
Все они в царстве тумана;
Сын только бродит один.

Скорбью ведом и мечтами,
Бродит унылый певец
Между родными гробами,
Сирий и дряхлый слепец.
Строгой судьбой пораженный,
Он полонен темнотою;
Но его дух дерзновенный
Мир созидает иной,
Мир сладкозвучья и стона:
Там еще дышит Минона,
Юноша Рино не пал,
Жив и Оскар и Фингал;
Кровные барда обстали,
Слушают песни печали
Призраки с облак и скал.

Пастырь умолкнул, и взоры
Муж иноземный подъял
С дола на мрачные горы:
Камни мостов и забрал,
Своды упавшей бойницы,
Сельму и поле могил
Змий быстротечной зарницы
Белым огнем осребрил;
Грома огромные струны
Задрезжали; перуны
Весь очертили обзор;
Вздрогнул от ужаса бор,
Скалы трепещут от гула...
Чу! чья-то арфа дерзнула
С арфой небесною в спор!

Смелы и резки удары,
Тверд повелительный глас,
Грозны священные чары:
С дивных и пламень угас
И улеглись стихии;
В лоно безмолвья и сна
Пали воздушные змии,
Снова на небе луна;
Старца луна осветила:
Будто широкие крыла,
Вьется с ramen его плед;
Молча и прадед, и дед,
Сын, и отец, и клеветы,
В лунное злато одеты,
Слушают барда побед...

Помню эфирное племя...
Некогда зрел их и я
В юное, мощное время
(Где оно? где вы, друзья?).
В райские годы, когда мы
Из упованья и снов
Строили пышные храмы
Для небывалых богов!
Часто я в светлые лета
Вдруг из святыни поэта
Гнедича,¹ сына Камен,²
Несся ко гробу племен;
Полн необъятного чувства,
В дивном созданьи искусства
Видел воскресший Морвен! —

Ах! и мой Дельви́г,³ Вильгельму
 Он с вдохновенным челом
 В Лору вождем был и Сельму,
 В радостный, царственный дом.
 Рек же владыка: «Чужбина
 В Сельму послала певцов;
 Чашу привета, Мальвина,
 Дева, царица пиров!»
 Гнедич и Дельви́г! и оба
 В дверь безответного гроба,
 Оба и вдруг вы ушли! —
 В глубь беспредельной дали
 Ухо вперяю напрасно;
 Все и темно и безгласно:
 Там они, выше земли!

Тихо; по звездному своду
 Ходит немая луна;
 Ночь обаяла природу
 Маками мертвого сна;
 Дремлют и стоны и бури.
 Вдруг... по дрожащим лучам
 Что-то скользнуло с лазури,
 Зримое вещим очам...
 Холодно! млею; мой волос
 Весь поднялся, как живой;
 Всею моею душой
 Делятся радость и трепет;
 Песнью становится лепет...
 Братья! не вы ли со мной?

1835

(ОТРЫВОК)

До смерти мне грозила смерти тьма,⁴
 И думал я: подобно Оссиану
 Блуждать во мгле у края гроба стану;
 Ему подобно с дикого холма
 Я устремлю свои слепые очи
 В глухую бездну нерассветной ночи
 И не увижу ни густых лесов,
 Ни волн полей, ни бархата лугов,
 Ни чистого лазоревго свода,
 Ни солнцеза чудесного восхода;

Зато очами духа узрю я
Вас, вещие таинственные тени,
Вас, рано улетевшие друзья,⁵
И слух склоню я к гулу дивных пений,
И голос каждого я различу,
И каждого узнаю по лицу.

1845

Н. М. Языков

ПОСЛАНИЕ К КУЛИБИНУ

(ОТРЫВОК)

Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!
И мысль моя тогда летала
По холмам тех счастливых стран,
Где арфа стройная героев воспевала.
Тогда я пред собою зрел
Тебя, Фингал непобедимый,
В тот час, как небосклон горел,
Зарею утренней златимый;
Как ветерки игривые кругом
Героя тихо пролетали,
И солнце блестящим лучом
Сверкало на ужасной стали.
Я зрел его: он, на копьё склонясь,
Стоял в очах своих с грозою,
И вдруг на воинство противных устремясь,
Все повергал своей рукою.
Я зрел, как, подвиг свой свершив,
Он восходил на холм зеленый
И, на равнину взор печальный обратив,
Где враг упал, им низложенный,
Стоял с поникшею главой,
В доспехах, кровию омытых.
Я шлемы зрел, его рассечены рукой,
Зрел горы им щитов разбитых! . .

1819

*П. Г. Ободовский***К КАРТИНЕ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ОССИАНА В ПУСТЫНЕ**

Поет дела своих отцов
 Слепец, герой осиротелый,
 Поет — и глас его среди вихря и громов
 Протяжно вторится в долине опустелой,
 Морвена! твой Гомер бессмертне стяжал —
 Фингала подвиги он миру завещал.

1830

*М. Ю. Лермонтов***ГРОБ ОССИАНА**

Под занавесою тумана,
 Под небом бурь, среди степей,
 Стоит могила Оссиана
 В горах Шотландии моей.
 Летит к ней дух мой усыпленный
 Родимым ветром подышать
 И от могилы сей забвенной
 Вторично жизнь свою занять! . .

1830

*И. И. Козлов***ПОЭТ И БУРЯ**

ИЗ ПОЭМЫ «JOCELYN» ЛАМАРТИНА

О дивный Оссан! мечтая о туманах,
 Об Инисторовых таинственных курганах,
 И песнь твоя в душе, и с арфою в руках
 Когда зимой бродил в дремучих я лесах,
 Где буря и метель, бушующая, слух страшили
 И, словно мертвецы, в поляне темной выли,
 Где, волосы мои вздымая, вихрь шумел,

Над бездной водопад от ужаса ревел
 И, сверженный с небес над длинными скалами,
 Бил пеной мне чело и вопль бросал струями,
 Где сосны, сыпя снег, дрожали, как тростник,
 И ворон подымал над их снегами крик,
 И мерзлый где туман с утеса веял мглою,
 И, как Морвена сын, я был одет грозою, —
 Там, если молния разрежет вдруг туман
 Иль солнце мне блеснет украдкой меж полян
 И влажный луч его, в усильях исчеза,
 Откроет ужас мне, пространство озаря, —
 То, им оживлена, и дикостью степной,
 И свежим воздухом, и святостью ночной,
 И сокрушенных сосн глухим под бурю треском,
 И на главе моей мороза снежным блеском, —
 Органа звонкого душа была звучней;
 И было все восторг и упоенье в пей;
 И сердце, сжатое в груди, для чувства тесной,
 Дрожало вновь, и слез источник был небесной.
 И робко слушал я, и руки простираю,
 И, как безумный, я бор темный пробегал,
 Мечтая вне себя, во тме грозы летучей,
 Что сам Иегова несется в бурной туче,
 Что слышу глас его в тревоге громовой,
 Который мчит в хаос грозы протяжный вой.
 Я, облит радостью, любовью пламенею
 И, чтоб природу знать, живой сливаюсь с нею;
 Я душу новую, я чувств хочу других
 Для новой прелести восторгов неземных!

1836

Н. С. Гумилев

ОССИАН

По небу бродили свипцовые, тяжкие тучи,
 Меж них багровела луна, как смертельная рана.
 Зеленого Эррина воин, Кухулин могучий,
 Упал под мечом короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
 Вспененное море вставало и вновь опадало,
 И встретил Сваран иступленный, в грозе ликованья,
 Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
 Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
 И слушают вести от ветров протяжногосых
 О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий,
 Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
 Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
 Я вижу на холме героев суровых и гневных.

1907

О. Э. Мандельштам

* *
 *

Я не слыхал рассказов Оссиана,
 Не пробовал старинного вина;
 Зачем же мне мерещится поляна,
 Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
 Мне чудится в зловещей тишине,
 И ветром развеваемые шарфы
 Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
 Чужих певцов блуждающие сны;
 Свое родство и скучное соседство
 Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
 Минуя внуков, к правнукам уйдет,
 И снова скальд чужую песню сложит
 И, как свою, ее произнесет.

1914

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ю. Д. Левин

«ПОЭМЫ ОССИАНА» ДЖЕЙМСА МАКФЕРСОНА

Осенью 1759 г. в курортный городок на юге Шотландии Моффат прибыл Томас Грэм (Graham), сын шотландского помещика, который в дальнейшем стал известным английским полководцем и отличился в войнах против Наполеона. Но это произошло полвека спустя, а тогда он был еще 11-летним юнцом, который странствовал в сопровождении матери и гувернера. Обязанности гувернера исполнял молодой Джеймс Макферсон, и пребывание в Моффате явилось переломным моментом в его жизни. Именно здесь было положено начало «Оссиану», ставшему эпохальным явлением в истории мировой литературы.

Джеймс Макферсон (Macpherson) родился 27 октября 1736 г. в деревушке Рутвен округа Баденох графства Инвернес, расположенного на северном склоне Грампианских гор в Шотландии.¹ Сын простого фермера, он, однако, принадлежал к старинному клану, ведущему свою родословную с XII в. Вообще Северная Шотландия занимала особое положение в Великобритании начала XVIII века. Ее мало еще коснулась так называемая уния 1707 г., когда объединение Англии и Шотландии в одно королевство было осуществлено в основном за счет ущемления шотландских интересов.² На севере страны в труднодоступных горных районах во многом сохранялись старые патриархальные порядки, горцы объединялись в кланы, возглавляемые вождями, новые капиталистические отношения их почти не затронули. Даже гэльский язык, на котором они говорили, не имел ничего общего с господствующим в стране языком и был унаследован ими от кельтских предков, поселившихся на Британских

¹ Наиболее обстоятельная биография Макферсона: Saunders B. The life and letters of James Macpherson, containing a particular account of his famous quarrel with Dr. Johnson, and a sketch of the origin and influence of the Ossianic poems. London, 1894. Биография написана пристрастно (автор стремится представить своего героя в наиболее благоприятном свете), но по полноте сведений она остается непревзойденной и продолжает переиздаваться до сих пор. Последнее известное нам издание: New York, 1968 (ниже в ссылках: Saunders).

² См.: Ерофеев Н. А. Англо-шотландская уния 1707 года. — В кн.: Новая и новейшая история, т. VI. М., 1975, с. 55—68; D and C. H. The mighty affair. How Scotland lost her Parliament. Edinburgh, 1972.

островах в VIII—VII вв. до н. э., задолго до англо-саксов. В 1745 г. горные кланы восстали против английского господства в пользу претендента на королевский престол, потомка шотландской династии Стюартов. Разгром восстания имел роковые последствия: старая родовая система в Шотландии была разрушена. Макферсон еще ребенком был свидетелем этих событий.

В 1752 г. он поступил в Абердинский университет и в течение трех лет учился в двух колледжах, но ни одного не закончил. Затем, намереваясь стать священником, он перешел в Эдинбургский университет, чтобы изучать богословие. Но и здесь он пробыл недолго, в 1756 г. вернулся в Рутвен, где получил место учителя в школе для бедных. Тогда же Макферсон начал пробовать свои силы в поэзии. В его ранних характерных для XVIII в. классических поэмах «Смерть» (Death), «Охотник» (The Hunter), «Шотландский горец» (The Highlander) ощутимо в то же время влияние произведений нового сентименталистского толка, таких как «Могила» (Grave, 1743) Роберта Блэра или «Времена года» (The Seasons, 1726—1730) Джеймса Томсона. В 1758 г. Макферсону удалось опубликовать в Эдинбурге «Шотландского горца» — патриотическую поэму, посвященную борьбе шотландцев против вторжения дагчан в XI в. Однако, сколько известно, никакого успеха поэма не имела. К этому времени Макферсон вновь поселился в Эдинбурге, теперь уже как гувернер в семье Грэмов, занимающийся в свободное время литературным трудом.

В Моффате, где, как мы уже отмечали, он оказался осенью 1759 г., Макферсон познакомился с Джоном Хоумом (Home, 1722—1808), автором шумевшей в то время трагедии «Дуглас» (Douglas, 1756), написанной на сюжет шотландской народной баллады. Хоум, сам происходивший из южной Шотландии, интересовался старинной поэзией горцев, о которой был слышан. Он упомянул об этом в беседе с Макферсоном, и тот сказал, «что в его распоряжении имеется несколько образцов древней поэзии. Когда г-н Хоум пожелал их увидеть, г-н Макферсон спросил, понимает ли он по-гэльски? „Ни единого слова“. — „Тогда как же я смогу показать их вам?“ — „Очень просто, — сказал г-н Хоум, — переведите какую-либо из поэм, которая вам нравится, и я полагаю, что смогу составить представление о духе и особенностях гэльской поэзии“. Г-н Макферсон отказывался, говоря, что его перевод даст весьма несовершенное представление об оригинале. Г-н Хоум не без труда уговорил его попытаться, и через день или два тот принес ему поэму о смерти Оскара».³ Поэма понравилась Хоуму, и несколько дней спустя Макферсон перевел ему еще пару поэм.

Когда приятель Хоума священник Александр Карлайл встретился с ним в Моффате, тот показал ему рукописи Макферсона. Впечатление

³ Цитируется свидетельство Хоума: Report of the Committee of the Highland Society of Scotland, appointed to inquire into the nature and authenticity of the poems of Ossian. Drawn up, according to the directions of the Committee by Henry Mackenzie... With a copious appendix, containing some of the principal documents on which the report is founded. Edinburgh, 1805. Appendix, p. 69 (ниже в ссылках: Report).

было столь сильным, что спустя более сорока лет 80-летний старец помнил даже дату этой встречи — 2 октября 1759 г. «Я был совершенно потрясен проявившимся в них поэтическим гением, — писал Карлайл в 1802 г. о переводах. — Мы оба согласились, что это весьма ценное открытие и что его следует обнародовать как можно скорее».⁴

Едва лишь Хоум вернулся в Эдинбург, он поспешил познакомиться с переводами литераторов и ученых, находившихся в шотландской столице. К их числу принадлежали философы Дэвид Юм и Генри Хоум, лорд Кеймс, историк Вильям Робертсон, политиком Адам Смит. Главенствующее положение в этом «избранном кружке», как их называли, занимал Хью Блэр (Blair, 1718—1800), профессор риторики Эдинбургского университета, признанный «литературным диктатором севера».⁵ Он и сыграл решающую роль в пропаганде переводов Макферсона.

Сам Блэр позднее рассказывал об этом: «Потрясенный, как и г-н Хоум, высоким поэтическим духом, каким они (переводы, — Ю. Л.) проникнуты, я тотчас же спросил, где находится г-н Макферсон и, пригласив его к себе, долго с ним беседовал об этом предмете. Когда же я узнал, что помимо нескольких образцов, имеющих в его распоряжении, в горной Шотландии можно найти поэмы такого же рода, но более значительные по своему объему и содержанию и что они хорошо известны местным жителям, я стал настаивать, чтобы он перевел остальные стихотворения, какие у него были, и принес их мне, обещая, что постараюсь сделать их известными публике, внимания которой они вполне заслуживают. Он решительно не желал согласиться на мою просьбу, говоря, что никакой его перевод не сможет ни в малейшей мере передать дух и силу оригиналов; к тому же он опасался, что не только исказит их переводом, но что они вообще будут весьма скверно восприняты читателями, так как очень уж далеки от направления современных идей и от связного, отделанного слога современной поэзии. Только после долгих настоятельных просьб с моей стороны, когда я разъяснил ему, какой ущерб нанесет он своей родной стране, продолжая скрывать эти тайные ее сокровища, которые, уверял я его, будучи обнародованы, обогатят весь образованный мир, только тогда сумел я убедить его перевести и доставить мне несколько стихотворений, находившихся в его распоряжении».⁶

Блэр осуществил свое намерение. Уже в июне 1760 г. в Эдинбурге вышла небольшая книжка под названием «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрского языка».⁷ В книжке содержалось пятнадцать таких «отрывков». Имя переводчика не было названо. Анонимным было и предисловие Блэра, где «отрывки» именовались «уцелевшими подлинными произведениями древней шотландской поэзии». Успех книги потребовал нового

⁴ Ibid., p. 66.

⁵ Saunders, p. 73.

⁶ Report, Appendix, p. 57.

⁷ Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands of Scotland, and transl. from the Galic or Erse language. Edinburgh, 1760 (явже в ссылках: Fragments).

издания, осуществленного в том же 1760 г.; здесь был добавлен еще один «отрывок».

Эти «отрывки» в их первоначальном виде у нас почти неизвестны.⁸ Приводим для примера перевод одного из них (VIII).

У склона утеса горного, под сенью ветхого древа на мшистом камне сидел старик Оссан, последний из рода Фингалова. Слепы старые очи его, борода развевается по ветру. Сквозь голые ветви дерев он услышал унылый голос севера. Скорбь пробудилась в его душе: он начал оплакивать мертвых.

Как же ты пал, словно дуб, распростерший вокруг свои ветви! Где ты, король Фингал? Где ты, Оскур, мой сын? Где же все мое племя? Увы! они лежат в земле. Длани мои осызают их могилы. Я внемлю, как хрипло шумит по камням река внизу. Что несешь ты мне, о река? Ты приносишь память о прошлом.

Фингалово племя стояло на твоих берегах, словно лес на земле плодоносной. Остры были их копыя стальные. Дерзок был тот, кто бы отважился встретить их ярость. Филлан великий был там. Ты, Оскур, мой сын, был там! Сам Фингал был там, могучий, убеленный кудрями старости. Вздymались крепкие мышцы его, и рамена широко простерлись. Горе тому, кто десницу его встречал, когда восставала гордыня гнева его.

Явился сын Морни Гол, самый рослый из смертных. Он стоял на холме, как дуб, его голос ревел, словно горный поток. Зачем один ты царствуешь, — крикнул он, — сын могучего Корвала? Фингалу не хватит сил защититься, он не опора народу. Я силен, как буря морская, как вихорь в горах. Покорись же, Корвала сын; Фингал, покорись мне. Он сошел, словно горный утес, грохоча доспехами.

Оскур вышел навстречу ему; мой сын хотел повстречать супостата. Но Фингал явился в силе своей и смеялся бахвальству спесивца. Они охватили друг друга руками, они боролись на поле. Стопы их взрывают землю. Их кости трещат, как корабль в океане, когда он скачет с волны на волну. Долго трудились они; ночью пали они на гулкой равнине, как два дуба, сплетаясь ветвями, свергаются с треском с горы. Рослый сын Морни связан; победа одержана старшим.

Прекрасная, златокудрая, с гладкой шеей и снежной грудью; прекрасная, как горный зефир, когда в полуденный час он веет над вереском; прекрасная, словно небесная радуга, пришла Мпвана юная. Фингал, — говорит она нежно, — отдай мне брата Гола. Отдай надежду рода моего, грозу для всех, кроме Фингала. Могу ли я, — отвечает король, — могу ли я отказать дочери гор? Возьми же брата, Мпвана, ты, что прекрасней снегов севера!

Такова была, Фингал, твоя речь; но речей твоих больше не слышу я. Слепой я сижу у твоей могилы. Я слышу ветер в лесу, но больше не слышу своих друзей. Не раздастся крик звероловца. Голос войны умолк.⁹

Этот «отрывок» дает представление об основных особенностях той прозаической поэзии, которую Макферсон представил своим читателям. Повесть о бранях минувших времен, вызванных столкновением честолюбий; величавый горный пейзаж, на фоне которого совершает свои подвиги властитель Шотландии Фингал, первый из королей, не превзойденный ни в мощи, ни в доблести, ни в благородстве; наконец, образ его сына, творца этих лиро-эпических песнопений, воина и поэта Оссана, на чью долю выпало пережить великое племя и, скорбя о нынешней участи, допевать подвиги былого. Отсюда — меланхолический дух, про-

⁸ Одиннадцать из шестнадцати «отрывков» в том или ином виде (как вставные эпизоды или как приложения) вошли в поэмы Оссана, изданные Макферсоном в дальнейшем; остальные пять (III, VI, VIII, IX, XIII) больше им не использовались.

⁹ Fragments, p. 37—40.

низывающий все произведение. В нем отсутствует только любовная тема, широко представленная в других «отрывках».

В предисловии, которое Блэр написал в результате бесед с Макферсоном,¹⁰ между прочим высказывалось предположение, что, хотя публикуемые отрывки носят обособленный характер, есть основание полагать, что они являются фрагментами большого эпического произведения о войнах Фингала и что многочисленные предания об этом герое существуют поныне в горной Шотландии.¹¹ Мысль о неведомых поэтических сокровищах не покидала Блэра и, преодолевая первоначальные отказы и сопротивление Макферсона, он настоял, чтобы тот оставил место губернатора и отправился в горы на поиски уцелевшего гэльского эпоса. Была проведена специальная подписка, собравшая необходимые средства, и в конце августа 1760 г. Макферсон отправился в шестинедельное путешествие по графствам Перт, Аргайл и Инвернесс и островам Скай, Саут-Уист, Норт-Уист и Бенбэкьюла, входящим в группу Гебридских островов, после чего в октябре приехал в родной Рутвен. Затем он предпринял второе путешествие на побережье графства Аргайл и остров Малл. По свидетельству тех, с кем он встречался в своих странствиях, Макферсон записывал гэльские поэмы, сохранившиеся в устной традиции, а также разыскивал старинные рукописи, где содержались нужные ему тексты.¹² Один из этих свидетелей, некий капитан Александр Моррисон утверждал впоследствии, что Макферсон «несомненно имел большие заслуги в том, что собрал, привел в порядок и перевел поэмы, но сам он не был ни большим поэтом, ни досконально осведомленным знатоком гэльской литературы».¹³ Впрочем, на разных этапах путешествия Макферсону помогали лучшие, чем он, знатоки гэльского языка, в частности два его однофамильца Юин Макферсон, учитель из Баденоха, и особенно его родственник Леклен Макферсон, сам сочинивший несколько гэльских поэм.

В начале января 1761 г. Джеймс Макферсон вернулся в Эдинбург и принялся за обработку собранных материалов, продолжая получать рукописи от новых знакомых, которых заинтересовал своим предпринятием. 16 января он писал одному из них: «Мне посчастливилось заполучить довольно-таки полную поэму, настоящий эпос о Фингале. Древность ее устанавливается без труда, и она не только превосходит все, что есть на этом языке, но, можно считать, не уступит и более совершенным произведениям в этом духе, имеющимся у иных народов».¹⁴

Слух об открытии эпической поэмы Оссиана, шотландского Гомера III века, которая сохранилась по истечении полутора тысячелетий, не замедлил распространиться. Блэр и его друзья организовали сбор средств на издание английского ее перевода и решили, что для вящей славы Шотландии оно должно быть осуществлено в Лондоне. Их замысел поддержал лорд Бьют, всемогущий министр короля Георга III и меценат,

¹⁰ Блэр сам признавался в этом; см.: Report, Appendix, p. 57—58.

¹¹ См.: Fragments, p. VII—VIII.

¹² См.: Report, Appendix, p. 20, 29, 92—98, 175—177, 271.

¹³ Ibid., p. 177.

¹⁴ Цит. по: Sanders, p. 153.

шотландец по происхождению. Весною 1761 г. Макферсон перебрался в Лондон, и в декабре вышло великолепное издание in quarto, озаглавленное: «Фингал, древняя эпическая поэма в шести книгах, вместе с несколькими другими поэмами Оссиана сына Фингала. Переведены с гальского языка Джеймсом Макферсоном».¹⁵ Этот том, содержащий помимо «Фингала» шестнадцать так называемых малых поэм,¹⁶ был, несмотря на высокую цену, так скоро распродан, что в 1762 г. потребовалось второе его издание. А год спустя появился новый том того же формата и аналогичного оформления — «Темора».¹⁷ Том этот был посвящен лорду Бьюту. В нем, кроме эпической поэмы в восьми книгах «Теморы», содержалось пять малых поэм, а также гальский оригинал книги VII «Теморы».

В отличие от «Фингала» «Темора» особого успеха не имела, однако в 1765 г. обе эпические поэмы и сопутствующие малые поэмы были переизданы в виде двух томов «Творений Оссиана» без сколько-нибудь существенного изменения содержания, но в скромном оформлении, предназначавшемся, видимо, для более широких кругов публики.¹⁸ Степень участия самого Макферсона в этом издании неясна, поскольку в момент выхода книг он уже год как находился в западной Флориде, исполняя обязанности секретаря губернатора, и вернулся оттуда лишь в 1766 г.

В сущности основная работа Макферсона над поэмами Оссиана ограничивается 1760—1763 гг. В дальнейшем он обратился к политической деятельности, неоднократно выступал как политический памфлетист и историк, но его публикации на этом поприще особого успеха не имели.¹⁹ А его опыт перевода «Илиады» в оссианическом стиле, осуществленный в 1773 г., вызвал дружное осуждение критики и насмешки над незадачливым переводчиком, вздумавшим рядить гомеровских героев в костюмы шотландских горцев.²⁰ Провал «Илиады» обозначил конец литературной карьеры Макферсона. Правда, в том же 1773 г. он выпустил «Поэмы Оссиана» — заново отредактированное и композиционно перестроенное

¹⁵ Fingal, an ancient epic poem, in six books: together with several other poems, composed by Ossian the son of Fingal. Transl. from the Galic language, by James Macpherson. London, 1762 (ниже в ссылках: Fingal). Хотя издание вышло в конце 1761 года, оно из коммерческих соображений было помечено следующим годом.

¹⁶ Более подробную характеристику изданий см. ниже в примечаниях.

¹⁷ Temora, an ancient epic poem, in eight books: together with several other poems, composed by Ossian, the son of Fingal. Transl. from the Galic language, by James Macpherson. London, 1763 (ниже в ссылках: Temora).

¹⁸ The Works of Ossian, the son of Fingal. In two vols. Transl. from the Galic language by James Macpherson. The 3rd ed. To which is subjoined a critical dissertation on the poems of Ossian. By Hugh Blair, D. D. London, 1765. Обозначение «3-е издание» соответствовало в сущности только «Фингалу» и сопутствующим ему малым поэмам, для «Теморы» это было второе издание.

¹⁹ В числе его исторических и политических сочинений: An introduction to the history of Great Britain and Ireland (1771); The history of Great Britain from the Restoration to the accession of the House of Hanover (1775); Original papers, containing the secret history of Great Britain from the Restoration to the accession of the House of Hanover (1775); The rights of Great Britain asserted against the claims of America (1776); A short history of the opposition during the last session of Parliament (1779).

²⁰ См.: Saunders, p. 223.

издание.²¹ Этот новый текст неоднократно переиздавался как при жизни Макферсона, так и после его смерти, но сам он уже к Оссиану не возвращался.

Такова внешняя история английского Оссиана. Здесь нет необходимости излагать содержание этих прозаических поэм, с русским переводом которых читатель имел уже возможность ознакомиться. Попытаемся дать общую их характеристику.

Макферсоновские поэмы Оссиана — это цикл лиро-эпических сказаний с центральным героем Фингалом, королем легендарного древнего государства Морвен, располагавшегося на западном побережье Шотландии. Здесь находился королевский дворец — Сельма. В своем «рассуждении» (dissertation), сопровождавшем публикацию поэм, Макферсон относил Фингала к III веку нашей эры и считал его современником римских императоров Севера и Карагаллы. Автором поэм объявлялся старший сын Фингала, воин и бард Оссиан, доживший до преклонного возраста и воспевающий подвиги героев былых времен.

Поэмы эти, однако, внутренне противоречивы: они изобилуют событиями, которые буквально громоздятся одно на другое в пределах ограниченного объема повествования. Сюжет осложняется введением эпизодов, не имеющих к нему прямого отношения. Такими эпизодами наполнены не только большие эпопеи «Фингал» и «Темора», но и некоторые малые поэмы, например «Карик-тура» или «Кат-лода», а «Песни в Сельме» в сущности — цепь таких эпизодов, лишь формально связанных между собой. Но при этом обилии событий они весьма однородны, ни одно из них не развивается сколько-нибудь подробно, сложное действие отсутствует. Война и любовь — две основные темы в поэмах Оссиана. Война составляет главное занятие оссиановских героев, ее дополняет охота. Битвы, погоня за зверями, воинские забавы, пиры неизменно чередуются на протяжении поэм. Войны ведутся главным образом либо против чужеземных захватчиков, пришельцев из Лохлина (Скандинавии), о чем рассказывается в «Фингале», либо против незаконных узурпаторов престола, чему посвящена «Темора»; те же темы варьируются и в малых поэмах. Но когда вожди и ратники выходят на поле боя, практические виды отходят на задний план, основным движущим стимулом становится понятие воинской чести, напоминающее нравственный кодекс средневекового рыцарства. Геройская смерть в бою, которую барды увековечат в потомстве, считается высшим благом.

Противоречивы и сами герои. Они бесстрашны и могучи, когда сражаются. «Наши стопы повергали деревья. Утесы рушились с мест своих, а ручьи меняли течение, с рокотом убегают от нашего единоборства», — так описывает свой поединок один из них («Фингал», кн. I). Но души их не огрубели в непрерывных войнах. «Будь же в сражении бурей ревущей, — наставляет Фингал своего внука Оскара, — а в дни мира — кроток, как солнце вечернее» («Война Инис-тоны»). Сам он, повергнув на-

²¹ The Poems of Ossian. Transl. by James Macpherson, Esq., in two vols. A new ed. carefully corrected, and greatly improved. London, 1773 (ниже в ссылках: Poems).

земь противника, удерживает поднятый меч, тронутый скорбью девы, невесты война, и слезы выступают на глазах великодушного короля («Карик-тура»). Грозные его витязи обладают чувствительной, нежной душой и склонны к горестным медитациям даже в часы веселья.

Подстать героям и их возлюбленные — невесты и жены. Они способны пронзить мечом врага (см., например, эпизод Морны и Духомара в «Фингал», кн. I), но тоска по милому их убивает. Многочисленные любовные истории, о которых рассказывает в поэмах, почти никогда не имеют счастливого конца. Герой обычно гибнет на войне, на охоте, в плавании. Его возлюбленная, если только она не сопровождала его, облачившись в мужские доспехи, и не погибла с ним, умирает от горя. Иногда один из любовников роковым образом является невольной причиной гибели другого и, скорбя, тоже принимает смерть (например, эпизод Комала и Гальвины: «Фингал», кн. II); иногда влюбленных губит соперник или враг героя, и лишь в редких случаях их любовь кончается счастливо («Кальтон и Кольмала», «Кольна-дона»). Героини, все эти Гальвины, Гельхосы, Винвелы, Кутоны, Криморы, Минваны, похожи одна на другую и различаются лишь именами, как, впрочем, и их любовники, будь то Комал или Ламдерг, Шильрик или Конлат, Коннал или Рино. Как далеки они от гомеровских героев с их ясно очерченными индивидуальными характерами!

Эти возвышенные герои живут и действуют вне быта. В оссиановских поэмах мы не найдем ни конкретной житейской обстановки, ни описаний материальных предметов, утвари, еды, самого жилища, кроме неопределенных чертогов (halls), где по стенам развешены столь же неясные доспехи и куда сходятся воины на «пиршество раковин» (feast of shells).²² Такая оторванность от эмпирической реальности немало способствует тому, что герои предстают как некие идеальные носители высоких этических и эстетических ценностей.

Они собственно и являются вершиной мироздания, ибо высшего существа над ними нет. В отличие от гомеровского эпоса в оссиановских поэмах отсутствуют боги, играющие столь важную роль в событиях «Илиады» и «Одиссеи». Единственное исключение — огромная фигура духа Лоды, которого Макферсон отождествляет со скандинавским Одином. Однако этот смутный призрак бессилен повлиять на земную жизнь, и смертный Фингал, бесстрашно вступивший с ним в единоборство, побеждает его («Карик-тура»). В сущности этот дух мало отличается от бесплотных теней умерших героев, сквозь которые, когда пролетают они над землей, просвечивают звезды. Они обитают на облаках, сохраняя те же склонности, что отличали их при жизни, слетаются на звук арфы барда, воспевающего их подвиги, или являются живым — во сне и наяву, — чтобы возвестить грядущие беды.

²² По утверждению Макферсона, оссиановские герои пили вино из раковин, подобранных на морском берегу. В переводе эта деталь не сохранена в связи с неуместными в данном случае ассоциациями, которые вызывает слово «раковина» в русском языке, и оно передается словом «чаша».

Важным новшеством, способствовавшим успеху поэм шотландского барда, был пронизывающий их лиризм. В гомеровском эпосе повествование объективно: рассказчик с эмоциональным отношением к событиям отсутствует. Макферсон же представил своим читателям не просто рассказы о прошлом, но проникнутые личным чувством творения престарелого слепого певца, который сам был некогда победоносным вождем и теперь, вещая о подвигах своих соплеменников — героев ушедших годов, — прославляет их и оплакивает и скорбит о собственной горькой участи. Образ Оссиана как бы осеняет поэмы: то он беседует с тенями умерших героев, то обращается к небесным светилам, морям и землям, то размышляет о земной юдоли, то действует сам в описываемых событиях. Когда же он не участвует в сюжетном действии, он все равно присутствует как рассказчик, придающий определенный меланхолический колорит повествованию.

Другое новшество поэм Оссиана, отличавшее их от привычного эпоса, заключалось в своеобразном психологизме. Рассказчик сообщает не только о поступках героев, но и об их чувствах, мыслях, переживаниях, раскрывает их душевный мир. Он приводит речи героев, обращенные к самим себе (подобно репликам «в сторону» в драме), т. е. в сущности их размышления — вещь, немислимая в поэмах Гомера. Эмоциональный мир героев обычно согласуется с переживаниями рассказчика, и в поэмах господствует скорбное, меланхолическое настроение. При этом Оссиан и его герои в самих горестях находят некое наслаждение, упиваются своей печалью, испытывают «радость скорби» (*joy of grief*) — эти слова постоянно встречаются на страницах поэм.

С настроением барда согласуется и окружающая природа. Представленный в поэмах северный горный и морской пейзаж тоже явился поэтическим открытием, ранее неизвестным в литературе. Недаром Макферсон родился в горной шотландской деревушке: каково бы ни было происхождение опубликованных им поэм, несомненно, что в пейзажных картинах воплотились его собственные впечатления и переживания. Перед глазами читателя высятся окутанные облаками угрюмые горы и холмы, голые или покрытые лесами, прорезанные расселинами, где разносится гулкое эхо и прячутся робкие косули и лани; пенистые ревущие потоки низвергаются с высоты; бурный ветер овеивает бесплодные равнины, поросшие вереском и чертополохом; гонимые им клубы тумана стелятся над топкими болотами и озерами, окаймленными тростником; темное море катит белопенные валы на замшелые прибрежные скалы. И над всем этим простерлось суровое небо, где проносятся мрачные тучи с тенями павших героев и являются небесные светила, одушевленные по воле поэта.²³ Все непрерывно движется, меняется, но движение однообразно и безрадостно. Это однообразие, монотонность пейзажей является в данном случае достоинством, ибо оно соответствует общему печальному

²³ См. обращения Оссиана к звезде («Песни в Сельме»), луне («Дар-тула»), солнцу («Каргон»).

колориту. Особенно часто пейзаж озаряется луной, тусклый свет которой, с трудом пробивающийся сквозь волны тумана и смутные края облаков, гармонирует со скорбными думами слепого барда, оплакивающего ушедшие дни былой славы.²⁴

Такая поэзия, представленная как перевод, обладала своеобразным стилем. Проза, ритмизованная и в то же время свободная от жестких границ стихотворного размера и сковывающей рифмовки, таила в себе особую прелесть. Богатая непривычными образами, она сохраняла при этом синтаксическую простоту и ясность. А главное, создавалось впечатление достоверности текста, что дало основание Блэру утверждать еще в предисловии к «Отрывкам», что «перевод буквален до последней степени. Даже порядок слов воспроизведен точно».²⁵

По мнению исследователя английской просодии, «главный секрет» примененной Макферсоном поэтической формы состоял в «резкой и полной изоляции предложений разной длины. Едва ли удастся найти где-либо в стихах или прозе столь решительно *концентрированный* стиль с таким полным отсутствием связи между составными частями целого. Каждое предложение в пределах своей протяженности полностью передает заключенный в нем смысл».²⁶ Поскольку Макферсон употреблял короткие предложения или обороты, его проза как бы распадается на строки, причем многие из них объединены тематическим или структурным параллелизмом. Иногда эти строки образуют правильный стихотворный размер, но в большинстве случаев они состояются из различных сочетаний двух- или трехсложных стоп.²⁷ Такая «мерная проза» (*measured prose*), как называл ее сам Макферсон, изобиловала некоторыми стилистическими штампами, из которых наиболее примечательны сложные эпитеты («*колесницевластный вождь*», «*снежнорукая дева*», «*темногрудый корабль*» и т. п.), а также родительный падеж в определительной и описательной функциях («*бард времен минувших*», «*холм оленей*», «*Сельма королей*», «*Сваран островов бурь*» и т. д.),²⁸ который часто применяется для образования перифраз («уста песен» — бард, «любовь героев» — красавица, «златокудрый сын небес» — солнце, «дочь ночи» — луна и т. д.). Эти стилистические приемы напоминали Гомера, Библию, но ни один английский поэт — современник Макферсона не прибегал к ним столь настойчиво и последовательно. Вообще говоря, в английской поэзии XVIII в. можно найти параллели к сравнениям, метафорам, олицетворениям и т. п., взятым из поэм Оссиана в отдельности, но их обилле и

²⁴ Подробному разбору оссиановского пейзажа посвящена диссертация: Meyer C. Die Landschaft Ossians. Jena, 1906.

²⁵ Fragments, p. VI—VII.

²⁶ Saintsbury G. A history of English prosody from the twelfth century to the present day, vol. III. London, 1923, p. 44.

²⁷ Ibid., p. 44—46.

²⁸ Такое употребление Макферсоном родительного падежа по образцу гальской поэзии не всегда передается в переводе, поскольку некоторые сочетания выглядят в русском языке крайне несообразно.

непременная связь с природой в таких масштабах были присущи только стилю Макферсона.²⁹

Успех оссиановских поэм сразу же после опубликования их на английском языке (этим успехом, как мы увидим ниже, они пользовались во всех европейских странах, куда вскоре попали) был во многом обусловлен историко-литературным моментом их появления. В середине XVIII в. просветительское мировоззрение, утвержденное и отстаиваемое передовыми мыслителями Европы, переживало кризис, что в конечном счете было вызвано обнажением противоречий буржуазной цивилизации, которые раньше всего выявились в Англии, пережившей буржуазную революцию еще в предыдущем веке. Связанное с Просвещением рационалистическое искусство классицизма XVIII в. постепенно утрачивает безусловный авторитет и начинает вытесняться новыми направлениями, получившими в дальнейшем названия сентиментализма и преромантизма. Чувство в противовес скомпрометированному разуму объявляется основой искусства, а из отрицания «противоестественной» извращающей людей цивилизации возникает культ «вечной», «благой» природы, в лоне которой только и может человек вести правильную «естественную» жизнь. Руссо, провозгласивший возврат к природе и славивший благородного и счастливого дикаря, лишь окончательно оформил тенденции, возникшие еще раньше в европейской, особенно в английской, литературе.

В таких условиях закономерно появился интерес к народной поэзии, чья безыскусственность противопоставлялась как достоинство литературе, основанной на рациональных правилах. «Илиада» и «Одиссея», долгие века существовавшие в культурной жизни Европы как творения древнего поэта Гомера, который считался фигурой, не менее реальной, чем Софокл или Вергилий, теперь переосмысляются, толкуются как комплекс эпических песен, созданных в разные периоды безымянными народными поэтами. Эти воззрения, легшие в основу так называемого «гомеровского вопроса» и получившие распространение в трудах европейских филологов, в известной мере подготовляли почву для Оссиана. С другой стороны, живое внимание европейских и, в том числе английских и шотландских, литераторов и ученых привлекли труды швейцарского историка Поля-Анри Малле «Введение в историю Дании» (1755), и особенно «Памятники мифологии и поэзии кельтов, в частности древних скандинавов» (1756; английский перевод — 1770). В самой Шотландии еще до Макферсона начались поиски кельтского или гэльского фольклора, и зимою 1755—1756 г. в «Шотландском журнале» (*Scots magazine*) была даже опубликована поэма «Элбин и дочь Мэя» — вольный стихотворный английский перевод гэльского оригинала, созданный Джеромом Стоуном (Stone, 1727—1756), шотландским сельским учителем, вскоре умершим. В приложенном к поэме письме Стоун сообщал читателям о множестве гэльских стихотворений, известных в горной Шотландии. Возможно, эта пуб-

²⁹ См.: Fitzgerald R. P. The style of Ossian. — *Studies in romanticism*, 1966, vol. VI, N 1, p. 23.

ликация была замечена Макферсоном, который в ту зиму, по-видимому, находился в Эдинбурге.³⁰

Распространение идеи возврата к природе имело различные следствия для нравственной жизни XVIII в., в частности, она ослабляла рациональный самоконтроль. Восприимчивость к внешним воздействиям, непосредственная живая реакция на них стали расцениваться как свойства благородной души. И в мире, исполненном тягот и бедствий, такое воззрение утверждало меланхолию как господствующую эмоцию истинного человека, поскольку чувствительность признавалась более высоким душевным достоинством, чем выдержка и стоицизм.

Этот взгляд получил и своеобразное эстетическое преломление в утвердившейся в это время категории «возвышенного» (*sublime*), которое противопоставлялось «прекрасному» (*beautiful*). Само понятие было заимствовано из приписанного Лонгину античного трактата «О возвышенном»; но теперь в него вкладывалось новое содержание. «Все, что так или иначе ужасно... или воздействует подобно ужасу, — писал в 1757 г. в специальном исследовании английский философ и политический деятель Эдмунд Берк, — все это является источником *возвышенного*, т. е. производит сильнейшее волнение, какое способна испытывать душа».³¹ Возвышенные предметы воздействуют на душу человека настолько же сильнее, чем прекрасные, насколько страдание сильнее наслаждения. Но и они, утверждал Берк, способны вызывать положительные эмоции, своеобразный восторг, связанный с представлением о величии. Такую эмоцию Берк называл «восхищением» (*delight*) в отличие от «наслаждения» (*pleasure*) как такового.

Блэр, воспринявший учение Берка, в своих лекциях по риторике и литературе указывал на пять качеств, которые встречаются в природе и вызывают представление о возвышенном. Это — безмерность, мощь, торжественность, неясность и беспорядочность. Понятие возвышенного он связывал с горами и равнинами, морями и океанами, раскатами грома и воем ветров, мраком, безмолвием, одиночеством, а также с явлением сверхъестественных существ.³² Неясность может быть вызвана туманом, мглой, но также и удалением в пространстве или во времени. «Туман древности», указывал Блэр, благоприятствует впечатлению возвышенного. Говорил он и о возвышенных чувствах, к чему относил прежде всего великодушие и героизм, считая, что они производят такое же впечатление, как и величественные явления природы.³³

Нетрудно понять, насколько органично вливались поэмы Оссиана в русло этих эстетических идей. В своем «Критическом рассуждении» Блэр прямо заявлял: «Две отличительные особенности поэзии Оссиана —

³⁰ См.: Saunders, p. 52—56.

³¹ Burke E. A philosophical enquiry into the origin of our ideas of the Sublime and Beautiful. London, 1958, p. 39. Cp.: Monk S. H. The Sublime: a study of critical theories in XVIII-century England. New York, 1935, p. 84—100.

³² Blair H. Lectures on rhetoric and belles lettres, vol. I. Edinburgh, 1820, p. 33—37.

³³ Ibid., p. 37—38.

это чувствительность и возвышенность. В ней нет ни малейшего проблеска веселья или радости; она целиком проникнута духом торжественной важности. Оссиан, пожалуй, единственный поэт, который не позволяет себе расслабиться или снизить до легкого и веселого тона... Он запечатлевает только величавые и мрачные события, окружающая обстановка у него всегда дика и романтична». И далее, перечислив предметы и явления оссиановского пейзажа, Блэр заключал: «...все это внушает уму торжественное настроение и подготавливает его к восприятию великих и необычайных событий».³⁴

Уже появление «Отрывков старинных стихотворений» вызвало, как отмечалось, широкий интерес, а в некоторых литературных кругах даже восторги. В них видели воплощение «естественного» искусства, свободного от сковывающих правил. Хорес Уолпол (Walpole, 1717—1797), писатель, основоположник жанра готического романа, ознакомившись с некоторыми из «отрывков» еще в рукописи, так и писал своему другу 3 февраля 1760 года. «Они полны естественными образами и естественными чувствами, которые возникли прежде, чем были изобретены правилами, сделавшие поэзию трудной и скучной».³⁵

Однако «Отрывки» сами по себе еще не давали достаточного материала для сколько-нибудь обстоятельного обсуждения эстетических проблем, связанных с новым литературным видом. Напротив, «Фингал», представленный читателям как древняя эпическая поэма, сразу же возбуждал вопрос о соответствии его утвердившимся критериям эпопеи; само собою напрашивалось сопоставление с признанными образцами жанра, поэмами Гомера и Вергилия. Полемика по этому поводу возникла уже в первых откликах на «Фингала», печатавшихся в «Критическом обозрении» (Critical review, декабрь 1761, январь 1762), «Месячном обозрении» (Monthly review, январь, февраль 1762) и «Ежегоднике» (Annual register, май 1762).³⁶

«Критическое обозрение» отнеслось к «Фингалу» апологетически. Здесь говорилось, что он больше соответствует правилам эпической поэмы, как их сформулировал еще Аристотель, нежели «прославленные предшественники» (т. е. «Илиада» и «Энеида»). Недостаток разнообразия, считал критик, компенсируется зато единством действия. Особенно он подчеркивал нравственное превосходство оссиановских героев над героями Гомера и Вергилия и резюмировал: «В целом же, если эпопея — это вид поэзии, назначение которого прославлять подвиги героев, так, чтобы слушатель воодушевлялся примером предков, или если цель ее облаго-

³⁴ Blair H. A critical dissertation on the Poems of Ossian. — In: The Poems of Ossian, transl. by James Macpherson, Esq. Leipzig, 1847, p. 58—59. О развитии Блэром концепции возвышенного в связи с Оссианом см.: Monk S. H. The Sublime... , p. 120—129.

³⁵ The Yale edition of Horace Walpole's correspondence, vol. XV. New Haven—London, 1951, p. 61.

³⁶ Подробное изложение полемики в диссертации: Stewart L. le R. Ossian in the polished age: the critical reception of James Macpherson's Ossian. Cleveland, Ohio, 1974, p. 37—92 (ch. II. Fingal and the epic inquiry) (машинопись).

раживать сердца и услаждать воображение, преподавая лучшие нравственные уроки, подносимые в восхитительной форме поэтического выражения, и если произведение может считаться совершенным, когда эти цели успешно достигнуты, то мы берем на себя смелость объявить „Фингала“ совершенной эпической поэмой и рекомендовать ее в этом качестве вниманию читателей». ³⁷

В спор вступило «Месячное обозрение», не находившее в «Фингале» таких декларированных достоинств. «Ежегодник», где автором отзыва был Берк, занял среднее положение, уделяя внимание не столько эстетическим и нравственным достоинствам поэмы, сколько ее исторической достоверности.

Важнейшее значение в утверждении художественных достоинств «Фингала» имело упоминавшееся уже выступление Хью Блэра с «Критическим рассуждением о поэмах Оссиана» (1763). Блэр, как мы видели, больше, чем кто-либо иной, способствовал тому, что поэмы Оссиана стали достоянием публики, и это несомненно наложило отпечаток на его трактат. Считая «Фингал» образцом эпопеи, он обвинял всех, кто придерживался иного мнения, в педантизме. Он утверждал, что в поэме соблюдено единство времени, места и действия, последнее притом величественно. Всеми силами стремился он доказать многообразие оссиановских характеров, а самого Фингала объявил высшим образцом эпического героя, который, будучи нравственно безупречен, сохранял будто бы жизненное правдоподобие. Особо останавливался критик на сверхъестественном элементе поэмы, объясняя его верованиями эпохи Оссиана, к чему относил и отсутствие в его поэмах богов, характерных для античных эпопей и созданных при более высоком уровне цивилизации. Но возникшие в дикое времена, считал он, творения кельтского барда «исполнены в то же время тем энтузиазмом, той страстью и огнем, которые являются душой поэзии. Ибо многие обстоятельства тех времен, что мы называем варварскими, благоприятствуют поэтическому духу». ³⁸ В то же время Блэр утверждал, что в древних кельтских племенах, при всей их дикости, поэзия особо культивировалась, существовали специальные школы бардов, передававших свои предания из поколения в поколение, и такое счастливое сочетание первобытного племенного духа с поэтической культурой воплотилось в Оссиане. Сравнивая творца «Фингала» с античными поэтами, Блэр писал: «Когда Гомер решается быть трогательным, он силен, но Оссиан обнаруживает эту силу гораздо чаще и творения его значительно глубже отмечены печатью чувствительности. Ни единый поэт не умеет лучше его захватить и тронуть сердце. Что же касается достоинства чувств, преимущество очевидно на стороне Оссиана. Поистине поразительно, до какой степени герои нашего грубого кельтского барда превосходят в человеколюбии, великодушии и добродетелях героев не только Гомера, но и образованного и изящного Вергилия». ³⁹

³⁷ Critical review, 1762, vol. XIII, January, p. 53.

³⁸ Blair H. The critical dissertation, p. 44.

³⁹ Ibid., p. 61—62.

Внешне Блэр как будто доказывал соответствие Оссиана нормам классической эстетики. На самом же деле он полнее, чем кто-либо иной, определил те элементы, которые делали эту поэзию созвучной новым преромантическим веяниям, разносившимся по всей Европе. На какой-то период «Фингал» отодвинул на задний план прославленный античный эпос.

«Критическое рассуждение» Блэра явилось кульминационным моментом в споре об эстетической ценности Оссиана. Споры, однако, не прекратились, но приобрели в основном иной характер. Завязалась знаменитая «оссиановская полемика» (Ossianic controversy), растянувшаяся более чем на столетие, отзвуки которой нет-нет да раздаются и по сию пору. Вопрос встал о подлинности поэм Оссиана.⁴⁰

Первые сомнения вызвали уже «Отрывки». Ими живо заинтересовался Томас Грей, крупнейший поэт английского сентиментализма, чья знаменитая «Элегия, написанная на сельском кладбище» (1751) завершила становление так называемой «кладбищенской лирики». Грей обратился к Макферсону со множеством вопросов. Однако недоумения его не рассеялись, а, напротив, увеличились. «Письма, полученные в ответ, — сообщал он поэту и критику Томасу Уортону в июле 1760 г., — дурно написаны, нелогичны, неубедительны, рассчитаны (можно подумать) на то, чтобы пустить пыль в глаза, и в то же время недостаточно искусны, чтобы сделать это умно. Короче говоря, все внешние данные заставляют меня считать эти отрывки подделкой, но, с другой стороны, внутренние их достоинства столь велики, что я решаюсь считать их подлинными, на зло черту и церкви: невозможно вообразить, чтобы они могли быть написаны тем же человеком, что пишет мне эти письма. С другой стороны, почти так же трудно представить себе (если существует их подлинник), чтобы он сумел так великолепно их перевести. Короче говоря, этот человек, верно, сам дьявол поэзии или он напал на сокровище, таившееся веками».⁴¹

Выражались сомнения и в древности «Отрывков» (Блэр в предисловии отнес их к самому началу распространения христианства в Шотландии, т. е. к V в.). В частности, об этом писал Дэвид Юм одному из своих корреспондентов в августе 1760 г.⁴² И Макферсон, готовя том «Фингала»,

⁴⁰ Лучшим и наиболее полным изложением «оссиановской полемики» заслуженно считается кн.: Smart J. S. James Macpherson. An episode in literature. London, 1905 (ниже в ссылках: Smart). См. также: Stern L. Ch. Die ossianischen Heldenlieder. — Ztschr. für vergleichende Litteraturgeschichte, n. F., Bd VIII. Weimar, 1895, S. 51—86, 143—174 (ниже в ссылках: Stern); Macbain A. Macpherson's Ossian. — The Celtic magazine, 1887, vol. XII, N 136, p. 145—154; N 137, p. 193—201; N 138, p. 241—254. Полная библиография вопроса: Black G. F. Macpherson's Ossian and the Ossianic controversy. A contribution towards a bibliography. Pt. II. — Bull. of the New York Public library, 1926, vol. XXX, N 7, p. 508—524; Dunn J. J. Macpherson's Ossian and the Ossianic controversy: a supplementary bibliography. — Ibid., 1971, vol. LXXV, N 9, p. 467—473.

⁴¹ Mason W. Memoirs of the life and writings of Mr. Gray. — In: The poems of Mr. Gray. 2nd ed. London, 1775, p. 280.

⁴² См.: Burton J. H. Life and correspondence of David Hume, vol. I. Edinburgh, 1846, p. 463.

учитывал эти первые возражения и пытался рассеять их. Для этого он снабдил тексты множеством квазиученых примечаний и открывал книгу специальным «Рассуждением о древности и других особенностях поэм Оссиана, сына Фингалова». Изучение кельтской истории и филологии в то время делало лишь первые шаги, и Макферсон, видимо, не опасался серьезных возражений. Однако расчеты его не оправдались. Более того, именно после «Фингала» полемика приобрела публичный характер.

Начал ее английский священник, доктор Фердинандо Уорнер, изучавший историю Ирландии; он вскоре опубликовал брошюру «Заметки об истории Фингала и других поэм Оссиана»,⁴³ где подверг критике исторические воззрения, декларированные Макферсоном. Уорнер доказывал, что его Фингал — не кто иной, как ирландский легендарный вождь Финн, а вовсе не шотландец, что вторжение скандинавов в Ирландию произошло много позже времени, описанного в поэмах, что эпические герои Финн и Кухулин не могли встречаться, ибо жили в разные века, и т. д. Уорнер не подверг сомнению достоверность самих поэм, но утверждал, что Макферсон дал им неверное истолкование, а главное — превратил героев ирландского национального эпоса, Финна, Оссиана и других, в каледонцев (т. е. обитателей древней Шотландии).

Уорнер был англичанином и считал, что это обстоятельство ставит его выше подозрений в каких-либо националистических пристрастиях. Брошюру его отличал спокойный тон научной полемики. Более темпераментными были нападки ирландских ученых, которые не замедлили присоединиться к спору. На Макферсона посыпались упреки в фальсификации истории, в подделке поэм, в переименовании ирландских народных баллад, в заимствовании фрагментов из Библии, «Потерянного рая» Мильтона и т. п.

Макферсон принял вызов и, издавая в 1763 г. «Темору», поместил в томе новое, более пространное, рассуждение, где подробнее, чем раньше, развивал собственную версию заселения Шотландии кельтами, а также доказывал, что именно здесь возник гэльский эпос, сохранившийся на протяжении многих столетий. При этом он постарался принизить своих противников. «Со времени публикации последнего собрания поэм Оссиана, — писал он, — немало сделано порочащих выпадов и высказано сомнений относительно их подлинности. Вероятно, мне придется услышать еще больше упреков такого рода после появления новых поэм. Вызваны ли эти подозрения предрассудками или же они просто следствие невежества, не берусь судить. Меня это мало заботит, коль скоро я всегда в состоянии их опровергнуть. Подобного рода недоверчивость естественна у тех, кто полагает, что все достоинства сосредоточены в их собственном веке и стране. Обычно это слабейшие, равно как и наиболее невежественные, из людей. Их вялые мысли, привязанные к одному месту, отличаются уязвостью и ограниченностью».⁴⁴ И охарактеризовав:

⁴³ Warner F. Remarks on the history of Fingal, and other poems of Ossian: transl. by Mr. Macpherson. London, 1762.

⁴⁴ Temora, p. XIX—XX.

столь нелестно своих противников, Макферсон посвятил остальную часть рассуждения доказательству того, что его поэмы Оссиана не имеют ничего общего с ирландскими балладами.

Однако публикация «Теморы» с сопутствующим рассуждением отнюдь не прекратила полемику, тем более что новая эпопея по художественным достоинствам значительно уступала «Фингалу» и таким образом бросала тень на оссиановскую поэзию в целом. Ирландцы продолжали свои нападки. Наиболее серьезным было выступление ирландского историка Чарльза О'Конора, который в приложении к своей книге «Рассуждения об истории Ирландии» (1766)⁴⁵ аргументированно доказал, что если кто и невежествен в вопросах истории, географии, кельтской мифологии, то это сам Макферсон.

В полемику включились и англичане. Шотландско-ирландские распри по поводу приоритета их не очень заботили. Но были вопросы, лежавшие на поверхности; для их возникновения не требовалось особых исторических разысканий. Как могли сохраняться эпические поэмы масштаба «Фингала» и «Теморы» на протяжении полутора тысяч лет у народа, не имевшего письменности? Могли ли древние каледонцы, не поднявшиеся выше варварского уровня, обладать той нравственной рыцарской утонченностью, какую приписывает им Макферсон? Почему в его примечаниях и рассуждениях не сообщено точно, где и при каких условиях были обнаружены оригиналы публикуемых переводов? И, наконец, где сами эти оригиналы, что они из себя представляют? Англо-шотландский антагонизм, усилившийся после событий 1745 г., подогревал эти сомнения у англичан в той же мере, в какой оссиановские поэмы льстили национальному самолюбию шотландцев.

Поспешность Макферсона с выпуском «Теморы» подлила масла в огонь: слишком уж малый срок отделял ее появление от «Фингала», чтобы можно было поверить, будто за это время он успел разыскать, восстановить и перевести новую эпопею. Когда Дэвид Юм в 1763 г. посетил Лондон, он обнаружил, что неверие в подлинность поэм стало чуть ли не всеобщим. Он писал Блэру 19 сентября: «Мне часто приходится слышать, что они (поэмы, — Ю. Л.) отвергаются целиком с презрением и возмущением как явная и самая бессовестная подделка. Такое мнение действительно широко распространено среди лондонских литераторов и ученых».⁴⁶ Юм жаловался, что сам Макферсон встал в позу оскорбленной добродетели и не приводит убедительных доказательств достоверности своих публикаций. Между тем обвинения в подлоге затрагивали не одного Макферсона, но и национальный престиж Шотландии, а также лично Блэра как наиболее ревностного пропагандиста оссиановских поэм. И Блэр, по совету Юма, принимается сам, независимо от Макферсона (который в это время отправился во Флориду), собирать сведения в под-

⁴⁵ Приложение называлось: A dissertation on the first migrations, and final settlement of the Scots in North Britain; with occasional observations on the poems of Fingal and Temora. Dublin, 1766 (замечания по поводу рассуждений и примечаний Макферсона — p. 22—34).

⁴⁶ Burton J. H. Life and correspondence of David Hume, vol. I, p. 465.

тверждение подлинности поэм. Он разослал по разным адресам горной Шотландии запросы и вскоре получил множество писем от местных священников и помещиков с заверениями, что в их краях все еще рассказываются истории о Кухулине, Финне, Оссиане и Оскаре; некоторые из корреспондентов утверждали, что им доводилось самим слышать в устном исполнении отрывки поэм, опубликованных Макферсоном.

Однако когда Блэр попытался сослаться в спорах на эти свидетельства, они никого не убедили. Критики требовали более достоверных доказательств. Позднее это требование сформулировал Сэмюэл Джонсон: «Если поэмы действительно переведены, значит сперва они были записаны. Так пусть г-н Макферсон выставит рукопись в одном из колледжей Абердинского университета, где имеются компетентные судьи, и если профессора удостоверят их подлинность, тогда всякие споры прекратятся».⁴⁷

Сэмюэл Джонсон (Johnson, 1709—1784), «великий хан литературы», как прозвал его Смоллет, был в глазах современников наиболее авторитетным критиком, воплощением английского практического мышления и здравого смысла (недаром впоследствии время его литературной деятельности было названо в Англии «век Джонсона»). Приверженец классического рационализма, человек крайне категоричный в своих суждениях, он с самого начала заявил себя противником оссиановской поэзии с ее туманным неясным колоритом, смутными образами, эмоциональной беспорядочностью; он не находил в ней ни предмета, ни цели, ни плана, ни морали. С одной стороны, Джонсон выводил ее за пределы литературы, а с другой — решительно отрицал древнее ее происхождение. Еще в 1763 г. на вопрос Блэра, неужели он думает, что кто-либо из современников способен сочинить подобные произведения, Джонсон ответил с присущей ему резкостью: «Да, сэр, многие мужчины, многие женщины и многие дети».⁴⁸ И в дальнейшем он не устал заявлять о своем неприятии макферсоновского Оссиана.

В 1773 г., уже 64-летний старик, Джонсон отправился в Шотландию и на Гебридские острова. Здесь, в тех местах, где двенадцать лет до него странствовал Макферсон, вопрос об оссиановской поэзии возникал особенно часто. Критик познакомился и близко сошелся со священником Дональдом Маккуином, большим любителем и собирателем гэльской поэзии. Тот как-то сказал, что поэмы Макферсона сильно уступают известным ему гэльским поэмам, приписываемым Оссиану, на что Джонсон отвечал: «Не сомневаюсь в этом. Я же не спорю, что ваша поэзия может обладать большими достоинствами, но утверждаю, что произведения Макферсона не являются переводом древней поэзии... Вы же сами в это не верите, а хотите, чтобы мир поверил».⁴⁹

По возвращении в Лондон Джонсон принялся за написание очерков «Путешествие на западные острова Шотландии», где между прочим ка-

⁴⁷ Boswell J. The life of Samuel Johnson L. L. D., including a Journal of his tour to the Hebrides, vol. II. New York, 1858, p. 234—235.

⁴⁸ Ibid., vol. I, p. 317.

⁴⁹ Ibid., vol. II, p. 342—343.

сался гэльского, или, как он писал, эрского (Erse), языка. Он безапелляционно утверждал (хотя и ошибался в данном случае), что язык этот груб и беден для высокой поэзии, что на нем не существует рукописей старше ста лет, а следовательно, нет и сколько-нибудь обширных древних памятников, ибо в устной передаче безграмотных бардов они не могли сохраниться.

На этом основывалось и окончательное суждение Джонсона о поэмах Оссиана: «Я убежден, что они никогда не существовали в какой-либо иной форме, нежели та, какую мы видели. Издатель или автор никогда не мог бы показать оригинала, который вообще никем не может быть показан. Отказ предъявить свидетельства в отместку за обоснованное недоверие — это такая степень наглости, какой свет еще не видывал, а упрямая дерзость есть последнее прибежище виновности. Было бы нетрудно показать оригинал, если бы он существовал, но откуда же ему взяться? Он слишком велик, чтобы его можно было запомнить, а язык этот раньше не имел письменности. Автор несомненно вставил имена, встречающиеся в народных рассказах, и, возможно, перевел несколько странствующих баллад, если можно сыскать такие. А эти имена и некоторые ранее запомнившиеся образы, поддержанные к тому же каледонским фанатизмом, заставляют невнимательного слушателя вообразить, будто он уже слышал раньше поэму целиком».⁵⁰

Слухи о том, что Джонсон готовит разоблачение Макферсона, не замедлили распространиться еще раньше, чем очерки появились в печати. И Макферсон стал добиваться, чтобы соответствующие места были изъяты из книги. Он писал издателю с расчетом, что письмо будет показано Джонсону, но не достиг ничего, и книга была напечатана. Он стал требовать, чтобы Джонсон опубликовал опровержение своих выпадов, но и в этом потерпел неудачу. Тогда в январе 1775 года он послал критику вызов на дуэль.⁵¹ На этот раз ответ был незамедлительным. Приводим его полностью как характерный образчик литературных нравов того времени.

«Г-н Джеймс Макферсон!

Я получил ваше глупое и бесстыдное письмо. Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то делают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления изобличить обман.

Какого себе оправдания требуете вы от меня? Я считал вашу книгу подложною и теперь ее считаю таковою ж. В подтверждение сего мнения я представил публике причины, которые вызываю вас опровергнуть. Я презираю ваше бешенство. Ваши дарования по изданию в свет вашего

⁵⁰ Johnson S. A journey to the Western islands of Scotland. — In: Johnson S. The works, vol. VI. London, 1825, p. 114. Босуэллу Джонсон говорил о Макферсоне: «Он извлек из старых песен имена, сюжеты, выражения, даже отрывки, примешал к ним собственные сочинения и сделал таким путем то, что выдает свету за перевод древней поэмы» (Boswell J. The life of Samuel Johnson..., vol. II, p. 344).

⁵¹ См.: Saunders, p. 243—250.

Гомера, кажется, не слишком опасны; а слышанное мною о вашем характере заставляет меня обращать внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите». ⁵²

Макферсону ничего не оставалось, как проглотить оскорбление. Так бесславно окончилась для него распря с Джонсоном. Но полемика вокруг «Поэм Оссиана» не прекратилась. Требования предъявить оригиналы усиливались. По просьбе Макферсона в том же январе 1775 г. издатель «Фингала» Томас Бекет опубликовал заявление о том, что в 1762 г. оригиналы этой и других оссиановских поэм были выставлены в его книжной лавке. Заявление, однако, никого не удовлетворило, ибо уже нельзя было установить, что же в сущности там выставлялось.

Споры продолжались, а Макферсон так и не предъявлял требуемых оригиналов. Положение осложнялось тем еще, что у него начали появляться продолжатели (прозванные впоследствии «оссианидами»), публиковавшие, как они заявляли, переводы ранее неизвестных поэм Оссиана, найденных ими после Макферсона. ⁵³ В 1778 г. в Лондоне вышел в свет анонимный сборник «Творения каледонских бардов, переведенные с гальского языка»; ⁵⁴ здесь содержались несколько прозаических поэм, выдержанных в слезливо сентиментальном духе. Впоследствии выяснилось, что сборник выпустил знаток гальского языка Джон Кларк (Clark, ум. 1807). Более серьезный характер носила публикация Джона Смита (Smith, 1747—1807), антиквара и филолога, который издал в 1780 году солидный том «Гэльские древности», содержавший историю каледонских друидов, рассуждение о подлинности публикаций Макферсона и английские переводы четырнадцати гальских поэм, одиннадцать из которых были переписаны самому Оссиану, а три — бардам, его современникам. ⁵⁵ Поэмы, хотя и отличались от макферсоновских стилистически, были весьма близки к ним по духу. Семь лет спустя Смит издал гэльские тексты этих поэм. ⁵⁶ Английское его издание имело большой успех и переводилось на другие европейские языки, в том числе и на русский.

Наконец, в 1787 г. некий барон Эдмонд де Гарольд, ирландский офицер на службе у курфюрста Пфальца, выпустил в Дюссельдорфе на английском и немецком языках семнадцать «новонайденных» поэм Ос-

⁵² Boswell J. The life of Samuel Johnson. . . , vol. III, p. 77—78. Приведенный перевод заимствован из «Литературной газеты» (1830, 21 января, № 5, с. 40), где он содержался в анонимной заметке («Когда Макферсон издал *Стихотворения Оссиана*. . .»), приписываемой Пушкину.

⁵³ См.: Stern, S. 69—71.

⁵⁴ The works of the Caledonian bards transl. from the Galic. London, 1778.

⁵⁵ Smith J. Galic antiquities: consisting of a history of the Druids, particularly of those of Caledonia; a dissertation on the authenticity of the poems of Ossian; and a collection of ancient poems, transl. from the Galic of Ullin, Ossian, Orran, etc. Edinburgh, 1780.

⁵⁶ Smith J. Sean dana; le Oisean, Orran, Ulann, etc. Ancient poems of Ossian, Orran, Ullin, etc. collected in the Western Highlands and Isles; being the originals of the translations some time ago publ. in the Galic Antiquities. Edinburgh, 1787.

сиана.⁵⁷ Самое любопытное заключалось в том, что двенадцать лет до этого, работая в 1775 г. над немецким переводом макферсоновских поэм Оссиана, он в письмах к Гердеру выражал уверенность, что это подделка.⁵⁸

Тем временем полемика продолжалась. В 1778 г. в горную Шотландию и на острова отправился кельтолог Вильям Шоу (Shaw, 1749—1831) с целью найти подтверждение подлинности публикаций Макферсона. Однако тщательные разыскания убедили его в обратном: то, что он обнаружил, было весьма далеко от макферсоновских текстов, и Шоу вернулся уверенный в их подложности, о чем он не замедлил сообщить в специальном памфлете.⁵⁹ Ему сразу же ответил Джон Кларк,⁶⁰ и полемика разгорелась с новой силой.

Один Макферсон продолжал хранить молчание. Впрочем, в известном смысле он уже высказался. Издавая в 1773 г. окончательную редакцию своего Оссиана, он так начинал предисловие: «Хотя талант его отнюдь не увеличился, автор мог улучшить свой язык за те одиннадцать лет, что эти поэмы находились в руках публики. В двадцать четыре года легко было допустить погрешности в слоге, которые опыт более зрелых лет позволяет выправить, а некоторая распушенность воображения может быть с успехом введена в должные границы благодаря той степени здравого смысла, какая приобретается с течением времени».⁶¹ В сущности здесь он прямо говорил о себе как о творце и далее именовал себя попеременно то «автор» (author), то «писатель» (writer), то «переводчик» (translator). Яснее он уже выразиться не мог иначе, как признавшись, что раньше обманывал публику, заявляя, будто его английский перевод буквально передает гэльский оригинал. Поэтому ему ничего не оставалось, как молчать.

Но шотландцев это молчание не устраивало: было затронуто национальное достоинство. В 1783 г. шотландский дворянин Джон Макгрегор Марри, находившийся на службе в Индии, движимый патриотическими чувствами, объявил подписку среди своих сослуживцев-соотечественников для сбора средств на издание гэльского оригинала Оссиана. В следующем году собранная сумма в 1000 фунтов стерлингов была отправлена Шотландскому обществу (Highland Society) для передачи Макферсону. Последний был вынужден пообещать, что издаст оригинал при первой возможности, но тут же добавлял, что дело это потребует много свободного времени, которого ему, обремененному политической деятельностью (с 1780 года он к тому же избирался членом парламента), не

⁵⁷ Poems of Ossian lately discover'd by Edmond Baron de Harold. Dusseldorf, 1787; Neuentdeckte Gedichte Ossians, übersetzt von Edmund Freiherrn von Harold. Düsseldorf, 1787.

⁵⁸ См.: Haym R. Herder, Bd II. Berlin, 1954, S. 652—653.

⁵⁹ Shaw W. An enquiry into the authenticity of the poems ascribed to Ossian. London, 1781.

⁶⁰ Clark J. An answer to Mr. Shaw's Inquiry into the authenticity of the poems ascribed to Ossian. Edinburgh, 1781.

⁶¹ Poems, vol. I, p. V.

достаёт. В дальнейшем он действительно несколько раз принимался за приведение в порядок и обработку былых своих записей для публикации.⁶² Однако дело затягивалось, и он умер 17 февраля 1796 г., так и не осуществив издания. Он завещал завершить начатое дело своему другу и секретарю Шотландского общества Джону Маккензи, которому оставлял рукописные материалы и полученные 1000 фунтов. Но вскоре умер и Маккензи, и прошло еще несколько лет, прежде чем Шотландское общество взяло дело в свои руки.

Наконец, в 1807 г., спустя почти полвека после появления английской версии, вышло в свет издание, содержащее гэльские тексты одиннадцати из 22 макферсоновских поэм Оссиана (включая «Фингала» и «Темору») с латинским переводом и различными статьями и примечаниями, доказывающими их подлинность.⁶³

В дальнейшем оригиналы несколько раз переиздавались и в свою очередь вызвали полемику. У них тоже были свои сторонники и противники. Последние указывали, что язык, на котором они написаны, — современный Макферсону гэльский, но никак не древний, что притом он изобилует нарушениями грамматики и просодии, а также англицизмами. С другой стороны, среди сотен фольклорных текстов, найденных или записанных в Шотландии и Ирландии, не было ни одного, близко совпадающего с публикацией 1807 г. Короче говоря, по мнению наиболее авторитетных исследователей, так называемые «оригиналы» являются грубой подделкой и скорее всего — обратным переводом английских «Поэм Оссиана» на гэльский язык.⁶⁴ Неясно только, сам ли Макферсон осуществил этот перевод или у него были соучастники и какова доля их участия; но это уже не так существенно.

Оссиановская полемика, как мы видим, не прекратилась со смертью Макферсона: она продолжалась весь XIX в. и даже проникла в XX. Если отвлечься от ее крайностей, она имела несомненно ту положительную сторону, что привлекла внимание к подлинному кельтскому древнему эпосу, способствовала сбору, изданию и изучению его памятников. Усилиями кельтологов на протяжении более полутора столетий установлено, что в Ирландии и Шотландии существовала древняя эпическая традиция, связанная с именами героев Макферсона. Было найдено немало рукописных сборников, древнейшие из которых датировались XI и XII вв., однако большая часть их относилась к позднему времени — с XIV вплоть до середины XIX в. Кроме того, было записано и опубликовано большое число памятников гэльского фольклора, передававшихся

⁶² См.: Saunders, p. 288—296.

⁶³ The Poems of Ossian, in the original Gaelic, with literal translation into Latin, by the late Robert Macfarlan, A. M. Together with a dissertation on the authenticity of the poems, by Sir John Sinclair... Publ. under the sanction of the Highland Society of London, vol. I—III. London, 1807.

⁶⁴ См.: Thomson D. S. The Gaelic sources of Macpherson's «Ossian». Edinburgh—London, [1952], p. 85—90 (ниже в ссылках: Thomson). См. также: Smart, p. 185—208; Stern, S. 57—69; Frazer G. M. The truth about Macpherson's «Ossian». — Quarterly review, 1925, vol. CCXLV, N 486, p. 338—341.

из поколения в поколение певцами гэльскоязычного крестьянства в Ирландии и Шотландии. Конечно, эпические сказания претерпевали на протяжении веков некоторые изменения, преимущественно стилистические. Примерно с XVI в. отмечаются и расхождения ирландских и шотландских версий одних и тех же произведений. И в то же время исследователи отмечают поразительное единство целостного эпического комплекса: темы, сюжеты, характеры, персонажи, места действия — все это сохранялось почти неизменным с XI по XIX в.⁶⁵ В сущности подогреваемый националистическими пристрастиями спор шотландцев и ирландцев о принадлежности эпоса был не вполне основателем, поскольку древняя гэльская культура была едина в обеих странах. Тем не менее родиной поэм и саг была Ирландия, откуда они затем перешли в Шотландию вместе с их носителями — ирландскими гэлами. Соответственно самые ранние записи были обнаружены в Ирландии. В Шотландии наиболее древний рукописный сборник, знаменитая «Книга декана Лисмора» (*The book of the Dean of Lismore*), составленная Джеймсом Макгрегором, священником островка Лисмор, относится уже к началу XVI в. (здесь, в частности, содержится тридцать сказаний оссиановского цикла).⁶⁶

В гэльской эпической традиции с самого начала образовались два основных цикла: кухулинский, или ольстерский, и фенианский, или оссиановский. Главным героем первого являлся легендарный ирландский вождь Кухулин, которого традиция относит к I в. н. э., второго — Финн мак Кумхал (т. е. сын Кумхала), отец Оссиана,⁶⁷ живший, согласно преданию, тоже в Ирландии в III в. Первоначально оба цикла сосуществовали совершенно обособленно, но со временем оссиановский цикл, заняв господствующее положение в народной традиции, заимствовал из кухулинского цикла некоторые мотивы.⁶⁸

В фольклорных сказаниях Финн выступает главой фениев, или фианов, привилегированной дружины верховного ирландского короля, которая предназначалась для поддержания его могущества и защиты острова от вторжения неприятелей. Вступление в ряды фениев было обусловлено ритуальными испытаниями, и сами они подчинялись строгому кодексу чести. Баллады фенианского цикла рассказывают об их доблестных подвигах в битвах против могучих иноземных захватчиков из Лохлина, о победах над всякого рода чудовищами и сверхъестественными существами, об их соперничестве с другой дружиной, вождем которой был Голл (по другим версиям, Голл — первый воин среди фениев), об участии

⁶⁵ См.: Nutt A. *Ossian and the Ossianic literature*. London, 1899, p. 2—4 (ниже в ссылках: Nutt).

⁶⁶ «Книга декана Лисмора» была впервые опубликована в сборнике гэльского фольклора «Книга фениев» (*Leabhar na Feinne*, 1872), составленном известным кельтологом XIX века Дж. Ф. Кэмбеллом.

⁶⁷ В гэльской фольклорной традиции сын Финна именуется — Ойзин (при написании: Oisín — см.: Nutt, p. 4). Мы здесь и ниже сохраняем для удобства традиционное написание — Оссан.

⁶⁸ См.: Thomson, p. 10—11.

в междоусобных распрях властителей Эрина (древнее название Ирландии), наконец, о любимом их мирном занятии — охоте. Любовная тема также не чужда балладам. Фенин отправляются в дальние страны в поисках невест. Случается им и брать под защиту иноземных принцесс, ищущих спасения от ненавистных мужей или несносных ухажеров. Во всех случаях Финн и его ратники являют образцы доблести, благородства и великодушия. Многие из любовных сказаний повествуют об общении фениев с феями и иными волшебными существами. Вообще реальный быт и фантастика причудливо перемешивались.⁶⁹

Конец фениев был трагичен. Согласно сохранившимся балладам, их погубила междоусобица. Финн поссорился с Кормаком, сыном Арта, самого прославленного из легендарных королей Эрина, на чьей дочери Гранни он был женат. Их распря передалась детям, и Каирбар, сын Кормака, замыслил погубить фениев. Результатом его козней была битва в долине Гавры, где в отсутствие Финна Оскар, доблестный его внук, сын Оссиана, сразил в единоборстве Каирбара, но и сам был смертельно ранен, а войско было разбито наголову. В дальнейшем погиб и Финн и немногие фенин, уцелевшие при Гавре, остался один Оссиан, доживший до утверждения в Ирландии христианства. Существуют баллады о встречах дряхлого барда со святым Патриком, крестителем Ирландии, об их спорах. Оссиан не приемлет нового поколения и его новой веры, он оплакивает ушедшие времена и почивших героев.

Ирландская эпическая традиция начала складываться еще в первое тысячелетие нашей эры (примерно с III в.) в условиях родового строя, который она и отразила. Но окончательное ее формирование относится к поре зрелого средневековья. Отсюда присущие ей черты феодального эпоса: вассальные отношения вождей к королю, исповедуемый ими рыцарский кодекс чести и т. д. Оссиановский цикл сказаний в какой-то мере отражал исторические события, но весьма своеобразно, как бы «неисторично». Сами события преобразовывались, а их последовательность изменялась. По преданию, Финн погиб в конце III в., Оссиан дожил до встреч с Патриком, который проповедовал христианство в начале V в. Битвы же фениев с лохлинцами отнесены к предшествующим временам (в частности, Оссиан рассказывает о них Патрику). Между тем действительные вторжения скандинавов в Ирландию начались в конце VIII в. Более того, противником Финна в балладах выступает норвежский король Магнус, который, по историческим данным, погиб при высадке в Ирландии в 1103 г. Но такое хронологическое смешение характерно для фольклора. Исторические события в народной фантазии относятся к недифференцированному прошлому, в котором она может устанавливать порядок и последовательность по собственному произволению.

⁶⁹ Помимо упомянутых работ Дж. С. Смарта, Л. К. Штерна и А. Натта, см.: Campbell J. F. Popular tales of West Highlands. Paisley—London, 1893; Christiansen R. Th. The Vikings and the Viking wars in Irish and Gaelic tradition. Oslo, 1961; Ross N. Heroic poetry from the Book of the Dean of Lismore. Edinburgh, 1939.

В том, что Макферсон был знаком с подлинными преданиями кхулинского и оссиановского циклов не может быть сомнений. Не говоря уже о сведениях, почерпнутых в детские годы, даже при всей краткости его экспедиций в горную Шотландию и на острова он имел возможность ознакомиться с рукописными сборниками древних баллад и сам записывал устные сказания. У него были спутники, помогавшие ему, и корреспонденты, снабжавшие его материалами.⁷⁰ Правда, он не всегда умел правильно прочесть старинные гэльские записи, так как языком он владел весьма несовершенно.⁷¹ Между прочим Шоу, странствовавший по его следам, обнаружил, видимо, те же материалы, но он не «узнал» их, потому что искал гэльские тексты, близко соответствующие английским «переводам», а таких в действительности не существовало.

Как же относятся макферсоновские «Поэмы Оссиана» к гэльским фольклорным первоисточникам? Сейчас после упомянутых выше исследований А. Макбейна, Л. К. Штерна, Дж. С. Смарта и других и особенно после итоговой монографии Дерика С. Томсона «Гэльские источники „Оссиана“ Макферсона» (1952)⁷² вопрос этот можно считать в общих чертах решенным. Впрочем, немалая доля истины была уже в суждениях С. Джонсона об обращении Макферсона со своими источниками (см выше, с. 479). Во многом был прав в своих выводах и специальный комитет Шотландского общества, учрежденный после смерти Макферсона, несмотря на всю предвзятость разысканий, которые ставили цель доказать достоверность его оссиановской версии.

В опубликованном отчете констатировалось, что, хотя в собранных гэльских поэмах и их отрывках удалось обнаружить нередко сюжетные, а иногда и буквальные словесные соответствия отдельным местам из переводов Макферсона, тем не менее «комитет не смог отыскать ни одной поэмы, имеющей то же заглавие и содержание, что и опубликованные им поэмы». Поэтому, говорилось далее, комитет «склонен полагать, что он (Макферсон, — Ю. Л.) имел обыкновение заполнять пробелы и добиваться связи, вводя эпизоды, каких не мог найти в оригинале, и добавлять от себя то, что, по его мнению, содействовало достоинству и изяществу сочинения, вычеркивая отдельные места, смягчая обстоятельства, очищая язык — короче говоря, изменяя то, что он считал слишком простым или слишком грубым для современного уха, и возвышая то, что, по его мнению, было ниже уровня хорошей поэзии».⁷³ Тут же комитет оговаривался, что не может определить степени вольностей, допущенных Макферсоном. Действительно, при том уровне изучения гэльских древ-

⁷⁰ Эти свидетельства собраны в приложении к Report.

⁷¹ См.: Saunders, p. 62.

⁷² Дерик С. Томсон, ныне профессор университета в Глазго, является в настоящее время наиболее авторитетным специалистом по истории гэльской поэзии. Ему, в частности, принадлежит монография «An introduction to Gaelic poetry» (New York, 1974). Пользуемся случаем, чтобы выразить ему благодарность за неизменно благожелательную помощь в нашей работе.

⁷³ Report, p. 152.

ностей такой возможности еще не было. Выяснением этого вопроса и занялись последующие исследователи.

Надо иметь в виду, что манера обращения Макферсона со своими источниками, как определил ее комитет, в известной мере была вообще присуща переводческому искусству XVIII в. Тогда, особенно в области поэзии, требовалось не столько воссоздание конкретного иноязычного произведения индивидуального автора, сколько создание на его основе нового произведения, наиболее приближенного к эстетическому идеалу, как понимал его переводчик. Преобразование оригинала с целью «улучшения» было его неоспоримым правом. Весьма вольной переделкой был уже упоминавшийся выше перевод Джерома Стоуна, привлечший, возможно, внимание Макферсона к гэльской поэзии. Достаточно сказать, что вместо оригинального заглавия «Смерть Фраоха» он именовался «Элбин и дочь Мея». ⁷⁴

Впрочем, самый ранний опыт Макферсона вообще не был переводом. История о гибели Оскара и Дермида, которую он показал Хоуму, а затем издал в числе «Отрывков старинных стихотворений» (под номером VII), на самом деле не имеет гэльского прототипа. Она целиком сочинена Макферсоном и лишь стилизована, согласно его представлениям, в духе народной баллады. ⁷⁵ Так он поступал и дальше: из шестнадцати «отрывков» только для двух удалось найти реальные фольклорные прототипы. Уже тогда он превратил ирландского вождя и национального героя Финна в шотландского короля Фингала (имя, не встречающееся в древних памятниках, равно как и название его королевства — Морвен и резиденции — Сельма), и план эпической поэмы о нем уже, видимо, сложился в его голове. ⁷⁶ Не исключено, правда, что поначалу он действительно верил в возможность существования подобного эпоса, однако вскоре, конечно, убедился в неосновательности своих надежд. И тогда он принялся сам создавать «Фингала» — основное произведение своей жизни — так, как, по его разумению, должна была выглядеть гэльская эпопея. Однако он никогда не утверждал, что нашел ее в целом виде. В предисловии к первой публикации он даже намекал на ее составной характер, замечая: «Некоторые господа в горной стране и на остро-

⁷⁴ См. сопоставление оригинала и перевода: Report, Appendix, p. 99—117.

⁷⁵ См.: Fitzgerald R. P. The style of Ossian, p. 27—31. — Впоследствии, обнаружив, что фольклорная традиция иначе повествует о смерти Оскара, сына Оссиана, он, изложил в «Теморе» новую версию его гибели и поместил отрывок VII в приложении, заявляя, что речь здесь идет о другом Оскаре — сыне Карута (см. выше, с. 179).

⁷⁶ В предисловии к «Отрывкам» Блэр уже излагал (разумеется, со слов Макферсона) содержание эпической поэмы, будто бы существующей в горной Шотландии: «Тема ее — вторжение в Ирландию Свартана, короля Лохлина, как именовалась Дания на эрском языке. Кухулад, полководец или вождь ирландских племен, извещенный о вторжении, собирает свои войска. Он держит совет, и битва разгорается. Но после нескольких неудачных схваток ирландцы терпят поражение. Наконец, на помощь Кухуладу прибывает на своих судах Фингал, король Шотландии, названной в этой поэме „Пустыня холмов“. Он изгоняет датчан из страны и с победой возвращается домой» (Fragments, p. VII—VIII).

вах великодушно помогали мне, насколько это было в их силах, и только благодаря их содействию я смог завершить эпическую поэму».⁷⁷

Создавая эпопею, Макферсон обращался к тем самым балладам ирландского происхождения (бытовавшим и в Шотландии), от которых затем декларативно отрекся. При этом он объединял мотивы кухулинского и оссиановского циклов, доводя тем самым до логического завершения тенденцию, уже намечавшуюся в фольклорной традиции. Исследования показали, что в «Фингале» он использовал в разной мере не менее десятка баллад. Главная сюжетная линия была составлена с помощью баллад о Гарве мак Старне и о Магнусе, другие баллады послужили материалом для отдельных эпизодов и частных мотивов.⁷⁸ Различался и самый метод использования. Иногда это был перевод разной степени вольности, иногда пересказ, а иногда просто тематическое заимствование. Приведем несколько примеров.

Для первой книги «Фингала» Макферсон воспользовался балладой о встрече Гарва мак Старна с Кухулином.⁷⁹ Баллада эта начинается строфой-обращением привратника к Кухулину: «Вставай, пес Тары,⁸⁰ я вижу несказанное число кораблей; волнующееся море полно судами чужеземцев». На это Кухулин отвечает следующей строфой: «Лжешь ты, прекрасный привратник, лжешь ты ныне и всегда; это лишь великий флот Мея, идущий нам на помощь».⁸¹

Если сравнить с этими строфами самое начало «Фингала» (см. выше, с. 16—17), обнаруживается несомненное сходство. «Тура» Макферсона — это «Тара» баллады. В обоих случаях вестник сообщает о приближении множества судов, а Кухулин не верит, полагая, что это близится ему помощь. Соответствие проявляется даже в частности. В «Фингале» Кухулин говорит: «Ты вечно трепещешь», в балладе: «Лжешь ты ныне и всегда»; Макферсон лишь смягчил простонародную грубость.⁸²

Соответствия книги I «Фингала» и баллады проявляются и в дальнейшем обсуждении героями создавшегося положения.⁸³ Затем в балладе Кухулин приглашает Гарва на пир, тот принимает приглашение и с непомерным аппетитом ест и пьет за сто человек. В «Фингале», в самом конце книги I, Кухулин тоже посылает приглашение противнику, но Сваран отказывается, тем более что он утомлен дневной битвой. В балладе же пир предваряет битву, в ходе которой Кухулин убивает врага.

⁷⁷ Fingal, p. [X]. — Впоследствии Блэр в письме к Генри Маккензи от 20 декабря 1797 г. указывал, что, насколько ему известно, в больших произведениях Макферсон «мог сочетать и объединять отрывки, которые находил рассеянными в разных местах» (Report, Appendix, p. 61).

⁷⁸ См.: Thomson, p. 14.

⁷⁹ О знакомстве Макферсона с этой балладой свидетельствует его письмо к Дж. Маклагану от 16 января 1761 г. (см.: Report, Appendix, p. 154).

⁸⁰ Прозвище Кухулина.

⁸¹ Цит. по: Thomson, p. 16.

⁸² Начало кн. I «Фингала» сперва печаталось в «Отрывках» (под номером XIII); там противник именовался Garve (см.: Fragments, p. 59—60), что ясно указывает на его связь с Garbh. В «Фингале» он уже назван Свараном.

⁸³ См.: Thomson, p. 17—18.

Но Макферсон должен был сохранить жизнь Сварану, ибо тому еще предстояло действовать до конца поэмы. Так он подчинял заимствованный материал своему сюжетному плану.

Подобное обращение с источником проявляется и в книге II поэмы, где Макферсон привлек уже другую балладу — о датском захватчике Магнусе (отзвуки этой баллады обнаруживаются и дальше — в книгах IV, V, VI). В начале ее охотящиеся фении видят в море тысячи парусов. Финн посылает своего сына Фергуса узнать, чего хотят чужеземцы, и получает ответ. Баллада повествует об этом так.

«Что привело свирепое войско из царства Лохлина с его древним оружием? Не за тем ли пришел ваш вождь из-за моря, чтобы умножить число фениев?»
 «Из рук твоих, о гостеприимный Фергус, хоть высоко ты считаешь фениев, мы не примем дани, пока не получим пса Брана и не заберем у Финна его жену».
 «Фении дадут жестокий бой вашему народу, прежде чем вы получите Брана, и Финн даст жестокий бой вам, прежде чем вы получите его жену».

Фергус, мой брат, воротился, и был он прекрасен, как солнце, спокойно поведал он свой рассказ, хоть глас его был громок и величав.

«Там на берегу король Лохлина, и к чему мне скрывать это? И он не уйдет без борьбы, если не завладеет вашей женой и вашим псом».

«Никогда не отдам я своей жены ни единому человеку под солнцем, и тем более не отдам я Брана, пока смерть не войдет в его пасть».⁸⁴

Обратившись к балладе, Макферсон, разумеется, отбросил начало, поскольку в его повествовании лохлинское войско уже высадилось на ирландскую землю. Роль Финна он передал Кухулину, Магнуса — Сварану, а посредником между ними стал посланец Сварана Морла (см. выше, с. 30—31). Сравнение отрывков наглядно показывает, как украшал Макферсон по своему вкусу балладный текст. Новые эпитеты и сравнения: «равнины любезные», «супруга высокогрудая, дивно-прекрасная», уподобленная «солнечному лучу Дунскеха», «пес быстрее ветра» и т. п. — все это принадлежит Макферсону, без подобных прикрас повествование казалось ему скучным и убогим. Величая простота народной поэзии была чужда его эстетике.

Макферсону случалось переводить и точнее. Исключительный в его практике пример такого перевода содержится в начале книги IV «Фингала»; это рассказ Оссиана, как он завоевал Эвиралин (см. выше, с. 44). Здесь переводчик действительно старался держаться близко к подлиннику (в той мере, конечно, в какой он понимал гальский оригинал).⁸⁵ И все же «красоты» нет-нет да прорывались в его текст. Так, в самом начале скорбное восклицание Оссиана: «Я был доблестный воин много склада, хоть ныне я старый воин», в переводе превратилось: «Дочь снежнорукая! Я не был печален и слеп, я не был беспомощен и безутешен, когда Эвиралин любила меня».

Но обычно Макферсон отклонялся от своих источников весьма значительно. Наглядным примером может служить рассказ Кухулина в книге II «Фингала» о том, как он убил своего друга Ферду. Занимаю-

⁸⁴ Цит. по: Smart, p. 110—111.

⁸⁵ См. сопоставительный разбор: Thomson, p. 31—39.

щий немногим более страницы (см. с. 33—34), он представляет собою здесь всего лишь проходной эпизод. Между тем в основе его лежит обширная ирландская эпопея «Похищение быка из Куальнге». ⁸⁶ Составляя как бы ее конспект, Макферсон изменил некоторые частности, чтобы подогнать рассказ к своему сюжету, а главное, изменил до неузнаваемости самый дух произведения. ⁸⁷ Вольно он поступил и с описанием колесницы Кухулина, которое нашел в одной из баллад и включил в книгу I «Фингала» (см. выше, с. 22—23). Священник Д. Маклауд, в чьем доме он знакомился с балладой, писал позднее Блэру, что Макферсон «не взял описания целиком, и его перевод (при всей живости и привлекательности) настолько уступает оригиналу в изображении коней и колесницы Кухулина, их сбруи и украшений и т. д., что ни в каком другом месте его переводов не проявляется с такой очевидностью то, что таланты Макферсона и Оссиана не равны». ⁸⁸

И все же по сравнению с «Теморой» связь «Фингала» с народными балладами была значительной. Успех, видимо, вскружил Макферсону голову, и, приступая к «Теморе», он уже был уверен, что может самостоятельно создавать эпическую поэму в духе Оссиана. Только первая книга «Теморы» строилась на основе баллады о битве при Гавре, повествующей о гибели Оскара и разгроме фениев. При этом Макферсон значительно преобразовал исходный сюжет, ибо решительное поражение Фингаловой рати никак не отвечало общей тенденции его эпоса. Но эта книга «Теморы» сперва печаталась самостоятельно, в числе малых поэм, следовавших за «Фингалом». Первой книгой она стала лишь потом, в эпической поэме, когда за нею последовали еще семь. Эти последние были уже, по-видимому, полностью сочинены Макферсоном, и в итоге эпопея в целом получилась несравненно туманнее и аморфнее «Фингала».

Что касается малых поэм, то фольклорные источники разной степени близости установлены для пяти из них: «Битва при Лоре», «Картон», «Карик-тура», «Дар-тула» и «Кальтон и Кольмала». ⁸⁹ В «Картоне», например, использована ирландская версия известного фольклорного сюжета об отце, убивающем в поединке неузнанного сына (ср. персидскую поэму «Зораб и Рустем» или немецкую «Песнь о Гильдебранде»). В ирландской балладе Кухулин убивает Конлаха, своего сына, зачатого во время чужеземных странствий, который прибыл в Ирландию на поиски отца. Лаконичную балладу Макферсон значительно распространил, произвел характерные для его манеры вставки вроде рассказа Фингала о развалинах Балклуты и заключительного гимна солнцу, который он сам же уподобил обращению Сатаны к солнцу в книге IV «Потерянного рая» Мильтона (см. выше, с. 99).

Значительным изменениям подверглась преобразованная в «Битву при Лоре» ирландская баллада «Великое бедствие фениев». Во втором из

⁸⁶ См. русский перевод (А. А. Смирнова) основного эпизода эпопеи — «Бой Кухулина с Фердиадом» (Ирландские саги. 2-е изд. Л.—М., 1933, с. 133—172).

⁸⁷ См.: T h o m s o n, p. 26—28.

⁸⁸ Report, Appendix, p. 29.

⁸⁹ См.: T h o m s o n, p. 42—58.

своих «рассуждений» Макферсон сам на нее ссылаясь, признавая, что она рассказывает о том же событии, что и его поэма, основанная будто бы на параллельной шотландской балладе. Он приводил даже первую строфу ирландской версии: «Однажды, когда Патрик, несклонный читать псалмы, выпивал в своем жилье, он решил отправиться в дом Оссиана, сына Фингала, чьи высокие речи ему нравились».

«Этот святой, — иронизировал Макферсон, — иногда пренебрегал суровыми запретами своего призвания, пил вволю и так согревал свою душу вином, дабы внимать с приличествующим восторгом поэмам своего тестя».⁹⁰ Разумеется, подобное гротескное начало никак не укладывалось в стилистическую систему Макферсона, и он начинал свою поэму в ином тоне — торжественным обращением к безымянному миссионеру: «Сын далекой земли, обитатель сокровенной кельи!» и т. д. (см. выше, с. 81).⁹¹

Вполне вероятно, что названные произведения не исчерпывают числа оссиановских поэм Макферсона, так или иначе восходящих к фольклорным источникам. Не исключено также, что в отдельных случаях Макферсон располагал и более близкими к его поэмам версиями, нежели те, что позднее зафиксировали кельтологи. Систематический сбор гэльского фольклора начался значительно позже его экспедиций,⁹² и иные баллады и саги могли быть к тому времени уже утрачены.

Тем не менее возможность отдельных поправок и уточнений не меняет общего вывода. Совершенно очевидно, что Макферсон опирался на материалы фольклорной традиции, когда создавал свои большие и малые поэмы Оссиана. Он как бы держал их в голове, но независимо от того, насколько близко следовал он своему источнику (здесь диапазон достаточно велик — от довольно верного перевода до самостоятельного сочинения), писал он в соответствии с собственной поэтической системой, созданной, правда, с ориентацией на стиль гэльских баллад, но еще более приспособленной к требованиям преромантической эстетики XVIII в.

Недостаточно зная старину, да и самые фольклорные памятники, он допускал множество ошибок. Мы уже отмечали, что в отличие от подлинного древнего эпоса в его поэмах отсутствует конкретное изображение материального быта. По его воле кельтские воины облечены в доспехи, каких исторические кельты не имели, стреляют из луков, в действительности у них не существовавших, странствуют по морям, которых на самом деле избегали, и т. д.

Изобретением Макферсона были все эти многочисленные деды в доспехах, сопровождающие своих любимых: эпическая традиция таких не знала. В старинной балладе «Изгнание сыновей Уснеха»,⁹³ положенной

⁹⁰ Темога, р. XXVI. Согласно некоторым ирландским балладам, св. Патрик был женат на дочери Оссиана.

⁹¹ Макферсон вообще отрицал возможность встречи Оссиана с Патриком, поскольку это означало бы, что бард дожил до 250 лет (см.: Темога, р. XXV).

⁹² Характерно, что даже Шоу, обнаружив памятники, не похоже на то, что он искал, не потрудился их записать.

⁹³ См. русский перевод: Ирландские саги, с. 59—73.

в основу «Дар-тулы», он нашел пример самоубийства героини Дейдрре после гибели ее возлюбленного. Здесь это был исключительный случай, но Макферсон сделал его правилом: у него все героини либо кончают с собой, либо просто умирают, получив весть — правдивую или ложную — о смерти любимого.

Чуждым фольклору были и сверхъестественные существа, которыми он населил поэмы Оссиана согласно представлениям своего времени о правильном эпосе. Духи, пролетающие у него в облаках и туманах чуть ли не на каждой странице, не имеют ничего общего с призраками в балладах или сагах, где они являются редко, только тогда, когда их вызывают, и при этом столь же материальны, как и живые люди. С другой стороны, рационалистическое мышление Макферсона заставило его отказаться от всякого рода лесных пимф и эльфов, обычных в сказаниях феианского цикла.⁹⁴

Не находя в гэльском эпосе нужных ему и в то же время привычных образов, оборотов, мотивов, он свободно создавал их, опираясь на хорошо известные каждому культурному англичанину его времени источники: Библию, «Илиаду» Гомера, «Энеиду» Вергилия, «Потерянный рай» Мильтона. В первых изданиях «Фингала», он даже помещал примечания с соответствующими ссылками, но в «Теморе» уже воздержался от них, поскольку они обличали заимствования, что было замечено критиками.⁹⁵

Даже пронизывающий «Поэмы Оссиана» меланхолический тон являлся в большей мере проявлением сентиментализма XVIII века, нежели воссозданием традиционных особенностей источников. Правда, в подлинных балладах цикла встречаются жалобы Оссиана, пережившего фешнев. Так, в одной из них он восклицает: «Слаба в эту ночь моя десница, сила моя уже не та, что была; немудрено, что мне приходится скорбеть, — я бедный, старый последыш».⁹⁶ Тем не менее не эти жалобы определяют общий характер баллад, в целом бодрых и жизнерадостных. Герои же Макферсона — сентименталисты его времени, упивающиеся «радостью скорби». И окутывающая его поэмы атмосфера тумана, мрака, одинопчества и уныния отвечала современным ему эстетическим запросам. К тому же в ней проявились и чисто шотландские настроения, возобладавшие в стране после поражения 1745 г., которое несомненно повлияло на создание нового оссианического эпоса. Ведь в самой основе интереса шотландских литераторов к кельтской старине (а именно этот интерес вольно или невольно стимулировал деятельность Макферсона) лежало

⁹⁴ См.: Nutt, p. 21—22.

⁹⁵ Впоследствии шотландский историк Малькольм Лэнг посвятил этим заимствованиям Макферсона специальное исследование: «An historical and critical dissertation on the supposed authenticity of Ossian's poems», которое напечатал в приложении к своей «History of Scotland» (vol. II. London, 1800, p. 377—453). В 1805 г. Лэнг выпустил в Эдинбурге новое издание «Поэм Оссиана» (с приложением «Отрывков старинных стихотворений» и поэтических произведений Макферсона), где в примечаниях отмечал все подобные параллели. При этом он явно перестарался и нередко толковал как заимствование случайное сходство.

⁹⁶ Цит. по: Smart, p. 75.

стремление взять хотя бы моральный реванш по отношению к англичанам.⁹⁷

Конечно, правы исследователи, которые утверждали, что «Поэмы Оссиана» в такой же мере являются творением Макферсона, как «Потерянный рай» — при всей его зависимости от Библии — творением Мильтона.⁹⁸ В сущности, в пространных примечаниях (особенно к «Теморе»), в которых Макферсон восхвалял эпическое искусство Оссиана, он раскрывал собственную поэтику. Итак, что сделал Макферсон, как он обращался со своими источниками, в основных чертах ясно. Неясно лишь, каковы были внутренние его побуждения. В этом вопросе мнения исследователей расходятся. Томсон, например, считает, что поначалу Макферсон не имел намерения прибегать к обману и только, побуждаемый окружающими его литературными авторитетами, Хоумом, Блэром и другими, был вынужден встать на путь мистификации, сойти с которого уже не мог под угрозой разоблачения.⁹⁹ Напротив, Смарт утверждал, что мистификация была задумана с самого начала, и своими демонстративными отказами Макферсон сознательно провоцировал шотландских литераторов, чтобы они его уговаривали.¹⁰⁰ Где находится истина, сейчас уже, видимо, невозможно установить, да это и не так существенно. Несомненно лишь, что после провала своего «Шотландского горца» Макферсон искал способа выдвинуться в литературном мире. Человек он был самолюбивый, желавший прославиться во что бы то ни стало. Его познания (притом довольно скромные) в области гэльского фольклора и пробуждающийся в литературе интерес к народному творчеству, к национальной старине, наконец, патриотические устремления — все это побудило его к созданию своих переводов-имитаций. Именно иллюзия древности была непременным условием успеха его Оссиана. Это хорошо понимал и его противник Джонсон, сказавший как-то о «Фингале»: «Будь он действительно древним творением — подлинным образцом того, как люди думали в то время, это был бы первоклассный памятник старины. А как современное произведение он — ничто».¹⁰¹ И поэтому Макферсону ничего не оставалось, как всеми силами препятствовать прояснению истины.

Тем временем известность его Оссиана проникла в другие страны. Шотландские, английские и ирландские национальные пристрастия, противоречия и конфликты, подогревавшие оссиановскую полемику, вне Британских островов мало кого волновали. Зато в Европе находили живой отклик те особенности макферсоновской оссианической поэзии, которые отвечали новым преромантическим тенденциям в литературе, — обращение к национальному прошлому, к неприкрашенной природе, к простой

⁹⁷ См.: McDiarmid M. P. «Ossian» as Scottish epic. — Scottish literary news, 1973, vol. III, N 3, p. 4—9 (Ossian number).

⁹⁸ См.: Nutt, p. 2.

⁹⁹ См.: Thomson D. «Ossian» Macpherson and the Gaelic world of the eighteenth century. — Aberdeen university review, 1963, vol. XL, N 129, p. 12.

¹⁰⁰ См.: Smart, p. 297—208.

¹⁰¹ Boswell J. The Life of Samuel Johnson, vol. II, p. 343.

нецивилизованной жизни, народным сказаниям, выдвигание на первый план естественного чувства, предпочтительно скорбного, меланхолического и т. д. С другой стороны, в своем «Оссиане» Макферсон сумел в известной мере приноровить эти новые тенденции к каноническим принципам (недаром классик Блэр стал его приверженцем), и это облегчало усвоение и распространение его прозаических поэм не только в Великобритании, но и за ее пределами.¹⁰²

В предисловии к изданию 1773 г. Макферсон с законной гордостью писал: «Энтузиазм, с каким эти поэмы были приняты за границей, служит вознаграждением за ту холодность, с которой некоторые демонстративно отнеслись к ним дома. Все просвещенные народы Европы перевели их на свои языки».¹⁰³ Конечно, с присущим ему тщеславием он преувеличивал, говоря о «*всех* просвещенных народах Европы». Однако действительно в трех странах, игравших наибольшую роль в культурной жизни европейского континента, — Франции, Германии, Италии — его Оссиан к тому времени переводился. Французские переводы «Отрывков» начали появляться в 1760—1761 гг., а немецкие — в 1762, после чего в Германии стали переводить и поэмы, причем полный немецкий перевод «Фингала», выполненный Альбрехтом Виттенбергом, был опубликован в 1764 г. Годом раньше итальянский ученый и поэт Мелькиор Чезаротти выпустил стихотворный перевод «Поэм Оссиана, сына Фингала», снабдив его множеством примечаний, где, в частности, ставил шотландского барда выше Гомера.¹⁰⁴

По-видимому, все-таки с наибольшим энтузиазмом Оссиан был встречен в Германии (куда, между прочим, он попал одновременно и был воспринят параллельно с «Новой Элоизой» Руссо).¹⁰⁵ Здесь в феодально раздробленной стране конституционная Англия привлекала симпатии передовых умов, и английская литература пользовалась неизменным их вниманием и сочувствием. Оссианические творения Макферсона проникали сюда вместе с трагедиями Шекспира, романами Ричардсона, поэмами Мильтона и Юнга. До конца XVIII в. в Германии было опубликовано четыре полных перевода «Поэм Оссиана» (самый ранний из них, принадлежавший Михаэлю Денису и выполненный гекзаметром, вышел уже в 1768 г.)¹⁰⁶ и 34 частичных; в числе переводчиков подвизались Якоб Ленц, Гердер, Бюргер. Впрочем, многие немецкие читатели не нужда-

¹⁰² См. общий обзор: Van Tieghem P. Ossian et l'ossianisme au XVIIIe siècle. — In: Van Tieghem P. Le préromantisme. Etudes d'histoire littéraire européenne. Paris, 1924, p. 195—287.

¹⁰³ Poems, vol. I, p. V—VI.

¹⁰⁴ Poesie di Ossian figlio di Fingal antico poeta celtico ultimamente scoperte e tradotte in prosa inglese da Jacopo Macpherson, e da quella trasportate in verso italiano dall' Ab. Melchior Cesarotti con varie annotazioni de' due traduttori. Padova, [1763].

¹⁰⁵ См.: Tombo R. Ossian in Germany. Bibliography, general survey. Ossian's influence upon Klopstock and the Bards. New York, 1901; Horstmeier R. Die deutsche Ossianübersetzungen des XVIII. Jahrhunderts. Greifswald, 1926.

¹⁰⁶ Die Gedichte Ossians, eines alten celtischen Dichters, aus dem Englischen übers. von M. Denis, aus der G. J. Bd I, II. Wien, 1768.

лись в переводе (чему способствовала, в частности, простота языка Макферсона), и в 1770—1780-е годы в Германии трижды выходил английский «Оссиан». Инициатором этих изданий был друг Гете И. Г. Мерк.

В это время в Германии поэмы Оссиана признавались древними памятниками и какие-либо сомнения критиков в их подлинности считались чуть ли не проявлением дурного вкуса и невосприимчивости к истинным художественным ценностям.¹⁰⁷ И для этого были свои причины. Помимо общих эстетических особенностей, обусловивших европейский успех Оссиана, здесь своеобразно преломлялись и патриотические устремления Макферсона. Обращение к героическому прошлому в противовес современному униженному положению нации находило живой отклик у литераторов, обличавших феодально-абсолютистское убожество своей страны. Именно так воспринял Оссиана поэт Фридрих-Готтлиб Клопшток, который, опираясь на Макферсона, на переводы рунической поэзии Томаса Перси и труды Малле, создавал образ древнегерманской поэзии. Он даже утверждал, что «Оссиан — германец по происхождению, поскольку он каледонец»,¹⁰⁸ и шотландский бард служил ему примером при возрождении национального искусства германских «бардов». В программной оде Клопштока «Холм и роща» (1767), где «холм» — это Геликон, обитель греческих муз, а «роща» — место пребывания бардов, немецкий поэт беседует с тенями греческого певца и северного барда (само это общение с тенями шло от Оссиана) и в итоге приемлет завет барда, «безыскусного голоса души», который призывает к созданию национальной поэзии, самобытной и действенной.¹⁰⁹ Декларация Клопштока была воспринята группой близких ему поэтов (Герстенберг, переводчик Оссиана Денис, Кречмац, Хартман и др.); они гордо именовали себя «бардами» и, подражая Оссиану, создавали стилизацию под древнюю поэзию.

Знакомство с Оссианом оказало влияние на созданную И. Г. Гердером теорию народной поэзии, которая в свою очередь явилась одним из литературных манифестов движения «Бури и натиска». Перевод Дениса дал немецкому мыслителю повод для рассуждений о характере и стиле народной поэзии, оформленных в виде статьи «Извлечения из переписки об Оссане и о песнях древних народов» (1771). Считая шотландского барда оригинальным гением, равным Гомеру, Гердер писал: «... стихотворения Оссиана представляют собою *песни, песни народа*, необразованного, но одаренного непосредственным чувством, песни, которые долгие годы жили в устной традиции, передаваемой от отца к сыну».¹¹⁰ С поэмами Оссиана Гердер сопоставлял песни других народов и стремился выявить особенности народной поэзии, — естественной, живой, свободной и чувственной; попятать ее, считал он, можно только в обстановке, где она возникла (так, он вспоминал, что читал «историю Утала и Пинатомы — в виду ост-

¹⁰⁷ См.: Tombo R., op. cit., p. 73.

¹⁰⁸ Письмо к И. В. Л. Глейму от 31 июля 1769 г. (Klopstock und seine Freunde, Bd II. Halberstadt, 1810, S. 214).

¹⁰⁹ См.: Гейман Б. Я. Клопшток. — В кн.: История немецкой литературы, т. II. М., 1963, с. 174—175.

¹¹⁰ Гердер И. Г. Избр. соч. М.—Л., 1959, с. 24.

рова, на котором она произошла»¹¹¹ Только в соприкосновении со стихией живой народной поэзии видел Гердер возможность преодолеть упадок современной литературы — книжной, рассудочной и искусственной. «Оссиан, песни диких народов, песни скальдов, романсы, областные песни могли бы вывести нас на лучший путь, если бы мы захотели научиться у них чему-нибудь большему, чем только форме, внешним приемам, языку», — заключал он.¹¹²

Оссиан вызвал живой интерес у молодого Гете; последующее его знакомство с Гердером несомненно этот интерес усилило. В 1771 г. Гете перевел отрывок из «Теморы» и «Песни в Сельме».¹¹³ Последний перевод он позднее приписал герою романа «Страдания юного Вертера» (1774), которого наделил многими собственными чертами. Кельтский бард овладевает душой юноши в трагическую пору его жизни; именно в его поэзии страдалец Вертер, близкий уже к самоубийству, находит отклик своим душевным мукам. «Оссиан вытеснил из моего сердца Гомера. В какой мир вводит меня этот великан! Блуждать по равнине, когда кругом бушует буря и с клубами тумана, при тусклом свете луны, гонит души предков слушать с гор сквозь рев лесного потока приглушенные стопы духов из темных пещер и горестные сетования девушки над четырьмя замшелыми, поросшими травой камнями, под которыми покоится павший герой, ее возлюбленный!»¹¹⁴

Оссианическая «радость скорби» при посредстве Вертера сближалась с «мировой скорбью» (Weltschmerz), и уже в таком преломлении, осложненная новым комплексом нравственных идей и социального протеста, вторая волна оссианизма прошла по Европе и даже проникла обратно в Великобританию.¹¹⁵ В некоторых странах (в том числе и в России)

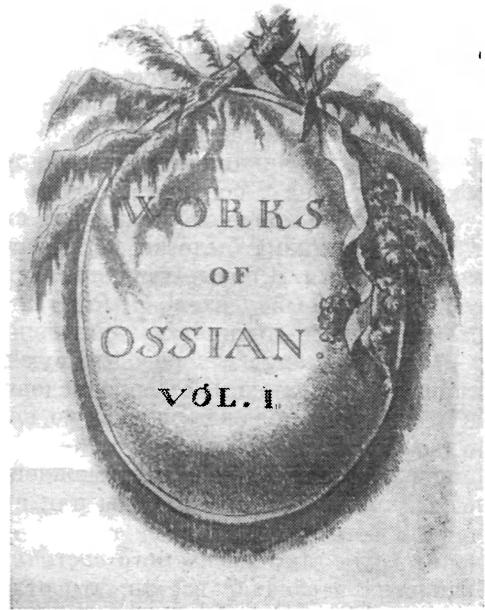
¹¹¹ Там же, с. 32. Утал и Нинатома — герои поэмы «Бератон».

¹¹² Там же, с. 59. См.: Gillies A. Herder und Ossian. Berlin, 1933.

¹¹³ См.: Hennig J. Goethe's translations of Ossian's *Songs of Selma*. — The Journal of English and Germanic philology, 1946, vol. XLV, N 1, p. 77—87.

¹¹⁴ Гете. Страдания юного Вертера. М., 1957, с. 199—200.

¹¹⁵ См.: Stewart A. M. Ossian and Germany. — Scottish literary news, 1973, vol. III, N 3, p. 12—13.

«Творения Оссиана»
(Франкфурт и Лейпциг, 1777)
Титульный лист тома I
Гравюра по рисунку Гете

само имя барда было впервые напечатано на страницах романа Гете.¹¹⁶

Однако уже к концу века в Германии отчетливо проявляется спад былого увлечения. В. Шрёдер, публикуя в 1800 г., новый перевод «Фингала», жаловался, что Оссиана больше почитают, чем читают.¹¹⁷ Некоторая вспышка интереса, вызвавшая появление новых немецких переводов в начале XIX в., была, видимо, связана с полемикой после смерти Макферсона и публикацией «оригиналов». В дальнейшем же Оссиан в Германии перешел в основном в руки ученых специалистов.

Несколько иначе сложилась его судьба во Франции.¹¹⁸ Господство эстетики классицизма было здесь несравненно более прочным, чем в Англии или Германии, и новые тенденции утверждались с трудом. Когда в 1760 г. государственный деятель, мыслитель и литератор А.-Р.-Ж. Тюрго, много переводивший античных, английских и немецких авторов, поместил в «Journal étranger» переводы двух из «Отрывков старинных стихотворений», он в специальном предисловии, как бы извиняясь перед читателем, отмечал их исключительную необычность: «Вы найдете в этих двух отрывках беспорядочное движение, резкие и внезапные переходы от одной мысли к другой, нагромождение и смешение образов, относящихся к великим явлениям природы или привычным явлениям сельской жизни, частые повторения, короче говоря, — все красоты и все уродства, характерные для так называемого *восточного стиля*».¹¹⁹ В устах Тюрго «восточный стиль» означал все то, что отличало поэзию диких народов, противопоставлявшихся цивилизованным нациям.

Когда появился «Фингал», парижский «Journal encyclopédique» заявил, что французский его перевод был бы невыносим. А в 1770 г. сам Вольтер критиковал и пародировал оссианический стиль. Все это не могло не отразиться на характере первых переводов. Переводчики старались достичь некоего компромисса: с одной стороны, познакомить читателей с новым литературным явлением, вызвавшим широкий интерес, но, с другой — не слишком выходить за рамки общепринятого стиля.

В 1772 г. в Париже и Амстердаме вышел двухтомный сборник «Избранные эрские сказки и стихотворения», где во второй части были помещены четырнадцать переводов из Оссиана.¹²⁰ Анонимный переводчик,¹²¹ оставив в стороне «Фингала» и «Темору» и обратясь к малым

¹¹⁶ Впоследствии Гете изменил свое отношение к Оссиану, как и ко многим другим увлечениям молодости. Когда в 1829 г. английский путешественник Г. К. Робинзон заметил ему, что именно «Вертер» ввел Оссиана в моду, Гете, улыбувшись, сказал: «Это отчасти верно, но критики не обратили внимания на то, что Вертер восхвалял Гомера, пока был в здравом уме, а Оссиана, — когда уже сошел с ума» (Robinson H. C. Diary reminiscences and correspondence, vol. II. New York, 1877, p. 106).

¹¹⁷ См.: Tombo R. Ossian in Germany, p. 74.

¹¹⁸ Подробному исследованию французского оссианизма посвящена монография: Van Tieghem P. Ossian en France, t. I, II. Paris, 1917.

¹¹⁹ Ibid., t. I, p. 114.

¹²⁰ Choix de contes et de poésies erses, trad. de l'anglois, pt. II. Amsterdam—Paris, 1772, p. 5—90.

¹²¹ По поводу атрибуции переводов нет единого мнения. Исследовательница творчества П. Летуриера считала переводчиком его (см.: Cushing M. G. Pierre Le

поэмам, поступал с ними весьма вольно. В одних случаях он перелагал целые поэмы, в других — делал из них извлечения, в третьих — соединял фрагменты разных поэм. Особенно его привлекали лирические пассажи. Так, начало «Кромы» превратилось у него в отдельное произведение «Мальвина, оплакивающая смерть Оскара, своего любовника», а из приложения к той же поэме возникло «Описание октябрьской ночи на севере Шотландии». Менялись имена для придания им благозвучности: Fovargotmo становилось Fovar, Mal-orchol — Malog и т. п. В итоге получались изящные скорбные прозаические элегии, довольно далекие от Макферсона, но зато приближенные к господствующему вкусу.

Особого успеха этот сборник все же, по-видимому, не имел (правда, оссианические фрагменты занимали в нем скромное место). Не вызвал интереса читателей и появившийся два года спустя перевод «Теморы», создатель которого маркиз М.-А. де Сен-Симон постарался передать эпос Макферсона по возможности точно.¹²² Решающую роль в распространении во Франции «Поэм Оссиана» сыграл Пьер Летурнер (Leturneur, 1736—1788), известный пропагандист английской литературы, который ранее уже перевел поэму «Ночные мысли» и другие произведения поэта-сентименталиста Эдуарда Юнга, прозаические «Размышления среди могил» Джеймса Харви, а в середине 1770-х годов принялся за основной труд своей жизни — перевод Шекспира. В 1777 году он выпустил полный перевод: «Оссиан, сын Фингала, бард III века. Галльские стихотворения»,¹²³ куда входили обе эпопеи, все двадцать малых поэм, а также извлеченные из приложений и примечаний в издании 1765 г. и представленные в виде отдельных поэм «Минвана», «Описание октябрьской ночи в северной Шотландии» и «Смерть Оскара и Дермида». Закрывая обширное введение (где главным образом излагались «рассуждения» Макферсона), Летурнер бегло коснулся своих переводческих принципов. Он подчеркивал, что «Оссиан пел для народа, не видевшего вокруг ничего кроме картин природы, и «из этих картин он без конца заимствовал свои образы и сравнения». «Мы же, — указывал Летурнер, — сильно урезали эти сравнения, поскольку повторение их утомляет, но мы знаем, что их осталось еще слишком много для всякого читателя, который захотел бы, чтобы горы Шотландии непременно походили на цветущий холм Франции, а век Оссиана — на век г-на де Вольтера».¹²⁴

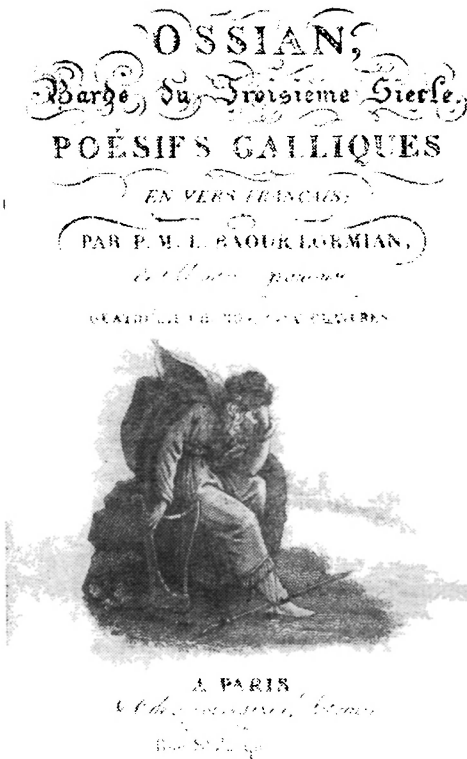
Перевод, таким образом, был компромиссным: Летурнер считал себя вправе «улучшать» оригинал согласно принятым литературным нормам и в то же время старался в умеренных дозах передавать особенности

Tourneur. New York, 1908, p. 90—92). Ей возражал Ван Тигем, доказывая, что это был не сам Летурнер, но, видимо, кто-то из его окружения (см.: Van Tieghem P. Ossian en France, t. I, p. 248).

¹²² Temora: poëme epique en huit chants, composé en langue erse ou gallique par Ossian, fils de Fingal. Trad. d'après l'édition anglaise de Macpherson par le Marquis de St. Simon. Amsterdam, 1774.

¹²³ Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle. Poésies galliques, trad. sur l'anglois de M. Macpherson, par M. Le Tourneur, t. I, II. Paris, 1777.

¹²⁴ Ibid., t. I, p. LX—LXI.

«Оссиан. Галльские стихотворения»
Титульный лист издания
французских переложений
П.-М.-Л. Баур-Лормиана (1818)

ур-Лормпан (Baour-Lormian, 1770—1854) создал для первого консула том стихотворных переложений со всеми риторическими украшениями парадной поэзии.¹²⁵ На оссианические сюжеты сочинялись драмы, оперы; художники Жерар, Жироде, Энгр писали картины для наполеоновской резиденции Мальмезон.

В то же время шотландским бардом увлекались и оппозиционные к новому режиму писатели-романтики: мадам де Сталь, Шатобриан;

¹²⁵ См.: Clayton V. The prose poem in French literature of the eighteenth century. New York, 1936, p. 61—71.

¹²⁶ Ossian, barde du troisième siècle. Poésies galliques en vers français. Par P. M. L. Baour-Lormian. Paris, an IX [1801].

нового оссианического стиля. Он сглаживал живописность описаний, устраняя излюбленные Макферсоном эпитеты и сравнения, заменял простые предложения торжественными перифразами и т. п. Но именно это принаравливание поэм к господствующему вкусу обеспечило переводу успех и способствовало распространению известности и славы Оссиана не только во Франции, но и за ее пределами — в странах, не имевших еще своих переводов, где французский язык был распространен в образованном обществе (в Испании, в России, в Польше). Некоторых французских поэтов прозаический перевод Летурнера побудил перелагать Оссиана стихами, в их числе был Мари-Жозеф Шенье, создавший пять таких переложений. А с другой стороны, этот перевод способствовал формированию жанра французской прозаической поэмы.¹²⁵

Популярности Оссиана во Франции немало способствовало пристрастие к нему Наполеона Бонапарта, первого консула республики, а затем императора французов. Итальянский перевод Чезаротти сопровождал его во всех походах. На какое-то время оссианическая мода приобрела официальный характер. Поэт П.-М.-Л. Баур-Лормпан

проза последнего сложилась под прямым влиянием оссианического стиля. Если в Англии и Германии подобные увлечения приходились в основном на преромантический период, то французский оссианизм проявлялся преимущественно в эпоху романтизма. Ему отдали дань и Виньи, и Гюго, и Мюссе, и, особенно, Ламартин, который писал: «Оссиан стал Гомером моих первых лет. Ему я отчасти обязан меланхолическим характером моей манеры. Это скорбь океана. Лишь изредка пытался я ему подражать, но я непроизвольно воспринял от него эту неопределенность, мечтательность, полную погруженность в раздумья, этот взгляд, прикованный к смутным видениям вдали». ¹²⁷ Это была уже иная интерпретация Оссиана, далекая, скажем, от вертеризма. Французский поэт толковал барда применительно к своему творчеству с его, по выражению Белинского, «медитациями и гармониями, сотканными из вздохов, охов, облаков, туманов, паров, теней и призраков». ¹²⁸

Но и увлечение французских романтиков имело свои границы. Уже в конце 1830-х годов Балзак устами одного из персонажей «Утраченных иллюзий» вспоминал: «Прежде мы пускались в оссиановские туманы. То были Мальвины, Фингалы, облачные видения, воители со звездой на лбу, выходявшие из своих могил». Теперь же, заключал он, все это стало «поэтической ветошью». ¹²⁹

Мы остановились более подробно на Франции и Германии, ибо на рубеже XVIII и XIX вв. это были основные культурные центры континентальной Европы, а также и потому, что, как мы покажем ниже, они имели наибольшее значение для первоначального проникновения оссиановской поэзии в Россию. Но ее европейское распространение этими странами не ограничивается. В 1788 г. выходит испанский перевод поэм Оссиана. ¹³⁰ В 1790-е годы появляются датский, голландский и шведский их переводы. Тогда же они проникают и в славянские страны. С перевода Легурнера их переводят в России (см. ниже) и Польше. ¹³¹ В Чехии с ними знакомятся по русскому и немецким переводам. ¹³² Оссианические темы вдохновляли европейских драматургов, композиторов, художников. ¹³³

¹²⁷ Lamartine A. Oeuvres, t. I. Paris, 1849, p. 14. См.: Poplawski Th. A. L'influence d'Ossian sur l'oeuvre de Lamartine. Heidelberg, 1905.

¹²⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 235.

¹²⁹ Балзак О. Утраченные иллюзии. М., 1973, с. 100. — Заметим, что у Макферсона призраки не имеют никакой звезды на лбу. Возможно, этот образ возник у Балзака под впечатлением известной картины Ф. Жерара «Оссиан на берегу Лоры заклинает духов звуками арфы» (1801).

¹³⁰ Obras de Ossian, poeta del siglo tercero en las montañas de Escocia. Traducidas del idioma y verso Gálico-Céltico al Inglés por el célebre Jaime Macpherson: y del Inglés a la prosa y verso Castellano par el Lic. Joseph Alonzo Ortiz, t. I. Valladolid, 1788. См.: Peers E. A. The influence of Ossian in Spain. — Philological quarterly, 1925, vol. IV, N 2, p. 121—138.

¹³¹ Pieśni Ossjana, syna Fingala, z angielskiego tłumaczone na francuski język, a z francuskiego na polski przez I. Krasickiego. [Lwów, ok. 1792—1793]. См.: Szyskowski M. Ossyan w Polsce na tle genezy romantycznego ruhu. Kraków, 1912, s. 54—62.

¹³² См.: Dolanský J. Záhada Ossiana v rukopisech královédvorském a zelenohorském. Praha, 1975, s. 8—14.

¹³³ См., например: Malek J. S. Eighteenth-century British dramatic adaptations of Macpherson's «Ossian». — Restoration and 18th century theatre research, 1975,

Но к 20-м годам XIX в. «оссианический мираж» начал понемногу рассеиваться. Вопрос уже стоял не о подлинности поэм; сама поэтика Макферсона становилась вчерашним днем литературы: с изменением эстетических критериев она уже представлялась слишком эфемерной, надуманной, далекой от насущных задач жизни и литературы. Английские поэты-романтики, как правило, в той или иной мере испытали ее воздействие, но в дальнейшем они преодолевали ее, как своеобразное увлечение молодости.¹³⁴ Колридж в 21 год еще написал два оссианических стихотворения: «Жалобу Ниватомы» и «Подражание Оссиану» (1793). Позднее 18-летний Байрон, имитируя Макферсона, создает «Смерть Калмара и Орлы» (1806).¹³⁵ А в 1805 г. 34-летний Вальтер Скотт, признавшись, что в детстве он «не то что читал, а просто поглощал» Оссиана, тут же оговаривался, что эти поэмы «обладают большими чарами для юнца, нежели для человека зрелого возраста».¹³⁶

Прошло еще десятилетие, и романтик Вордсворт буквально восстал против Оссиана и Макферсона. В «Дополнительном очерке к предисловию» в издании стихотворений 1815 г. он заявил: «Имея счастье родиться и вырасти в горной стране, я с самого детства ощущал фальшь, которая пронизывает тома, навязанные свету под именем Оссиана. Основываясь на том, что видел собственными глазами, я понял, что эта образность лживая. В природе всякий предмет ясен, однако ничто не существует в полном независимом одиночестве. В произведении Макферсона как раз наоборот: каждый предмет... выделен, обособлен, смещен, умерщвлен — однако ничто не ясно. Так всегда получается, если слова подменяют предметы. Сказать, что такие характеры никогда не могли существовать, что такие нравы невозможны и что даже в сновидении мы обнаружим больше вещественности, чем в обществе, как оно там описано, — это значит воздать Макферсону по заслугам».¹³⁷

Конечно, Вордсворт в раздражении несколько преувеличивал литературные прегрешения Макферсона: это была реакция на былые неумеренные восторги. Главное же, что содержалось в его протесте, соответствовало истине. Сближение литературы с действительностью за прошедшие полвека оказалось роковым для Оссиана. То, что в середине XVIII в. было встречено как откровение, теперь воспринималось как искусственная надуманная риторика: «... слова подменяют предметы». Это звучало как приговор. И оссианическая мода мало-помалу шла на убыль во всех

vol. XIV, N 1, p. 36—41, 52; Okun Henry. Ossian in painting. — Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1967, vol. XXX, p. 327—356. См. также каталог международно́й выставки: Ossian und die Kunst um 1800. München, 1974.

¹³⁴ См.: Schnabel B. Ossian in der schönen Litteratur England's bis 1832. Mit Anschluss der sogenannten «Englischen Romantiker». — Englische Studien, 1897, Bd XXIII, S. 366—401; Dunn J. J. The role of Macpherson's Ossian in the development of British romanticism. Duke university, 1966 (диссертация, машинопись).

¹³⁵ См.: Wilmsen F. Ossian's Einfluss auf Byrons Jugendgedichte. — Ztschr. für vergleichende Litteraturgeschichte, 1904, n. F., Bd XV, H. 1—2, S. 119—146.

¹³⁶ Письмо к А. Сьюард (Lockhart J. G. The life of Sir Walter Scott. London, 1896, p. 128).

¹³⁷ Wordsworth W. The poetical works. Complete in one vol. Paris, 1828, p. 12.

странах, что дало повод Ипполиту Тэну иронизировать: «Оссиан вместе с Оскаром, Мальвиною и всей своей ратью обошел Европу, а кончил тем, что к 1830 г. сделался чем-то вроде набора имен для гризеток и парикмахеров».¹³⁸

Во второй половине XIX в. поэмы Оссиана были уже прочно забыты. Увлечение ими, которое испытал Уолт Уитмен, — факт исключительный,¹³⁹ другого такого примера мы не найдем. Даже на родине Макферсона критик с грустью констатировал: «... среди тысячи англичан или шотландцев средней литературной культуры (если только они не горцы) вы не встретите ни одного, кто бы прочел страницу Оссиана... Макферсоновского Оссиана не читают; отчасти им восхищаются те очень немногие, кто все же прочел его, а называют его „чушь“ сотни... и в их числе, я полагаю, большинство тех, кого считают современными глашатаями культурного мнения».¹⁴⁰

В XX в. в странах английского языка не вышло ни одного нового издания «Поэм Оссиана», в лучшем случае перепечатывались старые для научных целей.¹⁴¹

И все же макферсоновского Оссиана нельзя забывать. Это было одно из великих художественных открытий, продвинувших вперед мировую литературу. В 1866 г. английский поэт и критик Мэтью Арнольд, выступая с лекциями о кельтской литературе, воскликнул: «Лесистый Морвен, и гулковзвучная Лора, и Сельма с ее безмолвными чертогами! — им мы все обязаны воздать долг благодарности, и когда мы станем столь несправедливы, что позабудем их, пусть нас самих позабудет муза!».¹⁴²

Конечно, сейчас уже едва ли кто-нибудь станет лить слезы над Оссианом, подобно Вертеру. Но много ли вообще найдется во всем мире таких литературных произведений, которые продолжают волновать читателей по истечении веков? Их буквально считанные единицы, но ими далеко не исчерпывается сокровищница мировой литературы. Существует немалое число в подлинном смысле слова литературных памятников, отмечающих важные вехи на пути духовного развития человечества. Одним из таких по праву являются «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона.

¹³⁸ Taine H. Histoire de la littérature anglaise, t. IV. Paris, 1905, p. 209.

¹³⁹ См.: Carpenter F. I. The vogue of Ossian in America: a study in taste. — American literature, 1931, vol. II, N 4, p. 413—417.

¹⁴⁰ Blackie J. S. The language and literature of the Scottish Highlands. Edinburgh, 1876, p. 196.

¹⁴¹ Показательно, что единственные текстологически комментированные издания «Отрывков» и «Поэм Оссиана» вышли не в Великобритании, а в Германии. Их подготовил Отто Йиричек, профессор английской филологии, энтузиаст, который посвятил этому делу всю свою жизнь и умудрился выпустить их в годы двух мировых войн: James Macpherson's Fragments of ancient poetry (1760). In diplomatischem Neudruck mit den Lesarten der Umarbeitungen, herausgegeben von Otto L. Jiriczek. Heidelberg, 1915; James Macpherson's Ossian. Faksimile-Neudruck der Erstausgabe von 1762/63 mit Begleitband: Die Varianten. Herausgegeben von Otto L. Jiriczek. Bd I—III. Heidelberg, 1940.

¹⁴² Arnold M. The complete prose works, vol. III. Ann Arbor, 1962, p. 370—371.

Ю. Д. Левин

ОССИАН В РОССИИ

Макферсон утверждал, что владения древних кельтов простирались на восток до устья реки Обь (Обу, как он писал) в России (см. выше, с. 6). Поэтому если до него дошли сведения, что слава его Оссиана достигла этой далекой от Шотландии страны, что его поэмы переводятся на русский язык, он, вероятно, считал это вполне естественным. А такие сведения он мог получить: творения шотландского барда стали известны в России еще при жизни Макферсона.¹

Впервые они были упомянуты в русской печати еще в 1768 г. в опубликованной речи о происхождении европейских университетов, которую произнес правовед, в то время магистр, а в недалеком будущем профессор Московского университета И. А. Третьяков (1735—1776). Говоря о значении истории как науки, оратор указывал на ее народные корни, ибо она «от предания свое ведет начало; тому неоспоримым доказательством суть выходящие в свете остатки такого древнего предания, которого и язык уже немногим известен». К этому месту было добавлено примечание: «В Англии недавно вышла книга, в которой содержится предание некоторого преддревнего героя Фингала (Fingal's Epic Poem); сказывают, что сие предание продолжалось от рода в род чрез множество веков. И наконец, один британец, которому галлической язык природной, собранное от читающих изустно на подлиннике стихами, перевел прозою на аглицкой язык».²

¹ Общие работы о судьбе поэзии Оссиана в России: Введенский Д. И. Этюды о влиянии оссиановской поэзии в русской литературе. Нежин. 1916. 111 с. (ниже в ссылках: Введенский); Маслов В. И. Оссиан в России. (Библиография). Л., 1928. 65 с.; Иезунтова Р. Поэзия русского оссианизма. — Рус. лит., 1965, № 3. с. 53—74 (ниже в ссылках: Иезунтова); Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII—первая треть XIX века). Л., 1980. 206 с. (ниже в ссылках: Левин). Dukes P. Ossian and Russia. — Scottish literary news, 1973, v. III, N 3. p. 17—21 (Ossian number); Barratt G. R. The melancholy and the wild: a note on Macpherson's Russian success. — In: Studies in eighteenth-century culture, v. III. Cleveland—London, 1973, p. 125—135 (статья изобилует неточностями и опечатками).

² Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных издвигениях, в публичном собрании имп. Московского университета...

Не совсем, правда, ясно, кому принадлежит цитированное примечание: Третьякову или его товарищу, тоже юристу и профессору Московского университета С. Е. Десницкому (ум. 1789),³ но это не так уже существенно. Оба они с 1761 по 1767 г. завершали свое образование в университете Глазго, т. е. находились в Шотландии как раз тогда, когда «предание некоторого предревнего героя Фингала» было у всех на устах, вызывало восторги и споры. И неудивительно, что, вернувшись на родину, они поспешили сообщить об этом своим соотечественникам.

И все же, как ни замечательно само по себе сообщение о «Фингале», появившееся в русской печати всего лишь через шесть лет после опубликования поэмы Макферсоном, в истории русского оссианизма оно — любопытный факт, не более. Сомнительно, чтобы слушатели или читатели речи обратили на него серьезное внимание и получили по нему какое-либо представление о поэзии Оссиана. К тому же русская литература 1760-х годов, в которой господствовал классицизм просветительского толка с его рационализмом, убежденностью, что в основе своей действительность разумна, а конечное торжество разума неизбежно, эта литература еще не была готова к восприятию оссиановской поэзии. Оссиан начал проникать в нашу литературу позднее, в русле сентименталистских и преромантических веяний, которые смогли получить распространение лишь тогда, когда в стране создалась соответствующая идеологическая обстановка.

Перелом, как известно, в России начался в 1770-е годы. Устои дворянского мировоззрения были поколеблены социальными потрясениями, центральным событием которых явилась грандиозная крестьянская война 1773—1775 гг., возглавленная Пугачевым. В передовых кругах русского образованного общества рушилась вера в рациональность общественного устройства и мирового порядка вообще, возникало разочарование в идеале просвещенного абсолютизма, который на практике оказался самодержавно-бюрократической монархией, антинародной в своей сущности. Неприятие действительности, екатерининско-потемкинской деспотии приводило людей, которые по тем или иным причинам не могли или не хотели с нею бороться, к попытке уйти от социальной жизни в природу, в мечту, в мир субъективных эмоций. Так создавалась идейная почва для русского сентиментализма.

В поисках противодействия классицизму и рационализму, утратившим безоговорочное господство в литературе и эстетике, основоположники русского сентиментализма обращались главным образом к английской и немецкой литературам. Именно с середины 1770-х годов начинается в России увлечение английской сентименталистской и преромантической

говоренное оно же университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором Иваном Третьяковым. 1768 года апреля 22 дня. [М., 1768], с. 5.

³ В библиотеке университета Глазго обнаружен экземпляр «Слова...» с надписью предположительно Десницкого о том, что оно только «говоренное» Третьяковым, а сочинено автором надписи (см.: Браун А. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете (1761—1767). — Вестн. Моск. ун-та. Сер. IX. История. 1969, № 4, с. 84—86).

поэзией.⁴ Первыми становятся известны поэмы Эдуарда Юнга, позднее — Джеймса Томсона, а затем и Оссиана.

Есть основания полагать, что в определенных кругах просвещенного дворянства уже во второй половине 1770-х годов были замечены ранние французские переводы поэм Оссиана. М. Н. Муравьев, один из основоположников русского сентиментализма, сообщал отцу 15 августа 1777 г., что княжна Е. С. Урусова «хочет переводить... небольшие отрывки поэм, переведенных на французский с древнего галлического языка в Шотландии».⁵ Это намерение, однако, не было, по-видимому, осуществлено: о переводах Урусовой из Оссиана нет никаких сведений.

Первые отрывки из Оссиана и само имя шотландского барда попали в русскую печать в переводе романа Гете «Die Leiden des jungen Werthers» (1774), опубликованном анонимно под заглавием «Страсти молодого Вертера» в 1781 г.⁶ Здесь, в одном из писем Вертера, русские читатели встречали его восторженный отклик на поэзию Оссиана (см. выше, с. 495), отклик, в котором Гете сумел передать и образную систему и эмоционально-нравственный пафос оссианизма.⁷ И как бы ни был несовершенен перевод Ф. Галченкова, читатели могли по нему составить некоторое представление об оссиановской поэзии. Правда, дойдя до «Песен в Сельме», включенных в роман почти полностью (Вертер читает Шарлотте свой перевод), русский переводчик урезал их до одной страницы, оставив лишь конец рассказа Армина. Такое сокращение вызвало упрек рецензента «Санктпетербургского вестника» (вероятно, им был сам издатель журнала Г. Л. Брайко), который заметил: «Места из Оссиана, видно, в рассуждении их трудности г. переводчик оставил непереуверенными», и далее привел собственный перевод начала «Песен в Сельме».⁸ Упрек этот знаменателен: он показывает, что в начале 1780-х годов в России уже существовал некий круг читателей (хотя, конечно, еще узкий), которые интересовались Оссианом и знакомились с ним, если не прямо, то через «Вертера» или через французские и немецкие переводы.

Шотландский бард в их представлении объединялся с поэтами-сентименталистами. В программном стихотворении Н. М. Карамзина «Поэзия» (1787), где объявлялось, что «Британия есть мать поэтов величайших», Оссиан, Юнг и Томсон (с добавлением Шекспира и Мильтона) соседствовали рядом. А через несколько лет писатель совсем иного социального круга и положения — крепостной интеллигент, отданный в солдаты за попытку бегства, Николай Смирнов, — излагая характерную для сентиментализма мечту об уединенном существовании, писал: «Я отрекся бы

⁴ См. нашу статью «Английская поэзия и литература русского сентиментализма» (в кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970).

⁵ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 273—274.

⁶ См.: Маслов В. К вопросу о первых русских переводах поэм Оссиана — Макферсона. — В кн.: Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 194—198 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности АН СССР, т. С1, № 3).

⁷ См.: Страсти молодого Вертера, ч. II. Переведена с немецкого [Ф. Галченковым] изданием Е. В. СПб., 1781, с. 174—176. — Об этом переводе см.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981, с. 35—40.

⁸ Санктпетербургский вестн., 1781, ч. VII, февр., с. 144.

от общества, врага истинных утех, и ожидал бы спокойно в пещере сей конца жизни, меня удручающей. Собеседники мои здесь были бы Оссиан, Юнг, Томсон, Геснер и Линней... Грусть и уныние были бы дражайшими моими подругами, и скоро бы смерть примирила меня со счастьем».⁹ Особенно часто меланхолический Оссиан сочетался с «певцом могил» Юнгом. В стихотворении «Сила гения» (1797) М. Н. Муравьев писал, что «воспитанник» гения (т. е. носитель божественного вдохновения)

Услышит *Духа бурь* во песнях Оссиана
Иль с Юнгом, может быть,
Он будет слезы лить.¹⁰

Появление русского перевода Оссиана относится к концу 1780-х—началу 1790-х годов. В это время несколько русских литераторов начинают независимо друг от друга приобщать к новому поэтическому миру своих соотечественников. В 1788 г. Александр Иванович Дмитриев (1759—1798), брат поэта И. И. Дмитриева и друг Н. М. Карамзина, известный своими переводами с французского, перевел из сборника «Избранные эрские сказки и стихотворения» (1772; см. выше, с. 496) десять из четырнадцати оссианических фрагментов и издал их отдельной книжкой.¹¹

Начало было положено, и в 1791 г. Карамзин публикует в своем «Московском журнале» «Картона» и «Сельские песни».¹² В следующем году в журналах появились новые публикации. Сентименталист В. С. Подшивалов перевел «Дартулу»,¹³ переводчик И. С. Захаров — ту же поэму и «Ойну-Моруль».¹⁴ И тогда же вышло полное двухтомное издание поэм Оссиана в переводе Е. И. Кострова,¹⁵ которому принадлежала основная заслуга в распространении известности и славы Оссиана в России.

В истории русской литературы Ермил Иванович Костров (ок. 1750—1796) является весьма симптоматичной фигурой. Как писал о нем Г. А. Гуковский, «он чрезвычайно чутко и быстро реагировал творчески на новые явления искусства, отчетливо улавливал художественные веяния времени и в краткий срок — менее одного десятилетия — совершил эволюцию, последовательно отразившую основные этапы развития русской литературной культуры второй половины XVIII в.»¹⁶ Этапами творческого пути Кострова были барочные «похвальные» оды в стиле Ломоносова, затем классический перевод «Илиады» александрийским стихом и, наконец, преромантический Оссиан.

⁹ Даурец Номохон [Смирнов Н. С.]. Вечер на горе Могое. — Приятное и полезное препровождение времени, 1794, ч. IV, с. 318.

¹⁰ Аониды, 1797, кн. II, с. 125.

¹¹ Поэмы древних бардов. Перевод А. [И.] Д[митриева]. На ижд[ивении] П. [И.] В[огдановича]. СПб., 1788. 64 с.

¹² Моск. журнал, 1791, ч. II, кн. 2, с. 115—147; ч. III, кн. 2, с. 134—149.

¹³ Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1792, ч. V, с. 14—51.

¹⁴ Зритель, 1792, ч. II, июнь, с. 145—152; июль, с. 184—215.

¹⁵ Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские (иначе эрские, или ирландские) стихотворения, переведены с французского Е. Костровым, ч. I, II. М., 1792, LXXIV, 75—363, 264 с.

¹⁶ История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 462.

ПОЭМЫ
ДРЕВНИХЪ
БАРДОВЪ.

переводъ А. Д. . . .

изъ изд. П. Б.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ,

съ дозв. указн. 1766 года.

«Поэмы древних бардов» (1788)
Титульный лист

В таком обилии архаизмов и церковнославянизмов проявилось сознательное стремление Кострова к «высокому стилю», как его в свое время определил Ломоносов.

С первых же строк повествование велось в величаво торжественном тоне: «Бесстрашный *Кушуллин* сидел пред вратами *Туры* при корени шумящего ветвями древа. Его копие стояло, уклонясь к твердому и мхом покрытому камени. Его щит покоился близ его на злачном дерне. Его воображение представляло ему в мечтах *Каирбара*, героя, пораженного им в сражении, как вдруг *Моран*, посланный бодрствовать над океаном, возвращаясь, возвещает ему об успехе своих недремлющих очей.

„Востани, *Кушуллин*, востани, — рек юный ратчик: — я зрел корабли *Сварановы*. *Кушуллин!* сопостаты многочисленны: мрачное море стремится на берег сонмы героев“, и т. д.¹⁷ Так начинается «Фингал». И этот тон сохраняется до конца перевода.

Свой перевод Костров создавал по французскому переводу Летуэрнера, поскольку из новых западных языков он владел только французским, а перевод Летуэрнера был в то время единственным полным на этом языке. Конечно, стремление французского переводчика несколько «пригладить» живописность макферсоновских образов и, с другой стороны, «улучшить» их за счет риторических фигур отразилось и в тексте Кострова. Тем не менее было бы неверно ставить знак равенства между двумя переводами — французским и русским. Следуя русской классической традиции и причисляя поэмы Оссиана к высокому эпосу, Костров добивался их стилистической возвышенности за счет широкого применения архаических славянизмов. На страницах «Гальских стихотворений» постоянно встречаются слова: *бранносец, дочь, чадо, власы, рамена, перси, глас, криле, древо, елень, ловитва, пагуба, синета (синева), воззреть, вострепетать, вещать, рещи (говорить), течь (итти), простижаться (двигаться вперед), надмить (надувать), изъязвить (ранить), почто, зане, паки, сей, оный* и т. п.

¹⁷ Оссиан, сын Фингалов. . . ч. I, с. 78.

Несомненно, что такая стилистическая приподнятость служила уже созданию не классического, но романтического колорита, передаче сумрачного настроения «песен» Оссиана, их эмоциональной напряженности. И она немало способствовала успеху перевода Кострова. Полководец А. В. Суворов, которому Костров посвятил свой труд, ответил ему благодарственным стихотворным посланием, заключая которое, особенно подчеркнул стиль перевода:

Виргилий и Гомер, о! естли бы восстали,
Для превосходства бы твой важный слог избрали.¹⁸

Слава костровской версии Оссиана утвердилась настолько, что спустя двадцать лет Н. И. Греч решительно заявил: «Перевод Кострова несравненно лучше подлинника».¹⁹ И еще через десятилетие А. А. Бестужев писал: «Проза *Кострова* в переводе Оссиана и донныне может служить образцом благозвучия, возвышенности».²⁰

Костров ознакомил своих соотечественников не только с поэмами Оссиана, но и с обширным предисловием, также заимствованным из издания Летуэрнера, где французский переводчик на основании «рассуждений» Макферсона и Блэра составил очерк истории и этнографии «цельтов» и «каледонян», воспетых Оссианом. Здесь провозглашались новые философские и эстетические принципы, объявлялись важными «мнения, мысли, обычаи, склонности, страсти и увеселения какого-нибудь народа, исходящего, так сказать, из рук созидающей природы», т. е. непросвещенного. Шотландский бард уподоблялся Гомеру, ибо «тот и другой в сочинениях своих имели образцом природу». Но этим следованием природе — своей у каждого — объясняется и различие двух народных певцов, поскольку «стихотворения Гомеровы и Оссиановы имеют на себе знаки и, так сказать, печать различного свойства своих народов».²¹ Таким образом, не только в художественную практику Кострова проникали романтические идеи, но он передавал их и в прямом теоретическом выражении.

Можно утверждать, что перевод Кострова явился основной базой русского оссианизма. Прозаические переводы макферсоновских «Поэм Оссиана» после него в сущности прекратились. Какие-нибудь появившиеся в начале XIX в. отдельные публикации никому не известных переводчиков вроде Петра Война-Куренского или Якова Лизогуба носили случайный характер и не могли сколько-нибудь серьезно противопоставить переводу Кострова. Внимание переводчиков-прозаиков привлекали скорее сборники «оссианидов» — Эдмунда фон Гарольда и Джона Смита²² —

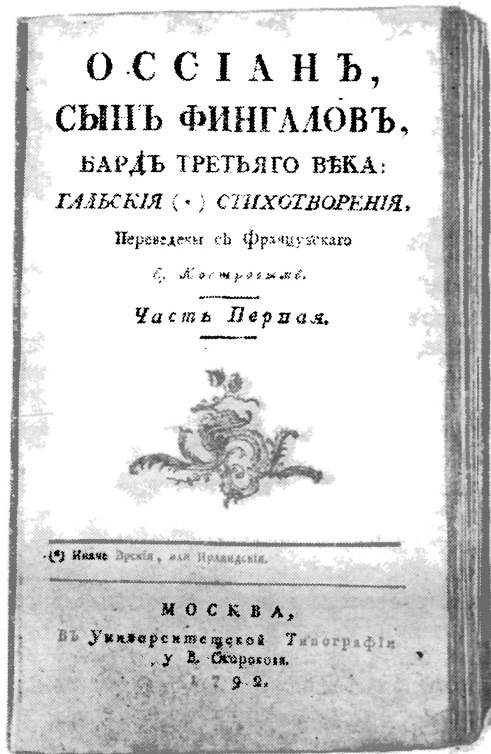
¹⁸ Собрание анекдотов графа Суворова и писем, им самим и к нему от разных лиц писанных... М., 1810, с. 58.

¹⁹ Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. Изд. Николаем Гречем. СПб., 1812, с. 437.

²⁰ Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в России. — Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823, с. 12.

²¹ Оссиан, сын Фингалов... ч. I, с. XXVI, LIX.

²² См.: Стихотворения Оссиана, сына Фингалова, барда III века; найденные и изданные в свет г-ном Гарольдом. Перевод с немецкого [Р. Ф. Тимковского]. М.,

«Оссиан, сын Фингалов.
Гальские стихотворения» (1792)
Титульный лист части I

как героиня «предается... удовольствием чтения песней Оссиановых», который «томит и возвышает душу» Юлии, мечтающей подражать его воинственным девам,²⁵ то несомненно, что писатель-сентименталист отразил характерное явление культурной жизни своего времени.

1803, 320 с.; Стихотворения эрские или ирландские, то есть: Поэмы Оссиана, Оррана, Уллина и Ардара, вновь собранные в некоторой части западной Шотландии и изданные в свет г. Смитом, кои на российской язык г. Костровым переведены еще не были. Перевел с французского Семен Филатов. Ч. I—III, СПб., 1810, XVI, 182, 169, 176 с. — См. также прозаические переводы отдельных поэм из сборника Гарольда в «Иппокрене» (1801, ч. IX, с. 353—358. — Утренняя песнь барда Длоры) и в «Новостях русской литературы» (1803, ч. V, с. 280—285, 289—300, 305—307. — Песни Тарские).

²³ А. Х. [Ханенко А. И.]. О похвалах у всех первых народов. — Приятное и полезное препровождение времени, 1796, ч. X, с. 81.

²⁴ Тимковский и Е. Ф. Воспоминания. Киев, 1894, с. 19.

²⁵ Новости, 1799, кн. 3, июль, с. 258—259.

именно потому, что Костров их не переведил. В 1818 г. «Гальские стихотворения» Кострова были переизданы.

«Кому из любителей российской литературы неизвестен теперь *Оссиан*?» — говорилось в середине 1790-х годов в одном из московских журналов.²³ Такой риторический вопрос имел вполне определенный смысл. Перевод Кострова сделал шотландского барда доступным каждому грамотному русскому человеку, и читатели самых различных общественных слоев увлекались им. Костров недаром посвятил перевод Суворову. Оссиан стал любимым чтением великого полководца. А вот читатель иного социального круга. Будущий востоковед Е. Ф. Тимковский (1790—1875) вспоминал в конце жизни, как, будучи 10—11-летним учащимся, он со старшим братом зачитывались костровским переводом, «бесподобные отрывки произносились на память, и мы с братом знали наизусть почти всего Оссиана».²⁴ И когда Павел Львов в «истинно русской повести» «Александр и Юлия» показал,

Оссиан стал широко известен, и разнообразные оссиановские реминисценции, которые встречаются в русской литературе этого времени, будь то «восторженный нежносердый сын Фингалев», кому являлись «герои Сельмские», или «мрачные песни шотландского барда», о которых напоминает грустный осенний пейзаж,²⁶ или иные подобные, все они предназначались для читателей, кому поэзия Оссиана была уже знакома и близка.

Одним из первых русских писателей, в чьем творчестве отразилось воздействие оссиановской поэзии, был крупнейший русский поэт конца XVIII в. Гаврила Романович Державин.²⁷ В его оссианизме тесно переплелись два момента: идейный и эстетический. Общественное сознание Державина было потрясено крестьянской войной, которую он наблюдал лично, а затем — французской революцией. И он уже не мог, как его предшественники, воспевать безоблачное торжество монархической государственности. Военное величие России во второй турецкой войне рисовалось ему в трагических тонах. При этом он искал для своей поэзии новой образности, связанной с близкой ему северной природой. Все это вело его к Оссиану, а также к скандинавской поэзии, воспринятой через «Введение в историю Датскую» швейцарского ученого П.-А. Малле, которое вышло в русском переводе в 1785 г. и вызвало живой интерес в литературных кругах. Это переплетение оссианизма и скандинавизма как явлений типологически близких было характерно для русских prerомантических исканий на рубеже веков.²⁸

Первоначально Державин, видимо, познакомился с Оссианом по сборнику «Поэмы древних бардов» и уже в «Песни по взятии Измаила» (1790), написанной еще в ломоносовской традиции, в изображении русских воинов чувствуется влияние оссианической образности, которую сам Державин определял впоследствии в рассуждении «О лирической поэзии» как соединение мрачных картин и мужества, возбуждающее к героизму.²⁹ В оссианическом духе, например, выдержана 26-я строфа:

Уже в Евксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман,
Под ним плывут дремучи роши;
Средь них, как гор отломок льдян,
Иль мужа нека тень седал
Сидит, очам озирая;
Как полный месяц, щит его;
Как сосна, рывда обожженна;

²⁶ Приятное и полезное препровождение времени, 1796, ч. IX, с. 197; Иппокрена, или Утехи любословия, 1799, ч. III, с. 103.

²⁷ Вопрос об отношении Державина к Оссиану уже поднимался исследователями; см.: Державин Г. Соч. с объяснит. примеч. Я. Грота, т. I. СПб., 1864, с. 344, 354—355, 461—463, 473, 575—578; т. II, 1865, с. 270—273, 287; Замотин П. И. Романтизм двадцатых годов XIX стол. в русской литературе, т. I. Изд. 2-е, СПб.—М., 1911, с. 40—43; Введенский, с. 11—30; Пумпянский Л. В. Сентиментализм. — В кн.: История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 433.

²⁸ См.: Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л., 1980, с. 100—105.

²⁹ Державин Г. Соч., т. VII. СПб., 1872, с. 606.

Глава до облак вознесена,
Орел над шлемом у него.³⁰

Характерно, что священник, идущий впереди солдат, уподобляется Державиным барду, воодушевляющему воинов.

Оссианические черты обнаруживаются в оде «На взятие Варшавы» (1795), стихотворении «На кончину Ольги Павловны» (1795), позднее — в одах «На победы в Италии» и «На переход Алпийских гор» (1799); в последней шотландский бард прямо назван (см. выше, с. 448). А оду «На победы в Италии» Державин начинал строками:

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит:
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.

И, поясняя это место, поэт писал: «Древние северные народы, или варяго-руссy, возвещали войну и сбирались на оную по ударению в щит. А Валками назывались у них военные девы или музы».³¹ Здесь дева-воительница германской мифологии валькирия («Валка») соседствует с оссиановскими бардами и призывает на бой ударами в щит, как это делают вожди в поэмах Оссиана. Державин ошибался, называя Валку музoю. Но для нас примечательна его попытка обосновать единую поэтическую образную систему для всех северных народов, включая и «варяго-руссoв», т. е. предков русского народа, согласно распространенным в то время историческим теориям. И оссианизм являлся органической составной частью этой системы. Поэтому дальше в оде следуют взятые прямо из Оссиана звенящие «сто арф» и горящие «сто дубов», после чего является покрытая «белых волн туманом» тень Рюрика, который «пленяется певцами, поющими его дела».

В 1794 г. после смерти жены Державин стал переводить «Карик-туру»; в этой поэме Оссиана, в скорбной песне Шильрика о погибшей Винвеле он находил созвучие своим чувствам. И в его набросках песни «На смерть Пленеры» он описывал кончину своей героини, близко следуя изображению заходящего солнца в начале «Карик-туры». Но высшим проявлением оссианизма Державина по праву считается трагическая ода «Водопад» (1794), где тема могущества екатерининской державы воплощена в зловещей картине ночи, катастроф и страшных видений:

Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горни?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!³²

³⁰ Там же, т. I, с. 354—355.

³¹ Там же, т. II, с. 270—272.

³² Там же, т. I, с. 473.

Связь Державина с оссианизмом была ясна уже его современникам. Недаром Карамзин посвятил ему перевод «Сельмских песен». Позднее поэт Алексей Богословский в стихотворении «Лире русского Оссиана» представил Державина в символическом образе поэта Севера и торжественно вопрошал:

Иль древний бард то с лирой громкой
Бессмертный вечно Оссиан? ³³

Тем не менее генетически связанные с оссианизмом некоторые элементы поэтики Державина настолько органично вошли в его поэтическую систему, что впоследствии Гоголь мог с полным основанием заявить: «У него своя самородная, дикая, сверкающая поэзия, не оссиановская, не германская, не итальянская, текущая, колоссально разливаясь, как Россия». ³⁴

Иной характер носил оссианизм Карамзина, который знакомился с поэзией шотландского барда по английскому тексту Макферсона еще в юношеском возрасте. В двадцать два года он писал восхищенно: «О дабы мечты мои уподобились некогда мечтам Омировым и Оссиановым... которых песни поныне суть источники пользы и удовольствия для смертных, посвященных в мистерии Поэзии!» ³⁵ Европейское путешествие 1789—1790 гг. Карамзин совершил, когда его воображение, как он сам признавался, было «наполнено Оссианом». ³⁶ Так, в частности, размышляя о непрочности человеческих завоеваний, он восклицал: «Оссиан! ты живо чувствовал сию плачевную судьбу всего подлунного и для того потрясашь мое сердце унылыми своими песнями!» ³⁷ Эта мысль о бренности и обреченности всего земного Карамзину особенно близка. Утрата веры в необратимость прогрессивных завоеваний и как следствие отказ, хотя бы декларативный, от активной общественной деятельности, уход в мир эмоций питали его сентиментализм вообще и, в частности, его оссианизм. Не битвы, не героические подвиги, но картины природы привлекают Карамзина в «Оссиановых песнях». Их достоинства, как указывал он в «Предуведомлении» к «Картону», состоят «в неподражаемой прекрасной простоте, в живости картин из дикої природы, в краткости, в силе описаний и в оригинальности выражений, которые, так сказать, сама натура ему представляла». ³⁸

Карамзин деятельно пропагандировал поэзию Оссиана. В издававшихся им журналах, помимо упомянутых уже собственных его прозаических переводов, печатались стихотворные переложения И. И. Дмитриева, В. В. Капниста, П. С. Кайсарова, М. М. Вышеславцева. В его творчестве 1790-х—начала 1800-х годов обнаруживаются следы влияния поэзии шот-

³³ Сев. Меркурий, 1810, ч. V, № 15, с. 175.

³⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII. [М.—Л.], 1952, с. 538.

³⁵ Прогулка. — Детское чтение для сердца и разума, 1789, ч. XVIII, с. 167—168.

³⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. М., 1980, с. 526.

³⁷ Там же, с. 303.

³⁸ Моск. журнал, 1791, ч. II, кн. 2, с. 117.

ландского барда.³⁹ Здесь и дикий оссианический пейзаж в «древней балладе» «Раиса» (1791), и переодевание героини в мужские воинские доспехи в повести «Наталья, боярская дочь» (1792), и отзвуки макферсоновской образности в описаниях Симонова монастыря («Бедная Лиза», 1792) или бури и битвы («Марфа Посадница», 1803). Наконец, Карамзин неоднократно упоминает и само имя Оссиана для обозначения заимствованных у него выражений, будь то пиршественная «чаша радости» («Людор»), или «сын опасности и мрака» («Наталья, боярская дочь»), или «тесный домик» (т. е. могила — «Рыцарь нашего времени»).

Но эти отголоски оссиановских мотивов носят у Карамзина подчас внешний характер. Не случайно оссиановские реминисценции даются у него нередко в шутовском тоне, вводятся в произведение, написанное в иной стилистической манере. А в «Дремучем лесе» (1795) само имя барда включено в литературную игру.⁴⁰

Автору «Бедной Лизы» был близок главным образом оссианический психологизм, меланхолическая тональность «Поэм», г. е. то, что объединяло их с сентиментализмом вообще. В стихотворении «Поэзия» (1787) он подчеркивал, что, хотя «песни Оссиана» «настраивают нас к печальным представлениям; но скорбь сия мила и сладостна душе» (см. выше, с. 447). Упоение сладостной скорбью, та самая «радость скорби», что пронизывает поэмы Оссиана, — в этом состоял эмоциональный пафос сентиментализма самого Карамзина и его последователей, влекший их к шотландскому барду. К той же мысли он возвращался в «Предупреждении» к переводу «Картона», где писал об Оссиане: «Глубокая меланхолия — иногда нежная, но всегда трогательная, — разлившаяся во всех его творениях, приводит читателя в некоторое уныние; но душа наша любит предаваться унынию сего рода, любит питать оное, и в мрачных своих представлениях сама себе нравится».⁴¹

Со временем, однако, Карамзин, видимо, охладил к былому кумиру. В 1798 г. он перевел для «Пантеона иностранной словесности» из «Magasin encyclopédique» статью «Оссиан», посвященную французскому переводу сборника Джона Смита. Автор статьи, признавая достоинства поэзии шотландского барда, ее трогательность, в то же время указывал на основной ее порок — унылое однообразие: «... беспрестанное повторение одних чувств, одних картин скоро утомляет... Основание и подробности сих гимнов всегда единообразны, и читатели, имеющие вкус, не должны уподоблять их таким творениям, в которых соединяются красоты и чувства всякого роду».⁴² К такому мнению, очевидно, приближался и сам Карамзин в пору зрелости, коль скоро переводил он вольно, сообразуясь со своими взглядами.⁴³

³⁹ См.: Маслов В. И. Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928.

⁴⁰ Подзаголовок: «Сказка для детей, сочиненная в один день на следующие заданные слова: балкон, лес, шар, лошадь, хижина, луг, малиновый куст, дуб, Оссиан, источник, гроб, музыка» (Карамзин Соч., т. III. СПб., 1848, с. 69).

⁴¹ Моск. журнал, 1791, ч. II, кн. 2, с. 117.

⁴² Пантеон иностранной словесности, 1798, кн. I, с. 201—202.

⁴³ См.: Кафанова О. Б. О статье Н. М. Карамзина «Оссиан». — Рус. лит., 1980, № 3, с. 160—163.

Тем не менее приверженность его к Оссиану прочно вошла в сознание современников, и близкие ему эмоции выражались в произведениях других русских сентименталистов. Они услаждались дикими мрачными пейзажами, меланхолическими песнопениями. Племянница М. М. Хераскова Александра Хвостова в «отрывке» «Камин» (1795) в мечтах уносится «в дремучие леса и грозные горы Шотландии». «Там... — представляет она себе, — ищу на песке следов храброго войска Фингалова; сижу с его героями вокруг горящего пня дубового; внимаю победоносному бардов пению и ловлю в воздухе унылый звук печальных песней Оссиана».⁴⁴

С легкой руки Хвостовой воображаемые полеты в дикую Шотландию на поиски Оссиана и его героев становятся своего рода бродячим сюжетом сентименталистов. Они встречаются и в очерке некоего Ф. Ф. «Тень Оссиана», и в «Подражании Оссиану» князя Федора Сибирского, и в медитациях П. Ю. Львова «Сельское препровождение времени».⁴⁵ А П. И. Шаликов, в чьем творчестве сентиментализм карамзинского толка был доведен до слащаво-эпигонской крайности, в послании «К другу» ссылаясь на пример Хвостовой и тоже мысленно переносился в древнюю Шотландию. «...грозные скалы, — писал он, — дикие леса, мрачные облака, свирепые ветры, бурные ночи, шумное море в песнях Оссиана доставляют несказанное удовольствие моему воображению. Отчего это? верно оттого, что ужас имеет в себе что-то весьма приятное».⁴⁶

Из сентименталистской прозы мотив воображаемого полета в край Фингала перешел в раннюю романтическую поэзию, хотя приобрел здесь уже новый характер: теперь он позволял раскрыть героический аспект темы.⁴⁷ В сентименталистской же интерпретации этот аспект нередко отступал на задний план и даже вовсе исключался, заслоняемый меланхолической чувствительностью. Между тем именно сентиментальная трактовка отличает наиболее значительное, наиболее масштабное произведение русского оссианизма — трагедию В. А. Озерова «Фингал» (1805).

В основу трагедии был положен вставной эпизод из книги III одноименной поэмы Оссиана — Макферсона, соответствующим образом преобразованный; при этом героиня Агандека получила более благозвучное и удобное для русского стиха имя Моина. Опираясь на оссиановский сюжет, Озеров создавал классическую по внешней форме трагедию. Преромантический Оссиан легко осваивался классицизмом, чему способствовали и некоторая абстрактность повествования, и психологический схематизм, и идеализация героических персонажей, и отсутствие бытового реализма. В то же время Озеров не был ортодоксальным классиком, и его отход от классицизма состоял не только в формальном ограничении трагедии тремя актами, но в попытке, весьма еще робкой, правда, придать ей историческую и психологическую достоверность. Сочиняя своего «Фин-

⁴⁴ Приятное и полезное препровождение времени, 1795, ч. VI, с. 73—74.

⁴⁵ См.: Муза, 1796, ч. II, май, с. 163; Ишпокрена, или Утехи любословия, 1799, ч. III, с. 203—204; 1801, ч. IX, с. 66—68.

⁴⁶ Ишпокрена, или Утехи любословия, 1799, ч. I, с. 309.

⁴⁷ См. включенные в настоящее издание отрывки из стихотворений К. Н. Батюшкова, Н. И. Гнедича и Н. М. Языкова.

гала», он стремился воссоздать обычаи, нравы, обряды древних кельтов и скандинавов, обстановку их жизни, для чего внимательно изучал «рассуждения» Макферсона и «Введение в историю Датскую» Малле.⁴⁸ Разумеется, «историческая верность» при изображении легендарных царств была весьма условной, но для нас в данном случае важна сама осознанная тенденция драматурга. Созданный им национально-исторический колорит придавал трагедии в глазах современников, как свидетельствовал А. Ф. Мерзляков, «какую-то меланхолическую занимательность».⁴⁹

Той же «меланхолической занимательности» добивался Озеров и при изображении внутренней жизни своих героев. Место «чистых», абстрактных страстей, раскрытию и противоборству которых посвящалась классическая трагедия, заняли чувства, лирические излияния Фингала и Моины. Они пассивны, страдательны, но тем самым вызвали в зрителях сочувственную жалость, на которую, видимо, и рассчитывал Озеров. Такой эмоциональный эффект трагедии не противоречил оссиановской поэзии с ее доминирующей скорбной тональностью. Но Озеров воспринял Оссиана односторонне. Героика битв, суровая дикость характеров отошли на задний план, превратились в своеобразный экзотический фон. О них лишь вспоминают барды в песнях, да герои в своих раздумьях о прошлом, весьма напоминающих мечтательные полеты воображения писателей-сентименталистов. Лейтмотивом трагедии стала лирическая тема любви Фингала и Моины, любви, обреченной на роковой исход.

Конечно, молодой Белинский преувеличивал, когда утверждал в «Литературных мечтаниях», будто бы Озеров «из Фингала сделал аркадского пастушка»,⁵⁰ но несомненно, что под пером драматурга оссиановский могучий «король щитов», воин и полководец, претерпел значительные изменения, во многом утратил героические черты. Сама же трагедия явилась грандиозной элегией, написанной к тому же мелодичными стихами и украшенной театральными эффектами: хорами, пантомимой, балетом. И это обусловило ее успех, ибо отвечало вкусам и запросам публики. По свидетельству современника, весь Петербург знал наизусть монолог Моины «В пустынной тишине, в лесах среди свободы. . .»⁵¹

Поставленная впервые в конце 1805 г., трагедия Озерова держалась на сцене полвека. Более того, в своей разработке оссиановской темы Озеров имел продолжателей. В 1825 г. была напечатана элегия молодого поэта М. П. Крюкова «Сетование Фингала над прахом Моины», где само имя оплакиваемой девы показывало, что автор шел не от Макферсона, а именно от Озерова, развивал его поэтические находки.

А годом раньше в Петербурге была поставлена «драматическая поэма» А. А. Шаховского «Фингал и Роскрана, или Каледонские обычаи», созданная на основе сюжетных мотивов «Комалы» и «Сражения с Каросом» и

⁴⁸ См.: Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815 гг.). Куйбышев, 1959, с. 179—186.

⁴⁹ Вестн. Европы, 1817, ч. XCIII, № 9, с. 47.

⁵⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 61.

⁵¹ См.: Зотов Р. Биография Озерова. — Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров, 1842, № 6, отд. II, с. 10.

служившая как бы продолжением озеровского «Фингала», поскольку здесь был показан следующий этап жизни героя (содержание пьесы см. ниже, с. 573). В то же время новая пьеса была внутренне полемична по отношению к своей предшественнице. Любовная тема утратила здесь былое господствующее положение, рядом с нею на равных правах утверждается героическая тема борьбы с иноземными захватчиками. Вероятно, справедливо мнение, что «пьеса проникнута намеками на события Отечественной войны».⁵² Показателен в этом отношении монолог Фингала в третьем явлении второго действия, обращенный к римскому воину Публию, которого он освобождает от плена, «Но вот что скажите вождю своему...» и т. д. (см. выше, с. 407). Тем самым драматическая интерпретация оссиановского сюжета обретала героическое и патриотическое звучание. Но, несмотря на это, пьеса Шаховского имела несравненно меньшее значение в истории русской литературы и театра, чем трагедия Озерова. Художественные достоинства ее были невелики, и она быстро сошла со сцены, тем более что русский оссианизм в это время уже шел на убыль.

При всей популярности «Фингала» Озерова следует признать, что основной формой усвоения Оссиана русской литературой была все же не драматургия, но поэзия. Первый опыт стихотворного переложения оссиановского сюжета принадлежал поэту-сентименталисту И. И. Дмитриеву. По любопытному совпадению он обратился к самому первому из оссиановских созданий Макферсона — рассказу об Оскаре и Дермиде, обнаруженному им в том же французском сборнике «Избранные эрские сказки и стихотворения», откуда его брат Александр черпал оссиановские фрагменты для прозаического перевода. Тяготевший в это время к повествовательным жанрам, И. И. Дмитриев создал чувствительную стихотворную повесть «Любовь и дружество» (1788), которую орнаментировал сентиментальными медитациями (вроде обращения к «священну дружеству») и завершил пасторальной сценой.

Стихотворение Дмитриева было создано и напечатано до появления перевода Кострова. Последний, как мы уже отмечали, в сущности положил конец прозаическим переводам макферсоновского Оссиана, а с другой стороны, стимулировал стихотворные переложения и подражания, для которых нередко служил исходным материалом. Впрочем, до конца XVIII в. стихотворные обработки оссиановских сюжетов были в русской литературе еще редкими, единичными явлениями. Регулярно они начали появляться в печати примерно с 1803 г. В 1811—1812 гг. число таких публикаций уменьшилось, что, возможно, было связано с издательскими трудностями военного времени. Но с 1814 г. стихотворные обработки поэм Оссиана следуют одна за другой и достигают наибольшего числа к концу 1810-х годов, после чего начался постепенный спад.

Если проследить, какие именно поэмы Оссиана — Макферсона привлекали русских поэтов, то бросается в глаза несомненная избирательность. Чаще всего они обращались к «Песням в Сельме» и «Картону», и это не

⁵² Гозенпуд А. А. Шаховской. — В кн.: Шаховской А. А. Комедии, стихотворения. Л., 1961, с. 59.

случайно. Обе поэмы при своем сравнительно небольшом объеме вобрали в себя как бы в концентрированном виде основные особенности и главные мотивы оссианической поэзии Макферсона. Стремительно развивающийся трагический сюжет (битва отца с сыном в «Картоне», рассказ Армина о гибели его детей в «Песнях в Сельме») сочетался здесь с разнообразными патетическими лирическими пассажами. Не случайно Карамзин предпринял перевод именно этих поэм. К «Песням в Сельме» обращались двенадцать русских поэтов, к «Картону» — одиннадцать. Не все они, правда, перелagали эти поэмы полностью. Первая из них имеет пять полных переложений, вторая — четыре. Из «Песен в Сельме» выделялся монолог Кольмы, обращение к вечерней звезде, сетования Армина; из «Картона» — рассказ Клессамора о его походе, песнь Фингала о падении Балклуты, гимн Солнцу. Следующее место по числу стихотворений (9) занимает приложение к поэме «Бератон», известное как «Плач Минваны над Рино». Привлекала внимание и сама поэма «Бератон». Правда, полное переложение было только одно (Н. Ф. Грамматина); четыре поэта, изъяв повествовательную часть, объединили начало и конец, где Оссиан вспоминает ушедшие годы, павших героев и прощается с жизнью, уповая на грядущую славу, и это представлялось читателям как «последняя песнь Оссиана». Остальные поэмы перелagались лишь в единичных случаях. Пять стихотворных переложений имеет вставной эпизод Морны из книги I «Фингала», по три — эпизод Комала и Гальвины из книги II «Фингала» и повесть об Оскаре и Дермиде. Только один поэт (Н. Ф. Грамматин) отважился на создание полного стихотворного переложения эпической поэмы «Темора», но не смог довести до конца свое предприятие. В отношении же «Фингала» не было даже таких попыток.

И еще одно обстоятельство обращает на себя внимание, когда мы рассматриваем весь комплекс русских стихотворных откликов на поэзию шотландского барда. Для подавляющего большинства русских поэтов обращение к Оссиану в той или иной форме было лишь эпизодом в их творческой биографии, не слишком продолжительным, как правило. В. Н. Олин, перелagавший Оссиана более десятилетия, или упоминавшийся уже Н. Ф. Грамматин, который занимался этим с юных лет до конца жизни, составляют исключение. Более того, для многих поэтов это обращение к Оссиану было не только эпизодическим, но относилось к началу их творческого пути (у некоторых даже с Оссианом было связано первое выступление в печати). Как это ни парадоксально, но престарелый шотландский бард стал любимым поэтом юношества (впрочем, и Макферсон был молод, когда создавал его образ и поэтический мир). В некоторых учебных заведениях почитание Оссиана становится традицией, сохраняемой на протяжении десятилетий. Особенно это относится к Московскому университетскому благородному пансиону, откуда вышли многие переводчики оссиановских поэм и создатели стихотворений на оссианические темы.

Юношеское увлечение Оссианом переживали самые разные поэты, отличавшиеся друг от друга и размерами дарования и творческими судь-

бами, и значением в истории литературы, и даже относившиеся к разным поколениям. Среди них не только гении Пушкин и Лермонтов, не только выдающиеся деятели русской литературы Н. И. Гнедич, К. Н. Батюшков, П. А. Катенин, Н. М. Языков, Д. В. Веневитинов, А. И. Полежаев, но и забытые ныне, известные лишь специалистам литераторы: А. П. Бенитцкий, Д. П. Глебов, А. А. Крылов, Ф. И. Бальдауф, В. Е. Вердеревский, В. Н. Григорьев, А. Н. Муравьев и многие другие. Свои оссианические стихотворения они создавали до 25 лет, а некоторые (в том числе Катенин, Пушкин, Лермонтов) — до 20. По-видимому, для этих поэтов первой трети XIX в. оссианизм служил некоей ступенью на их пути к овладению романтической поэтикой, что вполне согласуется с преромантическим характером этого явления.

Особое значение имел Оссиан для литературного освоения народного творчества. Мы уже отмечали связь оссианических поэм Макферсона с европейским преромантическим фольклоризмом. Порожденные этим движением, они одновременно способствовали его развитию. И в России творения легендарного шотландского барда попали в русло близких идей. Русские писатели в это время сами обратились к отечественному фольклору,⁵³ и поэмы Оссиана, осмыслявшиеся как воплощение народной поэзии Севера, становились тем самым близки для русских. Их художественные особенности и колорит — сочетание дикости и величия, мрачные, преимущественно ночные и туманные, пейзажи, скорбный меланхолический тон — все это распространялось на северную поэзию вообще, включая и русскую. Оссиан служил, таким образом, неким подспорьем при освоении русскими поэтами отечественного народного творчества. А это имело и обратное следствие: в родном фольклоре они искали формы для пересоздания поэм шотландского барда на русском языке. В конце XVIII—начале XIX в. крупнейшие русские поэты — Херасков, Радищев, Карамзин, Капнист — экспериментировали, стремясь воспроизвести в своем творчестве размеры народной поэзии. Со временем такие эксперименты захватили и стихотворные переложения поэм Оссиана. И первый опыт в этой области принадлежал В. В. Капнисту.

Обладая сравнительно скромным поэтическим дарованием, Капнист был, однако, поэтом ищущим. На его попытки использовать в поэзии «простонародные» стихотворные размеры влиял близкий ему литератор, художник и ученый Н. А. Львов, деятельный пропагандист сближения родной литературы с народным творчеством. Львов подал ему пример, когда извлек из датской истории Малле «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго» и переложил ее «на российский язык образом древнего стихотворения с примеру „Не звезда блестит далече во чистом поле...“»⁵⁴ Капнист сам признавался: «Пользуясь советами его (Львова, — Ю. Л.), перевел я небольшую поэму Оссиянову „Картон“, поместя в оной для сравнения как простонародными песенными, так и общеупотребитель-

⁵³ См.: Пыпин А. Н. История русской литературы, т. IV. СПб., 1907, с. 110—112; Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970, с. 226—247.

⁵⁴ Поэты XVIII века, т. II. Л., 1972, с. 211.

выми ныне размерами сочиненные стихи». ⁵⁵ Однако Капнист так и не решился опубликовать своего «Картона» целиком, и его опыт, весьма интересный для того времени, не оказал влияния на русских перелагателей Оссиана.

Среди сентименталистских исканий конца XVIII в., направленных на сближение русской литературы с фольклором, важное место занимает «Илья Муромец» Карамзина (1795) — первая сказочно-богатырская поэма, оставшаяся, однако, незавершенной. Написана она была перифростическим 4-стопным хореем с постоянной дактилической клаузулой, причем автор утверждал, что «мера» эта «совершенно русская» и что «почти все наши старинные песни сочинены такими стихами». ⁵⁶ Утверждение это, хотя и не вполне справедливое, отвечало потребностям времени. В пору, когда было широко распространено стремление реформировать литературу на фольклорной основе, был установлен размер, признанный национальным, народным. Его называли «русским стихом», «русским размером», «русским складом», вскоре он получил широкое распространение и применялся не только в сказочных поэмах («Бахарияна» М. М. Хераскова, 1803; «Бова» Пушкина-лицейста, 1814), но и в эпических произведениях (например, древняя повесть А. Х. Востокова «Певислад и Зора», 1804) и даже лирических, преимущественно тех, которые ориентировались на народные жанры: песни, плачи, причитания. За «русским складом» утвердилось репутация героического; позднее им пользовались при написании патриотических поэм, связанных с Отечественной войной.

Поэзия Оссиана воспринималась как героическая, народная и северная. Поэтому было естественно использовать «русский склад» при передаче ее по-русски. Первый шаг в этом направлении сделал Н. И. Гнедич. Увлеченный идеей народности в литературе, молодой поэт, который вскоре обратился к «Илиаде», предпринимает попытку сроднить шотландского барда с отечественным фольклором. В 1804 г. он опубликовал «Последнюю песнь Оссиана» (переложение начала и конца «Бератона»), утверждая при этом, что для Оссиана больше всего подходит «гармония стихов русских» (см. ниже, с. 561). Тем же размером Гнедич переложил и «Песни в Сельме».

Перелагал он весьма вольно: распространял одни места поэм, сокращал или исключал другие. Но главное состояло в сближении Оссиана с русским народным творчеством. Воссоздание фольклорных параллелизмов встречается и в поэмах Оссиана—Макферсона, но у Гнедича число их множится. Передавая жалобы оссиановских героев, он стилизовал их в духе русских плачей и причитаний. Приведем пример того, как в поэме «Красоты Оссиана, или Песни в Сельме» Гнедич преобразовывал текст Кострова, на который, видимо, опирался. Кольма обращается к брату и возлюбленному, сразившим друг друга.

⁵⁵ Капнист В. В. Собр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1960, с. 210. — См.: Левин Ю. Д. Поэма Оссиана «Картон» в переложении В. В. Капниста. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. XXXIX, № 5, с. 410—422.

⁵⁶ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1966, с. 149.

У Кострова: «О друзья мои! беседуйте со мною, услышьте голос мой. Но увы! они безмолвны, они безмолвны навсегда; сердца их уже охладели и не бьются под моею рукою».⁵⁷

У Гнедича:

Вы молчите! Побеседуйте,
Хоть полслова вы скажите мне,
Хоть полслова — на стенания;
Но увы! они безмолвствуют!
Навсегда они безмолвствуют!
Уж не бьются и сердца у них —
Не забьются никогда они!⁵⁸

«Песнями в Сельме» закончились переложения Гнедича из Оссиана. Но опыт его не прошел даром. После него то один, то другой поэт принимались сближать Оссиана с отечественным фольклором, применяя для этого «русский склад». Так, Ф. Ф. Иванов переложил «Плач Минваны» (1807), Д. П. Глебов — «Крому» (1809), некий П. Медведев — тоже плач Минваны,⁵⁹ Н. М. Кугушев — «Суллму» (из оссиановских поэм Гарольда)⁶⁰ и т. д.

В 1810-е годы, хотя число стихотворных переложений Оссиана возрастало, «русский склад» при этом применялся реже, и такие опыты носили обычно подражательный, ученический характер. С одной стороны, размер понемногу выходил из моды, с другой — углубляющееся понимание национального своеобразия литератур побуждает передовых литераторов признать несоответствие духовного мира древних обитателей Шотландии и России и как следствие — непригодность «русского склада», проникнутого иным национальным духом, для передачи поэзии шотландского барда. Сам Гнедич, который раньше считал возможным переводить «Илладу» александрийским стихом, а затем перешел к воссозданию на родном языке древнегреческого гекзаметра, теперь уже осуждает свои юношеские оссиановские опыты, ибо, утверждает он, «размер стиха есть душа его; и чем более поэзия народа оригинальна, тем более формы размеров отличаются особенностью, определяющею свойства стихов и их приличие».⁶¹

В 1820-е годы «русский склад» вообще постепенно выходил из употребления, и поэты — переводчики Оссиана к нему уже не обращались. Только Н. Ф. Грамматин, продолжая свои переложения, начатые еще в 1804 г., неотступно придерживался этого размера. Но когда эти переложения были посмертно изданы в 1829 г., их стих вызвал недовольную реплику рецензента (см. ниже, с. 563).

Но вернемся к началу века. Соединение Оссиана с русской пародной поэзией приобрело новый смысл после обнаружения и опубликования

⁵⁷ Оссиан, сын Фингалов... ч. I, с. 284—285.

⁵⁸ Сев. вестн., 1804, ч. II, № 4, с. 104.

⁵⁹ Новости рус. лит., 1805, ч. XIV, с. 141—143.

⁶⁰ Друг юности, 1810, кн. VIII, с. 66—73.

⁶¹ Чтения в О-ве ист. и древностей роспийских при Моск. ун-те, 1868, кн. IV, отд. V, с. 55—56 (письмо П. В. Сушкову от 18 марта 1818 г.).

древнейшего произведения русской литературы «Слова о полку Игореве». С самых первых упоминаний — в статье Карамзина в журнале «Spectateur du Nord»,⁶² в предисловии А. И. Мусина-Пушкина к первому изданию «Слова»⁶³ — безымянный создатель этого литературного памятника неизменно уподоблялся шотландскому барду. Эти сближения «Слова» и поэм Оссиана уже не раз отмечались и объяснялись исследователями.⁶⁴ С другой стороны, научно раскрыто и доказано принципиальное различие между подлинным памятником древней словесности и псевдоисторической стилизацией XVIII в.⁶⁵ Но именно эти оригинальность и неповторимость «Слова» побуждали на первых этапах освоения уподоблять его чему-то знакомому и привычному. К моменту обнаружения «Слова» Оссиан уже был хорошо известен в России, воспринят русской культурой как образец древней северной воинственной поэзии. Творение Макферсона, приспособленное к современным ему вкусам и эстетическим воззрениям, было ближе и доступнее, чем подлинное древнее произведение, хотя и отечественное. И шотландский бард в каком-то смысле помогал понять древнерусского певца. Это было естественно и закономерно, особенно при том уровне, на котором находилась русская историческая наука и фольклористика к началу XIX в.

Сопоставление творца «Слова» с Оссианом, а иногда и с Гомером, преследовало и другую цель. Тем самым подчеркивалось, что значение древнерусского памятника не ограничивается национальными рамками, что он имеет более широкое международное достоинство и что, следовательно, русские имели в своем прошлом поэтов, не уступавших великим гениям других народов. «Песнь полку Игореву свидетельствует, что и славяне имели своих *Оссианов*», писал еще в 1801 г. Павел Львов,⁶⁶ и сходные суждения повторялись в дальнейшем неоднократно.

Оссиан служил подспорьем не только в осмыслении «Слова». Выше уже отмечалось, что патристический пафос, вдохновлявший Макферсона, получил своеобразное преломление в литературах континентальной Европы, где «Поэмы Оссиана» стимулировали творческое обращение к древней истории своих народов. Нечто подобное происходило и в России. Пробуждавшийся в конце XVIII в. в русском обществе интерес к героическому прошлому родины, интерес, особенно усилившийся в годы наполеоновских войн, наталкивался на недостаток известных к тому вре-

⁶² Карамзин Н. М. Избр. соч., т. II. М.—Л., 1964, с. 147.

⁶³ Ироническая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича... М., 1800, с. VI.

⁶⁴ См., напр.: Сиповский В. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия. — Изв. АН СССР по рус. яз. и словесности. 1930. т. III, кн. 1, с. 240—241; Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII—начала XIX вв. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сб. статей. М., 1947, с. 97, 107—111; Незудитова, с. 59—60.

⁶⁵ См.: Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 364—381.

⁶⁶ Иппокрена, или Утехи любословия, 1801, ч. IX, с. 106.

мени исторических материалов. А сохранившийся сухой и скудный летописный материал не поддерживался народным эпосом: русские былины в значительной мере оторвались от истории, сблизилась со сказкой. Еще В. В. Сиповский указывал, что в первое десятилетие XIX в. в русской исторической прозе «ясно определяется сознательное стремление воссоздать утраченный исторический эпос древней Руси путем обработки летописных сюжетов по образцу „песен Оссиана“ и „Слова о полку Игореве“». ⁶⁷ Исследователи отмечали появление оссианической стилизации в исторических повестях, начиная с середины 1790-х годов, т. е. вскоре после опубликования перевода Кострова. К числу таких произведений относят повести: «Громобой» (1796) Г. П. Каменева, «Роговольд» (1798) и «Славенские вечера» (1809) В. Т. Нарезного, «Оскольд» (ок. 1800) М. Н. Муравьева, «Ольга на гробнице Игоревой» (1800) анонимного автора, «Рогнеда, или Разорение Полоцка» (1804) Н. С. Арцыбашева, «Предслава и Добрыня» (1810) К. Н. Батюшкова. ⁶⁸

Следует, однако, подчеркнуть, что такой переход от Оссиана к национальному историческому прошлому наблюдался не только в русской прозе, но и в поэзии и даже в драматургии. Не случайно Озеров непосредственно после «Фингала» написал трагедию «Димитрий Донской» (1806).

Или пример из области поэзии. Упомянутый уже Ф. Ф. Иванов, радикально настроенный поэт, который в 1807 г. опубликовал переложенный «русским складом» «Плач Минваны», через год выступил со стихотворением в том же размере, но уже основанном на летописном сюжете: «Рогнеда на могиле Ярополковой» (в сущности тоже «плач»):

Перестаньте, ветры бурные,
Перестаньте бушевать в полях;
Тучи грозные, багровые,
Перестаньте крыть лазурь небес!

.
Вот те холмы величавые,
Прахи храбрых опочнут где;
Вот и камни те безмолвные,
Мхом седым вокруг поросшие.
Вижу сосны те печальные,
Что склоняют ветви мрачные
Над могилой друга милого. . .

и т. д. ⁶⁹

Здесь летописный сюжет, преобразованный в форме оссиановского плача, и оссианическая образность, введенная в стиль и размер русской былины, образуют органическое единство. При этом поэт ориентируется

⁶⁷ Сиповский В. Русский исторический роман первой половины XIX ст. Тезисы. — В кн.: Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 65.

⁶⁸ См.: Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1. СПб., 1909, с. 472; Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2. Пг., 1916, с. 47—72; Введенский, с. 80—84, 88—107; Левин, с. 75—85.

⁶⁹ Рус. вестн., 1808, ч. III, № 9, с. 383—384.

не только на элегический, но и на героический аспект оссиановской поэзии. Рогнеда вспоминает любимого,

Чей в боях меч, будто молния,
Белый огонь струит по ребрам гор,
Рассекая так щиты врагов,
Сыпал искры ты вокруг себя.
Сколько сильных от руки твоей
Пало ниц!..⁷⁰

Это лишь один пример, взятый наудачу; их число можно было бы умножить. Именно героический, национально-патриотический пафос, воплощенный в возвышенных поэтических образах, привлекал к Оссиану в пору борьбы с Наполеоном русских поэтов, продолживших в этом отношении традицию Державина.

В 1806 г. В. А. Жуковский пишет «Песнь барда над гробом славян-победителей». Обращение к прошлому своего народа здесь (как и в упоминавшихся «Димитрии Донском» Озерова или «Рогнеде» Иванова) служило для выражения патриотических мыслей и чувств, связанных с современностью. Поэт сам указал впоследствии, что его стихи «относятся к военным обстоятельствам того времени»,⁷¹ т. е. победам русских войск осенью 1805 г. при Кремсе и Шенграбене и последующей катастрофе при Аустерлице. И, создавая «песнь», которая прославляла павших героев и призывала живых к новым подвигам, Жуковский широко использовал образы, мотивы, колорит, заимствованные из поэм Оссиана.⁷² Сама идея стихотворения, возможно, была почерпнута из того же источника, где без песни барда над погибшими воинами их тени не могут успокоиться и вступить в воздушные чертоги праотцев. Оссиановские картины (с державинской окраской) предстают с самого начала «Песни»:

Ударь во звонкий щит! стекитесь ополченны!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
Зажжем костер дубов; изройте ров могильный;
Сложите на щиты поверженных во прах:
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след священный!⁷³

Кульминационным моментом «Песни» служит явление барду теней в духе Оссиана.

В следующем году С. П. Жихарев написал стихотворение «Октябрьская ночь, или Барды», основанием которого послужило приложенное Макферсоном к «Кроме» подражание Оссиану. Но, опираясь на оссиановский первоисточник (известный ему по немецкому переводу Дениса), юный поэт создал в сущности новое произведение, введя в песни бардов оплакивание и прославление героев, павших за отчизну. Конечно, стихотворения Жуковского и Жихарева — вещи несопоставимые по своему зна-

⁷⁰ Там же, с. 384—385.

⁷¹ Жуковский И. Стихотворения, ч. II. СПб., 1816, с. 315.

⁷² См.: Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2, с. 392—402, 411—416; Иезуитова, с. 63—66.

⁷³ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. I. СПб., 1902, с. 42.

чению, но тем не менее, взятые вместе, они наглядно показывают, как важна была русским поэтам в это время опора на Оссиана. Величие, сила и благородство оссиановских героев, лирическое напряжение и торжественный пафос поэм помогали находить средства для художественного воплощения трагичных событий современности. Известная доля условности оссиановских образов не препятствовала этому: реалистическое изображение войны еще не стало достоянием «высокой» литературы. А мрачный колорит оссиановской поэзии, ее общая скорбно-меланхолическая тональность, ощущение тревоги, пронизывающее многие поэмы, — все это было особенно созвучно настроениям русских людей в ту пору, когда исход борьбы с Наполеоном не был еще решен, и особенно в 1812 г. во время продвижения французских войск к Москве. Знаменательно, что русские полководцы генералы А. П. Ермолов и А. И. Кутайсов читали «Фингала» накануне Бородинского сражения, оказавшегося для Кутайсова роковым.⁷⁴

Разгром французской армии и изгнание ее из пределов России, победоносное шествие русских войск по Европе вызвали к жизни совершенно иные настроения. В патриотической поэзии 1813—1815 гг. возобладала одическая традиция, восходящая к Ломоносову и в значительной мере вытеснившая оссианические мотивы.

Правда, юный К. Ф. Рылеев, находившийся еще в кадетском корпусе, написал в 1813 г., явно подражая Оссиану, прозаическую «Победную песнь героям»: «Возвысьте гласы свои, барды. Воспойте неимоверную храбрость воев русских! Девы красные, стройте сладкозвучные арфы свои; да живут герои в песнях ваших. Ликуйте в виталищах своих, герои времен протекших. Переходи из рук в руки, чапа с вином пенистым, в день освобождения Москвы из когтей хищного», и т. д.⁷⁵ Но Рылеев ориентировался не на Макферсона, а на «Песнь Оссиана на поражение римлян» Э. Гарольда, чьи оссиановские поэмы в целом более жизнерадостны.⁷⁶

Оссианизм наложил отпечаток и на связанное с Отечественной войной элегическое творчество К. Н. Батюшкова. Характерные оссиановские выражения обнаруживаются в стихотворении «Переход через Рейн» (1816), написанном по личным воспоминаниям о вступлении русских войск во Францию. Реальные картины сочетаются здесь с условными, ставшими уже традиционными замками «в туманных облаках», «нагорными водопадами», «бардами», «чашей радости» и т. п.⁷⁷ Целиком проникнута оссианическим духом косвенно относящаяся к событиям наполеоновских войн монументальная элегия «На развалинах замка в Швеции» (1814). Тематически она связана со Скандинавией (и певцы соответственно зовутся здесь не «бардами», а «скальдами»), но в то же

⁷⁴ См.: Муравьев Н. Н. Записки. — Рус. архив, 1885, кн. III, вып. 10, с. 258.

⁷⁵ Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. Приложение, с. 82.

⁷⁶ См.: Левин Ю. Д. Об источнике «Победной песни героям» К. Ф. Рылеева. — Рус. лит., 1980, № 2, с. 143—146.

⁷⁷ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 320—324.

время в ней развиваются характерные мотивы оссиановских поэм. Это и престарелый воин, поседелый в боях, благословляющий сына на подвиги во имя славы, и юноша, несущий «на крыльях бури» войну «врагам отеческой земли», и «погибших бледный сонм», который возносится в загробный мир, и скалды, готовящие на холмах пиршество, и «дубы в пламени» и т. д. Но все это, как и в поэмах Оссиана, — лишь воспоминание о героическом прошлом. Ныне же

... все покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
 Все время в прах преобратило!
 Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
 Там ветер свищет лишь уныло!⁷⁸

Отсюда меланхолический колорит, присущий стихотворению.

Лицейст Пушкин, перелавивший «Кольну-дону» («Кольна», 1814) и создававший подражание «Осгар» (1814), где сочетал Оссиана и Парни, стилизует в оссианическом духе (не без влияния Батюшкова) и события наполеоновских войн. Так, в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814), которые открываются картиной «угрюмой ночи», являются «тени бледные погибших... в воздушных съединясь полках», а при наступлении русских войск «звучат кольчуги и мечи». Соответственно у Пушкина и Наполеон сокрушается на Эльбе:

... раздроблен мой звонкий щит,
 Не блещет шлем на поле браней;
 В прибрежном злаке меч забыт
 И тускнет на тумане.

(Наполеон на Эльбе, 1815).

Видно, должно было пройти полтора десятилетия, прежде чем Пушкин смог показать в «Полтаве» реальную обстановку сражения со штыковыми атаками пехоты, сабельным ударом конницы, орудийными залпами и т. д. А далее последовало и «Бородино» Лермонтова.

Героическая интерпретация оспанизма была подхвачена и развита в конце 1810-х—начале 1820-х годов литераторами, прямо или косвенно связанными с декабристским движением. П. А. Вяземский в статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», предпосланной собранию сочинений драматурга, писал: «Воображение Оссиана сурово, мрачно, однообразно, как вечные снега его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь к отечеству, и сия любовь согревает его в холодном царстве зимы и становится обильным источником его вдохновения. Его герои — ратники; поприще их славы — бранное поле; олтари — могилы храбрых».⁷⁹ Поэзия Оссиана утверждалась, таким образом, как гражданская и народно-героическая и вновь подчеркивалась ее близость северной русской поэзии. И это воззрение разделялось декабристами. Кюхельбекер в стихотворении «Поэты» вводит Оссиана в ряд певцов, призванных вещать народам великие истины. У Александра Бестужева раздумья о прошлом

⁷⁸ Там же, с. 202—205.

⁷⁹ Озеров В. А. Соч., т. I. СПб., 1817, с. XXIX.

страны «возбуждают... мысли оссиановские».⁸⁰ Связанный с тайным обществом А. М. Мансуров пишет «Умиряющего барда», подражание Оссиану, где прославляются герои, отдавшие жизнь в правой битве.

Неизменным вниманием пользовался Оссиан в петербургском Вольном обществе любителей российской словесности (1816—1825) — литературном объединении, находившемся под непосредственным влиянием писателей-декабристов. На заседаниях обсуждались, а затем печатались в журнале общества «Соревнователе просвещения и благотворения» оссианческие переложения и подражания А. А. Никитина (секретаря общества), А. А. Крылова, В. Н. Григорьева, М. П. Загорского, в которых так или иначе разрабатывался героический аспект оссианизма.⁸¹ 16-летний Н. М. Языков опубликовал в «Соревнователе» свое первое стихотворение «Послание к Кулибину», где воспевал героя Фингала.

Для осмысления образа Оссиана в русской гражданской поэзии этого времени показательны стихотворение А. И. Писарева, напечатанное одновременно в «Соревнователе» и «Мнемозине» В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского. Найдя у французского поэта-преромантика Ш.-И. Мильвуа стихотворение, утверждавшее нравственное величие и силу народного певца, русский автор заменил шведского скальда Эгила Оссианом и тем самым не только осложнил конфликт противоборством скандинавов и каледонцев, но и закрепил это имя за романтическим образом поэта — трибуна и бойца, который равно торжествует, сражаясь оружием и песней.

Как и в пору войны с Наполеоном, в гражданской поэзии декабристского периода оссианический образ барда, перенесенный на славянскую почву, приобретает актуальный патриотический смысл. Мы встречаем его в «Песни барда во время владычества татар в России» (1823) Н. М. Языкова и в «Песни на могиле павших за Отечество» (1818) А. А. Никитина. А после разгрома восстания связанный с декабристами А. А. Шишков (1799—1832) в стихотворении «Бард на поле битвы» прославлял и оплакивал павших товарищей:

Он вызывал погибших к битве новой,
Но вокруг него сон мертвый поведал,
И тщетно глас его суровый
О славе мертвым напевал.⁸²

И, возможно, не без оссиановских реминисценций назвал «бардом» Пушкина А. И. Одоевский в ответном послании из Сибири («Но будь коен, бард: цепями, Своей судьбой гордимся мы...»).

Вершиной декабристской исторической поэзии явились, как известно, «Думы» Рыльева, целью которых было, по словам А. А. Бестужева, «возбуждать доблести сограждан подвигами предков».⁸³ Оссиан здесь не упо-

⁸⁰ Бестужев Алек [сандр]. Путешествие в Ревель. — Соревнователь просвещения и благотворения, 1821, ч. XIII, кн. 2, с. 179.

⁸¹ См.: Левин, с. 99—111.

⁸² Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., 1972, с. 410.

⁸³ Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в России. — Полярная звезда на 1823 год, с. 29.

минается. Но юношеское увлечение Рылеева шотландским бардом не прошло и наложило свой отпечаток на «Думы». Это проявляется и в лирическом характере повествования, и в однообразном меланхолическом колорите, и в условно северных преимущественно почных пейзажах, и т. д. Недаром на титульном листе «Дум» (М., 1825) было помещено изображение самого Оссиана, заимствованное из французского издания оссиановских стихотворений Баур-Лормиана. Рылеева в Оссиане, видимо, привлекал лейтмотив его поэм, гласящий, что гибель за честное, правое дело почетна и будет прославлена бардами в грядущих поколениях. Но поэткабрист при этом добавлял: «Славна кончина за народ!» («Вольнский»). В таком переосмыслении этического идеала проявилась сущность декабристского оссианизма.

Но в русском оссианизме этого времени существовало и другое направление, элегическое, наиболее ярким образцом которого служит баллада В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814).⁸⁴ Оссианический колорит, создаваемый именами (Морвен, Минвана), описаниями природы, картинами охот и пиров, вещей арфой, повешенной на дубе, и т. д., в сущности весьма условен, не столько из-за содержащихся в нем примет рыцарского средневековья (замок с зубчатыми стенами, рыцарские доспехи), сколько из-за того, что он служит фоном для любовной трагедии, возникшей на почве сословного неравенства: такая ситуация невозможна в поэтической системе Оссиана—Макферсона. Оссианизм «Эоловой арфы» — это некая художественная подцветка, которую Жуковский придавал поэтическому воплощению своей глубоко личной любовной трагедии.

Созданная в «Эоловой арфе» строфическая форма, состоящая из сочетания строк двух- и четырехстопного анапеста, получила распространение в русской поэзии. Однако написанные этими строфами стихотворения уже не имели прямого отношения к Оссиану (исключая «Картон» в переложении А. А. Слепцова, 1828). То же можно сказать и о появлявшихся с конца 1810-х гг. лирических стихотворениях и балладах, героини которых были наделены оссианическими именами Мальвина и реже — Минвана. Имена эти оторвались от своего первоисточника, стали условным обозначением романтической героини вообще. А. Ф. Воейков писал, например, в «Послании к N.N.»:

... добродетель во плоти,
Уныло-томная Минвана,
Пленяя запахом кудрей,
Нас, легкомысленных людей,
Обманывает, как Ветрана...⁸⁵

Годы русского оссианизма были уже сочтены. Он сыграл свою историческую роль и должен был сойти с литературной сцены. В 1820-е годы английская литература была важна для России прежде всего Байроном и

⁸⁴ См.: Иезуитова Р. В. В. Жуковский. Эолова арфа. — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 38—52.

⁸⁵ Дамский журнал, 1825, ч. XII, № 20, с. 61.

Вальтером Скоттом, которые отвечали новым запросам, но не «Оссианом» Макферсона. Если на рубеже XVIII и XIX вв. к Оссиану так или иначе обращались крупнейшие русские писатели: Державин, Костров, Карамзин, Дмитриев, Озеров, Жуковский, Гнедич, Батюшков, Катенин, то во второй половине 20-х годов редкие уже переложения из Оссиана подписываются малоизвестными именами третьестепенных авторов, каких-нибудь Ивана Бороздны, Андрея Муравьева или А. Слепцова, даже имя которого до нас не дошло. И если еще в середине 30-х годов мы встречаем оссиановскую тему у И. И. Козлова и В. К. Кюхельбекера, то следует иметь в виду, что и слепец Козлов и заключенный в Свеаборгскую крепость Кюхельбекер были оторваны от современной жизни и заново переживали литературные впечатления молодости.

Показательна творческая эволюция Валериана Олина, поэта небольшого дарования, но чуткого к веяниям времени. Как мы уже отмечали, Оссианом он занимался свыше десяти лет. Сперва он более или менее свободно перелагал творения Макферсона: «Сражение при Лоре» (1813, 1817), «Темора» (кн. V—1815) и др. Позднее он стал создавать на основании оссиановских сюжетов самостоятельные поэмы: «Оскар и Альтос» (1823) и «Кальфон» (1824), структурно приближающиеся к байроническому типу. Причем если первоначально Олин применял в качестве стихотворного размера архаический александрийский стих («Сражение при Лоре») или гекзаметр («Темора»), то теперь он перешел к характерному для романтических поэм четырехстопному ямбу с вольной рифмовкой, специально подчеркивая, что такой метр включает в себе «более быстроты и движения».⁸⁶ И критика не преминула заметить его приверженность к стилистическим новшествам. «Поэма, — писал о «Кальфоне» О. М. Сомов, — разложена на длинные строфы или отдаления, по образцу поэм романтических».⁸⁷ А далее Олин пришел уже к прямым подражаниям Байрону: начал писать поэму «Манфред», создал трагедию «Корсер» (1826).

Пушкин с его безошибочным литературным чутьем, по-видимому, раньше других понял, что Оссиан устарел. Недаром зачин из «Картона» он использовал для обрамления своей шуточной поэмы-сказки «Руслан и Людмила» (1820):

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Нам представляется справедливым высказывавшееся уже предположение, что в «Руслане и Людмиле» имена Финна и Наяны, содержащиеся в пролической вставной истории о герое, который безуспешно пытался завоевать сердце красавицы, пока она не превратилась в дряхлую старушонку, должны были ассоциироваться в сознании современников

⁸⁶ Олин В. Оскар и Альтос. Поэма. СПб., 1823, с. III.

⁸⁷ Сын отечества, 1825, ч. С, № 6, с. 173. Курсив мой, — Ю. Л. Ср.: Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978, с. 236.

с Фингалом и Моиной — героями оссиановской трагедии Озерова.⁸⁸ А это соответствие бросало пронический отблеск на оссиановскую тематику вообще.

В 20-е годы Оссиан постепенно утрачивает актуальное значение для русской литературы. Показательно, что именно в это время распространяется мнение о поддельном характере его поэм. Олин, например, раньше уверенный в их подлинности, отказался от этого взгляда и писал в 1823 г.: «Теперь уже нет никакого сомнения, что Оссиан не существовал никогда и что поэмы, известные под именем *Оссиановых*, сочинены самим Макферсоном».⁸⁹

Только заточенный в крепость Кюхельбекер, оторванный от активной литературной жизни и мысленно переживавший то безвозвратно ушедшее время, когда поэзия Оссиана служила вдохновляющим примером для него и друзей, создает в 1835 г. стихотворение, где образ шотландского барда, ставший уже для многих условным литературным штампом, проникался живым чувством, сливался с лирическим героем — декабристом, пережившим трагедию поражения. Напоминая о героической поре русского освободительного движения, стихотворение «Оссиан» служило своего рода завершением русского оссианизма как действенного явления отечественной литературы.

После 1830-х годов стихотворные переложения поэм Оссиана на русский язык — явление крайне редкое и незначительное. Новый прозаический их перевод, выпущенный в 1890 г. Е. В. Балобановой,⁹⁰ носил ученый характер и сколько-нибудь заметного влияния на литературу не оказал. «Знакомство с Оссианом по переводу г-жи Балобановой, — писал рецензент, — доставит не столько эстетическое наслаждение, сколько того особого рода удовольствие, какое испытывается при научных занятиях».⁹¹ Правда, Н. С. Лесков, узнав из цитированной рецензии об изданном переводе, рекомендовал своему пасынку Б. М. Бубнову, переводившему английских поэтов, выбрать «что-нибудь из Оссиана» и переложить стихами,⁹² однако никаких реальных последствий эта рекомендация, видимо, не имела. Тогда же литератор-любитель, юрист по образованию, И. Ф. Любичкий предпринял «перепев поэм Оссиана» гекзаметром на основании перевода Балобановой. Но «перепев» этот так и не увидел света.⁹³ К началу XX века Оссиан воспринимался уже не как живое ли-

⁸⁸ Pushkin Aleksandr. Eugene Onegin. A novel in verse translated from the Russian with a commentary, by Vladimir Nabokov, Vol. II. New York, 1964, p. 255. — Набоков также связывает имя Ратмира с оссиановским Reuthamir.

⁸⁹ Олин В. Оскар и Альтос, с. 1.

⁹⁰ Макферсон Д. Поэмы Оссиана. (J. Macpherson. Poems of Ossian). Исследование, перевод и примечания Е. В. Балобановой. СПб., 1890, 372 с.

⁹¹ Книжки Неделе, 1891, № 4, с. 215.

⁹² Лесков Н. С. Собр. соч. в 11 т., т. XI. М., 1958, с. 484 (письмо от 12 апреля 1891 г.).

⁹³ Сохранилась рукопись в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 447, № 25, 26); подробнее см.: Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности. — В кн.: Классическое наследие и современность. Л., 1981, с. 371.

тературное явление, а как отзвук былого, давно ушедшего. Именно как воспоминания о далеком героическом прошлом, которое чуждо скучной повседневности, звучат стихотворения «Оссиан» Н. С. Гумилева и «Я не слышал рассказов Оссиана. . .» О. Э. Мандельштама.

В наше время образ Оссиана едва ли вдохновит поэта (хотя, конечно, предсказания в области поэзии — вещь весьма ненадежная). «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона могут вызывать теперь интерес главным образом потому, что они ознаменовали существенный этап в развитии европейских литератур, в том числе и русской. Напомнить современным читателям, что представляет из себя этот литературный памятник, показать, какой след оставил он в отечественной культуре, — этой целью мы руководствовались, подготавливая настоящее издание.

ПРИМЕЧАНИЯ

В полном виде созданные Макферсоном поэмы Оссиана впервые вышли в свет в двух сборниках, «Фингал» (Fingal, 1762) и «Темора» (Temora, 1763), где, помимо названных в заглавиях эпических поэм, содержались также и все малые поэмы (см. выше, с. 463—466, историю оссиановских изданий Макферсона). Опубликованные ранее «Отрывки старинных стихотворений» (Fragments of Ancient Poetry, 1760) были еще весьма далеки от окончательного свода оссиановских поэм и по своему объему и по характеру произведений. Напротив, последующее двухтомное издание — «Творения Оссиана» (The Works of Ossian, 1765) — в сущности являлось почти точным повторением обоих сборников только в другом полиграфическом оформлении. Композиция здесь осталась прежней. Текстовые изменения сравнительно немногочисленны (около 400 на примерно 700 страниц) и малозначительны. Более важное отличие «Творений» от сборников состояло в том, что краткие изложения отдельных книг «Фингала» были извлечены из предисловия, которое здесь опущено, и предпосланы в виде особых «содержаний» (arguments) каждой книге эпоеи. Однако малые поэмы, следовавшие за «Фингалом», не имели таких «содержаний», и их изложения приводились, как и в первом издании, в примечаниях к заглавиям поэм. (В «Теморе» и последующих малых поэмах «содержания» были предпосланы отдельным книгам эпоеи и малым поэмам уже в первом издании). Вполне вероятно, что, готовя свод «Творений Оссиана», Макферсон не довел работу до конца, так как уехал в начале 1764 г. во Флориду и вернулся лишь в 1766 г., когда издание уже было осуществлено (см.: Saunders B. The Life and Letters of James Macpherson. New York, 1968, p. 213). Незавершенность его редакторской работы проявилась, в частности, в том, что при объединении сборников состав их остался неизменным, в результате чего первая книга «Теморы» печаталась в «Творениях» дважды — в томе I в числе малых поэм и в томе II как первая книга эпоеи.

При подготовке издания «Поэмы Оссиана» (The Poems of Ossian, 1773) Макферсон, не меняя содержания поэм, подверг их значительной правке: стилистические изменения исчисляются здесь тысячами, значительным сокращением подверглись примечания и приложения к поэмам. Был изменен и порядок расположения поэм, чтобы придать ему видимость исторической последовательности: том I — «Кат-лода», «Комала», «Карик-тура», «Картон», «Ойна-морул», «Кольпадона», «Ойтона», «Крома», «Кальтон и Кольмала», «Сражение с Каросом», «Катлин с Клуты», «Суль-мала с Лумона», «Война Инис-товы», «Песни в Сельме», «Фин-

гал», «Латмон», «Дар-тула», «Смерть Кухулина», «Битва при Лоре»; том II — «Темора», «Конлат и Кутона», «Бератон».

Стилистическая правка Макферсона состояла главным образом в уничтожении союзов, в разделении более длинных предложений на обособленные короткие, в увеличении числа восклицаний. Прошедшее время при этом часто заменялось «историческим настоящим» (*praesens historicum*). Все это ускорило темп повествования, которое становилось резким, отрывистым (см.: Drechsler W. *Der Stil des Macphersonischen Ossian*. Berlin. 1904, S. 12). В предисловии к новому изданию Макферсон заверял читателей, что отныне предоставляет поэмы «их собственной судьбе» (*The Poems of Ossian. Translated by James Macpherson, in two volumes. A new edition. Vol. I. London, 1773, p. XIII*). И действительно, дальнейшие прижизненные переиздания 1784—1785, 1790 и 1796 гг. не содержали никаких новых изменений. Тот же текст повторялся обычно и в посмертных изданиях макферсоновских «Поэм Оссиана».

Таким образом, текст 1773 г. несомненно выражает последнюю волю автора и при формальном подходе к решению проблемы должен считаться дефинитивным. Однако современная текстология не признает принципа последней воли автора универсальным. Б. В. Томашевский, например, квалифицировал позднейшие переработки первоначального текста как «изменение в целом или в частях поэтической системы автора» и отмечал, что «чем дальше отходит автор от своего произведения, тем чаще эта перемена системы переходит в простые заплатки нового стиля на основе чуждого ему старого, органического». В этом случае выбор редакции для издания должен производиться «по принципу текста единой системы». Кроме того, существует также исторический критерий отбора, когда важно воспроизвести «исторически подлинное лицо произведения», для чего следует «брать редакцию той эпохи, к которой относится наибольшая литературная действительность издаваемого произведения» (Томашевский Б. В. *Писатель и книга. Очерк текстологии*. 2-е изд., М., 1959, с. 176, 177). Этот критерий, очевидно, особенно существен при отборе редакций для издания в серии «Литературных памятников».

Среди специалистов давно уже укрепилось мнение, что правкой 1773 г. Макферсон значительно ухудшил первоначальный текст своих оссиановских поэм. Отто Йиричек, сопоставивший все редакции и подготовивший единственное текстологически комментированное издание поэм, писал в этой связи: «По моему мнению, первоначальная редакция имеет значительное преимущество перед переработкой, уже хотя бы потому, что она написана на одном дыхании и проникнута огнем и силой поэтического вдохновения, которые позволили Макферсону создать между 24 и 26 годами новое сказание о Фингале в виде цикла героических поэм. Позднейшие же изменения суть результат критических раздумий, которые относятся к не связанным между собою стилистическим частностям». Йиричек указывал, что результатом правки «явилось не усиление, а перенапряжение повествовательного тона», «пагубное во всех отношениях» (*James Macpherson's Ossian. Faksimile-Neudruck der Erstausgabe von 1762/63 mit Begleitband: die Varianten. Hrsg. von Otto L. Jiriczek. Bd III. Heidelberg, 1940, S. 16*).

Близкого мнения придерживается и шотландский профессор Дерк Томсон, крупнейший современный специалист по Оссиану и гэльской поэзии, который указывает: «После 1763 г. Макферсон в значительной мере утратил интерес к своим оссиановским трудам, хотя и был озабочен тем, чтобы и дальше поддерживать

обман, а потому был вынужден „нашивать заплаты“ и „пускать пыль в глаза“ в последующих изданиях. Но его публикации до 1763 г. включительно (и особенно вплоть до «Фингала» в 1761—62 гг.) представляют нам его творение, когда оно было, так сказать, раскалено добела, когда он был еще глубоко им заинтересован и захвачен и сосредоточивал на нем все свое внимание. Именно эти издания возбудили полемику и вызвали ранние переводы, оказав, таким образом, влияние на многие области европейской литературы» (письмо к переводчику от 17 февраля 1776 г.).

Добавим в этой связи, что по сборникам «Фингал» и «Темора» был осуществлен известный итальянский перевод аббата Чезаротти, что по изданию 1765 г. (а не 1773 г.) с Оссианом знакомились Клопшток, Гердер, Гете и оно переиздавалось в Германии Мерком, что по этому же изданию создал Летуверн полный французский перевод, который в дальнейшем был переведен на русский язык Костровым, и т. д.

На основании всех этих соображений настоящий перевод поэм Оссиана выполнен по тексту первой редакции с учетом тех сравнительно небольших изменений, которые внес Макферсон, когда сводил все поэмы в первое объединенное издание «Творений Оссиана». В соответствии с этим изданием мы предпослали каждой книге «Фингала» краткое «содержание» и, доведя этот структурный принцип до конца, снабдили подобными «содержаниями» следующие за эпопеей малые поэмы, для чего использовались примечания к заглавиям поэм (как поступил Макферсон в последующем издании).

Отказавшись в отличие от «Творений Оссиана» от дублирования первой книги «Теморы» и изъяв ее из числа малых поэм после «Фингала», мы, однако, сочли нужным сохранить приложенный к ней рассказ о смерти Оскара и Дермида (являющийся первым оссиановским опытом Макферсона) и перенесли его в соответствующее место эпопеи (см. с. 179—180). Наконец, всему собранию мы дали заглавие «Поэмы Оссиана» как утвердившееся в мировом литературном обиходе.

В тома «Творений Оссиана» Макферсон включил два своих «рассуждения» (dissertations), которые раньше открывали издания «Фингала» и «Теморы», а также «Критическое рассуждение о поэмах Оссиана» Хью Блэра, вышедшее в 1763 г. отдельной книжкой. Из этих рассуждений мы, учитывая интересы современных читателей, перевели только первое, в котором Макферсон кратко изложил легендарно-историческую основу своих поэм. Второе рассуждение, где он уже включился в возникшую тогда оссиановскую полемику и, употребляя выражение Д. Томсона, начал «пускать пыль в глаза» своим противникам, в наши дни представляет интерес лишь для специалистов, имеющих возможность ознакомиться с ним в оригинале. То же можно сказать и о «Критическом рассуждении» Блэра.

Переводя текст поэм, мы старались передать ритмизованный характер прозы Макферсона. При этом необходимо было учитывать произношение и особенно акцентуацию имен собственных. Русские читатели прошлого столетия, как можно судить по стихотворным переложениям поэм Оссиана, произнося имена оссиановских героев, делали обычно ударение на последнем слоге, чему несомненно способствовали французские переводы, имевшие хождение в России. Между тем в английском языке эти имена имеют, как правило, ударение на предпоследнем слоге. (Характерно, что Макферсон счел даже нужным специально указать, что в имени Фингал, в виде исключения, ударение стоит на последнем слоге; см. выше,

с. 17). На эту акцентуацию мы ориентировались при переводе, специально обозначив ударения в приложенном ниже алфавитном указателе (соответствующие сведения любезно сообщены нам профессором Д. С. Томсоном). Единственное исключение составляет имя Оссиан, употребляемое нами в традиционном русском написании и произношении с ударением на последнем слоге, поскольку более близкое к английскому произношение 'Осьен' выглядело бы и звучало слишком непривычно.

Встречающиеся в авторских примечаниях гэльские слова (в этимологических объяснениях и цитатах) даются в написании Макферсона, хотя в его время гэльская орфография еще не установилась.

Для содержащихся в примечаниях стихотворных цитат из античных авторов использовались переводы следующих поэтов: «Илиада» Гомера — Н. И. Гнедича, «Одиссея» Гомера — В. А. Жуковского, «Энеида» Вергилия — А. А. Фета, «Георгики» Вергилия — С. В. Шервинского. Остальные цитаты даны в нашем переводе. В ссылках указываются номера песни или книги цитируемой поэмы (римские цифры) и первого стиха цитаты (арабские цифры). Данные, добавленные переводчиком, заключены в квадратные скобки.

При комментировании текстов Макферсона мы сочли возможным ограничиться сводным аннотированным алфавитным указателем имен и названий (исключение сделано лишь для «Рассуждения»).

Составитель и переводчик считает своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность В. Э. Вацуро, Е. И. Зисельман, А. Г. Кроссу, И. В. Крюковой, Д. С. Лихачеву, Ю. М. Лотману, А. В. Малютиной, Е. П. Мстиславской, Н. Н. Павлюку, М. П. Парсадановой, Д. С. Г. Симмонсу, Д. С. Томсону и А. Энгель, щедрой помощью которых он пользовался в процессе работы над книгой. Особую признательность он выражает редактору перевода Э. Л. Линецкой.

Инициатором настоящего издания был академик М. П. Алексеев, согласившийся затем стать его редактором. К великому сожалению, ему не суждено было увидеть осуществление своей инициативы. Светлой памяти этого замечательного ученого, своего учителя со студенческих лет, посвящает свой труд составитель и переводчик.

РАССУЖДЕНИЕ О ДРЕВНОСТИ И ДРУГИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭМ ОССИАНА, СЫНА ФИНГАЛА

«Рассуждение» первоначально было предпослано сборнику «Фингал» (1762) и затем перепечатывалось в «Творениях Оссиана» (1765) и «Поэмах Оссиана» (1773 и переиздания). Оно, как и примечания к поэмам, имело целью, с одной стороны, представить публике «перевод» древних эпических поэм таким образом, чтобы предотвратить возможность сомнений в их достоверности, а с другой — возвеличить Шотландию, показать, что ее историческое прошлое не уступает истории древней Греции и Рима. В «Рассуждении» отразилось свойственное преромантической кельтологии XVIII в. преувеличенное представление о территориях, занятых кельтами в древности, и об их культурном уровне. Используя данные современных ему историков, Макферсон в то же время вносил в них изменения соответственно собственному замыслу. Так, было установлено, что кельтские племена, положив-

шие начало шотландской нации, пришли туда из Ирландии, причем позднее того времени, к которому традиция относил существование Фингала. Макферсон же, превративший героев ирландской эпической традиции в обитателей Каледонии (древней Шотландии; см. выше статью «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона), утверждал обратное: у него галльские кельты переселились из Шотландии в Ирландию. Предкам своих героев — Фингала, Оссиана, Оскара — он приписал уничтожение ордена друидов (который в действительности прекратил существование с утверждением христианства), а самих героев связал и соотнес хронологически с исторически зафиксированной борьбой древних племен, населявших северную Британию, с римскими захватчиками, и т. д. Особую изобретательность проявил Макферсон, придумывая доводы в доказательство возможности сохранения поэм Оссиана в устной традиции на протяжении полутора тысячелетий.

Имена и названия, содержащиеся в «Рассуждении», поясняются в помещенном ниже сводном указателе.

¹ ...они оказались в круге камней. Под «кругом камней» имеются в виду места друидических ритуальных обрядов (ср. примечание к «Фингалу», кн. V — с. 54).

² С одним из таких кульди Оссиан... согласно обычаям того времени. Макферсон подразумевает гэльские баллады о встречах Оссиана со святым Патриком (373—463), крестителем Ирландии (см. выше, с. 484), но превращает последнего в безымянного кульди, поскольку, считая Оссиана историческим лицом и сыном Фингала, жившего в III в., он отрицал возможность его встречи с христианским миссионером, действовавшим в начале V века.

³ ...поэма в настоящем сборнике — «Комала».

⁴ ...назван... сыном властителя мира. См. выше, с. 69.

⁵ ...назван властителем кораблей. См. выше, с. 72.

⁶ ...джентльмен, который сам стяжал известность в поэтическом мире, — Джон Хоум (см. выше, с. 462).

⁷ ...джентльмен, заслуженно почитаемый... за свой вкус и знание изящной литературы, — Хью Блэр (см. выше, с. 463).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ В «ПОЭМАХ ОССИАНА»

В настоящем указателе объединены все содержащиеся в поэтических и объяснительных текстах Макферсона собственные имена, реальные и вымышленные географические названия, а также некоторые исторические и этнографические понятия, нуждающиеся в пояснениях. Все содержащиеся в указателе слова аннотируются, за исключением нескольких общеизвестных географических и этнографических названий (таких как Британия, Россия, скандинавы и т. д.). В аннотациях к именам персонажей поэм Оссиана—Макферсона поясняются их положение и отношение друг к другу. В именах и названиях, входящих в поэтические тексты (за исключением односложных), обозначается ударная гласная для правильного их произношения (имена и названия, в том числе и вымышленные, содержащиеся только в пояснительных текстах, такого обозначения не имеют); кроме того, сокращенно указываются заглавия поэм, в тексте которых они содержатся (исключение сделано для имен и названий: Кона, Морвен, Оскар¹, Оссан, Сельма¹, Фингал, встречающихся в подавляющем большинстве поэм). Для персонажей и названий, упоминаемых в отдельных книгах «Фингала» и «Теморы», отмечаются номера этих книг (римскими цифрами); отсутствие такого номера при сокращенном заглавии эпической поэмы означает, что данный персонаж или название упоминаются на всем ее протяжении. Если имя или название содержится только в поэтическом тексте, помещенном в примечании или приложении к той или иной поэме, то к сокращенному заглавию этой поэмы добавляется обозначение «пр». Нередко одно и то же имя носят несколько персонажей (до семи) поэм Оссиана—Макферсона. Аннотации к таким именам разделяются цифрами по числу персонажей, а при упоминании этих имен в тексте аннотаций они помечаются соответствующим порядковым номером (например: Дермид¹, Карбар⁴ и т. д.). В ссылках на страницы, где объясняется гэльская этимология имени или названия, к номеру страницы добавляется обозначение «эт».

У С Л О В Н Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я

Б — «Бератон»	Л — «Латмон»
БЛ — «Битва при Лоре»	Мф — Макферсон
ВИ — «Война Инис-тоны»	О — «Ойтона»
Д — «Дар-тула»	ОМ — «Ойна-морул»
К — «Комала»	пр — приложение, примечание
КД — «Кольна-дона»	ПС — «Песни в Сельме»
КЛ — «Кат-лода»	СК — «Смерть Кухулина»
КлК — «Кальтон и Кольмала»	СЛ — «Суль-мала с Лумона»
КвК — «Конлат и Кутона»	СрК — «Сражение с Каросом»
Кр — «Крома»	Т I—VIII — «Темора», кн. I—VIII
Крт — «Картон»	Ф I—VI — «Фингал», кн. I—VI
КТ — «Карик-тура»	эт — этимология
КтК — «Катлин с Клуты»	

Агендека Ф, ВИ, Б, КЛ — дочь лохлпского короля Старно, невеста Фингала; убита отцом 35—38, 40, 43, 45, 49, 52, 57, 59, 60, 66, 77, 78, 159, 258, 268

Агрикола Гней Юлий (40—93) — римский государственный деятель и полководец; отправленный в 78 г. в Британию, укрепил положение римских колонизаторов и возвел укрепления

- между Клотой и Бодогрней (ныне заливы Ферг-оф-Клайд и Ферг-оф-Форт в Шотландии), которые Мф называет «валом Агриколы»; Тацит, зять Агриколы, оставил его жизнеописание 7, 11, 17, 72, 263, 272
- Адам (библ.) — первый человек, праотец рода человеческого; герой поэмы Мильтона «Потерянный рай» 71
- Адонфйон КЛК пр — отец Мингалы 136
- Алклёта СК — жена Маты, мать Калмара и Алоны 38, 103, 104 эт
- Аллад Ф V — друид и прорицатель 54, 55
- Алнэкма Т — древнее название ирландской провинции Конахт 186, 187, 191, 196, 201, 206, 214, 231, 241
- Алона СК — дочь Маты и Алклеты, сестра Калмара 104 эт
- Алтан Т I — сын Конахара², главный бард ирландского короля Арто 166, 176, 178
- Алтёута КЛК — владения Дунталмо 134 эт
- Альбион Ф, Т VII пр, КЛ, ОМ — древнее (гольское) название Британских островов 25, 33, 34, 37, 128 эт, 173, 228, 263, 264, 269
- Альдо БЛ — морвенский вождь, похитивший жену короля Эрагона Лорму 81—85
- Альпин¹ ПС, Б, Т I пр, V, VII — один из главных бардов Фингала; упоминается также в патрониме безымянного барда («сын Альпина»), к которому обращается престарелый Оссин 128 эт, 129, 130, 157, 158, 162, 179, 180, 208, 215, 234
- Альпин² Т VII пр — шотландский король, отец Конада (Кеннета) и Флатал² 228
- Альтос Д — средний сын Уснота 108, 109 эт, 110, 114—116, 177
- «Аморетти» (1591—1594) — цикл сонетов, написанных Э. Спенсером в честь своей будущей жены 133
- Аннир¹ КЛ — король Лохлина, отец Старно и Фойнар-брагал 267, 268
- Аннир² КТ — король Соры, отец Фротала и Эрагона 123—125
- Аннир³ ВИ — король скандинавского острова Инис-тона 78—80
- Аннира ПС — дочь Кармора, сестра Колгара⁴ 131
- Апеннины — горная цепь, проходящая вдоль Апеннинского полуострова (Италия) 32
- Аполлон (греч. миф.) — бог солнца, покровитель искусств 189
- Аргайл — графский род в Шотландии 171
- Аргайлшир — графство в Шотландии 25, 108
- Аргон ВИ — сын Аннира³ 78, 79
- Ардан¹ Д — младший сын Уснота 108, 109 эт, 110, 115, 116, 177
- Ардан² Ф I — юный герой в войске Кухулина, муж Фионы 23, 24 эт
- Арданнйдер Т I пр — название утеса 180
- Ардвен Ф, К, СрК, КнК, КТ, Т I пр — название разных гор в Шотландии 34, 36, 38, 44, 47, 49, 51, 66, 68—70, 72, 73, 75, 76, 89, 126, 180
- Арднарт ПС — отец Армара 131
- Арей (греч. миф.) — бог войны 105
- Аринал ПС — сын Армина, брат Дауры 131, 132
- Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ, ученый-энциклопедист; посвятил последнюю часть трактата «Поэтика» теории эпоса, основываясь на разборе эпических поэм Гомера 167, 235
- Арк, см. Аркат
- Аркат (также Арк и Эрк) — шотландский король, отец Фергуса² 182, 222
- Армар ПС — сын Арднарта, жених Дауры 131, 132
- Армин ПС — вождь острова Горма, отец Аридала и Дауры 131 эт, 132
- Арно Ф I — патроним одного из воинов Сварана («сын Арно») 16, 22, 23
- Арт или Арто Т I — ирландский король, отец Кормака² 26, 27, 101, 151, 166, 172, 176, 178, 196, 197, 200, 201, 215, 217, 237
- Артур — легендарный король бриттов, возглавивший борьбу кельтских племен против англосаксонских завоевателей в V—VI вв.; впоследствии стал героем фольклорных сказаний и рыцарских романов 229
- Ата Т, СЛ — река и местность в Конахте (Ирландия), подчиненная особому правителю 101, 166, 167, 170, 172 эт, 177, 178, 181, 185—189, 193, 194, 196—198, 202—204, 206, 214, 217, 218, 220, 223, 224, 228, 229, 231, 233, 237, 239, 241—243, 252, 254, 255
- Атлас — горная цепь в северо-западной Африке 32
- Афон, Афонская гора — узкий гористый полуостров, вдающийся в Эгейское море в северо-восточной части Греции 32
- Ахилл (Ахиллес) (греч. миф.) — герой объединенного греческого войска, осадившего Трои; главный персонаж поэмы Гомера «Илиада» 28, 45, 170

- Аякс (греч. миф.) — греческий герой, участник Троянской войны; самый сильный после Ахиллеса воин; персонаж поэмы Гомера «Илиада» 42, 192, 203
- Балва СрК — река в Шотландии (согласно Мф, в графстве Стерлингшир), на которой находились владения Ламора 73 эт, 74, 75
- Балклута Крт — город на реке Клута (Клайд) в Шотландии, резиденция британского короля Рейтамира 91, 93 эт, 94—99
- Банф — город на северо-восточном побережье Шотландии в устье реки Деверон, главный город одноименного графства 144
- Беда (673—735) — англосаксонский ученый, теолог и писатель, прозванный посмертно «Достопочтенным»; основной его труд «Церковная история англов» (731) — первая история англосаксов 93
- Белги — одно из кельтских племен, переселившихся из северной Галлии в Британию и Ирландию ок. 100 г. до н. э. 17, 101, 182, 202, 232
- Бельтано — дочь Конахара¹, вторая жена короля Ирландии Карбара¹, мать Ферадарто 201, 237
- Бэратон Б — скандинавский остров, управляемый Лартмором 156, 159 эт, 160—162
- Бэртин Т VII — название звезды 232 эт Библия (литературные параллели) 20, 69, 72, 77, 80, 81, 86, 90, 92, 94, 104, 107, 114, 117, 122
- Болга Т, СЛ — южная часть Ирландии, в которой поселилось племя Фирбоггов 182—187, 196, 215, 223, 232, 233, 237, 254
- Борбар Ф III — вождь Соры, отвергнутый жених Фейнасолис 42
- Борбар-дугуд Т — правитель Аты, отец Карбара² и Кахмора 166, 167, 170, 185, 188 эт, 196, 200, 201, 209, 216, 223, 224, 231, 237, 241, 252, 254
- Бос-гала — дочь Колгара², жена Карбара¹, мать Арто 237
- Босмина БЛ, Т VI пр — единственная дочь Фингала от Клато 83 эт, 182, 192, 219, 238
- Брагела Ф, СК — жена Кухулина, дочь Сорглава 17, 26, 27, 30, 39, 50, 51, 56, 62, 102, 106, 107
- Бран¹ Ф VI, Т — охотничий пес Фингала 61, 175 эт, 216, 222, 234, 238, 239
- Бран² Ф V — охотничий пес Ламдерга 54
- Бран³, см. Бранно¹
- Бранно¹ (также Бран) Ф I, IV, КТ, Т I пр — название горных потоков 20, 21, 49, 119 эт, 180
- Бранно² Ф IV, V, ВИ, Л, КтК — отец Эвиралли, живший на озере Лего в Ирландии 43, 44, 47, 56, 77, 142, 146, 226, 248, 249
- Брасолис Ф I — возлюбленная Грудара, которого убил ее брат Карбар³ 16, 26 эт
- Британия 7, 9, 11, 13, 19, 57, 72, 128 эт, 170, 186, 195, 202, 206, 210, 217, 226, 249, 252, 272, 273
- Бритты — кельтские племена, поселившиеся на юго-востоке Британии с 5 в. до н. э. и оттеснившие предшествующих кельтских завоевателей гэлов в Уэльс, Шотландию и Ирландию 7, 91—93, 125, 138, 229, 263, 272, 273
- Брумо Ф VI, Т II — магический круг камней, в котором совершались религиозные обряды на острове Крака (Шетландские острова) 61, 185
- Бьюкенен Джордж (1506—1582) — шотландский историк, поэт и политический деятель; писал по-латыни 67
- Вавилон — столица Вавилонского царства; в Библии — большой богатый город, средоточие нравственного упадка, обреченный на гибель 94
- Балахия — территория между Карпатскими горами и рекой Дунаем (ныне на юге Румынской Народной Республики) 7
- Валлийский язык — диалект кельтского языка, сохранившийся в западной и юго-западной частях Великобритании — Уэльсе и Корнуолле 229
- Вега, Гарсиласо де ла (1539—1616) — сын испанца-конкистадора и внучки верховного инки (см.), автор истории инков и завоевания Перу, написанной на основе перуанских преданий 13
- Великобритания 253
- Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор дидактической поэмы «Георгики» и эпической поэмы «Энеида» 22, 28, 32, 49, 65, 66, 75, 78, 89, 90, 92, 93, 100, 110, 139, 161, 167, 175, 207
- Вергобрет — выборный верховный правитель в кельтских племенах 8 эт, 193
- Виввела КТ — возлюбленная Шильрика 119 эт, 120, 121

- Вулкан (римск. миф.) — божество огня и кузнечного ремесла 227
- Гаваонитяне (библ.) — жители древнего палестинского города Гаваона 90
- Гавра — узкая долина в Ольстере, место последней битвы Оскара¹ и Карбара² в ирландской поэме 173, 246
- Галиция — северо-западная часть Испании 6
- Галлия — историческая область Европы, расположенная между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями и Атлантическим океаном (территориально близкая к современной Франции, Швейцарии и Бельгии), заселенная в основном галлами 7, 253
- Галлы — кельтские племена, населявшие Галлию; в III в. часть их переселилась в Британию 7, 262, 272, 273
- Галмал К, ПС — местность, вождем которой был Кармор, где охотилась Комала 69, 70, 131
- Гальвина Ф II — дочь Конлоха², возлюбленная Комала 27, 35
- Гармаллар Крт — название местности 91
- Гармаллон СрК — отец Ламора 74
- Гарсиласо, см. Вега, Гарсиласо де ла
- Гебридские острова — архипелаг в Атлантическом океане у западных берегов Шотландии 19, 87, 102, 131, 183, 195, 200, 240
- Гектор (греч. миф.) — троянский герой, сын царя Приама, защитник родного города, убитый Ахиллом; его погребением завершается «Илиада» 28, 65
- Геллама Т I — отец Тратина 178 эт
- Гельхоса Ф V — дочь Туахала, возлюбленная Ламдерга, похищенная Уллином³ 50, 54 эт, 55
- «Георгики» (37—29 до н. э.) — дидактическая поэма Вергилия о земледелии 49, 75, 110
- Германия 7, 253
- Германцы — обширная группа племен и народов, принадлежавших к индоевропейской семье языков и занимавших в древности европейскую территорию между Рейном, Вислой, Дунаем, Балтийским и Северным морями, а также южную Скандинавию 7, 13, 273
- Гета Публий Септимий (189—212) — сын римского императора Септимия Севера; после смерти отца разделил императорскую власть со старшим братом Марком Аврелием Антоном (Каракаллой), по приказу которого был убит 10
- Глен Ко — долина в Аргайлшире (Шотландия) 25
- Глентивар — долина в Стерлингшире (Шотландия) 73 эт
- Гол Ф, БЛ, Л, О, Т — сын Морни, брат Минваны, муж Эвир-хомы; восставал против Фингала, но затем подчинился ему и стал одним из главных его военачальников 36, 40, 42, 43, 47, 48, 50, 52, 56, 61, 81, 85, 87, 139—145, 147—150, 163, 190—195, 208, 210, 212, 223, 234, 237
- Гоблбун Ф I — гора в графстве Слайго (Ирландия) 26 эт
- Гомер — легендарный поэт Древней Греции, считавшийся автором эпических поэм «Илиада» и «Одиссея» 18, 22, 23, 26, 28, 39, 45, 51, 55, 65, 76, 79, 88, 92, 95, 102, 105, 110, 144, 148, 158, 161, 163, 167, 170, 194, 201, 207, 213, 235, 241, 267
- Гораций Квинт Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт; Мф имеет в виду его суждения в начале стихотворного трактата «Послание к Пизонам об искусстве поэзии» 226
- Герло — король Инис-тора, отец безымянной возлюбленной Тренара («дева Инис-тора») 24
- Горма ПС — один из Гебридских островов, которым правил Армин 131 эт
- Гормал¹ Ф, Крт, КТ — гора в Лохлине 22—25, 37, 47, 58—60, 99, 123
- Гормал² КЛ — дворец королей Лохлины 257, 259, 267, 268
- Гормар КТ, Л — воин, убитый Ринвала и павший от руки Оссиана 126, 144
- Гормур Т пр — воин, убитый в бою Оскаром² 180
- Греки древние 6, 13, 29, 78, 158, 167, 235
- Грудар Ф I — ирландский герой, возлюбленный Брасолис 16, 26
- Грумал¹ Ф II — ирландский вождь в войске Кухулина 27, 32
- Грумал² Ф II — вождь Ардвена, отвергнутый поклонник Гальвины 34, 35
- Грумал³ Ф VI — вождь Коны, пытавшийся завладеть дочерью короля Краки 57, 60, 61
- Гэлы — древние кельтские племена, поселившиеся в Ирландии, часть которых в V—VI вв. переселилась в Шотландию (у Мф последовательность переселений обратная) 167, 181, 183, 186, 196, 223, 231, 262
- Дая — скифская народность, обитавшая на Северном Кавказе и в Средней

- Азии и упоминаемая Страбоном, который (вопреки утверждению Мф) считал неправдоподобным происхождение даков от даев (см. География, кн. VII, гл. 3, § 12) 7
- Дáйро Ф IV — соратник Кормака³ 44
- Даки — фракийские племена, обитавшие на территории севернее Дуная до отрогов Карпатских гор 7
- Дакиды — см. Идейские дакиды
- Дáла Ф IV — соратник Кормака³ 44
- Дáлрúто Т V — местность в Моме (северо-западная Ирландия) 215 эт
- Дáмман Ф II — отец Ферды 33, 34
- Данаи (греч. миф.) — название греческих войск, осаждавших Трою 28
- Данкелд — городок в Шотландии на реке Тей 119
- Дáрго¹ Т I пр — воин, убитый в бою Оскаром² и Дермидом², отец безымянной красавицы («дочь Дарго») 180
- Дáрго² КТ — бритт, предводитель войска, высадившегося во владениях Фингала 125—127
- Дáрго³ КлК и пр — воин Фингала, сын Коллата, муж Мингалы; сопровождал Оссиана в походе на Дунталмо 136, 137
- Дáрдú-лэна Т V — дочь Фолдата 215 эт
- Дáр-тула Д — дочь Коллы¹, сестра Трутила², возлюбленная Натоса 108, 109 эт, 110—117, 177
- Датчане 222
- Дáура ПС — дочь Армина, сестра Аринда, невеста Армара 131, 132
- Деверон — река в графстве Банф (Шотландия), впадающая в Северное море 144
- Дегрэна Ф II — дочь Карбара⁴, жена Кругала 31 эт, 32
- Дéдгал Ф II — отец Кругала 28
- Дéрмид¹ Ф IV, БЛ, Т — воин Фингала, потомок Клоно, сын Дутно 48, 84, 169, 208, 211—213, 234, 236, 237
- Дéрмид² Т пр — воин, сын Диарана¹, ближайший друг Оскара², влюбленный в дочь Дарго¹ 179, 180
- Дерсагрéна К — дочь Морни, сестра Мелилькомы, спутница Комалы 66, 67 эт, 70
- Дéугала Ф II — жена Карбара⁶, покинувшая его 34
- Диáран¹ Т пр — отец Дермида² 179, 180
- Диáран² КлК — соратник Оскара¹ на войне против Дунталмо, отец Коннала³ 125, 136, 137
- Диона — героиня «Энеиды», финикийка, основавшая город Карфаген в Африке; влюбилась в троянца Энея и, покинутая им, в отчаянии лишила себя жизни; в VI книге поэмы Эней, спустившись в преисподнюю, встречает там тень Дидоны 93
- Диодор Сицилийский (ок. 90—21 до н. э.) — древнегреческий историк, автор сводной «Исторической библиотеки», охватывающей мировую историю от мифической эпохи до I в. до н. э. 7
- Диоклетриан Гай Аврелий Валерий (243—ок. 315) — римский император с 284 по 305 г.; боролся с сепаратистскими движениями и в 297 г. присоединил к Римской империи ранее отпавшую Британию; в 303 г. начал жестокое гонения против христиан 9, 10
- Диомед (греч. миф.) — греческий герой, участник Троянской войны; в X книге «Илиады» Диомед с Одиссеем (Улисс у Мф) ночью вторгаются в стан фракийцев, пришедших на помощь троянцам, и убивают спящих воинов и их царя Реза 143
- Дион Кассий Коккеян (р. между 155 и 164 — ум. после 229) — древнегреческий историк, автор «Римской истории» в 80 кн., доводящий события до начала III в. 10
- Дóбра Т I — холм в окрестностях Теморы 176 эт, 177
- Дóрглас Ф I — ирландский вождь в войске Кухулина 25
- Друиды — жрецы древних кельтов Галлии, Британии, Ирландии; вместе с племенной знатью составляли господствующую общественную прослойку, ведали жертвоприношениями, были судьями, врачами, учителями, прощателями, играли большую роль в политических делах 8, 9, 12, 54, 69, 83, 187, 209, 210, 215, 229, 243, 250
- Друм-áльбин Т VII пр — владения Ко-нада 228
- Дру́ман-ард Т V — название горы 210 эт
- Друмáрто Т II — гора в Уллине 186 эт
- Дуврáнна Л, О — река в Шотландии во владениях Латмона 144 эт, 147, 150
- Дуглас Вильям (1423?—1440) — граф, претендент на шотландский престол; приглашенный на пир королем Шотландии Яковом II, был вероломно схвачен и обезглавлен 171
- Думарíкан Ф IV — соратник Оссиана в походе за Эвиралин 44
- Дунлáтмон Л, О — замок Латмона на реке Дуврэнне 145—148

- Дун-лора Т III — гора на Лоре в Морвене, владения Дут-карона и его сына Коннала² 190, 194 эт, 196, 197
- Дунмора Т VIII — гора в Ольстере 237
- Дунора — название замка графов Аргайл 171
- Дунра́то Т III — владения Кормула² (в Ирландии) 194 эт
- Дунр́о́мат О — государь острова Кутал, похитивший Ойтову 147, 149, 150
- Дунскéх Ф, СК, Д — замок Кухулина на острове Скай 17, 26, 27, 29, 31, 50, 56, 102, 106, 107, 113
- Дунга́лмо КлК — государь Теуты, отец Кольмалы 133—138
- Дунто́рмо Л — воин Латмона 143
- Ду́рат КтК пр — местожительство (?) Фергуса¹ 246
- Ду́ро¹ Т IV — гора в долине Клонры (Ирландия) 203
- Ду́ро² Т VII пр — гора в Шотландии 228
- Ду́рра Ф IV — соратник Кормака³ 44
- Дустрóнал Ф I, II — один из двух коней, впряженных в боевую колесницу Кухулина 22, 24, 33
- Ду́та Л — владения Сульмата 144
- Дут-ка́рмор КтК — вождь, убивший Катмола, отца Лануль¹ 247—249, 251, 252
- Дут-ка́рон Т III, IV — вождь Дун-лоры, отец Коннала², приемный отец Фингала; соратник Кормака¹ на войне с фирболгами 190, 194—197, 199
- Дут-ма́руно КлЛ — вождь Кратмо-крауло, потомок Колгорма, муж Лануль², отец Кан-доны; соратник Комхала и Фингала 257, 258 эт, 262—264, 266
- Дут-мока́рглос КД — противник Кар-ула 273
- Ду́тно Т V, VIII — отец Дермида¹ 208, 212, 213, 236
- Дутго́рмот О — название скалы 149
- Дут-у́ла¹ Т III — река в Алнеке (Коннахе) 196 эт, 197
- Дут-у́ла² Т VIII — река в окрестностях Сельмы 246
- Дуту́ма Т VII — пещера в Ирландии 233
- Духо́мар Ф I — ирландский вождь, убивший Катбата² и убитый Морной² 16, 20 эт, 21, 79
- Ду-хóс Т VI пр — пес вождя Уллин-клунду 222 эт
- Зевс, Зевес (греч. миф.) — верховный бог древних греков, царь и отец богов и людей 22, 100
- Идейские дактилы — древнегреческие жрецы богини Кибелы, матери богов, обитавшие на горе Иде во Фригии 8
- И-дронло — один из Гебридских островов, управляемый Касду-конгласом 195
- Иерне — название Ирландии в «Географии» Страбона (кн. IV, гл. 5, § 4 — вопреки утверждению Мф) 19
- Иеффа́й Галаадитянин (библ.) — судья израильский из города Галаад; вынужденный выполнить обет, принес в жертву богу единственную дочь 86
- «Илиада» — эпическая поэма Гомера об осаде соединенным войском греков города Трои 18, 22, 23, 26, 28, 39, 42, 45, 51, 55, 65, 76, 81, 88, 92, 95, 102, 105, 110, 143, 163, 192, 203
- Й-мор Т VIII пр — один из Гебридских островов, управляемый Клу́нгалом 240
- И-мора — один из западных (Гебридских) островов, управляемый Торманом² 130
- Инвернессшир — графство в Шотландии 125
- Иниба́ка Ф VI — сестра лохлинского короля, ставшая женою Тренмора 57, 59
- Иниско́н Ф IV — предположительно один из Шетландских островов, управляемый безымянным братом Тренара 24, 48
- Инис-то́на VI — скандинавский остров, управляемый королем Анниром³, но подчиненный королю Лохлина 77 эт, 78—80, 170
- Инис-то́р Ф, КТ, Т VI — древнее название Оркнейских островов 19 эт, 24, 39, 47, 48, 52, 66, 71, 118, 121, 123—125, 182, 192, 217, 257
- Инис-фа́йл Ф, Кр, Т — старинное поэтическое название Ирландии 19 эт, 22—26, 30—32, 39, 62, 152, 172, 178, 196, 203, 207, 220, 232, 233
- Инис-ху́на Т, СЛ — часть юго-западной Британии, расположенная напротив Ирландии; древнее место поселения фирболгов 170, 186, 195, 199, 202 эт, 204, 206, 207, 209, 217, 225, 228, 229, 231, 233, 238, 245, 247, 249, 252, 253
- Инки (инка) — господствующий слой в государстве инков Тауантинсуйу (XV—XVI вв.), занимавшем территорию современных Перу, Боливии и прилегающих земель; также титул правителя (верховный инка) 13
- Иов (библ.) — патриарх, истории которого посвящена особая книга Библии 20, 92

- Ионафан (библ.) — воин, сын царя Саула, погиб в битве с филистимлянами 81, 104
- Иракл (Геракл — греч. миф.) — самый сильный и популярный герой греческого народа, сын Зевса и смертной женщины 79
- Ирландия 7, 16, 17, 19, 26, 27, 33, 35, 43, 81, 87, 88, 101, 106, 108, 109, 113, 114, 123, 139, 151, 152, 163, 164, 166—168, 170, 172, 173, 176, 177, 181—184, 186, 190, 195—200, 202, 204, 212, 216, 217, 223, 225, 226, 231—233, 237, 239, 242, 249, 252, 253, 266
- Ирландцы 7, 11, 16, 17, 26, 33, 35, 77, 94, 102, 106, 113, 171—173, 181, 183, 190, 197, 199, 200, 211, 212, 223, 227, 232, 234, 239, 258, 266
- Исайя (библ.) — пророк, предсказания которого составляют особую книгу Библии 77, 94
- И-то́на КнК — один из западных (Гибридных) островов 87 эт, 88
- И-то́рно СЛ, КЛ — скандинавский остров 254, 255, 259, 264, 265
- Йорк — город в центральной части Британии 10
- Кайтбат — правитель острова Тогорма, отец Коннала⁴ 19, 28, 101, 102
- Калгак — вождь каледонцев, возглавивший в 83 г. борьбу с римлянами; упоминается в «Жизнеописании Юлия Агриколы» Тацита 193
- Каледония — название, данное римлянами северной части Великобритании, соответствующей нынешней горной Шотландии 183, 186, 200, 212, 252, 254, 262
- Каледонцы — жители Каледонии (см.), исторически — докельтское население, у Мф — кельтское племя 7—11, 16, 36, 57, 66, 72, 83, 93, 144, 166, 181—183, 193—197, 200, 212, 214, 216, 221, 223, 245, 252, 263, 268, 269, 272 эт, 273
- Каммар Ф I, III, СК, Т VI — сын Маты и Алклеты, друг и соратник Кухулина 16, 18, 19 эт, 26, 35, 36, 38, 39, 103—105, 223
- Калтар Кр — воин, убитый Фингалом 152
- Кальтон КЛК — сын Ратмора, возлюбленный Кольмалы 133—135, 137, 138
- Камилла (римск. миф.) — амазонка, спутница богини охоты Дианы, описанная в «Энеиде» Вергилия; она бежала так быстро, что могла пронестись над нивой, не погнув колосьев, и над волнами, не замочив ног 175
- Кан-до́на КЛ — сын Дут-маруно 258 эт, 264
- Кан-ма́тон Т VII — название звезды 232 эт
- Канте́ла СК, Т I — отец Торлата 101, 103, 176
- Ка-олт¹ Ф I, II — ирландский воин в войске Кухулина 18, 32
- Ка-олт² — воин Фингала в ирландских сагах 239
- Каравзий — галл из племени менапиев, который выдвинулся в конце III в. как опытный римский флотоводец; отведя свой флот в Британию, он привлек на свою сторону местный римский легион и провозгласил себя императором, заставив императоров Максимиана и Диоклетиана признать его власть, длившуюся семь лет, пока он не был убит (см. Карос) 11, 72, 170
- Каракалла — прозвище Марка Аврелия Антонина (186—217), сына римского императора Септимия Севера; в 208 г. вместе с братом Гетой сопровождал отца на войну против восставших жителей Британии и дошел до северной Шотландии; после смерти Севера в 211 г. заключил мир с британцами, вывел армию из страны и, инспирировав убийство Геты, стал в 212 г. единственным императором (см. Каракул) 10, 66
- Ка́ракул К — вариант имени Каракаллы в поэтическом тексте (приписывая Оссану употребление этого прозвища, Мф допустил анахронизм) 10 эт, 66, 67, 69
- Ка́раха КтК — поле битвы Тренмора с друидами 250
- Ка́рбар¹ Т IV, VIII — верховный король Ирландии, сын Кормака¹ 101, 200, 234, 236, 237
- Ка́рбар² Д, Т — государь Аты, сын Борбар-дугула, брат Кахмора, убивший Кормака² и узурпировавший ирландский престол; убийца Оскара¹ 11, 101, 108—117, 166—173, 176—179, 181, 182, 185, 186, 188—190, 194, 196, 199—203, 205, 209, 214, 217, 237, 252
- Ка́рбар³ Ф I — ирландский вождь, брат Брасолис, убивший на поединке Грудара 26
- Ка́рбар⁴ Ф I, II — ирландский вождь в войске Кухулина, отец Дегрены 18, 32
- Ка́рбар⁵ Ф V — отец Уллина⁵ 54, 55

- Кáрбар⁶ Ф II — вождь Уллина⁵ (Ольстера), муж Деугалы 34
 Кáрбар⁷ Ф I — могучий воин, убитый Кухулиным 17 эт
 Кáркин-тура КТ — замок Катуллы, короля Инис-тора 118, 119, 121—123, 125, 126, 257
 Кáрил Ф, СК, КТ, Т — сын Кинфены¹, бард Кухулина, после смерти которого перешел к Фингалу 16, 25—27, 31, 33—36, 39, 50, 56, 57, 60, 62, 102—106, 125 эт, 177, 178, 181, 189, 190, 198, 201, 205, 217, 218, 234, 237, 245, 246
 Кáрмал КтК — предводитель друидов в битве с Тренмором и Траталом 8, 250
 Кармóна Л, КтК — бухта близ Сельмы 140, 247—249
 Кáрмор ПС — вождь Галмала, отец Колгара⁴ и Анниры 131 эт, 132
 Кармóра КТ — гористая местность, которой правит Шильрик 120 эт
 Кáрмун КлК — лесистая местность на Туиде 137
 Кáрос СрК — вариант имени Каравзия (см.) в поэтическом тексте 11, 72, 73, 75, 76, 170
 Каррон — река в Центральной Шотландии (в поэтическом тексте — Карун) 11, 67, 72, 73, 272
 Кáртон Крт — сын Клессамора и Мойны²; неузнанный, убит отцом на поединке 91 эт, 96—99
 Картул — отец Тормана² 130
 Кáр-ул КД — правитель в долине реки Кол-амон, отец Кольва-доны 272 эт, 273
 Кáрун К, СрК, Крт, Т I — вариант названия реки Каррон в поэтическом тексте 11 эт, 67 эт, 68—70, 73—76, 92, 170
 Кáрут Т пр — отец Оскара² 179, 180
 Кáрхар СЛ — один из предков Руно-форло, чьих духов она призывает 255
 Касду-конглас — правитель И-дронло, одного из Гебридских островов, отец Эвир-хомы 195
 Каспий (Каспийское море) 24
 Кáтбат¹ Ф, СК, Д, Т I — дед Кухулина, отец Семо 18, 30, 50, 104—106, 114, 177
 Кáтбат² Ф I — сын Тормана¹, возлюбленный Морны 16, 20, 21
 Кáтлин¹ Т VII — название звезды 210 эт
 Кáтлин² КтК — имя, взятое Лануль¹, когда она бежала, переодевшись воином 247—251
 «Кат-лода» (гэльск.) — битва при Лоде; заглавие одной из малых поэм 257, 266
 Кáтмин¹ Л — воин Латмона 143
 Кáтмин² Т II — правитель Ольстера, отец Кон-ламы 186 эт, 187
 Кáтмор КтК — правитель Клуты, отец Лануль¹ 247, 248, 251
 Катмул — отец барда Колгана 197
 Кáтол Т I — ирландский вождь, сын Морана³, друг Оскара¹ 101, 113, 169, 170
 Кáтул Крт — вождь в войске Фингала, сын Лормара 96 эт
 Кату́лла КТ — сын и наследник Сарно, короля острова Инис-тор, брат Комалы, отец Клато, второй жены Фингала 118, 119, 123, 182, 192, 257
 Кáхмор Т, СЛ — сын Борбар-дугула, брат узурпатора Карбара², возглавивший войско Аты после его гибели, возлюбленный Суль-малы 166, 170 эт, 176, 178, 179, 181—190, 193—196, 199, 202—207, 209, 211, 214—217, 220, 222—226, 229—234, 240—246, 252, 254—256
 Кельты — близкие по языку и материальной культуре племена, обитавшие в I тысячелетии до н. э. к северу и западу от Альп до областей по верхнему течению Дуная и распространившиеся далее по Европе; в IV—I вв. до н. э. кельтские племена пропикали на Британские острова и расселились там 6—8, 13, 226, 235, 245
 Кеннет I Мак-Альбин (ум. 860) — исторический основатель шотландской династии королей (в поэтическом тексте — Конад) 228, 235
 Кинфéна¹ Ф I, Т III — отец барда Карила 16, 25 эт, 125, 181, 189, 198, 205
 Кинфéна² — отец Тоскара² 87
 Китинг Джеффри (ок. 1570—ок. 1644) — автор древней истории Ирландии (до XII в.) 106, 239, 263
 Клайд — река в Шотландии (в поэтическом тексте — Клута) 91, 93, 133
 Клатó Т — дочь Катуллы, вторая жена Фингала, мать Рино¹, Филлана и Босмины 182, 192, 195, 199, 208, 209, 214—216, 219, 222, 227, 238
 Клессамóр Крт — дядя Фингала со стороны матери, сын Тадду, муж Мойны², отец Картона 91, 92 эт, 93, 97—99
 Клóнар¹ Т VIII — один из вождей, сопроваждавших Кахмора в последнем бою 239
 Клóнар² Т VIII и пр — вождь в войске Фингала, сын Конгласа, возлюбленный Гла-мины 240

- Клѳнат Т V пр — название меча Филлана 214 эт
- Клѳнмал Т VII, VIII — старый друид и бард властителей Аты, в пещере которого скрывается Суль-мала во время последней битвы Кахмора и Фингала 229 эт, 243, 244
- Клѳнмар — правитель Струты, отец Кулмина 211
- Клѳно Т V и пр, VI пр — предок Дермида¹, сын Летмала; убит в долине, названной затем его именем 212, 219
- Клѳнора Т — местность на берегах озера Лего 169, 203 эт, 240
- Клѳра Т III пр — крепость Морни 191
- Клѳуба Т, СЛ — морская губа в Инисхуне 203, 217 эт, 233, 247, 253, 254
- Клѳуна Т VIII — долина позади горы Кроммал в Ольстере 234, 236, 237
- Клѳунар Т VII — брат Сон-мора 231
- Клѳунгал Т VIII пр — вождь острова И-мор, отец Гла-мины 240
- Клун-гало Т VI — жена Конмора², короля Инис-хуны, мать Суль-малы 225 эт
- Клѳута Крт, КлК, Т III, КтК, КД — вариант названия шотландской реки Клайд в поэтическом тексте 93 эт, 94, 133—135, 137, 191, 193, 247—249, 251, 273
- Кол-амон КД — река, в долине которой расположен замок Кар-ула 272 эт, 273, 274
- Кѳлган Т III — главный бард короля Кормака¹ 197
- Кѳлгар¹ Т II — старший сын Тратала и Солинь-кормы, брат Комхала; погиб в Ирландии 184 эт
- Кѳлгар² — вождь в Коннахте, отец Бос-галы 237
- Кѳлгар³ Ф II, СК — предок Коннала⁴ 28—30, 33, 102, 106
- Кѳлгар⁴ ПС — сын Кармора 131
- Кѳлгах Т III и пр — предок Морни 191, 193 эт
- Кѳлглан-крѳна КЛ — местность в Каледонии 263
- Кѳлгорм КЛ — предок Дут-маруно, воин с острова И-торно, женится на Стрина-доне 262, 264, 265
- Колда-ронан — вождь Клуты, убивший братьев Гола 191
- Кол-дѳрна Т VII — название звезды 232 эт
- Кол-кѳйлед ОМ — бухта на скандинавском острове Фуэрфет 269
- Келк-улла Т III и пр, IV — брат Борбар-дугула 188, 196 эт, 198, 200, 201, 223
- Кѳлла¹ Д — ирландский вождь в Селаме¹ (Ольстер), отец Тругила² и Дар-тулы 108, 110—115, 117
- Кѳлла² Ф IV — соратник Кормака³ 44
- Кѳллат КлК пр — отец Дарго³ 136
- Кѳлмар КлК — сын Ратмора, брат Кальтона 133—137
- Кѳльма ПС — возлюбленная Салгара 128 эт, 129
- Кольмала КлК — дочь Дунталмо, возлюбленная Кальтона 133, 135 эт, 137, 138
- Кѳльна-дѳна КД — дочь Кар-ула, влюбившаяся в Тоскара¹ 272 эт, 273, 274
- Кѳмал Ф II — шотландский вождь, убивший ненамеренно свою возлюбленную Гальвину 27, 34, 35
- Комала К, СРК, КТ — дочь Сарно, влюбленная в Фингала 66, 67 эт, 68—71, 73, 74, 118, 119, 123, 124
- «Комус» (1634) — драматическая поэма Д. Мильтона, аллегория борьбы целомудрия с пороком 147
- Кѳмхал Ф IV, К, Крт, КТ, Л, Б, Т, КЛ — король Морвена, сын Тратала и Солинь-кормы, муж Морны¹, отец Фингала; обычно упоминается в патрониме Фингала («сын Комхала») 11, 17, 46, 49, 66, 68, 82, 91—93, 96—98, 101, 122, 140, 141, 159, 160, 184, 191, 193, 196, 200, 258, 263
- Кѳна — название реки и прилегающей к ней местности в Морвене (предположительно долина Глен Ко в Аргайлшире); часто упоминается в поэтическом прозвище Оссиана («бард Коны», «голос Коны») 19, 25, 30, 32, 37, 39—44, 46, 49, 51, 56, 60, 61, 69, 72, 73, 75—77, 82—85, 87, 91, 95, 96, 115, 118, 132, 156—158, 163, 183, 196, 200, 208, 211, 227, 238, 253, 266
- Кѳнад Т VII пр — вариант имени шотландского короля Кеннета Мак-Альпина в поэтическом тексте 228
- Кѳнар Т — первый король всей Ирландии, сын Тренмора и Инибаки, брат Тратала, отец Кормака¹ 17, 166, 181—183, 186, 187, 196—198, 201, 202, 209, 212, 217, 223, 226, 231, 234, 236, 237, 245
- Кѳнахар¹ — вождь в Уллине⁵; отец Белтано 237
- Кѳнахар² Т I — отец барда Алтана 166, 176
- Кѳнахар³ Т I — ирландский воин в войске Карбара² 172
- Кѳнахар-нессар — местность, откуда происходила Фоба 19

- Конбан-ка́рглас КЛ — дочь Торкул-торно, которую Старно заточил в пещеру 257, 259—262, 268
- Конгал¹ — вождь из Ольстера, отец Фионкомы 17, 19
- Конгал² — сын Фергуса¹ 182, 247
- Конгулион — обманутый муж в средневековой ирландской поэме 266
- Конглас Т VIII пр — воин с острова Илмор, отец Клонара² 240
- Кондан Т VIII — бард, скрывавший Феррад-арто 237, 245
- Кон-кэглин ОМ — название звезды 269
- Кон-ла́ма Т II — дочь Катмина², жена Кротара¹ 186 эт
- Конлат КнК — младший сын Морни, брат Гола и соратник Оскара¹, возлюбленный Кутоны 87, 89, 90, 109
- Конлох¹ — сын Кухулина и Брагелы 106
- Конлох² Ф II. Б. КД — отец Гальвины и Тоскара¹ 34, 35, 158, 162, 218, 273
- Конмор¹ — предок Тренмора 183 эт
- Копмор² Т, СЛ — король Инис-хуны, муж Клун-гало, отец Суль-малы и Лормара² 170, 186, 199, 202 эт, 203, 207, 209, 217, 224, 225, 228, 229, 245, 252—254
- Коннал¹ Крт — воин, друг Клессамора 96, 97
- Коннал² Ф IV, Т — сын Дут-карона, друг детства Фингала и вождь в его войске 48, 168, 190, 194, 196—199
- Коннал³ КТ — сын Диарана², возлюбленный Криморы 125—127, 136
- Коннал⁴ Ф, СК — правитель острова Тогорма, потомок Колгара³, сын Кайтбата и Фюнокмы, друг и советник Кухулина 16—19, 26—33, 36, 38, 39, 50, 51, 56, 102, 105, 106
- Коннан Ф VI — воин Фингала из рода Морни 62
- Коннахт — северо-западная провинция Ирландии (в поэтическом тексте — Алнекма) 16, 17, 101, 166, 172, 177, 186, 196, 215, 226, 237
- Констанций Хлор Флавий Валерий (264—306) — римский военачальник при Диоклетиане; в 293 г. был направлен на завоевание отложившейся Британии; в 305 г. получил сан императора 9
- Конфа́дан Д — воин, упомянутый Коллой¹ 111
- Коркул-су́ран КЛ — брат Колгорма, включенный в Стрина-дону 265
- Корлат Д — ирландский вождь, друг и соратник Карбара² 114
- Корло Ф VI — скандинавский вождь, преследовавший своей любовью Иннабаку 59
- Кормак¹ Т, КД — король Ирландии, сын Конара, отец Карбара¹ и Рос-краны 8, 182, 192, 196—201, 223, 231, 236, 237, 257, 273
- Кормак² Ф I, II, СК, Д, Т I, III — малолетний король Ирландии, сын Арто, правнук Кормака¹ 16, 17, 19, 23, 25, 27, 30, 31, 101, 102, 105—109, 111—114, 166—168, 170—172, 175—179, 192, 197, 200, 202, 217, 237
- Кормак³ Ф IV, V — ирландский вождь, сватавшийся к Эвиралин 44, 56
- Кормак-ка́рбар Ф I — отец Морны² 16, 20, 21
- Корма́ло ВИ — скандинавский вождь, похитивший дочь Аннира³ 78—80
- Корман-тру́нар КЛ — вождь скандинавского края Урлор, похитивший Фойнар-брагал 266—268
- Кормар¹ Ф III — мореход, предок Калмара 38
- Кормар² КЛ — соратник Комхала и Фингала 258 эт
- Кормар³ Т — ирландский вождь в войске Карбара² и Кахмора 168 эт, 184, 239
- Кормо — отец Рейды 91
- Кормул¹ Т II — брат Кротара¹ 186 эт, 187
- Кормул² Т III — вождь Дунрато, воевавший в войске Кахмора 194 эт, 195
- Кормул³ Т — утес на горе Мора, с которого Фингал следил за ходом боя 190, 193, 196, 201, 210, 216, 221, 225, 234
- Корхтур СЛ — один из предков Рунофорло, чьих духов она призывает 255
- Кра́ка Ф III, VI — предположительно один из Шетландских островов; употребляется как топоним («король Краки») безымянного отца Фейнасолис и другого короля и их дочерей: Фейнасолис («дочь Краки»), «красавица Краки») и безымянной девы («дочь Краки») 36, 41, 42, 61, 185
- Кран-та́ра — сигнал бедствия или опасности у галов, по которому воины клана собирались вооруженные 248
- Кратлун — местность в Швеции 259
- Кра́томо Крт — местность в Шотландии 98
- Кра́томо-кра́уло КЛ — северная оконечность Шотландии напротив Оркнейских островов, местопребывание потомков Колгорма 258, 259, 264, 265
- Кре́мор Л — воин Латмона 143

- Крёмора КТ — дочь Гинвала, возлюбленная Коннала³ 125 эт, 126, 127, 136
- Крёма Кр — местность в Ирландии, где правил Крогар² 151—154
- Крёмала Ф III — гряда холмов на Краке 41
- Крёма-хэри КЛ — скалистая местность во владениях Дут-маруно 258, 264
- Крёмла Ф, КнК, СК, Д, Т I, III — гора на побережье Ольстера вблизи Туры¹ и прилегающая к ней местность 16, 18—22, 24, 25, 26 эт, 28, 30, 33, 39, 40, 42, 45, 46, 48—51, 54—57, 61, 62, 88, 89, 107, 114, 169, 173, 193
- Крёмма-глас КЛ — соратник Комхала и Фингала 258 эт, 263
- Крёммал Т VIII — гора в Ольстере, на которой берет начало река Лубар 209, 236, 237
- Крёна¹ К, СрК, КТ, КД — приток реки Каррон севернее вала Агриколы 66, 67, 72, 73, 76, 118, 263, 272 эт, 274
- Крёна² Т III, VII пр — название горы 192, 193, 232
- Кронивон (греч. миф.) — патроним Зевса («сын Крона») 13, 105
- Крөнван КТ — бард Фингала 119 эт, 120, 121
- Крётар¹ Т II — вождь Аты, муж Конламы, отец Сон-мора, прадед Карбара² и Кахмора 181, 186, 187
- Крётар² Кр — король Кромы, отец Фовар-гормо 151—153, 155
- Крётю Л — воин Латмона 143
- Кругал Ф I, II — ирландский вождь в войске Кухулина, сын Дедгала, муж Дегрены 18 эт, 27—29, 31, 105
- Кру-лода КЛ, ОМ — божество, отождествляемое со скандинавским Одином 257, 261, 262, 264, 266, 267, 270
- Крумтёрмот КЛ — один из Оркнейских или Шетландских островов 258
- Крунат Т IV пр — название горы 201
- Крурут КЛ — река на острове Тормот 265
- Кул-аллин Т V — жена Клонмара, мать Кулмина 210 эт, 211
- Кулбина залив Т VII — бухта в Ирландии 233
- Кулгорм СЛ — король одного из скандинавских островов 252, 254, 255
- Кулдарну СЛ — горная местность в Инисхуне 253
- Кулмин Т V — воин в войске Кахмора, сын Клонмара и Кул-аллин 208, 210 эт, 211
- Курах Ф I, II — ирландский вождь в войске Кухулина 18 эт, 32
- Куреты — древнегреческие жрецы богини Реи, матери Зевса, обитавшие на о. Крит 8
- Кута Л — жена или любовница Латмона 145
- Кутал О — один из Оркнейских островов, которым правил Дуромат 147—150
- Кутон Ф I — название прибрежных скал 18 эт
- Кутона КнК — дочь Румара, возлюбленная Конлата 87, 88, 89 эт, 90, 109
- Кухулин Ф, СК, Д, Т I, II — уроженец острова Скай, сын Семо и внук Катбата¹, муж Брагеллы, отец Коилоха¹; в Ирландии после смерти короля Арто был избран опекуном малолетнего Кормака² и правителем при нем 16 эт, 17—29, 31—36, 38, 39, 43, 50, 60—62, 101—106, 108, 110, 111, 113, 124, 125, 176—178, 189
- Ла Блетери Жан Филипп Рене де (1698—1772) — аббат, французский литератор и историк, переводчик Тацита; Мф ссылается на его «Заметки», приложенные к переводу «Германии» (1755) 13
- Лават Б, Т VIII — река в Ирландии возле горы Кроммал 159, 209, 236
- Лавор Д — воин Кухулина в Туре 113 эт, 114
- Ламгал КнК — вождь, сыном которого объявляет себя Кольмала, переодетая в платье воина 135
- Ламдерг Ф III, V — вождь Кромлы, возлюбленный Гельхосы 40, 50, 54 эт, 55
- Ламор СрК — вождь Балвы, сын Гармаллона, отец Хидаллана 66, 73—75
- Лано Ф I, IV, СрК, ВИ, КнК, Д — озеро в Скандинавии, выделяющее ядовитые пары 20, 48, 75, 78—80, 87, 114
- Лануль¹ КтК — дочь короля Катмола, переодетаясь воином под именем Катлин 247, 248 эт, 249, 251
- Лануль² КЛ — жена Дут-маруно 264
- Лара Ф III, СК, Д, Т — река и прилегающая к ней местность в Коинхте 16, 39, 103—105, 114, 182, 187, 196, 223, 225, 226
- Лармон ОМ — название холма 269
- Ларнир — соратник Калмара 104
- Лартмор Б — правитель Бератона, подчиненный королю Лохлина 156, 159—162
- Ларто КнК пр — чертог воина Дарго³ 136

- Лартон Т IV, VII и пр — правитель Инис-хуны, возглавивший первых переселенцев в Ирландию и основавший династию Аты, муж Флатал¹ 167, 204 эт, 225, 232 эт, 233, 234, 249
- Латмон Л, О — вождь бриттов или пиктов, сын Нуата, муж или любовник Куты 139, 142—147, 149, 150
- Лациум (Лаций) — область, которую в основном ограничивались владения Рима во 2-й половине IV в. до н. э.; была расположена на западе центральной части Апеннинского полуострова 206
- Лéго Ф, СК, Д, Т, КтК — озеро в Коннахе, в которое впадает река Лара 19, 28, 43, 44, 57, 76, 101—103, 105, 106, 114, 169, 177, 182, 197, 225, 226 эт, 238, 248, 250
- Лéна Ф, Д, Т I, III, VIII — равнина на побережье Ольстера вблизи горы Кромла 18, 19, 24, 27—30, 32, 38—41, 43, 45—49, 52—54, 56—59, 61, 65, 114, 115, 194, 237, 238, 245
- «Леса» — латинская поэма Д. Бьюкенена 67
- Лет¹ Л — воин Латмона 143
- Лет² О — отец Морло 147, 149
- Лéтмал¹ Т V пр — отец Клоно, живший на Лоре 212
- Лéтмал² Б — бард, сопровождавший молодого Оссиана на Бератон 161
- Ливий Тит (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор «Римской истории от основания города», доводящей изложение событий до 9 г. н. э. 7
- Лбда Ф III, СК, КТ, Т V, VI пр, КтК, СЛ, КЛ, ОМ — название (придуманно Мф) места, где отправлялся культ скандинавского бога Одина, а также его воздушные чертоги; под «духом Лоды» имеется в виду Один (ср. Крулода) 36, 105, 118, 124—123, 127, 210, 219, 250, 254, 255, 257, 258, 260, 261, 264, 265, 267, 268, 271
- Лоден¹ (или Лода) — название круговых каменных оград на Оркнейских и Шетландских островах 210
- Лоден² — согласно Мф, замок норвежского короля Хокона I (Мф неверно понял текст Малле, у которого Laden означает место расположения замка) 214
- Лбна Д, КтК, Л, Т VII, VIII пр — название различных мест действия в Шотландии и Ирландии 112 эт, 137, 139, 207, 209, 223, 225, 229, 230, 234, 235, 243, 245
- Лбнвал Ф VI — вождь, сыном которого объявляет себя Инибака, переодетая в платье воина 58
- Лбра Ф III, БЛ, Крт, Д, ПС, Т V, КЛ — река в Шотландии 36, 81, 83 эт, 91—93, 97—99, 109, 123, 128, 182, 192, 208, 212, 257
- Лбрма БЛ — жена Эрагона, бежавшая с Альдо 81, 82, 84—86
- Лбрмар¹ Крт — отец вождя Катула 96
- Лбрмар² СЛ — сын и наследник Коммора², брат Суль-малы 207, 254
- Лорн — прибрежный район в Аргайлшире (Шотландия) 108
- Лбта¹ КТ — древнее название реки на севере Шотландии 125, 127
- Лбта² Ф V — река в Лохлине 53, 55
- Лохи — река в Инвернессшире (Шотландия) 125
- Лбхлих Ф, К, СК, КтК, КЛ — гальское название Скандинавии вообще и, в частности, Ютландии 16, 17, 19, 20, 22—25, 30—32, 35—43, 45, 48—50, 52, 57—60, 66, 70, 77, 105, 156, 168, 250, 257, 259—261, 264—266
- Лох-Этив — морской залив в Лорне (Шотландия) 108
- Луат¹ Ф II, СК — охотничий пес Кухулина 17, 31, 106
- Луат² Ф VI, Т I — охотничий пес Фингала 61, 175
- Лубар Ф, Т — река в Ольстере 26 эт, 34, 37, 41, 45, 46, 48, 51, 56, 166, 186, 188—190, 192, 203, 205, 208—210, 214, 215, 223, 224, 226, 228, 231, 234, 236—239, 241, 243
- Лугар Ф I — ирландский вождь в войске Кухулина 18
- Лула — река в Швеции, согласно Мф; возможно, он имел в виду впадающую в Боггический залив реку Лулелльв, на которой стоит город Лулео 259
- Лулан КЛ — река в Кратлуне (Швеция) 259—261, 268
- Лумар БЛ — залив в Соре (Скандинавия) 82
- Лумон Т, КтК, СЛ — гора в Инис-хуне 186, 195 эт, 203, 204, 206, 225, 231—234, 239, 240, 245, 249, 251, 252, 256
- Луно КТ, Т, КЛ — лохлинский кузнец, выковавший меч Фингала («сын Луно») 122, 168, 191, 216, 221, 227, 236, 261
- Луртан КЛ — гора на острове Тормот 265
- Лута Кр, Б, Т VI, VIII пр, КтК, КЛ, ОМ, КД — долина в Морвене, где вождем был Тоскар¹, отец Мальвины,

- которая иногда названа «дочь (дева) Луты» 151, 156 эт, 157—159, 162, 218 эт, 238, 247, 251, 257, 269, 271, 272, 274
- Лут-кёрмо КЛ — озеро в Лохлине 267
- Майаты — у Мф племя бриттов, населявшее в III в. низменную часть Шотландии 10, 272 эт
- Максимнан Марк Аврелий Валерий по прозвищу Геркулый (240—310) — римский император с 286 г., соправитель Диоклетяна 11, 72
- Малле Поль-Анри (1730—1807) — швейцарский историк и этнограф, автор многотомной «Истории Дании» и «Введения в историю Дании» (1755—1756), основных источников, по которым европейцы XVIII в. знакомы с историей и культурой древней Скандинавии 211
- Малмор Ф — равнина, место единоборства Фингала и Сварана 17 эт, 18, 20, 34, 39, 59
- Мал-орхол ОМ — король скандинавского острова Фуэрфет, отец Ойны-морул 269—271
- Малтос Т — ирландский вождь в войске Карбара² и Кахмора 166, 168 эт, 169, 184, 188, 199, 203, 208, 211, 214—216, 223, 224, 239, 240
- Мальвина СрК, Крт, Кр, Б, Т VIII пр, КтК, СЛ, ОМ — дочь Тоскара¹ с Луты, называемая иногда «дочь (дева) Луты», возлюбленная Оскара¹, спутница престарелого Оссиана 44, 47, 72, 76, 91, 99, 151, 156, 157 эт, 158, 162, 172, 218, 238, 247, 248, 251, 256, 269
- Марóнан¹ БЛ — морвенский вождь, отправившийся с Альдо к Эрагону 81, 82
- Марóнан² КнК — брат Тоскара² 88
- Марóнан³ Т I — ирландский воин в свите Карбара² 172
- Марóнан⁴ Т II, VIII — ирландский вождь в войске Кахмора 185, 239, 240
- Мата Ф I, III, СК — государь Лары, муж Алклеты, отец Калмара и Алоны 16, 19, 35, 38, 39, 103—105, 223
- Матон Ф IV — патроним («сын Матона») старого воина в войске Сварана 49
- Мела Помпонию (середина I в.) — римский географ, автор первого географического компендиума на латинском языке 7
- Мелилькóма К — дочь Морни, сестра Дерсагрены, спутница Комалы 66 эт, 67, 69, 70
- Менапии — кельтское племя, обитавшее на северо-востоке Галлии 72
- Менетид (греч. миф.) — сын Менетия, Патрокл 28
- Милезские колонии — согласно преданию, колонии на территории Ирландии, завоеванные сыновьями легендарного испанского короля Милезия ок. XIII в. 7, 181
- Мильтон Джон (1608—1674) — английский поэт и политический деятель, участник английской буржуазной революции, автор эпических поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671), драматической поэмы «Комус» (1634) и др. 23, 24, 30—32, 48, 65, 71, 73, 84, 95, 99, 133, 144, 217
- Минва́на Б пр — сестра Гола, возлюбленная Рино¹ 163, 164
- Минга́ла КлК пр — дочь Адонфиона, жена Дарго³ 136
- Минóна КТ, ПС — сказительница в Сельме, дочь Тормана², сестра Морара 119 эт, 128, 129
- Мой-ле́на Т — равнина в Ольстере, на которой разыгрывается действие «Геморы» 166, 168—171, 173—176, 181, 189, 191, 198, 200, 201, 204, 205, 209, 211, 214, 215, 217, 223, 233, 237, 243, 245
- Мой-лу́та — долина в Морвене 238
- Мóйна¹ Ф I — дева, влюбленная в Духомара 21 эт
- Мóйна² Крт — дочь Рейтамира, ставшая женой Клессамора, мать Картона 91—94, 97—99
- Молдавия 7
- Мóма Т — местность в Ирландии, в южной части Коннахта, владения Фолдата 166, 183, 185, 186, 194, 195, 204, 213—215, 233
- Мóра¹ Ф, Т — гора в Ирландии 18, 45, 56, 57, 61, 166, 179, 181, 182, 184, 188, 192—196, 198, 201, 209, 210, 214, 217, 219, 220, 222, 223, 236, 238, 245
- Мóра² Ф II — место охоты Комала 35
- Мóра³ КнК — владения и замок Конлата в Ардвене 87, 89, 90
- Мóра⁴ Б, Т VI пр — гора возле Сельмы 162, 163, 219
- Мóран¹ Ф I, II — дозорный Кухулина, сын Фихила 16, 17 эт, 33
- Моран² — отец Стормала 86
- Моран³ — ирландский вождь, отец Катота 113, 170
- Мор-áнна Т I — дозорный Карбара² 168
- Мóрар ПС — вождь, сын Тормана², брат Миноны 129, 130 эт, 131

- Мóрвен — государство Фингала и его предков, занимавшее северо-западную часть Шотландии (Мф распространял на всю эту территорию название небольшого полуострова) 17, 20, 24, 30, 32, 37 эт, 38—41, 43—48, 50—53, 55, 58—62, 65—68, 70, 73, 75—80, 82—85, 87, 91, 94—99, 101, 106, 115, 117, 119—124, 127, 133, 135, 137, 139—141, 145, 147, 150, 152, 159—161, 163, 164, 166, 168, 169, 172, 174, 175, 179, 180, 182—185, 187, 191—196, 198, 202, 209—211, 213, 214, 218—220, 222, 236, 238, 240, 243, 246, 247, 250, 251, 253, 257, 266
- Мóрглан¹ Ф II — ирландский вождь в войске Кухулина 32
- Мóрглан² ПС — патроним возлюбленной Морара («дочь Морглана») 130
- Мóрла Ф II — лохлинский вождь, сын Сварта 30, 31
- Мóрлат Т I — ирландский вождь в войске Карбара² 168 эт, 172
- Морло — воин Фингала, сын Лета², соратник Гола 147
- Морна¹ — дочь Тадду, жена Комхала, мать Фингала 17, 91, 263
- Мóрна² Ф I — дочь Кормака-карбара, возлюбленная Катбата² 16, 20, 21
- Мóрни Ф III, IV, K, БЛ, КнК, Л, О, Т — вождь могущественного племени, селившегося на реке Струмон, потомок Колгаха, отец Гола («сын Морни»), Коллата, Минваны, Дерсагрены, Мелилькомы и двух безымянных сыновей, убитых Колда-ронаном 36, 42, 43, 46, 47, 62, 66, 69, 81, 82, 87, 139—145, 147—150, 163, 168, 190—194, 196, 208—210, 212, 213, 223, 236, 258, 263
- Мóрху¹ Т III — река в Ирландии во владениях Тур-латона 190, 194 эт
- Мóрху² Кр, Т I, III, V и пр — река в Морвене, возле которой родился Филлан, сын Фингала 151 эт, 169, 194, 213, 214
- Му́лло Ф IV — соратник Оссиана в походе за Эвиралин 44
- Мунаи — сын Сгирмала, посланный Кухулином к Фингалу за помощью 17
- Му́ри Ф II — военная школа в Ольстере 33 эт, 34
- Мю́дан Ф IV — владения безымянного вождя в войске Сварана 48
- На́ртмор БЛ — вождь Лоры (в Морвене) 83 эт
- На́тос Д, Т I — старший сын Уснота 108, 109 эт, 110, 112—117, 177, 178
- Не́мп БЛ — предок Гола (?) 84
- Нéна-то́ма Б — дочь Тортомы, бежавшая с Уталом 156, 159, 161
- Нис и Эвриал — герои «Энеиды», спутники Энея, связанные тесной дружбой; находясь в осажденном городе, ночью они проникли в неприятельский лагерь, где убили многих спящих воинов и сами погибли геройской смертью 139, 143
- Нуа́т Л, О — отец Латмона и Ойтоны 144—149
- Обь — река в Сибири; вопреки утверждению Мф, она упоминается не в «Естественной истории» Плиния, но в примечаниях поздних комментаторов, и относится ли это указание к кельтам (а не к скифам) окончательно не доказано 6
- Ога́р¹ Ф IV — соратник Оссиана в походе за Эвиралин 44
- Ога́р² ВИ — спутник Оскара¹ в походе на Инис-тону 79
- Огла́н Ф IV — соратник Оссиана в походе за Эвиралин 44
- Одга́л ПС — отец Эрата 131
- Один — имя верховного божества в древнегерманской мифологии (скандинавская форма). бога ветра и бурь, покровителя героев и поэтов 118, 121, 127, 257, 258
- «Одиссея» — эпическая поэма Гомера о странствиях греческого героя Одиссея (Улисса) 79, 148, 158
- Ойна-мо́рул ОМ — дочь Мал-орхола, короля острова Фуэрфет 269—271
- Ойто́на О — дочь Нуата, сестра Латмона, невеста Гола, похищенная Дунроматом 147 эт, 148—150, 191
- Ойхо́ма Т III — жена Тур-латона 194
- Олла Т I — бард Карбара² 166, 169, 171, 172
- Ольстер — северная провинция Ирландии (в поэтическом тексте — Уллин⁵) 16—19, 26, 33, 57, 82, 101, 108, 109, 114, 166, 173, 176, 177, 183, 186, 197, 200, 202, 215, 223, 237
- Оркнейские острова — архипелаг в составе Британских островов у северной оконечности Шотландии, который Мф относил к скандинавским владениям во времена Оссиана (в поэтическом тексте — Инис-тор) 19, 24, 66, 147, 210, 255, 257, 258
- Орла Ф V — юный лохлинский воин в войске Сварана 50, 52, 53, 55
- Оскар¹ — морвенский вождь, сын Оссиана и Эвиралин, внук Фингала, воз-

- любленный Мальвины 10, 11, 36, 41—48, 50, 52, 53, 55, 58, 62, 72, 73, 75—80, 84, 87, 101, 109, 113, 129, 142, 151, 158, 163, 166, 169—175, 179—181, 183, 192, 209, 216, 217, 238, 239, 245, 246, 248—253
- Оскар² Т I пр — воин, сын Карута, друг Дермида², возлюбленный безымянной дочери Дарго¹ 179, 180
- Оссиан — легендарный каледонский бард и воин, считавшийся автором эпических поэм; сын Фингала, подвиги которого он воспевал, и Рос-кранг, внук Комхала, отец Оскара¹ 9—12, 14, 25, 33, 35, 40, 43—48, 51, 52, 56, 57, 60, 61, 66, 72, 73, 76—81, 84, 87, 89, 91, 94, 99, 101—103, 106, 108, 109, 111—113, 115, 118, 119, 127, 128, 132—146, 150—153, 155—163, 166—169, 172—175, 179, 181—186, 188—193, 196, 199, 200—203, 205, 207, 208, 210, 211, 213, 215—222, 224—230, 232, 234—243, 245—248, 250—256, 258, 260, 264—267, 269, 271—273; Оссиан, упомянутый в примечаниях Мф как «поэт» 25, 26, 28, 29, 41—45, 50, 62, 70, 73, 81, 84, 86, 108, 109, 111, 112, 131, 132, 144, 159, 164, 172, 175, 176, 181, 183, 184, 195, 202—204, 206, 211, 213, 216, 220, 225, 230, 231, 241—243, 247, 249, 263, 267
- Остров туманов Ф, СК — название острова Скай, на котором расположен замок Кухулина Дунскех, в поэтическом тексте 24, 27, 50, 60, 62, 102, 103, 107, 113
- «Отрывки старинных стихотворений» — сборник, подготовленный и изданный Мф в 1760 г. (см. выше с. 463—465) 14, 35, 55, 128, 179
- О'Флаэрти Родрик (1629—1718) — ирландский историк, автор истории Ирландии от древнейших времен до 1684 г. 94, 106, 239, 263
- Паллада (греч. миф.) — прозвание Афины, богини мудрости, девы-воительницы 45
- Патрокл (греч. миф.) — греческий герой, ближайший друг Ахилла, убитый в войне с троянцами; действующее лицо поэмы Гомера «Илиада» 28, 45
- Перу — государство на западном побережье Южной Америки; в XV—XVI вв. принадлежало инкам (см.) 13
- Пикты — группа племен, составлявших древнее население Шотландии; в середине IX в. были покорены кельтским племенем скоттов и смешались с ним 144, 228
- Плиний Гай Секунд Старший (23 или 24—79) — римский писатель, ученый и государственный деятель; его «Естественная история в 37 книгах» (77), энциклопедия естественнонаучных знаний античности, содержит также исторические сведения 6
- Поп Александр (1688—1744) — английский поэт; перевел «Илиаду» Гомера рифмованным пятистопным ямбом 88
- «Потерянный рай» (1667) — эпическая поэма Д. Мильтона о восстании Сатаны против бога и грехопадении первых людей 23, 24, 30—32, 48, 65, 71, 73, 84, 95, 99, 133, 147
- Пуно Ф I — ирландский вождь в войске Кухулина 18
- Рат-кол КтК — долина в Инис-хуне 247, 249 эт, 250—252
- Ратмор КлК — британский вождь с Клу-ты, отец Кальтона и Колмара 133—135, 137, 138
- Рейда — британский воин, сын Кормо, влюбленный в Мойну² 91
- Рейтамир Крт — британский король Баллуты, отец Мойны² 91, 93, 98
- Рельдурат Т VII — название звезды 239 эт
- Рим, Римская империя 8—10, 67, 206
- Римляне 6, 8—11, 57, 62, 78, 83, 91, 93, 167, 183, 202, 262, 263, 272, 273
- Римская провинция, римские владения — земли, захваченные римлянами на территории Британии 57, 83, 92, 118
- Римский орел — изображение орла с молиниями, укрепленное на длинном копье и служившее знаменем римских легионов 70, 72
- Ринвал КТ — отец Криморы, живший на Лоте¹ 125—127
- Рино¹ Ф, Б пр — сын Фингала и Клато, жених Минваны 40, 46, 50, 52, 53, 55, 56, 61, 163, 164, 192
- Рино² СрК, ПС, Т VII — бард Фингала 72, 128—130, 234
- Рицца (библ.) — дочь Аяя, наложница Саула; гаваонитяне в отместку за избивание их Саулом повесили ее детей 90
- Робан¹ Ф II — погибший воин, именем которого названа пещера 35
- Робан² Ф III — название горы 37
- Робнан ВИ — соратник Оскара¹ в походе на Инис-тону 79

- Рбннар Ф I — ирландский вождь в войске Кухулина 18
- Рос-крана Т III пр, IV, КД — дочь ирландского короля Кормака¹, первая жена Фингала, мать Оссиана и Фергуса¹ 182, 192, 197—199, 200 эт, 201, 231, 237, 243, 257, 273
- Росса Ф I — отец Фергуса³ 20
- Россия 6
- Рота КТ — залив в Инис-торе 121
- Ротма Б — местность на острове Бератон 160—162
- Ротмар¹ Кр — вождь Тромло (Ирландия), осадивший Крому 151—154
- Ротмар² Т V — ирландский вождь в войске Кахмора 208, 210 эт, 211
- Румар КнК — отец Кутоны 87—89
- Руна ВИ — местность на острове Инистона 78, 79
- Рунар¹ ВИ — охотничий пес Аргона и Руро 79
- Рунар² СЛ — название залива на И-горе 255
- Руно Т VI — название скалы 218
- Руно-фёрло СЛ — дочь Суран-дронло 255
- Рурмар КЛ — вождь острова Тормот, отец Стрина-доны 265
- Руро ВИ — сын Аннира³, младший брат Аргона 78, 79
- Саксонская гептархия — семь королевств, образованных германскими завоевателями на территории Британии к концу VI в. (Кент, Эссекс, Суссекс, Уэссекс, Мерсия, Нортумбрия, Восточная Англия) 206
- Салгар ПС — возлюбленный Кольмы, погибший в единоборстве с ее братом 128 эт, 129
- Самла Т VII — чертог Лартона в Ате 233 эт
- Сар-дронло ОМ — скандинавский остров, которым правил Тон-хормод 269, 270
- Сарно К, КТ — король Инис-тора, отец Катулы и Комалы 66, 67, 69—71, 119, 121, 123
- Саул (библ.) — первый еврейский царь 90, 104
- Сваран Ф, БЛ, Т I, КЛ — король Лохлина, сын Старно, брат Агандеки; вместе с отцом сражался с Фингалом (КЛ); во главе лохлинского войска вторгся в Ирландию 16—20, 22—25, 27, 28, 30—32, 35, 36, 39, 40, 43, 47—53, 56—61, 81, 82, 101, 163, 169, 172, 223, 257, 258, 260, 261, 263, 264, 266—268
- Сварт Ф II — отец скандинавского вождя Морлы 30
- Север Септимий Луций (146—211) — римский император с 193 г., основатель династии Северов; в 208 г. вместе с сыновьями отправился в Британию, чтобы усмирить каледонцев, тревоживших набегами римских гарнизоны; после захвата части каледонской территории заболел в 210 г. и вскоре умер 10, 66
- Селама¹ Д — замок Коллы в Ольстере 108, 109 эт, 110—114, 116, 117
- Селама² КнК — замок Тоскара² в Ольстере 88 эт
- Сельма¹ — замок Фингала в Морвене 77, 80—84, 92, 94, 95, 103, 106, 109, 115—118, 121, 124, 128, 129, 135—142, 145, 159—161, 163, 169, 174, 175, 185, 186, 191, 193, 196, 199, 202, 208, 218—221, 234, 240, 241, 246—248, 251, 253, 256, 260, 262, 263, 269, 270, 273
- Сельма² Ф V — чертог Туахала (или Ламдерга) 54, 55
- Семо Ф, СК, Д, Т I — вождь острова Скай, сын Катбата¹, отец Кухулина и Слис-самы (в поэтическом тексте упоминается почти исключительно в патрониме Кухулина — «сын Семо») 16, 19, 20, 22—25, 27, 29, 33, 34, 38, 40, 50, 56, 60, 62, 101—108, 113, 115, 176
- Сенахли — гэльские знатоки и хранители преданий прошлого 33, 172, 182, 242, 247, 255, 264, 273
- Сёрдал Ф IV — соратник Оссиана в походе за Эвиралин 44
- Ситаллин Ф I — ирландский вождь в войске Кухулина 23, 24 эт
- Скай — наиболее крупный из Гебридских островов, на котором расположен замок Кухулина Дунскех (в поэтическом тексте — «остров туманов») 17, 24, 27, 106, 227
- Скальды — древнескандинавские поэты и певцы, воспевавшие подвиги своих соплеменников 261
- Скандинавия (в поэтическом тексте — Лохлин) 19, 57, 77, 79, 81, 105, 156, 210, 227, 239, 253, 257, 260, 264, 265, 269
- Скандинавы 121, 210, 227, 239, 250, 252, 254
- Скелаха Ф IV — соратник Оссиана в походе за Эвиралин 44
- Слайго — графство в северной Ирландии 26
- Слимба СК, Т I — холм в Коннахте, возле которого убит Кухулин 103 эт, 105, 168, 177
- Слис-сама Д — дочь Семо, сестра Кухулина, жена Уснота 108, 113 эт, 177

- Слутмор КЛ — один из предков Рунофорло, чьи духов она призывает 255
- Сниван Ф III — посланец Старно 36, 37
- Снито Б — товарищ Лартмора в юности 159
- Сблинь-корма Т II — жена Тратала, мать Колгара¹ и Комхала 184
- Соломон (библ.) — третий еврейский царь, которому приписывается библейская книга «Песнь песней» 20, 69, 72, 80, 117
- Сон-мор Т VII — вождь Аты, сын Кротара¹ и Кон-ламы, муж Суль-алин, отец Колк-уллы и Борбар-дутула, дед Карбара² и Кахмора 231 эт
- Сора Ф III, IV, БЛ, КТ — местность в Скандинавии 41, 42, 48, 81—85, 118, 122—125
- Сорглан Ф I, СК — отец Брагелы 17, 26, 27, 102, 107
- Спартанцы — жители Спарты, древнегреческого государства, расположенного в южной части Пелопоннесского полуострова 13
- Спенсер Эдмунд (ок. 1552—1599) — крупнейший поэт английского Возрождения 133
- Старн-мор — отец Дут-маруно 264
- Старно Ф, КТ, Б, КЛ — король Лохлаина, сын Аннира¹, брат Фойнар-брагал, отец Сварана и Агандеки, злейший враг Фингала 36, 37, 40, 45, 49, 51, 59, 123, 156, 159, 257—261, 263, 264, 266—268
- Стаций Публий Папиний (ок. 40—ок. 96) — римский поэт, автор эпических поэм «Фиваида» и «Ахиллеида» (не закончена) и собрания стихов под названием «Леса» 23
- Стерлинг, Стерлингшир — город и графство в центральной Шотландии 73, 272 эт
- Стивмор — горы в Кратлуе 259
- Стирмал — отец Мувана 17
- Стормал — соратник Фингала, сын Морана² 87
- Страбон (64/63 до н. э.—23/24 н. э.) — древнегреческий географ и историк, автор «Географии» в 17 книгах (ок. 7 до н. э.), книга IV которой содержит описание Британии (Бреттания), а VII — Германии 7, 19
- Стрина-дона ОМ — дочь Румара, жена Колгорма 262, 265 эт
- Стромло СЛ — название горы (?) 255
- Струмон Л, О, Т III и пр, V — река в Морвене, по которой названы владения Морны 140 эт, 141, 144, 147, 148, 191 эт, 192, 195, 213
- Струта Кр, Т V — река в Ирландии 152, 210 эт, 211
- Струтмор КЛ — вождь, соратник Комхала и Фингала 258 эт
- Сублин-Шифада Ф I, II — один из двух коней, впряженных в боевую колесницу Кухулина 22, 24 эт, 33
- Суль-алин Т VII — жена Сон-мора, мать Кольк-уллы и Борбар-дутула 231 эт
- Суль-мала Т, КТК, СЛ — дочь Коммора² и Клуи-гало, сестра Лормара², влюбленная в Кахмора 186, 199, 202 эт, 203, 206, 207, 209, 216, 217, 224—226, 228—231, 233—235, 243, 245, 251—254, 256
- Сулмат Л — вождь Дуты, соратник Латмона 144 эт, 145
- Сульмина — жена безымянного ирландского вождя, влюбившаяся в Клоно 212
- Суран-дронло СЛ — вождь острова в Скандинавии, отец Рунофорло 252, 254—256
- Таго Ф IV — соратник Кормака³ 44
- Тадду — отец Клессамора и Морны¹, матери Фингала 17, 91
- Тапо КТ — название реки, на которой живет Ута 124
- Тар-дута Б — замок Тоскара¹ и Мальвины в Луте 157
- Тарно — отец предводителя друидов Кармала 8
- Тацит Публий Корнелий (ок. 56—ок. 117) — римский историк, автор капитальных трудов: «Истории» и «Анналы»; Мф использовал так называемые «малые произведения» Тацита: «Жизнеописание Юлия Агриколы» (97) и «Германия» (97—98); в первом, в частности, он нашел утверждение, с которым не соглашался, о германском происхождении каледонцев (§ 11) 7, 13, 17, 193, 273
- Тей — река в восточной части Шотландии 119
- Темора СК, Д, Т — дворец первых королей Ирландии каледонского происхождения 101—103, 105—107, 113, 114, 116, 166, 169, 170, 172 эт, 173, 176—179, 197, 203, 212, 217, 237, 246
- Тенериф — остров в Атлантическом океане в группе Канарских островов, в южной части которого высится пик Тенерифа 32
- Терман Ф IV — местность в Скандинавии. Владение безымянного короля, с которым сражается Оснан 49

- Тэута Клк — название реки и прилегающей местности, которыми владел Дунталмо; предположительно река Туид 133—138
- Ти-фоурмал — деревянный дом Фингала 186
- Тла-мина Т VIII и пр — дочь Клунгала, возлюбленная Клонара² 240 эт
- Тогорма СрК, СК — один из Гебридских островов, которым правили Кайтбат и Коннал⁴ 16, 19, 73, 102, 105, 106
- Тона КнК — пещера на острове И-тона 88, 89
- Тон-хэна Т VII, КтК, СЛ — название звезды 232 эт, 233, 249 эт, 250, 252
- Тон-хормод ОМ — вождь скандинавского острова Сар-дролло 269—271
- Тбра КТ — река и прилегающая местность в Соре 123—125, 127
- Торкул-торно КЛ — король Кратлуна (Швеция), отец Конбан-карглас 259—261
- Торлат СК, Т I — ирландский вождь, сын Кантелы, восставший против короля Кормака² 101—103, 105, 176, 177
- Торман¹ Ф I — отец Катбата² 20, 21 эт
- Торман² ПС — отец Миноны и Морара, сын Каргула, правитель западного острова И-мора 129, 130
- Тормот КЛ — скандинавский остров, управляемый вождем Рурмаром 265
- Тормул ОМ — река на острове Фуэрфет 270
- Тортгоа Б — отец Нина-томы 156, 159—161
- Тоскар¹ Ф IV, СрК, ВИ, Кр, Б, Т I, КтК, ОМ, КД — вождь Луты, сын Конлоха², спутник Оссиана в походе на Крону, женится на Кольна-доне, отец Мальвины (в поэтическом тексте упоминается главным образом в ее патрониме — «дочь Тоскара») 43, 44, 46, 49, 72, 75, 76, 80, 91, 151, 152, 156—159, 161, 162, 172, 218, 238, 247, 251, 269, 272—274
- Тоскар² КнК — ирландский вождь, сын Кинфены², похитивший Кутону 87—89, 109
- Тоскар³ Ф IV — соратник Кормака³ 44
- Тратал Ф III, IV, БЛ, Т II, III, КтК — король Морвена, сын Тренмора, брат Конара, муж Солинь-кормы, отец Колгаря¹ и Комхала, дед Фингала 8, 17, 41, 53, 84, 91, 183, 184, 191, 250
- Тратин Т I — слуга Кормака², сын Гелламы 178
- Трэнар Ф I — воин в войске Сварана, брат короля Инискона 24
- Трэнмор Ф, СрК, ВИ, БЛ, Л, Т, КтК, СЛ, КЛ, ОМ — первый король Морвена, женился на Инибаке, дочери лохлинского короля, отец Тратала, прадед Фингала 17, 40, 41, 45, 53, 57—59, 75, 77, 82, 84, 146, 166, 179, 181—184, 187, 191, 200, 202, 212, 221, 225, 226, 234, 236, 237, 242, 247, 248, 250, 252, 256, 258, 262, 263, 269, 270
- Троматон О — пустынный остров (возможно, один из Оркнейских островов) 147, 148 эт, 149, 150, 191
- Тромло Кр — местность в Ирландии, которой правил Ротмар¹ 151, 152
- Тромто Т III — название водопада 193
- Тронхейм — старинный город на западном побережье Норвегии 211
- Троя — древний город в Малой Азии, осада которого соединенным греческим войском в начале XII в. до н. э. явилась темой эпической поэмы Гомера «Илиада» 65, 66
- Троянцы (греч. миф.) — жители Трои 45, 93
- Трутил¹ Д — предок Дартулы 117
- Трутил² Д — сын Коллы¹, брат Дартулы 111—113
- Туахал Ф V — отец Гельхосы 54 эт, 55
- Тубар КТ — вождь Торы, соратник Фротала 123, 124
- Туид — река в Шотландии (в поэтическом тексте — Теута) 133, 134
- Тура¹ Ф, СК, Д, Т I — замок Кухулина на побережье Ольстера 16—18, 26, 36, 56, 61, 102, 106, 109, 110, 113—115, 169, 176, 177
- Тура² Ф, Т II — пещера в горе Кролла 20, 21, 36, 39, 43, 56, 57, 60, 61, 189
- Тур-латон Т III — ирландский вождь с Морху¹ в войске Кахмора, муж Ойхомы 190, 194 эт
- Турлото Т II — ирландский вождь в войске Кахмора 185
- Турлох¹ Т II — ольстерский вождь, влюбленный в Кон-ламу, жену Кротара¹ 186 эт, 187
- Турлох² — бард позднего времени, подражатель Оссиана 227
- Туртор КЛ — река в Лохлине 257, 259, 261, 262, 264, 266, 268
- Уйска-дугон — название реки (?) 247
- Улисс — римский вариант имени Одиссея, мифического царя острова Итаки, героя «Илиады» и «Одиссея» (см. Диомед) 76, 143
- Уллин¹ Ф, Крт, КТ, ПС, Л, Б, Т I, VII, КЛ, КД — главный бард Фингала 37,

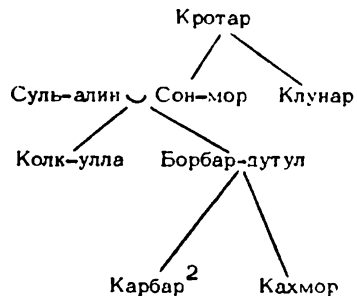
- 40, 43, 47, 49, 53, 57, 58, 60, 62, 95, 96, 118—120, 123, 125, 126, 128—130, 141, 158, 166, 175, 192, 234, 238, 262, 264, 272
- Улли² Ф IV — соратник Оссана в походе за Эвиралин 44
- Улли³ Ф V — сын Карбара⁵, похитивший Гельхосу 54, 55
- Улли⁴ Т VI пр — см. Улли-кунду 222
- Улли⁵ Ф, БЛ, КнК, СК, Д, Л, Б пр, Т — поэтическое название Ольстера 17, 18, 25, 26, 28, 30, 31, 34, 45, 57, 61, 82, 88, 89, 105, 109—111, 113—117, 139, 164, 167, 175, 179, 183, 184, 186, 187, 197, 200, 214, 223, 231, 236, 237
- Улли-кунду — шотландский вождь, погибший при нападении датчан на западный берег Шотландии (в поэтическом тексте — Улли⁴) 222
- Уло́йхо Т VII — название звезды 232 эт
- Улфа́дда Ф V — вождь, с которым воевал Ламдерг 54 эт
- Уль-ло́хлин КЛ — название звезды 265 эт
- Уль-э́рин Т IV — название звезды 200 эт
- Упсальский храм — собор в готическом стиле, построенный в XIII—XV вв. в Упсале, старинном городе в юго-восточной части Швеции 211
- У́рлор КЛ — местность в Скандинавии, управляемая Корман-трунараром 267
- У́снот Д, Т I — государь Эты, муж Слис-самы, отец Натоса, Альтоса и Ардана; в поэтическом тексте упоминается главным образом в их патрониме («сыны Уснота»), особенно Натоса («сын Уснота») 108—110, 113—116, 169, 177, 178
- У́та КТ — дочь Хермана, влюбленная в Фротала 124—127
- У́тал Б — сын Лартмора, узурпатор престола отца 156, 159—162
- У-то́рно КЛ — гора в Лохлине возле Гормала² 257, 261—264, 266, 267
- Фа́ви Ф I — патроним безымянного воина («сын Фава») в войске Кухулина 18
- Феакиане (феаки) (греч. миф.) — сказочные мореходы, населявшие остров Схерию, куда попал после кораблекрушения Одиссей 148
- Фейнасóлис Ф III — дочь короля Краки, преследуемая Борбаром, вождем Соры, который ее убил 36, 41
- Фе́рад-а́рто Т VIII — сын Карбара¹ от Бельтано; последний представитель каледонской династии в Ирландии 101, 201, 209, 235, 236, 237 эт, 243, 245, 246
- Фе́ргус¹ Ф, КтК пр — второй сын Фингала от Рос-краны и продолжатель его династии, отец Конгала² 40, 55, 61, 169, 182, 247
- Фергус² — король Шотландии, сын Арката, правнук Фергуса¹ 182, 222
- Фе́ргус³ Ф I — ирландский вождь в войске Кухулина, сын Россы 16, 20 эт
- Фе́рда Ф II — вождь из Альбиона, сын Даммана, ближайший друг Кухулина 27, 33
- Фе́ркут¹ БЛ — юный воин Фингала 84 эт
- Фе́ркут² КнК — друг и спутник Тоскара² 87, 88
- Ферт-оф-Клайд — залив на западе Шотландии, в который впадает река Клайд 272
- Ферт-оф-Форт — залив на востоке Шотландии, в который впадают реки Форт и Каррон 67, 272
- Ферхюс Ф V — приближенный Ламдерга, сын Эйдова 54 эт, 55
- «Фивнада» — эпическая поэма Стация о мифическом походе в Древней Греции семи аргивянских вождей против города Фивы 23
- Фида́лан К — первый король на острове Инис-тор, предок Комалы 71
- Фй́ллан Ф, Т — сын Фингала от Клато, родной брат Рино¹ и Босмины 36, 40, 42, 45, 46, 52, 53, 55, 61, 166, 169, 174, 179, 181—184, 188, 190, 192—196, 199, 201, 208, 210, 211, 213—220, 222, 223, 225, 227, 234, 236, 238
- Финга́л — главный герой поэм, король Морвена, сын Комхала, муж Роскраны и, после ее смерти, — Клато, отец Оссана, Фергуса¹, Рино¹, Филлава и Босмины 8—11, 15—20, 23, 25—27, 30, 33, 35—46, 48—53, 55—62, 65—70, 72—75, 77, 78, 80—85, 87, 91, 92, 94—99, 101, 103, 106, 108, 109, 114—116, 118, 119, 121—129, 133, 135, 136, 139—147, 151, 152, 156—160, 162—164, 166, 168—176, 179, 181—186, 189—202, 207—212, 214—222, 225—227, 229, 231, 234—243, 245—248, 252, 253, 257—262, 264, 266, 268—270, 272, 273
- Фини́кци — обитатели Финикии, древней страны на восточном побережье Средиземного моря у подножия Ливанских гор (см. Дидона) 93
- Финистерре — мыс на северо-западе Испании, крайняя западная точка Европейского континента 6

- Финтормо Б — дворец Утала на Бератоне 160—162
- Фион Мак-Комнал — имя героя ирландских саг, соответствующего Фингалу у Мф, который, однако, это соответствие отрицал 200, 239, 263
- Фиона Ф I — жена Ардана² 23, 24 эт
- Фионкома — дочь Конгала¹, мать Коннала⁴ 19
- Фирболги — легендарное древнее племя, вторгшееся в Ирландию и занявшее южную и западную (Коннахт) ее части; Мф отождествлял их с белгами и рассматривал как главных противников каледонцев; фирболги, согласно Мф, составляли войска Карбара² и Кахмора 17, 101, 166—168, 170, 181, 182, 183 эт, 186, 196—198, 202, 204, 208, 212, 214, 216, 223, 225, 231, 232, 234
- Фйхил¹ Ф I—III — бард, отец Морана¹ 16, 17 эт, 18, 33, 39
- Фйхил² T IV — посланец Карбара² 202 эт
- Флэтал¹ T VII — жена Лартона 234 эт
- Флэтал² T VII пр — дочь Альпина², сестра Конада (Кеннета) 228
- Фоба — жена Коннала⁴ 19
- Фбвар-гормо Кр — сын Кротара² 151, 153 эт, 155
- Фбйнар-брагал КЛ — дочь Аннира¹, влюбленная в Корман-грунара 266—268
- Фблдат Т — вождь Момы, отец Дардулены, приближенный Карбара²; возглавляет в сражении войско Кахмора 166, 168 эт, 169, 181, 185, 190, 193—195, 199, 203, 208—215
- Фолкерк — город в средней части Шотландии 67
- Фонар Т — главный бард Кахмора 181, 184 эт, 186, 187, 199, 202, 204, 224, 225, 233, 234
- Форт — река в средней части Шотландии 19
- Фрестал Ф IV — соратник Кормака³ 44
- Фригийцы — индоевропейские племена, поселившиеся в древности в центральной части Малой Азии; Вергилий считал жителей Трои фригийцами 28
- Фротаг КТ — король Соры, сын Аннира², осадивший Каряк-туру; женится на Уте 118, 123—125, 127
- Фура ПС — название острова 131 эт
- Фурмоно Т II — пещера в Морвене 184
- Фуррфёт ОМ — скандинавский остров 269—271
- Хёрман КТ — отец Уты 124
- Хидалла Т — вождь Клонры (Ирландия), сражавшийся в войске Карбара² и Кахмора 168 эт, 169, 185, 203, 239, 240
- Хидаллан К, СрК — вождь в войске Фингалла, сын Ламора, влюбленный в Комалу 66—68, 70, 73—75
- Хокон I Добрый — норвежский король (934—961) 211
- Цезарь Гай Юлий (102?—44 до н. э.) — римский государственный деятель, полководец и писатель; в 50-е гг. до н. э. вел войны в Галлии, Британии и Германии, имевшие целью подчинить Риму находившиеся там кельтские и германские племена; в книге V «Записок о Галльской войне», в главах о втором его походе в Британию описал нравы переселившихся туда галлов (кельтов из Галлии); в книге VI сравнивает германцев и галлов, поселившихся в Германии, и, в частности, рассказывает о галльских священнослужителях — друидах 7, 8
- Швеция 211, 259
- Шетландские острова — архипелаг скалистых островов (более 100) в Атлантическом океане к северу от Шотландии, который Мф относил к скандинавским владениям во времена Оссиана 24, 41, 185, 210, 258
- Шильрик КТ — воин Фингалла, вождь Карморы, возлюбленный Винвелы 119—121
- Шифадда — см. Сулин-Шифадда
- Шотландия 7, 8, 14, 16, 17, 28, 37, 52, 54, 62, 81, 83, 88, 96, 98, 101, 106, 108, 119, 125, 128, 144, 151, 166, 171, 173, 177, 182, 207, 212, 221, 222, 248, 250, 255, 257—259, 264
- Шотландцы 9, 14, 15, 20, 27, 67, 95, 106, 108, 120, 170, 171, 181, 182, 207, 222, 227, 228, 235, 241, 266, 269
- Эвиралин Ф IV, V, Л — дочь Бранно², жена Оссиана, мать Оскара¹ 43—45, 47, 56, 77, 142, 145, 226, 246
- Эвир-хома Т III, V — дочь Касду-конгласа, жена Гола 195 эт, 210
- Эврнал — см. Нис
- Эдда (также Эдда старшая) — сборник древнеисландских песен, сохранившихся в рукописи XIII в. 261

- Эдинбург — столица Шотландии 171
- Эдинбургский залив — по-видимому, Мф имел в виду залив Ферт-оф-Форт (см.), на южном побережье которого расположен Эдинбург 262
- Эйдоп Ф V — отец Ферхиноса 54
- «Энеида» — эпическая поэма Вергилия, созданная как римская параллель к «Илиаде» и «Одиссее» и повествующая о странствиях и войнах троянца Энея, легендарного родоначальника римского народа и императорской династии Юлиев 22, 28, 32, 49, 65, 66, 78, 89, 90, 92, 93, 100, 139, 143
- Эрагон БЛ — король Соры, сын Аннира², муж Лормы 81 эт, 82—85, 123
- Эрат ПС — сын Одгала, обманом погубивший Дауру 131, 132
- Эрикс — древнее название горы на северо-востоке Сицилии 32
- Эрин Ф, СК, Д, Т, СЛ, КД — поэтическое название Ирландии 19 эт, 20—22, 24—26, 28, 30—33, 38, 39, 42, 44, 46, 48, 60—62, 104—107, 114, 116, 117, 168, 169, 172—175, 178, 182—191, 194—196, 198—200, 202, 203, 206, 207, 209—211, 217, 219, 220, 222—224, 228, 229, 233, 237—240, 245, 246, 254, 263, 273
- Эрк — см. Аркат
- Эт Ф I — ирландский вождь в войске Кухулина 18
- Эта Д, Т I — местность в Аргайлшире (Шотландия) возле залива Лох-Этив 108—110, 113—116, 169, 177, 178
- Юпитер Тарамис — Мф подразумевал Тараниса, верховное божество у древних галлов, соответствовавшее римскому Юпитеру 21
- Ютландия, Ютландский полуостров — полуостров в северной Европе, составляющий материковую часть Дании 19, 227

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

АТА

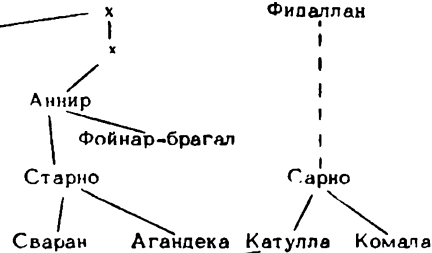
УЛЛИН

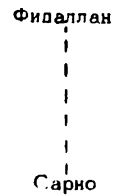
МОРВЕН

ЛОХЛИН

ИНИС-ТОР

ДОПОЛНЕНИЯ

При составлении раздела «Оссиан в русской поэзии», который, конечно, далеко не является исчерпывающим, была сделана попытка представить русские стихотворные отклики на поэзию Оссиана по возможности шире и разнообразнее за счет включения произведений большего числа русских поэтов и восходящих к различным поэмам Оссиана. Раздел состоит из трех частей: I — стихотворные переложения «Поэм Оссиана» Макферсона разной степени удаленности от первоисточника; II — самостоятельные произведения на оссиановские темы; III — стихотворения об Оссиане (т. е. непосредственно выражающие отношение автора к шотландскому барду и его поэтическому миру). В отдельных случаях отнесение стихотворения к тому или иному разделу может быть спорным, однако принципиальное различие этих разделов в целом представляется составителю несомненным.

Примечания к отдельным стихотворениям открываются библиографической справкой о первой его публикации. При неполной перепечатке указываются только страницы приведенного отрывка. Если стихотворение в дальнейшем подвергалось авторской доработке, дополнительно указывается источник текста, включенного в настоящее издание. Для произведений, публиковавшихся впервые посмертно, по возможности привлекались рукописные материалы. В части I библиографическая справка завершается английским названием поэмы Оссиана, служившей первоисточником переложения (независимо от возможных посредствующих звеньев). Все остальные сведения приводятся в последующей заметке.

I

И. И. Дмитриев

Московский журнал, 1791, ч. III, кн. 3, с. 227—238. *Подпись*: И. — Тетюга (приложение).

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837), поэт-сентименталист, друг Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина, создал в 1788 г. первое в русской поэзии стихотворение на сюжет Оссиана. Дмитриев, в то время офицер, находился по случаю войны со Швецией в Финляндии, где его окружала «новая... природа, дикая, по оссиановская, везде величавая и живописная: гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны...» (Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 50). С рассказом об Оскаре и Дермиде Дмитриев познакомился по французскому переводу «L'amour et l'amitié» («Любовь и дружба») в сборнике «Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois» (pt. II. Amsterdam—Paris, 1772, р. 60—63). По-видимому, он также пользовался переводом Летуэрнера, откуда взял имя Оскар (в Choix... — Toskar) и некоторые детали. Переложение И. И. Дмитриева весьма вольное; вводная часть (до строки «Внемли: я петь стихи печальные хочу») и заключение принадлежат исключительно русскому поэту. «Любовь и дружество» попало в число произведений, отобранных Карамзиным «по собственному его произволу» из бумаг Дмитриева для опубликования в «Московском журнале» (см.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 69). Сам Дмитриев не

включал стихотворение в свои сборники и в дальнейшем поэм Оссиана не перелагал, хотя одобрял обращение к ним молодых поэтов, в частности Н. Ф. Грамматина (см. ниже, с. 562).

В. В. Капнист

Капнист В. В. Избр. соч. Л., 1941, с. 249—265. Отрывки: Гимн к солнцу слепого старца Оссиана («О ты, катящееся над нами...») — Аониды, 1796, кн. I, с. 127—130; «Я видел сам огромные Балкютские башни...» — Чтение в Беседе любителей рус. слова, 1815, чт. XVIII, с. 40—41 (включено в «Краткое изыскание о гипербореанах и о коренном российском стихосложении. Соч. Вас. Капниста»). Печатается по автографу (Центр. науч. б-ка АН УССР, Киев). — Carthon.

Василий Васильевич Капнист (1758—1823), поэт и драматург, обратился к переложению Оссиана в 1790-е годы. Впоследствии, готовя «Картона» к изданию, он написал предисловие, которое начинал так: «Весьма давно, вникая в коренное народное русское стихосложение, поражен был я красотой его и, сожалея, что отечественное богатство сие коснеет в презрении, сочинил „Изыскание о гипербореанах“; в переводе поэмы Оссиановой „Картона“, который должен был сопровождать оное, поместил для образца несколько родов русского стихоразмерения» (Капнист В. В. Собр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1960, с. 7). Своему переложению Капнист предпослал выписку из вступительной статьи Летуэрнера к французскому переводу Оссиана: «Les poèmes d'Ossian et des anciens bardes sont en prose mesurée. Ils gardoient la rime pour les morceaux lyriques dont ils semoient leurs ouvrages, et qu'ils chantoient en s'accompagnant de la harpe, pour couper leurs récits et réveiller leurs auditeurs. Page XVIII. Tome 1er. Поэмы Оссиана и древних бардов сочинены мерною прозою. Они употребляли рифмы в лирических стихах, кои мешали в творения свои и пели, сопровождая арфою, чтоб рассекать повести их и возбуждать внимание слушателей». Создавая свое переложение, Капнист, помимо перевода Летуэрнера, пользовался также английским текстом или другим более близким переводом, возможно немецким. В первом письме С. С. Уварову «о эксаметрах» он сообщал, что показывал «Картона» М. М. Хераскову и Н. М. Карамзину. «Они благосклонно приняли попытку мою, но я все не отваживался передать плод оной книгопечатному тиснению, опасаясь, дабы лютые критики не взяли и самого меня в их мучительные тиски» (Капнист В. В. Собр. соч., т. II, с. 192). Опасения были связаны с включенной в переложение имитацией «простонародных» размеров. В 1796 г. Капнист решился опубликовать лишь заключительный отрывок «Гимн к солнцу», написанный каноническим четырехстопным ямбом. Только спустя двадцатилетие появился второй отрывок в составе статьи, которою Капнист, как он писал в цитированном предисловии, стремился «доказать, что русский размер стихов имеет существенные преимущественные красоты пред стихосложением древних и новейших народов, и тем надеялся возбудить ревность искуснейших соотечественных шитов к обогащению словесности нашей драгоценною собственностью» (там же, с. 7). Приведенный здесь монолог Фингала о Балкюте, состоящий из двух частей, написанных различными размерами, должен был наглядно продемонстрировать, «каким образом русского коренного состава

стихи могут по произволу сливаться с ямбическими, ныне с общеупотребляемыми стихами» (там же, с. 180).

Над своим переложением «Картона» Капнист работал до середины 1810-х годов, внося изменения в текст и, в частности, перелагая рифмованными стихами некоторые отрывки, написанные белым стихом. Эта заключительная правка, содержащаяся в киевской рукописи, до сих пор в печати не учитывалась и воспроизводится здесь впервые (характеристику киевской рукописи см.: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. XXXIX, № 5, с. 410—411).

В конце 1813 г. Капнист переслал «Картона» Г. Р. Державину для прочтения в Беседе любителей русского слова. 30 декабря Державин отвечал ему: «Картона вашего... при будущем домовом собрании членов Беседы предложу для прочтения. Не знаю, что скажут о Картоне, поелику многие подражания Оссиану нам представлены» (Державин. Соч., т. VI, СПб., 1871, с. 279). По-видимому, чтение не состоялось, и поэма при жизни Капниста полностью не была издана.

¹ *Скимн* — молодой лев.

² *Слякаться* — гибаться.

В. Л. Пушкин

Приятное и полезное препровождение времени, 1795, ч. VI, с. 117—119.
Подпись: Всл. Пшкин. — The Songs of Selma (отрывок).

Василий Львович Пушкин (1770—1830), поэт карамзинского направления, друг И. И. Дмитриева, которого считал своим учителем, дядя А. С. Пушкина, начал печатать свои стихи в 1793 г. С поэзией Оссиана он знакомился по французскому переводу Легурнера и свое переложение «Колма» снабдил примечанием: «Опыт сей сделан по просьбе одного приятеля, желавшего видеть в стихах Оссиановы песни; но едва ли их течение и гармония не противятся стихам».

П. С. Кайсаров

Лониды, или Собр. разных новых стихотворений, кн. II. М., 1797, с. 279—280. — Dag-thula (начало).

Петр Сергеевич Кайсаров (1777—1854), воспитанник Московского университетского благородного пансиона, сделавший впоследствии служебную карьеру и окончивший жизнь сенатором и действительным тайным советником, в молодости был близок кругу московских литераторов-сентименталистов. В эти годы Кайсаров писал стихи и много переводил. В его поэзии отчетливо выделяются два направления: анакреонтическое и сентиментально-меланхолическое; к последнему относятся и переложение отрывка из Оссиана (см.: Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, с. 232—240).

М. М. Вышеславцев

Аонида, или Собр. разных новых стихотворений, кн. III. М., 1798—1799, с. 307—311. *Подпись*: Выслвцв. Печ. по: Новости, 1799, кн. II, июнь, с. 106—109. с восстановлением пропущенного стиха 28 по первой публикации. — *Bergathod* (приложение).

Стихотворение предположительно приписывается Михаилу Михайловичу Вышеславцеву (род. 1758), который в 1787—1793 гг. преподавал иностранные языки в Троицко-Сергиевской семинарии и в 1790 г.—начале 1800-х годов выступал как переводчик французских авторов. Создавая «Минвану», Вышеславцев, по-видимому, опирался на прозаический перевод Кострова. В начале XIX в. стихотворение неоднократно перепечатывалось в антологиях русской поэзии.

А. П. Беницкий

Сев. вестник, 1805, ч. VII, сент., с. 316—332. Печ. по: Талия, или Собр. разных новых соч. в стихах и прозе, кн. I. СПб., 1807, с. 61—77. — *Comala*.

Александр Петрович Беницкий (или Беницкий, 1780—1809), писатель весьма разносторонний, выступавший как поэт, беллетрист, критик, драматург и переводчик, начал печататься в 1805 г. «Комала», явившаяся второй его публикацией, сопровождалась примечанием: «В одном из немецких периодических изданий находится сия пиеса стихами, разделенная на явления; я сделал подражание с перевода г-на *Кострова*» (по-видимому, Беницкий имел в виду немецкое переложение: *Comala, ein dramatisches Gedicht nach Ossian. Von Ludwig von Gohren. — Eudora, 1803, Bd I, N 8*). В 1806 г. Беницкий вступил в Вольное общество любителей словесности наук и художеств, а в 1807 г. издал альманах «Талия», заполнив его в значительной мере своими произведениями. Здесь была напечатана заново отредактированная «Комала», сопровождавшаяся переложением П. С. Политковского «Смерть Гидаллана» (см. ниже). Незадолго до преждевременной смерти от чихотки Беницкий вместе с А. Е. Измайловым основал издание органа Вольного общества — журнала «Цветник» (1809—1810), где, в частности, опубликовал «Баллиту» (1809, ч. III) — стихотворное переложение отрывка из поэмы Оссиана «Картон».

П. С. Политковский

Талия, или Собр. разных новых соч. в стихах и прозе, кн. I. СПб., 1807, с. 77—84. — *The War of Caros* (отрывок).

Патрикий Симонович Политковский (ум. 1830), поэт и переводчик, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, еще в 1803 г. опубликовал стихотворное переложение «из творений Оссиановых» «Сельские песни» (Новости русской литературы, ч. VI). «Смерть Гидаллана» была им, по-видимому,

создана по совету Бенитцкого как продолжение «Комалы», помещенной в той же книге «Талии» (см. выше). Вслед за Бенитцким Политковский опирался на прозаический перевод Кострова.

Н. И. Гнедич

Сев. вестник, 1804, ч. I, № 1, с. 65—69. Подпись: Г—чь. Печ. по: Гнедич Н. Стихотворения. СПб., 1832, с. 157—163. — Berrathon (начало и конец).

Общественные и художественные идеалы поэта Николая Ивановича Гнедича (1784—1833), чьим основным жизненным трудом явился перевод «Илиады» Гомера, влекли его к народному творчеству, проникнутому духом героизма и патриархальности. Одним из первых проявлений этого было обращение его в молодые годы к поэзии Оссиана, с которой он знакомился, по-видимому, по французскому переводу Летуэра. В «Последней песне Оссиана» Гнедич объединил лирические фрагменты, составляющие начало и конец поэмы «Бератон», в целостное произведение и обратился с известным ему текстом довольно свободно. В примечании к одной из рукописных редакций он специально указывал: «Это не перевод, но подражание Оссиану» (Чтения в О-ве ист. и древностей российских, 1868, кн. 4, отд. V, с. 69). Для переложения Оссиана Гнедич избрал стихотворный размер, имитирующий народный стих. В примечании он писал: «Мне и многим кажется, что к песням Оссиана никакая гармония стихов так не подходит, как гармония стихов русских» (Сев. вестник, 1804, ч. I, № 1, с. 65).

Позднее Гнедич отказался от этого мнения и в 1818 г. выражал сожаление, что «величавую музу» Оссиана «одевал... не к лицу сельскою одеждою музы русской»; он пришел к выводу, что «народный стих русский, имеющий отличительную, резкую особенность, не свойствен барду Шотландии» (Чтения в О-ве ист. и древностей российских, 1868, кн. 4, отд. V, с. 55—56). Гнедичу принадлежит также переложение «Красоты Оссиана, или Песни в Сельме» (Сев. вестн., 1804, ч. II; 1805, ч. VI), которое сопровождалось примечанием: «В стихах сих многого не найдут того, что есть в *Песнях в Сельме*, но многое найдут, чего нет в них. Скажу (но, может быть, эта смелость мне и непростительна), что я хотел только все красоты *Оссиана* слить в эти песни и в них одних хотел показать, каков *Оссиан*» (там же, ч. II, № 4, с. 100). Очевидно, Гнедич все же остался недоволен «Красотами Оссиана», потому что впоследствии не включил их (в отличие от «Последней песни») в издание своих «Стихотворений» (1832).

Поэтический образ оссиановского мира Гнедич создал в послании «К К. Н. Батюшкову» (см. выше, с. 450), перекликающемся со стихотворением Батюшкова «Мечта».

Н. Ф. Грамматин

Утренняя заря, 1806, кн. IV, с. 44—57. Печ. по: Грамматин Николай. Стихотворения, ч. II. СПб., 1829, с. 187—197. — Conlath and Cuthona.

Николай Федорович Грамматин (1786—1827), поэт и филолог, составитель «Нового англо-русского словаря» (ч. I. М., 1808), занимался стихотвор-

ными переложениями поэм Оссиана на протяжении всей своей сравнительно недолгой творческой жизни. Первые опыты относились ко времени учения Грамматина в Московском университетском благородном пансионе (1802—1807), и они уже тогда, по-видимому, привлекли внимание и вызвали одобрение И. И. Дмитриева, первооткрывателя Оссиана для русской поэзии. Позднее, посвящая Дмитриеву переложение «Картона», Грамматин утверждал:

Ты, что кротким ободрением
В грудь бессильную вдохнул мою
Силу, твердость, духа мужество
Состязаться в песнопении

С Оссианом нежным, пламенным
Се — начатки дерзка подвига,
Робкой музою предпринята
По твоим советам, Дмитриев!

(Грамматин Н. Стихотворения,
ч. II, с. 137).

Отвечая на посвящение, Дмитриев писал 21 марта 1820 г.: «... мне очень нравились и первые ваши опыты, и я не однажды убеждал вас к продолжению оных» (Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1895, с. 262). Уже в 1804 г. в сборнике произведений воспитанников пансиона «И отдых в пользу» Грамматин поместил «Видение Конвала» (отрывок из «Фингала», кн. II). Затем через два года в другом сборнике пансиона появились «Конлат и Кютона». Далее последовали отрывки из «Сельмских песней» в «Утренней заре» (1807, кн. V) и «Вестнике Европы» (1808, ч. XLII); полный перевод поэмы вошел в сборник стихотворений Грамматина «Досуги» (кн. I. СПб., 1811). В 1808 г. было опубликовано переложение отрывка из «Картона» — «Клессамор» (Вестн. Европы, 1808, ч. XLII); полностью Грамматин перевел поэму, по-видимому, около 1820 г., а напечатана она была только в посмертном издании его «Стихотворений» (1829). Здесь же впервые появились его переложения шести из восьми книг «Теморы» и «Бератона», а также были перепечатаны отредактированные заново ранее публиковавшиеся переложения. Все они объединялись заглавием «Древние гальские песнопения» и были снабжены предисловием и примечаниями. В цитированном выше письме Дмитриев писал Грамматину: «Надеюсь, что вы... подарите нашу словесность полным переводом шотландского барда. Желал бы при том, чтоб вы не употребляли другого размера». Вероятно, это пожелание совпадало с намерениями самого Грамматина, осуществить которые ему, однако, помешали другие филологические занятия и ранняя смерть. Общий объем его переложений из Оссиана — более 5200 строк — значительно превышает вклад любого другого русского поэта.

Приверженец романтического фольклоризма, Грамматин интересовался древними памятниками словесности разных народов, пропагандировал их, создавал переложения, в которых использовал разные формы русского народного стиха. В круг этих интересов входил и его труд над Оссианом. Зная об оссиановской полемике, он, однако, не сомневался в подлинности публикаций Макферсона и писал в предисловии к «Древним гальским песнопениям»: «Что Оссиан жил и пел на гальском языке, в том нет никакого сомнения; песни его носят на себе также очевидные признаки древности, что разве тот только в них усумнится, кто

прочтет его не с надлежащим вниманием» (Грамматин Н. Стихотворения, ч. II, с. 3). В представлении Грамматина Оссиан вместе с Гомером — «два величайшие эпические песнопевца, каковых когда-либо произвела природа». «Живое и верное изображение природы» делает их «неподражаемыми» и творения их драгоценными для самого отдаленного потомства. Самый «дух Оссиана» Грамматин видел «в простоте, возвышенности, силе, краткости и живописи слога, т. е. что оный чрезвычайно обилел смелыми и неискусственными фигурами, отличительный признак первобытной поэзии у всех народов, когда самая грубость и бедность языка сему способствуют» ([Грамматин Н. Ф.] Критическое рассуждение о «Слове о полку Игоревом». — В кн.: Слово о полку Игоревом, историческая поэма... М., 1823, с. 11—12, 25). Кроме поэм Оссиана, которые он читал по-английски, Грамматин также изучал «рассуждения» Макферсона, «Критическое рассуждение о поэмах Оссиана» Блэра (отрывок из которого он перевел еще в университетском пансионе: Сравнение Оссиана с Гомером. — Утренняя заря, 1806, кн. IV) и использовал их при составлении предисловия и примечаний.

Избрав для переложений поэм Оссиана «русский склад» (возможно, не без влияния примера Гнедича), Грамматин не отступал от этого размера (в чем, как видно из цитированного письма, его поддерживал Дмитриев). Однако к 1820-м годам «русский склад» уже утратил привлекательность и вышел из моды. И когда собранные вместе переложения увидели свет, рецензент «Стихотворений» Грамматина заметил: «Хорошо написать сим метром несколько строк, даже страничек, но Грамматин написал множество песен, пьес отдельных... переводил Оссиановы поэмы упомянутым метром» (Моск. телеграф, 1829, ч. XXX, № 21, с. 96). Это был единственный печатный отклик на «Древние гальские песнопения».

Ф. Ф. Иванов

Вестн. Европы, 1807, ч. XXXI, № 1, с. 29—32. — Berrathon (приложение).

Федор Федорович Иванов (1777—1816) обратился к литературному творчеству сравнительно поздно. Воспитанник гимназии при Московском университете, он в 1794 г. поступил на военную службу по морскому ведомству, а позднее перешел на гражданскую службу. В начале 1800-х гг. Иванов сблизился с литераторами кружка А. Ф. Мерзлякова, поэта и профессора Московского университета по кафедре русского красноречия и поэзии. В этот кружок входил и Н. Ф. Грамматин, чьи опыты переложения поэм Оссиана «русским складом», возможно, побудили Иванова создать тем же размером «Плач Минваны». Литературную известность Иванов стяжал в дальнейшем главным образом как сочинитель и переводчик пьес.

Д. П. Глебов

Моск. вестн., 1809, ч. I, № 20, с. 319—320; № 21, с. 321—327. Подпись: Дм-ий Гл-в. — Стога.

Дмитрий Петрович Глебов (1789—1843), поэт и переводчик, был воспитанником Московского университетского благородного пансиона, по окончании которого служил в московском архиве Коллегии иностранных дел — сперва актуариусом,

а затем переводчиком. Как поэт Глебов переводил Байрона, Горация и особенно французских второстепенных поэтов: Мильвуа, Легуве, Бертеня. Переложения из Оссиана относятся к началу его творчества. Помимо «Кромы», он переложил стихами «Мянвану» (Аглая, 1809, ч. VIII), опираясь в обоих случаях на прозаический перевод Кострова.

П. А. Катенин

Цветник, 1810, ч. V, № 1, с. 69—85; № 2, с. 147—159. Подпись: К-н. Печ. по: Катенин Павел. Соч. и переводы в стихах, ч. II. СПб., 1832, с. 5—17. — The Songs of Selma.

Павел Александрович Катенин (1792—1853), поэт, критик и театральный деятель, опубликованием «Песен в Сельме» начал свою литературную деятельность. Тогда же в «Цветнике» появилось несколько его стихотворных подражаний латинским и французским поэтам, а после закрытия журнала он начал работать для театра и к Оссиану больше не обращался. В 20-е годы, находясь в своем имении после высылки в 1822 г. из Петербурга по политическим мотивам (Катенин был одним из руководителей Военного общества — тайной декабристской организации), он принялся за переработку «Песен в Сельме» в соответствии со своими эстетическими принципами, утвердившимися в 1810-е годы. Он стремился устранить следы сентименталистской поэтики и придать стихам героическое торжественное звучание, для чего архаизовал лексику, опираясь на прозаический перевод Кострова, затребованный им в 1823 г. из Петербурга. Своему другу и доверенному лицу Н. И. Бахтину Катенин писал 9 января 1828 г.: «Оссиана переводить все равно, что с французского, что с английского; ни то, ни другое не подлинник; подлинника нет. С чего переводил Костров, не знаю, а перевел прекрасным языком, мне и того довольно». (Катенин П. А. Письма к Н. И. Бахтину. СПб., 1911, с. 104). В конце жизни Катенин, отказавшись от былого пристрастия, утверждал, что «прочеть с доски до доски всего макферсоновского „Оссиана“ — это «тяжелая эпитимия», которую можно налагать за литературные прегрешения (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I. М., 1974, с. 193).

А. С. Пушкин

Вестн. Европы, 1814, ч. LXXVI, № 14, с. 102—106. Подпись: Александр Нкшп. — Colna-dona.

Кратковременное увлечение Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837) поэзией Оссиана относится ко времени пребывания его в Царскосельском лицее, где профессор русской и латинской словесности Н. Ф. Кошанский, восторженный поклонник переводов Кострова, увлек своим примером лицеистов. Оссиан в костровском переводе «был настольною книгою в лицее и составлял некоторое время любимое чтение Пушкина, который в послании „К другу стихотворцу“ упоминает о Кострове рядом с лучшими поэтами» (Гаевский В. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения. — Современник, 1863, т. XCVII, № 7, отд. I, с. 164—

165). Создавая «Кольву», Пушкин опирался на перевод Кострова. Характерно, что юный поэт остановился на редкой у Оссиана поэме, не имеющей трагической развязки, и в своем переложении, несколько сократив поэму, усилил ее жизнеутверждающий пафос.

Причисляемая обычно к оссианическим стихотворениям Пушкина «Эвлега» (1814) в действительности прямого отношения к поэмам Оссиана не имеет. Это —вольный перевод отрывка из поэмы Э.-Л. Парни «Иснелъ и Аслега», восходящей главным образом к скандинавским первоисточникам. В следующей балладе «Осгар» Пушкин попытался объединить поэтические импульсы, полученные от Оссиана и Парни. Помещая своих героев в оссиановскую обстановку, разрабатывая в духе Оссиана трагический финал, он заимствовал у Парни любовную коллизию (строфы 6 и 7 являются вольным переложением отрывка из «Иснелъ и Аслеги»), в сущности чуждую поэзии Оссиана.

А. А. Крылов

Соревнователь просвещения и благотворения, 1818, ч. III, № 9, с. 342—350. — Темога (приложение).

Александр Абрамович Крылов (1793—1829), элегический поэт, окончил в 1819 г. Петербургский педагогический институт и служил надзирателем в училище глухонемых до второй половины 1820 г., когда он уволился и уехал в свое имение под Тихвином. Литературная его деятельность началась еще в институте. В феврале 1817 г. он вступил в Вольное общество любителей российской словесности и со следующего года начал помещать в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения» переводы из Вольтера и Делиля и подражания Оссиану. Его стихотворение «Оскар и Дермид» (переложение эпизода, который в свое время привлек внимание И. И. Дмитриева, — см. выше) до опубликования читалось на публичном собрании Общества 26 марта 1818 г. (см.: Соревнователь просвещения и благотворения, 1818, ч. I, № 3, с. 451). Крылову принадлежит также стихотворение «Минвана» (там же, 1819, ч. VI) — переделка приложения к «Бератону» со счастливым концом.

А. А. Никитин

Благонамеренный, 1820, ч. XI, № 16, с. 245—250. — Carthon (вставной эпизод).

Андрей Афанасьевич Никитин (1790—1859), воспитанник Московского университета (выпуск 1808 г.), в начале 1820-х годов преподавал риторику, логику, поэзию, мифологию и российское сочинение в Горном кадетском корпусе в Петербурге и сотрудничал в петербургских журналах. Был одним из основателей и постоянным секретарем Вольного общества любителей российской словесности, литературного объединения декабристской ориентации. Внимание Никитина привлекли «новонайденные» оссиановские произведения Э. Гарольда, из которых он переложил стихами «Ларнуль, или Отчаяние» и «Смерть Азалы» (Соревнователь просвещения и благотворения, 1818, ч. IV), а также «Песнь утешителей» (опубликован отрывок: «Песнь Уллина» — там же, 1819, ч. V). Из макферсоновского Осси-

ана Никитин переложил лишь отрывок из «Картона», который зачитывался и был одобрен на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств 15 июля 1820 г. (см.: *Благонамеренный*, 1820, ч. XI, № 14, с. 123).

Ф. И. Бальдауф

Благонамеренный, 1820, ч. XII, № 20, с. 107—109. *Подпись*: Ф. Б-ф. — Carricthura (отрывок, окончание вставного эпизода).

Федор Иванович Бальдауф (1800—1839), горный инженер и поэт-сибиряк, в 1813—1823 гг. обучался в Петербургском Горном кадетском корпусе. Здесь началась его литературная деятельность. При содействии А. А. Никитина, преподававшего в корпусе (см. выше, с. 565), Бальдауф стал посещать заседания Вольного общества любителей российской словесности и познакомился с А. А. Бестужевым, В. К. Кюхельбекером, Ф. Н. Глипкой. В 1819 г. он начал печататься в «Соревнователе просвещения и благотворения». Возможно, что Никитин обратил его внимание на Оссиана. Три переложения Бальдауфа были напечатаны в том же журнале «Благонамеренный» (1820, ч. IX, XI, XII), что и «Отрывок из Оссиановой поэмы *Картон*» Никитина. Помимо «Песни Уллина», Бальдауф поместил здесь стихотворения «Конал» (вставной эпизод из «Фингала», кн. II; посвящено А. А. Бестужеву) и «Мальвина» (начало «Кромы»).

М. П. Загорский

Соревнователь просвещения и благотворения, 1823, ч. XXIV, кн. 2, с. 154—158. — *Fingal I* (вставной эпизод).

Михаил Петрович Загорский (1804—1824), студент историко-филологического факультета Петербургского университета с 1819 г., уже в 1820 г. начал выступать как поэт в петербургских журналах. Он много переводил — из Горация, Вергилия, Байрона, Ламартина, Шиллера и других поэтов. Особо его привлекали фольклорные темы, литературные обработки которых занимают важное место в его творчестве. С этими интересами связано, по-видимому, и обращение Загорского к Оссиану. Помимо «Морны», он переложил стихами байроновское подражание Оссиану «Калмар и Орла» (Соревнователь просвещения и благотворения, 1823, ч. XXIV). Оба стихотворения читались в 1823 г. в заседании Вольного общества любителей российской словесности (см.: *Базанов В.* Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 428). «Морна» Загорского — стихотворное переложение соответствующего отрывка из прозаического перевода Кострова.

П. П. Шкляревский

Благонамеренный, 1823, ч. XXI, № 5, с. 321—324. — *Berrathon* (начало).

Из поэтического наследия Павла Петровича Шкляревского (1806—1830), умершего от чахотки во время учения в Профессорском институте в Дерпте, сохранилось немногим более трех десятков стихотворений, главным образом перевод-

ных. Хорошо владея древними и новыми языками, он переводил стихи Горация, Гете, Шиллера, Матиссона, Байрона, Вальтера Скотта. «Песнь Оссиана», представляющая собою очень вольное переложение источника, является, видимо, первым выступлением Шкляревского в печати; его фамилию издатель «Благонамеренного» А. Е. Измайлов сопроводил примечанием: «Воспитанник бывшего Учительского Института, что ныне С. П. бургская гимназия». Примечательно, что уже это раннее стихотворение посвящено теме смерти, характерной для творчества Шкляревского (см.: Бобров Е. Жизнь и поэзия Павла Петровича Шкляревского — Сб. Учено-лит. о-ва при имп. Юрьевском ун-те, т. XIV, Юрьев, 1909, с. 42—45).

В. Е. Вердеревский

Мнемозина. Собр. соч. в стихах и в прозе. Ч. I. М., 1824, с. 116—118. — *Fin-gal II* (вставной эпизод).

Василий Евграфович Вердеревский (1801—после 1867), поэт и переводчик, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, с конца 1810-х по начало 1830-х годов сотрудничал в московских и петербургских журналах и альманахах. Наибольшей известностью пользовался его перевод поэмы Байрона «Паризина» (1828), вызвавший ряд откликов в печати. Вердеревскому принадлежит также «Последняя песнь Оссиана» (Благонамеренный, 1822, ч. XVII) — переложение начала и конца поэмы «Бератон» (ср. одноименное стихотворение Н. И. Гнедича). Переложение «Жоннал и Гальвина» написано, по-видимому, по соответствующему отрывку прозаического перевода Кострова, с которым, однако, поэт обращался довольно свободно. В 1840-е годы Вердеревский оставил литературное творчество. С 1847 г. он служил председателем пермской казенной палаты, а в 1865 г. был судим за растрату, лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь.

Д. В. Веневитинов

Веневитинов Д. В. Соч., ч. I. Стихотворения. М., 1829, с. 14—15. Печ. по черновому автографу (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина) с добавлением заглавия по первой публикации; стих 37 восстановлен предположительно. — *The Songs of Selma* (отрывок).

В небольшом поэтическом наследии рано умершего Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805—1827) существенное место занимают стихотворные переводы. В основном он переводил Гете, в отдельных случаях обращался к Вергилию, Мильвуа, Грессе. Переложение отрывка из «Песен в Сельме» сделано на основании французского перевода Летурнера. Оно, возможно, не закончено или дошло не полностью.

А. И. Полежаев

Вестн. Европы, 1825, № 23—24, с. 182—184. Печ. по: Полежаев А. Стихотворения. М., 1832, с. 37—39. — Томога III (приложение).

В творчестве Александра Ивановича Полежаева (1804—1838) стихотворение «Морни и сын Кормала» явилось первым его выступлением в печати. Непосредственным источником «Морни» послужило французское стихотворное переложение П.-М.-Л. Баур-Лормиана «Morni, et l'ombre de Cormal», где уже были изменены имена английского первоисточника. В своем переложении Полежаев усилил энергию стиха и, устранив некоторые частности, создал произведение в духе декабристской поэзии (см.: Баранов В. В. Восстание 14 декабря 1825 года и поэзия Полежаева. — Учен. зап. Калужского пед. ин-та им. К. Э. Циолковского, вып. 11. Калуга, 1963, с. 4—7). Белинский назвал «Морни и тень Кормала» в числе стихотворений, «которые могут войти в дельное издание сочинений Полежаева» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, с. 159).

А. Н. Муравьев

Муравьев А. Таврида. М., 1827, с. 97—98. — Томога VII (заключительный отрывок).

Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874), получивший впоследствии звание духовного писателя, начал свою литературную деятельность как поэт. Вкус к литературе привил ему его домашний воспитатель поэт-переводчик С. Е. Раич. В 1823—1826 гг. Муравьев служил в армии. «В то же время, — писал он в 1827 г., — я выучился английскому языку и начал переводить *Оссиана*. Никто не действовал столь сильно на мое воображение, как мрачный певец Шотландии; я любил дикие звуки его арфы и полные песни; во глубине души моей был ему отголосок...» (Муравьев А. Н. Мои воспоминания. — Русское обозрение, 1895, № 5, с. 60). Летом 1825 г. Муравьев попал в Крым. Пребывание здесь, утверждал он, «совершенно развило мою страсть к поэзии, которую с тех пор избрал своей целью... я начал творить!» «Однажды я нечаянно перевел две песни *Оссиана* четырехстопными ямбами; я прежде никогда не писал рифмами, и это побудило меня продолжать; таким образом, я постепенно описал всю *Тавриду*...» (там же, с. 61, 63). В стихотворениях Муравьева, посвященных Крыму, обнаруживаются следы оссианической поэтики; недаром он объединил их в одном сборнике со своими переложениями «*Оссиан*» и «*Галл*» (см.: Киселев-Сергенин В. С. А. Н. Муравьев. — В кн.: Поэты 1820—1830-х годов, т. II. Л., 1972, с. 108—109).

И. П. Бороздна

Бороздна Иван. Опыты в стихах. М., 1828, с. 24—27. — Carric-thura (отрывок).

Иван Петрович Бороздна (1804—1858) получил образование в Московском университетском благородном пансионе, который окончил в 1823 г. В 20-е годы он деятельно сотрудничал в столичных журналах, помещая в них свои стихи, ори-

гинальные и переводные — из Ламартина, Мильвуа, Парни, Байрона, Мура, Геснера и других поэтов. Ему принадлежат семь оссиановских стихотворений: «Прощание Оскара с Мальвиною» (Вестн. Европы, 1824, № 14), «Оссиан к Сьюльмале» (там же, 1827, № 21), «Песнь Фингала на развалинах Балкдуты», «Бой Фингала с духом Лоды», «Минвана», «Смерть Гидаллана», «Оина» (Опыты в стихах Ивана Бороздны, 1828). Все они восходят к французским стихотворным переложениям П.-М.-Ж. Баур-Лормиана, в частности «Бой Фингала с духом Лоды» — к стихотворению «Combat de Fingal et du fantôme de Loda». В примечаниях к «Бюю Фингала» Бороздна писал: «Без сомнения сия песнь есть одна из последних Оссиана. Он, как известно, ослеп под старость; обращение же к *Сельме*, замку Фингала, отца Оссианова, есть следствие восторга, в коем старец, исполненный воспоминаний о прошлом, забывая слепоту свою, думает видеть еще чертог своего родителя и знакомые ему холмы, окружавшие *Сельму*» (Опыты в стихах, с. 164). А завершая примечания к «Оине», он выразил свой взгляд на Оссианову мифологию: «Столь разнообразные вымыслы Оссиановой мифологии носят на себе отпечаток дикой, но величественной природы севера... Воображение шотландцев сурово и мрачно как берега шумной *Лоры*, как туманные горы *Морвена*, как грозные бури в долинах *Лоды*. Внимательное исследование начал, хода и постепенного распространения сих религиозных понятий, на кои так сильно действовали образ жизни, свойства и самая местность народов, есть несомненно важный предмет для опытного и ученого изыскателя» (там же, с. 169—170). В этой связи рецензент «Московского телеграфа» замечал: «... г-н Бороздна говорит о мифологии каледонян и песнях Оссиана, как исторических фактах. Но теперь уже не подвержено сомнению, что все это были выдумки Макферсона. Барды и герои каледонские могут входить в область поэзии; но в области прозы они не имеют уже голоса и не могут быть поводом ни к каким догадкам и разысканиям» (Моск. телеграф, 1828, ч. XIX, № 4, с. 554).

Бороздна продолжал печатать стихи до 40-х годов включительно, но к Оссиану уже не обращался.

II

М. Н. Муравьев

Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967, с. 241—242. Печ. по автографу (Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) — писатель и общественный деятель, один из основоположников русского сентиментализма. «Романс, с каледонского языка переложенный» читался им на заседании Российской Академии 2 июля 1804 г. (см.: Соч. и переводы, изд. Российского Академиею, ч. VI. СПб., 1813, с. 46). Влияние оссианической образности обнаруживается в исторической повести Муравьева «Оскольд» (1800; см.: Введенский Д. Н. Этюды о влиянии оссиановской поэзии в русской литературе. Нежин, 1918, с. 80—83).

М. Олешев

Свиток муз., кн. II. СПб., 1803, с. 78—82.

О Михаиле Олешеве, несколько стихотворений которого были напечатаны в альманахе «Свиток муз» (1803) и журнале «Северный Меркурий» (1809), известно лишь, что в мае 1802 г. он был принят в члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — петербургской литературно-общественной организации демократического направления, — а в ноябре того же года выбыл из общества по болезни (см.: Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., 1935, с. 465—466). 17 мая 1802 г. Олешев читал в обществе свое стихотворение «Лотрек». Несмотря на подзаголовок, стихотворение не соответствует ни одной из оссиановских поэм Макферсона или его подражателей. Это самостоятельное произведение, где из Оссиана заимствованы лишь имена Дезагрена и Армин и некоторые пейзажные мотивы; само имя Лотрек французского происхождения и у Оссиана невозможное.

Сохранился отзыв о «Лотреке» А. Х. Востокова, секретаря Вольного общества, читанный 24 мая 1802 г.: «Пьеса вообще весьма прекрасна; богата картинами и нравится чистотою слога. Поэт умел избрать для предмета своего приличную версификацию: краткие дактилохорейческие стихи совершенно гармонируются с четверостопными ямбами. Но употребленные в двух местах хорей скачущим своим ходом, кажется, несколько нарушают общее согласие». Далее Востоков приводил конкретные замечания:

«И, обратя свой взор на мрамор,
Лотрек, вздыхая, говорит.

Урождается ли мрамор в отечестве Оссиана?.. А естли и урождается, вероятно ли, чтобы древние, полудикие шотландцы различали поименно разные породы камней?

Смерть ужасною косою
Прекратила жизни нить
Милой нежной Дезагрены
В цвете юных ее лет.

В рассуждении первых двух стихов заметим, что это совсем не в духе шотландских бардов сказано; они не знали нашу *смерть с косою*, не знали также нить греческих *Парк*: у них по-своему умирали, и т. д. Олешев, готовя «Лотрека» к печати, частично учел замечания рецензента. В завершение рецензии Востоков писал: «Впрочем, поэт выдержал совершенно тон своей пьесы. После томного жалобного *recitativo* следует вдруг порывисто *фуго*». И, приведя отрывок стихотворения от строки «Скройся, исчезни» до конца, он заключал: «Можно без лести сказать, что сочинитель сим концом истинно увенчал всю пьесу» (Журн. Мин-ва нар. просвещения, 1890, ч. ССLVIII, март, отд. II, с. 68—69).

С. П. Жихарев

Жихарев. Октябрьская ночь, или Барды. СПб., 1808, 11 с.

Степан Петрович Жихарев (1788—1860), литератор и переводчик, питомец Московского университетского благородного пансиона (1805—1806), а затем чиновник, судебный деятель, сенатор и в конце жизни председатель театрально-

литературного комитета при Дирекции имп. театров, своей литературной известностью обязан главным образом «Запискам современника», составленным на основании его дневников 1805—1807 гг., где широко отразилась литературная и театральная жизнь Москвы и Петербурга тех лет. В декабре 1806 г. Жихарев знакомился с поэмами Оссиана по немецкому изданию «Ossians und Sineds Lieder» (6 тт., Вена, 1784; 2-е изд. — 1791—1792), где за переводами поэм Оссиана следовали собственные стихотворения немецкого переводчика Михаэля Дениса (Синед — анаграмма-псевдоним Дениса). Внимание Жихарева привлекла поэма «Die Oktobernacht. Eine alte Nachahmung Ossians» («Октябрьская ночь. Древнее подражание Оссиану») — приложение к «Кроме», переведенное на немецкий язык вольным стихом без рифм. Создавая в начале 1807 г. свою поэму «Октябрьская ночь, или Барды», Жихарев воспроизвел внешнюю структуру образца (хотя уменьшил число бардов с шести до четырех), а также заимствовал некоторые подробности описания осенней ночи. Однако откликаясь на события русско-французской войны 1805—1807 гг., он сделал центральной темой своей поэмы прославление героев, павших за отчизну, для чего, в частности, использовал некоторые мотивы из других поэм Оссиана, придав им патристическое звучание. Поэма имела посвящение: «Его превосходительству милостивейшему государю Льву Дмитриевичу Измайлову». Л. Д. Измайлов, предводитель дворянства Рязанской губернии, в 1806 г. сформировал рязанскую милицию (ополчение). Ознакомив со своими стихами Державина, Жихарев записал в дневнике 28 апреля 1807 г.: «Гаврила Романович был очень доволен моею „Осенью“, но заметил, что в „Бардах“ больше воображения» (Жихарев С. П. Записки современника. М. — Л., 1955, с. 494; о том, что Державину нравились «Барды», сообщается также в записках от 4 и 5 мая 1807 г.: там же, с. 504, 507). Сам Жихарев относился к поэме скептически; 28 марта 1807 г. он писал: «Чем более просматриваю корректуру моих бардов, тем более убеждаюсь, что я не сотворен поэтом» (там же, с. 445), а издавая в 1850-е годы свои дневники, он снабдил первое упоминание «Бардов» примечанием: «Небольшая поэма, заимствованная из Синедда (die Oktobernacht). Автор „Дневника“ написал ее в намерении посвятить Державину и доказать ему, что поэмы в роде Боброва сочинять не трудно. Это была великолепная ахинея, но тогда имела некоторый успех, как большею частью все громкое, мрачное и напыщенное» (там же, с. 399).

В. А. Озеров

Фингал, трагедия в трех действиях, с хорами и пантомимными балетами. СПб., 1807, 50 с.

«Фингал» был третьей трагедией Владислава Александровича Озерова (1769—1816), крупнейшего русского драматурга начала XIX в. Обратиться к Оссиану ему рекомендовал его друг А. Н. Оленин (1763—1843), государственный деятель, знаток археологии и художник-любитель, который считал, что здесь можно найти основу для эффектного спектакля. В предисловии трагедии посвященной Озеров писал:

С совета твоего, Оленин, я решился
Народов северных Ахилла описать

И пышность зрелищу приличную придать.
 Твоею дружбою глас слабый оживился,
 И к песням бардов я склонил прельщенный слух,
 Чтобы извлечь черты разительны, унылы,
 В которых Оссиян явил Фингалов дух,
 Под строем звучных арф, близ отческой могилы.

Сюжетной основой трагедии послужил вставной эпизод из «Фингала», кн. III; имя героини Агандека Озеров заменил на Моина (имя матери Картона). Кроме того, он использовал некоторые имена и сюжетные мотивы из других поэм Оссиана (см. разбор этих заимствований: Потапов П. О. Из истории русского театра. Жизнь и деятельность Озерова. Одесса, 1915, с. 586—640; Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815 гг.). Куйбышев, 1959, с. 177—185). При этом трагедия Озерова была глубоко оригинальным произведением, весьма отличающимся от поэм Оссиана своей художественной системой, элегическим чувствительным колоритом.

«Фингал» Озерова был впервые поставлен в петербургском Придворном театре 8 декабря 1805 г. Роль Фингала исполнял А. С. Яковлев, Моины — Е. С. Семенова, Старна — Я. Е. Шушерин. Музыку к хорам и балетам написал композитор О. А. Козловский. Трагедия пользовалась большим успехом и шла с непрерывными повторениями до 1809 г., в дальнейшем она неоднократно возобновлялась до 1850-х гг. Она была переведена на французский язык О. Ж. Дальмасом и на немецкий — Р. М. Зотовым. Озерова нередко называли «певцом Фингала и Моины».

«Фингал» и его постановки вызвали значительное число откликов в печати, в некоторых из них отмечалось отношение трагедии к ее первоисточнику. А. Ф. Мерзляков, разбирая «Фингала», писал о поэзии Оссиана: «Сие новое поле поэзии, более нам родственное, нежели другим народам западным, еще не было почти совсем обработано для сцены драматической. Томный, но величественный, как полная луна, восседающая над пустынями обширных морей, явился нашему Озерову слепый старец Оссиян и одним движением златого щита своего озарил берега Каледонские, в светло-синих туманах утопающие, изобретательному его гению... Содержание трагедии Озерова под названием Фингал взято из одной поемы царственного барда Оссиана. Точно, это новый шаг в нашей словесности». И хотя Мерзляков после разбора заключал, что «вообще пьеса недостаточна в своей басне и расположении: в ней нет благородства, высоты, завязки трагической», он тем не менее должен был признать, что «самая новость сцены, дикость характеров и мест, старинные храмы, игры и тризна, скалы и вертепы: все вместе с арфою и стихами Озерова, облеченное северными туманами, — придает пьесе этой какую-то меланхолическую занимательность» (Вестн. Европы, 1817, ч. XCIII, № 9, с. 36—37, 46—47). Одновременно П. А. Вяземский писал в статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», предпосланной посмертному изданию сочинений драматурга: «Северной поэзии прилично искать источников в баснословных преданиях народа, имеющего нечто общее с ее народом... Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сродную его природе, встречается в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество, которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах и что свойства сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем льдистом сосуде... Цвет поэзии Оссиана,

может быть, удачнее обильного в оттенках цвета поэзии Гомеровой перенесен на наш язык. Некоторые русские переводы песней северного барда подтверждают мое мнение. Но ровное и, так сказать, одноцветное поле его поэм обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю. И посему-то *Фингал* Озерова может скорее почтяться великолепным трагическим представлением, нежели совершенною трагедиею» (Озеров В. А. Соч., ч. I. СПб., 1817, с. XXIX—XXX). Пушкин, читавший статью Вяземского, не согласился с его заключением и заметил по поводу последних фраз приведенного отрывка: «Что есть общего между однообразием Оссиановских поэм и трагедией, которая заимствует у них единый слог?» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. Изд. АН СССР, 1949, с. 231). А. А. Бестужев в своей программной статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» выражал мнение, что у Озерова «Фингал одушевлен оссиановскою поэзиею» (Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823, с. 20).

А. А. Шаховской

Драматический альманах для любителей и любительниц театра, изд. на 1828 год. СПб., 1828, с. 120—132.

Александр Александрович Шаховской (1777—1846), театральный деятель, плодовитый и популярный в свое время драматург, выступавший первоначально противником сентиментализма и романтизма, в годы общественного подъема, связанного с декабристским движением, сам обратился к поискам новых театральных форм и пытался создать некий синтетический жанр романтической комедии-балета, где в качестве сюжетной основы использовались романы Вальтера Скотта, пьесы Шекспира, поэмы Пушкина и т. п. В ряду тех же исканий находилась и пьеса «Фингал и Роскрана» (1824), жанр которой определялся в подзаголовке как «драматическая поэма в трех действиях с пением, хорами, поединком, морвенскими обычаями и великолепным спектаклем, взятая из песней Оссиановых». Основная сюжетная линия пьесы такова. Фингал, возвращаясь на родину после победы над скандинавами, спасает дочь короля исторического Роскрану от преследований Гиддолана, сына вождя Балвы слепого провидца Ламора. Гиддолан повержен в единоборстве Фингалом, но тот дарует ему жизнь и посылает сражаться с римлянами. Фингал и Роскрана охвачены внезапно вспыхнувшей взаимной любовью. Сам Фингал тоже отправляется на войну с римлянами. В последнем действии Гиддолан, одержимый ревностью, приносит ложную весть о его гибели, от чего Роскрана сходит с ума. Но Фингал возвращается. Гиддолан не в силах снести позора и закалывается, вложив меч в руку отца. Роскрана вновь обретает рассудок, и все кончается общим ликованием. Шаховской использовал мотивы из двух поэм Оссиана: «Комала» (ложная весть Гиддолана), где заменил имя заглавной героини на Роскрана (имя жены Фингала и матери Оссиана, взятое из других поэм), и «Сражение с Каросом» (смерть Гиддолана), а также развил содержащиеся в поэмах Оссиана упоминания войн Фингала с римлянами. В то же время «драматическая поэма» Шаховского как бы продолжала трагедию Озерова: в начале «Фингала и Роскраны» Фингал вспоминает о бывшей возлюбленной Моине — «деве Локлинской, убитой отцовской рукой».

Пьеса Шаховского была поставлена в петербургском Большом театре 23 января 1824 г. Роль Фингала исполнял В. А. Каратыгин, Роскраны — Л. О. Дюрова, Гиддолана — Я. Г. Брянский. Однако сыгранная несколько раз, она сошла со сцены и больше не возобновлялась. Полностью она не была издана (цензурованная рукопись в Ленингр. театр. б-ке им. А. В. Луначарского). Помимо явления 3, действия II, была опубликована еще «Песнь барда» (Памятник отечественных муз, 1828).

А. П. Крюков

Вестн. Европы, 1825, № 3, с. 192—193. Подпись: К... Илецкая защита.

Александр Павлович Крюков (1803—1833) в первой половине 1820-х годов служил горным чиновником в Илецкой защите (ныне Соль-Илецк). Уже тогда он посылал свои стихи разнообразного содержания в петербургские журналы. В 1826 г. он перешел на службу в Оренбург, а в следующем году — в Петербург, где получил должность столоначальника в департаменте внешней торговли. В его произведениях этих лет, стихотворных и прозаических, отразилось знакомство с башкирским и казахским бытом и фольклором. Стихотворение «Сетование Фингала над прахом Моины», написанное еще в Илецкой защите, развивает тему, заимствованную из трагедии В. А. Озерова «Фингал» (ср. последний монолог Фингала: «Моины нет! увы! я с нею все теряю» — с. 402).

В. А. Жуковский

Амфион, 1815, март, с. 61—71. Печ. по: Жуковский В. Стихотворения, т. II, изд. 5-е. СПб., 1849, с. 138—149.

«Эолова арфа» — не единственный творческий отклик Василия Андреевича Жуковского (1783—1852) на поэзию Оссиана. В 1803 г., работая над исторической повестью «Вадим Новгородский» (повесть осталась незаконченной), Жуковский стилизовал ее в духе оссианической поэтики (см.: Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2. Пг., 1916, с. 89—105). В составленный в начале 1800-х годов список литературных замыслов под заглавием: «Что сочинить и перевести», Жуковский включил неосуществленное в дальнейшем стихотворение «Оссиан на гробе Мальвины» (там же, с. 255). Восходящие к Оссиану мотивы и образы содержатся в вдуманных стихотворениях поэта: «Песнь барда над гробом славян-победителей» (1806) и «Певец во стане русских воинов» (1812).

Баллада «Эолова арфа» была написана 9 и 13 ноября 1814 г. В ней отразилась душевная драма Жуковского, связанная с его несчастной любовью к М. А. Протасовой. Но, стремясь придать своему произведению обобщающий художественный смысл, поэт перенес сюжет в оссиановскую древность, правда, в достаточной мере условную, поскольку ей присущи и черты рыцарского средневековья. Связь с Оссианом, с обстановкой и колоритом его поэм, с приемами портретной характеристики, особенно видна в первоначальном плане-конспекте, где владыка Морвена зовется Армип (в другом наброске — Морний), его дочь — Винвела, ее возлюблен-

ный — Альпин: «1. Армин был славен на холмах Морвена. Озеро орошало его замки. Вокруг горы, одетые кустарником». На них часто раздавался его рог и псы. В доме его часто звучали чаши. Стены обвешены были щитами и доспехами. И часто в кругу гостей разговор о подвигах древних лет. 2. Винвела цвела. Прекрасная. Кудри вились вокруг ее головы, как легкий туман холма, озацненный солнцем. Когда она шла (?), то ветерок играл ее кудрями. Взгляд ее был тих, как сияние вечера, голос сладок, как источник. А душа чище утра. 3. Альпин, юный певец, ее тайно любил и втайне был любим», и т. д. (Гос. публичная о-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). В дальнейшем Жуковский назвал героиню другим оссиановским именем — Минвана (тем же именем была названа Маша Протасова в посвященном ей аллегорическом «видении» «Три сестры», 1808), но отзвуки лирического дуэта Винвелы и Шильрика из «Карик-туры» ощутимы в «Эоловой арфе».

Оссиан — наиболее важный литературный источник «Эоловой арфы» (в балладе обнаруживаются также связи с Шекспиром, Бюргером, Матиссоном, Дмитриевым). На эту зависимость указывали уже современники. «Здесь верное изображение шотландской природы и Оссиановых героев: их характера, обычаев, рыцарской гордости и образа жизни», утверждал критик «Русского инвалида» (1822, № 50, с. 199). Позднее П. А. Плетнев писал: «„Эолова арфа“, в которой краски, музыка, мечтательность и вымысел создания — все представляет особый мир, царство Оссиана, так живо и ясно воскреснувшее в душе поэта нашего» (Плетнев П. А. Сочинения и переписка, т. III. СПб., 1885, с. 51). В. Г. Белинский считал, что «Эолова арфа» «так и дышит музыкою северного романтизма, неопределенного, туманного, унылого, возникшего на гранитной почве Скандинавии и туманных берегах Альбиона...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 171).

«Эолова арфа» в переводе на английский язык вошла в «Российскую антологию», составитель и переводчик которой Джон Бауринг писал в примечании: «Читателям Оссиана сразу же придет на ум, что действующие лица, чувства и обстановка в этом стихотворении заимствованы у него» (Российская антология. Specimens of the Russian Poets: translated by John Bowring. 2nd ed. London, 1821, p. 76). А французский критик К. Кокрель в рецензии на антологию Бауринга, напечатанной в «Revue encyclopédique» и затем переведенной на русский язык, писал о балладе: «Видно, что сны пьеса в украшениях поэзии почти вся заимствована из Оссиана; но сие не лишает ее некоторой оригинальности. Жуковский выбрал со вкусом прекраснейшие картины шотландской поэзии, не решая вопроса о древности пропозведений Оссиана и Макферсона» (Сын отечества, 1821, ч. LXXIII, № 42, с. 66).

Созданная Жуковским для «Эоловой арфы» строфическая форма, состоящая из трех четырехстопных и пяти двухстопных амфибрахических строк, в дальнейшем использовалась русскими поэтами. В частности, такими строфами А. А. Слепцов переложил «Картона» (1828), Д. П. Глебов написал балладу «Мальвина и Эдвин» (Вестн. Европы, 1817, ч. XCVI), П. А. Межаков — стихотворение «Свидание» (Благонамеренный, 1820, ч. IX), В. Тило — балладу «Мальвина» (там же, 1821, ч. XV), Н. Данилов — «Песнь янычара» (Сев. Меркурий, 1831, № 11), И. Орлов — повесть в стихах «Пустынники, или Жертвы несчастной любви» (1831) и т. д. В «Молве» (1831, № 49) появилась пародия на «Эолову арфу» — «Волшебная гитара», где действие было перенесено в современную Москву.

А. С. Пушкин

Пушкин Александр. Соч., т. IX. СПб., 1841, с. 272—276. Печ. по копии в тетради А. В. Никитенко (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина) с исправлением стихов 4 и 86 по копии Н. А. Долгорукова (Инст. рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР) и стиха 45 по указанию В. П. Гаевского (Современник, 1863, № 7, отд. I, с. 171).

Об А. С. Пушкине см. выше, с. 564—565.

С. Н. Глинка

Рус. вестн., 1820, кн. III, с. 44—48. Печ. по кн.: Театр света, или Изображение достопамятнейших происшествий древних и новых времен, нравов и словесности, изд. Сергеем Глинкою, ч. V, М., 1823, с. 130—132.

Сергей Николаевич Глинка (1775—1847), плодовитый писатель и журналист, автор патриотических драм, издатель журнала «Русский вестник» (1808—1820, 1824), написал много нравоучительных произведений в консервативном духе, адресованных дворянским детям. В 1817—1819 гг. Глинка содержал частный пансион, где воспитывались молодые донские дворяне. В пансионе был устроен домашний театр, для которого Глинка писал пьесы, стараясь «сочетать человеколюбие с доблестью военною» (Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895, с. 314). По-видимому, для этого театра было написано и «нравоучительное зрелище в одном действии» «Маскерад», где наряду с Оссианом и его внуком (явл. 2) выступали: Езоп, Шакеспир, визирь, киргиз-кайсак, итальянец, индеец и др. Позднее сцена Оссиана с внуком была напечатана как отдельное стихотворение. Заключительный монолог Оссиана — вольное переложение начала «Дар-тулы».

В. Н. Григорьев

Соревнователь просвещения и благотворения, 1822, ч. XX, кн. 3, с. 320—323. Подпись: В. Гр. Печ. по автографу 1840-х гг. (Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Василий Никифорович Григорьев (1803—1876) начал писать стихи еще в годы учения в Петербургской губернской гимназии, которую он окончил в 1820 г. Первый его опыт «Гимн Солнцу» — вольное переложение отрывка из поэмы Оссиана «Каргон» (позднее опубликовано: Благонамеренный, 1821, ч. XIII) — привлек внимание профессора словесности И. И. Бутырского, который своим поощрением побуждал Григорьева не оставлять поэтического творчества. Поступив в 1821 г. на службу в Экспедицию о государственных доходах, Григорьев начинает печатать в журналах свои стихи, преимущественно переводы, знакомится с петербургскими литераторами и посещает заседания Вольного общества любителей российской словесности, куда он был принят в конце 1823 г. по представлению К. Ф. Рылева. Еще до принятия в общество Григорьев представлял туда свои стихи для

обсуждения и последующего опубликования в органе общества «Соревнователь просвещения и благотворения». «Тоска Оссияна» обсуждалась на заседании 23 октября 1822 г. при участии Рылеева и А. А. Бестужева (см.: Базанов В. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 422). Это стихотворение — самостоятельная разработка некоторых мотивов поэм «Бератон», «Темора» и др. Выдвижение на первый план героического аспекта темы вводит стихотворение в русло декабристского оссианизма.

А. М. Мансуров

Сын отечества, 1823, ч. LXXXIV, № 14, с. 327—332.

Александр Михайлович Мансуров, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, который он окончил с золотой медалью около 1820 г., начал в 1816 г. печатать в пансионских изданиях свои стихи — оригинальные и переводные (главным образом из немецких поэтов). Там, в частности, было опубликовано его стихотворение «Гроб Оссияна» (Каллиопа, 1817) — вольная фантазия на оссиановскую тему. В 1820-е годы Мансуров был связан с каким-то декабристским тайным обществом (см.: Восстание декабристов. Документы. Т. XII. М., 1969, с. 362—364). Стихотворение «Умирающий бард» было написано им в духе декабристского оссианизма. Н. А. Цертелев, этнограф и знаток народной поэзии, назвав «Умирающего барда» «прекрасным подражанием Оссиану», добавлял: «Чистота языка, гармония стихов и полнота картин суть достоинства сего стихотворения» (Благонамеренный, 1823, ч. XXII, № 8, с. 112—113).

А. И. Писарев

Соревнователь просвещения и благотворения, 1824, ч. XXVIII, кн. 1, с. 63—72. Печ. по: Писарев А. И. Выкуп Оссиана. М., 1824, 8 с.

Александр Иванович Писарев (1803—1828) в бытность свою в Московском университетском благородном пансионе, который он окончил в 1821 г., выступал в печати с оригинальными и переводными стихотворениями; в числе последних были переводы из французского поэта-преромантика Ш. И. Мильвуа (1782—1816). В 1820-е годы Писарев прославился как водевилист, перелагая в основном французские пьесы и вводя в них острые злободневные куплеты. Сюжетную канву баллады «Выкуп Оссиана» Писарев заимствовал из стихотворения Мильвуа «*Le garçon d'Égill*» («Выкуп Эгила»). Утверждающее нравственную силу поэзии, это стихотворение было популярно в России; его переводили Д. В. Веневитинов («Освобождение скальда», 1823 или 1824) и А. Ф. Воейков («Искушение барда», 1824); на основании его М. А. Дмитриев написал «драматическую картину» «Выкуп барда, или Сила песнопения» (1825). Обработывая сюжет Мильвуа, Писарев превратил шведского скальда Эгила, который убил сына скандинавского короля, в Оссиана (что осложняло конфликт кельтско-скандинавским противоборством) и соответственно именовал Скандинавию Локлином, ввел упоминание Фингала и т. д. 1 сентября 1824 г. «Выкуп Оссиана» обсуждался на заседании Вольного общества

любителей российской словесности и был единогласно одобрен, после чего последовало опубликование баллады в журнале общества (см.: Базанов В. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 439).

В. Н. Олин

Кальфон, поэма. Соч. В. Н. Олина. СПб., 1824, с. 17—56.

Валерьян Николаевич Олин (ок. 1788—1841) — плодовитый и многосторонний литератор, о котором Белинский писал в 1841 г.: «Отставной романтик, некогда известный журналист, газетчик, элегист, романсист, драматург и пр. и пр.» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, с. 189). Получив домашнее образование, Олин в 1803 г. поступил на службу, которую не оставлял до конца жизни, меняя лишь места службы. Литературную деятельность он начал как приверженец, а затем член Беседы любителей русского слова, но в 1820-е годы перешел на сторону романтиков. Олин переводил латинских, немецких, французских и английских поэтов. Оссианом он занимался более десяти лет. В статье «Взгляд на историю поэзии» он писал о «дельтических или шотландских бардах»: «Дикие, но величественные их песни, служащие почти единственным памятником истории древних народов европейского севера, за неимением письмен передавались изустно от отца сыну, от сына внуку и так далее. Грозные и кровопролитные брани составляют их содержание; изображения оных сильны и живописны; но также и любовь в сих песнях находит для себя место... Кто из нас не восхищался арфой Оссиана?» (Журнал древней и новой словесности, 1818, ч. I, № 1, с. 43—45). Обработку оссиановских сюжетов Олин начал со «Сражения при Лоре» (отд. изд. — СПб., 1813), где объединил в вольном переложении соответствующую поэму Оссиана с эпизодом Морны из «Фингала», кн. I. В дальнейшем Олин заново переложил отрывки из «Сражения при Лоре», соединив их прозаическим пересказом (Сын отечества, 1817, ч. XXXVII), а на основании эпизода Морны создал отдельное стихотворение «Каитбат и Морна» (там же, ч. XXXVIII). Возможно, эти произведения имел в виду К. Н. Батюшков, когда писал в июле 1817 г. Н. И. Гнедичу об Олине: «Как он Оссиана переводит! И так, и сяк ломает, только дребезги летят» (Батюшков К. Н. Соч., т. III. СПб., 1886, с. 457). Олин переложил гекзаметром отрывок из «Теморы», кн. V (Чтение в Беседе любителей рус. слова, 1815, ч. XIV) и, используя соответствующие отрывки из «Комалы», написал «Победную песнь Фингаловых бардов» и «Погребальную песнь Фингаловых бардов» (Журнал древней и новой словесности, 1819, ч. IV). В 1820-е годы на оссиановские сюжеты Олин написал две поэмы: «Оскар и Альтос» (1823; новая переработка эпизода Морны) и «Кальфон». Последняя поэма была посвящена А. А. Ивановскому, ее издателю, литератору, близкому к декабристам. Во «Вступлении» автор писал: «Главное содержание поэмы сей... заимствовано мною также из Макферсона Оссиана, а именно: из эпизода или краткой вводной повести пятой песни *Фингала*... Вводная повесть сия есть только остов сей поэмы: положения же частные, картины и оттенки почерпал я из собственного источника слабых моих способностей. У Макферсона в этом эпизоде вождь Ламдарг (мой *Кальфон*) приходит к Алладу, чтобы узнать от него об участии Гельхоссы, своей возлюбленной;

и этот Аллад есть друид. Желая, во-первых, воспользоваться некоторыми счастливыми описаниями и картинами, удачно и естественно подаваемыми самим предметом; во-вторых, представить довольно разительную противоположность, которая, будучи удачно выражена, имеет почти всегда хороший успех, я заменил Макферсонова друида христианским *пустынником (кульдеем)*. В таковой перемене, кроме причины, мною уже изъясненной, основался я на том, что и сам Макферсон заставил своего барда беседовать в *Лорской битве* (*The Battle of Lora*) и в некоторых из других песен с христианским проповедником или миссионером, называя его *сыном страны отдаленной (son of the distant land)*; ибо известно по самой истории, что многие из христиан, во время бывших гонений на их веру, удалились, избегая оных, в ирландские или шотландские горы, как в убежище, неприступное для их преследователей... И вот последняя поэма моя в тоне оссианического. Правда, что в Оссиане Макферсоновом довольно остается еще прекрасных предметов для отдельных поэм; но, сделав с моей стороны возможное для разнообразия русской литературы, я приглашаю некоторых из наших поэтов воспользоваться теми предметами» (с. XI—XV).

Если поэма «Оскар и Альтос» была единодушно одобрена критикой, то вокруг «Кальфона» возникла полемика, связанная, по-видимому, с межжурнальными распрями и носившая во многом личный характер. Н. И. Греч, в журнале которого «Сын отечества» (1823, ч. LXXXIX) в свое время была помещена хвалебная рецензия на «Оскара и Альтоса», теперь выступил в «Северной пчеле» (1825, № 12) с издевательским отзывом, доказывавшим, что «Кальфон» представляет собою набор модных речений без особого смысла. В защиту Олина выступила газета «Русский инвалид» (1825, № 26 и 59), издававшаяся А. Ф. Воейковым. Тогда в «Сыне отечества» (1825, ч. С) появилось «Письмо к приятелю при отсылке ему поэмы *Кальфон*» О. М. Сомова, который критиковал решительно все: суждения Олина во «Введении», имена героев, их характеры, содержание поэмы, стих. На этом полемика вокруг «Кальфона» закончилась, чтобы вспыхнуть с новой силой при опубликовании новых произведений Олина, уже не имевших отношения к Оссиану.

¹ *Авзония* — латинское название южной Италии, прилагавшееся и к Италии в целом.

² *Тибр* — река в Италии.

³ *Вифлеем* — город в Палестине; согласно евангелию, родина Иисуса Христа.

Трилуный (Д. Ю. Струйский)

Галатей, 1830, ч. XVII, № 41, с. 194—195. *Подпись*: Трилуный.

Трилуный (псевдоним Дмитрия Юрьевича Струйского, 1806—1856) — поэт-романтик и переводчик, подражатель Байрона. Основной лейтмотив его поэзии — скорбь по поводу несовершенства человеческой жизни — отразился и в его оссианическом стихотворении.

III

Н. М. Карамзин

Московский журнал, 1792, ч. VII, кн. 3, с. 268—269.

Об Н. М. Карамзине см. выше, с. 511—512.

Е. И. Костров

Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Гальские стихотворения. Переведены с французского Е. Костровым. Ч. I. М., 1792, с. I—II.

Ермил Иванович Костров (ок. 1750—1796), поэт и переводчик, создатель первого полного русского перевода поэм Оссиана (см. выше, с. 505—507) предпослал переводу стихотворное посвящение А. В. Суворову. Узнав, что Суворов, находившийся тогда в Финляндии, принял посланные ему книги с «удовольствием и благоволением», Костров писал ему 30 сентября 1792 г.: «Я не столько горжусь добротой перевода; много есть лучше меня переводчиков, сколько тем, что он украшен и возвышен знаменитым вашим именем и притом имел счастье удостоиться вашего внимания и одобрения. *Получить похвалу от Героя и от справедливого дарований судии есть счастье, для всякого завидное*, и тем более, что я, посвящая вашему сиятельству посильный мой труд, руководим был одним только достойным высокопочитанием к такому подвижнику, которого имя и потомству будет любезно, драгоценно, воспитательно» (Журн. Мин-ва нар. просвещения, 1856, ч. XCII, отд. VII, с. 35—36). Правитель дел и доверенное лицо полководца Е. Б. Фукс свидетельствовал, что «Оссиан, ему переводчиком посвященный, был любимое его чтение, был с ним во всех походах». Сам Суворов говорил: «Оссиан, мой спутник, меня воспламеняет; я вижу и слышу Фингала в тумане, на высокой скале сидящего и говорящего: „Оскар, одолевай силу в оружии; щади слабую руку“» (Фукс Е. Собр. разных соч. СПб., 1827, с. 101).

Г. Р. Державин

Переход в Швейцарию чрез Альпийские горы российских императорских войск под предводительством Генералиссима; 1799 года. СПб., 1800, с. 9. Печ. по: Державин Соч., ч. II, СПб., 1808, с. 106.

Об отношении к Оссиану Г. Р. Державина см. выше, с. 509—510. Стихотворение написано по получении в Петербурге известия о переходе в сентябре 1799 г. из Италии в Швейцарию через Альпы русских войск под командованием А. В. Суворова графа Рымникского, которые действовали против французской армии, возглавляемой наполеоновским маршалом Андре Массена. Из «объяснений» Державина: «Оссиан, песнопевец и полководец каледонский... Моран — полководец каледонцев. Царями царей называли они римских цесарей, с которыми вели войну.

... *Хочоет ад*. Изображается тот гул в горах, какой производит ударение оружия эдво об другое на походе» (Объяснения на соч. Державина, им самим диктованные... ч. II. СПб., 1834, с. 79—80).

К. Н. Батюшков

Мечта. — Любитель словесности, 1806, ч. III, № 9, с. 216. Подпись: К. Б-в. Печ. по: Батюшков К. Опыты в стихах и прозе, ч. II. СПб., 1817, с. 107—108.

Послание к Н. И. Гн-у. — Цветник, 1809, ч. II, № 5, с. 184, 188—189. Подпись: К. Б.

В поэтическом наследии Константина Николаевича Батюшкова (1787—1855) «Мечта», написанная в 1802—1803 гг., — первое дошедшее до нас стихотворение. Используя распространенный литературный прием — полет поэтической фантазии, обозревающей различные предметы, — Батюшков включает в число этих предметов и мир поэзии Оссиана. Тем же приемом (полет мечты) он ввел оссиановские картины в «Послание к Н. И. Гнедичу», а Гнедич поступил так же в своем послании «К К. Н. Батюшкову» (см. выше, с. 450). Впоследствии А. С. Пушкин, считавший «Мечту» «самым слабым из всех стихотворений Батюшкова», тем не менее против стихов: «Где тень Оскарова, одетая туманом, По небу стелется над пенным океаном...» написал на полях: «прекрасно» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. Изд. АН СССР, 1949, с. 268, 272).

В 1808 г., находясь в Финляндии в связи с войной со Швецией, Батюшков в письме от 25 декабря просил Гнедича прислать ему книгу поэм Оссиана в итальянском переводе Чезаротти и добавлял: «Я об ней ночь и день думаю» (Батюшков К. Н. Соч., т. III. СПб., 1886, с. 24—25). Рассуждая в очерке «Нечто о поэте и поэзии» (1815) о влиянии климата на поэтическое творчество, Батюшков писал, имея в виду скандинавских скальдов и Оссиана: «Мы видим в песнях северных скальдов и эрских бардов нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо севера, и туманы морские, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и в ужасах... Напрасно уроженец Сицилии или Неаполя желал бы состязаться в песнях своих с бардом Морвена и описывать, подобно ему, мрачную природу севера» (Батюшков К. Н. Опыты в стихах и в прозе. М., 1977, с. 26—27). Некоторые оссианические сравнения встречаются в исторической повести Батюшкова «Предслава и Добрыня» (1810; см.: Введенский Д. Н. Этюды о влиянии оссиановской поэзии в русской литературе. Нежин, 1918, с. 88—89).

¹ *Аониды* (греч. миф.) — одно из названий муз.

Н. И. Гнедич

Вестн. Европы, 1810, ч. XLIX, № 3, с. 184—185. Печ. по: Гнедич Н. Стихотворения. СПб., 1832, с. 129, 131—132.

О Н. И. Гнедиче см. выше, с. 561.

¹ *Ленат* (рвмск. миф.) — бог, покровитель домашнего очага.

В. К. Кюхельбекер

Поэты. — Соревнователь просвещения и благотворения, 1820, ч. X, № 4, с. 76.

Оссиан. — Рус. старина, 1884, т. XL. № 2, с. 348—351 (в публикации дневника Кюхельбекера под датой 6 января 1835 г.). Печ. по автографу (Инст. рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР).

«До смерти мне грозила смерти тьма...» — Литературный Ленинград, 1936, 8 февраля, № 7, с. 1 (публикация Ю. Н. Тмнянова).

В поэтическом творчестве декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797—1846) образ Оссиана связывался с раздумьями о судьбе и назначении поэта. В стихотворении «Поэты» шотландский бард выступает в одном ряду с Анакреоном, Гомером, Эсхилом, Ювеном, германскими бардами, Шиллером, Ломоносовым и Державиным, которые представлены как вдохновители и наставники человечества. Упомянув в подзаголовке стихотворения «Оссиан» «картину Жироде», Кюхельбекер, видимо, допустил ошибку. Судя по содержанию стихотворения, он имел в виду картину не Анн Луи Жироде-Триозона (1767—1824), который изобразил Оссиана, встречающего в загробном мире павших наполеоновских генералов, но Франсуа Жерара (1770—1837), представившего Оссиана с арфой в окружении теней его героев (см. выше, с. 273). Обе картины были написаны по заказу Наполеона, и Кюхельбекер мог их видеть во время пребывания в Париже в 1821 г.

¹ Гнедич Н. И. — см. выше, с. 561.

² Камени (римск. миф.) — музы.

³ Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт и журналист, друг и соученик Кюхельбекера и Пушкина по Царскосельскому лицей; к Дельвигу было обращено и стихотворение «Поэты».

⁴ До смерти мне грозила смерти тьма... — В 1845 г. Кюхельбекер ослеп.

⁵ ...рано улетевшие друзья... — умершие друзья поэта, к которым он обращается дальше: А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг и Е. А. Баратынский.

Н. М. Языков

Соревнователь просвещения и благотворения, 1819, ч. VI, № 4, с. 92—93.

«Послание к Кулибину» явилось первым выступлением в печати поэта Николая Михайловича Языкова (1803—1846). Появившееся в журнале Вольного общества любителей российской словесности, стихотворение сопровождалось примечанием: «Общество в поощрение возникающих дарований молодого поэта, воспитанника Горного кадетского корпуса, помещает стихи сии в своем журнале». Позднее, в 1824 г., Языков был принят в члены Вольного общества по рекомендации К. Ф. Рыльева. Возможно, мотив воображаемого полета в край Оссиана был подсказан Языкову стихотворением К. Н. Батюшкова «Мечта» (см. выше, с. 449). Юношеское увлечение Языкова Оссианом наложило в дальнейшем некоторый отпечаток на его ранние патристические стихотворения на темы из отечественной истории: «Песнь барда во время владычества татар в России» (1823), «Баян к рус-

скому воицу» (1823) и др. Кулибин Александр Иванович (1800—1837), сын известного механика-самоучки И. П. Кулибина, был соучеником Языкова по Горному кадетскому корпусу и ближайшим другом в то время.

И. Г. Ободовский

Сын отечества и Сев. архив, 1830, т. XII, № 23, с. 251.

Платон Григорьевич Ободовский (1803—1864), поэт, драматург, переводчик и педагог, деятельно сотрудничавший в петербургских журналах 1820-х годов, в феврале 1830 г. поехал в Германию для пополнения своего образования. Здесь, вероятно, он видел картину, побудившую его написать данное стихотворение.

М. Ю. Лермонтов

Рус. старина, 1873, т. VII, № 4, с. 562 (в статье В. В. Никольского «Предки М. Ю. Лермонтова»). Печ. по автографу (Инст. рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР).

Интерес Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841) к Оссиану возник в годы пребывания в Московском университетском благородном пансионе (1828—1830), где почитание шотландского барда было традиционным. В автографе стихотворения «Гроб Оссиана» к заглавию сделана позднейшая приписка: «узнав от путешественника описание сей могилы». В стихотворении отразилось семейное предание о шотландском происхождении рода Лермонтовых (от выходца из Шотландии Георга Лермонта, взятого в плен русскими войсками в Польше в 1613 г.). Влияние оссианических сюжетов и образности обнаруживается в стихотворении Лермонтова «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой», 1829) и поэмах на темы древнерусской истории: «Олег» (1829), а также «Последний сын вольности» (1830—1831), где в заключение приводится цитата из «Картона».

И. И. Козлов

Библиотека для чтения, 1836, т. XIX, № 11, с. 13—14.

В творчестве поэта-романтика Ивана Ивановича Козлова (1779—1840), друга и последователя В. А. Жуковского, большое место занимали переводы западноевропейских поэтов. Поэма французского романтика Альфонса де Ламартина (1790—1869) «Жослен» (1836), откуда Козлов перевел отрывок, рассказывает о католическом священнике, жизнь которого — подвиг самоотречения; поэма проникнута идеей слияния с природой.

Н. С. Гумилев

Гумилев Н. Романтические цветы. Стихи 1903—1907 гг. Изд. 3-е. СПб., 1918, с. 10.

Николай Степанович Гумилев (1886—1921) — поэт и критик, глава модернистской группы акмеистов в поэзии межреволюционного десятилетия. В стихотворении «Оссиан» отразились характерные для творчества Гумилева тех лет поэтизация сильной личности, уход от действительности в декоративно-романтическую экзотику.

О. Э. Мандельштам

Мандельштам О. Камень. Стихи. Пг., 1916, с. 71.

Стихотворение относится к акмеистскому периоду творчества поэта Осипа Эмильевича Мандельштама (1891—1938), когда для него было характерно обращение к традициям и образам мировой культуры, обогащенным литературными и историческими ассоциациями.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Джеймс Макферсон. Гравюра Джеймса Фиттлера (1805) с портрета работы Джошуа Рейнольдса (1772) (с. 4).
- «Фингал». Титульный лист первого издания (Лондон, 1762). Гравюра А. Тейлора по рисунку С. Уэйла (с. 5).
- Явление духа Кругала Конналу («Фингал», кн. II). Гравюра С. Уоррена по рисунку Р. Корбо в издании «Поэм Оссиана» (Глазго, 1796) (с. 29).
- Фингал. Рисунок Ф. О. Рунге (1804—1805). Гамбургский музей искусств (с. 63).
- Оссиан. Рисунок Ф. О. Рунге (1804—1805). Гамбургский музей искусств (с. 64).
- Бой Фингала с духом Лоды («Карик-тура»). Гравюра С. Уоррена по рисунку Г. Синглтона в издании «Поэм Оссиана» (Глазго, 1799) (с. 122).
- Кальтон и Колмар видят убитого отца («Кальтон и Кольмала»). Гравюра Дж. Фиттлера по рисунку Г. Синглтона в издании «Поэм Оссиана» (Лондон, 1805) (с. 134).
- Оссиан в старости («Бератон»). Гравюра в издании немецкого перевода «Поэм Оссиана» (Лейпциг, 1839) (с. 157).
- «Темора». Титульный лист первого издания (Лондон, 1763). Рисунок и гравюра А. Тейлора (с. 165).
- Смерть Оскара («Темора», кн. I). Гравюра Дж. Фиттлера по рисунку Г. Синглтона в издании «Поэм Оссиана» (Лондон, 1805) (с. 174).
- Фронтиспис и титульный лист тома II «Поэм Оссиана» (Лондон, 1807). Гравюры С. Армстронга по рисункам Г. Синглтона. На фронтисписе — Сульмала и Клонмал («Темора», кн. VIII), на титульном листе — Кухулин на колеснице («Фингал», кн. I) (с. 244).
- Оссиан. Гравюра И. Ф. Клеменса (1787) с картины Н. А. Абильтгарда (1785). Пушкинский дом (с. 256).
- Оссиан на берегу Лоры заклинает духов игрой на арфе. Гравюра Джона Годфруа с картины Франсуа Жерара (1801). Гамбургский музей искусств (с. 257).
- Оссиан. Литография Н. И. Тончи (М., 1839). Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Литография воспроизводит фрагмент картины Анн-Луи Жироде-Триозона «Оссиан» (1802) (с. 288).
- Песнь Кольмы. Рисунок В. В. Васнецова (1912). Государственный русский музей. Воспроизводится впервые (с. 289).

- В. А. Озеров, «Фингал». Сцена в храме Одевовом (действие II, явление 3). Гравюра М. Иванова с рисунка И. Иванова, выполненного по эскизу А. Н. Оленина, в издании Сочинений В. А. Озерова (5-е изд., ч. I, СПб., 1828) (с. 389).
- «Творения Оссиана». Титульный лист к тому I (Франкфурт—Лейпциг, 1777). Гравюра по рисунку И. В. Гете (с. 495).
- «Оссиан. Гальские стихотворения». Титульный лист 4-го издания французских стихотворных переложений П.-М.-Л. Баур-Лормана (Париж, 1818) (с. 498).
- «Поэмы древних бардов» (СПб., 1788). Титульный лист (с. 506).
- «Оссиан, сын Фингалов. Гальские стихотворения». Переведены Е. Костровым (М., 1792). Титульный лист части I (с. 508).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ ОССИАНА

(перевод Ю. Д. Левина)

ТОМ ПЕРВЫЙ

Рассуждение о древности и других особенностях поэм Оссигана, сына Фингала	6
Фингал, древняя эпическая поэма	16
Книга первая	16
Книга вторая	27
Книга третья	35
Книга четвертая	43
Книга пятая	50
Книга шестая	57
Комала, драматическая поэма	66
Сражение с Карсом, поэма	72
Война Инис-тоны, поэма	77
Битва при Лоре, поэма	81
Конлат и Кутона, поэма	87
Каргон, поэма	91
Смерть Кухулина, поэма	101
Дар-тула, поэма	108
Карик-тура, поэма	118
Песни в Сельме	128
Кальтон и Кольмала, поэма	133
Латмоп, поэма	139
Ойтона, поэма	147
Крома, поэма	151
Бератон, поэма	156

ТОМ ВТОРОЙ

Темора, эпическая поэма	166
Книга первая	166
Книга вторая	181
Книга третья	190
Книга четвертая	199
Книга пятая	208
Книга шестая	216
Книга седьмая	225
Книга восьмая	234

Катлин с Клуты, поэма	247
Суль-мала с Лумона, поэма	252
Кат-лода, поэма	257
Песнь первая	257
Песнь вторая	262
Песнь третья	266
Ойна-морул, поэма	269
Кольна-дона, поэма	272

ДОПОЛНЕНИЯ

Оссиан в русской литературе

I

<i>И. И. Дмитриев.</i> Любовь и дружество	277
<i>В. В. Капнист.</i> Картон. Поэма, творение древнего каледонского барда Оссиана, сына царя Фингала	281
<i>В. Л. Пушкин.</i> Отрывок из Оссиана. Колма	296
<i>П. С. Кайсаров.</i> К луне. Отрывок из Оссиана	297
<i>М. М. Вышеславцев.</i> Минвана. Отрывок из поэмы Оссиановой	298
<i>А. П. Бенитцкий.</i> Комала. Драматическая песнь Оссиана	300
<i>П. С. Политковский.</i> Смерть Гидаллана. Вводная повесть из большой Оссиановой поэмы «Сражение с Каросом», служащая окончанием предыдущей его «Драматической песни»	310
<i>И. И. Гнедич.</i> Последняя песнь Оссиана	315
<i>Н. Ф. Граматин.</i> Конлат и Кютова	319
<i>Ф. Ф. Иванов.</i> Плач Минваны. Из Оссиана	324
<i>Д. П. Глебов.</i> Крома. Поэма из Оссиана	327
<i>П. А. Катенин.</i> Песни в Сельме. Из Оссиана	331
<i>А. С. Пушкин.</i> Кольна. Подражание Оссиану	339
<i>А. А. Крылов.</i> Оскар и Дермид. Подражание Оссиану	343
<i>А. А. Никитин.</i> Отрывок из Оссиановой поэмы «Картон»	347
<i>Ф. И. Бальдауф.</i> Песнь Уллина над гробом Конала	350
<i>М. П. Загорский.</i> Морна. Из Оссиана	351
<i>П. П. Шкляревский.</i> Песнь Оссиана	353
<i>В. Е. Вердеревский.</i> Коннал и Гальвина. Отрывок из поэмы «Фингал»	354
<i>Д. В. Веневитинов.</i> Песнь Кольмы	356
<i>А. И. Полежаев.</i> Морни и тень Кормала. Из Оссиана	358
<i>А. Н. Муравьев.</i> Оссиан	359
<i>И. П. Бороздна.</i> Бой Фингала с духом Лоды. Из Оссиана	359

II

<i>М. Н. Муравьев.</i> Романс, с каледонского языка переложенный	362
<i>М. Олешев.</i> Лотрек. Из песней Оссиана	363
<i>С. П. Жихарев.</i> Октябрьская ночь, или Барды	366

<i>В. А. Озеров.</i> Фингал. Трагедия в трех действиях, с хорами и пантомимными балетами	370
<i>А. А. Шаховской.</i> Фингал и Роскрана, или Каледонские обычаи. Драматическая поэма. (Действие II. Явление III)	403
<i>А. П. Крюков.</i> Сетование Фингала над прахом Мойпы	409
<i>В. А. Жуковский.</i> Золова арфа. Баллада	410
<i>А. С. Пушкин.</i> Осгар	416
<i>С. Н. Глинка.</i> Оссиан и внук его	418
<i>В. Н. Григорьев.</i> Тоска Оссиана	420
<i>А. М. Мансуров.</i> Умиравший бард	422
<i>А. И. Писарев.</i> Выкуп Оссиана	425
<i>В. Н. Олин.</i> Кальфон. Поэма	430
<i>Трилуный (Д. Ю. Струйский).</i> Лира Оссиана	445

III

<i>Н. М. Карамзин.</i> Поэзия (отрывок)	447
<i>Е. И. Кошров.</i> Его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому	447
<i>Г. Р. Державин.</i> На переход Альпийских гор (отрывок)	448
<i>К. Н. Батюшков.</i>	
Мечта (отрывок)	449
Послание к Н. И. Гнедичу (отрывки)	449
<i>Н. И. Гнедич.</i> К К. Н. Батюшкову (отрывки)	450
<i>В. К. Кюхельбекер.</i>	
Поэты (отрывок)	451
Оссиан. Воспоминание о картине Жиродэ	451
«До смерти мне грозила смерти тьма...» (отрывок)	454
<i>Н. М. Языков.</i> Послание к Кулибину (отрывок)	455
<i>П. Г. Ободовский.</i> К картине, представляющей Оссиана в пустыне	456
<i>М. Ю. Лермонтов.</i> Гроб Оссиана	456
<i>И. И. Козлов.</i> Поэт и буря. Из поэмы «Jocelyn» Ламартина	456
<i>И. С. Гумилев.</i> Оссиан	457
<i>О. Э. Мандельштам.</i> «Я не слышал рассказов Оссиана...»	458

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Ю. Д. Левин.</i> «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона	461
<i>Ю. Д. Левин.</i> Оссиан в России	502
Примечания	530
Указатель имен и названий в «Поэмах Оссиана»	535
Генеалогическая таблица	556
Дополнения	557
Список иллюстраций	585

Джеймс Макферсон
ПОЭМЫ ОССИАНА

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР*

Редактор издательства М. И. Дикман
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры Э. Н. Липпа,
Э. Г. Рабинович и Г. И. Суворова

ИБ № 9237

Сдано в набор 15.02.82. Подписано к печати 17.02.83.
М-34538. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 37+
+3 вкл. (1/8 печ. л.). Усл. печ. л. 43.71. Усл.кр.-от. 44.88.
Уч.-изд. л. 43.88. Тираж 30000. Изд. № 7381. Тип. зак. 1091.
Цена 5 р. 70 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12